Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том III

Тверь, 2024

Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том III

Помнят стены монастыря

Владельцы мызы Подобино

Незавершенная реформа

Тверь
2024

УДК 82-94
ББК 84(2)-4:63.3(2)
Г61

Г61 **Головкин А.Н.** Собрание сочинений. Том III. Помнят стены монастыря. Владельцы мызы Подобино. Незавершенная реформа. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2024. – 536 с.

ISBN 978-5-6052767-1-5

В третий том собрания сочинений автора вошли книги «Помнят стены монастыря», «Владельцы мызы Подобино» и «Незавершенная реформа».

В книге «Помнят стены монастыря» автор на основании архивных документов повествует об истории Николаевского Антониева монастыря, начиная с его основания в 1461 году, о положении монастырских, помещичьих и дворцовых крестьян. На примере вотчины И.П. Федорова-Челяднина рассказывает о дальнейшей судьбе вотчинных земель, переведенных при Иване Грозном в опричнину.

Внимание автора, знакомящего читателей с историей тверских карел, обращено на период XVI–XVIII веков, когда в обезлюдевшие деревни Бежецкого Верха из Приладожья переселялись карелы.

Книга «Владельцы мызы Подобино» – это краткий исторический очерк о проведении во второй половине XIX века крестьянской, земской, судебной, финансовой и образовательной реформ, утвержденных указами императора Александра II, на примере Бежецкого уезда Тверской губернии. В их числе была проведена реформа от 26 июня 1863 года в отношении удельных крестьян, к которым относилось большинство тверских карел.

Книга «Незавершенная реформа» посвящена проведению аграрной Столыпинской реформы в Бежецком уезде Тверской губернии в период с 1907-го по 1914 год.

На обложке. После нас остается вечность. Фотография В.Д. Марковой (пос. Сонково Тверской области), май 2017 года.

Книга издана при финансовой помощи депутата Законодательного Собрания Тверской области Станислава Анатольевича Петрушенко, генерального директора ООО «Армада Групп» Николая Васильевича Морина и поддержке депутата Государственной Думы РФ Юлии Владимировны Сарановой.

ББК 84(2)-4:63.3(2)

© А.Н. Головкин, 2024
ISBN 978-5-6052767-1-5
© Макет ООО «Издательство «Триада», 2024

Книга первая

Помнят стены монастыря

Посвящаю 400-летию массового переселения карел на тверские земли и Бежецкий Верх.

Введение

В своих предыдущих книгах я писал о быте и жизни карел, переходе их с Карельского перешейка и Приладожья на тверскую землю, в том числе на Бежецкий Верх. Были написаны книги: «История Тверской Карелии», «Карелы: от язычества к православию», «В краю двух культур», а также трилогия «Прошедшие через века», посвященные истории карел.

В то же время, мне очень хотелось знать, что же было на бежецкой земле до прихода сюда карел, и написать об этом книгу. Когда-то сотрудница Тверского областного архива спросила у меня: «Почему два прихода в восьми километрах друг от друга называются Русско-Кошевским и Карело-Кошевским?» Я тогда внятно не смог ответить ей, и вот через 18 лет в этой книге я постарался ответить на этот вопрос.

Деревни моей малой родины в начале XVII века, до прихода сюда карел, неоднократно подвергались нападению и опустошению, их грабили, жгли, разоряли, а жителей истребляли в 1609–1615 годах польско-литовские интервенты и казаки.

На левом высоком берегу реки Каменка находились деревни: *Бережки, Гремячиха, Иван Милостивый, Поцеп, Шейно,* расположенные

по берегам реки Каменка, а также отстоящие от реки деревни *Байки, Горбовец, Гостиница, Муравьево и Семенцево.*

Летом 1609 года, разорив поселение Городецк (ныне город Бежецк), литовско-польские отряды пана Красовского вместе с казаками пошли по тракту Городецк – Кой – Кашин, опустошили деревни Алексино, Гостиницы, Петрищево и Подобино, что последняя деревня восстановилась лишь к 1700 году.

Они дошли до деревни Рыльково, прошли к северу в лесную сторону и до основания разорили здешние деревни Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиху, Муравьево, Шейно, Поцеп и Семенцево.

Оставшиеся в живых люди из этой местности убежали через лес, чтобы спастись. А жители Байков и Муравьева, покинув свои деревни, были вынуждены построить для себя в глухом лесу деревню *Рамешка,* которая просуществовала до второй половины XIX века. В 1859 году в этой русской казенной деревне было всего два дома, в которых жили четверо мужчин, и пять женщин.

Проходя далее по дороге Городецко – Кашин – Углич на Москву, поляки грабили и опустошали деревни: *Глазово, Квасово, Панцино, Постерегишино, Сабурово, Стрижово, Сущево, Шалагино* и другие, некоторые из них превращались в пустоши. Сейчас в этой местности по дороге от Рылькова до Сабурова, расстоянием в 7 километров, сохранилась одна деревня Холм, ранее было 7 деревень: Холм, Новоселка, Стрижово, Сущево, Постерегишино, Тараканово (Богородское) и Шалагино.

Целых шесть лет, с 1609 по 1615 год, шло беспредельное разорение польско-литовскими интервентами и казаками московских, тверских, бежецких земель. Масштабы этого разорения были страшны, пострадали все города вокруг Москвы. Шайки воров и разбойников добрались до Вологды и Устюга, в этих шайках русских изменников и казаков было раз в пять больше, чем поляков.

Земли вокруг Москвы были в руинах, села и деревни разорены, население составляло 3–4 процента от численности 1580-х годов. Жители были убиты, пропали без вести или разошлись по разным краям.

Вот в эти запустевшие, разгромленные и сожженные деревни и пришли в средине XVII века карелы с Карельского перешейка и Приладожья. Они построили новые деревни, вдохнули жизнь в ранее опустевшие деревни.

Стены разрушенного Николаевского Антониева Краснохолмского мужского монастыря являются одними из последних свидетелей

событий многих веков, в том числе перехода в эту местность карел с Карельского перешейка и из Приладожья.

Карелы шли по дороге в Грудино, Горка, Желобни, Ивановское и Прокино, которые были во владении Угличского Алексеевского монастыря вместе с селом Могочи, которое после «Бежецкого погрома» стало центром прихода вместо Ивановского Большего. Самые первые карелы пришли в Грудино в 1614–1628 годах, в Прокино в 1631–1634 годах, в Горку в 1640–1641 годах.

Некоторые карелы остались на монастырских землях, другие – на землях помещиков, но большинство пришедших сюда карел не хотели попадать под власть, как помещиков, так и монастырей, они пошли дальше к разрушенной и опустошенной деревне Прилуки, ставшей центром карельского Прилуцкого прихода. Там возродили 9 деревень, разрушенных польско-литовскими интервентами.

Николаевский Антониев монастырь находится в 18 километрах от моей родной деревни Петряйцево, их разделяет лес.

Меня крестил в Успенье, 28 августа 1949 года, батюшка Казанской церкви погоста Русское Кошево Алексий. Сретенская церковь в селе Карело-Кошево была закрыта советской властью летом 1937 года, поэтому мой отец вместе с Малининым дядей Мишей, у которого только что родился сын Вова, привезли отца Алексия на тряской телеге за 8 километров. Крестили нас с Вовой в темных сенях дома Малининых, без лишних глаз, в большом железном корыте, которое и стало моей купелью.

Крестили ребенка по церковным правилам не раньше, чем ему исполнится шесть недель, а до этого срока роженицу даже не пускали в церковь. 28 июля 1957 года мы вместе с матерью и отчимом и моим маленьким братом сами ездили на лошади в Казанскую церковь погоста Русское Кошево. Священник Алексий крестил годовалого моего брата Владимира в церковной купели. Я тогда видел священника Крылова Алексея Васильевича в первый и последний раз.

Мне захотелось окунуться в прошлое, пересмотреть все 4640 дел, которые хранятся в фондах Тверского государственного архива, чтобы узнать историю этого монастыря, а также исторические факты, происходившие на окружавших его землях.

Но чтобы написать книгу о той или иной местности, мало работать с документами в архивах или тиши кабинетов. Надо исколесить эту местность – проехать, пройти, пробираться через лесные дебри – и полюбить ее.

Глава I. Антониев монастырь в Бежецком Верхе

Они оставили память о монастыре

В архивном фонде Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря сохранены приходно-расходные книги, древние монастырские описи XVI–XVIII веков, грамоты царей, новгородских архиепископов на управление вотчинами и другие документы. Они сохранили память о монастыре, местности и событиях, происходивших за время существования монастыря.

Документы архива показывают, какими вотчинами и землями владел монастырь, какие извлекал доходы и нес расходы. Какие здания и помещения были в монастыре в то или иное время, кого он имел из благотворителей. Одновременно по этим документам можно представить обычную жизнь населения, а также его жизнь во время потрясений и опасностей.

После секуляризации (конфискации) в 1764 году императрицей Екатериной II архиерейских, церковных и монастырских земель, Николаевский Антониев монастырь утратил свое влияние на крестьян и занимался своими внутренними проблемами: вел приходно-расходные книги на продукты и имущество, заключал договоры на ремонт и постройку зданий. Принимал в братство новых монахов и наказывал «черными работами» провинившихся попов, дьячков и пономарей. Вел молебны по праздничным и высокоторжественным дням.

Прекратились споры монастыря из-за земли, не стали вести «бичевые» книги с записями о наказании крестьян розгами и плетьми, прекратилось делопроизводство о выдаче паспортов и выдаче девиц в другие вотчины со сбором с них денег.

Опись фонда Николаевского Антониева монастыря из 4629 единиц хранения к 27 марта 1941 года составила старший архивариус Калининского областного архива Львова. К 30 декабря 1952 года дополнительную опись из 17 дел составила архивариус Н.С. Авторова. В июне 1954 года списали по акту 23 единицы хранения, а через 2 года вложили 10 дел. В 1981 году в опись было вложено еще 7 дел, окончательное число единиц хранения этого фонда – 4640 дел.

Большинство документов написано старославянским церковным языком на кириллице с применением 40 букв. Имеются значительные

особенности этого языка в сравнении с общеупотребляемым языком, который вводили после реформ Петра I в начале XVIII века.

Использовались многочисленные надстрочные знаки – титры. Отличались знаки препинания: вместо вопросительного знака использовалась точка с запятой, вместо точки с запятой – двоеточие. Применялись не только буквы русской азбуки, но и греческой, например буква «омега», также применялось сочетание двух или трех букв: ***йа, йэ, кс, пс,*** и других сочетаний, обозначенных одним знаком. Имеются сокращенные слова, обозначенные одной буквой: ***з*** (земля), ***л*** (люди), ***п*** (покой), ***с*** (слова) и другие.

Встречаются незнакомые нам слова или обозначения, например: *тектон* – дровосек, *измена* – выкуп, *выну* – всегда и другие слова.

Чтобы перевести тот или иной документ из архива монастыря на общедоступный язык, нужен не один день, а может не одна неделя работы. Большим терпением отличались и отличаются те, кто смог это сделать.

До Петра I церковнославянский и русский общеупотребляемый языки имели большое сходство. Поэтому не было разницы между текстами государственных актов, написанных на русском языке и текстами церковных книг, летописей, проповедей, написанных на церковнославянском языке. После языковых изменений при Петре I русский язык стали считать более высоким стилем русской речи, чем церковнославянский, хотя служители церкви считают наоборот, причем до сих пор.

Кроме сохранения архивных документов, имеются работы ученых, которые перевели ряд архивных документов на общедоступный язык, они представляют большой интерес для последующих исследователей.

В архивах монастыря сохранилась копия его «Летописца», подписанного архимандритом Иларионом и монахом писчим Николаем Горбуновым. В примечаниях к этой летописи указано, что архимандрит тринадцатый Иларион, скрепивший своей подписью сей «Летописец», был с 1774 по 1796 годы. В примечаниях также сказано, что «о сем Краснохолмском монастыре в Истории Российской Епархии напечатано в 1812 году, в 4-й части, под литером «К».

Эту историческую справку о Николаевском Антониевом монастыре, на основании его «Летописца», в 1812 году опубликовал в четвертом томе, стр. 807–815, своего семитомного труда «История российской иерархии» новгородский епископ ***Амвросий.*** Андрей Антипович

Орнатский (епископ Амвросий) родился неподалеку от этого монастыря, в погосте Чудь Череповецкого уезда в 1778 году.

Епископ Амвросий начинал свою справку словами: «*Краснохолмский, он же Бежецкий Николаевский Антониев, Тверской Епархии, 2-го класса мужской монастырь находится близ города Красного Холма, на ровном месте при Краснохолмской в Бежецк дороге, облежащей монастырь с восточной и южной сторон, на левом берегу реки Мологи (написано ошибочно вместо реки Могочи.* **– А.Г.***), которая с трех сторон – восточной, северной и западной обтекает монастырь. Расстояние от Новгорода 500, от Твери – 156, от Бежецка – 30, от Красного Холма – в 3-х верстах*».

Далее он приводит исторические сведения «Летописца» монастыря о его основании, дает краткое описание каменных зданий монастыря:

1. Собор во имя Святителя Николая.
2. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы.
3. Церковь Вознесения Господня над восточными воротами.
4. Церковь во имя Святителя Иоанна Предтечи над западными воротами.
5. Колокольня с боевыми часами между Николаевской и Покровской церквами.
6. Два флигеля двухэтажных настоятельских келий по 30 саженей длиной каждая, расположенных в северо-западном и юго-западном углах монастыря.
7. Два флигеля братских келий на восточной стороне.
8. Двухэтажное здание братских келий длиной 30 саженей на южной стороне, нижний этаж каменный, а верхний – деревянный.
9. Казначейская и больничная кельи с Благовещенской церковью на северной стороне.
10. Ограда кругом монастыря вышиной около 3 саженей, в окружности 355 саженей, четырехугольная в виде трапеции.

Далее епископ Амвросий указывает на 7 грамот, жалованных царями монастырю в разные годы, а также дает краткие сведения об основных вкладчиках монастыря [1].

После него известные работы о Николаевском Антониевом монастыре написал ученый археолог, управляющий Тверской казенной палатой, председатель Тверской ученой архивной комиссии *Август Казимирович Жизневский.* В числе его первых работ известна «Путевая записка о Краснохолмском монастыре», опубликованная в трудах

Московского археологического общества «Древности», том 4, Москва, 1874 год, стр. 84–86.

В ней он писал, что по пути в Весьегонск по обыкновению заехал в Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь, чтобы взглянуть на здешний собор, одно из самых древних зданий в Тверской губернии. В монастыре хранится копия с летописи этого монастыря под заглавием «*Летописец о зачатии Бежецкого Верху Николаевского Антониева монастыря и о строении церквей Божьих и о дани вотчин в обитель сию от великих князей и бояр и прочих благодетелей*». Эта летопись начинается с основания монастыря в 1461 году и заканчивается 1593 годом.

Подлинная летопись отослана в Тверскую Духовную Консисторию по приказанию Арсения, управляющего Тверской епархией между 1775 и 1783 годами.

Далее А.К. Жизневский писал, что архив монастыря богат столбцами, но еще не разобран. Настоятель монастыря Анатолий, получив «Записку для обозрения русских древностей», принялся за описание монастыря и за разборку архива.

Второй большой работой А.К. Жизневского была книга «Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря», изданная в Москве в 1879 году. В этой книге он дал общий полный анализ архивам монастыря. Значительная часть работы (50 страниц из 75 страниц текста. **– А.Г.**) посвящена анализу приходно-расходных книг и описей монастыря, с приведением выдержек из них.

Автор книги перечисляет вклады царские и богатых людей, которые жертвовали монастырю, до 1593 года эти вклады указаны в летописи монастыря. На основании этой летописи он дает описание церквей, построек монастыря и монастырских вотчин за 1575–1585 годы. Также дает описание монастырских вотчин за 1631 год, когда монастырь владел 539 крестьянскими дворами.

Останавливается на тарханных грамотах, данных монастырю великими князьями, царями и митрополитами, дав им общее описание, не приводя конкретные их тексты. Предоставляет читателям некоторые сведения о синодике монастыря [2].

А.К. Жизневский дает в книге текст уже переведенной летописи со старославянского церковного языка на общеупотребляемый в XIX веке язык, который доступен и понятен и сейчас любому читателю [3].

Я полагаю, что А.К. Жизневский занимался переводами текстов для печати вместе с игуменом Анатолием (Смирновым) и монахами монастыря не менее пяти лет, с 1874 по 1879 годы.

Август Казимирович Жизневский родился в 1820 году, окончил философский факультет Московского университете, на службе в Твери сначала с 1851 до 1856 года, и вновь – с 1863 года. Основатель Тверского историко-археологического музея, размещенного в западном крыле Императорского дворца.

В честь 25-летия управления им Тверской казенной палатой городская Дума на заседании 13 апреля 1888 года постановила просить А.К. Жизневского изъявить желание на принятие звания Почетного гражданина города Твери. В этом звании он был утвержден 29 декабря 1888 года.

Католик по вероисповеданию, Жизневский всей душой был предан России и русской старине. Из тверских замечательных людей он дружил с двумя – И.И. Лажечниковым и Ф.Н. Глинкой. Он пробуждал любовь к прошлому тверской земли и интерес к познанию ее истории.

Умер А.К. Жизневский 19 марта 1896 года на 76-м году жизни, был погребен на Смоленском кладбище города Твери 22 марта. На погребении был тверской губернатор И.Д. Ахлестышев и многочисленная публика. На гроб возложили 26 венков, на одном из них была надпись: «Замечательному деятелю на поприще русской археологии, основателю Тверского музея, русскому человеку А.К. Жизневскому за работу на пользу русской науки» [4].

Вместе с А.К. Жизневским работы по сохранению памяти о Николаевском Антониевом монастыре проводил игумен монастыря *Анатолий (Смирнов).* Он написал книгу «Историческое описание Краснохолмского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии», которая была издана в Твери в 1883 году.

Свою книгу он начал со времени основания монастыря, излагая содержание летописца о монастыре, к которому он неоднократно возвращался в других параграфах книги. Далее он описывает историю монастыря на основании летописца и других архивных документов.

Интерес в книге представляют сообщения о зданиях и постройками монастыря к 1882 году, когда он там был игуменом. Игумен Анатолий перевел ряд документов со старославянского церковного языка и записывал их в понятном для читателей виде.

Им указаны в возможной подробности имена игуменов, а позднее – архимандритов, возглавлявших монастырь. Одна глава книги игумена

Анатолия (Смирнова) посвящена владениям монастыря до 1764 года, а также владениям к 1882 году.

Об архиве монастыря игумен Анатолий (Смирнов) дает сведения, подобные сведениям А.К. Жизневского, с сокращениями, продолжая книгу сведениями о летописце монастыря. Здесь он приводит сведения летописца монастыря о передаче в разные годы боярами и князьями сел и деревень монастырю. Останавливается на царских грамотах, их в архиве монастыря – 17, грамотах митрополита новгородского, которых в архиве 13.

Далее он кратко пишет о двух синодиках, а также надгробных камнях монастыря. Первый синодик был переписан в 1681 году писцом Федором Агапитовым Заонежанином, второй синодик написан в 1685 году писцом Макарием Крыловым Тихвинцем.

Автор книги игумен Анатолий (Смирнов) родился в 1828 году в селе Богородское Калязинского уезда в семье служителя монастыря. Окончил Кашинское приходское духовное училище, затем Тверскую духовную семинарию. Постригся в монашество в 1856 году, сменив имя, данное при рождении Александр, на имя Анатолий. В 1869 году был назначен настоятелем Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря [5].

В самом начале XX века священники Тверской епархии *В. Некрасов, А. Мирожин, А. Петропавловский и преподаватель семинарии М. Рубцов* переписали и подготовили к печати «Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря». Она была отпечатана в типографии Тверского губернского правления, как издание Тверского епархиального историко-археологического комитета, в 1904 году.

В этой книге напечатаны подлинные тексты царских грамот и грамот Новгородского митрополита, касающихся жизни монастыря. Все тексты ими переписаны доступной для читателей грамматикой, без сокращения слов и применения старославянского языка.

Значительно позднее, во второй половине XX века доктор исторических наук из Ленинграда *Руслан Григорьевич Скрынников* в своей книге «Иван Грозный» расшифровал и реконструировал большинство имен и фамилий опальных людей Ивана Грозного, имеющихся в последнем синодике монастыря, в том числе 369 имен, связанных с делом царского конюшего И.П. Федорова-Челяднина [6].

Кроме работы с архивом Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, в этой книге я использовал перечисленные труды,

делая ссылки на них. В том числе использовал списки синодика по делу И.П. Федорова-Челяднина, реконструированные Р.Г. Скрынниковым.

Оставив за основу реконструкцию синодика, я внес в записи некоторые изменения в соответствии с современным русским языком. Исключил дифтонги «*оу*» и другие, например, в словах «*двоух*», «*оугол*», «*Никитоу*», «*дроужиноу*» и других. Заменил предлог «*з*» на предлог «*с*», слово «*детьми*» везде написал с «*ь*», изменил имена в соответствии с нынешним правописанием, например, «*Григор**и**я*», «*Феодос**и**я*» вместо «*Григоря*», «*Феодося*», устранил грамматические ошибки, оставив особенности грамматики того времени.

Из истории Бежецкого Верха (XII–XVI века)

Первые упоминания о Бежецке имеются в двух документах. В Уставной грамоте Новгородского князя Всеволода Мстиславовича за 1135 год сказано, что духовенству Ивановской церкви предоставлено право, взимать пошлину с Тверского гостя (купца) и с Бежецкого и с Деревского.

В другом документе – Уставе Новгородского князя Святослава о епископской дани за 1137 год записано: «а вот Бежецкий Ряд: в Бежичах 6 гривен 8 кун, Городецке 4,5 гривны, в Змени – 5 гривен, в Езьске – 4 гривны 8 кун, в Рыбинске – гривна Волжская» [7].

Название *Бежичи* произошло от того, что это поселение основали беженцы из города Новгорода. Оно находилось на берегу озера Ямное в 12 километрах от современного города Бежецка. Бежецкий Верх входил в земли Новгородского княжества, жителям города приходилось неоднократно отстаивать свою независимость от тверских и московских князей.

Бежецким Верхом в XII–XVI веках называлась обширная территория в верховьях реки Мологи от истока до Веси Егонской. Она включала в себя нынешние Бежецкий, Краснохолмский, Молоковский и Сандовский районы, а также часть Кесовогорского, Лихославльского, Максатихинского, Рамешковского и Сонковского районов. Самая высокая точка Бежецкого Верха – *Дехтица,* находится возле русской деревней Холм и карельской деревней Горбовец.

Первый Тверской князь Ярослав Ярославович, брат Александра Невского, стал княжить в Новгороде с 27 января 1266 года. Перед его восшествием на новгородский княжеский стол, в 1265 году была составлена Договорная грамота Новгорода с великим князем Тверским Ярославом Ярославовичем (первая), на каких условиях владеть ему князю новым городом. В числе других условий в этой первой грамоте было записано:

«А в Бежицах, княже, тебе, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни твоим дворянам сел не держать, не покупать, ни даром принимать…

А из Бежиц, княже, людей не выводить в свою землю, ни из иной волости Новгородской, ни грамот им давать, ни закладников принимать, ни княгине твоей, ни боярам твоим, ни дворянам твоим, ни смердам, ни купцам…» [8].

9 октября 1272 года состоялось торжественное восшествие на княжеский престол Дмитрия Александровича Переяславского. Таким поворотом событий не был доволен брат умершего князя, Василий Ярославович Костромской, который напал на Торжок. В это время сын умершего тверского князя Святослав Ярославович Тверской напал на Бежецкий Верх. В 1272 году он разорил поселение Бежичи – центр Бежецкого Верха, оставив там одни развалины. Поэтому центр Бежецкого Верха был перенесен из Бежичей в крепость Городецк [9].

Эта тяжба между Переяславлем и Тверью из-за великого княжеского престола, результатом которой было разорение многих новгородских земель, в том числе и Бежецкого Верха, продолжалось до 1290-х годов.

Мирная передышка для бежечан оказалась недолгой, она продолжалась всего около 20 лет. Весной 1312 года произошел конфликт Тверского князя Михаила Ярославовича с Новгородом. Тверской князь снова напал на земли Бежецкого Верха, чтобы оттуда зерно шло в Тверь, а не в Новгород [10].

Московский князь Иван Калита, правивший в 1328–1340 гг., купил у Новгорода волость Кистму (Кесьму), которую передал Бежецкому Верху. Наряду с другими волостями Бежецкого Верха Кесьма (Кистма) оказался в смешанном владении Новгорода и Москвы согласно договорам между ними.

Весной 1371 года Тверской князь Михаил Александрович прошел в Бежецкий Верх и завоевал его, посадил в Городецко своего наместника Никифора Лыча, 23 мая он вернулся в Тверь. После этого завоевал

города Кострому, Мологу, Угличе Поле. Осенью 1371 года вернулся из Орды московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской. – **А.Г.**). Он сразу же послал в Бежецкий Верх свою рать, которая убила тверского наместника Никифора Лыча и пограбила Тверские волости.

Тверской князь Михаил Александрович вторично пришел в Бежецкий Верх, где завоевал у бежечан и москвичей и опустошил некоторые земли. В волости Кистьма захватили в плен воевод Дмитрия братьев Шакуровых.

Этим захватом князь Михаил вооружил против себя новгородцев. Новгород заключил договор с Москвой, по которому обязался помогать Москве против Твери и Литвы, а Москва должна помогать Новгороду против Литвы, Твери и немцев.

В это время кашинский князь Михаил Васильевич разорвал договор с тверским князем Михаилом Александровичем и перешел на сторону Москвы.

Военные действия 1371 года тяжело легли на население, которое из-за засухи, пожаров, дороговизны хлеба испытывало голод [11].

Бежецкие воеводы не направили своих людей в войско Дмитрия Донского в 1380 году на битву с войском татарского хана Мамая. В числе 23 князей, кто привел тогда своих людей под Коломну, были князья Кашина, Мологи и Углича.

Начиная с XIV века, древнерусские княжества и новгородские пятины делились на уезды с волостями и станами. Основной территориально-административной единицей Руси был уезд. Слово «уезд» происходит от объезда участка земли для установления его границ. Уезд включал в себя территорию уездного города и присоединенных к нему волостей. В XVII веке на территории Бежецкого Верха было 10 станов, в Устюжском уезде – 3 стана.

Бежецк и в дальнейшем подвергался неоднократным опустошительным набегам. В 1397 году Бежецкий Верх захватил московский князь Василий Дмитриевич, с того времени бежецкие земли стали владением Москвы.

Бежецкая пятина в XV веке захватывала северную часть нынешней Тверской области от южных границ Рамешковского района, западную часть Ярославской и юго-восточный угол Новгородской области. В 1434 году великий князь Василий Темный отдал Бежецкий Верх с Городецком во владение князю Дмитрию Юрьевичу Красному. Тот был младшим сыном звенигородского князя Юрия Дмитриевича и

княгини Анастасии Юрьевны Смоленской, внуком Дмитрия Донского. У него было три старших брата: Василий Косой, Дмитрий Большой (Шемяка) и брат Иван, ушедший в монастырь под именем Игнатий.

Прибыв в Городецк, Дмитрий Красный избрал местом жительства крутую горку высокого живописного берега Мологи. На другом берегу росли дубовые леса. Построив терем, он на другом берегу оврага, на том же, правом берегу Мологи построил княжескую Богословскую церковь.

Дмитрий княжил в Городецке всего семь лет, в 1441 году он умер, Бежецкий Верх вновь перешел во владения московского князя Василия Темного. На это обиделся старший брат умершего угличский князь Дмитрий Шемяка, считавший, что было нарушено не только завещание их отца Юрия Дмитриевича, но и деда – Дмитрия Донского. На его обиду в 1441 году московский князь Василий II пошел войной на угличское княжество, Дмитрий Шемяка бежал спасаться на Бежецкий Верх в Городецко.

Ему на помощь пришел двоюродный брат можайский князь Иван Андреевич, Дмитрий Шемяка вернулся в Углич. В ноябре 1446 года Василий II заключил союз с тверским князем Борисом, их совместное войско осадило город Углич, который после сильного артиллерийского обстрела сдался. Было заключено перемирие, по которому Дмитрий Шемяка и можайский князь Иван Андреевич отказались от своих владений – Бежецкого Верха, Ржева и Углича в пользу великого московского князя Василия II.

В 1462 году после смерти отца великого московского князя Василия угличскому князю Андрею Васильевичу Большому были переданы во владения Бежецкий Верх вместе с Городецко, Кистьма (Кесьма) и Устюжна Железопольская. Андрей Васильевич Большой – четвертый сын московского князя Василия II Васильевича Темного и Марии Ярославны Боровской во время заточения родителей в Угличе.

Андрей Большой проявил недовольство тем, что все земли после смерти брата князя Юрия Васильевича Иван III весь его удел – Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов и другие города – не поделил между братьями, а всеми завладел сам.

После смерти матери в 1484 году до князя Андрея дошли слухи, что великий московский князь Иван III Васильевич хочет его схватить и посадить в тюрьму. Слух подтвердился через три года, в 1491 году Иван III приказал своим братьям послать своих воевод с отрядами

на помощь своему союзнику крымскому хану Менгли-Гирею. Андрей ослушался великого князя, по приезду в Москву был схвачен и 19 сентября 1492 года посажен в тюрьму, где и умер в 1493 году. Вместе с князем Андреем посадили в тюрьму его сыновей Ивана и Дмитрия, где они провели по многу лет.

В XV веке начало усиливаться Московское государство. В 1463 году к Москве присоединилось Ярославское княжество, в 1472 году – Пермская земля, в 1474 году – Ростовское княжество, в 1478 году был покорен Великий Новгород с его обширными землями. В 1485 году без боя присягнула Ивану III осажденная им Тверь, в 1489 году была покорена Вятка.

После покорения в 1478 году Москвой Великого Новгорода земли Бежецкого Верха окончательно и полностью перешли во владение Московского князя. Был образован Угличский удел во главе с городом Угличем. Бежецк стал находиться в составе этого удела, между этими городами стали налаживаться экономические связи.

После смерти Андрея Большого Угличским княжеством до самой смерти в 1505 году владел московский князь Иван III Васильевич. После его кончины, по завещанию, княжество досталось сыну – Дмитрию Ивановичу Жилке, который правил до своей смерти в 1521 году.

Затем правителем Бежецкого Верха с 1522 по 1550 годы был великокняжеский наместник из известного боярского рода Фома Колычев. С 1550 года в Угличе правил младший брат царя Ивана Грозного Юрий Васильевич, который проживал в Москве и в удельном городе бывал редко. Последним князем стал младший сын Ивана Грозного Дмитрий Иванович с 1585 года и до своей гибели 15 мая 1591 года. Борис Годунов ликвидировал Угличское княжество, посадив туда наместником шведского принца Густава.

Через город Кашин прошла дорога Углич-Бежецк. Нужно отметить, что Бежецк (Городецко) был в составе сначала Угличского удела, потом Угличской провинции около 300 лет до 1766 года, когда он стал центром Бежецкого уезда.

Кроме Москвы Бежецк активно торговал с Угличем, Устюжной, Мологой, Ярославлем, Костромой. Через Бежецкий Верх с конца XV века проходила Большая дорога от Углича до Устюжны [12].

Не нужно отождествлять Бежецкий Верх с Бежецкой пятиной, которая в XV–XVII веках являлась административно-территориальной единицей юго-восточной части новгородских земель. Бежецкая пятина была значительно больше по территории Бежецкого Верха.

Бежецкую пятину в XVI веке разделили на две половины: Тверскую и Белозерскую.

Бежецкий Верх, территорию которого отнесли к Тверской половине, был в пределах созданных позднее Бежецкого и Весьегонского уездов. К Бежецкой пятине относились еще земли Белозерской половины, куда входили Устюжанский уезд и значительная часть Новгородского уезда. Бежецкая пятина включала в себя территорию от реки Мсты до Волги, с ее притоками, при впадении в нее Мологи.

Основание и обустройство Антониева монастыря (1461–1564 годы)

Начиная со времен великого московского князя Ивана III Васильевича (правил с 1462 по 1505 годы. **– А.Г.**), был расцвет обустройства монастырей, число которых быстро росло. Монастыри отвечали духовным запросам знатных людей и правителей, которые нередко принимали постриг, уходили в монастырь и были погребены в нем. Глубоко верующие, они полагали таким образом достичь спасения души для себя и своих родственников.

На берега рек Могочи и Нелединыи из Кирилло-Белозерского монастыря пришел монах Антоний, который в 1461 года у слияния этих рек в лесу построил свою келью и небольшую часовню. Местностью возле будущего города Красный Холм владел Афанасий Васильевич Мелецкий-Нелединский. Об этом сказано в *«Летописце о зачатии Бежецкого Верху Николаевского Антониева монастыря и о строении церквей Божьих и о дани вотчин в обитель сию от великих князей и бояр и прочих благодетелей»*.

Старец Антоний дошел до того места, где в Могочу впадает речка Нелединыи, и там тяжело заболел. Оправившись от болезни, он попросил удельного князя Мелецкого-Нелединского, чтобы тот разрешил в своей вотчине построить ему часовню и келью для житья. Получив разрешение, Антоний построил часовню для молитв и себе келью. Стал жить в этой земле и молиться Богу, к нему начали приходить мирские люди из ближних деревень, пели молебные и заупокойные песни. Видя добрую и набожную жизнь Антония, местные жители приносили ему подаяние, кто что имел.

Антоний начал строительство деревянной церкви во имя великого святителя и чудотворца Николая Мирликийского. Он украсил построенный храм иконами, снабдил церковными книгами, оградил деревянным забором и начал собирать братию. Собранная братия определила ***Антония*** своим наставником и строителем того места, которое стало называться Николаевский Антониев монастырь.

Через 20 лет с момента основания монастыря, в 1481 году приступили к строительству деревянной церкви во имя Николая Чудотворца, а в ее пределе – другой храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Старец Антоний в тот год заболел и умер. Братия стала просить новгородского архиепископа, чтобы он назначил им инока ***Германа*** игуменом. Герман из монастыря пошел в Новгород, где принял от архиепископа сан игумена Николаевского Антониева монастыря. Он завершил строительство деревянного храма во имя Николая Чудотворца, освятил его, украсил иконами, перенес в него все имеющиеся божественные книги.

Не исключена помощь в строительстве деревянного Никольского собора монастыря местным боярам и вотчинникам угличского князя Андрея Большого.

Главными лицами в создании книг XIII–XV веков являлись писцы при монастырях. Если рукопись была выполнена исключительно писцом, без привлечения мастеров для оформления, то она была нужна в основном для домашнего, келейного чтения. Если же книга предназначалась для торжественного чтения при богослужении или создавалась для особого вклада, например, по заказу князя или архиерея, то для ее изготовления привлекались «златописцы».

В 1494 году во время правления игумена ***Паисия I*** заложили второе деревянное здание монастыря – церковь с трапезною во имя Димитрия Солунского и постройками для монастырских служб. В тот год угличский князь Андрей Васильевич Большой внес свой предсмертный вклад монастырю, он передал ему из своих вотчин деревни: *Костычево, Нави, Коробово, Мокравицы и Путилово* с лесами, лугами и со всеми угодьями [13].

Еще многие князья и бояре из своих имений передавали в монастырь деньги, церковную утварь, давали во владение монастырю деревни из своих вотчин. Это они совершали ради вечного поминовения своих родителей, на пропитание игумена и братии.

В 1500 году не указанный в летописи потомок Василия Андреевича Мелецкого-Нелединского передал монастырю из своей вотчины и

удела своих родителей *село Сандово* (теперь Старое Сандово), а также деревни: *Загорье, Кунино, Бревенник, Зорино и пустошь Начижилин.* В селе Сандово было пашни 12 четвертей (3,34 гектара, так как одна четверть равняется примерно 0,27 га. – **А.Г.**), перелоги 13 четвертей, да леса 25 четвертей, крестьянских и бобыльских дворов в селе семь [14].

28 июля 1518 года умер князь Симеон Иванович Калужский, который завещал Николаевскому Антониеву монастырю в поминовение своей души и своих родителей 2 села и 28 деревень. После своего отца великого князя Иоанна и после своей матери он передал монастырю свою вотчину в Бежецком Верхе с селами *Преображение Спасово на Холму* (теперь город Красный Холм. – **А.Г.**) и *Живоначальной Троицы* (ныне погост Троица на реке Могоче в Молоковском районе. – **А.Г.**). К этим селам были приписаны деревни, также переданные монастырю:

Анисимово
Две деревни Красное
Мокрени
Бортницы
Нивы
Замошье
Григорово
Овсейково
Боровское
Бабино
Фролово
Раменье
Рычманово
Полежаиха
Две деревни Погорелка
Почечуиха
Власово
Мыченка
Осинки
Жуково
Пустошка
Муравьево
Дор
Медведево
Ям
Черная.

4 мая 1521 года боярин воевода Иван Васильевич Шереметев Большой передал игумену монастыря бархатные ферязи малинового цвета на золоте, шубу на лисьем меху под вишневою камкою, 50 рублей денег и 326 четвертей хлеба. До этого он уже передавал игумену Паисию на строительство церкви 50 рублей, чтобы его родителей ежедневно поминали после утренней молитвы, на обеднях и после вечерни до тех пор, пока монастырь стоит.

Род Шереметевых на Руси начался со средины XIV века, когда немец Андрей Комбилла (русские его называли Кобыла. – **А.Г.**) стал сва-

том князя Симеона Гордого – старшего сына московского князя Ивана Калиты. В дальнейшем потомки Андрея Кобылы имели различные прозвища и фамилии.

Брата Андрея Кобылы Федора русские звали по прозвищу Шевляга (кляча), а старшего сына – Семен Жеребец. Одному из потомков этого рода Андрею Константиновичу в начале XVI века дали прозвище «Шеремет», что в переводе с татарского языка означает «горячая лошадь».

Его сын Василий Андреевич стал с тех пор носить фамилию Шереметев. Он был почетным гостем на свадьбе московского великого князя Василия III Ивановича и Елены Глинской 21 января 1526 года.

У Василия Андреевича Шереметева из шести сыновей было два Ивана – Большой и Меньшой, оба стали воеводами и боярами. Иван Васильевич Шереметев Меньшой был ранен под Колыванью (теперь город Таллинн. **– А.Г.**) в 1576 году, умер от ран 10 февраля 1577 года.

Воевода Иван Васильевич Шереметев Большой при Иване Грозном подвергался опале в 1562 – 1564 годах, потом опала была снята. В 1570 году он постригся в монахи Кирилло-Белозерского монастыря, где и умер в 1577 году.

В 1523 году великий князь Василий III Иванович пожаловал Николаевскому Антониеву монастырю тарханную грамоту, которая предоставляла налоговые льготы и особые судебные права в своих владениях.

Летописец отмечает игуменство ***Вонифатия,*** избранного из числа братии монастыря, скорее всего, после смерти Паисия в 1523 году. Поскольку слух о благочестивой жизни игумена Вонифатия дошел и до великого князя Василия Ивановича, тот посетил Антониев монастырь, вероятно в 1526 г., когда вместе с молодой супругой Еленой ходил на богомолье в Кириллов монастырь.

Следующими игуменами обители были ***Макарий,*** после него – ***Арсений,*** а примерно с 1548 года настоятелем монастыря стал игумен ***Иоасаф I,*** он приобрел довольно много ценной церковной утвари.

9 января 1548 года при игумене Иоасафе умер инок Вассиан Шереметев, который до смерти своей передал монастырю: колокол, ризы, стихарь всего на сумму 60 рублей.

В тот же год Иоасаф, став игуменом Троице-Сергиева монастыря, передал Николаевскому Антониеву монастырю на поминовение своей души и своих родителей:

– икону Николы Чудотворца;
– пяденицу, обложенную сканом серебром;

- Евангелие в серебряном переплете, в котором заглавия, заставки и евангелисты прописаны золотом;
- крест на престол, обложенный серебром;
- кадило серебряное на 15 рублей;
- ризы камчатые.

Кроме перечисленного имущества, игумен Иоасаф передал монастырю: тафты на пост, пояс с крестами, поручи атласные, полотенце, шитое золотом, паникадило медное большое о двенадцати свечах, большой колокол за 80 рублей. Иоасаф прослужил игуменом Троице-Сергиева монастыря с 1548 по 1560 годы.

Нужно отметить тот факт, что в 1560 году при игумене ***Паисии II*** русский царь Иван Грозный прислал в монастырь по своей умершей царице великой княжне Анастасии 15 рублей денег. Это была первая милостыня царя монастырю.

При игумене ***Ионе I*** 9 февраля 1564 года Иван Грозный по умершему брату своему Юрию Васильевичу передал монастырю 10 рублей [15].

В 1564 году Богдан Нелединский передал монастырю на поминовение своей души и своих родителей сельцо *Федорково* с деревнями:

Кишкино
Гора
Подол
Заборье
Косодавль
Хрущи Большие
Хрущи Малые
Лапино
Оксениха
Гузениха
Дорки
Михалиха
Имейцево
Колмачиха
пустошь Шувандино [16].

Все эти годы монастырь относился к Новгородской митрополии. При поездках в Новгород игумены и монастырские люди использовали сначала сухопутный, а затем водный пути. Они на лошадях добирались до Тихвина, где садились на судно до Новгорода. Об этом пути свидетельствуют документы об уплате денег за провоз от Тихвина до Новгорода. К тому времени монастырь имел деревянную Никольскую церковь, колокольню, деревянные кельи и ограду. Начали строительство каменного Никольского собора.

Владения монастыря и удельных князей к 1568 году

В XVI веке в Московском государстве было три хозяина земли: церковь с монастырями, князья с боярами и помещиками, и царь. Крестьяне земли в собственности не имели, они по договорам на определенных условиях обрабатывали чужую землю. Каждый год после окончания полевых работ за неделю до Юрьева дня, 26 ноября, и неделю после него крестьяне могли переходить от одного хозяина к другому.

Для этого он должен был заплатить хозяину пожилые деньги за годы проживания на его земле, ссуду, которую он брал у хозяина земли и неустойку, которая, чаще всего, была вдвое больше самой ссуды. Это очень большие деньги, заплатить которые крестьянин был не в состоянии, он становился зависимым от хозяина земли. За него мог заплатить другой землевладелец, который брал его к себе, и тот переходил в зависимость от одного кредитора к другому.

В то время Бежецкий Верх был густонаселен, по нему проходили торговые пути из Новгорода на Ярославль и из Москвы в Устюжну. Город Устюжна была известна с давних лет, историческим местом города Устюжны является городище, построенное при впадении в Мологу реки Ижины, поэтому первоначальное название поселения было Усть-Ижина. С XVI века Устюжна, с населением около 6 тысяч человек, стала крупнейшим центром металлообработки в Русском государстве. Здесь находилось в 2,5 раза больше кузниц, чем в Туле. Изготовляли небольшие пушки, выливали для них ядра [17].

Николаевский Антониев монастырь к 1568 году имел 66 сел и деревень с землями. Его обширные владения находились на большей части нынешних Краснохолмского, Молоковского и Сандовского районов. Кроме того, он владел селом Федорково с 15 деревнями, в том числе: Гора, Гузениха, Дорки, Кишкино, Косодавль и другими нынешнего Весьегонского района.

Северо-восточнее монастырских владений в то время находилась вотчина удельных князей ***Сицких,*** которые получили свою фамилию от названия реки Сить, по ее берегам они владели 77 деревнями, относящимся к селам Байловское, Покровское и Юрьевское, ныне Брейтовского района Ярославской области.

Еще в 1408 году сын моложского князя Федора Михайловича Семен получил в свой удел часть Моложского княжества по реке Сить. Моложское княжество, с центром в городе Мологе, вышло из Ярос-

лавского княжества, и существовало в XIV–XVI веках. После смерти Ярославского князя Давида в 1321 году его сыновья Василий и Михаил разделили княжество. Василий, как старший сын, унаследовал Ярославль, а Михаил получил удел в низовьях реки Мологи до Устюжны, поселился в городе Мологе.

После своей смерти Михаил оставил княжество старшему сыну Федору, по завещанию которого сыновья Федора Михайловича разделили княжество на три удела: *Моложский* с центром в Мологе, *Прозоровский* с центром в селе Прозорово и *Сицкий* по берегам реки Сить, с центром в селе Покровское, который был отдан Семену Федоровичу.

Внук Семена Федоровича Сицкого Федор Кривой перешел служить к великому московскому князю Ивану III Васильевичу с 1495 года. У него было 7 сыновей, в том числе младший Юрий, который оставил после себя единственного сыну Данилу. Со временем все Сицкие перешли на службу к великому Московскому князю. Лишь князь Данила Сицкий сохранил свои владения по реке Сить, за что и поплатился в 1568 году своею жизнью.

Западнее монастырских владений были вотчины князей ***Засекиных.*** Князь Осип Васильевич Засекин в начале XVI века жил в Ярославле, его сын Григорий Осипович свою службу в средине того века начинал младшим воеводой на северо-западной границе России. С 1574 по 1579 годы он служил младшим воеводой в крепости Корела, вместе с ним там нес службу его двоюродный брат И.А. Засекин-Сонцев.

В 1579 году Засекины вместе с корельским воеводой М.А. Безниным-Нащокиным были отправлены походом на Западную Двину. После поражений под Полоцком оба Засекины отправились служить к Дикому Полю между Россией и Крымом. За свою службу московским князем Засекины были наделены землями в Бежецком Верхе и занимали обширную территорию между реками Молога и Мста, а также по их берегам.

Южнее вотчины Засекиных были владения бояр ***Милюковых,*** в том числе волость Трестна. Род Милюковых ведет свое начало от немца Семена Мелика, переселившегося с Литвы в Московское княжество во второй половине XIV века. Семен Мелик был убит во время Куликовской битвы войска Дмитрия Донского с монголо-татарами в 1380 году.

Согласно писцовой книге Бежецкой пятины 1545 года Истома Васильевич Милюков с сыновьями Чулком и Поярком в волости Треста

владел деревнями: Балухино, Борзово, Владычна, где жил сам хозяин, Жилинское, Ивовая, Исаево, Мишутино, Трилетуха, Янево, в которых проживали по 4–7 семей.

Кроме деревень, к тому времени им были переданы починки: Борок, Горелуха, Лешково, Лисьи, Логинов, Мехи, Носково, Поткино, Трутино и другие, в которых проживало по 2–4 семьи.

К сожалению, было утрачено окончание писцовой книги Бежецкой пятины 1545 года, поэтому сведений об Ивановском стане и других волостях, на землях которых были вотчины Николаевского Антониева монастыря, в ней нет, нет их и в писцовой книге за 1500 год [18].

К югу от монастырской земли находился Городецкий стан с Городцом, принадлежащий младшему брату Ивана Грозного Юрию Васильевичу. Городецкий стан вместе с Городцом тогда входил в Угличское княжество, которое существовало до 1605 года. С 1550 по 1570 годы в Угличе правил младший брат Ивана Грозного Юрий Васильевич, который жил в Москве и не бывал в своей резиденции по причине умственной неполноценности.

В верхней половине Бежецкого уезда вблизи монастырских владений также была вотчина удельного князя ***Данилы Чулкова Ушатого,*** который принадлежал к роду моложских князей. Его прадед моложский князь Федор Иванович Ушатый имел 6 сыновей, в том числе Ивана Ушатого-Ляпуна, у которого были свои сыновья Юрий Большой, Василий Чулок и Борис. Даниил являлся сыном Юрия Большого, умершего в 1535 году от ранения, полученного от литовцев при защите крепости Почеп, от отца ему перешел удел в Бежецком Верхе.

Севернее и восточнее от земель монастыря была вотчина царского конюшего ***Ивана Петровича Федорова-Челяднина.*** В Бежецком Верхе в числе владений царского конюшего Федорова-Челяднина известны три села: *Борисоглебское, Ивановское Большее и Ивановское Меньшее* с приписанными к ним деревнями. Это была большая вотчина вдоль дороги Углич-Устюжна, от села Боженок (Божонка) на реке Сить до сел Борисоглебское и Баскаки, расстоянием свыше 100 километров.

Село *Борисоглебское* было центром Борисоглебской волости, располагалось между селами Баскаки, Лошицы и Телятово. К ней относились известные села: Романовское (ныне Никола-Высока), Титовское, Григорово, Суково, Троицкое-Александрово и другие вместе с деревнями [19].

Согласно имеющимся документам, село *Ивановское Большее* находилось в верховьях реки Могочи, где сейчас погост Русское Кошево

и деревня Горка Краснохолмского района на большом пути от Углича в Устюжну [20].

К нему относились деревни: *Василево, Дор, Желобни, Грудино, Каменка, Могочи, Прокино, Рудихово* и другие, всего 13 деревень.

Село *Ивановское Меньшее* находилось на дороге Углич – Устюжна в 35 километрах севернее Николаевского Антониева монастыря. К нему относилось более 20 деревень, сейчас село называется Иван-Гора Весьегонского района.

Удел Ивана Петровича Федорова-Челяднина граничил на западе, юге и востоке с землями брата царя Ивана Грозного – Юрия Васильевича, в том числе с Прилуцким погостом, к которому относилось 9 деревень: *Гладышево, Григоровка, Моисеиха, Никола, Прилуки, Селы, Синяево, Сносы и Ястребиха.* На северо-востоке граничил с владениями князей Сицких, на юго-западе – с землями Николаевского Антониева монастыря.

Церковь и опричнина при Иване Грозном

Еще в 1553 году молодому русскому царю Ивану IV Грозному священники внушали, чтобы он не держал у себя близко советников умнее и мудрее себя, так как поневоле будет выполнять их советы. Когда люди узнают, что он в послушании у советников, они отойдут от царя к ним, а государь этот уже и не нужен.

Поэтому самых умных и мудрых надо отправлять на окраины, ставить на самые опасные и трудные дела. Так будет хорошо всем: и царю, и делу. Умные дело делают, а слава идет государю. И еще надо умных да мудрых почаще между собою стравливать и на одном месте долго не давать сидеть, чтобы друзьями не обзавелись. А чтобы лучше властвовать, священники предлагали Ивану Грозному сильные рода разорять, подлых людей в знать выводить, они самыми верными слугами будут.

При его правлении еще сильны были языческие обычаи и традиции, а священники и монахи не являлись порою примером для жителей. Монастыри, наделенные селами и деревнями, пользовались большими доходами, нередко их настоятели раздавали монастырские деревни своей родне – братьям и племянникам. Богатые вкладчики отдавали в монастыри часть своего достояния, они пользовались вни-

манием со стороны настоятелей. В монастырях готовили вино, варили пиво и мед, в некоторых из них монахи жили вместе с монахинями, братия нередко пьянствовала и неделями не бывала на богослужениях.

Поэтому в 1551 году во все монастыри и епархии был разослан устав Московского Собора, в котором святители определяли правила поведения в монастырях и контроль над их соблюдением:

«1. В Москве и во всем государстве из лучших иереев избирать епархиальных старост и десятских для надзора над церковной службой и поведением духовенства, обязанного учить людей словом и делом.

2. Строго блюсти, чтобы в церковных книгах не было ошибок, чтобы иконы списывались с древних греческих или, как писал их Андрей Рублев и другие знаменитые художники.

3. Никто из князей, вельмож и всех добрых христиан не входит в церковь с покрытой головой, не вносят в алтарь ни пива, ни меду, ни хлеба, кроме просфор.

4. Злоупотребления и соблазны губят нравы духовенства. Люди ищут в монастырях не спасение души, а телесного покоя и наслаждения. Архимандриты, игумены не знают братской трапезы, угощая светских друзей в своих келиях. Иноки держат у себя отроков и юношей, принимают без стыда жен и девиц, веселятся и разоряют села монастырские.

Отныне да будет в обителях единая трапеза для всех. Инокам выслать юных слуг, не впускать женщин, не держать вина, ни крепких медов. Не ездить на забавы по селам и городам.

Сей закон умеренности, воздержания, целомудрия дан всему духовенству: иереям, дьяконам, причетникам.

5. Обители, богатые землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни от государя, впредь этого не делать…

7. Милосердие христианское устроило во многих монастырях богадельни для недужных и престарелых. Накануне Иванова дня люди сходятся ночью, пьют, играют, пляшут целые сутки. Так же безумствуют накануне Рождества Христова, Василия Великого и Богоявления. В субботу Троицкую плачут, вопят и глумят на кладбищах, прыгают, бьют в ладоши, поют сатанинские песни.

В утро Великого Четверга палят солому и кличут мертвых. Лживые пророки бегают из села в село нагие, босые, с распущенными волосами. Трясутся, падают на землю, баснословят о явлениях святой Анастасии и святой Пятницы.

Ватаги скоморохов скитаются по деревням, объедают, опивают землевладельцев. Мужчины и женщины моются в одних банях, куда сами иноки и сами инокини ходить не стыдятся.

Следуя латинскому обычаю, бреют бороды, подстригают усы, носят иноземную одежду, сквернословят.

Отцы духовные! Пресеките зло, наставляйте, грозите, казните епитимиею. Учите христиан страху Божию и целомудрию, да живут мирно в соседстве, без ябеды, краж, разбоев, лжесвидетельства. Да будет везде благонравие в нашем любезном отечестве, и дети да чтут родителей!» [21]

В декабре 1564 года Иван Грозный покинул Москву, дав о себе весть в январе 1565 года, что он находится в Александровской слободе. Новый двор царя состоял из верных ему бояр и дворян, это и были первые опричники. Число опричников постепенно росло, так как царь силой забирал в опричнину все новые и новые земли. Одних людей он принимал к себе, а других отсылал подальше.

Как писал в своей книге «Грозное время» в начале XX века Лев Григорьевич Жданов, рати Ивана Грозного жгли деревни и села, рубили людей не только на вражеской, но и на родной земле. Бежецкий Верх и Тверь, Великий Новгород и Псков долго помнили походы к ним Ивана Грозного с опричниками.

По приказу царя опричники убивали мужчин, женщин, стариков и детей. Дикий грабеж, растление девушек и детей, возмутительное насилие над женщинами было обычным делом в годы его правления. Своими злобными деяниями царь затмил первые 14 лет своего правления, когда его называли Иваном Боголюбивым, а не «царем-опричником», как прозвали потом.

Произвольная конфискация богатства, опричные порядки и беззакония вызывали тревогу как у детей боярских, так и у знатных вотчинников. При отсутствии защиты со стороны государя и закона гарантией хотя бы временного сохранения родового достояния оставался вклад в монастырь. Будучи записанным в поминальный синодик, вкладчику было обещано спасение души до тех пор, пока стоит святая обитель. Не случайно, с конца 1560-х годов владения монастырей стали быстро расти за счет земель бояр и служилых людей.

Царь Иван Грозный применял к территориям старых удельных княжеств, где находились вотчины князей и бояр, такой же порядок, какой применяло Московское княжество на завоеванных землях. Он стал

выводить оттуда наиболее видных и крепких вотчинников в свои опричные московские уезды, а оттуда посылал своих верных людей на завоеванные земли. Это был старый прием, который применяли московские князья – его дед Иван III Васильевич и отец Василий во время покорения Новгорода, Пскова, Твери и других городов. Такой же прием Иван Грозный применил после завоевания им Казанского ханства.

Завоеванные уезды сразу же лишались своих руководителей, на их место приезжали новые хозяева, которые были покорны только Москве. Боярских детей и княжат поселяли в отдаленных от их прежних вотчин местах. Их прежние вотчины разбивал на мелкие поместья, куда направлял своих опричников – дворян, становившихся помещиками. Например, боярских детей и княжат из Бежецкой пятины вывезли на далекий литовский рубеж – Себеж, Усвят, Озерище и другие места.

Владелец дома, земли или деревни не понимал, почему у него отнимают родовое гнездо и передают неизвестно кому? При этом ему самостоятельно нужно было подыскать подходящее поместье, если он не хотел долгое время ждать, куда его отправят по царскому указу. По документам мы можем представить жестокость опричных казней. Но не сохранились документы о мытарствах тысяч дворянских семей, вынужденных покидать свои места. Вместе со своими хозяевами страдали сотни тысяч крестьян. Опричники же брали себе деревни и поместья не только по царскому указу, но и прихватывали имения самоуправно, пользуясь силой и царской поддержкой.

Когда в 1572 году опричнина была отменена, начались обратные переселения. Бывшие владельцы всеми силами пытались вернуть себе свои родовые земли, которые захватили опричники. Составители писцовых наказов предписывали чиновникам на местах, чтобы прежние хозяева не захватывали вотчины, ранее переданные в опричнину. Пустующие земли, не ставшие поместными, оставались опричными.

Некоторые князья сумели приблизиться к Ивану Грозному, заслужить честь быть принятыми на службу в опричнину и оставить у себя свои прежние вотчины. Это были князья Скопины, Шуйские, Пронские, Сицкие, Трубецкие, Темкины и несколько других фамилий.

За семь лет существования опричнина разорила все удельные гнезда, разорвала связи княжеских родов с их удельными землями. Земское управление оставалось на окраинах государства, куда опричнина не дошла. В итоге государство было разделено на две неприятельские стороны – опричнину и земство. Опалы, ссылки и казни представите-

лей земства приводило жителей государства в робкое смирение перед царем. Этот террор подрывал устои государства и стал одной из важных причин последующего «Смутного времени».

«Заговор» конюшего И.П. Федорова-Челяднина

Еще во времена московского князя Дмитрия Донского были известны московские бояре родные братья Федор Андреевич Свибл и Михаил Андреевич Челядня. Сын Дмитрия Донского московский князь Василий отдалил от себя Федора Свибла, а приблизил его брата Михаила Челядню. Его сын Федор Михайлович Челядня имел вотчину в Бежецком Верхе, куда, в число других, входило село Башарово с деревнями. Сын Федора, царский конюший Андрей уже назывался не по кличке Челядня, а по фамилии – Челяднин.

В Русском государстве чин конюшего возник в конце XV века, первым конюшим в 1496 году стал новгородский наместник, воевода Андрей Федорович Челяднин. В январе 1496 года он вместе с князем воеводой Василием Косым Патрикеевым с войском ходил походом на Карельский перешеек и земли племени *хяме.* Русские тогда с ходу взяли у шведов крепость Нишлот (теперь это город Савонлинна в Финляндии. – **А.Г.**) и двинулись к городу Або (Турку). Там их встретило шведское войско в 40 тысяч воинов, русские, не вступая в бой, вернулись в Новгород.

После смерти Андрея Федоровича в 1503 году конюшим стал его сын Иван Андреевич Челяднин. В ноябре 1512 года русское войско под командованием князя Репни-Оболенского и конюшего Ивана Челяднина двинулись к городу Вязьме, чтобы отбить у литовцев Смоленск. В начале 1513 года большое русское войско осадило Смоленск, осада города затянулась, в конце февраля она была снята. Смоленск отбили у литовцев во время летнего похода 1 августа 1514 года. Конюший Иван Андреевич Челяднин был захвачен литовцами в плен под Оршей 8 сентября 1514 года, отправлен в Вильно (Вильнюс), и там умер.

Московский князь Василий III, надеясь на возвращение воеводы И.А. Челяднина из плена, до своей смерти в декабре 1533 года никого не назначал конюшим.

Чин конюшего давался приближенным и заслуженным людям, которых князь, а потом царь, считали надежными. В ведении конюшего

были все царские конюшни и заводы, к которым были приписаны целые волости, он являлся главным боярином в Думе. Чин конюшего считался родовым достоянием Челядниных, но в 1534 году им стал фаворит царицы Елены Глинской Иван Федорович Овчина Оболенский, брат Аграфены Челядниной – мамки малолетнего государя Ивана IV. Эта должность досталась ему вследствие родства с Челядниными и близостью с вдовой царицей, на время с 1534 по 1538 годы.

Через пять дней после смерти 30-летней царицы Елены Глинской, 9 апреля 1538 года по приказу М.В. Глинского И.Ф. Овчину Телепнева Оболенского заточили в палату за дворцом у конюшни, где он умер в 1539 году от голода и пыток. Его сестру Аграфену Челяднину постригли в монахини под именем Анастасия, и сослали в Каргополь. Конюшим стал Иван Иванович Челяднин до своей смерти в 1541 году.

Боярин и устюжский наместник Петр Федорович Челяднин был родным братом новгородского наместника и первого конюшего Андрея Федоровича, он стал носить двойную фамилию от имени своего отца Федоров-Челяднин, чтобы отличаться от линии своего брата Андрея.

Сын Петра Федоровича, Иван Петрович Федоров-Челяднин, получил боярское звание, а через пять лет, с 1541 года, стал конюшим, ярославским наместником и одним из самых близких людей царя Ивана IV. В отсутствие царя он оставался первым боярином и судьей в Москве на протяжении более пятнадцати лет. Федоров-Челяднин служил конюшим с 1541 по 1547 годы, но в средине января 1547 года эту должность занял дядя Ивана IV Михаил Васильевич Глинский, Федорова-Челяднина сослали в Белоозеро.

26 июня 1547 года восстали посадские люди в Москве, царский дядя М.В. Глинский и его мать Анна бежали в город Ржев, И.П. Федоров-Челяднин был возвращен из ссылки в Москву и вновь стал конюшим.

Жена конюшего И.П. Федорова-Челяднина Мария доводилась ему двоюродной племянницей, она была дочерью его двоюродного брата Василия Андреевича Челяднина и Аграфены Федоровны, в девичьи Телепневой Оболенской. Мария первый раз вышла замуж за тверского князя Ивана Осиповича Дорогобужского, у них родился сын Иван. Муж ее был убит в битве с казанскими татарами в 1530 году, сын остался маленьким, Мария, будучи вдовой, воспитывала сына до 18 лет. В январе 1547 года дядя царя Ивана IV М.В. Глинский и его мать Анна

отдали приказ о казни князей Федора Овчины Оболенского и Ивана Ивановича Дорогобужского.

Нужно отметить, что принадлежавшие ее первому мужу, убитому казанскими татарами в 1530 году, Ивану Осиповичу Дорогобужскому села Ивановское и Бели с их деревнями после его смерти также перешли к вдове Марии Васильевне. В конце 1550-х годов она продала их князю Ивану Федоровичу Мстиславскому. Никакого отношения эти тверские села, возле нынешнего села Медного, к «Бежецкому погрому» не имели.

В 1566–1567 годах жена конюшего Мария Васильевна Федорова-Челяднина передала Новоспасскому монастырю два села с деревнями в Бежецком Верхе, как вклад: по душе ее родителей, отца В.А. Челяднина и матери старицы Настасьи, первого ее мужа князя Ивана Осиповича Дорогобужского и сыновей Ивана и Дмитрия. На обороте грамоты стояла подпись ее второго мужа И.П. Федорова-Челяднина, который расписался за неграмотную жену. По всей вероятности, одним из них было село *Градницы,* позднее долгое время принадлежавшее Новоспасскому монастырю, вторым селом может быть одно из них, ближнее к Градницам: *Сулега* или *Толстиково.*

С 1563 года И.П. Федоров-Челяднин возглавил не только Конюший, но и Казенный приказы. В начале 1567 года царь Иван Грозный отправился по святым местам, первым боярином и судьей остался Федоров-Челяднин.

При учреждении царем опричнины конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин утратил свое прежнее влияние на Ивана Грозного, он отрицательно отнесся к опричнине. Земли, не вошедшие в опричнину, оставались за земством, одним из руководителей которого считали Федорова-Челяднина. Он имел свои вотчины на территории Бежецкого Верха, а также возле городов Коломна, Кимры, Москва и Юрьев-Польский.

Летом 1567 года бояре Федоров-Челяднин, Мстиславский, Воротынский и Бельский получили письмо от польского короля Сигизмунда-Августа, который выражал им сочувствие и побуждал их к измене царю. Он обещал им выделить уделы в своем королевстве, напоминал князьям Бельскому и Мстиславскому, что они литовского рода.

Бояре представили грамоту польского короля царю Ивану Грозному, а польскому королю ответили, что склонять верных слуг к измене есть дело бесчестное, что они умрут за царя доброго, а ужасного лишь

для одних злодеев. Если же король желает вызвать их из России, пусть отдаст им всю Литву, Галицию, Пруссию, Жмудь (позднее Виленская губерния России. – **А.Г.**), Белоруссию, Волынскую и Подольскую земли. Конюший И.П. Федоров-Челяднин писал Сигизмунду: «Как мог ты вообразить, чтобы я, занося ногу в гроб, вздумал погубить душу свою гнусною изменою? Что мне у тебя делать? Водить полков твоих я не в силах, пиров не люблю, веселить тебя не умею, пляскам вашим не учился» [22].

Но в глазах подозрительного Ивана Грозного гражданин, дающий врагам надежду склонить его к измене, уже омрачался подозрительной тенью. Подозрение царя усугубилось тем фактом, что три года назад, в апреле 1564 года, на службу к польскому королю Сигизмунду перешел князь А.М. Курбский со своими приверженцами и слугами.

По Москве стали распространять слух о заговоре конюшего Федорова-Челяднина против царя. Что с помощью польских интервентов он и его сподвижники хотят свергнуть царя, посадить на престол князя Владимира Андреевича Старицкого или самому захватить власть.

Поверив слухам недоброжелателей о заговоре, Иван Грозный собрал в парадных покоях Кремля членов Думы и столичное дворянство. Он велел привести оговоренного боярина Ивана Петровича Федорова-Челяднина, приказал ему облечься в царские одежды и сесть на трон. Страдалец смог лишь сказать царю: «Христос пусть отплатит тебе за меня, за муки мои, и жены, и детей моих».

Преклонив колени, Иван Грозный, сказал: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты великий князь, наслаждайся владычеством, которого жаждал!». Сказав эти слова, он сам ударил Федорова-Челяднина в сердце, оставив нож в груди страдальца. Он дал знак опричникам, которые дорезали старца, его тело выволокли из Кремля и бросили во дворе. После этого убили престарелую жену конюшего Марию, совместный их сын Дмитрий умер, других детей у них не было.

Утром следующего дня опричники во главе с царем Иваном Грозным сели на коней и помчались в богатое родовое село Федорова-Челяднина под Коломной. Там они вырезали людей, пограбили и разрушили избы, сожгли их, разметали скирды и оставили пустыню вместо богатого села. С собой они прихватили все, что получше и подороже. Обесчестили многих девушек и баб молодых покрасивее, избили их, изранили, других прирезали насмерть.

Убили владыку коломенского Александра Кожина, кравчих Тимофея и Федора, а также дьяка. Всего в коломенских селах опричники во главе с Григорием Ловчиковым убили 20 слуг И.П. Федорова-Челяднина.

Начались казни мнимых единомышленников бывшего конюшего: князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрия Ряполовского и трех князей Ростовских. Знаменитый полководец Петр Щенятев попытался укрыться от смерти в монастыре, но убийцы нашли его в кельи и замучили до смерти. Князя Турунтай-Пронского, уже седого старца, утопили в реке. Царского казначея Хозяина Юрьевича Тютина рассекли на части вместе с женой, двумя сыновьями младенцами и двумя юными дочерьми. Казнь Тютина с семьей совершал с опричниками князь Михаил Темгрюкович Черкасский, брат царицы.

Из семьи Ивана Выродкова вместе с ним были убиты: его сыновья Василий, Нагай, Никита, дочь Мария, внук Алексей, да еще два внука, сестра Федора, два брата Ивана Дмитрий и Иван, всего 11 человек.

Из семьи его брата Дмитрия Выродкова были убиты сыновья Иван, Петр, Верига, Гаврила, Федор, две жены сыновей, дочь Ивана и внук, всего 9 человек.

Это была известная семья в Московском государстве. Иван Григорьевич Выродков был инженером-самородком. В 1551 году царь Иван Грозный направил И.Г. Выродкова на Волгу в Угличский удел, владения Ушатых, чтобы там срубить крепость. За зиму и весну под руководством И.Г. Выродкова была срублена Свияжская крепость, которую разобрали и отправили на плотах и кораблях вниз по Волге в город Свияжск.

В апреле 1557 года под его руководством приступили к строительству крепости Ивангород на берегу реки Нарвы, где Выродков применил весь свой опыт инженера. В 1562 году он был отправлен воеводой в Великие Луки. Во время похода войска Ивана Грозного в 1563 году на Полоцк И.Г. Выродков командовал осадной артиллерией. После взятия Полоцка руководил восстановлением городской крепостью. Снова вернулся в Москву, где служил большим дьяком в Разрядном Приказе.

В июле 1568 года его схватили по делу Федорова-Челяднина, в сентябре казнили, вместе с ним были казнены 19 членов его семьи.

Опричники Ивана Грозного во главе с князьями Вяземским, Малютой Скуратовым, Василием Грязным вламывались в дома знатных московских людей, дьяков, купцов, брали их жен и вывозили из города. Туда же ехал Иван Грозный, которому представляли жен, он отбирал

одних для себя, других передавал своим любимцам. После этого велел развезти жен по домам, некоторые из них умерли от стыда и горя.

Многих знатных людей умертвляли, когда они, ничего не подозревая, шли спокойно в церковь или свои приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, секирами, бегали по городу, искали жертв, убивали всенародно по десять и более человек в день.

В *Губином Углу,* что ныне в Кимрском районе Тверской области между нынешними городами Кимры и Дубна, опричники убили 39 человек.

В селе *Матвеищево,* ныне в Юрьев-Польском районе Владимирской области, убили 84 человека и у 3 человек отсекли по руке.

В деревне *Солославль,* что в бассейне реки Москвы, были убиты 2 слуги конюшего. В городище *Чермнево* возле Москвы, центре одноименного стана, было убито 3 слуги Федорова-Челяднина, после погрома все деревни вокруг этого городища были отданы опричнику Василию Зюзину.

В Москве 11 сентября 1568 года были казнены земский окольничий Михаил Колычев с сыновьями Булатом, Миной и Симеоном. Казнены князья Андрей Катырев, Федор Троекуров, Михаил Лыков с племянником и еще 26 человек убиты «ручным усечением в живот» [23].

С «заговором» И.П. Федорова-Челяднина тесно связано «дело» боярина Василия Дмитриевича Данилова. В 1565 году он был направлен в Полоцк, где служил под началом конюшего. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Василия Дмитриевича. В январе 1570 года из Полоцка пытались бежать в Литву несколько пленных пушкарей. При допросе пойманные пушкари Максим литвин и Роп немчина заявили, что за рубеж их послал Данилов. Применение пыток к Данилову и пушкарям, их казнь на глазах других задержанных опричниками приближенных боярина, увеличило число людей, сознавшихся в «заговоре». До сих пор остаются вопросы: был ли заговор и за что пострадали невинные люди, в том числе жители Бежецкого Верха?

Главный руководитель новгородского карательного похода Малюта Скуратов записал, что в Новгороде «ручным усечением» отделано (убито) 1490 человек и с пищали отделано 15 человек. Эта запись позднее попала в синодик, направленный во многие монастыри.

После совершения казней по указу царя сотни семей бывших владельцев покидали свои обжитые владения и родовые усадьбы. В тихую вотчину являлся царский гонец с грамотой на выселение. По разбитым дорогам в распутицу, в зной или мороз, на телегах или санях семьи детей

боярских и их холопы с домашним скарбом тащились десятки и сотни верст туда, где их никто не ждал. Их выселяли на окраины государства или в иные города. Бывшие бояре и дворяне были вынуждены отправляться в далекие незнакомые места и там заново обустраивать свою жизнь, не рассчитывая, что новые владения останутся за ним навечно.

Бежецкий погром (июнь – 6 июля 1568 года)

В синодике Николаевского Антониева монастыря, составленного по велению Ивана Грозного в 1583 году, были вписаны для поминовения в числе других, 369 человек, убитых его опричниками в 1568 году «по делу И.П. Федорова-Челяднина», среди них много князей и княгинь. Из них 293 человека были слугами и холопами боярина И.П. Федорова-Челяднина, 76 человек – его родственники, а также боярские дети, священники, князья и княгини.

В Бежецком Верхе опричниками Ивана Грозного было убито 95 людей Федорова-Челяднина, да у 33 человек отсечено по руке, из них 17 человек в селе Ивановское Большее и 13 человек в селе Ивановское Меньшее, еще 65 человек в селе Борисоглебское и окрестных деревнях. В числе убитых в 1568 году опричниками Ивана Грозного: 16 князей, 6 священников, 74 женщины – жены и дочери князей, священников и простых холопов.

Были убиты владельцы земель Бежецкого Верха князья *Данила Сицкий, Семен Засекин Баташев, Иван Засекин, Данила Чулков Ушатый.* Их земли отобраны и переведены в опричнину для последующей передачи верным слугам Ивана Грозного.

По селам и деревням царского конюшего Ивана Петровича Федорова-Челяднина, что были в Бежецком Верхе, опричники Ивана Грозного, во главе с ним самим, прошлись в июне-июле 1568 года в течение 5 недель. После погрома все земли, сохранившиеся села и деревни его вотчины в Бежецком Верхе были взяты в опричнину.

По официальной версии «Бежецкий погром» стал результатом действий конюшего Ивана Петровича Федорова-Челяднина, который резко выступал против введения царем опричнины и, якобы, готовился произвести переворот в государстве с помощью своих слуг и подданных.

Расправившись в Москве со своим конюшим, его женой и мнимыми единомышленниками, Иван Грозный с опричниками вышел из Углича в первых числах июня 1568 года и пошел по дороге к Устюжне. До Устюжны вела единственная дорога через Боженок (Божонку), Лаврово и Ивановское Большое (позднее деревня Горка с погостом Кошево, потом Русское Кошево. – **А.Г.**). Другой дороги там не было, так как кругом болота. От Углича она проходила через села Юрьевское, Родионово и Мокеиха, далее шла между Мокеихинским болотом, площадью около 200 кв. километров, и Моховым болотом.

Дойдя до земель вотчины Федорова-Челяднина, Иван Грозный с опричниками опустошили деревни вокруг села *Ивановское Большее,* стерев с лица земли это село и разорив 13 деревень. К селу относились деревни: *Грудино, Прокино, Каменка, Старое Гвоздино, Рудихово, Василево, Фролятино, Холмы, Юрово, Желобни, Кузьминское, Доры Могочские и Могочи.* В Ивановском Большем было убито 17 человек, у 14 человек отсечено по руке [24].

Опустошив села и деревни вокруг Ивановского Большего, по названию которого один стан Бежецкого Верха именовался Ивановским, опричники вместе с Иваном Грозным пошли дальше по дороге Углич-Устюжна к селу *Ивановскому Меньшему,* что в 50 километрах от первого. Они прошлись по землям Николаевского Антониева монастыря, не опустошая их, дошли до села Ивановское Меньшее.

Рыскали они здесь не менее недели, опустошив и стерев с лица земли, село вместе с деревнями: *Андрейцево, Братское, Горчаково, Лесной Холм, Чеганцево, Шелгирово* и другие. В Ивановском Меньшем убили 13 человек вместе с женой Исаака Заборовского и его человеком, у 7 человек отсечено по руке [25].

Иван Грозный с опричниками пошел дальше по устюжанской дороге, там начинались царские земли села Кесьма с его приходскими деревнями, которые они не тронули. Дошли до Борисоглебской волости, разоряя и уничтожая деревни сел *Баскаки, Лошицы, Романовское, Титовское, Телятово* и других, опустошили, сожгли и стерли с лица земли село *Борисоглебское.*

До средины XVI века это село называлось Холопий Городок, расположенный при впадении в Мологу реки Удрусы, здесь процветала ярмарка. На нее съезжались новгородцы, немцы, поляки, греки, булгары и представители других народов. Этот Холопий Городок находился в 50 километрах от города Мологи, напротив нынешних деревень При-

ворот Весьегонского района Тверской области и Прозорово Брейтовского района Ярославской области.

Великий московский князь Иван III Васильевич в 1504 году перенес постоянно действующую в Холопьем Городке ярмарку в город Мологу. С того времени его значимость уменьшилась, городок стали называть селом Борисоглебским по названию имеющейся там церкви Мучеников Бориса и Глеба. Границы Бежецкого Верха на севере в то время проходили по берегам реки Мологи вплоть до впадения в нее реки Сить, село Борисоглебское относилось к Бежецкому Верху, в старых картах как Моложского, так и Устюжно-Железопольского уездов его нет. Сейчас это село на дне Рыбинского водохранилища.

Известно, что конюший И.П. Федоров-Челяднин имел в селе Борисоглебское с его деревнями 1158 четвертей (312,6 га. – **А.Г.**) пахотной земли. Имеются данные о селах Борисоглебской волости за 1797 год.

Пограбив и опустошив села и деревни вокруг Борисоглебского, что возле сел Баскаки и Телятово, царь с опричниками вернулся обратно, уходя к Угличу. Не исключено, что он посетил Николаевский Антониев монастырь, замаливая там свои грехи. Так и было: грешили и каялись, грешили и каялись. Посещением монастыря можно объяснить последующие значительные пожертвования в его пользу от царя Ивана Грозного и членов царской семьи.

За время похода царя с опричниками были опустошены более 90 деревень бывшего конюшего, в том числе: 13 деревень села Ивановское Большее, 25 деревень села Ивановское Меньшее, 38 деревень села Борисоглебское, 8 деревень села Мышкино (в 2 километрах от Деледино. – **А.Г.**), 7 деревень села Телятово.

В синодике нет фамилий знатных людей, убитых в селах Ивановское Большее и Ивановское Меньшее, кроме жены Исаака Заборовского. Отсюда можно сделать вывод, что в этих селах были убиты простые деревенские жители, работавшие на землях конюшего Федорова-Челяднина, которые не были удостоены чести быть записаны в синодик для поминовения.

Захватывая в деревнях слуг И.П. Федорова, Иван Грозный велел весь крупный и мелкий скот и лошадей, собранных в одном месте, рассекать на куски. Деревни и скирды с хлебом поджигали и обращали в пепел.

Царь приказывал убийцам из своего отряда насиловать у него на глазах жен тех сподвижников и слуг Федорова-Челяднина, кого они

убивали, и обращаться с ними по своему произволу. Деревенских женщин он приказывал обнажать их и угонять в леса, как скот.

Получилось так, что русский царь с опричниками прошелся по пути от села Боженок (Божонка) на реке Сить до сел Борисоглебское и Баскаки, по которому 330 лет назад шли татаро-монголы.

4 марта 1238 года монголо-татары приблизились к реке Сить возле села Боженок (ныне на территории Сонковского района Тверской области), где стояла дружина владимирского князя Георгия. Была кровавая сеча, монголо-татары одержали победу, князь Георгий Всеволодович погиб. От Сити часть войск Батыя пошла к Новгороду, с ходу они взяли Волоколамск и Тверь, разрушив их. Две недели бились с врагом жители Торжка, захватив который, неприятель уничтожил жителей, а город они разграбили и сожгли. Но дальше к Новгороду монголо-татары не пошли, повернули к югу.

Но если те были завоевателями, то сейчас русский царь Иван Грозный с опричниками ходил грабить и опустошать русские же деревни и села, насиловать и убивать русских же людей.

Семилетнее бремя опричнины привело к тому, что северный край Бежецкого Верха впоследствии обезлюдел. К концу XVI века он представлял настоящую пустыню, особенно в северной и западной части. Только кое-где, затерянные среди лесов и болот, забытые помещиками и переписчиками, сохранились деревеньки в два-три дома.

Немногие деревни села Борисоглебское отстроили и снова вдохнули жизнь вернувшиеся русские жители, скрывавшиеся в лесах. Большинство деревень через 80 лет заново отстроили пришедшие сюда карелы. Здесь были образованы дворцовые волости – Кесемская с 40 деревнями, Мартыновская с 30 карельскими деревнями, и Чамеровская с 38 карельскими деревнями.

На месте села *Ивановское Большее* была отстроена деревня Горка с погостом Кошево (позднее Русское Кошево ныне Краснохолмского района. **– А.Г.**), а село так и не смогло восстановиться. После погрома центр прихода был перенесен в деревню Могочи, которая стала селом. Земли всех 13 деревень, ранее приписанных к этому селу, после погрома захватил Угличский Алексеевский мужской монастырь [26].

Угличский Алексеевский мужской монастырь был основан в 1371 г. по желанию митрополита Московского Алексея. В 1609 году монастырь был разорен польско-литовскими интервентами, но смог восстановиться к средине века.

В 1609–1618 годах польско-литовские интервенты и казаки неоднократно разоряли деревни и села в этой местности, куда возвращались жители, они оставили лишь пустоши на месте более 230 деревень.

И уже другой царь Михаил Федорович стал заселять опустошенные деревни карелами с Карельского перешейка, Приладожья и Олонецкого края. Пришедшие туда через 60–80 лет после «Бежецкого погрома» и через 20–40 лет после польских интервентов карелы, заново отстроили село *Ивановское Меньшее,* называя его по-разному: Ивановское (Горка), Ивановское (Гора), Гора, Горка, Иван-Гора. Последнее название сохранилось до настоящего времени. Село вместе с деревнями Лобазниково, Мартыниха, Житниково и другими позднее вошло в дворцовую Кесемскую волость с 40 карельскими деревнями.

Вернувшиеся после «Бежецкого погрома» русские жители восстановили село *Борисоглебское,* чьим именем стала называться волость. Учитывая расположение села в живописном месте на пересечении многих водных и грунтовых дорог, царь Иван Грозный взял его в свою вотчину, потом передал его по завещанию своему брату Юрию Васильевичу, называя село по-старому «Холопий, что торг на Мологе».

По сведениям за 1797 год в состав Борисоглебской волости входили села Баскаки, Лошицы, Телятово и другие.

Надо помнить, что священнослужители не благословляли опричные походы Ивана Грозного, хорошо понимая, что отказ от благословения может стоить им жизни. Митрополит Московский и Всея Руси Филипп II (Федор Степанович Колычев), который открыто обличал Ивана Грозного в преступлениях опричнины и грехопадении, был задушен Малютой Скуратовым 23 декабря 1569 года в Отроч монастыре города Твери.

Синодик (поминальник) монастыря

Первый синодик в Николаевском Антониевом монастыре был составлен в 1584 году, потом его переписывали несколько раз. Он переписан в 1681 году писцом Федором Агапитовым Заонежанином, второй синодик написан в 1685 году писцом Макарием Крыловым Тихвинцем на 551 листе.

В синодике записаны рода и фамилии вкладчиков монастыря из всех прежних его синодиков, а также записи знатных родов XVII века.

До составления нового синодика игумен монастыря с братией приняли решение о его составлении, «чтобы никто не дерзал без ведомости властей и безвкладно вписывать родителей своих и чужих в эту книгу, но вписывали бы по благословению власти, и чтобы вписанные поминаемы были вечно, пока стоит святая обитель».

В синодике записаны знаменитые и известные рода: царя Бориса Годунова, государыни старицы Марфы Ивановны, князей:

Ивана Шуйского,
Калужских,
Углицких,
Бориса Лыкова,
Одоевских,
Дмитрия Пожарского,
Морткиных,
Алексея Щербатого,
Нелединских-Мелецких,
Шереметевых,
Владимира Волконского,
Василия Стрешнева.

Туда же вписаны бояре: Романовы, Федор Ловчиков, Масловы, Непейцины, Лодыгины, Зиновьевы, Бутурлины, Афанасий Глазатый, Олтяшевы, Милюковы, Семен Иванович Заборовский [27].

В синодик записаны для поминовения люди, побитые в 1569–1570 годах: в Пскове – 190 человек, в Новгороде – 1490 человек «ручным усечением» и 15 человек отделаны (убиты) с пищали, в Бежецкой пятине – 108 человек, в Торжке – 43 человека. Туда же записаны убитые по приказу Ивана Грозного по «Старицкому» делу – более 60 человек, в Китай-городе – 62 человека, по «Изборскому» делу – 14 человек и другие убитые знатные люди.

В отдельных четырех списках записаны 369 человек конюшего И.П. Федорова-Челяднина, убитых опричниками Ивана Грозного. Из них 274 приверженца и слуги Федорова-Челяднина были убиты в Москве, под Коломной, Великим Новгородом и других местах. Кроме того, по делу В.Д. Данилова, связанного с «заговором» конюшего, были убиты в Городищах под Новгородом 48 человек.

Привожу выписки из синодика о жертвах, казненных опричниками Ивана Грозного по «делу конюшего боярина Ивана Петровича Федорова», а также связанного с ним «делу боярина В.Д. Данилова». Список жертв Ивана Грозного и его опричников по «новгородскому походу», «делу В.А. Старицкого, «псковскому делу», «московскому делу» и другим делам здесь не приводятся.

Синодик опальных людей царя Ивана Грозного (реконструкция текста)

«Дело» боярина И.П. Федорова (список 1)

[Владыки Коломенского боярин] Александра [Кожин], [кравчего] Тимофея – [Собакина конюшего], Федора, да [владыки Коломенского] дияк Владыкин.

[Ивановы люди Петрова Федорова]: Смирнова [Кирьянов], [дьяка] Семена [Антонов], татарин Янтуган Бахмета, Ивана [Лукин], Богдана [Трофимов], Михаил [Цыбневский], Троуха [Ефремов], Ортемя [седельник] (л. 81)

[В Коломенских селах] Григорий [Ловчиков] отделал. Отделано [Ивановых людей] 20 человек.

[В Губине Углу] отделано 30 и 9 человек. Михаила [Мазилов], Левонтия [Григорьевых], Бряха [Кафтырев], Никита [Левашева].

[В Матвеищеве] отделано 84 человека, да у трех человек по руки сечено. Григория [Кафтырев], Алексея [Левашов], Севрина [Баскаков], Федора [Казаринов], [инока Никиту Казаринов], Андрея [Баскакова муромца], Смирнова Терентия, Василия [Тетерины], Ивана [Селиванова]; Григория, Иева, Василия, Михаила [Тетерины], [да детей их] 5 человек; Осифа [Тетерин], князя Данила [Сицкой], Андрея [Батанов], Ивана [Пояркова Квашнин], Никиту, Семена [Сабуровых], [Семена Бочин]. Хозя [Тютина] с женою, да 5 детей, да Хозяин брат (л. 81 об).

Ивана [Колычев], [Ивана, сын его]; Ивана Трекос, Никита [Трофимов]; Ивана [Ищукова] Бухарина; князя Володимер [Курлятева], князя Федор [Сисеев], Григория [Сидоров], Андрея [Шеин], [сына его] Григория [и брата его] Алексея.

[В Ивановском Большом] отделано 17 человек, да у 14 человек по руки отсечено.

[В Ивановском Меньшом] отделано 13 человек [с Исаковского женою Заборовского и с человеком], да у семи человек по руки отделано.

[В городищи Чермневе] отделано 3 человека, Тевриза, [да племянника его] Якова.

[В Солославле отделано 2 человека].

[В Бежецком Верху] отделано [Ивановых людей] 65 человек да у 12 по руки отделано. Андрея да Григория [Дятловы], Семена [Олябьева], Федора [Образцов], Ивана Меншика [Ларионов, Ивана Ларионов], князя Семена [Засекина Батышев] (л. 82).

Князя Ивана [князя Юрьева сына Смелаго Засекина], Петра [Шерефединова], Павла племянник Ишуков, Елизаря [Шушерин], Федора [Услюмов Данилов], Дмитрея, Юрия [Дементиевы], Василя [Захаров] с женою да 3 сыны, Василия [Федчищов], Ивана [Болыпово Пелепелицын], Ивана Меньшого [Григориевы дети Пелепелицына], Григория [Перепечина], Андрея Бухарина.

6 июля 1568 года

Отделано 369 человек, отделано и всего отделано июля по 6-е число.

«Дело» И.П. Федорова (список 2)

Андрея [Зачесломской], Афанасия [Ржевской], Федора, Петра, Тимофея [Молчановы Дементиевы], Гордея [Ступишин], Ивана [Измайлов], князя Федор[ова сына Сисеева], Ивана [Выродков и детей его] Василия, Нагая, Никиту, [дочь его] Марью, [внука] Алексея, да два внука, да Иванова сестра Федора,[Да Ивановых братьев Ивана Выродкова]: Дмитрея, Ивана; (л. 82 об.) Ивана, Петра [детей Дмитриевых], Веригу, Гаврила, Федора, да [двух жен]: дочь [его] да внука [Выродковы же, 9 человек].

Ширяя [Тетерин и сына его] Василя; Ивана, Григория [Горяиновы Дементьевы], Василя [Колычов], Андрея, Семена [Кочергины], Федора [Карпов] Федора [Заболоцкой], Михаила [Шеин], князя Володимера, князя Андрея [Гагарины], Афонасия, Молчана [Шерефединовы], Ивана, Захария [Глухово], Ивана [Товарыщов], Фетку [Бернядинов], Михаила [Карпов], Федора, Василия [Даниловы дети Сотницкого], князь Данила [Чулкова Ушатого], князя Ивана [князя Андрея Дашковы], Григория, Семена [Образцовы]. Афонася [Обрасцов], Молчана [Митнев], князя Федора, князя Осип (л. 83).

Князя Григория [Ивановы дети Хохолкова Ростовской], Рудака [Бурцев], Михаила [Образцов, Рогатой], Иосифа [Янов], князя Александра [Ярославов], Василия [Мухин], Петра [Малечкин], Ивана [Большой], Ивана [Меньшой], Василя [Мунтов Татищевых], князя Федора [Несвицкой], Дмитрея [Сидоров], Оутошь [Капустина], князя Андрея [Бабичев], Карпа [Языков], Матфея [Иванов Глебов], Федора, Ивана [Дрожжины], Андрея, Григория [Кульневы], [Ивана], Третяка, [Ивана], Григория [Ростопчины], Ивана [Измайловы], Семена, Ивана, [Федора, Елизара, Ивана, Каменские].

11 сентября 1568 года

Отделано: Ивана [Петрович Федоров, на Москве отделаны] Михаила [Колычев], да три сыны его: Булата, [Симеона], Мину. [По городом]: князь Андрей [Катырев], князя Федора [Троекуров], Михаила [Лыкова] с племянником (л. 83 об.).

Ворошило [Дементьев, да 26 человек ручным усечением живот свой скончаша], Афонасиа [Отяев], Третяка [Полугостев], Второй [диак Буньков], Григория [Плещеев], Тимофея [Кулешин].

Около 1568–1569 годов

[Ивановы люди Петровича]: Смирновы, Оботура, Ивана (л. 85 об.) Лариона, Богдана, Петра, Вавила [Наганы новгородца]. [Из Сормы с Москвы] Бажин, старца Денесия [с Михайлова города], [старца] Илинарха.

Тимофея, Герасима [Нащекиных], Еремея [подьячего Дервин].

«Дело» боярина В.Д. Данилова. Василия [Дмитриевича Данилов], Андрея [Безсонов дьякон], [Васильевых людей Дмитриевых два немчина] Максима литвин, Роп немчин.

[Козьминых людей Румянцова] Третьяка, Третьяка, Михаила [Романов], Третьяка [Малечков, племянник Румянцов], Третьяк [лях, да новгородцов: архиепископа сына боярского], Третьяка [Пешкова], Шишку [Чертовской], Василия [Сысоев], Никитоу [Чертовской], Андрея [Паюсов], Ивана, Прокофия, Меншово, Ивана [Паюсовых] (л. 85).

[Дияк] Юрия [Сидоров], Василия [Хвостов], Ивана [Сысоев княж Владимиров сын боряский], Егоря [Бортенев], Алексея [Неелов], [дьяк] Иона [Юрьев], Стефана [Оплечюев], Семена [Паюсов], Григория, Алферия [Безсоновы], князя Бориса [Глебов Засекин], Андрея [Мусырской], Бориса [Лаптев], Роусина [Перфурова]. Дениса, Меньшика [Кондовуровых], Андрея [Воронов], Постника, Третяка, Матфея, Соурянина [Иванов], Григоря [Паюсовых], Постника [Сысоев], [владыки Тверского подключник] Богдана [Иванов], Федора [Марьин], Тоутыша [Палицын, Михаила[Бровцын], Григория [Цыплетев], Рудакова брата Пятого [Перфирьев], Меншово, Андрея [Оникиевы].

Подробный список казненных и убитых опричниками Ивана Грозного, в том числе и людей Федорова-Челяднина, был выслан Иваном Грозным в 1582–1583 годах в Николаевский Антониев монастырь, во все другие крупные монастыри [28].

Ослабление вотчинной системы землевладения (XVI век)

Центром крестьянской жизни было поселение с церковью и кладбищем, которое называлось *селом.* Вокруг села были разбросаны деревни, сельца и починки. Поселение без церкви, в котором жил помещик или иной владелец земли, назвалось *сельцом.* Вновь отстроенное поселение, состоящее из 1–2 домов – это *починок.*

Крестьянский двор, садясь на землю, брал у владельца ссуду и участок в среднем от 5 до 10 десятин (одна десятина равна 0,96 га. **– А.Г.**), иногда меньше. Крестьянин нес много повинностей перед государством и хозяином земли деньгами, натурой и своим трудом. К примеру, крестьяне Николаевского Антониева монастыря, кроме разных сборов, о которых будет сказано несколько позднее, пахали и засевали монастырскую пашню, возили в монастырь дрова и лучину, ставили подводы, чтобы вести монастырский хлеб в Городецко или в Москву.

Часто крестьяне были не в силах обрабатывать всю переданную им пашню, часть ее запускалось на неопределенное время, эта необработанная пашня называлась *перелогом.*

С усилением влияния боярства на государственное управление при княжеских дворах из числа младшей дружины стали набирать для военной службы и выполнения личных распоряжений князя наиболее преданных мелких бояр и боярских детей. Дворяне появились на Руси в XIII веке, как служители княжеского или боярского двора. Начиная с XIV века великие владимирские, московские, тверские, новгородские и другие князья жаловали им земельные наделы – поместья. От слова двор произошло название нового сословия, игравшего на протяжении нескольких веков важную роль в судьбе Российского государства – *дворянства,* которому за службу стали выделять участки земли с деревнями, которое называли *поместье.*

Поместье **–** это достаточно крупное феодальное владение, большую часть площади которого занимали барские угодья, обрабатываемые крепостными крестьянами. Придя на новые земли, помещик строил себе дом с усадьбой, обзаводился хозяйством, селил на свои земли крестьян, давал им ссуды. Крестьяне пахали его пашню и расширяли его угодья, освобождая участки земли от леса.

Поместная система начала особенно развиваться после завоевания Московским княжеством земель Великого Новгорода. Оттуда на

московские земли были вывезены самые богатые и знатные люди, а на их место посажены верные московскому князю служивые люди. За их службу великий московский князь Иван III Васильевич раздавал поместья.

В писцовой книге Вотской пятины Новгородской земли за 1500 год указаны одни из первых 106 московских помещиков, в том числе: Барыков, Редров, Тучков, Печенегов, Пушкин, Путятин, Русалкин и другие, которые имели около 3 тысяч дворов [29].

Позднее, особенно во времена Ивана Грозного, поместная система стала распространяться в центре России и на севере. Высшие чины, бояре, окольничие, думские дворяне за государеву службу получали от 800 до 2000 четвертей земли или от 200 до 540 гектар.

Стольники и московские дворяне получали от 500 до 1000 четвертей, позднее, уже при царе Михаиле Федоровиче, был ограничен верхний предел для них одной тысячей четвертей или 270 га земли.

Провинциальные дворяне и дети боярские получали за службу от 100 до 400 четвертей или от 27 до 108 га. За полученную землю дворянин был обязан нести службу с 15 лет, до этого он числился недорослем. Старших сыновей дворянина, если отец еще служил, выделяли в отвод, отделяли от отца и наделяли своим поместьем.

Из поместий выделяли доли вдове и дочерям умершего или убитого на войне дворянина. Вдова получала долю до смерти или до вторичного замужества, или до пострижения в монахини. Дочерям доля выделялась до 15 лет, после которого срока они уже могли выходить замуж.

Если помещик умирал своей смертью дома, то вдове выделяли 10% поместья, дочерям по 5%, если же помещик был убит на войне или в походе, то вдове выделяли 20%, а дочерям – по 10% поместья.

В связи с развитием поместной системы резко сократился круг владельцев вотчин. В конце XVI века в Русском государстве уже не было удельных вотчин, которые принадлежали бы служилому классу. Оставались вотчины государя, его родственников, некоторых князей и бояр.

Указы царя Ивана Грозного 1562 и 1572 годов ограничивали права вотчинников. Князья и бояре не могли уже продавать, менять или другим способом отчуждать свои старинные наследственные вотчины. Иногда, с разрешения царя, допускалась продажа вотчинной земли, но не более половины вотчины. Указом от 1572 года было запрещено вотчинникам отказывать свои вотчины «на помин души» в большие монастыри.

Монастырские вотчины были в его владении, но не были в собственности монастыря. Таким образом, вотчинное землевладение приблизилось к землевладению поместному.

Корнем слова «вотчина» является «отчина», то есть это земля, передающаяся от отца к сыну. В состав вотчины входили: леса, луга, пашни, строения, сельскохозяйственный инвентарь, животные и крестьяне, проживающие на этих землях.

Самые большие вотчины в XVI веке были у великих московских князей. Об этом можно судить по перечислению земель, указанных в завещаниях московских князей. Здесь я остановлюсь только на тех землях, куда позднее пришли карелы.

В первой духовной грамоте (завещании) от 7 июня 1407 года московский князь ***Василий I Дмитриевич*** завещал своему брату Константину Дмитриевичу в числе других вотчин Устюжну.

В марте 1423 года он написал третью духовную грамоту, в которой своей жене литовской княжне Софье, ставшей московской княгиней, завещал промысел своего деда село Кистьму (Кесьму) в Бежецком Верхе [30].

Великий московский князь ***Василий II Васильевич*** в духовной грамоте от 27 марта 1462 года завещал сыну Андрею Углич со всеми волостями, селами и всеми пошлинами вместе с Устюжной, Рожаловым, Велетовым, Кистьмою, как было за князем Дмитрием Шемякою. Также завещал ему весь Бежецкий Верх с волостями, селами, со всеми пошлинами.

В завещании он писал, что как начнут его дети жить по своим уделам, пошлют писцов, которые уделы эти опишут, да по тому письму обложат их по сохам и по людям. И по тому окладу его дети в выход начнут давать сыну его Ивану со своих уделов. Он завещал сыновьям слушаться своего брата Ивана, а Ивану держать братьев без обиды [31].

Духовная грамота великого московского князя ***Ивана III Васильевича*** была написана до 16 июня 1504 года. Он благословил в ней старшего сына Василия на великое княжение, передав ему большинство своих вотчин. Среди них – Корельскую землю всю, город Корелу с волостями, погостами и всеми пошлинами.

Город Кашин с волостями, селами и всеми пошлинами он завещал сыну Юрию.

Город Углич с волостями, селами, всеми пошлинами с Устюжной, Рожаловым, Велетовым, Кистьмою и городом Мологой он передал

сыну Дмитрию, поручив ему свести торг (ярмарку) с Холопьего городка на Мологе (позднее село Борисоглебское Ярославской губернии. **– А.Г.**) в город Мологу. Не путать Холопий городок на Мологе с Холопьим городком, который в древности был в 15 километрах от Новгорода на правом берегу Волхова.

Бежецкий Верх со всеми волостями, селами и всеми пошлинами он передавал сыну Семену. Ему также были завещаны города Калуга, Козельск, Липицы и другие многие города и села.

Старший сын Василий не должен был на удельных вотчинах братьев покупать землю и закладывать ее. Братья ему должны были выплачивать пошлину со своих уделов: сын Ивана III Васильевича Юрий с Кашинского уезда должен ежегодно платить Василию по 82 рубля без одной гривны. Сын Дмитрий с Зубцовского удела – 58 рублей с полтиною и 7 денег, сын Семен – 65 рублей без десяти денег, сын Андрей – 40 рублей с полтиною и полчетверти деньги.

Если какой сын умрет, а у него не будет ни сына, ни внука, его удел переходил к брату Василию.

Сам царь Василий III перед самой смертью сменил свою царскую одежду на монашескую, постригшись в монахи [32].

Духовная грамота ***Ивана IV Грозного*** была составлена в августе 1572 года, когда его сын Иван был еще жив. В числе многих городов, земель и вотчин он завещал сыну Ивану город Кашин, что ранее был за Одоевским.

Также завещал ему город Корелу с волостями, с селами и погостами, со всеми пошлинами и со всем тем, что к Корельской земле потягло.

Брату своему Юрию Иван Грозный завещал город Углич и город Бежецкий Верх (так написано в подлиннике. **– А.Г.**) со всеми полями, волостями, селами и со всеми пошлинами, а также Холопий городок, что торг на Мологе.

Сыну Федору он завещал Устюжну Железопольскую и села в Угличском уезде: Никольское и Жданово со всеми деревнями.

При своей жизни Иван Грозный считал монахов более нравственными, чем миряне. У них, по его мнению, не должно быть пороков, как у мирян: пьянства, прелюбодеяний, воровства и других. Он осуждал стремление монастырей иметь много сел и деревень, богатство, выпрашивать его у князей и богатых бояр. Одновременно, все действия Ивана Грозного говорили о том, что он желал для себя неограниченной никем, в том числе патриархом и церковью, власти.

Перед смертью Иван Грозный по примеру своего отца постригся в монахи под именем Ионы.

Крупными вотчинниками в те века, кроме государя и его родственников, оставались бояре, как потомки родоплеменной знати, они имели собственные земли, а нередко и свою дружину, что в условиях феодальной раздробленности позволяло им соперничать с княжеской властью. Наиболее богатые и влиятельные бояре принимали участие в княжеской думе на правах советников князя; от их мнения часто зависело решение важных государственных и судебных вопросов, а также урегулирование междоусобных конфликтов.

При дворе князя служили принятые в избранный круг, введенные бояре, которые управляли делами князя и его дворцовым хозяйством. В зависимости от обязанностей, они получали должность дворецкого, стольника, казначея, конюха или сокольничего, что считалось особо почетным и приносило боярину немалые доходы. Плата за такую службу называлась «в кормление», поскольку выдавалась на содержание семьи боярина и его обслуги.

Кроме выполнения службы, в обязанности бояр входило создание ополчения в случае военных действий и его полное содержание за свой счет. Это распространялось не только на введенных и путных бояр, но и на оседлых, не служивших при княжеском дворе земских бояр. Боярская служба была добровольной. Служилые бояре из старшей дружины имели право перейти к другому князю.

На территории Бежецкого Верха, кроме царской династии, было достаточно много вотчинников. Земли, пограничные с землями Николаевского Антониева монастыря, принадлежали крупным вотчинникам – князьям и боярам.

Один из них князь *Иван Петрович Шуйский* в Бежецком Верхе имел 2038 четвертей земли или 550 гектар. Он имел вотчины в Муромском, Ростовском, Козельском, Московском и Псковском уездах.

Один из древних дворянских родов в Бежецком Верхе Мелецких-Нелединских, с помощью которых и был основан монастырь, передали ему впоследствии достаточно много сел и деревень с землею. Поляк Станислав Янович Мелецкий пришел сюда в 1425 году на кормление, крестился в православие под именем Михаил. За службу ему московский великий князь Василий Васильевич дал удел город Вологду, вотчины Бежецкого Верха и в других местах, всего более 1000 дворов с людьми. Михаил Мелецкий передал свой удел в Бежецком Верхе

своему сыну Василию Михайловичу, у которого было двое своих сыновей – Иван и Афанасий. Афанасий Васильевич получил владения по берегам реки Нелединыи стал писаться двойной фамилией Нелединский-Мелецкий.

За два века этот род расширился и укрепился, в записных вотчинных книгах Поместного приказа второй четверти XVII века указаны 13 бояр и 5 боярин рода Нелединских.

Неподалеку от монастыря сохраняли свои вотчины угличский воевода Федор Ловчиков, Кашинский воевода Непейцин, князья Морткины, Шереметевы, Стрешневы, бояре Масловы, Лодыгины, Оляшевы и другие владельцы.

Через сто лет после основания Никольский Антониев монастырь стал обустроенным, и владел многими землями. После смерти Ивана Грозного владения Николаевского Антониева монастыря продолжали расширяться. В 1593 году при игумене Константине боярин Алексей Иванович Маслов передал монастырю свою родовую вотчинную деревню Маслово Раменье с деревнями:

Хрепелево
Слядолово
Якшино
Дубровка
Залужье
Залесье
Долгуха
Пролеиха
пустошь Тетериха [33].

Согласно описи 1575 года на территории монастыря была церковь во имя Николая Чудотворца и строящаяся церковь Покрова Пресвятой Богородицы. В монастыре находились службы: трапезная, погребная, хлебная, поварня, сторожка, больница и двадцать келий. За пределами монастыря в деревне Слобода жили монастырские повара, портные, кузнецы, плотники, рыболовы, квасовары, сторожа и другие служащие, всего около 70 человек. За монастырем также находились конюшенный двор, а на реке Могоче – мельницы.

Глава II. Монастырь в период Смутного времени

Смутное время в истории России

Московские князья со времен Ивана Калиты стремились к единоличной власти, постепенно убирая со своего пути других Рюриковичей, которые имели одинаковые с ними права на русский престол. Особенно это стремление укрепилось при князе Иване III Васильевиче, который приближал к себе не представителей своего рода, а служилых людей из незнатных родов, давая им боярство за верную службу. Подобное отношение к знатным князьям продолжилось при его сыне Василии, а особенно упрочилось при царе Иване Грозном.

В числе таких приближенных к царской семье людей стал внук татарского мурзы Чета, сын худородного московского боярина Борис Годунов. После И.П. Федорова-Челяднина сан царского конюшего 17 лет никому не был жалован, в 1585 году царь Федор пожаловал его своему шурину Борису Годунову. Став царским конюшим, он последовательно добивался царского трона. Прежде всего, он сумел убедить Ивана Грозного сосватать свою сестру Ирину за малоумного болезненного царевича Федора.

На совести Бориса Годунова убийство в городе Угличе младшего сына Ивана Грозного от его седьмой жены Марии Нагой царевича Дмитрия. В один из дней его воспитательница Василиса Волохова вывела Дмитрия гулять во двор и передала его своему сыну Осипу. Тот вонзил нож в шею мальчика, а находившиеся поблизости верные слуги Бориса Годунова дьяк Михаил Битяговский и его племянник Никита Качалов перерезали царевичу горло.

После убийства царевича Дмитрия надежда Бориса Годунова на царство усилилась. Но и Федор Никитич Романов не хотел уступать царский трон Борису Годунову. По преданию, именно он, по наущению боярина Андрея Петровича Щелканова и польского пана Льва Ивановича Сапеги попросил своего брата Александра приютить у себя во дворе холопа Юшку Отрепьева, похожего на убитого в Угличе царевича Дмитрия. Со временем он был пострижен в монахи под именем Григория Отрепьева и помещен в Чудов монастырь.

Царь Федор после вступления на престол, в июле 1584 года созвал собор, на котором владыкам и монастырям было запрещено приобретать вотчины. К тому времени владыка в своей епархии решал не

только церковные, но и земские дела, как удельный князь. Владыка имел право раздавать церковные и монастырские земли боярам. Эти земли переходили от владельца к владельцу не по наследству, а по воле архирея. На соборе 1584 года было решено уничтожить все тарханные грамоты, которые предоставляли владыкам и монастырям разные льготы по платежам и повинностям. Это стало результатом жалоб помещиков и служилых людей, что их крестьяне убегали в тарханные вотчины, поэтому они лишались своих доходов. Но это решение собора не исполнялось, царь Федор продолжал раздавать тарханные грамоты.

Царь Федор умер 7 января 1598 года, а за 10 лет до его смерти в некоторых документах Бориса Федоровича Годунова называли царем. Потомства после царя Федора не оставалось, поданные государства присягнули царице Ирине. Но та отказалась от царского трона, передав правление государством своему брату Борису Годунову. Сама она приняла монашеский постриг под именем Александры и поселилась в Новодевичьем монастыре.

Многие московские бояре не хотели царя Бориса Годунова, они предлагали созвать Земский собор, на котором избрать царя. При этом некоторые бояре предлагали избрать царем Федора Никтитича Романова – племянника первой жены Ивана Грозного Анастасии Захарьиной и двоюродного брата последнего царя династии Рюриковичей Федора.

Но на Земский собор 20–21 февраля никого из сторонников Романовых не допустили. Там правили бояре Годуновы и их родственники – бояре Сабуровы и Вельяминовы.

26 февраля 1598 года Борис Годунов из Новодевичьего монастыря торжественно въехал в Москву царем, патриарх Иов провел торжественный молебен в Успенском соборе. При Годунове жестоким преследованиям подвергалась семья бояр Захарьиных-Романовых: братьев Романовых обвинили в покушении на жизнь царя. По приказу Бориса Федора Романова постригли в монахи под именем Филарет и заточили в отдаленный северный Антониев Сийский монастырь. Младших братьев Романовых – Александра, Михаила и Василия отправили в ссылку, они умерли в изгнании.

Боярский приговор над семьей Романовых был оглашен через три года, в июне 1601 года. Ксению Ивановну Романову-Шестову постригли в монахини под именем Марфа и сослали в Заонежский Егорьевский

монастырь в Толвуе. Детей Федора Никитича и Ксении Ивановны, в том числе и сына Михаила, вместе с теткой Анастасией Никитичной и женой Александра Никитича отправили в Белозерский монастырь.

Весной 1605 года в Антониев Сийский монастырь, в числе других, пришли две важные вести. Литовский король в своей грамоте назвал вора, беглого чернеца, расстригу Гришку Отрепьева князем Дмитрием Углицким. В апреле пришла весть о смерти царя Бориса Годунова. Филарет Романов, надеясь на свое освобождение из монастыря, в душе поддержал Гришку Отрепьева. Московские бояре Салтыков, Басманов, братья Иван и Василий Голицыны присягнули Лжедмитрию, объявив его истинным царем, после чего самозванец торжественно въехал в Москву.

Лжедмитрий освободил из монастырей Филарета Романова, его жену, детей и родственников, мать царевича Дмитрия Марию Нагую и других знатных людей, пострадавших от Бориса Годунова. Вместе с самозванцем в Москву прибили казаки, много литовцев и поляков. Лжедмитрий приблизил к себе вернувшихся из ссылки бояр Долгоруких, Шереметевых, Куракина. Родственников Годунова возвеличил до воевод и отправил на службу в Сибирь.

Филарета Романова он назначил митрополитом в Ростове Великом, вторым по значимости после московского. В ростовскую епархию тогда входили Белоозеро, Великий Устюг, Молога, Углич и Ярославль.

Не прошло и года, как жители Москвы стали выражать недовольство Лжедмитрием, что он щедро раздавал деньги, земли и имения иностранцам – литовцам и полякам. Стал распространяться слух, что новый царь – не царевич Дмитрий, а самозванец. Сначала Григория Отрепьева узнали монахи Чудова монастыря, распространители слухов были казнены, но слух уже пополз по Москве и государству.

17 мая 1606 года князь Василий Шуйский поднял москвичей на бунт, толпа ворвалась в царский дворец, который охраняли стрельцы. Люди в толпе и стрельцы потребовали от Марии Нагой признания, ее ли сын находится на русском троне. Она отказалась признать в самозванце сына, дворяне Иван Воейков и Григорий Волуев убили Лжедмитрия.

Московские князья и бояре нарекли царем Василия Шуйского. Но слухи о живом царевиче Дмитрии не утихали, хотя царица Мария Нагая писала письма о смерти своего сына. В Польше объявился новый Лжедмитрий, который собрал войско из поляков, беглых холо-

пов и казаков. Они захватили город Орел и оставались там всю зиму, в июне 1608 года Лжедмитрий II со своим войском подошел к Москве и встал своим станом в Тушине, что в 12 километрах от Москвы.

Многие московские бояре сначала целовали крест царю Василию Шуйскому, а потом уходили в Тушино и присягали новому самозванцу.

Польское войско во главе с полковником Лисовским осадило Троице-Сергиеву лавру, а Лжедмитрий II с войском начал походы против городов вокруг Москвы. На сторону самозванца встали Суздаль, Переяславль, Ярославль, враги захватили города: Ростов Великий, Тверь, Шую, Владимир, Углич, Вологду, Псков. Войско самозванца постоянно пополнялось, по преданиям зимой 1609 года у него было 10 тысяч польской конницы, 2 тысячи польской пехоты, более 25 тысяч донских (донцов) и запорожских (черкесов) казаков, множество воровских шаек.

Польский король Сигизмунд желал сам сесть на московский престол, и осенью 1609 года направил свое войско к русской границе. Узнав об этом, тушинские поляки начали готовить мятеж против Лжедмитрия II. Тот, переодевшись в крестьянскую одежду, 29 декабря 1609 года бежал из Тушина в Калугу вместе с верными ему казаками.

Филарет (Федор) Романов, привезенный из Ростова Великого в Тушино, после бегства Лжедмитрия II, вместе с другими знатными московскими людьми составил грамоту на имя польского короля Сигизмунда с просьбой занять ему русский престол. Подписывая эту грамоту, Филарет назвал себя патриархом Московским и всея Руси.

Осада поляками Троице-Сергиевой лавры продолжалась почти шестнадцать месяцев, и была снята 12 января 1610 года войском князя М.В. Скопина-Шуйского. Под городом Дмитровым его войско разбило польский отряд Сапеги и сняло осаду Москвы. М.В. Скопин-Шуйский был отравлен 23 апреля1610 года во время званого обеда. Воспользовавшись его смертью, Лжедмитрий II с казаками и беглыми холопами захватил село Коломенское и встал там станом.

Русское государство, раздираемое междоусобной войной, польской и шведской интервенцией, переживало тяжелый период своей истории. Польский король Сигизмунд стоял под Смоленском, его гетман Жолковский – в Можайске, войско Лжедмитрия II – в Коломенском. В это время решением боярской думы от 17 июля 1610 года царь Василий Шуйский был свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи.

Перед московскими боярами, князьями и духовенством встал вопрос: кого избирать на царский престол? Одни предлагали прекратить борьбу с поляками и избрать русским царем польского королевича Владислава. Другие настаивали на избрание православного царя – Василия Голицына или Михаила Романова, на котором настаивал московский патриарх Гермоген.

18 августа 1610 года в Успенском соборе города Москвы в присутствии патриарха Гермогена большинство московских бояр присягнули на верность 15-летнему польскому королевичу Владиславу. До вступления его на русский престол была избрана «семибоярщина», в нее вошли бояре: Воротынский, Голицын, Лыков, Мстиславский, Трубецкой, Шереметев и Иван Романов – брат Филарета (Федора) Романова.

В Польшу было отправлено русское посольство во главе с Филаретом Романовым и князем Василием Голицыным. 12 апреля 1611 года поляки увезли русских послов в Польшу, Василий Голицын там умер, а Филарет Романов находился на чужбине 8 лет до обмена его 1 июня 1619 года на польского полковника Струся.

Таким образом, без единого выстрела и осады поляки захватили Кремль и Китай-город. Осенью 1610 года князь Петр Урусов во время охоты убил Лжедмитрия II. Польский королевич Владислав считался правителем России более двух лет, до начала 1613 года.

21 февраля 1613 года Земский собор избрал русским царем Михаила Федоровича Романова.

Борьба народного ополчения с поляками (1608–1609 годы)

Сохранились документы о борьбе отрядов народного ополчения с поляками и об обороне от них города Устюжны в 1608–1609 годах. Один из них называется «Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую». По этим документам можно хоть немного представить, как местное население Бежецкого Верха и Устюжны боролись с польскими интервентами.

В декабре 1608 года отряд польско-литовских интервентов двинулся из Городецко к Устюжне, которая не была защищена крепостью.

В войске поляков и литовцев было много черкесов (запорожских казаков) казаков-донцев и русских воров.

Отряд народного ополчения во главе с воеводой Андреем Петровичем Ртищевым 20 декабря 1608 года выдвинулся к селу Любегощи Бежецкого Верха. Он был сформирован из жителей Вологды, Белоозера, Устюжны, Углича, Кашина, Городца, сел и деревень Бежецкого Верха. В поле между деревней Батеевка и селом Любегощи произошла страшная сеча, в которой войско польско-литовских интервентов порубило много народных ополченцев. Воевода Ртищев повернул свой отряд к Устюжне, поляки следом не пошли, вернулись в Городецк.

В короткий срок с 5 января по 3 февраля 1609 года жители города Устюжны построили деревянную крепость. Поляки направили туда грамоту с требованием сдачи города. На помощь жителям пришли 100 стрельцов, и был прислан порох. Неделю, с 13 по 20 февраля 1609 года шла безуспешная осада города поляками и казаками.

Об этом факте Михаил Васильевич Скопин-Шуйский писал в своей «Окружной грамоте в разные города для укрепления граждан в верной к законному государю службе с возвещением о поспешающих на помощь от шведского короля войсках». В этой грамоте Скопин-Шуйский писал:

«Господам вологжанам и белозерцам и устюжанам железопольским и углечанам и кашинцам и Бежецкого Верху и Городецка и посадским и всяким людей Михайло Шуйской челом бьет. Писали к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси Бежецкой пятины дворяне и дети боярские и губные старосты, что вы, вологжане и белозерцы и устюжане и углечане и кашинцы и Бежецкого Верху и городечане, обвестясь с ними, с дворянами и с детьми боярскими и собрався пришли в Устьрецкой стан декабря в 21 день и изменников государевых Осипка Застолпскаго да пана Матьяша убили, а Федора Маврина взяли, а иных панов велели, переимав, посадити в тюрьму до государева указу, и крест вы государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси целовали, и государю служите и прямите, а в волости и в погосты приводить к крестному целованью послали; а в Торжок и во Тверь и в иные города писали, чтоб государю крест целовали и, обвестяся с вами, приходили на государевых изменников и на литовских людей заодин.

И вы, господа, то учинили, помня Бога и души свои, и государево царево и великого князя Василия Ивановича всея Руси крестное

целование, и прежняя ваша служба и раденье государю и всей земле ведомо, а учинилась смута у вас и крест целовали от великой неволи и от разоренья. И вам, господам, одноконечно к государю и всей земле служба своя и раденье показати, как естя начали, самим вам меж себя укрепить и, людей не роспустя, промышлять над изменники государевы не мешкая, и в города и в волости и в станы писать от себя и людей добрых посылати, чтоб они обратились и вины свои к государю принесли и крестному целованью приводите; а того бы вам однолично в оплошку себя не поставить, и людей не роспустить и не дать бы ворам собратись.

А где не учнут слушати и вам на те места приходить и от воровския смуты отводить и приводить их к крестному целованью на государево царево и великаго князя Василья Ивановича всея Русии имя. А немецких людей свейской король Карл шлет к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси на помочь 10 тысяч, и пришли с Семеном Васильевичем Головиным, да с дьяком с Сыдавным Васильевым на Ореховской рубеж декабря в 17 день, а в Новгород будут вскоре.

А в Новгороде милостию Божиею и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев помощию и заступленьем дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди и новгородские посадские люди государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси служат и прямят, и многих воров побивают и живых емлют, и хотят те все за веру православную и за святыя божия церкви и за государево царево и великого князя Василия Ивановича всея Руси имя померети.

И вам бы, господам, однолично служба своя и раденье совершити и промышляти вам над воры всякими мерами, сколько бог помочи подаст, и в города и в волости и в станы от себя к дворянам и к детем боярским и ко всяким людям писати, и людей добрых посылати, чтоб они обратились и вины свои к государю принесли, и собрався, ехали б к вам и стояли б на воров с вами заодин, а ворам на себя сбиратись не давали; а пущих воров, от которых чинится смута, имая побивали, а иных сажали бы есте в тюрьму до государева указу, а просто их не пущали. А что у вас учнется делати, и вам бы о том о всем писати к Москве почасту» [34].

После этого похода народных ополченцев против поляков, в Устюжну прибыл из Москвы воевода Андрей Петрович Ртищев, из Белоозера – Фома Подщипаев и с ним 400 человек ратных людей. В декабре 1612 года Устюжну пытались захватить казачьи атаманы Наливайко и Захарьяш

Заруцкий. Их отряды разоряли села вокруг Устюжны, Белозерье и Заонежье, их отряды стояли под Кирилло-Белозерским монастырем.

Через год после победы отряда народного ополчения в стане Усть-Река, 3 декабря 1609 года царь Василий Шуйский написал жителям Устюжны письмо под названием: «Увещательная грамота царя Василия Иоанновича в Устюжну Железопольскую: о стоянии за веру христианскую и за государство Российское; о недоверии ни в чем единомышленникам нового самозванца; о собрании всем ополчениям для общей защиты в Ярославль и обещании каждому за службу великого жалования и льготы». В ней он писал, что до него дошел, что жители Устюжны поднялись против воров, чтобы защитить православную христианскую веру и свои дома. Эту службу жителей города люди будут помнить во все века.

Он писал, чтобы жители города не верили ворам и воровской смуте, против них стояли и себя и свои места от воров оберегали. Чтобы от своего имени всем людям писали, чтобы они все собрались, на воров бы шли и свои места от них очищали. Чтобы не предали литовским людям на поруганье жен и детей своих, на грабеж дома свои.

«Но если все жители городов и сел вскоре не соберутся вместе и будут жить врозь, они увидят свое разоренье от воров и запустенье своих домов, поруганье над женами и детьми, и сами будут себе и нашей христианской вере и своему отечеству предатели.

Ныне всем ведомо, как воры литовские люди нашу христианскую веру разоряют, и образы обдирают и колют, раки святых рассекают, какие подати с вас собирают. Скоро все соберетесь и станете все вместе, и вы от воров свободны будете, честь себе и хвалу вечную получите, жить начнете в тишине и покое. Если кто вас начнут прельщать или какие изменные слова начнут говорить, или кто с вами идти не захочет, вы не молчали, делали им наказанье, кто чего достоин.

Как соберетесь, вы бы со всеми людьми шли в Ярославль, и будет можно к нам к Москве придти. Похотите ждать в Ярославле, вы о том нам отписали, мы вам навстречу пришлем бояр наших и воевод со многими людьми. Вы бы послали от себя кого на встречу с боярином воеводой Федором Ивановичем Шереметевым, чтобы ему про вас было ведомо. А если будет с воровскими людьми бой, вы бы людей на нартах направляли и велели с разных сторон приходить и с ними воевать.

Ожидаем из Великого Новгорода боярина и воеводу князя Михаила Васильевича Шуйского с новгородскою и псковскою ратью и

с немецкими людьми. Да из Смоленска воевод со смоленской ратью, да боярина нашего и воеводу Федора Ивановича Шереметева с понизовской ратью, да вас устюжан и всех наших служилых людей. Как с людьми сойдемся, с ворами начнем воевать. А которые русские люди в воровских полках, сообщают, что придут к нам и будут воевать с литовскими людьми, подождав время.

Ныне в Москве в людских и конских кормах нужды нет, вы бы безо всякого сомнения, собравшись со всеми людьми, шли к Москве, не мешкая. Мы вас пожалуем великим жалованьем. Вас устюжских помещиков и детей боярских пожалуем многою денежной и поместной придачею. А вас посадских и уездных людей пожалуем льготою на многие лета, и торговать велим беспошлинно и во всем велим вас охранить. Сверх того пожалуем нашим великим жалованьем, чего у вас и на разуме нет. Всякие ваши разоренья и нужду велим пополнить, и службу всех вас во веки учиним памятную.

А что у вас ныне делается, вы о том нам отписали, и посылали гонцов разными дорогами, чтобы им к нам к Москве пройти здорово и бесстрашно. А если можно, вы бы к троице в Сергиев монастырь посылали кого пригоже, и велели им про себя в монастыре сказать. А с этой нашей грамоты, списав списки, посылать во весь Устюжский уезд, чтобы всем людям было ведомо.

Грамота написана 23 декабря 1609 года на нашем стане по Волоцкой дороге» [35].

Понизовская рать получила свое название по Понизовской земле, так называли новгородцы Владимиро-Суздальское княжество. Народное ополчение Бежецкого Верха, Устюжского, Угличского и Кашинского уездов, воевали с польско-литовскими отрядами и казаками, начиная с 1608 года, длительное время, вплоть до конца 1618 года.

Границы Устюжно-Железопольского уезда на востоке в то время проходила по реке Кесьма в ее нижнем течении, захватывая село Весиегонское с его деревнями, которое было центром Велетовского стана Устюжно-Железопольского уезда. Далее до реки Сить шли земли Бежецкого Верха, границы которого не менялись. В 1609–1610 годах польско-литовские интервенты вместе с казаками опустошили 59 деревень Велетовского стана. Из 123 селений, бывших здесь в 1597 году, к 1630 году смогли восстановить 58 деревень, в которых насчитывалось 288 дворов. Жилыми оставались село Весиегонское, 2 погоста, 4 сельца с помещиками, один починок и 50 деревень.

Монастырская вотчина во время польско-литовской интервенции (1605–1612 годы)

К началу Смутного времени Николаевский Антониев монастырь имел деревни, подаренные ему в разное время богатыми владельцами земли, в том числе: в 1494 году – 5 деревень, в 1500 году – одно село Сандово и 5 деревень, в 1518 году – два села Спас на Холму и Живоначальной Троицы с 28 деревнями. В 1564 году ему передано село Федорково с 15 деревнями и в 1593 году – село Маслово Раменье с 9 деревнями. За это время монастырю передали 5 сел и 62 деревни, кроме них монастырь постепенно сам захватывал и осваивал окружающие его земли, на которые расселял крестьян, покупая их, и перехватывая беглых.

Перед смертью Иван Грозный пытался замолить свои грехи, в том числе по «делу И.П. Федорова-Челяднина» и в совершении «Бежецкого погрома». Пожертвования царя и его сына Федора Иоанновича Николаевскому Антониеву монастырю были довольно значительные. В 1582 году при игумене ***Феодосии*** Иван Грозный пожаловал монастырю по убитому сыну своему Ивану 200 рублей, деньги привез посланник царя Иван Дроздов.

Через год при игумене ***Александре*** Иван Грозный по своему убитому сыну и другим жертвам своего гнева прислал в монастырь 12 небольших икон в серебряных окладах, стоивших 50 рублей.

26 марта 1583 года игумен монастыря Александр привез из Москвы от царя 87 рублей 30 алтын и 9 денег по убитому сыну его Ивану.

15 июля 1583 года царь пожертвовал монастырю еще 570 рублей и 3 серебряные стопки.

На шестой день после смерти Ивана Грозного 24 марта 1584 года в монастырь было пожертвовано его сыном 600 рублей по опальным людям.

30 августа того же года царь Федор Иоаннович передал монастырю 132 рубля по отцу своему Ивану Васильевичу.

В материалах архивных дел имеется краткое описание монастыря перед Смутным временем, которое было следующее. Ограда – деревянный забор. Вход в монастырь с восточной стороны через «красные ворота», над которыми возвышалась деревянная церковь мученика Никиты с приделом Макария Египетского. В монастыре вправо от

ворот стояла каменная церковь Николая Чудотворца, в ней придел Благовещения Пречистые Богородицы. Крыша и две главы на церкви деревянные, кресты тоже деревянные, опаяны жестью.

Входные двери в Никольскую церковь с трех сторон – передние и полуденные двери железные, а ночные – деревянные. Перед дверями не было ни паперти, ни крылец. Пол в церкви настлан кирпичом, а у стен – белым камнем.

Иконостас в четыре яруса, икон много, около 200, все местные. Из них много мелких настенных икон в серебряных вызолоченных окладах и венцах со множеством на них дорогих подвесок: крестов, ожерелий, монет, колец, серег и прочих. Впереди иконостаса помещено в золоченых киотах несколько складных икон со створками.

Особо помещен вклад царя Ивана Грозного, состоящий из 12 небольших икон в серебряных окладах, которые государь пожаловал по опальным людям.

По обилию подвесок замечателен образ Пречистые Одигитрия, обложенный серебром. На ней одни серьги яхонтовые с жемчугом от Ульяны, жены Семена Андреевича Бутурлина, другие – яхонт да лалы с жемчугом от Настасьи, жены Никиты Шереметева.

Перед иконами с правой стороны стояли три свечи, местные, по три пуда каждая, с левой стороны тоже три свечи, в одной – три пуда, в двух других – три пуда в обеих.

На западной стене у северного угла на высоте от пола более сажени – железная дверь. Это тайник, в котором хранилась большая монастырская казна.

Отдельно от Никольского храма до 1592 года стояла теплая трапезная церковь Дмитрия Солунского. Благодаря пожертвованиям царя Ивана грозного и его сына Федора к 1592 году была достроена церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Она была построена вместо трапезной церкви Димитрия Солунского, тоже с разными службами. Белый камень для фундамента и извести ломали на Мологе. В устроении этой церкви принял участие своими деньгами живший в монастыре и постриженный с именем Феодорита, боярин Федор Васильевич Шереметев, сын Василия Андреевича, в монашестве Вассиана, и брат Ивана Васильевича Шереметева.

Отдельно на 8 столбах стояла деревянная колокольница, в ней колокол весом около 50 пудов (около 800 кг. **– А.Г.**), четыре колокола красных, два зазвонных и еще один колокол.

Игуменская келья разделена на две половины – переднюю и заднюю с передними и задними сенями. В монастыре также находились службы: келарская, пономарская, трапезная, погребная, хлебная, поварня, сторожевая. Братских келий было 20, еще одна келья гостиная и больница.

К концу XVI века число слуг, живших на монастырских хлебах уменьшилось. Например, в 1564 году их было 201 человек: монахи, дьяки, повара, квасовары, портные, кузнецы, плотники, рыболовы, мельники, конюхи и другие служащие. После 1575 года оставалось 140 дьяков и разных служилых людей, а также 31 монах.

К началу Смутного времени монастырь владел 137 деревнями, которые относились к пяти центрам, называемым «сохами». Этими центрами были деревни Заболотье, Коробово, Прибыльная, Новины и Боброво.

К Заболоцкой сохе относились 32 деревни, в числе их Афанасово, Брагино, Рычманово, Турков починок и другие.

На территории Коробовской сохи были 25 деревень, среди них – Глупцово, Коробово, Костычево, Нива, Раменье и другие.

Прибыльную соху представляли 25 деревень, в том числе: Григорово, Замошье, Косяково, Полежаиха, Трущевец и другие.

В Новинской сохе находились 27 деревень, среди них Андрюшино, Польниково, Скоросово, Черкасово.

К Бобровной сохе относились деревни Аннинское, Бортницы, Думино, Красное, Муравьево и другие, а всего – 28 деревень [36].

Смутное время отразилось на положении монастыря и монастырских деревень. 7 сентября 1605 года Лжедмитрий I пожаловал монастырю «сосуды церковные серебряные, потир, три блюда, звезду, лжицу, копье, 26 рублей денег новгородских, евангелие титровое обшитое бархатом. А взяты те сосуды церковные и евангелие в царскую казну у старца Феодорита Шереметева в прошлом году» [37].

После 19 декабря 1605 года игумен монастыря ***Иосиф I*** со святой водой ездил в Москву к Лжедмитрию I, где преподнес ему образ святителя Николая. В благодарность Лжедмитрий I пожаловал монастырю 7 пустошей: Деревково, Маковеево, Мартыново, Пупов двор, Ступино, Субботино и Ярофеево. В марте 1606 года к Лжедмитрию I с дарами ходили монастырские монахи.

По случаю вступления на престол нового царя Василия Ивановича Шуйского, в июне 1606 года к нему ездил игумен монастыря и препод-

нес образ святителя Николая. Нужно отметить, что поездки игумена монастыря к царю в Москву бывали каждый год после зимнего Николы в декабре или январе. Он ездил туда со святыми водами и образом Николая Чудотворца в серебряном окладе с позолотою.

С появлением второго самозванца многие бояре перешли к нему, некоторые города сдались Лжедмитрию II по договору, другие, не имея возможности сопротивляться, были захвачены поляками силой.

Городецк (Бежецк) и его окрестности, в том числе и Николаевский Антониев монастырь признали Лжедмитрия II царем, хотя Новгород, от которого зависели Городецк и монастырь, оставался верен законному царю Василию Шуйскому.

В декабре 1608 года игумен ***Кирилл*** ездил к самозванцу Лжедмитрию II с образом святителя Николая и святой водой. Этот дар не спасал монастырь от грабежей и разбоев бродивших возле него поляков, казаков и русских мятежников.

Не имея каменных стен, монастырь не мог защититься даже от мелких шаек воров и разбойников. Он был вынужден давать деньги, продукты и фураж польским панам и казакам.

Об этом свидетельствуют документы: «3 декабря 1608 года ездили на Городецко к панам с кормами и выправили у них бережательную грамоту».

«1 января 1609 года дано пану Миколаю Косаковскому да ротмистру Ивану 20 рублей для оберегания, как шли они под Устюжну».

«10 января 1609 года послано с Никольскими слугами воеводе пану Миколаю Косаковскому 20 рублей денег, да Ивану Баклановскому 5 рублей для оберегания вотчины, как шли из-под Устюжны под Городецко».

«14 января 1609 года дано атаману Тарасу Черному рубль денег, ночевал на конюшенном дворе, а с ним ночевали пятьдесят человек казаков, шли из Поречья».

«Приезжали монастырь грабить казаки донцы, как шли из-под Устюжны, и взяли из казны 70 рублей». Все эти подати и дары не уберегли монастырь и его деревни от разорения [38].

В праздник Рождество Христово 25 декабря 1609 года игумен монастыря и несколько монахов из братии бежали от разбойников в Вологду. После того, как 29 декабря 1609 года Лжедмитрий II бежал из Тушина в Калугу, жизнь в монастыре стало спокойнее.

Опричнина Ивана Грозного сильно подорвала благосостояние населения. Разорение им северо-западных земель, в том числе Бежецкого

Верха, привело к мору и сокращению жителей. Их к 1597 году стало в 3 раза меньше, чем в средине века. В Смутное время город несколько раз подвергался нападениям со стороны поляков и казаков. В январе 1609 года народное ополчение города выбило их из окрестных сел. С 3 по 8 февраля 1609 года польско-литовские интервенты вместе с казаками-донцами осаждали Устюжну, но все атаки были отбиты, враги отогнаны от города, а потом и от окрестных сел.

Оставшиеся в живых и вновь прибывшие монахи приступили к восстановлению поруганной святыни, в апреле 1610 года игумен монастыря получил у Новгородского архиепископа благословенную грамоту, началось прерванное разбоями богослужение. Игумен вновь побывал у царя Василия Ивановича Шуйского с образом святителя Николая и святой водой. Во время Смутного времени бежецким воеводой был Матвей Юрьевич Нелединский, его убили поляки в 1610 году.

В 1610 году шли интенсивные переговоры царя Василия Шуйского со шведами о помощи ему взамен передачи шведам всего Корельского уезда. Дорога из Москвы в Корелу и обратно шла мимо Николаевского Антониева монастыря. Монастырским людям нередко их приходилось сопровождать, о чем свидетельствуют записи в приходно-расходных документах.

29 марта 1610 года было дано из монастырской казны проводнику Левке на корма шестерым подводам 2 алтына 4 деньги, провожали шведского гонца до Любегощи.

10 апреля было дано проводникам Кондрашке и Ворохалку из монастырской казны на корма лошадей 20 алтын с гривною. Они на двадцати четырех подводах провожали посланника шведского короля Карла ротмистра Зенбаку с людьми до Устюжны. Провожали государева стольника Василия Бутурлина и подьячего Бажена Стефанова до Кашина. Они гнали из Корелы, и наняли две подводы от Матвеевского до Кашина [39].

Но в июне 1610 года Василий Шуйский был низведен с престола, близ монастыря снова стали появляться шайки разбойников. Игумен вместе с казначеем не раз укрывались от них, то в Вологде, то в Устюжне, оставляя монастырь на кого-то из старцев. В 1611 году поляки и казаки полностью завладели монастырем и его вотчинами.

Постоянные поборы польских интервентов и казаков в 1611 году переросли в открытый разбой. Они разграбили богатство монастыря,

забрав все золото и серебро, золотые и серебряные сосуды, драгоценные подвески. Осквернили раки святых, которые были установлены в подвалах монастыря и соборе, сняв с них все драгоценные камни. Монастырь был разорен, архимандрит с казначеем скрывались, оставшихся в монастыре монахов поляки убили.

В синодик (поминальник. – **А.Г.**) Николаевского Антониева монастыря вписаны 26 монахов, убитых в 1611 году во время литовского разорения, а именно:

Никандр,	Тарасий,	Леонтий,
Феогност,	Симеон,	Васьян,
Иов,	Виссарион,	Александр,
Иаков,	Матфей,	Дорофей,
Аврамий,	Боголеп,	Анисим,
Маркелл,	Исаия,	Онуфрий,
Герасим,	Иродион,	Илия.
Елиссей,	Александр,	Никон.
Васьян,	Иов,	

Поляки убили этих оставшихся в монастыре монахов, убивали жителей деревень, которые не успели скрыться в лесах, а деревни поджигали. В числе разоренных деревень были Бабино, Голоднево, Лаптево, Сандово, где людей убили, храм и монастырский двор сожгли [40].

Ситуация в Русском государстве к 1612 году была в высшей мере критической. Польско-литовские войска захватили все западные земли вплоть до Москвы, совершая опустошительные набеги на русский север: Устюжну, Белоозеро, Вологду. Шведы продвинулись за озеро Ильмень, покорив Ивангород, Корелу, Копорье, Новгород, Старую Руссу. Свободными от захватичиков оставались земли восточнее Ярославля, Коломны, Нижнего Новгорода.

В начале апреля 1612 года Минин и Пожарский пришли с ополчением в Ярославль, откуда направили для освобождения Николаевского Антониева монастыря от поляков и казаков большой отряд во главе с князьями Дмитрием Черкасским и Иваном Троекуровым. Узнав об этом, казаки и поляки бежали из монастыря без боя, монастырь был освобожден.

В 1612 году после изгнания с русской земли польско-литовских интервентов и донских казаков монахи Николаевского Антониева мо-

настыря переписали деревни и пустоши, относящиеся к его вотчине. Картина получилась удручающей, 106 бывших сел и деревень были полностью разрушены, опустошены и сожжены. Они превратились в заросшие кустарником, лесом и бурьяном пустоши.

В 31 оставшихся деревнях большинство домов были пусты, жилых домов осталось мало, туда успели вернуться прежние хозяева. Остальные жители убежали на юг или прятались в лесах. Мужики с топорами и вилами не пускали врага в свои деревни и дрались насмерть. Но силы были неравны, деревни опустели. Люди и звери поменялись жилищами: на пустынных улицах деревень находили приют волки и лисицы. Люди забирались в самую глухую чащу, питались ягодами, травой, корнями растений.

Больше всего старались казаки и другие московские приверженцы Лжедмитрия, которые отрезали себе всякое отступление и ставили на карту свою жизнь. Они поджигали деревни, гонялись с собаками по лесам за людьми, убивали мужчин, насиловали женщин. Многие деревни и села вотчины Николаевского Антониева монастыря превратились в пустоши, заросшие кустарником, мелким лесом и бурьяном.

Из всех церквей вотчины монастыря после польско-литовского нашествия сохранились три: Преображения Господня в селе Спас на Холму, Косьмы и Домиана в Рычманове и Ильи Пророка в Мицыно. Из церквей было расхищено все, что можно было взять, в монастыре не оказалось большинства золотых и серебряных сосудов, риз, подвесок к иконам, окладов к евангелиям. Были сплошь выжжены пустынь Спас на Рене, церкви и села Лаптево, Красное, Сандово.

В описи 1612 года я насчитал 89 пустошей, которые смог расшифровать, да еще 17 пустошей, которые расшифровать не смог.

Оставшиеся монастырские деревни после польско-литовского нашествия 1612 года:

Табаково – 11 дворов жилых
Сладолово – 10 дворов жилых
Храпелево – 2 двора пустых
Дубоносово – 2 двора пустых
Шлячиха – 1 двор пустой
Щеглово – 7 дворов пустых
Хвойново – 4 двора пустых
Горелец – 2 двора пустых
Бабино – 8 дворов и 2 пустых

Нивицы – 10 дворов пустых
Голоднево – дворы пусты
Бояринцево – 2 двора пустых
Посад – один двор пуст
Мокравицы Большие – 4 двора жилых
Мокравицы Меньшие – дворы пустые
Ведерница – 2 двора жилых и 2 пустых
Лящихино – 11 дворов жилых и 4 пустых
Михалиха – все дворы пустые.

В других 13 оставшихся после нашествия поляков и литовцев монастырских деревнях было по 1–3 двора жилых, остальные дворы пустые [41].

Дальнейшее опустошение земель казаками (1614–1618 годы)

В октябре 1612 года устюжский воевода князь Андрей Васильевич Сицкий в своей челобитной, направленной в Москву, сообщал, что ныне литовские люди воюют в Бежецком Верхе и Устюжском уезде. В конце марта 1614 года царь Михаил Федорович Романов направил воеводе Федору Ивановичу Погожеву грамоту, чтобы он с другими воеводами послал ратных людей на Углич и Устюжну на воровских казаков атамана Яковлева, чтобы не дать им убивать крестьян Устюжского уезда. Такая же грамота была послана в Устюжну воеводе Ивану Урусову.

Недолго Николаевский Антониев монастырь жил спокойной жизнью, в апреле 1614 года от Онежского озера и Белоозера к нему стали стягиваться шайки разбойников из казаков (черкес) и разных воров. Для отражения нападения разбойников в монастыре разместился отряд стрельцов под началом сотника Федора Тимашова, а также казаки во главе с Максимом Чепушниковым. Игумен с братией выехали в Городецко в свой монастырский двор и в Введенский монастырь, оттуда помогая стрельцам. Там они оставались до 1618 года, опасаясь прихода поляков [42].

После того, как отряды народных ополченцев освободили Москву от поляков, вокруг Москвы, в том числе на территории Бежецкого

Верха в 1614 году появились шайки разбойников казацкого атамана Баловня. Некоторые исследователи называют грабежи и разбои этих шаек народным казацким восстанием 1614–1615 годов, считая их действия крупным народным движением России. Казачьи вооруженные шайки бродили в окрестностях городов Романова (теперь Тутаев Ярославской области. – **А.Г.**), Углича, Кашина, по территории Бежецкого Верха.

Осенью 1613 года из Москвы в Новгород для освобождения его от шведов, было направлено войско во главе с князем Д.Т. Трубецким, в котором также находилось около одной тысячи казаков. Отряд стоял несколько месяцев Торжке, в это время казаки на территории Тверского уезда разоряли дворянские поместья, били, жгли и мучили их крестьян. Они полностью разграбили в числе других поместье князя Б.В. Касаткина-Ростовского, силой схватили и удерживали в своем отряде боярского сына Г. Ржевского.

В апреле 1614 года русское войско Трубецкого стало лагерем под Бронницей на реке Мсте, готовясь к наступлению на Новгород. Шведский военноначальник Якоб Делагарди, не дожидаясь русских войск, подошел к Броннице и нанес поражение русским. Многие казаки вместе с атаманами после этого поражения отошли от Трубецкого и пошли грабить местное население в Тверском уезде, Бежецком Верхе, Устюжском, Кашинском, Угличском и других уездах.

Шайка казачьего атамана Макара Козлова ограбила села вотчины матери царя Марфы Романовой, в том числе село Хабоцкое на территории Бежецкого Верха. Его казаки грабили по дорогам «дорожных людей». На реке Дубне они встретили монастырский обоз игумена Кирилло-Белозерского монастыря, сняли с игумена соболью шубу, захватили у обоза 46 коней, всякий запас и 211 рублей 26 алтын денег. Монастырские слуги попытались оказать казакам сопротивление, но были «переранены». В октябре 1614 года Козлов был арестован и посажен в тюрьму [43].

17 февраля 1614 года казачий атаман А.Семенов пробрался в Торжок и увел из войска Трубецкого 200 казаков под Углич, где они грабили местное население. Из Москвы к Новгороду с отрядом был отправлен казачий атаман И. Нагибин. Но он не пошел к Твери и Торжку, а пошел по другой дороге к Калязину. От Калязина, через город Кашин и Кесову Гору, повел свой отряд к Городецку (Бежецку), грабя по дороге местное население. Оба этих отряда встретились на берегу Волги, в

Прилуцкой волости Углицкого уезда. Один отряд пришел от Углича, второй – от Кашина.

В феврале 1614 года они «камня на камне» не оставили в Прилуцкой волости, полностью опустошив село и деревни, которые после разграбления были сожжены. Впоследствии Прилуки возродились, как монастырское село Троице-Сергиевой лавры.

На помощь убежавшим в леса жителям пришел угличский воевода Иван Борисович Голочелов с отрядом, который воевал с казаками, захватив несколько человек в плен.

Из Прилуцкой волости Углицкого уезда казачьи атаманы Семенов и Нагибин прошли со своими отрядами до Устюжны и дальше, грабили Череповецкую волость Пошехонского уезда. Они остались до весны в селе Федосьино Череповецкой волости. К казакам пристали еще около 300 воров и разбойников, пришедших туда из разных мест.

В это время отряды казаков во главе с атаманами Маматовым и Трусовым ушли за Онегу и грабили Заонежские карельские погосты. В конце марта 1614 года царь Михаил Федорович направил грамоты всем казачьим атаманам с предложением вернуться на государеву службу. Он предлагал им идти служить к воеводе князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому.

Казачьи атаманы Щербак Иванов и Мурза Семенов пошли грабить и опустошать деревни Белозерского уезда. Туда же пришел из Заонежских погостов атаман Маматов со своим отрядом.

23 апреля 1614 года угличский воевода Иван Голочелов разбил отряд запорожских казаков на Мологе. Захваченные им пленные запорожцы, которых называли еще черкесы, сказали, что они шли из Заонежских погостов вместе с русскими казаками (донцами). Потом они разделились, черкесы пошли на Мологу, а русские казаки направились в Пошехонье.

13 июня белозерский воевода сообщал царю, что от тех казаков они сидят в остроге вместе с лошадьми и другой живностью с великим обереганием.

Казаки в поисках продовольствия и с целью наживы грабили деревни Заонежья, Белозерского, Вологодского, Пошехонского уездов, совершали свои разбойничьи рейды по Бежецкому Верху, в сторону Углича, Кашина, Ярославля и Романова (теперь город Тутаев Ярославской области. **– А.Г.**).

Свои станы казачьи атаманы установили в Пошехонском уезде, в том числе: в селах Белом, Лукавце, Красном, городе Мологе. Здесь собралось около 1,5 тысяч русских казаков (донцев) и запорожских казаков (черкесов). Местность, где проходили казаки, оставалась опустошенной, что кормов конских, овса и сена не было. Многие жители запорожскими казаками (черкесами) и ворами-казаками (донцами) были побиты и ограблены, а села и деревни выжжены.

Осенью 1614 года боярин князь Б.М. Лыков-Оболенский в городе Ярославле стал формировать народное ополчение на борьбу против казачьих банд. В это время атаманы повели казаков от Пошехонья и Мологи к Белозерску и Вологде. 6 декабря 1614 года из Устюжны туда же подошли отряды во главе с атаманами Лабутиным, Титовым, Тарасом Черным и Булатовым.

Тогда же у Вологды появился отряд атамана Михаила Баловнева, по кличке «Баловень», который повел свой отряд в Чарондскую округу. Чарондский уезд был полностью захвачен казаками, воеводы оттуда сбежали. Там «воровские казаки» пожгли много дворов и пограбили людей, оставшихся после литовской и казачьей войны 1608–1612 годов. В самой Чаронде из 26 пашенных дворов казаки сожгли 16, из 30 непашенных дворов – девять.

Народное ополчение во главе с князем Лыковым-Оболенским пошло от Ярославля к Вологде, в отряде было около 2 тысяч ополченцев. По дороге князь неоднократно направлял казачьим атаманам письма с предложением перейти на службу к государю. В средине января 1615 года некоторые запорожские атаманы (черкесы) сообщили Лыкову-Оболенскому о своей готовности идти на службу государю.

Лыков с ополченцами вошел в Вологду 29 января, ему выразили готовность служить государю казачьи атаманы Василий Булатов и Михаил Баловнев. К тому времени каждый из них возглавлял отряды, в которые входили по несколько станиц со станичными атаманами.

М. Баловнев в белозерском селе Мегры встретился с присланными из Москвы воеводами Н.А. Волконским и С.В. Чесменовым. Он заявил воеводам, что казаки готовы идти на службу под Новгород, под Ладогу и под Олонец. К этим двум атаманам в начале февраля присоединились отряды казаков Федота Лабутина, Таира Федорова и Степана Артемьева.

Воеводы еще две недели собирали в свои отряды мятежных казаков. Многочисленная делегация, около 2 тысяч казаков, со своими

станичными атаманами, возглавляемые атаманом М. Титовым, подала повинные челобитные, а также просьбу о жалованье. К тому времени многие казаки обзавелись женами и наложницами, которых возили с собой. Они просили воевод Волконского и Чесменова разрешить брать их с собой, но воеводы этого не разрешили.

Местные дворяне и жители, чьи поместья, погосты, деревни и дома, грабили казаки, обвинили князя Волконского в воровстве вместе с казаками. Тому пришлось оправдываться в письменной грамоте, что его воровства не было. Повинившиеся отряды казаков двинулись на государственную службу под Тихвин. Другие русские атаманы (донцы) отказались от предложений князя.

В апреле 1615 года около 200 казаков во главе с атаманами Тонконоговым, Мелкировым и Калачниковым совершили свой грабительский рейд по карельским погостам Заонежья, и ушли в Лапландию, где воевали и грабили Лопские погосты.

Вместе с Титовым под Тихвин ушел станичный атаман М. Баловнев (Баловень), родом из поселения Данков, что в верховьях Дона. Под Тихвином он восстал против службы государю и стал собирать свое войско. В него вошли 30 станиц со своими станичными атаманами, всего около 3 тысяч казаков. С таким войском Баловень пошел через Устюжну и Бежецкий Верх к Москве, грабя по пути оставшееся местное население этих уездов [44].

В начале июля 1615 года казаки Баловня были под Москвой, Москву удерживало царское войско. Народное ополчение Лыкова-Оболенского подошло к Москве в начале июля. Князь Лыков опять стал писать письма казачьим атаманам, 17 первых казаков, перешедшие на его сторону, были прощены и получили денежное вознаграждение.

23 июля предводителей казачьего бунта Баловнева, Терентьева и Карташова призвали в Москву на переговоры к государю. В этот день царское войско пошло в наступление на казацкие отряды, в спину казакам ударило народное ополчение Лыкова. Атаману Терентьеву как-то удалось выбраться из Москвы, он сообщил казакам об аресте Баловнева и Карташова и принял руководство казачьим войском. Бой завязался у стен Данилова монастыря, казаки не выдержали и побежали. Царское войско преследовало их 30 километров до Пахры. Казацкие банды Баловня окончательно были разбиты на берегах реки Лужа [45].

Главарь казацкого бунта Баловень и другие атаманы, его ближайшие сподвижники, были повешены, 35 атаманов отправлены в тюрьмы

Нижнего Новгорода, Коломны, Костромы и других городов. Среди них были те атаманы, кто грабил деревни Бежецкого и Кашинского уездов – Семенов, Тарас Черный. Однако шайки казаков-разбойников не перестали бродить по дорогам от Углича к Устюжне, от Устюжны к Городецку и другим землям, в том числе Бежецкого Верха и Кашинского уезда.

В ноябре 1615 года казаки под руководством польского полковника А. Лисовского из-под Ржева и Погорелого Городища двинулись в Кашинский и Угличский уезды, грабя местное население. Они отбирали у него сено, овес, продукты питания и одежду.

Положение Русского государства по-прежнему оставалось очень тяжелым. В сентябре 1616 года сейм Речи Посполитой дал согласие на поход к Москве польскому королевичу Владиславу, чтобы занять ему московский трон. В войске Владислава вновь стали служить донские казаки во главе с атаманами, выпущенными из тюрем.

В числе их был Тарас Черный, который в 1609 году силой грабил казну Николаевского Антониева монастыря, в 1614–1615 годах со своей шайкой грабил местное население Белозерского, Вологодского, Мологского и Пошехонского уездов. В январе 1617 года польский королевич Владислав выразил Тарасу Черному благодарность за службу.

Русский царь Михаил Федорович направил атамана Веригу Яковлева, чтобы он уговорил казаков не воевать вместе с поляками. Однако Яковлев со своими казаками присоединился к полякам. Летом 1618 года он был пойман, попал в плен и сослан в Поволжье.

В 1616 году царем Михаилом Федоровичем Романовым Антониеву монастырю была пожалована новая тарханная грамота, которая позволила начать восстановление разоренного поляками и казаками монастыря. Мать царя Марфа Ивановна Романова, до замужества – Ксения Ивановна Шестова, владела имением в селе Хабоцкое, что в 15 километрах от монастыря, доставшееся ей по наследству.

Вернувшись в монастырь, игумену Ионе вместе с братией приходилось усмирять неурядицы между крестьянами, которые вернулись на свои места, пресекать самоуправство крестьян соседних владельцев.

Весной 1617 года войско Владислава подошло к Новому Городищу, чтобы город не достался врагу, воевода Г. Пушкин сжег его вместе с дворами горожан. Позднее на том месте построили новое поселение, которое назвали Погорелое Городище (ныне в Зубцовском районе Тверской области. **– А.Г.**) В то время, когда польский королевич Вла-

дислав пытался пройти к Москве и сесть на царский трон, ему на помощь с юга пошли запорожские казаки во главе с атаманом Сагайдачным. По пути они захватили города Данков, Елец, Ливны, Путивль, Ряжск, Скопин и другие.

В сентябре 1618 года казаки Сагайдачного подошли к переправе через Оку под Коломной, а польское войско двинулось от Можайска к Москве. Поляки и казаки подошли к Москве 12 сентября, в ночь на 1 октября начали штурм города. Москву защищали отряды князей Василия Куракина, Семена Прозоровского, Ивана Катырева-Ростовского и воеводы Ивана Морозова. Для сбора народного ополчения в Ярославль был направлен князь Черкасский, в Нижний Новгород – князь Лыков.

Взять Москву штурмом полякам и казакам не удалось. В их войсках начался разброд, казачьи атаманы со своими отрядами стали покидать поляков и уходить на север, где продолжать свои грабительские рейды по деревням и селам. Игумен Николаевского Антониева монастыря был вынужден бежать от казачьих шаек в Городецко.

Поляки согласились на перемирие, 11 декабря 1618 года в деревне Деулино вблизи Троице-Сергиева монастыря был подписан мир. По Деулинскому перемирию Россия уступала Польше города Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Белый, Путивль, Трубчевск, Новгород-Северский и Чернигов с окрестными землями.

Эти территории должны быть переданы Польше до 25 февраля 1619 года вместе с жителями и имуществом. Перебраться из них в Россию разрешалось купцам, дворянам и духовенству. К этому времени с русской территории должны быть выведены польско-литовские войска и украинские казаки. Русский царь Михаил Федорович лишился титулов правителя ливонского, смоленского и черниговского.

24 июня 1619 года московским патриархом стал отец царя Филарет (Федор Никитыч Романов). В его ведении находилась вся Московская патриаршая епархия, кроме Новгородской и Казанской епархий. Николаевский Антониев монастырь по-прежнему входил в состав Новгородской Епархии.

С июня 1619 года и до смерти патриарха Филарета в октябре 1633 года все царские грамоты подписывались царем и патриархом. В 1633 году истекал срок перемирия с Польшой, царь Михаил Романов начал готовиться к войне, чтобы отстоять престол и вернуть захваченные Польшей русские земли. Для этого нужны были деньги на войско,

царь издал указ о сборах для войска с монастырских имений, со всех вотчин и поместий.

Россия пыталась вернуть утраченные земли во время русско-польской войны 1632–1634 годов, но безуспешно. В 1654 году Россия вступила в новую войну с Польшей, которая длилась 13 лет. В 1654 году были возвращены города: Смоленск, Белый, Дорогобуж, Невель, Полоцк, Рославль, Могилев.

В деревне Андрусово под Смоленском 30 января 1667 года было подписано перемирие, по которому от Польши к России также отходила вся Левобережная Украина. Город Киев, стоящий на правом берегу Днепра, перешел к России сначала на 2 года, потом навечно с уплатой за него компенсации в 146 тысяч рублей. Постепенно Россия стала отходить от последствий Смутного времени, польско-литовской интервенции и казачьих шаек. Для этого пустующие земли нужно было заселять новыми людьми.

Положение вотчинных и помещичьих крестьян (XVI–XVII века)

После окончания набегов и казаков на деревни и села центра и севера России, уцелевшие крестьяне стали возвращаться на свои прежние места к вотчинникам и нарождавшемуся классу помещиков. Рабочих рук не хватало, царские указы и законы, в том числе закон 1597 года о закреплении крестьян, не действовали. Вотчинники и помещики начали договариваться с крестьянами, делая порядные записи. Крестьянин обязывался жить на земле вотчинника, пахать землю, платить пошлины и налоги. Нередко они на первые годы освобождались от сборов, чтобы смогли укорениться на земле вновь.

Крестьянин обязывался в случае ухода заплатить землевладельцу пожилое за пользование двором, возвратить ссуду и вознаградить землевладельца за льготу, которой пользовался. Возможность для крестьянина уйти от землевладельца предполагается в порядных записях, как право крестьянина. Порядная запись не предполагала бегства крестьянина с участка, снятого им у монастыря. По ней крестьянин обязался только заплатить неустойку, чтобы вознаградить землевладельца за сделанные им расходы. По порядным грамотам

не было общего прикрепления крестьян к земле в первой половине XVII века. Такое положение крестьян сохранялось до средины того века.

В приходных книгах Николаевского Антониева монастыря за разные годы записаны вклады, поступившие в монастырь от разных лиц, как деньгами, так и предметами. Туда записывали деньги, полученные монастырем от продажи хлеба, лошадей, скота, холста, крашенины, одежды, бумаги, свеч и книг. Также деньги, полученные монастырем от разных сборов с принадлежащих монастырю деревень. Таких сборов было не меньше 15, к ним относились:

1. Потюремные, которые платили на содержание тюрьмы в Городецко (Бежецке).

2. Ямские подможенные, которые платили в Московский Большой приход. Приказ Большого прихода был учрежден при царе Иване IV Грозном. Он заведовал в Московском государстве доходами с лавок и частных дворов, с погребов, с меры, чем всякие товары и питье меряют, а также таможенными пошлинами. За год в конце XVI века таких доходов со всего государства собирали до 500 тысяч рублей. Они расходовались на питание иностранных послов и купцов, на жалованье русским посланникам и гонцам в иные государства. Также расходовались на строительство судов для хлебного, соляного и рыбного промыслов, на жалованье служащим приказа и подведомственных ему соляных заводов.

3. Прогонные деньги, которые собирались с государственных посланников и гонцов. Например, Николаевский Антониев монастырь за 1606 год собрал их 15 рублей 29 алтын 2 деньги.

С 1530 года денежная система в Русском государстве имела следующее соотношение: 1 рубль – 100 копеек, полтина – 50 копеек, гривна – 10 копеек, алтын – 3 копейки, 1 копейка – 2 деньги или 4 полушки.

4. Явочные лесные сборы, в 1561 году взято таких денег у посельского Федяя 6 рублей 30 алтын.

5. Пятенные сборы собирали от продажи и обмена лошадей при ее клеймении. Удостоверяя действительность сделки, сбор взимался за наложение клейма (пятна) на купленную или обмененную лошадь. Эти сборы проводили пятенщики под надзором волостных наместников. Образец клейма (пятна) наместники заносили в таможенную книгу, в которой записывали данные о продавце, покупателе и самой лошади – какой масти и особые приметы.

Монастыри освобождались от уплаты пошлин с покупки лошадей по тарханным грамотам. Иногда им разрешалось иметь свое пятно и взимать пошлину с лошади в монастырскую казну.

6. Пошлинные померные сборы собирались с меримых товаров: хлеба – сжатой пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречихи. С овощей и фруктов, собранных с огорода – горох, бобы, репа, лук, чеснок, яблоки. Померные сборы взимались также с собранного хмеля, грибов, ягод, сушеной рыбы и других продуктов. Они взимались не с рубля дохода, а с меры: бочек, кадий, кип и других. Например, мерою сена и соломы была пятипудовая копна, а также воз, куда входило 5 таких копен.

7. Доводчиковые, ямщиковые сборы. В 1564 году собрано монастырем таких денег от Семенова дня до Великого дня 17 рублей 27 алтын 3 деньги с полушкою.

8. Сборы денег с волости за рыбный оброк и за мельниково дело. В 1564 году с 5 волостных сох монастыря собрано 10 рублей.

9. Сбор за сторожей, в 1564 году собрано со всей монастырской волости 9 рублей 24 алтына одна деньга.

10. Сбор за десятинный покос. В 1565 году взято со всей монастырской волости за косьбу на реке Рене 9 рублей.

11. Сбор за десятинную пашню.

12. Сбор за бревенную повозку на монастырские постройки. В 1626 году взято с крестьян таких денег за 4 подводы 20 алтын.

13. Сбор на постройку Московского монастырского двора был произведен в 1652 году.

14. Свечные и медовые деньги от пономаря, а также таможенные сборы, установленные с 1639 года, конские сборы с 1682 года и выводные сборы за вывод девок в замужество в другую вотчину. Например, в 1687 году за вывод 3 девок было выплачено монастырю выводных 1 рубль 6 алтын 4 деньги.

15. Полавочные сборы. Например, в 1652 году было взято у кожевника из села Спас на Холму лавочного оброку 20 алтын [46].

До 1620-х годов сами монастыри имели льготы по уплате пошлин и сборов государственной казне на основании выданных им тарханных грамот. Эти грамоты предоставляли монастырям и их крестьянам следующие преимущества:

1. Монастырские крестьяне не должны были пахать пашню на государя и возить хлеб в города, косить и развозить сено в разные места,

определяемые государем. Их не обязывали собирать ягоды, рыжики и рвать цветы на государев стол. Они не кормили государевых коней, не принимали государевых ловчих, псарей и сокольников, не ходили на звериные, птичьи и другие ловли.

2. Монастыри и их крестьяне освобождались от некоторых натуральных повинностей и сборов. Они не возили в Москву и другие города камень, известь, кирпич, срубы домов, не готовили для зелейных дворов зелья. Не делали для пушкарей волоков, колес, саней, канатов и разных запасов.

Монастырские крестьяне не стояли с подводами на ямах и не выбирались в ямские охотники для подвозки путников. Монастырь не давал подвод гонцам и посланникам, не принимал дорожных постояльцев, в том числе князей, бояр, воевод, детей боярских и всяких служивых людей, как у себя в монастыре, так и в монастырских селах и деревнях.

Монастырские крестьяне не давали государевой казне дров, не строили ямчужных амбаров, не участвовали в постройке воеводского двора и тюрьмы.

3. Кроме натуральных оброков и повинностей монастырь освобождался от денежных платежей. Он не платил денег за городовое, пушечное, зелейное, ямчужное дело. Был освобожден от ряда других повинностей [47].

Все эти привилегии стали постепенно отходить в 1630-е годы. Тарханные грамоты, которые стал выдавать монастырям царь Михаил Федорович, уже имели ограничения. Государь оставлял за собой право взимать дань с тарханов для нужных дел по особому царскому указу. В 1630 году указом царя было запрещено вкладывать в монастырские вотчины тяглые земли и дворы.

Уложениями 1672 и 1677 годов монастыри лишались старых привилегий, которые они имели по тарханным грамотам. В 1684 году богомольцы многих монастырей писали царю челобитную об облегчении им разных повинностей и податей. По их уверению, они платили больше помещиков и вотчинников, в том числе стрелецкий хлеб втрое, ямские деньги – вдвое. Кроме того, они были обязаны платить жалованье ратным людям, предоставлять подводы посланникам. На каждые 50 крестьянских и бобыльских дворов было определено по одному отставному стрельцу, которым нужно было давать хлебное и денежное жалованье из монастырской казны. Причем сами стрельцы

сначала жили по монастырям, потом стали жить в Москве и требовать доставки туда жалованья самими монастырями, отстоявшими далеко от столицы.

По указу царя Алексея Михайловича вольные люди, которые рядились в монастырские крестьяне на необработанную и незаселенную пустошь, получали временные привилегии. Продолжительность льготы зависела от количества труда и размеров капитала, которые нужно было затратить вновь прибывшему крестьянину для того, чтобы привести занимаемый им участок в условия, годные для жилья и посева [48].

К концу XVII века поместья стали родовыми, как и вотчины, они передавались по наследству, при этом постепенно дробились. Земли помещики чаще всего стали получать не «в поместье», а «в вотчину», тем самым постепенно стиралась грань между поместными и вотчинными владениями.

Глава III. Монастырь во время первых реформ Романовых

Церковные реформы Алексея Михайловича (1645–1676 годы)

Первая глава Соборного Уложения 1649 года царя Алексея Михайловича посвящена церкви и называлась «О богохульниках и церковных мятежниках». Начиналась она с того, что те иноверцы, любой веры, или и русский человек, кто возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на родившую его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест или на Святых его угодников, того богохульника обличив, казнить и сжечь.

Кто в церкви во время церковного пения начнет государю, или патриарху, или иным властям бить челом о своих делах, того челобитчика вкинуть в тюрьму на сколько государь укажет.

В 1653 году царь Алексей Михайлович поручил патриарху Никону провести церковную реформу. Во время ее проведения установить единое во всех церквах и монастырях богослужение по греческому

образцу. Креститься тремя перстами, а двуперстие передать проклятию, заменить земные поклоны поясными. Установить единоголосие во время церковной службы, в отличие от существовавшего до того времени многоголосия. Предлагалось во время крестного хода двигаться навстречу солнцу, а не от него, писать имя Христа Иисус, а не Исус, как писали ранее.

С целью проведения всех этих изменений было поручено, заново перевести с греческого языка богослужебные книги, с исправлениями. Для богослужения допускать иконы только греческого письма, а не старославянского церковного письма.

Эти реформы Никона не затрагивали основные каноны русской епархии, однако встретили жестокое сопротивление со стороны священнослужителей и мирян. Неграмотные и малограмотные служители церквей и монастырей, которые с трудом разбирались в старых книгах, не могли работать с новыми церковными книгами. Защитники старой веры требовали, чтобы исправления в книгах проводились не по греческим, а по старинным русским книгам.

Главным противником патриарха Никона был протопоп Аввакум. В 1652 году он был возведен в старшие священники – протопопы, служил в Московском Казанском соборе. Церковный Собор в 1656 году сослал Аввакума вместе с женой и четырьмя детьми в Тобольск. Там он состоял при воеводе Афанасии Пашкове, ходил вместе с ним в походы до Нерчинска и Амура.

Московские бояре сумели рассорить царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном. Царь перестал ходить на службы, которые проводил патриарх, не стал приглашать его во дворец. В 1667 году церковный Собор низложил Никона и отправил его простым монахом в Белозерский Ферапонтов монастырь.

После потери патриархом Никоном влияния на царский двор, Аввакума в 1663 году возвратили в Москву, где царь Алексей Михайлович через Родиона Стрешнева просил его не проводить своих проповедей против реформ и молчать. Так как Аввакум продолжал проповедовать о своих убеждениях, через год его сослали в Мезень. В 1666 году его снова возвратили в Москву, длительное время тщетно увещевали на церковном Соборе отказаться от своих проповедей.

13 мая 1666 года его расстригли, чем вызвали недовольство не только в боярских домах, монастырях, но и при дворе царя. Через год Аввакума сослали в северный Пустозерск, где он 14 лет просидел

в земляной тюрьме на хлебе и воде. При этом рассылал грамоты со своей проповедью в церкви и монастыри. В 1682 году написал дерзкое письмо царю Федору Алексеевичу, в котором поносил его отца. 14 апреля 1682 года он вместе с тремя товарищами был заживо сожжен в деревянном срубе Пустозерска за поношение на царский дом.

Церковный Собор в 1666 году признал, что проводимая реформа – дело царя, государства и церкви. Царь издал указы, в которых предписывал воеводам разыскивать и жестоко наказывать старообрядцев. Началась кровавая борьба государства и церкви со сторонниками старой веры, воеводы отлавливали старообрядцев и сжигали их на кострах.

Раскол русской православной церкви превратился в волнение народных масс. Раскольники уходили в непроходимые леса, создавали там свои общины – скиты, тысячи людей уходили с насиженных мест в эти общины.

В числе первых жертв за старую веру была боярыня Морозова, известная по картине Сурикова, и ее родная сестра Евдокия. Ее муж Глеб Иванович Морозов был родным братом Бориса Ивановича – воспитателя царя Алексея Михайловича. Первым браком он был женат на Авдотье Алексеевне Сицкой, прожил с ней около 30 лет, в 1649 году овдовел в 56 лет, детей у них не было. В том же году женился на 17-летней дочери окольничего Прокопия Федоровича Соковнина Феодосии Прокопьевне.

Гнев царя Алексея Михайловича вызвал отказ Морозовой быть его посаженной матерью на свадьбе с Натальей Нарышкиной, состоявшейся 22 января 1671 года. Морозова была настойчивой последовательницей учений протопопа Аввакума. Ее вместе с сестрой Евдокией сослали из Москвы в Свято-Пафнутиев монастырь города Боровска (ныне в Калужской области. **– А.Г.**), посадили в глубокую, темную, грязную земляную тюрьму, где они мучились от голода и холода, умерев голодной смертью.

Их братья поставили на могиле тяжелую каменную плиту с надписью: «Лета 7184 (1675), погребены на сем месте сентября в 11 день князя Петра Семеновича Урусова жена его, княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день – боярина Глеба Ивановича Морозова жена его, боярыня Феодосья Прокопьевна, а во иноцех – инока схимница Феодора. А дочери обе окольничего Прокопия Федоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокопьевич да окольничий Алексей Прокопьевич Соковнины».

Одним из первых против реформ Никона восстал Соловецкий монастырь. Царские стрельцы осадили его в 1668 году, осада продолжалась восемь лет. В 1676 году стрельцы смогли прорваться на территорию монастыря, при его защите погибли более 400 монахов, раскольников и местных жителей. Виновные бунта были казнены, высказавшие покорность царю прощены и оставлены на прежнем месте.

В первые годы раскола в Олонецком крае ему покровительствовали некоторые воеводы и местные старосты. Страшными явлениями раскола церкви были гари – массовые самосожжения раскольников вместе с женами и детьми.

В 1685 году царевна Софья издала указ о преследовании и наказании хулителей церкви – раскольников, а также подстрекателей к самосожжению и укрывателей вплоть до смертной казни.

Когда в 1702 году царь Петр I с войском проезжал по дороге, проложенной по вековому лесу и болотам от Нюхчи до Повенца, где обитали старообрядцы, ему донесли о них. На это царь ответил, что пускай живут, и никого не тронул.

В вотчине Николаевского Антониева монастыря сведения о раскольниках имеются в делах через сто лет после проведения церковной реформы. В наряде о раскольниках за 1757 год есть их короткий список:

1. Прихожанин села Спас на Холму Михаил Никонов.
2. Священник села Шаблыкино Трофим.
3. Крестьянин деревни Утехово разыскиваемый вор Егор Архипов.
4. Крестьянин деревни Погорелка Михаил Калинин.
5. Крестьянин деревни раменье Карп Можаев [49].

При царе Алексее Михайловиче население вотчин Николаевского Антониева монастыря стало постепенно увеличиваться. Разбежавшиеся от крамолы крестьяне возвращались на свои места и отстраивали деревни. Не успел монастырь оправиться от польско-литовского нашествия, как в 1634 году произошел пожар. Сгорели две деревянные колокольни, обгорели деревянные главы и крыша на соборной Никольской церкви, а также Покровская церковь.

В 1668 году по благословению митрополита Новгородского Питирима построена каменная колокольня. В 1683 году на средства стольника Якова Васильевича Нелединского была расписана Никольская церковь монастыря. С 1685 года в монастыре началась усиленная де-

ятельность по постройке каменных церквей, келий и ограды. В этом году построены на северной стороне монастыря каменные казенные палаты и внизу их больничные кельи с церковью в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Существовавший в соборном храме придел Благовещения был упразднен.

В 1690 году в Николаевском Антониевом монастыре была учреждена архимандрия. Большое влияние на царя и патриарха оказали стольники Яков Нелединский и Федор Бутурлин. Первым архимандритом в 1690 году стал иеромонах новгородского Деревяницкого монастыря Иосиф. В вотчине монастыря тогда значилось 539 дворов [50].

В том же году было окончено строительство каменной церкви Вознесения Господня с одним главным престолом и двумя приделами. Была начата постройка каменной братской поварни – двухэтажного корпуса, названного Иверским. Почти в то же время было начато строительство на восточной стене монастыря по обе стороны строившейся Вознесенской церкви каменной ограды и келий, с двумя башнями по концам ограды.

Дальнейшее строительство каменной ограды с южной стороны было приостановлено в 1696 году по предписанию Новгородского митрополита Евфимия. Он ссылался на то, что без указа государя Петра I в монастырях никакого строения не заводить и не строить.

Архимандрит Иосиф с братией 20 марта 1697 года подали прошение государю о разрешении завершить начатые постройки, объяснив, что все материалы уже заготовлены, каменщики наняты, все строительство производится на подаяния вкладчиков. Получив разрешение, закончили строительство ограды с двумя башнями на восточной стороне протяженностью 80 сажень, а также каменные двухэтажные кельи. Построили часть каменной ограды с южной стороны протяженностью в 60 саженей, вместе с двумя корпусами. По всей каменной ограде были сделаны переходы с бойницами в два ряда [51].

В самом конце XVII века начали создавать главный источник по истории монастыря с очень длинным названием «Летописец о зачатии Бежецкого Верху Николаевского Антониева монастыря и о строении церквей Божиих и о дани в обитель сию великих князей и боляр и прочих благодетелей».

Царские грамоты о жизни монастыря (1616–1684 годы)

В архиве Николаевского Антониева монастыря сохранились царские грамоты, которые касались непосредственно его. ***В июле 1616 года*** царь Михаил Федорович пожаловал тарханную грамоту игумену монастыря Ионе с братией. В ней указано, что игумен с братией били челом, что была ранее у них тарханная грамота, жалованная великим государем Василием Ивановичем.

Во время польско-литовского разорения она попортилась. Монастырь привез царю ту грамоту, она после Василия Ивановича была подписана царями Иваном Васильевичем и Федором Ивановичем. А на новое царское имя та жалованная грамота не переписана.

Они переписали грамоту на имя Михаила Федоровича, и тот предоставил монастырю такие же привилегии, которые были в предыдущих грамотах. Царь пожаловал Никольскому игумену Иону с братией монастырские села, деревни и пустоши в Бежецком Верхе, в Антоновском, Березовском и Верховском станах, и перечислил все привилегии, которые монастырь имел ранее.

В феврале 1618 года царь Михаил Федорович написал грамоту городецкому (бежецкому. **– А.Г.**) воеводе Леонтию Юрьевичу Погожему, чтобы он игумена, братию и крестьян Антониева монастыря, подсудного Приказу Большого Дворца, не судил.

Поводом к составлению этой грамоты была челобитная игумена Иона с братией, что городецкий воевода сам судил монастырских крестьян. Царь потребовал от воеводы монастырских крестьян больше не судить.

В марте 1624 года царь Михаил Федорович пожаловал игумену монастыря Ионе с братией грамоту, в которой записал, что если случится суд монастырских людей и крестьян с городецкими или волостными людьми, то их судят воеводы и приказные люди вместе с игуменом и братией монастыря. Кто будет «чего искать на игумене с братией», то судить будет он, царь и великий князь Михаил Федорович, или тот, кому он прикажет. Грамотой были установлены судные сроки: на Рождество Христово, на Троицу и на Семенов день, кроме этих сроков в другие дни не судить.

Если на монастырской земле произойдет душегубство, а душегубца не отыщут, то монастырь выплачивает наместникам 4 рубля. Но монас-

тырь не дает денег, если на монастырской земле кого гром убьет, или с дерева убьется, или сгорит, утонет, покончит жизнь самоубийством.

Князья, бояре, воеводы, ратные проезжие и иные никакие люди в монастырской вотчине силой на постой не встают, подвод, проводников, кормов своих и конских у них силой не отнимают. Они могут купить у монастыря корма свои и конские по той цене, по которой монастырь продаст им.

У монастырских людей и у крестьян пятенщики лошадей не пятнают, игумен в монастыре имеет свое монастырское пятно и сами пятнают своих монастырских лошадей и крестьянских лошадей в своих владениях.

Кто игумена с братией и их монастырских слуг и крестьян чем обидит, тому от великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича быть в опале.

В июле 1639 года царь Михаил Федорович дал городецкому воеводе князю Василию Васильевичу Елецкому грамоту, по которой Николаевскому Антониеву монастырю предоставлял право пользоваться сбором на ярмарке у Спаса на Холму таможенных пошлин.

Грамота была написана по челобитной игумена Ионы с братией. Этот сбор денег велено было тратить на церковные строения, на свечи и ладан. Так как сбор передавался монастырю, таможенным откупщикам Бежецкого Верха эти сборы собирать не велено.

Городецкому воеводе велено допросить откупщиков, сколько с того торга у Спаса на Холму таможенных пошлин собиралось и какие они имели откупа. По сведениям земского старосты Митки Гневышева, в прошлом 1638 году на ярмарке у Спаса на Холму в вотчине Николаевского Антониева монастыря собрано таможенных пошлин с монастырских бобылей и приезжих людей со всяких мелких товаров и с хлеба 54 рубля 21 алтын и полтрети деньги.

Игумен Иона в челобитной указал, что сумма эта завышена, ее земский староста Митка Гневышев написал ложно. В таможенной книге бежецкого посадского человека Максимки Блуда с товарищами написано: собрано таможенных пошлин на ярмарках у Спаса на Холму, в Молокове и в Поводневе 30 рублей 5 алтын 4 деньги. Этот обман был написан потому, что откупщики себе получили больше денег, чем им было положено.

Царь Михаил Федорович предложил городецкому воеводе поручную запись, что откупщики будут выплачивать монастырю по 4 рубля

один алтын и пять денег каждый год. Чтобы воевода заменил всех откупщиков, подобрал на их место людей верных и надежных.

Прочитав грамоту, городецкий воевода должен был переписать ее, а саму грамоту передать в монастырь игумену Ионе.

В декабре 1639 года царь Михаил Федорович написал вторую грамоту городецкому воеводе Василию Васильевичу Елецкому по поводу сбора таможенных пошлин на ярмарке у Спаса на Холму. В этой грамоте он писал воеводе, чтобы таможенные пошлины от торговли в воскресный день у Спаса на Холму откупщики передавали монастырю на церковные строения, свечи и ладан.

В уставной грамоте царя Михаила Федоровича ***от января 1641 года*** городецкому воеводе Василию Васильевичу Елецкому определялся размер тамги с разных товаров, привозимых на ярмарку к Спасу на Холму в пользу Антониева монастыря.

С бежечанина или людей Бежецкого уезда брать тамги по одной деньге с каждого рубля. С московитян и торговых людей низовских городов (в нижнем течении реки Мологи. **– А.Г.**) и их станов брать по 4 деньги с каждого рубля.

Кто из местных людей привезет на ярмарку мед, воск, хмель, соль, рыбу или мягкий товар: бобров, куниц, белок, холсты, сукно, кожи – брать с них по одной деньге с рубля.

С тех, кто торгует мясом, брать по полутора деньги с туши, одной деньги с коровы, полденьги с барана. С тех, кто привезет гусей, поросят, тетеревов, сыры, яйца, масло – брать по деньге с каждого рубля.

Кто привезет на ярмарку бочки, кади, корыта, тес, драницы (дранка для кровли крыши. **– А.Г.**), луб, рогожину, хомуты, лапти, лыко, короба, лукошки и всякий лесной товар – брать с них тамги по одной деньге с рубля. С продажи саней и телег деревянных, по деньге.

С тех, кто въезжает в торговое подворье и сгружает товар свой с саней и телег – брать за это с них по гривне. С тех торговых людей, которые не хотят платить таможенные пошлины, таможенники отводят их в протаможе и там берут с них по два рубля с человека. Эти деньги записывать в особую статью, половину их отправлять в Москву, отдавать в Приказ Большого Прихода окольничему Степану Матвеевичу Проестову или дьякам Артемию Хватову и Ивану Дмитриеву. Вторую половину таких денег отдавать таможенникам.

Грамота царя Алексея Михайловича дана ***в июле 1672 года*** городецкому воеводе Ивану Яковлевичу Пятово, чтобы не взыскивать с Нико-

лаевского Антониева монастыря с 1664 года полуполтинных и других доходов с тех 161 двора крестьян карел, которые были вывезены из вотчины монастыря по царскому указу на царские порожние земли.

Грамота была написана по челобитной монастыря игумена Иоасафа с братией. Царь писал воеводе, что в 1671 году с монастырских земель был вывезен 161 карельский двор на государевы порожние земли, поэтому с него не взыскивать полуполтинных и других доходов с 1664 года.

В сентябре того же, 1672 года, царь Алексей Михайлович дал грамоту воеводе Бежецкого Верха Федору Денисовичу Судималтову, чтобы он не позволял брать монастырских крестьян в целовальники к посторонним сборам.

Грамота ***от сентября 1681 года*** царя Федора Алексеевича воеводе Бежецкого Верха Василию Никитичу Торбееву, чтобы воеводам и губным старостам монастырских слуг, вотчинных крестьян и бобылей судом и расправою не ведать, кроме дел татебных (убийство. **– А.Г.**) и разбойных.

Били челом царю, игумен монастыря Варлаам с братией, что в городе (Городецке) воеводы и губные старосты напрасно ловят монастырских крестьян, сажают в тюрьму, там они требуют от них переходить в целовальники в тюрьму или сторожами в приказную избу. Также воеводы и губные старосты приезжают в крестьянские дома, бьют их, забирают деньги, хлеб и скотину, а самих крестьян забирают на продажу. От этого многие монастырские вотчины опустели, крестьяне покинули свои дома и разбрелись в разные стороны.

Игумену монастыря стало известно, что по указу государя вотчинам Троицкого Сергиева, Спаса нового Симонова, Знаменского Новодевичьего, Вознесенского монастырей даны грамоты. В тех грамотах записано, что воеводам, губным старостам и всяким приказным людям судом и управою ведать не велено. Монастырских крестьян целовальниками к тюрьмам и сторожами в приказную избу выбирать не велено. А велено денежные и хлебные сборы с тех монастырских вотчин платить Москве. Игумен Варлаам просил государя дать их монастырю такую же грамоту.

Поэтому как тебе эта грамота придет, – писал царь, – ты бы слуг, служебников и вотчинных крестьян Николаевского Антониева монастыря судом и расправою не ведал. А кому будет до крестьян монастырских вотчин какое дело, ты бы тем людям велел искать в Москве, в Приказе Большого Дворца стряпчего.

Как прочтешь эту грамоту, отдай игумену Николаевского Антониева монастыря Варлааму с братией, а в приказной избе оставь список (перепись с грамоты. – **А.Г.**).

В 1682 году царь Федор Иванович дал грамоту воеводе Бежецкого Верха Иллариону Якимовичу Недовскому, которой предоставлял право Николаевскому Антониеву монастырю пользоваться сбором на ярмарке у Спаса на Холму таможенных пошлин.

Он писал воеводе, что ранее у монастыря такое право было, но бежецкие таможенники сами стали собирать пошлины. Поэтому, как эта грамота придет, – писал царь, – то из бежецкой таможни на ту ярмарку для сбора таможенных пошлин целовальников посылать не велено. Надо их посылать туда, где между городов торгуют беспошлинно не в указанных местах. А в той монастырской вотчине ярмарка исстари, и пошлины велено собирать монастырю.

Ты бы бежецкому таможенному голове Платонку Велицкому из бежецкой таможни целовальников в село Спас на Холму для сбора таможенных пошлин посылать не велел.

В 1684 году цари Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич направили грамоту городецкому воеводе Андрею Григорьевичу Чичерину о том, чтобы монастырских крестьян без царского указа не брать на разные посылки.

Грамотой от июня 1684 года цари Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич предоставили право Николаевскому Антониеву монастырю пользоваться на ярмарках у Спаса на Холму сбором конских пошлин [52].

В 1698 году царь Петр Алексеевич направил грамоту архимандриту Антониева монастыря Иосифу о принятии в монастырь на прокормление стрельцов Алексея Васильева и Артемия Григорьева [53].

В 1700 году царь Петр Алексеевич направил грамоту архимандриту Антониева монастыря об освобождении из подчинения Симонова монастыря старца Иосифа и возвращении его обратно в Антониев монастырь [54].

На других царских грамотах, касающихся конкретных лиц, строительства ограды, башен и келий монастыря, а также на грамотах новгородского митрополита останавливаться не буду.

Карелы на монастырских землях (1625–1678 годы)

Корельский уезд после захвата его шведами сначала в 1581 году, а затем в 1609–1611 годах, был поделен на два лёна: северный и южный. В южном лёне было четыре погоста – Пюхяярви, Рауту, Ряйсяля и Саккола. До прихода шведов там было всего 2 погоста – Рауту (Ровдужский) и Саккола (Сакульский). По переписной книге 1568 года в Ровдужском погосте насчитывалось 176 деревень с общим числом дворов 253, к 1631 году там осталось всего 9 карельских дворов, к 1637 году – 4 двора.

В Сакульском погосте по переписной книге 1568 года было 261 деревня с числом дворов 478, к 1631 году там осталось всего 3 карельских семьи, к 1637 году – 2 карельских семьи.

Таким образом, в период с 1581 по 1637 годы из Ровдужского погоста ушло около 250 семей или более 1 тысячи карел, из Сакульского погоста – около 470 семей или более 2 тысяч карел, большинство из них пришли на бежецкие и тверские земли.

Северный лён был поделен на 14 погостов, из 13 погостов карелы пришли на север Бежецкого Верха, составив впоследствии группу весьегонских карел. За период с 1618 по 1655 годы сюда пришли 485 семей или более 2,5 тысяч карел. Больше всего пришло из погоста Салми – 115 семей, погоста Куркийоки – 86 семей, погоста Сортавала – 69 семей, погоста Уукиниеми – 47 семей.

В это время запустение стало одним из тяжелых последствий смутного времени. Сильно пострадали Бежецкий Верх, Кашинский и Угличский уезды. В этой книге речь идет лишь о северной части Бежецкого Верха, где проживали карелы весьегонской группы.

В северной части Бежецкого Верха стали безлюдными – Борисоглебская, Ивановская, Кесемская, Мартыновская, Мышкинская и Чамеровская волости, а также значительная территория Ивановского стана, в Кашинском уезде – Прилуцкий погост, где вместо деревень были одни пустоши. Несмотря на возвращение ушедшего от поляков и казаков местного населения на старые места, в 1620–1640 годы здесь оставалось большое пространство пустопорожних земель. Чувствовался большой недостаток рабочих рук, которых центр России и север выделить не могли [55].

В первой половине XVII века по дороге из Приладожья и от Олонца на Москву пошли карелы, эта дорога им была известна. Хотя самого

города Олонца еще не было, но местность так называлась по имени реки Олонки. По этой дороге не только ездили служилые люди, но еще бегали шайки воров и разбойников. Дорога до Николаевского Антониева монастыря составляла около 600 километров.

Сначала карелы шли к деревням Мешковичи и Мокришвицы (теперь город Лодейное Поле Ленинградской области. – **А.Г.**), до этих деревень от берегов Олонки было около 60 километров. Далее их путь лежал к деревне Стретилово, где дорога расходилась на Ладогу и Устюжну, теперь это часть города Тихвина. Пройдя от Мошковичей до Стретилова 170 километров, они поворачивали налево, чтобы идти на знакомые им по военным походам земли Бежецкого Верха.

Далее их путь лежал на Устюжну расстоянием в 225 километров по лесной дороге, на которой не было деревень и поселений. От Устюжны до Николаевского Антониева монастыря оставалось идти 120 километров через деревни Брилино и Николу. После переправы через Мологу дорога шла через села Сандово (теперь Старое Сандово), Хабоцкое и Спас на Холму.

В переписных книгах Данилы Петровича Свечина за 1627–1629 годы в числе других бывшее село Сандово значилось пустошью. После великой смуты и польской интервенции во владениях монастыря оставалось сохраненными 5 сел и 48 деревень из 137 деревень, бывших в его вотчине. Другие села и деревни неприятель обратил в пустоши.

В период перехода сюда карел с 1625 по 1668 годы и позднее, стены монастыря видели многое. К этому времени, начиная с первой построенной монахом Антония кельи и первой часовни, прошло около двух веков.

Известно, что к приходу в эту местность карел, монастырь владел 5 селами: Сандово (теперь Старое Сандово. – **А.Г.**), Преображение Спасово на Холму (теперь город Красный Холм. – **А.Г.**), Живоначальной Троицы (ныне погост Троица в Молоковском районе. – **А.Г.**) и Федорково (ныне село называется Никола-Реня в Весьегонском районе. – **А.Г.**) и Маслово Раменье, с 58 деревнями, приписанным к этим селам.

Карелы пришли сюда в 1620–1660-е годы и поселились во многих монастырских деревнях, в том числе: *Вязигине, Залужье, Захарихе, Дорках, Круглихе, Маковееве, Михалихе, Могочи, Сандове, Горке, что*

потом стала деревней Замошье, а позднее – селом Емельяново ныне Весьегонского района.

Остальные прибывшие сюда карелы ушли на бывшие земли Ивана Петровича Федорова-Челяднина, ставшие царскими, в том числе, отстроили 13 деревень в Корельско-Кошевской дворцовой волости. Также они вдохнули жизнь в 9 дворцовых деревень Прилуцкого прихода Бежецкого Верха.

Одной из первых пустующих деревень, где остановились карелы для своего дальнейшего проживания, стала Сандово (теперь Старое Сандово).

После переселения карел, во второй половине XVII века центр прихода оставался в погосте Кошево, позднее названнои Русское Кошево, где после разорения поляками и казаками не стало жителей. Ранее на месте бывшего села Ивановское Большое была вновь отстроена деревня Ивановская, позднее названная деревней Горка. Административный центр после Смутного времени перенесли из запустевшего села Кошево в село (а точнее сельцо. – **А.Г.**) Могочи, так как церкви там не было.

Переселение карел на территорию Бежецкого Верха и тверские земли шло медленно и продолжалось с 1617 по 1678 годы. Расселялись они на всех типах земель – дворцовых, монастырских, помещичьих. Часть карел соглашалась поселяться на пустошах, принадлежащих монастырю.

Например, 20 марта 1636 года карел из Заонежских погостов Марко Ильин просил монастырь принять его в сельцо Федорково на пустошь Хрущи Щеголевы в крестьяне. Келарь игумена Ионы, переговорив с братией, принял Марка Ильина на эту пустошь и дал ему льготы от разных выплат на 6 лет. За эти льготные годы он был обязан построить себе избу, сенник, житницу, баню, овин, а также распахать землю в трех полях плугом и сохой, расчищая ее топором и косой [56].

Царь Алексей Михайлович старался переселить их в дворцовые карельские волости. В окрестностях Николаевского Антониева монастыря это были Борисоглебская, Корельско-Кошевская, Мышкинская, Сандовская и Чамеровская дворцовые волости. Деревни Корельско-Кошевской дворцовой волости находились через лес от монастыря, в 5–6 километрах от его земель. Борисоглебская, Мышкинская и Чамеровская карельские дворцовые волости были образованы на границах Бежецкого Верха, Угличского и Ярославского уездов.

Карел силой вывозили в дворцовые карельские волости. «Чамеровский воевода Афанасий Филиппов, сын Елохов по указу великого государя вывез в деревню Чамерово: из деревни Богатово 4 двора карел, деревни Фастово – 5 дворов карел, деревни Мунощено – 3 двора, деревни Елица – 5 дворов, деревни Хромцево – 5 дворов, деревни Никулино 8 дворов и ныне те деревни пусты». Даже приказчик влиятельного графа И.П. Шереметева в селе Кесьма не мог воспрепятствовать увозу карельских крестьян – «зарубежных выходцев» в дворцовые карельские волости [57].

До того времени, пока карелам не были отысканы пустопорожние земли, царь Михаил Федорович, а потом Алексей Михайлович, велели жить на тех монастырских или помещичьих землях, где они живут. Царь наказывал помещикам и монастырям, чтобы они карел без его указу от себя вон не гнали, никакого налога на них не учиняли и карельские дворы не разоряли.

Когда отыскивались для них дворцовые земли, помещики стали заявлять, что карелы не хотят уходить от них и монастырей. А карелам говорили, что им велено жить по-прежнему за помещиками и вотчинниками. Тех карел, которые хотели ехать на дворцовые земли, помещики били кнутом. Прибывших подьячих и приставов помещики били смертным боем, и вывозить карел в дворцовые волости не давали. Помещики Сидорко и Андрюшка Старковы убили подьячего Афанасия Попова из села Чамерово [58].

Во время переписи 1662 года из монастырской вотчины Николаевского Антониева монастыря карелы были вывезены в карельские дворцовые волости и приходы. Однако во второй половине XVII века обнаружилось, что монастырю принадлежал 161 двор карел, которые оставались здесь до 1667 года. В расходной книге монастыря есть запись от 31 октября 1667 года: «Дано денщику Максиму Кручкову монастырских денег 16 алтын 4 деньги за то, что карел из дворов выбивал» [59].

По царской грамоте 1672 года указывалось, чтобы с тех 161 двора карел Бежецкого Верху и Угличского уезда, вывезенных из вотчины Николаевского Антониева монастыря на царские порожние земли, не взыскивать с 1664 года от монастыря полуполтинных денег и других доходов [60].

Монастырь закупал себе крестьян за деньги у помещиков, в феврале 1651 года были куплены крестьяне из деревни Нивицы за 50 рублей, число душ не указано, у князя Луки Львова.

В апреле того же года монастырь купил у владельца Григория Белого крестьян Евсейку и Марка Яковлевых с женами и детьми, а также Анисима с женой и детьми, отдав за них 30 рублей.

В 1678 году было велено всех оставшихся на монастырской земле карел везти в Росткин монастырь близ Новгорода [61].

Понятие *«погост»* у карел и русских разное. У карел погост означает большое жилое торговое село с кладбищем, церковью и окружающими многочисленными небольшими деревнями в 1–5 домов. У русских погост означает кладбище с церковью, без жителей.

Как пример, погост Русское Кошево не внесли в перепись 1859 года, так как там не было жителей. В соседней с погостом деревне Горка, что в полукилометре от него, было тогда 59 дворов, в которых проживали 197 человек мужского пола и 237 человек женского пола, а всего – 434 жителя. В деревне Грудино, что в одном километре от Горки, тогда насчитывалось 35 дворов, 128 лиц мужского пола и 132 – женского пола, всего 260 человек. В деревне Прокино, что в полукилометре от Грудина, было 69 дворов, 220 человек мужского пола и 271 – женского пола, всего 491 житель.

Для нас интересен этот пример тем, что именно сюда пришли наши далекие предки, чтобы отсюда уйти через лес и образовать Корельско-Кошевскую дворцовую волость в составе 13 карельских деревень и другие карельские волости.

Весьегонские карельские деревни

В Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года в отношении дворцовых крестьян, было сказано, что те из них, которые бежали из дворцовых сел и деревень после московского пожара 1626 года, должны быть сысканы и возвращены в дворцовые волости вместе с женами, детьми и со всем их крестьянским скотом.

Тех же крестьян, которые убежали от вотчинников и помещиков в дворцовые волости или к другим хозяевам, возвращать их бывшим хозяевам. Если за это время девки вышли замуж у новых владельцев, то их вместе с мужьями к старым их хозяевам не отдавать.

Тех крестьян и бобылей, которые бежали от помещиков и вотчинников до переписи, проведенной после московского пожара 1626 года,

если те после переписи долгие годы не били челом об их возврате, прежним хозяевам не возвращать.

Нужно отметить, что Соборное Уложение 1649 года при правлении царя Алексея Михайловича окончательно оформило крепостное право крестьян.

Имея вольный нрав, некоторые карелы не захотели оставаться под властью монастыря и уходили на пустующие государевы земли. Карельские переселенцы с самого начала считали себя свободными от крепостной зависимости. Многие карелы отказывались работать на монастыри, платить им деньги. Они отличались настойчивым характером, даже упрямым.

Занимая земли, карелы отказывались от монастырских и помещичьих повинностей, заявляя «крепостей на нас за вами монастырь нет и работать нас и тягла тянуть и пятины давать насильно не заставишь». Перед их настойчивостью вынуждены были уступать даже сильные люди, как Архимандрит Иверского монастыря.

В 1662 году он хотел заставить карел, поселенных в его вотчине, работать по изготовлению кирпича для монастырских построек. Карелы запротестовали, заявив, что если даже государь заставит их идти в кирпичное дело, то они разбредутся в разные стороны. Архимандрит уступил упорным карелам, боясь потерять усердных работников, которые, услышав, что со шведами заключен мирный договор, хотят бежать на старое место жительства [62].

Карелы в большинстве своем поселились в Бежецком Верхе и уездах: Новоторжском, Угличском и Ярославском. К февралю 1669 года в этих уездах на дворцовые земли было поселено 1605 дворов карел. Князь Д.Г. Тютчев, заменивший в феврале 1669 года ответственного за расселение карел О.Н. Лихарева, расселил в этих уездах еще 609 карельских дворов. Если применить среднее население для карельского двора 7 человек, какое было в 1670 году, то в этих уездах тогда проживало до 15,5 тысяч карел.

В то время на землях у помещиков, по сообщению Тютчева, оставалось 184 карельских двора. По мнению ученого Ю.В. Готье, сведения Тютчева неточны, можно считать, что в 1670 году в этих четырех уездах проживало более 25 тысяч карел [63].

Сведения о карелах Бежецкого Верха за 1670 год (с 1778 года территория Весьегонского и Краснохолмского уездов) [64]

Селения	Число дворов	Душ мужского пола	Лошадей	Коров	Овец
Тарачево	8	28	14	18	22
Карповское	9	26	16	28	17
Бор	9	34	27	43	37
Чижово	7	20	12	21	16
Борихино	8	20	15	16	17
Волосово	5	18	9	17	19
Верхнево	7	16	11	13	9
Мякишево	10	27	22	26	32
Станки	4	8	6	9	3
Крутцы	7	18	13	17	11
Малечкино	10	37	27	33	35
Никитино	27	75	44	68	71
Благовещенье	8	21	16	36	33
Попиха	2	5	4	6	8
Павлецово	3	8	9	9	9
Шульгино	3	9	3	4	2
Курово	1	5	1	–	3
Микшеево	14	28	20	32	33
Городок	7	17	8	14	12
Волховицы	10	42	25	43	29
Залужье	5	11	6	10	10
Горка	10	34	29	43	39
Топорово	6	23	9	18	18
Вичиха	7	18	14	20	15
Родивилиха	4	10	8	14	14
Попиха	7	15	11	20	21
Бурдумазиха	7	16	7	14	12
Вокшино	5	16	9	15	17
Михеево	11	33	16	25	25

Селения	Число дворов	Душ мужского пола	Лошадей	Коров	Овец
Поповка	14	36	19	32	25
Васильково	3	4	3	5	–
Мякишево	7	19	10	19	12
Петряйка	3	6	4	5	–
Пятницкое	11	21	14	32	24
Каменка	5	15	6	10	1
Доманово	13	41	24	46	33
Зяблая Новина	8	18	11	14	12
Можаево	7	16	12	16	2
Шилково	9	26	16	30	28
Березницы	5	12	6	4	3
Росляково	5	15	9	13	7
Кулиберово	7	21	13	18	5
Плоское	10	33	20	34	26
Лобнево	10	37	30	45	46
Ванево	2	6	4	7	10
Окулово	4	9	5	8	7
Тимошкино	4	16	10	18	13
Вяльцево	1	4	1	2	–
Данилково	6	15	9	18	5
Обросимово	5	15	5	9	5
Быково	4	10	6	9	1
Безделье	3	16	9	13	12
Микитино	2	9	3	3	2
Архангельское	9	17	12	20	6
Медово	3	9	6	8	–
Кузнечиха	3	10	6	7	9
Веснино	5	9	11	9	5
Андрюково	11	32	24	32	35
Григорово	4	20	8	12	5
Ясенево	8	22	18	20	22
Чернятино	1	3	2	3	2

Селения	Число дворов	Душ мужского пола	Лошадей	Коров	Овец
Попадьино	3	7	5	6	4
Терпигорево	7	20	11	12	2
Багурово	1	3	2	3	–
Чухарево	11	35	19	38	35
Ильинское	3	9	3	7	4
Каменка	7	21	16	28	31
Воронцова	2	3	4	4	12
Каблуково	3	7	5	6	–
Архангельское на Могоче	5	18	15	22	27

С 1662 года стали создаваться карельские дворцовые волости. Дворцовые крестьяне известны истории с XV века во время правления Ивана III Васильевича. Их основной обязанностью было снабжение великокняжеского двора продуктами питания, сельхозинвентарем, изделиями промыслов – дегтем, скипидаром, веревками, канатами, бондарскими изделиями и другими.

В числе первых карельских дворцовых волостей, после Чамеровской, была Кесемская волость. Село Кесьма стало дворцовым еще в первой половине XIV века при московском князе Иване Калите, которому принадлежало 50 таких сел и деревень.

Монастырские и помещичьи карелы противились переписи, скрывались в лесах, уходили в карельские государевы волости и погосты. Так толком их не смогли переписать, хотя пытались это сделать и в 1682 году. Через 20 лет в 1698 году карелы стали обращаться с челобитными к царю. Они писали, непонятно почему оставались за монастырями и помещиками, если в 1678 году были сысканы и отписаны к государеву двору. Одновременно помещики и вотчинники, стольники и дворяне в тот же год просили государя оставить за ними тех карел, которые были отписаны в их владения в 1678 году.

Карелы вдохнули жизнь в пустоши на месте старых разрушенных царскими опричниками и польско-литовскими интервентами деревень, отстроив их заново. На месте пустошей возникли карельские деревни, которые вошли в образованные дворцовые волости.

Здесь карелы заново построили 30 деревень в будущей Мартыновской волости, 40 деревень в Кесемской волости, 38 деревень в дворцовой Чамеровской волости. Они вдохнули жизнь в 7 деревень Телятинской волости и 8 деревень Делединской волости, которая до 1861 года называлась Мышкинской волостью.

В 1777 году карельская дворцовая Чамеровская волость была переведена из Угличского уезда во вновь образованный Моложский уезд, в котором находилась более одного года. После образования в 1778 году Весьегонского уезда Тверской губернии Чамеровская волость была переведена из Моложского уезда Ярославской губернии в Весьегонский уезд.

С увеличением территорий государства росла численность дворцовых крестьян. При царе Алексее Михайловиче к дворцовым крестьянам отнесли большинство переселенных с Карельского перешейка и Приладожья карел, к себе он тогда приписал около 14 тысяч карельских дворов. К 1700 году в государстве было около 100 тысяч дворов дворцовых крестьян.

Тверских карел по месту их проживания и языковых особенностей делят на три группы: весьегонские, толмачевские и дёржинские (зубцовские). Карелы, которых стали относить к весьегонской группе, к началу XIX века заново отстроили и вдохнули жизнь в 238 деревень, опустошенных во время «Бежецкого погрома» и польско-литовскими интервентами. Из них 187 деревень стали удельными, а 51 деревня помещичьей [65].

Судьба вотчинных земель Федорова-Челяднина (к 1710 году)

По-разному сложилась судьба земель из бывшей вотчины конюшего И.П. Федорова-Челяднина, переданных после разгрома в опричнину. Часть их была передана помещикам, другая часть – монастырям, а на пустующие земли сюда пришли карелы.

В 1709 году по указу царя Петра I были образованы 8 крупных губерний: Московская, Ингермандланская, Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская.

В связи с образованием в 1709 году Ингермандланской губернии с центром в Санкт-Петербурге была проведена перепись, в том числе

деревень Бежецкого Верха. Благодаря ней, можно получить некоторые, хотя весьма скудные сведения о деревнях и селах, которые нас интересуют, а также их владельцах.

В начале XVII века по всем этим селам и деревням бродили шайки поляков, литовцев, запорожских и донских казаков, которые опустошили и уничтожили их окончательно.

В средине XVII века, бывшие земли Федорова-Челяднина, ставшие опричными, были заселены карелами. Они заселили пустоши и отстроили на них более 130 деревень вокруг сел: Борисоглебского, Баскаки, Волховицы, Ивановское Меньшее (Иван-Гора), Кесьма, Мартыново, Мышкино, Телятово, Чамерово и Чистая Дуброва.

Остальные опричные земли конюшего Федорова-Челяднина были отданы мелким и крупным помещикам. Поместная система стала быстро устанавливаться в XVI веке после отмены опричнины. В ее основе было поместье – участок казенной земли, который помещику давал царь на временное или пожизненное пользование под условием службы ему или как награда за службу. Если вотчина составляла наследственную собственность своего владельца, то за поместье нужно было служить государю. Поэтому все помещики служили сами и отдавали своих детей на военную службу, чтобы не лишиться своего поместья.

По имеющимся в архивах сведениям, на Бежецкий Верх были перевезены сотни мелкопоместных родов детей боярских, среди них известные фамилии Бестужевых, Львовых, Писемских и других, всего из 310 родов. Кто же стал владеть селами и деревнями после «Бежецкого погрома» и польско-литовских опустошений?

В начале XVIII века Бежецкий уезд делился на 10 станов: Антоновский, Березовский, Верховский, Городецкий, Ивановский, Каменский, Мещерский, Пироговский, Полянский и Ясеницкий.

Антоновский стан. Согласно переписи 1710 года на территории стана были села: Антоновское, Спас на Холму, Имыны, Лаптево, Рычманово, Шаблыкино и Хабоцкое с прилегающими к ним деревнями.

Селом *Антоновским* владели: отставной дворянин Петр Васильевич Олсуфьев, с женой Матреной Трофимовной. Их сын Тихон, 35 лет, служил драгуном в Астраханском полку.

Отставной рейтар Константин Васильевич Олсуфьев, 60 лет, с женой Настасьей Васильевной, 58 лет. Вместе с ними жил сын Никита, 25 лет, с женой Марфой Петровной, 22 года, бездетные.

Отставной рейтар Алексей Васильевич Олсуфьев, 65 лет, с женой Анисьей Ивановной, 60 лет. С ними жила жена их сына драгуна Дмитрия, Офимья Савиновна, 25 лет, с сыном Яковом, 6 лет.

Сельцо *Терешково,* там жила вдова Ульяна Андреяновна Попутцкая, 60 лет, ее сын Родион Юрьевич Попутцкий с женой Анной Степановной.

Сельцом *Медведево* владели: дворянин Андрей Иванович Нелединский, 68 лет, с женой Ульяной Петровной, 55 лет, им принадлежало 3 двора.

Герасим Иванович Нелединский, 60 лет, с женой Акулиной Остафьевной, 50 лет, у них дочь 6 лет.

Сельцо *Губачево,* владельцы: вдова Фекла Даниловна Кувшинова, 57 лет, с сыновьями Иваном, 27 лет, и другим Иваном, 15 лет. Ее сын Карп Иванович Кувшинов, холостой, служил в драгунах, а также вдова Домна Мироновна Кормилицына, 50 лет.

Сельцо *Высокужье,* относилось к погосту Лобнево, владелица вдова Ульяна Андреевна Бешенцева, 70 лет, сыновья Иван, 25 лет, и Алексей, 23 года, служили в Преображенском полку. Вместе с ней жил сын Федор, 40 лет, с женой Мариной Васильевной, 22 года, бездетны.

Сельцо *Кузнецово,* владелец отставной дворянин Петр Андреевич Зиновьев с женой Авдотьей Семеновной. Сын Яков служил в солдатах в Ярославле, с ними жила дочь Мария.

Вместо своего неграмотного деда Петра Андреевича за эту запись в переписную книгу расписался внук Алексей Зиновьев.

Тем же сельцом владела вдова Офимья Яковлевна Зиновьева, 50 лет, с нею сын Михаил Иванович.

Сельцом также владел Тимофей Петрович Зиновьев, 57 лет, с женой Лукерьей Ивановной, 45 лет, у них сын Алексей, который расписывался за деда, и дочь Авдотья.

Сельцом, что ранее было пустошью *Ошуково,* владели: отставной драгун Афанасий Федорович Маслов, 35 лет, с женой Натальей Федоровной, у них дочери – Мария, 7 лет, и Авдотья, 3 года.

Вдова Мария Семеновна Дербышева, ее сын служил драгуном в Астраханском полку.

Вдова Акулина Васильевна Бирюлева, 50 лет, бездетна.

Драгун Дмитрий Иванович Дербышев, 45 лет, с женой Дарьей Петровной, 40 лет, у них дочь Степанида, 3 года.

Сельцо *Нивы,* владелец Иван Яковлевич Окулов, 33 года, служил в армии, у него жена Варвара Гавриловна, 20 лет, детей не было.

Сельцо *Борисково,* владельцы Федор Павлович, 30 лет, и Василий Павлович, 20 лет, Окуловы, оба служили в армии.

Сельцо *Ргени,* владелица вдова Агафья Пименовна Окулова, 45 лет, сыновья Степан, 15 лет, и Андрей, 10 лет.

Сельцо *Фомино,* там был двор карельский, жил карел Матвей Иванов с женой и детьми, перевезен в Чамеровскую дворцовую волость.

Деревня *Горка,* там было четыре карельских двора. После того, как карел в Чамеровскую дворцовую волость перевез Иван Игнатьевич Сумароков, деревня осталась пустой. Она была передана в приданое за дочерью Татьяной Герасимовной Нелединской Семену Васильевичу Окулову [66].

Березовский стан находился восточнее Антоновского стана, к нему относились села с церквями: Налючь, Боженок (Божонка), Степанок, Типны, Лаврово. Села Налючь и Типны находились вблизи нынешних деревень Володино и Пронино Краснохолмского района недалеко от озера Куклино.

Село Божонка известно с XIII века, со времен битвы с монголо-татарами на реке Сить. 4 марта 1238 года монголо-татары приблизились к реке Сить (ныне на территории Сонковского района Тверской области), где стояла дружина владимирского князя Георгия. Была кровавая сеча, монголо-татары одержали победу, князь Георгий Всеволодович погиб.

Сельцо *Могочи,* владельцы Авраам Васильевич Нелединский и Елизарий Нелединский.

Деревня *Рагузино,* владел четырьмя дворами Иван Евтифьевич Усов, другими дворами – Иван Прокофьевич Щербаков.

Новопоселенное сельцо *Василево,* владелица вдова Анна Яковлевна Шершавина, у нее сыновья, Василий, 13 лет, Осип, 8 лет.

Новопоселенное сельцо *Хвощино* принадлежало подьячему Московского судного приказа Филиппу Ивановичу Рагозину.

Сельцо *Починок,* владелец стряпчий Петр Андреянович Козловский, 75 лет, женат, бездетен. У его жены была пустошь *Лазарково* в Верховском стане, ею завладел Лука Ураков насильно и поселил туда 14 дворов карел. Тех карел вывел ость князь Иван Несвицкий, стали они жить в вотчине Ивана Мокеевича Маслова.

К селу Боженок (Божонка), где была церковь Покрова Пресвятой Богородицы, относились деревни: Алферово, Афанасово, Дураково (Снегиревка), Молоди, Романцево, Турчаниново и другие.

Селом Божонка владели стольник князь Федор Матвеевич, его брат князь Осип Матвеевич с женой княгиней Федосьей Павловной и дочерью Анной, а также князь Иван Матвеевич, его родной брат Дмитрий Матвеевич с матерью княгиней Марьей Ивановной Щербатовы.

К селу Лаврово, где было две деревянные церкви – Всемилостивого Спаса и Богородицы Казанской, относились деревни: Рагозино, Кузьминское, Смердыни, Спиридоново и другие. Селом Лаврово владел капитан Иван Михайлович Лихарев, который в те годы служил в лейб-гвардейском Семеновском полку [67].

Верховский стан получил название от места расположения на севере (наверху) бывшего Бежецкого Верха.

В состав его входили девятнадцать сел: помещичьи – Богородское, Курганы, Орлов Городок, Поречье, Новое Котово, Егорьевское, Тушитово, Деледино, Залужанье, Пруды, Михайлово, Пупцово, Воскресенское – Бесово. На территории стана находился Николаевский Антониев монастырь с монастырскими селами – Чижово, Введенье, Молоково, Сандово. На территории стана было два дворцовых села – Волховицы и Ахматово.

Село *Деледино,* 104 дворами владел генерал Венедикт Андреевич Змеев, 66 дворами – майор Яков Иванович Полтев.

Деревня *Парфеньево* пуста: корелянин Семен Романов вышел в дворцовую волость в 1706 году. Корелянин Сергей Никитин отправлен на работы в Санкт-Петербург, где умер в 1707 году.

Карелы живут в деревнях *Гора, Логиново и Богдаево.* Из деревни Гора карел перевезли в деревню Лахново Чамеровской дворцовой волости 9 лет назад, а также в 1706 году, но карелы в этих деревнях еще остались.

Деревня *Андрейцево* (ныне Молоковского района. **– А.Г.**) принадлежала Михаилу Богдановичу Хвощинскому, а также полковнику Андрею Семеновичу Хвощинскому. За Петром Фомичом Малыгиным в этой деревне 5 крестьянских дворов.

Сельцо Юрьево (ныне Сандовского района. **– А.Г.**) принадлежало владельцам, жильцу Ивану Матвеевичу Рыкачеву, от роду 35 лет, и Ульяну Шершавину, у которого в этой деревне 21 двор [68].

Ивановский стан, центром его ранее было село Ивановское Большое, которое после «Бежецкого погрома» стало называться Кошево, а новопостроенную деревню, на месте разрушенного села, с таким же названием Ивановское, приписали к этому селу. «За Алексеевским

монастырем, что на Угличе, новопоселенная деревня Ивановское, что приписана к селу Кошеву» [69].

Село Кошево, позднее – Русское Кошево с деревнями относилось к Угличскому Алексеевскому монастырю. В том селе находилась церковь Казанской Божьей матери, в которой священником с 1748 по 1770 годы был Максим Иванов, с 1770 по 1801 годы – Соколовы, в том числе Косьма Косьмин (Соколов), с 1801 по 1811 годы – Семен Емельянов.

Границы Ивановского стана в 1710 году на севере шли по землям деревень Рудихово, Дор, Каменка, Ивановское (Русское Кошево) с их деревнями. На западе – по землям села Сулега, деревень Слепнево и Петрищево. На юге – по землям сел Подобино, Хонеево, Дубровка (Синево-Дуброво), Квасово и Глазово. На востоке – по землям деревень Власово, Анисимово, Рудихово. Неправы те, кто в своих работах пишут, что это был небольшой стан, поэтому место расположения его неизвестно. Земли Ивановского стана выходили за пределы дорог нынешнего треугольника Бежецк – Красный Холм – Сонково.

К Ивановскому стану относились также села: Хонеево с деревянной церковью Спаса Нерукотворного, Дубровка (Синево-Дуброво) с деревянной церковью во имя Богородицы Смоленской, Глазово с деревянной церковью Архистратига Михаила, Сулега с церковью Воскресения Христова, Сабурово с церковью Благовещения и Богороцкое (позднее Тараканово. **– А.Г.**) с церковью Казанской Божьей Матери.

К Ивановскому стану также относился погост Головское с церковью Николая Чудотворца и пустоши: Подобино, Поросятники и Савелово.

Деревня Слепнево, в одном километре от деревни Поцеп, в то время уже заселенной карелами, владели по одной трети Никифор Потапович, Алексей Потапович и Федор Потапович Милюковы. В конце XVIII века внучка Федора Потаповича Анна Ивановна Милюкова вышла замуж за старицкого дворянина Льва Васильевича Львова. Тесть Иван Федорович Милюков передал деревню Слепневу своему зятю Львову в качестве приданого за дочь.

Деревня Иван Милостивый (Вороиха). Вернувшиеся русские жители в XVII веке, в числе других деревень, заново отстроили свою деревню *Иван Милостивый* на прежнем месте, на высоком берегу реки Каменки.

Жители из уст в уста передавали легенду о святом Иване Милостивом, который обладал большим умом и знал латинский язык. Он скрыл-

ся из Москвы от злодеяний Ивана Грозного, чтобы в городе Ростове служить Богу. Там он принял на себя облик юродивого, терпел нужды и оскорбления. Он не имел постоянного пристанища, изредка отдыхал у своего духовного наставника священника Всесвятской церкви.

Скончался Иван Милостивый глубоким старцем 3 сентября 1580 года и был погребен возле церкви святого Власия города Ростова. По преданию, во время погребения прошла страшная буря с молнией и громом. После погребения люди стали приходить на его могилу и брали землю с нее, которая приносила им исцеление. Поэтому жители, отстроив новую деревню, назвали его именем, полагая, что святой Иван Милостивый спасет их от врагов, зла и болезней.

Эта деревня находилась в полукилометре от Поцепа, на противоположном высоком и крутом берегу реки Каменка, и в полутора километрах к востоку от Слепнева.

К 1710 году, когда владельцем деревни стал сначала Тимофей Воронин, а после его смерти вдова Стефанида Никифоровна Воронина, которую местные жители называли Ворониха, деревня стала иметь двойное название Иван Милостивый (Ворониха). В 1710 году Стефаниде Ворониной было 40 лет, с ней жили дети: Михаил Тимофеевич Воронин, 20 лет, Кирилл – 6 лет, Офросинья – 15 лет, Ульяна – 10 лет и Дарья – 3 года.

От Ворониных эта деревня позднее перешла во владения к Львовым. К концу XIX века первое название стало постепенно забываться, деревню стали называть Барская Вороних, от Львовых она перешла во владения старшины Василия Иванова.

Село Хонеево стало принадлежать стольнику Константину Пименовичу Нелединскому-Мелецкому.

Деревня Петрищево стало вотчиной Лариона Тимофеевича Колударова, в 1710 году ему было 75 лет, жене Неониле Федосеевне – 70 лет. Их сын служил в Ингермандланском полку, а его сын Гаврило и дочь жили с бабушкой и дедом.

Село Дубровка (Синево-Дуброво), деревня Стрижово и пустошь Поросятники перешли к сотнику Василию Васильевичу Заборовскому.

Владельцем деревни *Гостиницы,* что в километре от разрушенной поляками деревни Семенцово, стал помещик Федор Якимович Неелов.

Деревней *Панцино* владела вдова Авдотья Семеновна Лодыгина.

Хозяином села *Квасово* стал помещик Григорий Степанович Суворов.

Новопоселенное после опустошения сельцо, что было пустошью *Подобино*, стало поместьем Андрея Федоровича Корякина, 52 лет, который проживал там с женой Екатериной Михайловной, 40 лет, сыновьями Петром – 7 лет, Григорием – 6 лет, Данилой – 4 года и дочерью Авдотьей – 3 года.

Село *Сулега* стало вотчиной стольника, князя Дмитрия Михайловича Голицына. Князь Дмитрий Михайлович Голицын был сыном стольника Михаила Андреевича Голицына и Прасковьи Никитичны Кафтыревой. С 1686 года Дмитрий Михайлович стал комнатным стольничим царя Петра Алексеевича. Его жена – Анна Яковлевна Одоевского, дочь князя Якова Никитича Одоевского.

С 1694 года он – капитан Преображенского полка. С марта 1711-го по 1718 год – губернатор Белгородского разряда, с 1718 года – сенатор. В 1730 году по его предложению на царский престол была избрана Анна Иоанновна, которая в 1736 году потребовала суда над ним. Д.М. Голицын был приговорен к смертной казни, которую императрица заменила заключением в Шлиссельбургскую крепость с конфискацией всех имений, в том числе и села Сулеги. В 1737 году Д.М. Голицын умер в крепости.

Погостом *Толстиково* стал владеть Дмитрий Афанасьевич Кузьмин-Караваев. Позднее родовым имением Кузьминых-Караваевых стала деревня Борисково, что в одном километре от Толстикова.

Деревней *Сабурово* владел помещик Василий Никитович Тараканов.

Деревней *Новоселка,* что в двух километрах от карельской деревни Горбовец, владел помещик Тимофей Тимофеевич Савелов.

Полянский стан, село *Черемиси,* полсела за Афанасием Яковлевичем Милюковым, 30 лет, жена Неонила Даниловна, 30 лет, мать вдова Катерина Петровна, 70 лет. Полсела за Иваном Евдокимовичем Милюковым, помещику 7 лет, у него мать вдова Анна Савишна, 35 лет, у нее дочери Овдотья 10 лет и Вера, 9 лет.

Село *Чисти,* за вдовою Анной Степановной Шершавиной, 60 лет, у нее сын Роман Михайлович, 25 лет, его жена Ирина, 17 лет, брат Федор Михайлович, 15 лет, сестра Парасковья, 17 лет. В этом селе двор помещика драгуна Ивана Савельевича Маслова, 30 лет, жена Анисья Даниловна, 20 лет, теща Федосья Васильевна, 50 лет, свояченица Анна, 8 лет.

Ясеницкий стан, сельцо *Даниловское,* полсельца за недорослем Андреем Ильичем Батюшковым, помещику 5 лет, его мать вдова Марфа

Кондратьевна, 50 лет. В этом сельце двор рейтаров Ивана и Обросима Макаревичей Батюшковых, помещику 70 лет, его жена Акулина Абрамовна, 50 лет, сын Михаил, 7 лет.

В Ясеницком стане роду Батюшковых также принадлежали сельца: Чуриково, Дорофеево, Трестенка, Селиверстово, Усадьбище, деревня Максимцево, села Восное и Осиновик.

К Ясеницкому стану относились села: Баскаки, Кесьма, Лошицы, Старое Козьмодемьяновское, Титовское, Федорково и другие с их деревнями.

Роду Ухтомских в этом стане тогда принадлежало сельцо Андрейково и деревня Шеинская [70].

При проведении дворовой переписи крестьян в 1710 году все они были поделены на государственных и крепостных крестьян, тем самым окончательно закрепив это понятие. К государственным крестьянам были отнесены дворцовые крестьяне, в том числе большинство карел Бежецкого Верха, татары, сибирские крестьяне, рейтары, драгуны и другие служивые люди, а также ясачные народы: мордва, мари, чуваши, удмурты.

Монастырская вотчина во время реформ Петра I (1700–1725 годы)

После вывоза из монастырских земель всех карел по переписи 1678 года за монастырем значилось 103 селения, где было 614 крестьянских и бобыльских дворов.

В 1692 году царь Петр I издал указ о мощении грязных непролазных улиц города Москвы. Для этого по всему государству собирали и свозили в Москву дикий камень. С дворцовых, архиерейских, монастырских и других вотчин собирали камни по числу крестьянских дворов. Одни деревни и села собирали по одному камню мерою в аршин, или 71,12 см, с каждых 10 дворов. Другие деревни собирали по одному камню в четверть аршина, третьи – по два камня по пол-аршина, четвертые – мелкий камень, но не меньше гусиного яйца, общей мерою в квадратный аршин с 10 дворов.

Кроме сбора дикого камня по деревням и селам, каждый въезжающий в Москву у городских ворот должен был представить страже по три камня, не менее гусиного яйца, каждый [71].

После кончины в 1700 году Московского патриарха Андриана царь Петр I воспрепятствовал избранию нового патриарха. Своим указом от 30 декабря 1701 года он отнял у монастырей право распоряжаться своими вотчинными доходами. Сбором этих доходов стал ведать Монастырский приказ, который брал с монастырей по 10 рублей денег и 10 четвертей хлеба с каждого монаха, без различия сана. С 1721 года Монастырский приказ подчинили вновь созданному святому Синоду, и церковным властям было возвращено право, распоряжаться их вотчинными доходами [72].

В 1721 году, за несколько месяцев до провозглашения России империей, Петр I издал манифест об учреждении Духовной коллегии. На первом же заседании этой коллегии ее переименовали в Синод. Петр I решил заменить единоличную власть патриарха коллегиальной властью Синода, чтобы не было второго центра власти в России, кроме императора.

Кроме реформы центральной церковной власти Петр I провел реформу монастырей, издав в 1724 году специальный указ. В этом указе император писал, что монашество – это узаконенное тунеядство, с которым следует бороться всеми возможными средствами. Особенно резко было сказано о монахах городских монастырей, называя их «плутами».

В указе сказано, что никакой пользы от монахов нет, если они молятся, то и все молятся, и какая от них прибыль? От них нет пользы ни Богу, ни людям. Монахам было запрещено основание новых монастырей без разрешения Синода. Небольшие монастыри были объединены с более крупными монастырями, некоторые – вообще упразднены, а их имущество конфисковано.

Упраздняя монастыри, Петр I одновременно уделял внимание духовному образованию монахов. В период с 1721 по 1725 годы духовные семинарии и училища были открыты в Санкт-Петербурге, Твери, Пскове, Вологде, Холмогорах и других городах. Во всех духовных школах петровского времени преподавание велось на латыни. Сочинения писали сначала на латинском языке, потом переводили на русский.

Петр I ввел понятие «ученого монашества» в 1724 году, разделив монахов на две группы: тех, кто становится монахами для «удовольствования немощной совести» и тех, кто принимает монашество для архиерейства и прочих учителей церковных. Неученым монахам он предписывал работать при монастырских богадельнях, лазаретах и

в больницах. Присматривать за отставными солдатами, стариками и нищими. Жалованье за это не получать и из монастыря никуда не выезжать.

Что касается ученых монахов, то Петр I полагал, что они ради учения людей и тайн церковных определяются. После окончания академии или духовной школы их нужно постригать и отсылать в Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге, которая мыслилась, как кузница архиерейских кадров. Идея Петра I ученого монашества стала определяющей в жизни русской церкви на два последующих столетия.

Ученые монахи при Петре I и позднее не подвергались гонениям, в их руках со временем сосредотачивалось духовное управление. Выпускников духовных академий, изъявивших желание принять монашество, постригали в него, рукополагали в священный сан и назначали преподавателем в семинарию или академию.

Дети приходских священников по указу Петра I, независимо от их выбора, были обязаны учиться в духовных учебных заведениях. Священный сан нередко передавался по наследству от отца к сыну.

В 1724 году по указу царя вместо подворной переписи, которая проводилась регулярно, начиная с 1640-х годов, была проведена подушная перепись мужского пола с 15 лет. При ее проведении в государстве насчитали 5 млн 570 ревизских душ. Вместо подворного оброка был установлен подушный оклад для крепостных крестьян по 95 копеек с каждой ревизской души в год, потом его снизили до 74 копеек. Государственные крестьяне должны были платить по 40 копеек оброка с души в год.

Получалось, что бедный крестьянин с тремя недорослями должен был платить оброка вдвое больше богатого крестьянина с одним сыном. Больше всего от перевода с подворной подати на подушную, пострадали помещичьи крестьяне, которые стали платить втрое и даже вчетверо больше, чем платили ранее. Кроме государственной подати крестьянский двор платил помещику до 10 рублей оброку в год. Крестьяне не могли платить столько много денег, поэтому за 1724 год по государству был недобор 848 тысяч рублей подушного сбора или 18% от общего его числа [73].

С началом преобразований Петра I с наступлением XVIII века, благополучие Николаевского Антониева монастыря стало ухудшаться. В монастырь из Москвы были присланы стольники для управления вотчинами и сбора доходов с них. Всех дьячков и келейников было ве-

лено выслать из монастырей, впредь никого не принимать и в монахи не постригать. Одновременно в монастыри стали присылать на прокормление бывший солдат и стрельцов. Например, в 1698 году царь Петр I своей грамотой поручил архимандриту Никольского Антониева монастыря принять на прокормление стрельцов Алексея Васильева и Артемия Григорьева [74].

В 1705 году заведовавший монастырским приказом боярин И.А. Мусин-Пушкин по ходатайству вкладчика бежецкого дворянина Стефана Богдановича Ловчикова предлагал Николаевскому Антониеву монастырю за владение вотчинами в прежнем порядке и за пострижение в монашество вдовых священников и дьячков вносить в государеву казну по 414 рубль в год [75].

В декабре 1707 года новгородский митрополит Иова известил монастырь о том, что по указу государя и письму князя А.Д. Меншикова велено в новгородской епархии монастырям владеть своими вотчинами по-прежнему. За владение вотчинами на прежних условиях монастыри были обязаны вносить в казну по 13 алтын и 2 деньги со двора, а с 1710 года по 20 алтын. Николаевский Антониев монастырь платил в казну по 368 рублей 40 копеек в год за 614 дворов, находившихся в его вотчинах. Кроме того, он платил налог с мельниц и рыбной ловли, взимались новые платежи на военный приказ, адмиралтейство, обмундирование и содержание рекрутов, на жалованье драгунам и другие.

С 1722 года на монастырь была возложена новая повинность – давать приют и довольствие старым и увечным солдатам наравне с чернецами, давать отставным офицерам и унтер-офицерам полуторные порции против солдат и чернецов. Семейные увечные солдаты и офицеры жили в деревне Слобода за пределами монастыря, пользуясь его содержанием в соответствии со своим рангом. По грамотам Новгородского митрополита Феодосия от 19 и 31 октября 1722 года в монастырь были приняты на пропитание 4 человека – капралы и солдаты [76].

Попы церквей, находящихся в вотчине монастыря, предоставляли архимандриту списки родившихся, бракосочетавшихся и умерших за определенный срок. Например, за 1722–1723 годы такие списки представил поп села Шеломен Павел Герасимов. Священник приселка Кесова, что возле деревни Ведерница в 10 верстах от монастыря, представил такие списки за 1725 год. При составлении таких списков за 1724 год священник села Кесьма Феодосий Силин утаил 13 браков, за что Новгородским архимандритом Феодосием был подвергнут штрафу [77].

В августе и ноябре 1720 года царь Петр I направил две грамоты стольнику Петру Травину о причислении слуг Антониева монастыря в крестьянство, а также о настойчивом собирании с крестьян окладных и неокладных денежных и хлебных недоимков [78].

Все налоги, пошлины, сборы и недоимки в государственную казну собирали *целовальники,* так в XVI–XVIII веках называли местных крестьян, которые целовали крест, тем самым присягали на кресте в исправном сборе государственных денежных доходов. Впервые целовальники упоминаются в судебнике Ивана III Васильевича 1497 года. По уложению царя Алексея Михайловича целовальники избирались в деревнях, где проживало более 20 ревизских душ мужского пола старше 15 лет.

Целовальник деревни Бортницы Ерофей Коньков в 1722 году написал допрос о принятии им с крестьян села Сандова Петра Савельева с товарищами сборных окладных денег 30 рублей.

Желающих стать целовальниками по сбору пошлин и недоимков было немного, поэтому иногда против воли их избирали на сельских сходах. По приговору жителей выборной вотчины Антониева монастыря села Сандово 6 мая 1725 года в целовальники был избран крестьянин села Раменье Петр Анисимов [79].

Не было желающих стать сторожами приказной избы в Городецко, они назначались или избирались из крестьян. Расставленные десятским, избранным из числа сторожей, они должны были день и ночь непрестанно ходить каждый по своей улице. Сторожа смотрели, чтобы не было грабежа, воровства, разврата, драк, чтобы воры ничего не подожгли.

При Петре I к монастырю были приписаны: Введенский монастырь города Бежецка, был приписан к Антониеву монастырю в 1722–1727 годах, а также с 1730 по 1744 годы. В 1764 году Введенский монастырь города Бежецка был упразднен. От упраздненного монастыря до настоящего времени в городе Бежецке сохранилась колокольня Введенской церкви, построенная в 1682 году, которая является одним из древних памятников истории и архитектуры.

Спасоренская пустынь при впадении речки Званы в Реню, в 13 верстах от Весьегонска. Пустынь находилась при федорковской монастырской вотчине Антониева монастыря. Земля по берегам рек Званы и Рени в тех местах до монастыря была владением Нелединских-Мелецких.

Лахневская пустынь, по-другому назвалась Богородице-Дубровской, находилась в Бежецком уезде в 40 верстах от монастыря. В ок-

тябре 1723 года своей грамотой Новгородский митрополит Феодосий отнес Дубровскую пустынь к Антониеву монастырю. В тот же год пустынь была упразднена, четыре монаха и иеромонах – строитель были переведены в Антониев монастырь, туда же перевезли все строения и имущество.

По сведениям, составленным стряпчим Иваном Синицей в 1724 году Николаевский Антониев монастырь владел 628 крестьянскими и бобыльскими дворами и 16 нищенскими дворами, всего 644 двора. Бобылями называли одиноких крестьян, не имеющих земельного надела. Бобыльские дворы платили монастырю, помещику или другому хозяину земли оброк – бобыльщину. После введения подушной подати с 1724 года бобыльские дворы слились с крестьянскими, их перестали указывать отдельными списками.

Согласно именному списку 1725 года в трех сохах: Заболоцкой, Новинской и Бобровской на 74 жилые деревни было избрано 69 целовальников. В Заболоцкой сохе – 27, в Новинской – 17 и Бобровской – 17, указаны имена и фамилии целовальников по каждой деревне, сведений по Коробовской и Прибыльной сохах в том списке нет [80].

В 1724 году монастырь на три года утратил свою самостоятельность, он был приписан к новгородскому архиерейскому дому. В 1727 году по прошению знатных вкладчиков: генерал-майора И.М. Лихарева, сенатора Ю.С. Нелединского-Мелецкого и полковника В. Тютчева монастырю вновь вернули самостоятельность, игумен монастыря вновь получил сан архимандрита.

Помещики были не прочь заработать деньги на продаже крестьян, об этом свидетельствуют документы. В грамоте царя Петра I стольнику Петру Травину от 17 марта 1703 года говорится о том, что Николаевский Антониев монастырь купил крестьян у помещика Федора Ушакова. Помещик Афанасий Ветиков в январе 1725 года продал за 10 рублей своего крепостного человека, его жену и трех сыновей, а также крестьянина вотчины Антониева монастыря Нефеда Ерофеева, вернувшегося из бегов [81].

В делах монастыря имеется отпускная крепостная от 27 января 1722 года старосты деревни Андрейцево Ивана Мартьянова об отпуске в замужество, по приказанию своего господина помещика Федора Полунина, крестьянской девицы той деревни Татьяны Карповой за крестьянского сына деревни Раменье Никиту Ситманова. Монастырь и помещики иногда освобождали крестьян от своей и крепостной

зависимости. В 1726 году игумен монастыря с братией разрешил монастырским крестьянским девицам выходить замуж в другие вотчины с оплатой отпускных [82].

С тех пор в монастыре каждый год составляли целые дела о выдаче увольнительных писем девицам разных селений вотчин монастыря на выход замуж в другие вотчины.

Трагедии крестьян

С 1705 года Петром I был введен регулярный рекрутский набор, крепостные крестьяне, идущие служить рекрутами или драгунами, освобождались от крепостного права. Не все сословия набирались в рекруты, сначала от рекрутской повинности было освобождено дворянство, затем купечество и дети священнослужителей. Гусар, рейтаров и других представителей разнообразной конницы Петр I заменил драгунскими полками.

Набор рекрутов проводился с 1705 года ежегодно до конца 1709 года, по 1 рекруту с 20 тяглых дворов. За эти пять лет набрали 168 тысяч рекрутов при населении страны в 14 млн человек. К 1711 году было сформировано 33 драгунских полков. По указу Петра I от 6 июня 1706 года в драгунские полки набирались из сыновей боярских, дворянских и подьяческих, воспрещалось набирать детей церковников.

16 февраля 1707 года император Петр I издал указ «О беглых крестьянах». В нем предписывалось, что если в городах на посадах, в дворцовых волостях, в патриарших, архиерейских, монастырских, церковных и других поместьях и вотчинах явятся беглые люди и крестьяне, тех беглых людей и крестьян с женами и детьми отвозить к прежним помещикам и вотчинникам в течение полугода после вышеописанного указа.

Кто тех беглых людей и крестьян, с того числа в полгода в те места не отвезут, у тех людей половина поместий и вотчин будет взято на великого государя. Другая половина будет отдана тем, чьи беглые люди и крестьяне явятся. О беглых людях и крестьянах в городах сказок не дадут (то есть в ревизские сказки (переписи) их не включат. – **А.Г.**). Указ по всем воротам прибить, а в города послать грамоты.

Подворная перепись 1710 года показала, что в результате Северной войны, постоянных наборов в рекруты, гибели крестьян при строительстве Санкт-Петербурга и других крепостей, побегов жителей от податей и платежей численность платежного населения значительно уменьшилась. Если по переписи 1678 года в государстве насчитывалась 791 тысяча дворов, то по переписи 1710 года насчитали 637 тысяч дворов, на севере России убыли достигала 40%.

Петр I приказал все платежи и подати взимать по старым спискам плательщиков. Только в Сибири, где была прибыль населения, велено было показывать число платежных дворов по новым спискам. Все собранные подати царь приказал губернаторам направлять в «четыре места»: на армию, флот, артиллерию и дипломатию. Кроме того, каждая губерния должна была содержать армейский полк. По мере обеднения населения, налоги и подати платились все хуже и хуже. Царю стали предлагать перейти с подворной подати на подушную подать, то есть брать налоги не со двора, а с каждой ревизской души мужского пола старше 15 лет.

В переписной книге Бежецкого Верха за 1710 год имеются записи о пустых деревнях, принадлежащих Николаевскому Антониеву монастырю, и краткие сведения о судьбе монастырских крестьян, тогда во всех его деревнях насчитывался 541 крестьянский двор.

В 1703 году царь Петр I издал указы о немедленном направлении работных людей на строительство города Санкт-Петербурга. Туда ежегодно направляли до 40 тысяч государственных и монастырских крестьян, и до 10 тысяч солдат и пленных шведов.

Работники жили в землянках, шалашах, а то просто под открытым небом, многие умирали там от голода, холода, болезней и несчастных случаев, а их жены и дети дома ходили по миру, побираясь куском хлеба, умирая от голода. Одни исследователи называют число умерших 60 тысяч человек, другие – 100 тысяч человек. Архивы хранят имена плотников и мастеров, строивших Петербург, но мало сохранилось сведений о погибших и умерших на этой гигантской стройке.

Смерть одного человека – это трагедия для семьи, родных и близких. Смерть многих людей – это статистика для исследователей, поэтому в этой книге назову имена умерших на строительстве города Санкт-Петербурга монастырских крестьян, которые удалось установить.

Село Спас на Холму, пустые дворы, где в 1710 году не было хозяев:

Иван Артемьевич Панов взят в солдаты в 1705 году.

Квасовар Арефий Иванов умер в Петербурге в работниках в 1705 году, осталась бездетная жена, которая кормится по миру.

Квасовар Захар Иванов умер в работниках в Петербурге, был вдов и бездетен, жена умерла до его смерти.

Квасовар Тимофей Аверкиев умер в 1705 году вместе с женою, их дети Федор и Иван в подьячих в Москве.

Квасовар Потап Осипов постригся в монахи Антониева монастыря в 1708 году.

Максим Иванов умер в работниках в Петербурге в 1704 году, был вдов и бездетен.

Алексей Никитин умер в работниках в Петербурге в 1709 году, жена его кормится по миру, бездетна.

Исаак Лазарев умер в работниках в Петербурге в 1704 году, его жена кормится по миру, бездетна.

Квасовар Сидор Назаров умер 15 лет тому назад, дети его Ларион и Леонтий живут в Москве.

Деревня Чатрово, пустые дворы к 1710 году:

Венедикт Матвеев умер в работниках в Петербурге в 1705 году.

Василий Иванов был взят в солдаты в 1708 году, его жена кормится по миру, бездетна.

Абрам Шихов живет в Москве в монастырском приказе с женой и детьми.

Деревня Красное, пустой двор Семена Карпова, он был взят в Воронеж в плотники с женой и детьми в 1700 году.

Деревня Погорелка Большая, пустой двор Семена Фомина, он умер в работниках в Петербурге в 1707 году.

Из деревни Горка Березовского стана Иван Игнатьевич Сумароков перевел в Чамеровскую дворцовую волость четыре карельских двора, из деревни *Фоминка* перевел туда карела Матвея Иванова с женой и детьми.

Деревня Парфеньево Верховского стана, пустые дворы:

Афанасий Финагеев умер в работниках в Петербурге в 1707 году.

Карел Семен Романов вышел в дворцовую волость с детьми в 1706 году.

Карел Сергей Никитин умер в работниках в Петербурге в 1707 году.

Из деревни *Гаврильцево* вышли в Чамеровскую дворцовую волость две семьи карел, одна в 1706 году, другая – 9 лет назад.

Деревня Березье (ныне Сандовского района. **– А.Г.**), пустые дворы:

Автомон Фролов, вдовец, умер в работниках в Петербурге в 1709 году.

Остафий Иевлев умер вместе с сыном Агапитом в работниках в Петербурге в 1705 году.

Яков Иванов умер вместе с сыном Григорием, выехав с подводами под Нарву в 1701 году.

Фома Артамонов умер в работниках под Нарвой 6 лет назад. Сын его Митрофан отдан в рекрутские солдаты в 1706 году.

Деревня Введенье Дымцево, пустые дворы:

Ефим Прокофьев бежал вместе с женой и детьми в 1706 году.

Лазарь Матвеев умер в работниках в Петербурге в 1705 году.

Тимофей Иванов умер на работах в Петербурге в 1705 году, а жена его нищая ходила по миру, тоже умерла.

Артемий Федоров умер на работах в Петербурге в 1705 году, жена его ходит по миру, бездетна.

Петр Гаврилов умер на работах в Петербурге в 1705 году, жена его ходит по миру, сын Савелий отдан в солдаты.

Матвей Абросимов бежал с братом Карпом, с женою и детьми от розыска в убийстве крестьянина в июне 1710 года.

Сидор Исаев бежал с женою и детьми в 1700 году.

Иван Федоров бежал от разбойников с женою в 1710 году, а его отца в 1709 году сожгли разбойники насмерть.

Прокофий Сидоров умер в работниках в Петербурге в 1705 году, сын его отдан в солдаты.

Вотчина Живоначальной Троицы села Молоково, деревня Переверстка, два крестьянина умерли на работах в Петербурге в 1709 году.

Деревню Алексейцево полностью сожгли воровские люди.

К 1710 году остались совершенно пустыми монастырские деревни:

Дубоносиха	Осеиха	Хвалеево
Мельзино	Польниково	Слоуднево
Завалы	Завражье	Кесово
Алтыново	Погорелка	Ведерница
Глумцово	Меньшая	Татарниково
Полище	Фомино	Андрюшино
Черная	Скоросов	

В феврале 1712 года слуги, конюхи, подьячие и повара Николаевского Антониева монастыря написали челобитную новгородскому митрополиту о том, что жены и дети, взятых на военную службу в драгуны крестьян, умирают голодной смертью. На этой челобитной митрополит написал резолюцию: «Хлебное жалованье солдатским женам из монастырской житницы выдавать».

Постоянные рекрутские наборы, привлечение крестьян на строительство городов и крепостей, непомерные подати и платежи привели к тому, что даже через 25 лет после окончания Северной войны, многие деревни были пустыми, крестьяне массово бежали на юг и другие места. В архивных материалах Николаевского Антониева монастыря есть некоторые сведения о селах за 1747–1748 годы.

	Дворов	Людей	Душ мужского пола
Антоновский стан			
1. Село Спас на Холму с 40 пустыми деревнями	299	1170	1683
2. Село Шаблыкино с 7 пустыми деревнями	35	128	279
3. Село Лаптево с 12 пустыми деревнями	30	126	304
4. Село Рычманово с 14 пустыми деревнями	55	253	498
5. Село Славинское	9	48	48
6. Погост Лесоклинский	–	–	15
7. Погост Мицино	69	249	477
Итого по стану:	497	2097	3334
Верховский стан			
1. Деревня Черная Мицынского погоста с 12 пустыми деревнями	61	229	302
2. Село Сандово с 4 пустыми деревнями	32	102	238
Итого по стану:	93	328	540
Ясеницкий стан			
1. Село Федорково с 6 пустыми деревнями	43	151	291

Души мужского пола – это мужчины старше 15 лет, под «людьми» подразумеваются все жители женского пола, независимо от возраста. Сведений о селах, принадлежащих Николаевскому Антониеву монастырю, по другим станам в списках нет.

Побеги крестьян с помещичьих и монастырских земель были серьезной проблемой для государства. Крестьяне бежали от своих владельцев на окраины государства, на вновь присоединенные земли, еще не отданные во владения помещикам и монастырям. На бегство шли решительные люди, кому уже нечего было терять. Монастыри, а также многие помещики терпели большие убытки, крестьянские побеги подрывали поместную систему землевладения.

В архиве Николаевского Антониева монастыря имеется реестр «беглых» крестьян разных селений, принадлежащих монастырю, от 2 сентября 1750 года.

1. Деревня Григорово, Семен Иванов бежал в 1749 году.
2. Деревня Полежаиха, Миня Самуйлов бежал в 1750 году.
3. Деревня Андрюшино, Лукьян Михайлов бежал в 1744 году.
4. Деревня Фомино, двое Филипповых бежали в 1746 году.
5. Деревня Поляны, Василий Иванов и Елизавета Игнатьева бежали в 1744 году.
6. Деревня Боровлево, Михаил Иванов бежал в 1745 году.
7. Деревня Бахтицы, Андрей Григорьев бежал в 1745 году.
8. Деревня Кесово, Антип Миняев вместе с сыном Иваном бежали в 1744 году.
9. Деревня Селилово, Ларион Иванов бежал в 1744 году.
10. Деревня Бармино, Антип Аврамов бежал в 1749 году.
11. Деревня Слунево, Лукьян Иванов бежал в 1747 году.
12. Деревня Саврасово, Никифор Платонов бежал в 1750 году.
13. Деревня Бортницы, Трофим Елисеев бежал в 1746 году.
14. Деревня Красное, Яков Лихоманов бежал в 1745 году.
15. Деревня Анисимово. Сидор Иванов бежал в 1747 году, Исак Гаврилов и его сын Григорий бежали в 1748 году.
16. Деревня Акимиха, Самуил Степанов и Савелий Никтитиев бежали в 1748 году, Петр Емельянов бежал в 1749 году.
17. Село Спас на Холму, Никифор Алимпиев бежал в 1747 году, Егор Михайлов бежал в 1748 году.
18. Деревня Елонцево, Естифей Федоров бежал в 1747 году.

19. Погост Типны, Никита Евдокимов бежал в 1744 году.
20. Погост Мицыно, Яков Ерофеев бежал в 1746 году.
21. Деревня Утехово, Иван Ефимов бежал в 1746 году.
22. Деревня Михалиха, Лаврентий и Семен Ивановы бежали в 1746 году.
23. Деревня Толстиково, Василий Мелетьев Никитин бежал в 1745 году.
24. Деревня Путилово, Логин Фомин бежал в 1748 году.
25. Деревня Раменье, Степан Пиминов бежал в 1744 году.
26. Деревня Гущино, Гаврила Яковлев бежал в 1748 году.

Таким образом, известно о 34 ревизских душах, бежавших в 1744–1750 годах из деревень и погостов, принадлежащих Николаевскому Антониеву монастырю. Обычно бежали вместе с семьями, если условно взять 5 человек в одной семье, то число покинувших монастырские деревни составит 170 человек [83].

Массовое бегство крестьян на южные «украины» России наблюдалось со всех монастырских земель государства, что стало одной из причин последующей секуляризации монастырских земель в 1764 году.

Монастырские дела о спорах из-за земли

Монастырские владения постепенно возрастали, монастыри, основанные как пустынные скиты, к XVII веку заимели большие земельные владения. Участки земель им дарили «на помин души», часть пустующих земель они захватили сами, другие земли выкупали у владельцев. В делах монастыря встречаются межевые крепостные записи о замене одних земель на другие между монастырем и помещиками.

Были нередкие случаи подкупа богатыми владельцами земли землемеров. Собрав крестьян и других владельцев, землемер заявлял им, что он смотрел старые писцовые книги, где записано, что тот или иной участок земли принадлежит роду богатого помещика или монастырю. Таким образом, участок земли отбирался у крестьян или бедного помещика [84].

Земли Николаевского Антониева монастыря соседствовали с вотчинами других монастырей, а также с помещичьими владениями и

землями карельских дворцовых волостей. Село Могочи вместе с деревней Горка и погостом Русское Кошево (бывшее Ивановское Большее. – **А.Г.**), другими 12 деревнями относилось к вотчине Угличского Алексеевского монастыря, хотя находилось всего в 15 километрах к югу от Антониева монастыря и в 85 километрах от Углича.

Село Хабоцкое помещицы Шереметевой входило в вотчину Московского Знаменского монастыря, хотя располагалось в 12 километрах к северу от Антониева монастыря. Соседние с этим селом деревни Михалиха и Захариха входили в вотчину Антониева монастыря [85].

Знаменский монастырь был основан из домовой церкви бояр Романовых в 1631 году. В том же году грамотой царя Михаила Федоровича этому монастырю были переданы родовые царские имения и угодья, ранее бывшими за инокиней Марфой Ивановной – матерью царя. Среди этих имений оказались села Кесьма и Хабоцкое. В 1668 году монастырь сгорел, но его вновь отстроили родственники царя Милославские, на их средства были восстановлены старинные палаты и многие его здания. Вместо сгоревшей деревянной ограды была возведена каменная ограда.

Благополучие монастыря подорвал указ царя Петра I о строительстве каменных мостовых в Москве, монастырь был обязан вымостить более 500 квадратных саженей. Чтобы выполнить указ царя, монастырь стал продавать свои имения, так село Хабоцкое стало владением помещицы Шереметевой [86].

Село Федорково с деревнями относилось к Антониеву монастырю, а соседние 47 деревень села Весь Егонская – к Московскому Симонову монастырю. Еще в 1453 году московский князь Василий II Темный выдал архимандриту Московского Симонова монастыря Геронтию тарханную грамоту на владением селами Весь Егонская и Козьмодемьяновское (позднее Старое Козьмодемьяновское, ставшее центром вместо села Велетово. – **А.Г.**) Бежецкого Верха со всеми деревнями и пустошами [87].

Рядом с землями Антониева монастыря в Верховском стане Бежецкого Верха 4 селами с их деревнями владел Троицы Сергиев монастырь: Ахматово, Башарово, Василево и Молоково. Селом Башарово с 13 деревнями монастырь владел с 1590 по 1620 годы, селом Василево – с 1629 года, там была церковь Живоначальной Троицы, построенная в 1600 году. В селе Молоково были две церкви: Николая Чудотворца, построенная в 1593 году, и Живоначальной Троицы, построенная в 1627 году.

В Ясеницком стане Бежецкого Верха монастырь с 1616 года владел селом Баскаки. Троицы Сергиев монастырь в XVI–XVII веках был второй по величине, после царского двора, вотчиной в России. В 1623 году писцы насчитали 412 крестьянских дворов и около 200 бобыльских дворов, принадлежавших на территории Бежецкого Верха этому монастырю, запустение селений тогда составляло здесь 81%.

Николаевский Антониев монастырь длительное время, вплоть до 1762 года, считал в своих владениях сначала село, а потом пустошь Градницы. После возрождения этой пустоши крестьянами деревни Зобищи и постройки там церкви, весь приход села Градницы стал относиться к Московскому Новоспасскому монастырю. В приход этого села входили деревни: Борок, Зобищи, Молоди, Новая, Ножкино, Слепнево, Теребени, Хотена.

В пяти километрах южнее земель монастыря возродились дворцовые деревни Корельско-Кошевской волости, заселенные карелами. К северу от монастырских владений были образованы Борисоглебская, Мышкинская, Сандовская и Чамеровская дворцовые волости.

Это соседство, изменения во владениях, отсутствие четкого размежевания земель нередко приводили к земельным спорам монастырей друг с другом, с помещиками, с дворцовыми волостями и приходами, с которыми также спорили и помещики.

Прошло около 60 лет после проведения первой переписи карел, в том числе и Бежецкого Верха, 1662 года. В первые годы после переселения, карелы в дворцовых карельских волостях и приходах осваивали пустоши и разрабатывали участки под пашни, отвоевывая их у леса. После этого стали расширять свои участки, постепенно приближаясь к границам помещичьих угодий. Местные крестьяне порою не позволяли вновь прибывающим карелам занимать пустоши и свободные деревни.

На земли, где поселились карелы, претендовали крестьяне из других деревень. Например, карел из деревни Ладнево Исакий Афанасьев и карел из деревни Фоново Еремей Павлов в мае 1727 года писали челобитную игумену монастыря с просьбой защитить их от крестьянина деревни Михайлово Павла Борисова, который пытается захватить их пустошь.

Скорее всего, им не удалось отстоять свои пустоши, Павел Борисов захватил их. Деревни Ладнево и Фоново, больше ни в каких списках не значатся, а эта деревня Михайлово сохранилась до сих пор в Молоковском районе.

В октябре 1727 года делилась земля между монастырской Мышкинской волостью, принадлежащей монастырю, и созданной Чамеровской карельской дворцовой волостью. Это было связано с тем, что в дворцовую волость перевезли из деревень Елейцино и Каменец карел Ивана Артемьева с товарищами, а всего 10 дворов. Тогда были перемерены все пашни, перелоги и сенокосы, установлены границы владений [88].

Осенью 1742 года произошел спор между крестьянами деревни Раменье села Сандова Максимом Красиковым и Андреем Афанасьевым с карелом деревни Топорово дворцовой карельской Арханской волости Иваном Федоровым из-за пустоши Пролеиха. Кончилось тем, что крестьяне ограбили карела, отобрав у него лошадь с телегой.

Карелы деревни Клобаково Мышкинской волости, что по рекам Звана и Реня, в ноябре 1750 года подали челобитную в Бежецкую воеводскую канцелярию о защите их от обвинений в покосе сена на пустошах Хотенка и Жеребцово [89].

Местные крестьяне захватывали землю не только у поселившихся здесь карел, но и друг у друга, о чем свидетельствуют документы монастыря. В августе 1731 года игумен монастыря вместе с братией рассматривал донесение крестьянина деревни Слуново Лариона Филиппова на своего соседа Зота Федорова о захвате им полевой полосы.

15 августа того же года они рассмотрели дело крестьянина деревни Костычево Михаила Васильева о захвате его земли крестьянином Андропом Федоровым.

В августе 1737 года крестьянин вотчины монастыря из деревни Алешино Осип Федоров жаловался, что крестьянин той же деревни Кузьма Павлов самовольно захватил для посева озимых его землю [90].

В июле 1750 года архимандрит монастыря вместе с братией обязали крестьянку деревни Раменье Анну Власову снести строение, построенное ею на земле крестьянина той же деревни Василия Корнилова [91].

Местность была густо заселена, полей и сенокосов не хватало, происходили ссоры, драки и даже убийства из-за земли. Тяжба из-за земли по рекам Рене и Зване между крестьянами Николаевского Антониева монастыря и Симонова монастыря длилось долгое время, судя по документам, с 1700 по 1752 год. Первое сообщение о драке крестьян их вотчин имеется в деле за 1700 год.

В 1724 году между крестьянами села Федорково Николаевского Антониева монастыря и села Старое Козмодемьянское Симонова монас-

тыря из-за покосов разыгралась целая драма, во время которой были убиты несколько крестьян Симонова монастыря. В январе 1725 года староста села Федорково Фома Андреев писал челобитную в Углицкую провинциальную канцелярию по спорному делу с крестьянами Симонова монастыря [92].

Дошло до того, что священники Антониева монастыря 9 октября 1731 года ездили в село Старое Козмодемьянское, где взяли и увезли в свой монастырь попа Григория Алексеева для учинения допроса.

Длительное время, с 1731 по 1752 годы шла тяжба помещика села Старое, что на реке Зване, Семена Лаптева на крестьян села Федорково, что они воруют у него сено и пашут его пашню. Вблизи монастырских земель села Федорково Семену Лаптеву принадлежали пустоши: Дымцево, Терехово, Гора, Борок, Запрудная, Сбыхнево, Заломиха, Бережная и другие. Всего за ним было пашни 25 десятин, перелогов 89 десятин, лесом поросло 83 десятины, непашенной земли – 101 десятина. К 1731 году все эти пустоши были заселены помещичьими карелами.

Московский Симонов монастырь тогда владел селом Весь Егонская и 47 деревнями с общим числом ревизских душ мужского пола 2955 человек. Между крестьян вотчин Николаевского Антониева и Московского Симонова монастырей продолжались продолжительные споры из-за покосов. Так, крестьяне вотчины Симонова монастыря из деревни Овсянниково насильно захватили в 1750 году землю крестьян села Федорково вотчины Антониева монастыря.

Представители Антониева монастыря 29 августа 1751 года выходили в село Чернецкое Федорковской волости, чтобы на месте определить, кому принадлежат спорные сенные покосы – Антониеву или Симонову монастырям. Ими были осмотрены и переписаны все пашни и покосы, принадлежащие к деревням Антониева монастыря – Федорково, Алешино и Чернецкое, а также деревне Телебуково Симонова монастыря [93].

В списках населенных мест Весьегонского уезда Тверской губернии Российской империи за 1859 год сказано, что село Чернецкое, бывшее Старокозьмодемьяновское, казенное село при реке Кесьма, дворов 106, мужского пола 274, женского пола 312, две православные церкви, проводятся две ярмарки [94].

В начале 1750 года сгорела деревянная церковь в селе Градницы, после чего село стало пустошью. В 1752 году крестьяне вотчины Мос-

ковского Новоспасского монастыря из деревни Зобищи, что в 4 километрах от Градниц, Зиновий Горев, Гаврила Семенов и другие стали владеть пустошью Градницы, числящейся за Антониевом монастырем.

Село стало постепенно восстанавливаться, 18 сентября 1756 года крестьяне этого села подали прошение в монастырь о заключении договора подряда на рубку леса для строительства церкви Преображения Господня. Когда деревня Градницы и церковь в ней к 1762 году были отстроены, ее вновь отнесли к Московскому Новоспасскому монастырю [95].

В ответ на многочисленные челобитные императрица Елизавета Петровна 28 февраля 1752 года издала указ о посылке по всему государству межевщиков для размежевания всех земель – монастырских, помещичьих, дворцовых и государственных.

В апреле 1834 года землемер Квинчугов писал рапорт тверскому губернскому землемеру, в котором указывал, что озеро Верестово с 1771 года принадлежит Николаевскому Антониеву монастырю, поэтому земля возле этого озера в размере 3 десятин принадлежит ему, а не селам Алабузино и Михайлова Гора [96].

Монастырские дела по Корельско-Кошевскому приходу

После польско-литовской интервенции и разрушения деревень, восстановленная карелами деревня Бережки стала относиться к приходу села Могочи. В период с 1633-го по 1643 год в деревню Бережки из разных погостов Корельского уезда пришли 9 семей. Позднее в другие деревни возле Бережков стали переходить карелы из села Могочи, деревень: Горка, Грудино, Желобни, Ивановское, Прокино и Старое.

Карел земец Петряйка Головкин вместе с потомками крестьян его прадеда земца Ивана Головкина – Афанасьевыми, Борисовыми, Михайловыми, Медведевыми, Захаровыми, Лукиными и Орловыми в 1649 году пришли в деревню Грудино. Узнав, что деревня принадлежит Угличскому Алексеевскому монастырю, эти карелы перешли через лес, где со временем построили деревни, названные их именами: Петряйцево, Душково, Акиниху, Терехово, Калиниху и Климантино. Они также заселили бывшие деревни, ставшие в период Смутного времени пустошами – Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиху, Муравьево, Поцеп

и Шейно. Позднее, с 1662 года, эти карельские деревни причислили к дворцовым деревням, была образована Корельско-Кошевская дворцовая волость с центром в селе Корельское Кошево.

В 1650 году в деревнях будущего прихода проживали: Бережки – 45 человек, Петряйцево – 42 человека, Душково – 21, Муравьево – 11 карел, а всего 119 человек. После переселения карел, в 1662 году был образован Дворцовый приказ тайных дел, который объединил личное хозяйство царя. Земли вместе с деревнями и жителями отнесли к царскому дворцу, земли и крестьяне стали называться дворцовыми. Были образованы карельские дворцовые волости, куда карел свозили от монастырей и помещиков.

К моменту первой переписи карел в 1662 году, в Карело-Кошевском приходе Ивановского стана Бежецкого Верха их было уже 297 человек, в том числе: Петряйцево – 64, Поцеп – 22, Душково – 21, Бережки – 80, Калиниха – 6, Терехово – 11, Акиниха – 12, Горбовец – 15, Климантино – 6, Байки – 12, Муравьево – 27 и село Корельское Кошево – 6 карел.

В деревне Петряйцево карелы на месте глинокопий, где брали глину для печей, выкопали пруд и хоронили покойников рядом с прудом. Недалеко от этих захоронений ими была построена часовня. Жители карельских деревень Петряйцево, Муравьево, Байки и Терехово еще до строительства в селе Кошево Корельское Борисоглебской церкви построили свои часовни. У часовен нередко хоронили покойников, так как на погосте в Кошеве почти шестьдесят лет, как пришли сюда карелы, не было церкви.

Если с карелами Чамеровской волости Николаевский Антониев монастырь и помещики спорили из-за пашен, перелогов и сенокосов, то с карелами Корельско-Кошевской дворцовой волости – только из-за лесов. Их деревни с землями монастыря и помещиков разделали леса.

К 1710 году пришедшие карелы построили деревянную Борисоглебскую церковь на кладбище в полукилометре от Бережков. Здесь они основали село Кошево Карельское, как выходцы из деревень прихода Кошево, которое стали называть Русским. Село Кошево Корельское стало центром прихода и Корельско-Кошевской дворцовой волости из 13 карельских деревень.

Деревни нашей местности, как вновь отстроенные, так и восстановленные карелами, после 1662 года отнесли к царскому двору, и они стали дворцовыми. Была образована Корельско-Кошевская дворцовая

волость, упоминание о которой имеется в переписной книге Бежецкого Верха 1709 года. С 1766 года она относилась к Бежецкому уезду, в результате образования в 1776 году Краснохолмского уезда деревни волости перевели туда, но подчинялась Дворцовому приказу. После ликвидации в 1796 году Краснохолмского уезда деревни Корельско-Кошевской волости снова отнесли к Бежецкому уезду.

В связи с реформой 1797 года деревни Карело-Кошевской волости стали удельными, волость вошла, вместе с карельскими деревнями Алафеевской и Юркинской волостями Бежецкого уезда, в Столбовское отделение Чамеровского сельского приказа, все эти удельные карельские деревни отнесли к Весьегонскому уезду по месту нахождения центра приказа – села Чамерово. В составе этого приказа волость существовала до 1863 года.

Построенную к 1710 году деревянную церковь, карелы назвали Борисоглебской по прежнему названию этого села, первым русским священником в этой церкви стал поп Иосиф Иванов, 1674 года рождения, женатый на Фекле Савиной, 1677 года рождения.

Дьячок церкви погоста Кошева Корельского Григорий Иванов, родной брат попа, в 1726 году укрывал крепостного карела, бежавшего от помещика Ивановского стана Бежецкого уезда из сельца Подобино Андрея Федоровича Карякина. Когда помещик в июле 1728 года направил в село Кошево Корельское своих дворовых людей с целью возврата беглого крестьянина, то один его дворовый человек был сильно избит местным попом Иосифом Ивановым.

Тяжба помещика А.Ф. Карякина с попом села Кошева Корельского была продолжительной. 23 июля 1728 года он подал челобитную на имя вице-президента Синода Феофана Архипина. В ней он писал, что в прошлом, 1727 году из Бежецкой канцелярии ему пришел ответ по челобитной, направленной им архимандриту Николаевского Антониева монастыря Макарию. Он писал в ней, что ему принадлежат земли сельца Подобино, деревень Трофимовское, Тараканово, Сабурово Бежецкого уезда Ивановского стана.

Когда его человек в июле 1727 года ездил в деревню Сабурово, там поп села Кошева Корельского Иосиф Иванов и его брат дьячок Григорий Иванов отобрали у него лошадь, заявив, что она из Головского погоста. Когда его человек попытался вернуть лошадь, поп Иосиф Иванов, вместе с братом, стал избивать его. Крестьяне села Сабурово не дали им убить его человека.

А.Ф. Карякин писал в челобитной, что уже год, как не принято решения, просил учинить допрос Иосифа Иванова с братом и по этому допросу учинить решение.

При допросе 16 августа 1728 года поп Борисоглебской церкви села Кошева Корельского Иосиф Иванов и его брат Григорий говорили, что они в праздничный день в июле 1727 года выехали в Сабурово к помещику Василию Никифоровичу Тараканову.

В эту деревню к выборному крестьянину Никифору Иванову приехал человек боярина Андрея Карякина Иван Трофимов верхом на серой кобыле. Они узнали эту лошадь и сказали Ивану, что несколько дней назад она была украдена с поповского двора села Головское Трофима Константинова, ее надо вернуть обратно хозяину. Они отобрали у Ивана Трофимова лошадь, его спустили с крыльца, но самого не били. О принятом решении по допросам в делах ничего не сказано.

На земли, занятые карелами претендовал отставной подпрапорщик Скопинского полка из сельца Ивановское Емельян Шатунов. Между ним и попом погоста Кошева Корельского Иосифом Ивановым началась тяжба из-за земли. Из-за каких конкретно земель с карелами Корельско-Кошевской дворцовой волости Ивановского стана Бежецкого Верха спорил Емельян Шатунов, установить не удалось. В архиве мне не дали дело № 876 из-за его ветхости.

Не исключено, что это были земли и леса карельской деревни Муравьево, находившейся в 5 километрах от Ивановского (позднее деревня Горка Русского Кошевского прихода. **– А.Г.**). Возможно, спор шел из-за земель жителей русской деревни Рамешка, вклинившейся между карельскими деревнями Байки и Муравьево, и принадлежавшей помещику Шатунову. Когда он в 1728 году приехал вместе с женой в село Корельское Кошево, то они обое были избиты сыновьями местного попа Тимофеем и Василием Ивановыми [97].

27 декабря 1732 года попом Кошева Корельского прихода был назначен Василий Иосифович Иванов на место устарелого отца. На этой должности он был совсем недолго, уже в июне 1733 года попом этого прихода был избран игуменом и братией монастыря Тимофей Осипов, бывший до этого дьяком того же погоста.

А в июне 1737 года архимандрит монастыря писал письмо на имя попа Кошева Корельского прихода Иосифа Иванова, который к тому времени вновь стал священником Борисоглебской церкви этого прихода. В 1738 году его перевели попом в церковь Казанской Богородицы

села Богородское возле деревни Сабурово. С 1738 по 1748 годы попом в селе Кошево Корельское служил Тимофей Иосифович Иванов, сын первого попа, женой его была Ирина Прокопиева.

В июле 1739 года было проведено дознание в отношении дьячка Кошева Корельского прихода Григория Иванова в связи с тем, что, будучи вдовцом, без разрешения женился вторично.

Это было последнее дело в отношении священников Кошево Корельского прихода, рассмотренное служителями Николаевского Антониева монастыря. В полных списках церквей, находящихся в ведении монастыря в 1798 году Борисоглебская церковь этого прихода не записана.

Два года по какой-то причине священником села Кошево Корельское служил брат Тимофея Василий Иосифович Иванов, а после него снова Тимофей Иванов до 1767 года. Затем священником Борисоглебской церкви стал его сын Петр Тимофеевич Иванов, который служил до 1808 года. В те годы карелы стали собирать деньги на строительство каменной Сретенской церкви, поп Петр Иванов эти деньги украл. В 1808 году он был лишен сана священника за кражу церковных денег и отослан в губернское правление для отправки в Нерчинск.

С 1808 по 1837 годы священником в селе Кошево Корельское служил сын дьякона из села Русское Кошево Ивана Максимова Василий Иванович Максимов, из студентов богословия. При нем в 1816 году они на этом месте построили каменную Сретенскую церковь с тремя престолами: Сретения Господня, святых благоверных князей Бориса и Глеба, Введения в храм Пресвятой Богородицы. Были построены также дом для священника, амбар и сторожка деревянные.

В приходе тогда было село и 13 деревень, 995 мужчин и 1180 женщин, все карелы.

В приходе 4 часовни: Байки – святых Флора и Лавра, Петряйцево – Успения Божьей Матери, Муравьево – Тихвинской Божьей Матери, Терехово – пророка Ильи, построена в 1884 году, все часовни деревянные, сейчас утрачены.

В конце XIX века начальная трапезная была заменена новой с двумя приделами: Бориса и Глеба, Введения. Росписи в интерьере храма датируются серединой XIX века. По воспоминаниям старожилов Сретенская церковь построена из кирпича, сделанного из местной глины и речного песка.

В полукилометре от церкви недалеко от левого берега реки Каменка до сих пор сохранились несколько глубоких рвов длиной до

50 метров. Эти рвы в народе называют «волчьи ямы». Именно здесь брали глину, делали кирпичи с добавлением песка из реки, и на месте их обжигали.

При строительстве церкви использовалась известь с добавлением яичного белка. Местное население говорило, что именно из-за добавленного в известь яичного белка нельзя отбить кирпич друг от друга, можно разбить только сам кирпич.

К началу XXI века церковь по-прежнему стояла в центре села, при советской власти переименованного в село Карело-Кошево. Дома охватывали ее полукругом с южной и западной сторон. Церковь является незаурядным памятником культовой архитектуры в стиле зрелого классицизма, редким образцом сельской приходской церкви в виде пятиглавой ротонды. К тому времени церковь не действала, кресты накренились, хотя не были сброшены, не сохранилась иконопись, не было полов, утрачена часть настенных росписей, местами выбиты кирпичи [98].

С 1797 года почти всеми карельскими приходами стала ведать Николаевская Теребенская пустынь, находящаяся на притоке Мологи – реке Кезе, ныне на территории Максатихинского района. Об истории этой пустыни я написал в своей книге «Карелы: от язычества к православию».

Монастырь от Петра I до Екатерины II (1725–1762 годы)

Этот был неспокойный период короткого правления императоров и дворцовых переворотов. После смерти Петра I престол перешел его жене Екатерине I (1725–1727 годы), от нее – к внуку Петра I от убитого сына Алексея – Петру II (1727–1730 годы). От него – к племяннице Петра I, дочери царя Ивана, Анне Иоанновне (1730–1740 годы), принцессе курляндской. От той – к ребенку Ивану Антоновичу (1740–1741 годы), сыну ее племянницы Анны Леопольдовны.

После низложения Ивана Антоновича страной стала править дочь Петра I Елизавета Петровна (1741–1761 годы). От нее престол перешел к внуку Петра I от дочери Анны и внуку сестры шведского короля Карла XII Петру III (ноябрь 1761 – июнь 1762 годов), которого низложила

в июне 1762 года его супруга, ставшая впоследствии императрицей Екатериной II.

Никогда ни в одной стране верховная власть не переходила из рук в руки по такой ломаной линии. За те 37 лет Россия оказалась без установленной наследственной династии, держалась она не на праве, а на силе монарха. Но таковой силы монархов было тогда недостаточно для такой большой страны.

24 июля 1725 года императрица Екатерина I издала указ о снижении подушного налога на 4 копейки. Но это было недолго, в сентябре того же года ею было велено собирать по 4 копейки с каждой мужской души. Денег, как всегда, не хватало, поэтому по указу императрицы в 1725 году было велено отобрать в государеву казну драгоценные подвески с икон во всех монастырях и церквах [99].

Было время дворцовых переворотов, цари правили короткое время, отменяя предыдущие указания. Своим указом от 10 октября 1727 года император Петр II запретил всем, в том числе и монастырям, исполнять дела по бумагам князя Александра Меншикова [100].

Любимец императора Петра I, фактический правитель России при Екатерине I, князь Александр Данилович Меншиков был арестован без суда по указу малолетнего императора Петра II и отправлен в ссылку, сначала в свое имение, затем – в город Березов Тобольской губернии. Жена его умерла по дороге в ссылку, с ним остались восемь верных слуг. В Березове он со слугами построил деревянный деревенский дом и небольшую деревянную церковь. Умер от эпидемии оспы 12 ноября 1729 года в возрасте 56 лет.

Ограничения в отношении монастырей, начатые при Петре I, продолжались при Екатерине I и Анне Иоанновне. В 1730 году императрица Анна Иоанновна запретила монастырям приобретать земли. В 1734 году был введен запрет на монашеские постриги, за исключением вдовых священнослужителей и отставных солдат. Монахов, постриженных в обход указов императрицы, лишали монашеского звания, подвергали телесным наказаниям и ссылке.

Императрица Анна Иоановна в сентябре 1732 года издала указ, которым поручала провести перепись населения России, но, скорее всего, он не был исполнен, во владениях Николаевского Антониева монастыря, например, были переписаны лишь пустоши. Деревни и села были переписаны в 1738 году, тогда монастырь владел 4252 душами, а к 1762 году – 4620 крестьянскими душами [101].

Проблемой для государства и пополнения войска при правлении императрицы Анны Иоанновны оставалось бегство драгу, рекрутов, солдат и их укрывательство. Рекрутский набор проводился по одному человеку со 116 душ мужского пола.

Рекрут Ферапонт Соколов из села Спас на Холму, бежал с дороги при отправлении на военную службу в декабре 1724 года.

Из-под караула от рекрутского набора бежали Федор Лукьянов из деревни Михалиха, Василий Фалев из деревни Слудково [102].

Поэтому императрица многое внимания уделяла поимке беглых драгун, солдат, матросов и рекрутов, издав по этому вопросу несколько указов. 10 февраля 1732 года в своем манифесте она предлагала всем им добровольно явиться на прежние места, предписывая, что укрывающиеся от явки будут жестоко наказаны.

Через два дня она издала указ, по которому было велено отдавать прежним помещикам в крестьянство добровольно возвратившихся из бегов драгун, солдат, матросов и рекрутов [103].

В 1736 году Анна Иоанновна ограничила службу дворян 25-ю годами вместо бессрочной службы. Одновременно своим манифестом она разрешила принимать солдатских детей в школы и на службу.

В декабре 1738 года императрица Анна Иоановна издала повторный указ о добровольной явке беглых драгун, солдат, матросов и рекрутов и их жестоком наказании в случае уклонения от явки [104].

В октябре 1740 года Синод издал указ о наложении штрафов на настоятелей монастырей за насильное пострижение в монашество пришлых людей и за отпуск из монастырей своих монахов [105].

В том же 1740 году Синод доложил императрице, что монашество на Руси стоит на грани полного уничтожения. В монастырях остались только старики прежнего пострижения, уже не способные ни к каким послушаниям и службам, некоторые монастыри стоят пустые. С того времени постриги вновь были возобновлены.

Еще по указу императора Петра I от 1724 года крестьянин в случае ухода со своего двора на заработки на расстояние до 30 верст, должен был получить письменную отпускную от помещика или монастыря. Если он уходил на заработки дальше 30 верст от дома, должен был получить паспорт, так было положено начала паспортной системы, с помощью которой легче было ловить беглых крестьян.

Начиная с апреля 1739 года, достаточно много монастырских крестьян стало отправляться на заработки в Петербург. Отбываю-

щим выдавали паспорта, сначала осторожно и немногим числом, а с 1740 года – чаще и большим числом.

Из деревень, принадлежащих Краснохолмскому Антониеву монастырю, в числе первых выдали паспорта для отправления в Петербург: бобылям из деревни Анненской Денису Иванову и Гавриле Петрову, сыну монастырского солодовника Григорию Трофимову, солдатской жене из деревни Анненской Ирине Денисовой для отправления ее к мужу в Петербург.

В апреле-мае 1739 года паспорта массово выдавались жителям монастырских деревень Андрюшино, Анненское, Медведчиково, Бортницы, Красное и других [106].

С того времени в монастыре ежегодно составлялись целые дела о выдаче паспортов крестьянам монастырской вотчины для направления их на работы в Санкт-Петербург. 31 января 1749 года крестьяне разных деревень вотчины Антониева монастыря вынесли приговор о посылке в Петербург крестьянина деревни Путилово Григория Григорьева для сыска там беглых крестьян монастырской вотчины.

Позднее, с 14 ноября 1751 года по 17 января 1752 года была проведена проверка в разных селениях вотчины монастыря о явке или неявке в указанный срок крестьян, которые были направлены на работы в Петербург. Но выдача паспортов крестьянам монастырской вотчины продолжалась [107].

Императрица Елизавета, взойдя на престол в 1741 году, через 3 года своего правления упразднила Коллегию экономии, образованную в сентябре 1726 года Екатериной I. Она вновь передала управление церковными и монастырскими владениями Синоду. В июне 1747 года она своим указом запретила монастырям принимать на пропитание бывших военных.

22 августа 1751 года Елизавета Петровна издала указ об изъятии у населения и в монастырях, запрещенных книг, напечатанных на иностранных языках, в том числе, на немецком языке, которые упоминали имена известных персон бывших правителей [108].

К тому времени Николаевский Антониев монастырь являлся просветительским центром северной части Бежецкого Верха. Он имел богатую библиотеку как рукописных, так и печатных книг, в том числе светских авторов. Было много книг священного писания, богослужебных книг и писания святых отцов церкви. Монахи обители занимались переписыванием книг, в том числе «Синодика», «Летописи монасты-

ря», а также составили две рукописные книги: «Слова преподобного Симеона Нового Богослова», в стихах, она написана на бумаге в XVII веке, и «Келейный летописец святителя Дмитрия Ростовского», которая хранилась в кожаном переплете.

Николаевскому Антониеву монастырю поручалось направлять в Олонецкий и Выгорецкий монастырь своих служителей для работы в комиссиях по раскольническим делам. Указом правительственного Синода от 29 мая 1741 года было велено направить в Олонецкий и Выгорецкий монастырь писцов, в их числе служителя монастыря Василия Поварова. Установить им годовое жалованье и снарядить подводы для их поездки.

Братия монастыря рассмотрела этот указ 18 сентября 1242 года, на своем собрании они слушали монаха Авраамия, казначея Фиофилата и решили послать в Олонецкий монастырь служителя писца Василия Поварова, а также служителя из деревни Мокравицы Филата Мышкова в раскольничью комиссию, дать им жалованье 4 рубля.

Но вместо служителя Филата Мышкова изъявил желание выехать служитель монастыря Архип Немчинов, они выехали 5 декабря 1742 года. Переписка монастыря с новгородским архиепископом по этой поездке продолжалась с 29 мая 1741 года по 9 декабря 1742 года.

Член правительственного Синода Амвросий 10 ноября 1743 года направил в монастырь новый указ, в котором велел выслать в Олонецкую и Выгорецкую раскольничьи комиссии служителя писца Филиппа Константинова, а также другого достойного писца, не пьяницу, вместо Архипа Немчинова, который вел себя там недостойно.

Братия монастыря рассматривала этот указ 29 декабря 1743 года, потом 16 января 1745 года, но ничего не решила. Им было направлено напоминание о замене из правительственного Синода 6 марта 1745 года, ответ из монастыря туда написан 13 августа 1745 года. Братия писала, что Василий Поваров остается в той комиссии писцом, вместо Немчинова они отправляют писца Николая Горбунова. Некоторые служители соглашались, а другие, как Николай Горбунов, просили не направлять их в эти комиссии [109].

В 1742 году императрица Елизавета Петровна издала указ о порядке сбора рекрут для армии. Она писала, что для укомплектования армии собрать рекрут со всего государства, кроме однодворцев, новокрещеных, Оренбургских тептерей и бобылей, а также татар, содержащих почту. Со всех других, а именно: купеческих, дворцовых,

ясашных, черносошных, архиерейских, монастырских, помещиковых крестьян, иноверцев и помещиков, со всех их направлять по одному рекруту со 194 душ, не исключая них из подушного оклада.

Собирать рекрут она обязала губернаторов и провинциальных воевод с посланными офицерами. Начинать сбор по получении указа, собирать крепких, здоровых людей мужского пола от 20 до 35 лет, ростом не менее 2 аршин и 4 вершков, меньше ростом людей в рекруты не принимать. Это означало, что рост рекрута должен быть не менее 160 см, так как 1 аршин равнялся 71,12 см, один вершок – 4,5 см.

Закончить сбор рекрутов в два месяца с получения указа, те купцы, помещики, заводчики и другие, кто в эти сроки не поставит установленное число рекрутов, с них рекрутов будет взято вдвое больше.

Которые большие села и деревни находятся за разными помещиками душ по 20–30, больше или меньше, те души с посторонними деревнями, где тоже мало душ, не складывать. Брать рекрута за всех того села или деревни от того помещика, у которого число душ больше половины указанного числа. Если у всех помещиков разделенной деревни или села душ меньше половины, то бросать жребий, кому он достанется, с того помещика и брать рекрута. Тех помещиков, у кого меньше 10 крестьянских душ, в жеребьевку не привлекать, а брать с них деньги.

Если у помещика в одной губернии или провинции несколько малых деревень по малому числу душ, с этих деревень рекрута надлежит брать по числу душ, сложив их во всех мелких деревнях.

Императрица Елизавета Петровна неоднократно издавала указы о возвращении беглых драгун, солдат, матросов и рекрутов на свои места, и жестоком наказании неявившихся. С 1744 года пойманных беглых драгун, солдат, рекрутов и крестьян направляли на строительство крепости Кронштадт [110].

Судя по архивным делам, с восшествием на престол Елизаветы Петровны ситуация в Николаевском Антониевом монастыре изменилась к лучшему. Появилась возможность строительства новых каменных зданий, началась постройка западной каменной стены с воротами. Построили две кельи – столярную и сторожевую. В 1748 году были заложены каменные кельи в одну линию с северной оградой, с постройкой поварни для варки кваса и пива [111].

Началось строительство новых церквей и восстановление разрушенных и сгоревших церквей, о чем свидетельствуют архивные документы монастыря.

К 18 июля 1752 года была построена новая церковь в погосте Толстиково, к осени 1753 года была построена новая церковь в селе Сабурово. В том же году были построены и освящены церкви в селе Боженок (Божонка), а также в Кесовой Горе вместо сгоревшей ранее церкви [112].

В связи с тем, что предполагался приезд в Антониев монастырь Новгородского архиепископа, решались вопросы о скорейшем завершении строительства монастырских келий в селах Спас на Холму, Сандове и Федоркове. На постройку монастырских дворов с кельями в селах Сандово и Федорково с монастырских крестьян взыскивали разные лесные материалы [113].

Был отдельный указ московской консистории о постройке в селе Спас на Холму дворца, нужного для проезжающих по тракту от Москвы до Олонца. По этому указу 1752 года в селе Спас на Холму (ныне город Красный Холм. **– А.Г.**) монастырь был обязан построить дворец, один из тех, которые строились по дороге от Олонца на Москву. Дорога из Москвы на Олонец проходила через села и города: Хлебниково (теперь Долгопрудное. **– А.Г.**), Дмитров, Кашин, Городецко (Бежецк), Спас на Холму (Красный Холм), Весьегонск и Устюжну, где строились подобные дворцы.

В этом дворце по плану должны быть две светлицы со скобленными деревянными стенами и большими окнами со стеклами. В них установлены голландские печи побеленные. Между светлицами должны располагаться сени, с двух сторон сеней двери и входные рундуки, одни двери к въезжим воротам, а другие – к кухне. Кухню с очагом построить во дворе возле дворца. Сам дворец с кухней обнести деревянным забором под скобель и учинить въезжие ворота большие, створчатые, высокие и при них – калитку. Этот дворец в селе Спас на Холму десять лет простоял праздно, без надобности. В 1763 году по приговору монастырской братии его решили продать на вывоз не менее, как за 30 рублей.

Кроме этого дворца монастырь построил в селе Спас на Холму: 8 амбаров для склада товаров, 6 больших лавок, 10 средних и 36 малых лавок, которые отдавались в наем торговым людям. Нужно отметить, что еще в 1756 году в селе Спас на Холму было всего 6 лавок:

1. Василия Иванова сына Лапшина, сбор 50 копеек в год.
2. Мартьяна Иванова сына Лапшина, сбор 30 копеек в год.
3. Егора Ефимова, сбора нет.

4. Алексея Мякишева, сбор 50 копеек в год.
5. Якова Васильева, сбор 50 копеек в год.
6. Фомы Фомина, сбор 50 копеек в год [114].

В материалах архива имеются дела об агрессивном поведении архимандрита Иосифа. Находясь в селе Сандово, принадлежащем прокурору Батюшкову, в июле 1741 года он нанес побои крестьянам деревни Стулово Андрею Герасимову, Филиппу Самойлову и Герасимову Кириллову.

Нужно отметить, что хозяин села Сандово Андрей Ильич Батюшков (1699–1766 годы) во времена Петра I дослужился до чина прокурора полицмейстерской канцелярии. После смерти отца он ушел в отставку, поселился в своем имении Даниловское (ныне Устюжанского района Вологодской области. – **А.Г.**). Кроме Даниловского Андрей Ильич Батюшков владел селами Тухани и Сандово (ныне Старое Сандово Сандовского района Тверской области. – **А.Г.**) вместе с деревнями и пустошами. У него было шесть сыновей, сыну Илье он передал село Тухани с деревнями. После смерти отца Илья продал его родовое село Даниловское вместе с деревнями своему племяннику Николаю Львовичу Батюшкову.

Отец Николая Лев Андреевич Батюшков 46 лет вел тяжбу с помещиком А.Ю. Нелединским-Мелецким за право владения деревней Тучково и пустошью Купилиха и сумел выиграть ее.

Вряд ли поместьем Тухани одновременно владели представители двух богатых и знатных родов Батюшковых и Ухтомских. Скорее всего, Батюшковы продали или завещали это село вместе с деревнями Ухтомским после 1769 года, когда бывшего хозяина имения Илью Андреевича арестовали по делу о подозрении в заговоре. При этом надо учесть, что в 1756 году Екатерина Семеновна Батюшкова вышла замуж за князя Николая Михайловича Ухтомского. После смерти мужа вдова Екатерина Семеновна Ухтомская (Батюшкова) жертвовала деньги на Благовещенскую церковь, построенную в селе Тухани в 1789 году.

В этом селе похоронены Семен Николаевич (1799–1859 годы), Максим Семенович (1838–1902 годы), Николай Максимович (1861–1866 годы) Ухтомские.

В марте 1742 года на архимандрита монастыря Иосифа Арбузова писали челобитную староста и крестьяне деревни Путилово Никифор Филатов, Ларион Титов, Михаил Мокеев, что тот обижает их. Новгородский архиепископ Амвросий тогда ограничил власть архимандри-

та, который стал иметь право принимать решение только с согласия всей братии, данной на собраниях, проводимых казначеем монастыря.

Через месяц, в апреле 1742, архимандрита Николаевского Антониева монастыря Иосифа Арбузова отрешили от должности и отправили в Новгород, откуда прибыл новый игумен Андреян [115].

Вступив на престол, император Петр III издал манифест от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». По этому манифесту дворяне были избавлены от всяких податей, телесных наказаний, не могли быть лишены гражданства, чести, имущества не иначе, как по суду. Дворянство получило возможность оставлять обязательную службу после 12 лет службы офицерами и переселяться в поместья.

За три дня до своего свержения в июне 1762 года император Петр III издал указ в отношении церкви, предписывающий равенство в государстве православной и католической веры, необязательность постов и отобрание в казну всех монастырских крестьян. В указе было требование к Синоду о непререкаемом исполнении всех требований императора, но исполнить их не успели, Петр III был низложен супругой Екатериной Алексеевной.

В 1738 году были переписаны села и деревни, входившие в вотчину Николаевского Антониева монастыря, с указанием ревизских душ мужского пола до 15 лет и расстояния от деревни до монастыря.

Как было указано в описи сел и деревень 1738 года Николаевскому Антониеву монастырю принадлежали в них 4252 души мужского пола (старше 15 лет. – **А.Г.**). За год до описи монастырских сел и деревень в книге монастыря были записаны размеры тяглового обложения с крестьян каждой деревни.

В книге тяглового обложения не записаны деревни сел Сандово и Федорково. Не брали налог с сел и деревень, в которых жили монастырские слуги и одни помещики без крестьян: Монастырская Слобода, Приречье, Часовня, Черное, Давыдово, Боярское и Иваново.

В 1732 году были записаны сведения о пустошах в вотчине Николаевского Антониева монастыря, а также о сумме оброка, взимаемого с каждой пустоши. Всего было учтено *18 пустошей,* в том числе: Хрипулиха и Корениха, принадлежавшие крестьянам деревни Михалиха, оброк 3 рубля 20 алтын.

Пустоши Ктухино и Чичериха, принадлежавшие крестьянам деревни Андрюшино, с каждой пустоши собрали оброка по 2 рубля

16 алтын и 4 деньги. Пустошью Клетушка владел крестьянин деревни Цепелиха Иван Иванов, с которого собрали 4 рубля 20 алтын 2 деньги оброка. Пустошью Кащиха владели крестьяне деревни Ведерица, с которых взяли оброк 3 рубля 16 алтын 4 деньги.

В реестре крестьян и крестьянских детей разных селений вотчины монастыря 1744 года переписаны те же 95 деревень и приселок Кесово.

В 1745 году Николаевский Антониев монастырь ведал 43 церквами, в их числе: погост Типны – поп Константин Кононов, дьяк Василий Иванов, пономарь Егор Романов, погост Прилуцкий – поп Василий Иванов, село Шелтомеж – поп Афанасий Федоров, погост Кошево Карельское – поп Тимофей Иосифович Иванов. Погоста Русского Кошева в списках нет, так как он по-прежнему относился к Угличскому Алексеевскому монастырю.

Под указом от 7 марта 1745 года новгородского архиепископа Амвросия об обязанностях служителей церквей Николаевского Антониева монастыря не допускать искажения прихожанами обычаев, которые могут принести вред здоровью, подписались все 43 попа, а также дьяки и пономари некоторых церквей [116].

Глава IV. Монастырь от Екатерины II до Николая II

Церковная реформа Екатерины II (1762–1796 годы)

Считая пространство Николаевского Антониева монастыря тесным, начали расширять его в южную сторону. С 1754 года началась кладка новой южной ограды, прежняя ограда с той стороны была разобрана. Прибавили части оград с восточной и западной сторон. К 1764 году построена и освящена каменная церковь во имя святителя Иоанна Предтечи.

Став императрицей Екатерина II своим указом от 15 марта 1763 года поручила переписать во всем государстве монастыри и принадлежащие им вотчины. Для составления истории России Николаевскому Антониеву монастырю Бежецкой воеводской канцелярией

было велено направить копии важных документов в академическую канцелярию [117].

Своим указом от 26 февраля 1764 года она поручила проведение церковной реформы. В ее основу была положена секуляризация (конфискация) свободных от налога церковных и монастырских земель, церковного имущества, а также уменьшение числа церквей и монастырей. Одной из причин реформы стало пополнение обедневшей государевой казны. Другой причиной стало стяжательство священнослужителей и монахов, имевших земельные владения не только в монастырском ведении, но и в личной собственности. Одновременно монастырские крестьяне, арендаторы земли, со временем становились рабами монастыря, платившие ему до 15 видов налогов, пошлин и оброков. Без воли монастыря они не могли поменять место жительства, жениться или выйти замуж, произвести раздел арендуемой земли.

Реформа эта готовилась давно, о ее подготовке распорядилась еще императрица Елизавета Петровна в 1757 году. Ее преемник Петр III за три дня до своего свержения успел подписать указ о передаче всего недвижимого церковного имущества вместе с Коллегией экономии Сенату. Своим указом он запретил выдавать деньги из государственной казны монастырям, не способным обеспечить себя самостоятельно.

Императрица Екатерина II 29 ноября 1762 года учредила Духовную комиссию, состоящую из трех духовных персон и пяти светских. В манифесте от 26 февраля 1764 года она писала, что заслушав доклады этой комиссии, она принимает следующие решения: по последней ревизии оказалось всех архиерейских, монастырских и церковных крестьян 910 866 человек ревизских душ, (то есть мужского пола старше 15 лет. **– А.Г.**).

Управление столь великого числа деревень духовными, часто переменяющимися властями, происходило тягостно. А часто это управление за расхищением служками, незнания ими прямого деревенского хозяйства стало разорительно для самих крестьян. Многие епархии, монастыри, соборы и белое священство (освобожденное от налогов. **– А.Г.**), так были неуравнены, что одни перед другими имели малые доходы, а другие никаких не имели.

Поэтому императрица повелела учрежденной Коллегии экономии с того времени принять все их вотчины со всем казенным в них имуществом под свое ведение и управление. Таким образом, она ликви-

дировала монастырские вотчины, монастыри и церкви отстранялись от управления бывшими своими имениями.

Вместо всех архиерейских и монастырских пашенных, сенокосных, всякого рода хлебных и других окладов был установлен единый денежный оброк по 1,5 рубля с каждой души, который поступал в государственную казну, начиная с 1 января 1764 года.

Для монастырей были составлены монастырские штаты, в которые были внесены оставшиеся после упразднения 226 монастырей, разделенных на три класса по уровню содержания. До манифеста в России насчитывалось 954 монастыря, в которых находилось более 11 тысяч монахов. После издания манифеста Синод упразднил 418 монастырей, перевел на денежное содержание 226 монастырей.

Оставшиеся 310 монастырей объявил выведенными за штат, поэтому они должны были существовать на добровольные народные пожертвования. Через два года эти заштатные монастыри также разделили на три класса. К первому классу отнесли 20 монастырей, ко второму – 56, к третьему – 85 монастырей. К тому времени из 310 заштатных монастырей остался 161, остальные 149 упразднялись [118].

При Екатерине II значительно возрос оброк с государственных крестьян, установленный при Петре I в размере 40 копеек с ревизской души, в 1768 году он возрос до 2 рублей, в 1783 году – до 3 рублей. У крепостных крестьян он составлял 1,5 рубля, это было связано с тем, что государственный крестьянин платил оброк только казне, а крепостной крестьянин еще и помещику до 10 рублей в год со двора.

В начале правления Екатерины II при проведении третьей ревизии в 1762–1763 годах насчитали около 20 млн ревизских душ. В конце правления в 1796 году при проведении четвертой ревизии насчитали 34 млн ревизских душ обоего пола [119].

До церковной реформы императрицы Екатерины II Николаевский Антониев монастырь владел 736 десятинами пахотной земли и 104 десятинами сенокосов. Кроме того, в монастырских деревнях находилось 11 тысяч 980 десятин пахотной и сенокосной земли. Все здания монастыря и ограда с шестью башнями были каменными.

Монастырь производил сборы с крестьян своих вотчин, в том числе:

- яиц, 8210 штук в год;
- дров, 606 саженей;
- бревен длиной в 3 сажени – 1212 штук;
- бревен длиной в 4 сажени – 1212 штук;

– грибов сушеных, рыжиков, волнух, клюквы, брусники, малины, черной смородины и земляники на 88 рублей 83 копейки или вместо столовых припасов отдавали деньги в этой сумме.

Монастырь имел семь скотных дворов, один при монастыре, а также:

– в сельце Боярском, в одной версте от монастыря;
– в сельце Емельянове, в двух верстах от монастыря;
– в сельце Красном, в четырех верстах от монастыря;
– в сельце Лаптеве, в шести верстах от монастыря;
– в сельце Дуброве, в двенадцати верстах от монастыря;
– в сельце Евланове, в четырнадцати верстах от монастыря.

На скотных дворах содержалось 130 лошадей и жеребят, 182 дойных коровы, 260 быков вместе с нетелями и телятами, 26 овец и 6 коз [120].

Монастырь владел пятью мельницами:

– под монастырем на реке Могоче;
– под деревней Путилово на реке Могоче;
– под сельцом Дуброва на реке Могоче;
– под погостом на реке Рене (ныне село Никола-Реня Весьегонского района. – **А.Г.**);
– под деревней Косодавль на реке Рене (ныне Весьегонский район. – **А.Г.**) [121].

Архимандритом Николаевского Антониева монастыря в то время служил Марк, монастырь имел 4620 душ крестьян. По церковной реформе Екатерины II по штату ему оставляли 17 человек братии и столько же служителей. Площадь пахотной и сенокосной монастырской земли сократилась с 840 десятин до 30 десятин 283 квадратных сажени или в 28 раз. Все монастырские крестьяне, за исключением жителей Монастырской Слободы, стали помещичьими.

На монастырских землях остались конюшенный двор, овощные огороды и пруды. Один огород длиной 26 сажень и шириной в 24 сажени, другой огород длиной в 126 саженей и шириной 98 саженей. Возле них находился пруд для полива овощей размером в 128 саженей вокруг него. Кроме того, имелась дворовая загородная выгонная земля для выгона скота, измерения проводил землемер в 1778 году.

Все налоги, как государственные, так и церковные, взимаемые с монастыря, были отменены, военные, бывшие на содержании монастыря, высланы из него в воеводскую канцелярию.

В связи с проведением церковной реформы служители монастыря в период с 25 декабря 1764 года по 5 января 1765 года решили пере-

писать все церкви, находящиеся в его ведении. Однако из 43 церквей были переписаны, со слов священников, всего 19, в том числе:

1. Село Деледино, священник Илларион Семенов, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена издревле.
2. Погост Мицыно, священник Михаил Иванов, церковь Спаса Пророка, построена издревле.
3. Село Михайлово, священник Егор Ульянов, Введенская церковь, построена в 1762 году.
4. Погост Троица, священник Алексей Веремеев, Троицкая церковь.
5. Село Молоково, священник Александр Карпов, Троицкая церковь с приделом Сергия Чудотворца, построена издревле.
6. Село Залужье, священник Никита Парамонов, церковь Воскресения Христова, построена издревле.
7. Село Тушитово, священник Борис Лутанов, церковь Рождества Пресвятой Богородицы с приделом архистратига Михаила.
8. Погост Ям, священник Кондратий Степанов, церковь Воскресения Христова, построена в 1751 году.
9. Село Ахматово, священник Алексей Петров, церковь Воскресения Христова, построена в 1763 году.
10. Село Дымцево, священник Семен Федоров, Введенская церковь, построена в 1691 году.
11. Погост Курганы, священник Василий Антонов, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1753 году.
12. Село Поречье, священник Терентий Яковлев, церковь Воскресения Христова, построена в 1696 году.
13. Село Еськово, священник Родион Борисов, церковь Воскресения Христова, построена в 1740 году.
14. Село Чижово, священник Иосиф Кириллов, церковь Святителя Николая Чудотворца, построена издревле.
15. Село Котово, священник Прокофий Иванов, церковь Зачатия Иоанна Предтечи, построена издревле.
16. Село Городок (скорее всего Орлов Городок. – **А.Г.**), священник Игнатий Яковлев, церковь Тихвинской Богоматери, построена в 1721 году.
17. Село Григорово, священник Наум Семенов, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построен в 1755 году.
18. Село Богороцкое. священник Корнил Яковлев, церковь Казанской Богоматери, построена в 1759 году.

19. Имынский погост, священник Ларион Федоров, церковь Святителя Николая Чудотворца и вторая церковь Рождества Христова.

Грамотой от 22 марта 1775 года Духовное правление запретило жениться дьячкам, пономарям и другим служителям церквей и монастырей, не знающим катехизиса. Катехизис – это книга, которая содержит основные положения вероучения в виде вопросов и ответов. Служителям монастыря запретили владеть землей [122].

В 1783 году в монастыре была открыта церковно-приходская школа.

Помещичьи крестьяне во времена Екатерины II

Право помещиков продавать крепостных крестьян поодиночке, порою отрывая их от семьи и детей, долгое время было большим злом в России.

До правления императрицы Анны Иоанновны не только монастыри или помещики, а даже богатые крестьяне могли купить людей, чтобы их отдавать вместо себя в рекруты. Указами Анны Иоанновны 1739 и 1740 годов крестьянам дворцовых и церковных вотчин было запрещено покупать людей как в услужение себе, так и для поставки вместо себя в рекруты. Императрица оставила такое право лишь за помещиками и купцами, если у продавца было более ста душ крестьян.

При Екатерине II наступил золотой век для русского дворянства и усиление крепостной кабалы для помещичьих крестьян. К дворянам перестали применять телесные наказания, с них не взимались подушные подати. Императрица подтвердила указ Петра III об освобождении дворян от обязательной службы.

Одновременно она подтвердила указ императрицы Елизаветы Петровны от 1746 года, по которому помещики имели право ссылать неугодных им крестьян в Сибирь на любое, угодное помещику, время с возвратом их обратно по желанию помещика.

В 1766 году императрица запретила торговать крестьянами лишь во время рекрутского набора. В 1771 году Екатерина II сначала запретила продавать крестьян с торгов, но в 1792 году восстановила это право. При ней крепостное право достигло наибольшего ухудшения для крестьян, они превратились в собственность помещиков.

24 апреля 1785 года императрица Екатерина II своим указом утвердила «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». В ней была прописана наследственность дворянского рода и его имущества, которые дворянин мог передавать своей жене и детям. Дворянского достоинства лишался дворянин, совершивший преступление: измену, разбой, воровство, нарушение клятвы, лживые поступки. Дворянка, вышедшая замуж за недворянина, не лишалась своего состояния, но не могла передать дворянства, ни мужу, ни детям.

Благородный дворянин получал право писаться помещиком своего поместья и вотчинником родовых, наследственных и жалованных ему вотчин. Ему предоставлялось право покупать леса и деревни, иметь в деревнях фабрики и заводы, заводить торги и ярмарки, свободно продавать свою продукцию, строить или покупать дома в городах. Помещий дом в деревне освобождался от всех обязательных для крестьян постоев и от уплаты податей.

Отобрав землю и крестьян у архиереев, церквей и монастырей, Екатерина II щедро раздавала имения с крестьянами приближенным царедворцам, вельможам и привлекаемым ею иностранным новым помещикам. В период с 1764 по 1796 годы ею было роздано им около 2 млн крестьян. В один день, 18 августа 1795 года она подписала указы о пожаловании своим приближенным более 100 тысяч душ.

Цены на людей в екатерининское время были различны, при продаже с землей душа ценилась от 70 до 120 рублей в начале ее царствования и дошла до 200 рублей в конце его. При продаже крестьян без земли люди ценились дешево, например, в 1773 году одна помещица продавала души по 6 рублей «за штуку». За одного рекрута в начале царствования Екатерины II платили по 120 рублей, в конце царствования – по 400 рублей.

Крепостных людей без земли нередко продавали публично на базарах и ярмарках наравне со скотом. В «Ведомостях» того времени встречались публикации: «Продаются 20-ти лет человек, парикмахер и лучшей породы корова». Крепостных крестьян в екатерининские времена не только продавали, но и проигрывали в карты, давали ими взятки, платили ими врачам за лечение. В 1750-х годах необученная деревенская горничная при продаже в Москву стоила 50 рублей, умеющая шить – 80 рублей [123].

При Екатерине II была вновь разрешена барщина, с 1766 года оброчных крестьян оставалось меньше половины, другие стали рабо-

тать на барщине. Крестьяне должны были работать на помещика по 3 дня в неделю. Но так как не было специального указа, некоторые помещики могли заставить работать крестьян на них 5–6 дней в неделю. Любая жалоба крестьянина на помещика по указу императрицы 1767 года считалась ложным доносом, и каралась направлением в Сибирь пожизненно. За период с 1767 по 1772 годы помещики сослали в Тобольскую и Енисейскую провинции около 20 тысяч крепостных крестьян.

К концу правления императрицы Екатерины II крепостных людей продавали наравне со скотом. Если до 1765 года крепостного крестьянина могли сослать в Сибирь только на поселение, то позднее помещикам было разрешно направлять их на каторжные работы без суда, а у крестьян отобрали право жалоб на помещиков.

Вызывает интерес быт мелких помещиков того времени, которые постоянно жили в своих имениях, и на зиму не могли выезжать в Москву, Петербург и другие города.

Их дома обычно состояли из двух половин, разделенных сенями. Со временем некоторые помещики превращали эти сени в приемную комнату, а новые сени прирубали с боков. Крыши их домов были покрыты тесом, а иногда соломой, над крышей выделялась кирпичная труба. Дом по фасаду имел 4–5 окон. Печки чаще всего были в одной половине дома, вторая половина использовалась лишь в теплое время. Некоторые помещики заменяли в домах русские печи на голландские в виде колонны, покрытые кафелем из Голландии. Зимой нередко можно было видеть помещика или членов его семьи с перевязанными головами, угоревшими после топки печи.

Мебель в домах мелких помещиков в екатерининское время была самая простая: широкие лавки вдоль стен, большой стол возле них, передвижные скамьи, поставец с посудой и кровать с пологом. До второй половины XVII века на стенах не было ни зеркал, ни картин, первые зеркала появились в Москве в 1665 году. Признаком богатства дома помещика считалось обилие пуховиков и подушек, а также божница с образами в богатых окладах. Другим признаком богатства считалось обилие еды и питья из своего погреба.

Перед домами помещиков росло много берез, хозяева уверяли, что густо посаженные березы защищали их дома от бурь и зимних метелей. Позади дома помещика обычно был огород, где выращивали капусту, лук, редьку, репу и бобы, позднее появился картофель [124].

Во времена Екатерины II заметно выросла численность дворовых людей: управляющих имениями, конюхов, извозчиков, поваров, горничных, нянек, садовников, чернорабочих. Они обслуживали помещика и членов его семьи. По свидетельству современников того времени, число дворовых людей у русских помещиков было в 3–5 раз больше, чем у немецких владельцев. Некоторые села и деревни делились на три части: барская, дворская и холопская, сами названия говорили об их жителях. Все тяготы по содержанию дворовых людей ложились на местных крестьян.

Жили деревнями от 3 до 20 домов и большими селами до 200 домов, каждая семья состояла из 3 поколений: старики, хозяева и дети.

В небольшой избе, чаще всего крытой соломой, реже – тесом или дранкой, ютилась семья из 15–20 человек из хозяев, их родителей, детей, нередко – женатых неотделившихся братьев. Зимой спали в избах на полу вповалку на соломе или дерюгах, летом перебирались спать в сени и на сеновал. Маленькие дети спали в зыбке, подвешенной на гибкой жерди (очепе) к матице.

Значительную часть избы занимала русская печка, вокруг которой крутилась жизнь хозяйки дома или старшей невестки. Вдоль стен были установлены лавки, в «красном» углу вдоль боковой стены стоял большой семейный стол, в некоторых семьях его ставили вдоль передней стены.

Чтобы зимой сохранить тепло, потолки замазывали глиной, нижние венцы домов засыпали землей, образуя завалинку, на зиму стены дома снаружи утепляли соломой или осокой.

Тяжелая, беспросветная работа, семья, дети и молитва – этими устоями исчерпывалась жизнь русских крестьян. В подробном топографическом и камеральном по городам и уездам описании Тверского наместничества 1783–1784 годов сказано, что помещичьи крестьяне работали на помещиков пополам с доли. То есть от двух работников каждый день один ходил на господскую, а другой оставался на своей работе. Этот образ крестьянской повинности был распространен на все Тверское наместничество. Но были и другие положения, когда у некоторых помещиков все поголовно три дня в неделю работали на господина и три дня на себя.

Обилие земель давало сельским жителям возможность ежегодно расчищать и распахивать много новых участков земли – пустошей, лядин, нив и перелогов. На этих новых местах хлеб родился вдвое

лучше, чем на старых пашнях, к тому же навоза некоторое время не требовалось.

Лядины обрабатывали следующим образом: осенью срубали лес и оставляли его на 1–2 года, чтобы земля под сучьями подопрела. После этого крупный лес отбирали, отсекали сучья и употребляли, куда он был годен. Сучьи, кустарник и мелкий лес собирали в груды и сжигали. После этого землю поднимали сначала отрезом, потом сохами, боронили и сеяли овес.

На территории Бежецкого Верха крестьяне сеяли пшеницу, горох, овес, ячмень, лен, коноплю и гречу. Возможность возделывания новых участков земли способствовало развитию здесь льноводства, вместе с которым развивались прядение льна и ткачество холстов на продажу. Одна крестьянка за зиму ткала до 4 разного сорта полотен холста, из которого только половина шла на удовлетворение нужд семьи. Она могла продавать другую половину в 40–50 аршин за 3–4 рубля.

Кроме земледелия крестьяне занимались промыслами и ремеслами – выделывали незатейливую деревянную посуду, выжигали уголь, занимались выгонкой смолы и дегтя, производством скипидара и канифоля, плели пеньковые канаты.

Образование уездов на территории Бежецкого Верха

В 1709 году территорию Бежецкого Верха включили в состав Ингермандланской губернии с центром в городе Санкт-Петербурге, в связи с этим была составлена переписная книга его территории. В то время Бежецкий Верх был разбит на 10 станов, по названиям сохранившихся деревень нетрудно определить их расположение.

1. Антоновский стан, с центром в селе Антоновское (ныне Молоковского района), включал в себя села: Спас на Холму (ныне город Красный Холм), Лаптево, Рычманово, Хабоцкое, Ргени, Имыны (Имейцево), Шаблыкино с их деревнями.
2. Березовский стан находился на северо-востоке Бежецкого Верха, основными селами на его территории были: Боженок (Божонка), Лаврово, Налючь, Дураково (ныне Снегиревка), Степанок, Типны с их деревнями.
3. Верховский стан включал в себя села: Котово, Деледино, Михайлово, Антипово, Залужанье, Рашково, Воскресенское, Дуб-

рово и другие с их деревнями. В этот стан отдельно входила Лесоклинская волость с центром в селе Лесоклинье (ныне на юге Молоковского района).

4. Городецкий стан с центром в поселении Городецк (ныне город Бежецк) с окружающими его деревнями.
5. Ивановский стан был назван по селу Ивановское Большое, разгромленному опричниками Ивана Грозного в 1568 году. Восстановленное село позднее назвали Кошево, а потом – Русское Кошево. К Ивановскому стану, в числе других, относились села и деревни Слепнево, Хонеево, Дубровка (ныне Синево-Дуброво), Головское, Подобино, Сабурово.
6. В Каменский стан входили нынешние села Селищи, Иногостицы, Киверичи, Замытье, Теблеши и другие.
7. В Мещерский стан входили нынешние деревни и села Золотково, Рогово, Фомино, Григорково, Задорье, Одинцово.
8. Пироговский стан с центром в селе Пирогово включал в себя села Озерки, Чурилково, Узуново и другие.
9. Полянский стан с центром в селе Поляны (возле села Залужье Сандовского района. **– А.Г.**) включал в себя села Сушигорицы, Росторопово, Черемиси, Чисти, Якушино.
10. В Ясеницкий стан входили села: Баскаки, Дынино, Кесьма, Лошицы, Любегощи, Лухнево, Нивы, Емельяново, Кишкино, Мякишево и другие с их деревнями.
11. Отдельно была выделена Лесоклинская волость с селами: Башарово, Васюнино, Фешево, Михайловское, Еськи, Чижово, Поречье, Курганы и другими и их деревнями.
12. Отдельно была выделена Сулежская волость, а также дворцовые карельские волости. У границ Николаевского Антониева монастыря в то время находились карельские дворцовые волости: Арханская, Корельско-Кошевская, Топалковская, Мартыновская, а также Чамеровская волость Ярославского уезда. Карельские Алафеевская, Корельско-Кошевская и Юркинская волости сохранялись после перевода их в 1797 году в состав Столбовского отделения Чамеровского сельского приказа до реформы 1863 года в отношении удельных крестьян.

В 1727 году Бежецкий Верх был переведен в Московскую губернию на статусе Угличской провинции. ***В 1766 году Городецк был переименован в город Бежецк, и образован Бежецкий уезд, в который***

входила вся территория бывшего Бежецкого Верха. По указу императрицы Екатерины II с 1764 года село Спас на Холму перестало быть монастырской вотчиной, а село Весиегонское было выведено из вотчины Московского Симонова монастыря.

В 1766 году императрица Екатерина II издала манифест об избрании депутатов от всех местностей и должностей в комиссию для обсуждения местных нужд. Дворяне высылали по одному депутату от каждого уезда, городские обыватели – по одному депутату от города, другие сословия – по одному депутату от провинции.

После обсуждения предложений депутатов было решено, вместо 23 губерний и 66 провинций создать 50 губерний, по 350–400 тысяч душ на губернию. Уезды разделить на более мелкие, чем они были, по 20–30 тысяч душ на уезд. Эти предложения комиссии были закреплены в указе императрицы 1775 года.

В 1776 году Бежецкий уезд был разделен на два – Бежецкий и Краснохолмский. Императрица Екатерина II издала указ от 16 января 1776 года, по которому поручалось разделить Бежецкий уезд на две части, оставить часть при городе Бежецке 28 336 ревизских душ, приписав к селу Красному Холму 25 139 ревизских душ, именуя сие село городом.

12 марта того же года состоялось торжество по случаю переименования села Спас на Холму в город Красный Холм. В городе Красный Холм открыли присутственные места: уездный суд, дворянскую опеку, полицию под управлением городничего, уездное казначейство с казной, другие структуры. Город к тому времени не имел помещений для этих присутственных мест, большинство из них разместили в кельях Николаевского Антониева монастыря.

Через два месяца, 6 мая, по повелению императрицы Екатерины II города Бежецк, Вышний Волочек и Красный Холм с их уездами были переведены из Новгородской губернии к Тверскому наместничеству.

Одновременно императрица Екатерина II 16 января 1776 года издала указ о переименовании села Весиегонского в город Весьегонск и переводе его из Устюжно-Железопольского уезда к Тверскому наместничеству. Приписать к нему из Калинопольского стана Устюжно-Железопольского уезда Симоновой вотчины деревни по правому берегу Мологи, в которых 1437 душ. С 1775 года Устюжанский уезд вместе с городом Устюжной Железопольской относился к Белозерской провинции Новгородской губернии.

Таким образом, по указу императрицы Екатерины II от 16 января 1776 года к селу Весиегонскому, ставшее городом Весьегонском, были приписаны все деревни Велетовского и Калиновского или Калинопольского станов. Деревни Калинопольского стана располагались по правому берегу Мологи, к северо-западу от реки Званы. Деревни Велетовского стана по правому берегу Мологи отнесли к Бежецкому уезду Тверского наместничества, по левому берегу – к Устюжно-Железопольскому уезду, центром Велетовского стана по-прежнему оставалось село Весиегонское. Из северной части Бежецкого уезда было велено передать указное число душ для составления нового Весьегонского уезда.

К 6 марта 1776 года в городе Весьегонске были открыты: суды, полиция под управою городничего, уездное казначейство и другие казенные учреждения. 22 августа 1776 года Екатерина II лично утвердила план города Весьегонска с 22 улицами, идущими под прямым углом. В городе проживало 775 человек, к 1784 году население города увеличилось до 1936 человек [125].

Краснохолмский уезд в первоначальном виде просуществовал всего два года, после мероприятий по переводу села Весиегонского в город Весьегонск, ***в 1778 году Краснохолмский уезд был разделен на два, от него отделили вновь образованный Весьегонский уезд.***

Одновременно к Краснохолмскому уезду отнесли дополнительно деревни Бежецкого и Кашинского уездов – большую часть нынешнего Сонковского района до Подобина и Рылова на юге и до Лаврова и Божонки на востоке.

Через 7 лет после образования Краснохолмского уезда и через 5 лет – Весьегонского уезда, ***в 1783 году,*** было проведено топографическое и камеральное описание всех городов и уездов Тверского наместничества Новгородской губернии.

В отношении города *Красный Холм и Краснохолмского уезда* там сказано, что в городе Красный Холм действуют все присутственные места, в 1781 году в городе учреждена школа для купеческих и мещанских детей. В ней дети с 7 лет обучались русской грамоте, правописанию, истолкованию христианского закона, арифметике, рисованию и сокращенной всеобщей истории.

Годовые ярмарки в Красном Холму проводились 25 марта, 9 мая, в Троицу, 8 июля, 6 августа и 6 декабря, всего 6 ярмарок, которые проводили по одному дню. На ярмарки приезжали купцы из Бежецка,

Весьегонска, Кашина, Углича и Устюжны. Кроме ярмарок по четвергам проводились еженедельные торги.

В 1783 году в городе жителей всех сословий насчитывалось 889 мужского пола и 887 женского пола, а всего 1776 человек. Из них ревизских душ мужского пола – 276, в том числе: 36 купцов, 16 кузнецов, 2 печника. 2 штукатура. По сословиям жители города составляли: дворян – 15, священнослужителей – 83, мещан – 330.

В Краснохолмском уезде тогда насчитывалось 32 102 человека мужского пола и 29 963 женского пола, а всего 62 065 жителей, в том числе дворцовых карел 1671 мужского пола и 1752 женского пола, а всего 3423 карела.

В 1783 году Краснохолмский уезд граничил с Весьегонским, Мышкинским, Моложским, Бежецким, Кашинским и Вышневолоцким уездами. Самая большая высотка возле сельца Подобино, между русской деревней Рыльково и карельской деревней Горбовец на юге уезда, называется *Дехтица.* С нее в ясное время видно до 70 селений во все стороны, в том числе и город Бежецк, что в 18 верстах от нее.

Границы с частью Бежецкого, Вышневолоцкого и Весьегонского уездов проходили по реке Мологе. Достопримечательностей в Краснохолмском уезде нет. Мещерский стан, что ранее было удельное княжество князей мещерских, составляет часть уезда. Рассказывают, что село Божонки на реке Сить ранее было городом, но достоверных доказательств этому нет.

Крестьяне Краснохолмского уезда сажали огородные овощи: капусту, редьку, свеклу, морковь, брюкву, репу, огурцы, лук и чеснок, которые здесь родятся довольно хорошо. Земляные яблоки (картофель. **– А.Г.**) сажали только у помещиков, крестьяне их не сажали.

В Краснохолмском уезде находилась Николаевская Добрынская пустынь, 3 каменных церкви, 38 деревянных церквей, 31 помещичье село, 107 селец, 290 деревень, из них карельских дворцовых – 33 села и деревни. Два винных завода у помещиков Хрипунова и Постельникова, конных небольших 6 заводов у разных помещиков.

В городе *Весьегонске в* 1783 году было 378 домов, 1 мая 1777 года для мещанских и купеческих детей учреждена школа. Занятия такие же, какие были описаны в школе города Красного Холма. Ежегодно проводились 2 ярмарки: Крещенская с 6 по 23 января и Покровская, с 30 июня по 3 июля. На них приезжали купцы из Москвы, Ярос-

лавля, Вологды, Костромы, Петербурга, Ладоги, Новгорода, Казани, Астрахани, Олонца, Каргополя, Архангельска и ближних уездных городов.

В городе Весьегонске 40 купеческих семей, 763 ревизских души, жителей – 915 мужского пола и 1021 женского пола, а всего 1936 человек, из них мещан: 675 мужского пола и 806 женского пола.

В описании сказано, что *Весьегонский уезд* граничил с Богородицким, Устюжно-Железопольским, Моложским, Краснохолмским и Вышневолоцким уездами. Крестьяне здесь не бедны, каждое хозяйство имело по несколько полей более десятины каждое поле. Продавали хлеб, мясо, масло, творог, яйца на 5 – 6 рублей. Крестьяне продают до 70 аршин полотна разных сортов. Этого им хватало как на выплату податей, так и на исправление домашних надобностей, оброчные подати составляли 2 – 3 рубля с ревизской души.

Церквей в уезде каменных 1, деревянных 111, экономических сел 13, деревень 103, дворцовых карельских 10 сел и 134 деревни. Всего по уезду 67 сел, 115 селец и 529 деревень, водяных мельниц 164, ветряных шатровых мельниц 38, ветряных на одном поставе – 34 мельницы. В уезде одна суконная фабрика помещика Гринкова в селе Щербинино, в ней 5 станов, работают из крепостных крестьян 54 человека.

Жителей в Весьегонском уезде мужского пола 29 455, женского пола 29 278, а всего – 58 733 жителя. Значительную часть жителей уезда составляют карелы, из них мужского пола 6363, женского пола 6310, а всего – 12 673 карела.

Согласно описанию, в 1783 году в городе Бежецке проживали 953 мужского пола и 1101 женского пола, а всего 2054 человека, в Бежецком уезде – 38 347 мужского пола и 38 788 женского пола, а всего – 77 135 жителей [126].

Краснохолмский уезд просуществовал всего 20 лет, с 1776 по 1796 годы, он был ликвидирован по указу Павла I в 1796 году в связи с образованием Тверской губернии. Почти вся его территория была передана Весьегонскому уезду, незначительная часть территории перешла к Бежецкому и Кашинскому уездам.

Территория объединенного Весьегонского уезда находилась в пределах нынешних Весьегонского, Лесного, Молоковского, Краснохолмского и Сандовского районов, а также незначительной части нынешнего Пестовского района Новгородской области на границах с Лесным и Сандовским районами. На северо-востоке Весьегонский

уезд граничил с Моложским уездом, образованным в августе 1777 года с центром в городе Молога.

По указу императора Александра II от 26 июня 1863 года, в связи с крестьянской реформой в отношении удельных крестьян, карельские приходы были включены в соседние русские волости. Волость образовывалась из соседних сел и деревень с численностью населения от 500 до 2000 душ мужского пола. Наибольшее расстояние отдаленных селений от центра волости не должно превышать 12 верст. В каждой волости учреждался волостной сход, волостное правление и волостная расправа. Выборные представители на волостной сход избирались по одному человеку с каждых 20 дворов. Волостное правление состояло из волостного старшины и сельских старост. К помещичьим крестьянам это положение не относилось, там все решения принимал сам помещик. Сложилась окончательная система управления государством: *губерния, уезд, волость*.

По переписи 1873 года в Бежецком уезде насчитывалось 30 волостей, чисто карельскими были 9 волостей, со смешанным русско-карельским населением – 10 волостей. Среди них Бокаревская волость, в которой насчитывалось 13 карельских деревень и село Кошево Корельское.

В Весьегонском уезде тогда было 23 волости, из них 3 волости – Кесемская, Мартыновская и Чамеровская, являлись чисто карельскими. Другие волости: Арханская, Делединская, Залужская, Лопатинская, Телятинская, Топалковская, Антоновская, Лукинская, Поповская, Хабоцкая, Чистинская и Щербовская волости – со смешанным русско-карельским населением. На территории Весьегонского уезда тогда насчитывалось 395 помещиков, среди них известные фамилии: Батюшковы, Дашковы, Мусины-Пушкины, Оболенские, Солнцевы-Засекины, Ухтомские, Языковы.

К 1890 году в Весьегонском уезде проживали 146,2 тысячи человек, из них 25 тысяч карел или 17% населения. В Бежецком уезде в то время проживали около 260 тысяч человек, в том числе 46,9 тысяч карел или 18% населения.

В Лавровской и Литвиновской волостях Кашинского уезда проживали 1195 карел [127].

Монастырские дела о наказаниях крестьян и священников

Архимандрит Николаевского Антониева монастыря вместе с братией сами решали вопросы наказания розгами крестьян за их провинности, прежде всего за неуплату недоимков. Они вели ежегодные книги, в которых записывали, кого из крестьян били розгами и за что.

Например, в книге для записи о наказании плетьми крестьян разных селений монастыря за период с 30 января 1747 года по 18 ноября 1748 года указано 32 случая нещадного наказания плетьми крестьян монахами за разные провинности: кражи, драки, проезд по монастырским полям, оскорбления попов и другие.

Староста села Федорково Петр Савельев был нещадно бит плетьми 13 мая 1747 года за то, что он, без ведома настоятеля монастыря, вскрыл Спасоренскую пустынь и в ней крестили Семена Артемьева.

Плотник монастыря Пахомов Иван был наказан плетьми нещадно 24 мая 1747 года за то, что без ведома настоятеля пил пиво, и чтобы впредь ему было неповадно.

Монахи наказали плетьми дворника села Красное Ермолая Васильева, его сына Архипа и двух крестьян за похищение хлеба из амбара монастыря.

В «бичевой» книге для записи телесных наказаний монастырских крестьян за период с 4 января по 22 ноября 1753 года указаны 44 случая нещадного избиения плетьми крестьян монахами.

К примеру, 4 марта был нещадно наказан плетьми крестьянин деревни Пронино Никита Прокофьев за замахивание топором на крестьянина той же деревни Захара Игнатьева.

30 марта были наказаны плетьми крестьяне села Сандово Михаил Павлов и Иван Григорьев за драку, которую они учинили в деревне Раменье с Семеном Харитоновым. И его тоже наказали плетьми, чтобы впредь неповадно было.

4 сентября 1753 года были наказаны плетьми крестьяне деревни Григорово Федор Петров, Галактион Андреев и Архип Данилов за шатание ночным временем пьяными по деревне.

Примеру служителей монастыря следовали местные попы, которые тоже били крестьян розгами. Так, 11 августа 1752 года архимандрит с братией рассмотрели дело о самоуправстве священника села Спас на Холму Василия Михайлова, который сам устраивал суды над крестьянами и бил их плетками [128].

Сами монахи монастыря и попы сельских церквей, находившихся во владении монастыря, были не безгрешны, они прелюбодействовали, воровали и дрались. Но если крестьян чаще всего наказывали, нещадно избивая палками и розгами, то на священнослужителей налагали епитимью. Их переводили на строгий пост, иногда сажали на хлеб и воду, они усердно замаливали свои прегрешения поклонами и молитвами. Другим видом их наказания были черные работы в монастыре, на скотном дворе, конюшне или в поле.

6 октября 1704 года новгородский митрополит в своей грамоте требовал от архимандрита Иосифа провести дознание по факту прижития младенца матерью дьячка погоста Максимовского Еленой Григорьевой с иеромонахом монастыря Матвеем. Подобная челобитная поступила в монастырь от дьячка села Рычманово Моисея Григорьева на монастырского пономаря Терентия Федорова о прижитии им «блудного» младенца с девицей Евдокией Васильевой.

Староста карельского Прилуцкого прихода Евдоким Максимов вместе с мирскими людьми 1 февраля 1709 года жаловался архимандриту монастыря Иосифу на попа Никольской церкви Тимофея Киприянова и его сына в укрытии ими собранных мирских денег и избиении крестьян. Крестьяне волости собрали на строительство деревянной Никольской церкви в селе Прилуки 7 рублей денег. Когда они стали требовать у попа, чтобы деньги пошли на стройку, он с сыном избил несколько крестьян.

В Никольской церкви села Прилуки попами служили: с 1709-го по 1748 год – Тимофей Киприянов, с 1748-го по 1770 год – Василий Иванов, с 1770-го по 1780 год служил его сын Игнатий Васильевич Иванов.

Поп села Золотково Бежецкого уезда Евдоким Иванов сожительствовал со своей работницей Ульяной Полуектовой и похитил из церкви с образов денег 7 рублей 50 копеек, золотники, жемчуг и другие ценности.

В апреле 1725 года с попа Ивана Раменова было взыскано 2 рубля 40 копеек за то, что он печатал листы о раскольниках [129].

В то же время они пытались за это самое судить своих монастырских крестьян. Крестьянин деревни Каменка карел Дмитрий Иванов писал Новгородскому архимандриту Феодосию доношение с просьбой защитить его от обвинения в связи с беспризорной карельской девицей Марией Ивановой [130].

Эта карельская деревня Каменка позднее вошла в Делединскую волость, к 1873 году там проживали 112 карел и 10 русских жителей.

В 1723 году Новгородский архимандрит Феодосий направил в Антониев монастырь «в братство» монаха Александро-Свирского монастыря Дорофея за самовольную отлучку из своего монастыря в Петербург [131].

Многих священников местных церквей переводили в Антониев монастырь на разные монастырские работы за пьянство, драки, прелюбодеяния, воровство и «другие вины». Священник села Кесово Герасим Прокопьев и дьякон Иосиф Иванов были направлены в монастырь за непроведение священнослужения в высокоторжественные дни.

Священник села Глазово Андрей Яковлев и пономарь Павел Вавилин направлены в монастырь «за их вины», без уточнения проступков.

Священник села Байково Осип Артемьев направлен «в монастырские труды» в Антониев монастырь за женитьбу своего несовершеннолетнего сына Ивана.

Туда же направили священника Бежецка Ивана Степанова и дьячка села Горки Дмитрия Варфоломеева за упорство к послушанию.

В монастырь был выслан дьячков сын погоста Кошево Карельское Игнатий Васильев за избиение им священника [132].

За совершенные проступки в монастырь направлялись не только священники, но и помещики.

30 мая 1781 года из Тверского наместнического правления в Николаевский Антониев монастырь был направлен краснохолмский помещик, отставной сержант Иван Кувшинов, для его строгого содержания там без выпуска из монастыря. Он находился в монастыре на церковном покаянии по 23 февраля 1782 года, после чего был возвращен в Тверскую духовную консисторию [133].

Полный список церквей монастыря за 1798 год

Став императором, *Павел I* следовал примеру своей матери, раздавая земли с крестьянами своим приближенным. В день своей коронации он раздал 105 вельможам более 80 тысяч крестьян. По его указу в 1797 году Дворцовый приказ был переименован в Удельное ведомство, все дворцовые крестьяне стали называться удельными крестьянами.

Со вступлением его на престол было велено составить полную картину о монастырях и церквах, действовавших в то время в го-

сударстве. Тем более, что он перекроил территории некоторых уездов, в том числе объединил Весьегонский уезд с Краснохолмским в 1796 году.

В связи с этим монахи Николаевского Антониева монастыря в 1798 году составили полный список церквей, находящихся в его ведении. Священники, пономари и дьячки приглашались в монастырь и там, под страхом наказания денежным штрафом, говорили сведения о своих церквах их прихожанах и наличия пашенной земли. Монахи записывали сведения с их слов, священники и другие служители церкви заверяли эти сведения своими подписями.

1. Село Старо-Козьмодемьяновское (ныне деревня Чернецкое Весьегонского района. – **А.Г.**), старопостроенная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, передана от Симонова монастыря. Священники Андрей Симонов и Антоний Григорьев сказали, что в приходе 150 бобыльских и 100 крестьянских дворов, церковь имела пашенной земли в поле 6 четвертей (1,62 га. – **А.Г.**).
2. Село Суково, церковь (название не указано) построена в 1704 году, ранее принадлежала Симонову монастырю. Священник Афанасий Семенов сказал, что в приходе 55 крестьянских дворов, церковной пашенной земли 5 четвертей (одна четверть 0,27 га. – **А.Г.**).
3. Приселок Полтнево, церковь Воздвижения построена в 1738 году, ранее принадлежала Симонову монастырю. Священник Семен Ермолаев сказал, что церковной земли 4 четверти.
4. Село Любегощи, церковь Живоначальной Троицы, построена в 1708 году. Священник Алексей Борисов сказал, что в приходе 120 крестьянских дворов, церковной пашенной земли 20 четвертей в поле, сенных покосов на 15 копен.
5. Село Пупцово, церковь Григория Богослова, построена в 1760 году. Священник Яков Федоров сказал, в приходе помещичьих 2 двора и 28 крестьянских дворов, церковной пашенной земли 2 четверти в поле, есть сенные лесные покосы.
6. Село Залужанье, церковь Воскресения Христова, построена в 1666 году. Священник Никита Парамонов сказал, в приходе крестьянских и бобыльских дворов 98, помещичьих 4 двора, церковной пашенной земли 5 четвертей в поле, сенных покосов на 15 копен.

7. Село Дымцево, старопоставленная церковь Введения Пречистой Богородицы. Священник Симеон Феодоров сказал, что крестьянских дворов в приходе 111, помещичьих 2 двора. Площадь церковной земли и покосов не указана.
8. Село Прудово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена и освящена 26 января 1692 года. Священник Петр Дмитриев сказал, что помещичьих дворов два, крестьянских дворов вотчины бригадира Андрея Тимофеевича Тютчева 35, вотчины Ивана Андреевича Бешенцева – 7 дворов. Вотчины майора Никифора и его брата капитана Ивана Ивановича Савелова – 12 дворов. Церковь владеет 5 четвертями пашенной земли, принадлежащей бригадиру Тютчеву, сенными угодьями на 15 копен и лесными угодьями.
9. Погост Башарово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1693 году. Священник Стефан Александров сказал, что в приходе один помещичий двор, 100 крестьянских дворов, помещичьих 9 дворов, карельских дворцовых Мышкинской волости (центр волости село Мышкино находилось в 2 километрах от села Деледино ныне Молоковского района. – **А.Г.**) 37 дворов. Церковной пашенной земли 6 четвертей, сенных покосов в полях на 10 копен, лесных покосов церковь не имеет.
10. Приселок Василево, церковь Живоначальной Троицы, построена в 1600 году. Священник Петр Карпов сказал, что в приходе 80 крестьянских и бобыльских дворов, карельских дворцовых Мышкинской волости 30 дворов. Церковной пашенной земли 4 четверти в поле, сенных покосов в поле на 10 копен, лесных покосов церковь не имеет.
11. Село Богородское, церковь Казанской Пресвятой богородицы, построена в 1659 году. Священник Корнил Коноплев сказал, что в приходе помещичьих 3 двора, крестьянских и бобыльских 11 дворов, церковной пашенной земли одна четверть, сенных покосов в поле и лесных угодий церковь не имеет.
12. Село Шаблыкино, церковь Николая Чудотворца, построена в 1720 году, освящена в 1721 году. Священник Трофим Яковлев сказал, что крестьянских дворов 80, карельских дворцовых Мышкинской волости 20 дворов. Генерал-майор князь Василий Елисеев владеет 23 дворами. Церковной пашенной земли 5 четвертей в поле, покосов в поле 45 копен, лесных угодий церковь не имеет.

13. Село Баскаки, церковь Николая Чудотворца построена в 1733 году (ранее до 1764 года было вотчиной Троицы Сергиева монастыря. – **А.Г.**). Священник Иван Иосифов сказал, что в приходе крестьянских дворов 100, карельских дворцовых Борисоглебской волости 120 дворов, церковной пахотной земли 4 четверти, сенных покосов на 30 копен.
14. Село Тушитово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1739 году. Священник Борис Лутовинов сказал, в приходе крестьянских дворов помещика Якова Андреевича Маслова 8, церковной пашни 2 четверти, покосов на 10 копен.
15. Село Курганы, старопостроенная церковь Покрова Пресвятой богородицы. Священник Антиох Васильев сказал, что в приходе помещичьих 5 дворов, крестьянских 75 дворов, церковной пашенной земли 5 четвертей, сенных покосов на пустошах 45 копен.
16. Село Большое Поречье, церковь Воскресения Христова, построена в 1699 году. Священник Яков Григорьев сказал, что в приходе помещичьих 7 дворов, крестьянских 220 дворов, церковной пашни 4 четверти, сенных покосов на 10 копен.
17. Село Юрьево (ныне Сандовского района. – **А.Г.**), церковь Николая Чудотворца, построена в 1709 году, освящена в 1710 году. Священник Алексей Иванов сказал, что крестьянских дворов генерал-майора Марка Ивановича Рыкачева 10, майора Богдана Ивановича Рыкачева 17, Василия Ивановича Рыкачева – 20 дворов. У церкви пашенной земли нет, сенных покосов на 5 копен.
18. Село Пылево, церковь Знамения Пресвятой Богородицы, построена и освящена в 1664 году. Священник Иван Гаврилов сказал, что в приходе помещичьих 4 двора, крестьянских и бобыльских 25 дворов. Церковной пашенной земли 6 четвертей, сенных покосов на 15 копен.
19. Село Лошицы, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1704 году. Священник Вукол Самойлов сказал, что в приходе помещичьих 3 двора, крестьянских и бобыльских 60, карельских дворцовых Борисоглебской волости 40 дворов. Церковной пашенной земли 3 четверти, сенных покосов на 10 копен.
20. Село Антоновское, церковь Николая Чудотворца, построена в 1713 году. Священник Яков Кононов сказал, что в приходе

помещичьих 2 двора, крестьянских и бобыльских 40 дворов, церковной пашенной земли 4 четверти, сенных покосов на 10 копен.

21. Село Кесьма, Троицкая церковь построена в 1693 году. Священник Иван Федоров сказал, что в приходе 2 помещичьих двора, крестьянских и бобыльских 208 дворов, пашенной церковной земли 12 четвертей, сенных покосов на 5 копен.
22. Село Расторопово, церковь Иоанна Предтечи построена в 1706 году. Священник Флор Антонов сказал, в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 149 дворов, церковной пашенной земли 5 четвертей, сенных покосов на 10 копен.
23. Село Пнево, церковь Спаса Нерукотворного Образа, построена в 1673 году. Священник Ефим Алексеев сказал, среди прихожан 5 помещичьих дворов, крестьянских и бобыльских 50 дворов, церковной пашни 5 четвертей, покосов на 3 копны.
24. Село Дымцево, церковь Воскресения Христова построена в 1700 году. Пономарь церкви Филипп Никитин сказал, что священником служит Федор Алексеев, который в 1762 году был пострижен в монахи Антониева монастыря. В приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 29 дворов, пашенной земли церковь имеет 6 четвертей, сенного покоса одна копна.
25. Погост Мицыно, церковь Пророка Ильи построена в 1600 году. Священник Михаил Иванов сказал, что среди прихожан крестьянских и бобыльских дворов 290, помещичьих 6, карельских дворцовых Мышкинской волости 28 дворов. Церковной пашенной земли в трех полях 10 четвертей, сенных покосов на 40 копен.
26. Село Михайлово, церковь Введения Пресвятой Богородицы, построена и освящена в 1762 году. Священник Илья Евдокимов сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 28 дворов, у церкви пашенной земли 4 четверти, сенного покосу на 2 копны.
27. Погост Бели, церковь Воскресения Христова, священник Кондратий Степанов сказал, что помещичьих 3 двора, крестьянских и бобыльских 115 дворов, пашенной земли у церкви 3 четверти, сенных покосов на 2 копны.

28. Погост Троицы, Троицкая церковь построена в 1680 году. Священник Михаил Васильев сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 130 дворов, земли церковной 6 четвертей, сенных покосов на 5 копен.
29. Покровского Чамеровского погоста, церковь Покрова Пресвятой Богородицы построена в 1737 году. Священник Иван Иванов сказал, что прихожан карельской дворцовой Чамеровской волости крестьянских и бобыльских дворов 120, пашенной церковной земли 5 четвертей, сенного покоса на 5 копен.
30. Село Котово, церковь Зачатия Иоанна Предтечи, построена в 1696 году. Священник Прокопий Иванов сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 219 дворов, церковной пашенной земли 10 четвертей, сенных покосов на 5 копен.
31. Погост Дубровки Ясеницкого стана Новгородского уезда, новопоставленная церковь Николая Чудотворца. Священник Кондратий Васильев сказал, что старая церковь была построена в 1694 году, помещичьих дворов в приходе 6, крестьянских и бобыльских 104 двора, церковь имеет пашенной земли 8 четвертей, сенного покоса на 8 копен.
32. Село Карамышево, церковь Николая Чудотворца построена в 1689 году, освящена в 1691 году. Священник Леон Давыдов сказал, что в селе приходный двор вотчины помещика Валентина Платоновича Мусина-Пушкина с 80 крестьянскими дворами. Церковной пашенной земли 2 четверти, сенных покосов на 40 копен.
33. Погост Орли, церковь Николая Чудотворца построена в 1721 году. Дьяк Григорий Данилов сказал, что в селе двор майорши вдовы Стефаниды Васильевны Бушуевой, крестьянских дворов 19, церковной пашенной земли 10 четвертей, покосов на 15 копен.
34. Село Титовское, церковь Рождества Христова, построена в 1715 году. Священник Матвей Григорьев сказал, что в приходе один помещичий двор и 175 крестьянских дворов, церковной пашенной земли 4 четверти, покосов на пустошах 100 копен.
35. Село Телятово. церковь Живоначальной Троицы, построена и освящена 29 апреля 1761 года. Священник Александр Алексеев сказал, что в приходе 3 помещичьих двора, крестьянских дворов 38,

карельских дворцовых Борисоглебской волости 5 дворов. Церковной пашенной земли 5 четвертей, сенных покосов на 5 копен.

36. Село Чижово, церковь Николая Чудотворца, построена и освящена в 1740 году, перешла от Симонова монастыря. Священник Иван Кириллов сказал, что крестьянских дворов 130, церковной пашенной земли 2 четверти, покосов на 5 копен.
37. Село Сушигорицы, церковь Знамения Пресвятой Богородицы, построена и освящена в 1726 году. Священник Алексей Иванов сказал, что в селе один посад приходных дворов помещика Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, крестьянских дворов 110, церковной пашенной земли 4 четверти, сенного покосу на 12 копен.
38. Село Чисти, церковь Архистратига Михаила, построена и освящена в 1666 году. Дьячок Александр Чистяков сказал, что в приходе помещичьих дворов 2, крестьянских 30 дворов, церковной пашенной земли одна четверть, сенного покосу на 5 копен.
39. Село Городок (погост Орлов Городок. – **А.Г.**), церковь Тихвинской Пресвятой Богородицы, построена в 1692 году, освящена в 1693 году. Священник Игнатий Яковлев сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских 55 дворов, церковной пашенной земли 4 четверти, сенных покосов церковь не имеет.
40. Село Молоково, церковь Живоначальной Троицы, построена в 1742 году, освящена в 1743 году. Священник Александр Карпов сказал, что в приходе крестьянских и бобыльских 180 дворов, церковной пашенной земли 4 четверти, сенных покосов в поле на 10 копен, лесных покосов церковь не имеет.
41. Село Волховицы, церковь Иоанна Предтечи, построена в 1696 году. Священник Иван Петров сказал, что в приходе крестьянских 20 дворов и один приходный двор Антониева монастыря, церковной пашенной земли 5 четвертей, сенных покосов на 2 копны.
42. Село Пожарье, церковь Животворящего Креста, построена в 1711 году. Священник Авраам Савинов сказал, что приходных наличных дворов 25, крестьянских и бобыльских 137 дворов, церковной пашенной земли 7 четвертей, сенных покосов на 15 копен.
43. Село Черемиси. церковь Святого Георгия Победоносца, построена в 1725 году, освящена в 1726 году. Священник Парамон

Лукин сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 50 дворов, церковной пашенной земли 3 четверти, сенных покосов на 5 копен.

44. Село Егна, церковь Воскресения Христова, построена в 1717 году, перешла от Симонова монастыря. Священник Родион Борисов сказал, что крестьянских и бобыльских 70 дворов, церковной пашенной земли 5 четвертей, сенных покосов на 50 копен.
45. Погост Рычманово, церковь Козьмы и Домиана, построена в 1781 году. Священник Семен Константинов сказал, что в приходе 2 помещичьих двора, крестьянских и бобыльских 8 дворов, да вотчинных Антониева монастыря 2 двора. Церковной пашенной земли 3 четверти в поле, да 5 четвертей в пустоши, сенных покосов на 50 копен.
46. Село Старое, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построена и освящена в 1722 году. Священник Михаил Иванов сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 29 дворов, церковной пашенной земли одна четверть, покосов на 3 копны.
47. Погост Ргени, церковь Святого Великомученика Дмитрия, построена в 1747 году. Священник Алексей Кириллов сказал, что в приходе 2 помещичьих двора, церковной пашенной земли 4 четверти, сенных покосов на 20 копен.
48. Село Малое Поречье, церковь Преподобного Великомученика Домиана, построена в 1754 году, освящена в 1762 году. Священник Козьма Никитин сказал, что в приходе двор майора Федора Матвеевича Яковлева, его крестьянских и бобыльских 26 дворов. Вотчины помещика Семена Ивановича Рыкачева крестьянских 18 дворов. Церковной пашенной земли 3 четверти, сенных покосов на 3 копны.
49. Лесоклинский погост, церковь Николая Чудотворца, построена в 1670 году. Священник Илларион Федоров сказал, что в приходе один помещичий двор, крестьянских и бобыльских 243 двора, вотчины Антониева монастыря 16 дворов. Церковной пахотной земли 2 четверти, сенных покосов на 5 копен.
50. Село Орефино, церковь Спаса Нерукотворного, построена в 1688 году, освящена в 1698 году. Дьячок Иван Тимофеев сказал, что в приходе один помещичий двор и один приходной двор.

У него, дьячка церковной пашенной земли 4 четверти, сенных покосов на 10 копен.

51. Погост Соболины, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1701 году. Священник Артемий Григорьев сказал, что в приходе карельских дворцовых Сандовской волости 60 дворов, помещичьих 2 двора, крестьянских и бобыльских 100 дворов. Церковной пашенной земли 3 четверти, сенных покосов на 15 копен.
52. Село Гричево, церковь Покрова Пресвятой богородицы, построена в 1756 году, освящена в 1757 году. Священник Наум Семенов сказал, что в приходе помещичьих 2 двора, крестьянских и бобыльских 40 дворов. Церковной пашенной земли 6 четвертей, сенных покосов на 10 копен.
53. Погост Покрова Богородского Конца, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена и освящена в 1786 году. Священник Иван Васильев сказал, что крестьянских дворов Троицы Сергиевой Лавры 25, помещичьих 5 дворов, крестьянских дворов Антониева монастыря 70. Церковной пашенной земли 3 четверти, сенных покосов на 5 копен.
54. Село Деледино, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1670 году. Священник Илларион Семенов сказал, что в приходе помещичьих дворов 3, крестьянских и бобыльских 215 дворов. Церковной пашенной земли 3 четверти, лесных покосов на 5 копен.
55. Село Лаптево, церковь Святого Василия Кесорецкого, построена в 1691 году. Священник Иван Дорофеев сказал, что в приходе крестьянских дворов Антониева монастыря 152, помещичий двор один, помещичьих крестьянских дворов 14. Церковной пахотной земли 3 четверти, сенных покосов на 30 копен.

Таким образом, в 1798 году в ведении Николаевского Антониева монастыря находились 55 церквей. В этот список не вошли вышедшие из-под контроля монастыря церкви карельских приходов, ранее бывшие в его введении: Карело-Кошевский, Прилуцкий и село Сандово.

В деревнях и селах монастырских погостов в 1798 году было 4,6 тысячи русских помещичьих крестьянских дворов. Если брать условно состав одной семьи в 6 человек, то русских крестьян было 27,6 тысячи человек. Ими владели 87 мелких помещиков, фамилии которых свя-

щенники не называли. Из богатых владельцев сел и деревень приходов, находящихся в ведении Николаевского Антониева монастыря, были названы:

1. Бригадир помещик Андрей Тимофеевич Тютчев, владел частью села Прудово.
2. Помещик Иван Андреевич Бешенцев, владел частью села Прудово.
3. Помещики Никифор Иванович и Иван Иванович Суворовы, владели частью села Прудово.
4. Генерал-майор князь Василий Елисеев владел селом Шаблыкино.
5. Помещик Яков Андреевич Маслов владел селом Тушитово.
6. Помещики Марк Иванович Рыкачев с братьями владели селом Юрьево и частью села Малое Поречье.
7. Помещик Валентин Платонович Мусин-Пушкин владел селами Карамышево и Сушигорицы.
8. Майорша помещица Стефанида Васильевна Бушуева владела селом Орли.
9. Майор помещик Федор Матвеевич Яковлев владел частью села Малое Поречье.

Дворов служителей церкви, в которых проживали священники, дьячки и пономари, было 170, им принадлежало во всех приходах 245 четвертей земли или 66,15 десятин (63,5 га. **– А.Г.**). Монастырских крестьянских дворов в указанных селах и деревнях оставалось 291 или 1746 человек.

В списках отдельно указаны карелы дворцовой Чамеровской волости – 120 дворов или 720 человек, и Кесемской волости – 208 дворов или 1248 человек. В других селах и деревнях проживали 115 дворов или 690 карел Мышкинской волости, 165 дворов или 990 карел Борисоглебской волости и 60 дворов или 360 карел Сандовской волости. Всего записано 388 карельских дворов или 2328 карел [134].

Позднее карельские деревни Мышкинской волости были отнесены к Кесемской и Мартыновской волостям, часть их осталась за помещиками в созданных Делединской и Хабоцкой волостях. Карельские деревни Борисоглебской волости были переведены в Кесемскую, Мартыновскую волости и дворцовую Чамеровскую волость.

Церковные реформы в XIX веке

Вступив на престол, император *Александр I* на письмо одного сановника, желавшего заполучить от него имение, ответил: «Русские крестьяне большею частью принадлежат помещикам. Считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, поэтому я дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило никому не давать в собственность крестьян».

Со времен Александра I имения, населенные крестьянами, стали давать только в аренду. В собственность вельможей передавались ненаселенные крестьянами земли, но в обширных размерах.

В 1812 году франзуские войска во главе с Наполеоном Бонапартом вторглись в Россию и заняли Москву. Дорогу от Смоленска на Петербург через Тверь, Торжок и другие города защищали полки под командованием генерал-адъютатнта Ф.Ф. Винценгероде. В сентябре 1812 года к нему с просьбой обратился Тверской гражданский губернатор Кологривов.

Он писал, что крестьяне Никольской волости Волоколамского уезда Тверской губернии, воспользовавшись ситуацией, учинили грабежи в имениях помещиков. Они растащили хлеб, убили рогатый скот и лошадей, открыли винные погреба. Один священник взял себе библиотеку, но, не довольствуясь награбленным, свел с господского двора последнюю лошадь.

Генерал Винценгераде направил на прекращение грабежей два полка солдат.

В Николаевский Антониев Краснохолмский монастырь, как более безопасное от военных действий место, были отправлены на хранение церковные дела, документы, семинарская библиотека и церковное имущество из тверских городских церквей. Дьяконы и причетники привезли сюда 12 коробов и 26 мешков имущества из Вознесенской, Владимирской, Мироносецкой, Рождественской-Ямской и Христорождественской церквей города Твери.

В октябре 1812 года поэт К.Н. Батюшков в письме из Нижнего Новгорода своему другу Н.И. Гнедичу писал, что на пути от Твери до Москвы он видел переселения целых губерний. Видел нищету, отчаяние, пожары, голод и все ужасы войны. Французы – варвары и вандалы, и этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человечности. Мы же до того были ослеплены, что подражали им, как обезьяны!

До 1797 года карельские деревни были, как помещичьи, так и дворцовые. В Тверской губернии было образовано восемь дворцовых волостей, которые управлялись приказчиками.

В карельских деревнях, входивших в удельные сельские приказы, было местное самоуправление. Дворцовые крестьяне платили натуральный или денежный оброк, а также поставляли царскому двору хлеб, мясо, яйца, рыбу, мед и другие продукты. Они на своих подводах привозили ко двору продукты, дрова, смолу, деготь, скипидар. В XVIII веке натуральные поставки царскому двору постепенно стали заменять денежным подушным оброком.

В 1797 году по реформе императора Павла I Дворцовый приказ был преобразован в Удельное ведомство, ведавшее доходами царского двора. С тех пор ***дворцовые крестьяне стали называться удельными, а дворцовые деревни – удельными деревнями.*** Вместо приказчиков в удельных карельских волостях появились управители, а сами волости вошли в удельные сельские приказы. Натуральный оброк царскому двору заменили денежным оброком, который был установлен в 3 рубля с ревизской души. В ревизские души не входили женщины и дети, входил хозяин дома и взрослые сыновья.

Сандовскую волость разделили на две, со смешанным русско-карельским населением. Из нее 18 деревень, в том числе Григорцево, Дымцево, Мякишево Большое, село Пятницкое, Станки и другие деревни отнесли к Залужской волости. Село Сандово (ныне Старое Сандово. **– А.Г.**) вместе с другими 10 карельскими удельными деревнями отнесли к Арханскому сельскому приказу.

В материалах 10-й ревизии, проведенной в 1858–1859 годах, указаны удельные деревни пяти волостей, входивших в состав Арханского сельского приказа Весьегонского уезда:

1. Арханская волость – 19 деревень, 1212 жителей-карел.
2. Сандовская волость – 10 деревень, 1213 карел.
3. Волховицкая волость – 12 деревень, 1659 карел.
4. Борисоглебская волость – 9 деревень, 1005 карел.
5. Мышкинская волость – 13 деревень, 1930 карел. Центр волости находился в селе Мышкино возле нынешнего села Деледино Молоковского района Тверской области.

К Чамеровскому сельскому приказу отнесли Бухаловскую, Кесемскую, Чамеровскую удельные волости, а также Корельско-Кошевскую

удельную волость и удельные карельские деревни Алафеевской и Юркинской волостей в составе Столбовского отделения.

В 1808 году удельным крестьянам предоставили право расширять свои наделы за счет казенных земель, в том числе, поросших лесами. В 1811 году оброк был повышен на один рубль, в 1823 году – еще на один рубль. К средине XIX века для весьегонских карел составлял 6 рублей серебром с каждого человека. Все равно повинности удельных крестьян были значительно легче, чем у помещичьих крестьян.

Всего в Весьегонском уезде: удельных карельских деревень – 162 или 79%, помещичьих карельских деревень – 43.

За 25 лет с 1834 по 1859 годы число карел в Бежецком уезде увеличилось с 25 491 человека до 35 314 или на 9823 человека. В Весьегонском уезде за это время число карел уменьшилось с 22 275 человек до 18 101 или на 4174 человека.

После отмены крепостного права за период с 1861 по 1872 годы удельными стали еще 19 деревень Весьегонского уезда, которые ранее были помещичьими, в том числе: 7 деревень Телятинской, 10 деревень Топалковской и 2 деревни Чистинской волостей.

К 1873 году в Весьегонском уезде проживали 21 764 карела, в Бежецком уезде – 33 458 карел. Чисто карельских волостей в Весьегонском уезде было три: Кесемская, Мартыновская и Чамеровская. Из 25 карельских помещичьих деревень Кесемской волости 7 принадлежали помещику Виброву: Петелино, Попадьино, Софрониха, Терпигора, Чернягино, Чухарево и Якушино.

Волостей со смешанным русско-карельским населением 7, в том числе: Топалковская – 13 карельских деревень, Лопатинская – 13 деревень, Щербовская – 7 деревень, Залужская – 18 деревень, Арханская – 19 деревень, Телятинская – 7 деревень и Делединская – 8 карельских деревень. В созданных в результате крестьянской реформы 1861 года волостях, где большинство населения было русским, осталось по несколько карельских деревень, в том числе: Чистинская волость – 4 деревни, Телятинская – 7, Делединская – 8, Хабоцкая – 2, Поповская – 3 карельских деревни [135].

Во время правления императора Александра I 6 декабря 1812 года в России было основано Библейское общество, целью которого было распространении Библии на национальных языках народов. Император сам записался в члены общества, внес единовременный взнос

25 тысяч рублей и платил ежегодные взносы по 10 тысяч рублей. Библейское общество существовало лишь за счет пожертвований, каждый год издавало новые переводы Библий на родных языках народов.

Выполняя поручение Библейского общества, священники села Козлова Г.Е. Введенский и села Кава М.А. Золотинский перевели «Евангелие от Матфея» в 1817 году на язык тверских карел на кириллице. В декабре 1819 года Святейший Синод с разрешения царя Александра I обсудил этот перевод и наградил переводчиков. Григорий Введенский был удостоен высшего знака отличия для духовенства – скуфии. М.А. Золотинскому без назначения особого награждения объявлялось благословение Синода за понесенные им труды с обещанием, что Святейший Синод в последствии не оставит трудов его без должного внимания.

После кончины Александра I в 1825 году Библейское общество было закрыто, каких-либо других реформаторских идей в отношении церквей и монастырей при нем не проводилось.

При *Николае I* во время очередной 8-й ревизии 1834 года насчитали крепостных крестьян до 25 млн ревизских душ, государственных крестьян было около 17 млн душ. При нем отдельно были переписаны удельные крестьяне, принадлежавшие императорскому двору, таковых насчитали более 1 млн человек, к ним относилось большинство тверских карел.

В 1841 году изменилась форма управления церковью в епархиях, все административные и судебные функции в губерниях стала выполнять *консистория* под руководством епархиальных архиереев. Консистория назначала священников на церковные должности, проводила постриг в монахи, управляла всеми церквами и монастырями. Она рассматривала дела о проступках и преступлениях «против должности, сана и благонравия», жалобы на духовенство, тяжбы о пользовании церковным и монастырским имуществом.

В отношении духовных лиц, совершивших проступки и преступления, консистория лишала сана и монашества, отрешала от должности и места службы, переводила за штат с лишением денежного содержания, применяла другие виды наказаний. Духовенство при Николае I жило за счет казенного жалованья, доходов с земельных наделов, которые не облагались налогами, и пожертвований.

Одним из сложных и важных проблем государства и церкви при Николае I оставалось старообрядчество. В начале своего правления, в

1826 году, он разослал по губерниям грамоту, в которой предписывал не преследовать раскольников за совершение треб по их обрядам, а смотреть за тем, чтобы они не совращали мирян, священников и монахов в раскол.

Император Николай I предпринял первые шаги по ограничению крепостного права крестьян. В 1847 году он издал указ о праве выкупа крестьянина вместе с землей в том случае, когда имение помещика продавалось в счет его долга. Указом от 3 марта 1848 года крестьянам было разрешено приобретать недвижимую собственность, но с согласия своего помещика. Этими указами император Николай I давал понять помещикам, что крестьяне не являются их такой же собственностью, как земля, дома, постройки и имения. Указы были изданы в тот период, когда две трети дворянских имений были должны казенным учреждениям [136].

Церковная реформа при *Александре II* начались в 1863 году сразу же после отмены крепостного права. В основу реформы были положены идеи свободного выхода священников из духовного сословия, сокращение численности духовенства, а также реформирование духовных учебных заведений с пересмотром программ обучения.

Целью пересмотра духовного образования являлось сближение его со светским образованием. Выпускников семинарий наряду со службой в церквах и монастырях готовили в качестве учителей церковно-приходских школ.

Прекратилось преследование старообрядцев, в 1864 году был учрежден комитет по раскольническим делам. Старообрядцам дали возможность свободно отправлять свое богослужение и выезжать за границу. Юридическую силу стали иметь старообрядческие метрические записи крещений, венчаний и отпеваний. Старообрядцам было разрешено заниматься иконописью для своих церквей.

Это позволило выявить правдивое число старообрядцев в государстве, которых при Николае I считали не более 2 млн человек, а на деле оказалось около 8 млн человек.

В 1867 году было отменено введенное Екатериной II деление епархий и монастырей на три класса, расширились права епархий и настоятелей монастырей. Архиереи получили право без санкции Синода строить церкви, давать разрешение на постриг в монашество, самостоятельно решать вопросы духовного образования в пределах своих епархий.

Законом от 30 апреля 1871 года дети священников, в зависимости от положения их отцов, получали права дворян или почетных граждан. Все эти преобразования способствовали получению священниками и их детьми некоторых свобод и продвижения в светской жизни.

Одновременно простой народ получил возможность обучения грамоте в церковно-приходских школах.

Авторитет церкви стал возрастать при правлении императора *Александра III,* когда в стране открывали около 250 церквей и до десятка монастырей ежегодно. При нем были восстановлены упраздненные в 1860–1870 годах церковные приходы и открыты новые.

С начала 1880-х годов стали усиленно открываться церковно-приходские школы, во главе которых, а также учителями, были священники местных приходов. К 1900 году таких школ в государстве насчитывалось 42,6 тысячи, их число сравнялось с числом начальных школ Министерства народного образования.

Церковно-приходские школы были с двухлетним и четырехлетним сроком обучения. В первом классе обучали молитвам, краткому катехизису, церковному пению, чтению, письму и четырем правилам арифметики. Во втором классе к этим предметам добавлялись история церкви и история государства.

В 1890 году во все епархии было направлено предписание, чтобы в духовные семинарии не проникали неблагонадежные книги и журналы. Чтобы семинарское начальство не утаивало случаи распространения среди семинаристов крамольной литературы. Из всех семинарских библиотек были изъяты книги Н.А. Добролюбова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского и почти все светские журналы. Семинаристов и студентов духовных академий за чтение недозволенных книг сажали в карцер.

Предпринимались попытки распространения православия среди народов России, исповедовавших ислам, иудаизм, буддизм, но они не имели успеха. Александр III предоставил право старообрядцам занимать общественные должности, заниматься торговлей и мелким ремеслом, получать паспорта на общих основаниях. Они с разрешения Синода могли открывать свои молитвенные дома, но им запрещалось устраивать крестные ходы, распространять свое учение среди православного населения [137].

В 1894 году на императорский престол вступил последний русский монарх Николай II. Время его правления совпало с началом новой сму-

ты в России. К концу XX века в России насчитывалось около 50 тысяч приходских церквей, более одной тысячи монастырей, около 100 тысяч духовенства и 50 тысяч монахов.

Владения монастыря в 1869 году

С конца XVIII века стала заметной роль купечества уездных и заштатных городов в строительстве и ремонте церковных и монастырских построек. Тогда был установлен единый налог на купцов – один процент со ста рублей. Купец, объявивший свой капитал на сумму от 1 до 5 тысяч рублей, относился к третьей гильдии, и мог осуществлять мелочный торг. Купцы, объявившие свой капитал от 5 до 10 тысяч рублей, принадлежали ко второй гильдии, торговали, чем хотели, исключая торговлю на судах и содержание личных фабрик. Те купцы, кто объявлял свой капитал от 10 до 15 тысяч рублей, относились к первой гильдии, кроме внутренней торговли они имели право производить иностранную торговлю, иметь свои заводы и фабрики [138].

На ярмарках в Красном Холму, Бежецке, Весьегонске, Мологе и других городах было много краснохолмских купцов: Бородавкины, Кичигины, Мясниковы, Поповы и другие. Дичью, битой птицей, шкурами диких животных и кожами от домашних животных торговали купцы Баруздины, Гневушевы, Лапшины и Пановы. Рыбой оптом и в розницу, а также бакалеей, торговали купцы братья Василий Михайлович, Иван Михайлович и Михаил Михайлович Бородавкины. Мануфактуры продавали Камкины, а муку – купцы Поповы [139].

В период с 1809 по 1834 годы в Николаевском Антониевом монастыре размещалось духовное училище.

В 1869 году Николаевский Антониев Краснохолмский монастырь имел следующие здания:

1. Соборный храм святителя Николая Чудотворца. Последствия его пожара 1634 года устраняли два года. Собор вновь покрыли тесом, сделали две деревянных главы, которые обили белой жестью. Большой крест позолотили, часть икон написали вновь, другие обновили.

В 1683 году на пожертвования Якова Васильевича Нелединского по сыну своему стольнику Федору Яковлевичу, в сумме 260 рублей, стены собора украсили сплошной живописью, которая сохранилась к 1882 году.

В 1693 году по мужу своему Якову Васильевичу и сыну Федору внесла пожертвования вдова Пелагея Ивановна Нелединская в сумме 370 рублей. На эти деньги в соборе был устроен иконостас в 5 ярусов. Значительно позднее, в 1858 году, на деньги краснохолмских купцов Василия Матвеевича Бородавкина и Егора Федоровича Кичигина иконостас в соборе вновь позолотили и перекрасили, дополнив по обе стороны по одному киоту. Киот – это особый украшенный шкафчик или застекленная полка для икон.

До 1763 года глава собора оставалась деревянной, в том году ее заменили на железную. Был изготовлен и позолочен новый крест. Церковь и алтарь перекрыты железом, по железным стропилам. В 1855 году железом покрыли также крышу придельной церкви и паперти. Паперть – непокрытая кровлей площадка перед внутренним притвором храма, на которой в первые годы принятия христианства стояли кающиеся, а позднее – просящие милостыню.

2. Церковь Всех Святых, пристроенная к юго-западному углу собора святителя Николая Чудотворца.

3. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, теплая, двухэтажная, стояла неподалеку от собора к югу. Большое пространство этой церкви занимали: трапезная, келарская с двумя хлебными чуланами и паперть. Келарь – заведующий монастырским столом, кладовыми с продуктами и их отпуском на монастырскую кухню. В его обязанности входило ведение строгой отчетности поступающих и отпускаемых им предметов.

Под церковью была устроена кладовая, под трапезной – хлебня, под папертью – погреб и палатка, где пекли просфоры, а под лестницей – тюрьма. Просфора – это литургический хлеб, который принимается для поминания живых и мертвых.

После польско-литовского нашествия церковь вновь была освящена 21 октября 1613 года. В ночь на 19 ноября 1850 года от неосторожной топки печей произошел пожар. Сгорели потолки и полы в задней части храма, и лучшая ризница – помещение при церкви для хранения церковной утвари.

К сентябрю 1852 года последствия пожара устранили, главный престол церкви был готов к освящению. Ремонт проводился на пожертвования городского головы Красного Холма Матвея Матвеевича Бородавкина, который передал на это монастырю 150 рублей.

4. Церковь Вознесения Господня была построена на восточной стороне монастыря над воротами. Установлен иконостас в 4 яруса, в

1881 году был возобновлен. В том же году к южной стороне церкви была пристроена просторная деревянная паперть, покрытая железом.

Деньги на это пожертвовали краснохолмские купцы: Александр Иванович Мясников – 300 рублей, Егор Федорович Кичигин и Иван Дмитриевич Попов еще 300 рублей.

5. Церковь Святого Предтечи и крестителя Господня Иоанна была построена на западных монастырских воротах. В 1856 году на деньги купца Ивана Ивановича Бородавкина в этой церкви были сделаны деревянный пол и лестница.

6. Колокольня стояла между алтарями соборной и покровской церквей. Внизу она была четырехугольной, верхний этаж восьмиугольный с 8 пролетами для колоколов. Самый верх колокольни пирамидальный на восемь скатов с малыми амбразурами в два ряда.

7. Часовня была устроена на юго-восточной башне в 1830 году. В ней размещались иконы из старого иконостаса Покровской церкви.

Другие здания монастыря:

1. Двухэтажное здание с настоятельскими кельями стояло в линии северной ограды против соборного храма.
2. Двухэтажное здание для братских келий примыкало к настоятельским кельям с восточной стороны.
3. Каменное двухэтажное здание с кельями над въездными восточными воротами.
4. Каменная поварня для варения пива и квасу.
5. Ограда вокруг монастыря каменная с шестью башнями и тремя воротами в окружении имела до 360 сажень. Все башни и ограда были покрыты тесом [140].

К тому времени монастырь владел землей:

1. Возле самого монастыря 30 десятин 283 квадратных сажени, выделенных ему по специальному плану в 1772 году. При утверждении плана города Красный Холм в 1776 году за монастырем оставили землю в размере 11 десятин 88 квадратных саженей, остальная земля вошла в городскую черту.
2. Взамен земли, отобранной в городскую черту, монастырю передали в аренду в пустоши Парунино в 8 верстах от монастыря 26 десятин 1215 квадратных саженей.
3. Указом Правительствующего Синода от 3 февраля 1844 года монастырю передано в пустоши Жихариха в 40 верстах от монастыря 40 десятин 1689 квадратных саженей земли.

4. Озеро Верестово в 35 верстах от монастыря и 10 верстах от Бежецка, площадью в 1028 десятин 1618 квадратных саженей вместе с землей вдоль береговой линии для просушки сетей.
5. Мельница близ деревни Путилово на реке Могоче в 4 верстах от монастыря, при ней земли 3 десятины.
6. В пустоши Александровская вблизи Красного Холма монастырь имел 13 десятин 366 квадратных саженей пахотной и сенокосной земли [141].

Позднее озеро Верестово с береговой землей было отдано монастырю в аренду за 350–400 рублей в год, по торгам, назначенным Тверской консисторией в 1876 году [142].

В 1869 году монастырь имел доход в сумме 1729 рублей 17 копеек, в том числе:

1. Оставшиеся деньги за 1868 год	19 руб. 58 коп.
2. Свечные прибыльные	368 руб. 42 коп.
3. Колокольные	461 руб. 11 коп.
4. Сиротские	42 руб. 25 коп.
5. Просвирные	40 руб. 30 коп.
6. Часовенные	45 руб. 51 коп.
7. Поступило от благотворителей	585 руб.
8. Выручено от продажи старого железа	131 руб.
9. Проценты в пользу церкви	6 руб. [143]

Судя по надгробным камням, в Николаевском Антониевом Краснохолмском монастыре были захоронены представители известных и знаменитых родов, дававших большие пожертвования: Нелединских-Мелецких, Орловых, Милюковых, Ушаковых и других. Еще до революции 1917 года многие надгробные камни употреблялись монахами и строителями в разное время на устройство церковных рундуков, для полов, в цоколь при кладке ограды. К 1869 году из старинных надгробий оставалось менее десятка:

– «Семен Андреевич Нелединский», год захоронения неизвестен.
– «Матвей Чертов, умер в июне 1575 года».
– «Андрей по прозвищу Басман Игнатьев сын, Прокофьев, умер 15 сентября 1575 года».
– «Андреян Петрович Ураков, умер 19 августа 1654 года».

- «Федор Иванович Ловчиков, умер 19 мая 1657 года».
- «Стефан Богданович Ловчиков, умер 8 января 1711 года в возрасте 71 год 7 месяцев».
- «Полковник Иван Иванович Ушаков, родился 12 октября 1721 года, умер 22 декабря 1793 года» [144].

В 1869 настоятелем Николаевского Антониева Краснохолмского монастыря стал Анатолий (Смирнов). В 1878 году он передал часть монастырского архива в отделение рукописей Тверского музея при губернском статистическом комитете. В 1883 году вышла его книга «Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии».

Закрытие монастыря советской властью

После совершения Октябрьской революции был принят декрет Совета народных комиссаров от 20 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В нем говорилось, что церковь отделяется от государства, из всех официальных актов устранялось всякое указание на религиозную принадлежность граждан.

Религиозная клятва или присяга отменялась, в необходимых случаях она менялась на торжественное обещание. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью отделами записи браков и рождений.

Школа отделялась от церкви, преподавание религиозных вероучений во всех школах не допускалось. Граждане могли обучать и обучаться религии частным образом.

Все церковные и религиозные общества переставали пользоваться никакими субсидиями, ни от государства, ни от местного самоуправления. Принудительное взыскание сборов и обложений в их пользу не допускалось. Никакие церковные и религиозные общества не имели права владеть собственностью, их лишали прав юридического лица.

Все имущество существовавших тогда в России церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдавались, по особым распоряжениям местной или центральной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

Этот декрет, кроме В.И. Ульянова (Ленина) подписали народные комиссары: Подвойский, Алгасов, Трутовский, Шлихтер, Прошьян, Менжинский, Шляпников, Петровский, а также управляющий делами Совета народных комиссаров В. Бонч-Бруевич.

Статьей 65 конституции РСФСР 1918 года все монахи и духовные служители церквей и религиозных культов были лишены избирательных прав, в том числе избирать и быть избранными в какие-либо органы.

В 1920 году управляющий монастырем казначей иеромонах Макарий Миронов составил послужной список монашествующей братии. В этом списке указано, что последним настоятелем монастыря был игумен Иоанн Гречников, 46 лет, на должность настоятеля монастыря назначен 27 ноября 1913 года, арестован советской властью в сентябре 1918 года.

Казначей иеромонах Макарий Миронов после ареста игумена Иоанна управлял монастырем, ему было 42 года, сам он из крестьян Смоленской губернии, постригся в монахи 9 декабря 1909 года, в должности казначея монастыря с 14 декабря 1917 года.

После закрытия монастыря Миронов Макарий Федорович, 1878 года рождения, уроженец села Филино Дорогобужского уезда Смоленской губернии проживал в селе Завидовская Горка Кесовогорского района. Арестован 21 декабря 1937 года, приговорен тройкой УНКВД по Калининской области 30 декабря 1937 года за антисоветскую агитацию к расстрелу. Расстрелян 5 января 1938 года, по заключению Тверской областной прокуратуры от 16 марта 1989 года полностью раебилитирован.

Ризничий иеромонах Мефодий Степанов, 54 года, из крестьян Тверской губернии, постригся в монахи в 1891 году в Ниловой пустыни. Был казначеем монастыря с 11 мая 1911 года по 24 мая 1917 года.

Духовник иеромонах Пимен Степанов, 58 лет, из крестьян Тверской губернии, постриг в монахи 4 сентября 1899 года в Ниловой пустыни, в Антониевом монастыре с 14 мая 1914 года.

Иеромонах Августин Андреев, 57 лет, из крестьян Херсонской губернии, постриг в монахи 28 марта 1890 года. Был настоятелем Ахтальского монастыря с 26 ноября 1907 года по 9 апреля 1909 года, после чего перемещен в число братии Антониева монастыря.

Иеромонах Аркадий Федоров, 53 года, из крестьян Владимирской губернии, постриг в монахи 14 марта 1904 года. Из Николо-Столопен-

ской пустыни был сначала перемещен в Николо-Теребенскую пустынь 4 января 1910 года, оттуда в Николо-Малицкий монастырь 23 июля 1912 года, а оттуда – в Антониев монастырь 1 апреля 1914 года.

Иеродьякон Амвросий Вишняков, 66 лет, из духовного сословия, постриг в монахи 7 ноября 1910 года в Антониевом монастыре.

Монах Нил Конбецов, 47 лет, из крестьян Витебской губернии, постриг в монахи 18 января 1910 года в Ниловой пустыни, перемещен в Антониев монастырь в 1917 году.

Временно проживающий игумен Варшавского архиерейского дома Филарет Денисов, 51 год, из крестьян Владимирской губернии, определен в число братии монастыря 31 октября 1918 года.

Кроме них в монастыре проживали три послушника: Афанасий Рогозин с 15 декабря 1919 года, Иван Волков с 20 марта 1920 года и Гавриил Климин с 19 сентября 1916 года. Всего в списках монастыря в 1920 году значилось 12 человек, их дальнейшая судьба неизвестна [147].

В 1920-е годы из монастыря вывезли все церковные ценности. Постройки монастыря стали использовать под жилье и хозяйственные нужды. В монастыре разместилась контора «Жилкомхоза», которая содержала там скотный двор, курятник и кроликовую ферму. В те же годы активно разбирали монастырскую ограду. Жилые помещения в качестве коммунальных квартир сохранялись до конца XX века.

В 1930-е годы были разрушены колокольня и церковь Ивана Предтечи.

На фотографии 1936 года Никольский собор, Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, Настоятельский корпус и другие строения монастыря еще не были разрушены, их разгромили позднее, к 1940-му году. При строительстве дороги Бежецк – Красный Холм, она прошла по части монастырской территории.

Немые памятники истории

С первых лет своего существования Советская власть повела активную борьбу с религиозной верой и людьми, которые ее защищали. Это были, прежде всего, священнослужители, старосты и активные сторонники церкви. За прошедший XX век Русская Православная Цер-

ковь перенесла беспрецедентные гонения. Только за период с августа 1937 года по 26 марта 1938 года в Калининской области были арестованы 806 служителей церкви и членов церковных советов.

Сколько всего священнослужителей и мирян пострадали? Точного ответа не дает никто. Гонения на церковь, начавшиеся в 1917 году, приняли массовый и ожесточенный характер уже в 1918 году, а своего апогея достигли в 1937–1938 годах.

После утверждения Политбюро ЦК ВКП (б) приказа Ежова о репрессиях, начиная с 5 августа 1937 года, расстрелы приобрели массовый характер. Если до 13 августа 1937 года за ночь в здании НКВД, где сейчас Тверская медицинская академия, расстреливали по 1–3 человека, то 14 августа расстреляли 92 человека, 17 августа – 48 человек и так практически каждую ночь.

Даже перед новым 1938 годом 31 декабря 1937 года палачи не отдыхали, расстреляв в ту ночь 76 человек.

5 января 1938 года палачи расстреляли 206 советских граждан, а в Международный женский день 8-го марта 1938 года поставили «рекорд», расстреляв 222 человека [148].

В трудные годы Великой Отечественной войны многие верующие люди стали требовать открытия вновь закрытых советской властью церквей. Правительство страны пошло навстречу, но церкви можно было открывать исполкомам райсоветов только с разрешения Калининского облисполкома. В 1942–1943 годах в Калининской епархии в районах, не занятых немецкими оккупационными войсками, были открыты и действовали 56 храмов.

Кратко остановлюсь на имеющейся у меня информации о каменных церквах, упомянутых в архивных делах Николаевского Антониева монастыря.

Краснохолмский район

Город Красный Холм, Никольская церковь, священник Романовский Петр Ильич, 1876 г.р., уроженец села Чагино Кашинского уезда, арестован 20 апреля 1937 года, расстрелян 17 сентября 1937 года.

Священник этой же церкви Прохоров Николай Иванович, 1885 г.р., уроженец деревни Феньево Кашинского уезда, был арестован 10 февраля 1938 года, расстрелян 16 февраля 1938 года.

Староста церкви Бородавкин Сергей Матвеевич, 1878 г.р., уроженец и житель города Красный Холм был арестован 16 февраля 1938 года, расстрелян 8 марта 1938 года, церковь закрыли. Никольская церковь была вновь открыта 16 июня 1942 года, священник Чемоданов Дмитрий Ефимович.

В годы советской власти в городе были разрушены великолепные памятники XIX века: Владимирский, Троицкий и Спасо-Преображенский соборы. Троицкий собор построен в 1830–1846 годы, сохранившаяся до настоящего времени его колокольня была построена к 1870 году на пожертвования горожан, приходских крестьян и местного купца, церковного старосты Василия Матвеевича Бородавкина-Меньшого.

Село Башарово, церковь Вознесения Господня, построена в 1872 году. Последним священником был Образцов Александр Иванович, 1872 г.р., уроженец деревни Васюнино Весьегонского уезда, арестован 30 августа 1937 года, расстрелян 7 октября 1937 года, церковь закрыли. Вознесенская церковь была вновь открыта 26 ноября 1943 года, священник Дмитриев Сергей Дмитриевич. В настоящее время она не действует.

Село Васюнино по дороге Бежецк – Красный Холм, церковь Спаса Нерукотворного образа, построена в 1812 году. Последний священник Кораблев Ферапонт Дмитриевич, 1874 г.р., уроженец деревни Васюково Бежецкого уезда был арестован 10 февраля 1938 года, расстрелян 8 марта 1938 года. Церковь закрыли, с тех пор она не действует.

Село Русское Кошево в полукилометре от деревни Горка, церковь Казанской иконы Божьей Матери, построена в 1800 году. При советской власти священником служил Лебедев Николай Андреевич, 1867 г.р., уроженец села Лощемля Вышневолоцкого уезда. Проживал в селе Русское Кошево, был арестован 8 августа 1937 года, расстрелян 17 сентября 1937 года, церковь закрыли. Церковь в этом селе была вновь открыта 16 апреля 1943 года, священник Крылов Алексей Васильевич. Скорее всего, это был последний священник в погосте, в настоящее время церковь разрушена, не действует.

Село Мартыново, Богоявленская церковь каменная построена в 1859 году с двумя престолами: Богоявления Господня и Успенской Божьей Матери. Последним сторожем церкви до войны был Александров Геннадий Яковлевич, 1881 г.р., арестован 25 декабря 1937 года, 29 декабря приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, церковь закрыли. Она была вновь открыта 30 декабря 1943 года, свя-

щенник Воскресенский Иван Иванович. Церковь в настоящее время *действует.*

Село Медведево (погост Мицино), церковь Богоявления Господня, построена в 1790 году. Последним священником служил Красиков Петр Иванович, 1878 г.р., уроженец села Поляны Весьегонского уезда, арестован 16 февраля 1938 года, расстрелян 8 марта 1938 года. Церковь была закрыта, в настоящее время не действует.

Погост Налючь, в 2 километрах от деревни Пронино церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, построена в 1842 году. Последним священником в этой церкви служил Морев Александр Сергеевич, 1898 г.р., уроженец деревни Заручевье Бежецкого уезда. Проживал в деревне Налючь, был арестован 16 февраля 1938 года, расстрелян 8 марта 1938 года. Вместе с ним в один день была арестована и в один день расстреляна Смирнова Акулина Антоновна, 1876 г.р., уроженка деревни Ивакино Весьегонского уезда, работала при этой церкви. С тех пор церковь закрыли, в настоящее время она не действует.

Село Рачево, церковь Успения Пресвятой Богородицы, построена в 1835 году. Последним священником и одновременно псаломщиком в церкви служил Колокольцев Леонид Леонидович, 1884 г.р., уроженец села Верестеп Моложского уезда Ярославской губернии, арестован 10 марта 1938 года, расстрелян 23 марта 1938 года. С тех пор церковь закрыта, в настоящее время не действует.

Село Рычманово, церковь Рождества Христова, построена в 1785 году. Последним священником служил Спасский Василий Григорьевич, 1872 г.р., уроженец села Коноплина Весьегонского уезда, проживал в селе Рычманово. Был арестован 16 февраля 1938 года, расстрелян 8 марта 1938 года. С тех пор церковь закрыли, в настоящее время она не действует.

Село Хабоцкое, церковь Рождества Христова, построена в 1824 году. Последним священником служил Челюсткин Михаил Николаевич, 1892 г.р., уроженец города Белгород, проживал в селе Хабоцкое, арестован 24 апреля 1937 года, расстрелян 17 сентября 1937 года. С тех пор церковь закрыта, в настоящее время она не действует.

Село Шаблыкино, церковь Казанской иконы Божьей Матери, построена в 1835 году. В первые годы советской власти священником служил Талызин Александр Иванович, 1878 г.р., уроженец деревни Типны Весьегонского уезда. Был арестован 10 февраля 1938 года, расстрелян 20 февраля 1938 года, на некоторое время церковь бала закрыта. В настоящее время она *действует.*

Весьегонский район

Село Баскаки, Никольская церковь каменная построена в 1885 году с тремя престолами: Успения Божьей Матери, святителя Николая, преподобного Сергия Радонежского. Вторая деревянная церковь построена в 1858 году с престолом великомученика Георгия Победоносца. Никольская церковь была закрыта в 1938 году, вновь открыта 16 декабря 1943 года, священник Херасков Александр Иванович.

Село Чамерово, Богоявленская церковь каменная построена в 1875 году с тремя престолами: Казанской Божьей Матери, Преображения Господня, Обновления храма Воскресения Христова. Казанская церковь была закрыта в 1938 году, вновь открыта 29 октября 1943 года, священник Мальцев Василий Петрович, псаломщик Токарев Леонид Михайлович. С тех пор действует по настоящее время.

Село Чистая Дуброва, каменная церковь Покрова Богородицы построена в 1882 году с тремя престолами: Покрова Пресвятой Богородицы, великомученика Георгия и Тихвинской Божьей Матери. Покровская церковь была закрыта в 1938 году, вновь открыта 11 сентября 1943 года, священник Соболев Иван Александрович, псаломщик Бабин Никита Андреевич.

Село Остолопово, Вознесенская церковь каменная построена в 1860 г. с тремя престолами: Вознесения Господня, святителя Модеста патриарха Иерусалимского, Рождества Пресвятой Богородицы, священник Лобашев Иосиф Иванович, 1878 г.р., уроженец деревни Раменское Санкт-Петербургской губернии, проживал в селе Остолопово, арестован 6 марта 1938 г., расстрелян 23 марта 1938 г., церковь была закрыта. Вновь ее открыли 8 декабря 1943 г., священник Крылов Александр Михайлович.

Село Романовское ныне село Никола-Высока Весьегонского района, Преображенская церковь каменная построена в 1820 году с тремя престолами: Преображения Господня, святителя Николая и Архистратига Михаила. Колачев Михаил Егорович, 1888 г.р., уроженец и житель деревни Игнатково Весьегонского уезда, псаломщик церкви арестован 15 февраля 1938 года, расстрелян 23 марта 1938 года, церковь закрыли. В настоящее время не действует.

На территории района во время Великой Отечественной войны также были открыты церкви:

– *Село Федорково* (ныне Никола-Реня), церковь Николая Чудотворца, закрыта в 1938 году, была вновь открыта в 1942 году,

священник Покровский Иван Семенович. В настоящее время не действует.

– *Село Титовское,* Ильинская церковь была закрыта в 1938 году, вновь открыта 2 декабря 1943 года, священник Пономарев Иван Сергеевич. Всего во время войны на территории района действовали 6 церквей.

Молоковский район

Погост Белый, Воскресенская церковь, построена в 1813 году. Церковь вновь была закрыта в 1938 году, вновь открыта в 1942 году, священник Соловьев Василий Антонович. В настоящее время не действует.

Село Введенье (погост Введенское Дымцево), Успенская церковь, построена в 1823 году. Последним священником служил Павловский Степан Федорович, 1873 г.р., уроженец деревни Крайницы Весьегонского уезда, арестован 11 декабря 1937 года, расстрелян 29 декабря 1937 года. С тех пор церковь закрыли, в настоящее время не действует.

Село Деледино, церковь Спаса Всемилостивого, построена в 1821 году. Последним священником церкви служил Ивановский Аполлон Николаевич, 1880 г.р., уроженец села Юксовичи Санкт-Петербургской губернии, арестован 10 февраля 1938 года, расстрелян 15 февраля 1938 года. С тех пор церковь закрыли, в настоящее время она не действует.

Лесоклинский погост, Троицкая церковь, построена в 1846 году. При советской власти была закрыта в 1938 году, вновь открыта в 1942 году, священник Вещезаров Иван Алексеевич. В настоящее время не действует.

Село Новокотово (Котово), Вознесенская церковь каменная, построена в 1809 году с тремя престолами: Вознесения Господня, Рождества Иоанна Предтечи, Казанской Божьей Матери. Одним из последних священников служил Березин Павел Михайлович, уроженец и житель села Новокотово, расстрелян 7 октября 1937 года, церковь закрыли. Церковь Вознесения вновь была открыта в апреле 1942 года, священник Табунов Никита Александрович. Позднее она закрывалась, в настоящее время *действует.*

Село Поречье, Троицкая церковь, одним из последних священников был Соколов Александр Николаевич, 1893 г.р., уроженец села Озерово

Санкт-Петербургской губернии, арестован 27 июля 1937 года, расстрелян 29 августа 1937 года. Троицкая церковь вновь была открыта в 1942 году, священник Лещуков Дмитрий Ильич.

Село Слобода, Троицкая церковь построена в 1810 году, при советской власти была закрыта в 1938 году, вновь открыта в 1942 году, священник Свенцицкий Тихон Корнеевич [149].

В настоящее время не действует.

Село Троица (Троицкий погост), Троицкая церковь построена в 1802 году. Последним священником был Иустинов Николай Петрович, 1891 г.р., уроженец деревни Романцево Калязинского уезда, проживал в погосте Троица, арестован 3 октября 1937 года, расстрелян 7 октября 1937 года.

В годы Великой Отечественной войны на территории района были открыты и действовали 5 церквей.

Сонковский район

Село Божонка, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построена в 1858 году. Последний священник Сергопольцев Николай Васильевич, 1891 г.р., уроженец села Раменье Кашинского уезда. Его судили за антисоветскую агитацию в 1930 году, затем арестовали 29 мая 1932 года, 16 августа того же года приговорили к 3 годам исправительно-трудовых лагерей. Его жену домохозяйку Анну Ивановну, 1895 г.р., а также церковного старосту, Ананьеву Дарью Ананьевну, жительницу деревни Макаровской, в тот же день приговорили к 3 годам лагерей условно каждую. С тех пор церковь закрыли, в настоящее время она не действует.

Село Карело-Кошево, Сретенская церковь. Построена в 1816 году каменная с тремя престолами: Сретения Господня, святых благоверных князей Бориса и Глеба, Введения во храм Пресвятой Богородицы. В настоящее время не действует.

Последний священник Алексей Александрович Александров, 1892 года рождения, уроженец города Санкт-Петербурга, арестован 19 декабря 1937 года по обвинению в антисоветской агитации. Тройкой НКВД по Калининской области 27 декабря 1937 года приговорен к десяти годам лагерей.

Село Поводнево, церковь Воздвиженья была построена в 1827 году. В годы советской власти закрывалась в 1938 году, вновь была открыта

10 декабря 1943 года, священник Тальянцев Александр Яковлевич. В настоящее время *действует*.

В числе других монахинь 18 июня 1931 года были приговорены к 3 годам высылки в Казахстан каждая за антисоветскую агитацию монахини-карелки: Белоусова Парасковия Борисовна, 1870 г.р. и Пустякова Александра Федоровна, 1891 г.р., уроженки и жительницы деревни Гремячиха, а также Пяткина Мария Ивановна, 1882 г.р., уроженка и жительницы деревни Байки Карело-Кошевского прихода бывшей Бокаревской волости Бежецкого уезда.

Все арестованные, сосланные и невинно убитые без суда и следствия священники и церковные служащие в 1989 году были полностью реабилитированы [150].

Из церквей, упомянутых в делах архива Николаевского Антониева монастыря, в 2015 году действовали лишь 7 церквей.

Заключение

В XVII веке русские и карелы подняли из пепла и возродили деревни в центре России. Они зажили полноценной жизнью спустя 100 лет после «Бежецкого погрома» и полвека после нашествия поляков. Большую роль в этом играли как сами крестьяне, так и богатые люди. Фамилии крестьян в документах встречаются нечасто, о богатых и знаменитых память сохранилась лучше.

После свершения Октябрьской революции 1917 года началась административно-территориальная чехарда. Весьегонский уезд, существовавший в неизменном виде с 1796 по 1918 годы, был снова поделен на два, в начале 1918 года был вновь образован Краснохолмский уезд. Постановлением ВЦИК от 15 апреля 1921 года Весьегонский уезд, в составе 15 волостей, и Краснохолмский уезд, в составе 12 волостей, были переведены в Рыбинскую губернию, а декретом от 15 февраля 1923 года они вновь возвращены в Тверскую губернию.

Постановлением ВЦИК от 3 марта 1924 года Краснохолмский уезд, просуществовавший менее 6 лет, был вновь ликвидирован. Мартыновскую волость перевели обратно Весьегонскому уезду, остальные 11 волостей – Бежецкому уезду. Была образована Краснохолмская волость с центром в городе Красный Холм, к ней относились 11 сельсоветов.

Так продолжалось до начала 1929 года, когда были образованы районы, в том числе: Весьегонский, Краснохолмский, Лесной, Молоковский и Сандовский на территории Весьегонского уезда и северной части Бежецкого уезда.

Прошло 400 лет после возвращения на эти земли русского населения и переселения карел, и все эти деревни снова в упадке, многие обезлюдели. Из известных нам сел и деревень до настоящего времени сохранились все пять деревень в Краснохолмском районе: *Костычево, Коробово, Мокравицы, Нави и Путилово,* переданные монастырю в 1494 году. Если в Путилове в 1738 году жили не менее 400 человек, к 2008 году осталось 36 человек.

Из 5 деревень, переданных монастырю в 1500 году, осталось одно село Сандово (ныне Старое Сандово).

Из 28 сел и деревень, переданных во владения монастырю в 1518 году, к 2015 году сохранилась все, они в Краснохолмском районе: *Анисимово, Бортницы, Григорово, Дор, Мокрени, Муравьево, Полежаево (Полежаиха), Раменье, Рычманово, Черная, Ям и село Спас на Холму* (ныне город Красный Холм. – **А.Г.**) и другие. Но если, например, в деревне Григорово в 1738 году было 53 ревизских души, без учета женщин и детей, или около 180 человек, то к 2008 году осталось 18 человек. За редким исключением, численность населения в сохранившихся деревнях уменьшилась в 10–12 раз.

Из 16 сел и деревень, переданных монастырю в 1564 году, до настоящего времени сохранились 5, в том числе: в Весьегонском районе – *Гора, Кишкино, Косодавль и Федорково,* в Краснохолмском – *Михалиха.* К примеру, в селе Федорково в 1738 году жили около 200 человек, то к 2008 году осталось 12 человек.

Как видно по географии расположения сел и деревень далеко не полного списка, владения Николаевского Антониева монастыря простирались на обширной территории, на 65 верст в сторону Весьегонска, и 15 верст – в противоположную сторону.

В XX веке резко сократилось число весьегонских карел, проживающих в Весьегонском, Краснохолмском, Лесном, Молоковском, Сандовском и Сонковском районах. Если в 1926 году их насчитывалось 32 887 человек, то в 1989 году – 1120 человек, а в 2002 году – всего 328 карел.

Что касается моей малой родины, то к 2015 году не стало карельских деревень бывшей дворцовой Корельско-Кошевской волости: *Акинихи, Горбовца, Калинихи, Поцепа, Петряйцева, Терехова и Шейна.*

В оставшихся деревнях *Байки, Гремячиха, Душково, Муравьево, Климантино и селе Карело-Кошево* тогда проживали от 2 до 10 человек. Лишь на бывшей центральной усадьбе колхоза «Знамя Ильича» деревне Бережки было около 200 жителей.

Мой однокашник Александр Петрович Белоусов в декабре 2015 года рассказал мне, что летом был в нашей деревне. В ней осталось четыре разрушенных дома: Базловых, Малининых, Нетрусовых-Ульяновых и Фомичевых. В его родной деревне Гремячиха остались жить 6 человек из трех семей: Белоусовых, Голубевых и Куликовых. К деревням плотно подошел лес, где оставшиеся жители собирают грибы. Земля не обрабатывается, принадлежит какому-то москвичу в качестве охотхозяйства.

К этому времени перестали существовать русские деревни, которые когда-то окружали карельские*: Алексино, Гостиницы, Головское, Заболотье, Колесники, Новоселка, Панцино, Петрищево, Сосновка, Стояновка, Щербово,* они при советской власти относились к Сонковскому району. Нет соседних деревень Бежецкого района: *Алешина, Зобищей, Молодей, Ножкина, Слепнева, Теребеней, Ханина, Хотены.*

В оставшихся русских деревнях Рыльково, Сабурово и Холм к 2015 году проживали от 6 до 20 человек. Относительно большими оставались деревни Красный Октябрь (Подобино) – около 40 человек, Хонеево – 30 человек.

Известный и уважаемый краеведами и специалистами человек, заведующий архивным отделом администрации Тверской области М.А. Ильин в предисловии сборника «Великое прошлое», изданного в 1998 году, писал: «Придет время, и человечество уйдет из громадных городов-спрутов, рожденных бедностью, и расселится по земле равномерно. Вот здесь подойдет слово «краелюбие», ибо любовь к малой родине, земле взбунтует в человеке и вернет его в лоно природы и далекой истории» [151].

Я лично уверен в этом, не могут так долго быть в нищете и упадке деревни и села центра России, где именно и зарождалось наше государство. Если в XVII веке деревни в центре России зажили нормальной жизнью через полвека после погрома и запустений, то есть надежда на то, что к концу XXI века вновь возродятся деревни на моей малой родине.

Город Тверь – село Колоски, Крым,
ноябрь 2015 года – июнь 2016 года, изменения – 2020 год.

Список источников

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО), опись фонда № 186, том 1 и 2, дело № 4648. Далее указаны номера дел только этого фонда.
2. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 65.
3. Там же. С. 68–75.
4. Памяти А.К. Жизневского (некролог) с послесловием П.И. Бортенева. Русский архив. 1896. Кн. 2. Вып. 8. С. 603–607.
5. Дела №№ 4563, 4586, 4592, 4644.
6. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. С. 462.
7. *Вершинский А.Н.* Города Калининской области. Калинин, 1939. С. 6.
8. *Долгова С.* Судьба Тверского княжеского архива. Тверь, 1999. С. 32–33.
9. Города и районы Калининской области: сборник. Калинин, 1978. С. 97.
10. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 105.
11. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 154, 357.
12. Города и районы Калининской области: сборник. С. 98.
13. Дело № 4648.
14. Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь: типография губернского правления, 1904, а также де № 4648.
15. *Смирнов А.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь: Типолитография Ф.С. Муравьева, 1883. С. 33–35.
16. Там же. С. 64.
17. *Купцов Б.Ф.* Весьегонск. Вехи истории. Тверь, 1997. С. 43.
18. Новгородские писцовые книги. Том 6. Книги Бежецкой пятины 1501, 1545, 1551 и 1564 годов. СПб., 1910.
19. Фонд № 186, дело № 4294.
20. РГАДА, ф. 1209, д. 11449, л.д. 391об.
21. *Карамзин Н.М.* История государства российского. М., 2008. С. 777–778.
22. Там же. С. 697.

23. Там же. С. 698, а также сведения из синодика монастыря.
24. Сведения из синодика монастыря.
25. Там же.
26. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11449, л.д. 349об и 353.
27. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 65.
28. *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. С. 462.
29. *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 10.
30. *Карамзин Н.М.* История государства российского. М., 2008. С. 410.
31. Там же. С. 442.
32. Там же. С. 533–534.
33. Дело № 14.
34. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1816. Ч. 2. № 166.
35. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1816. Ч. 2. № 167.
36. *Смирнов А.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь: Типолитография Ф.С. Муравьева, 1883. С. 35–37, 63.
37. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 7.
38. *Смирнов А.* Указанная книга. С. 38–39.
39. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 7.
40. Дело № 24.
41. Фонд № 186, дела №№ 24, 4570, л.д. 59, 59об.
42. Смирнов А. Указанная книга. С. 41.
43. *Ардашев Н.Н.* Из истории XVII века. Очищение русской земли. М., 1898. *Никольский Е.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй половине XVII века. Вып. 2, СПб., 1897. С. 39.
44. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
45. *Костомаров Н.И.* Русская история. М., 2006. С. 387.
46. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 2.

47. *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890. С. 6–61.
48. Там же. С. 65.
49. *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 113. ГАТО, ф. 186, дело № 2991.
50. Дела №№ 111, 4570 л.д. 64.
51. *Смирнов А.* Указанная книга. С. 67.
52. Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь: типография губернского правления, 1904.
53. Дело № 121.
54. Дело № 125.
55. Из личного архива автора. Списки карел переданы автору финским ученым Вейо Салохеймо из города Йоенсуу в 2010 году для дальнейшей работы. ГАТО, фонд № Р – 289.
56. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 33.
57. Из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289.
58. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 303.
59. *Жизневский А.К.* Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 33.
60. Там же. С. 61.
61. *Смирнов А.* Указанная книга. С. 68.
62. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 304.
63. Там же. С. 306.
64. Там же. С. 452.
65. Из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289.
66. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, дело 11447, л.д. 79об, 80, 80об, 83, 179, 185, 187, 188.
67. Там же, л.д. 78, 78об, 98, 130, 138, 140, 142.
68. Там же, л.д. 541, 549, 560, 588, 602, 602об, 629, 635, 637.
69. Там же, д. 11449, л.д. 391об.
70. Там же, л.д. 329–332, 334, 335, 349 об, 353, 360 об, 361 об, 402, а также выписки по Полянскому и Ясеницкому станов из дела № 11448.
71. *Пыляев М.И.* Старая Москва. Издательство «Московский рабочий», 1996. по изданию СПб., 1891. С. 26

72. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 618.
73. Там же. С. 621
74. Дело № 121.
75. Дело № 197.
76. Дело № 369.
77. Дела №№ 386, 424, 647.
78. Дело № 345.
79. Дела №№ 380, 565.
80. Дела №№ 457, 576.
81. Дела №№ 151, 583.
82. Дела №№ 379, 709.
83. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 580. ГАТО, ф. 186, дела №№ 212, 277, 2234, 2429. РГАДА, ф. 1209, оп. 1. д. 11447, л.д. 188, 195–268, 560, 629, 643, 647–649, 660–663об.
84. *Пыляев М.И.* Старая Москва. Издательство «Московский рабочий», 1996 год, по изданию СПб., 1891. С. 321
85. Фонд № 186, дела №№ 122, 124, 128, 216.
86. *Пыляев М.И.* Старая Москва. Издательство «Московский рабочий», 1996 год, по изданию СПб., 1891. С. 284
87. *Купцов Б.Ф.* Весьегонск. Вехи истории. Тверь, 1997. С. 36.
88. Дела №№ 775, 777.
89. Дела №№ 1942, 2427.
90. Дела №№ 1092, 1093, 1401.
91. Дело № 2421.
92. Дела №№ 436, 580.
93. Дела №№ 1091, 2420, 2511.
94. Списки населенных мест Российской империи за 1859 год. Тверская губерния. СПб., 1862. С. 71.
95. Дела №№ 2628, 2930.
96. Дела №№ 2558, 4433.
97. Дела №№ 698, 868, 876, 1014.
98. Дела №№ 1169, 1238, 1388, 1550. Также материалы из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289.
99. Фонд № 186, дела №№ 487, 505, 524.
100. Дело № 729.
101. Дело № 1466.
102. Дела №№ 437, 3047, 3048, 3149.
103. Дела №№ 1117, 1119, 1126.

104. Дело №1422.
105. Дело № 1619.
106. Дела №№ 1580–1588.
107. Дела №№ 2516, 2369.
108. Дела №№ 2212, 2458, 2471.
109. Дела №№ 1705, 2169.
110. Дела №№ 1770, 1851, 2211.
111. *Смирнов А.* Указанная книга. С. 16.
112. Дела №№ 2673, 2695, 2741, 2742.
113. Дела №№ 2552, 2553, 2635.
114. Дела №№ 2562, 2671, 2968.
115. Дела №№ 1707, 1773, 1797.
116. Дела №№ 1176, 1415, 1466, 2050, 2094.
117. Дела №№ 3513, 3523.
118. Законодательство Екатерины II в двух томах, том I. Юридическая литература. М., 2000.
119. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 834
120. *Смирнов А.* Указанная книга. С. 70.
121. Дело № 172 за 1703 год.
122. Дела №№ 3881, 3905, 3623, 4068.
123. *Пыляев М.И.* Старая Москва. Издательство «Московский рабочий», 1996, по изданию СПб., 1891. С. 157.
124. Там же. С. 218, 257.
125. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, дело 11447. А такжеГенеральное Соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 годов. Тверь, 1873.
126. Генеральное Соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 годов. Тверь, 1873. С. 81. Также «Энциклопедический справочник «Тверская область», составитель М.А. Ильин. Тверь, 1994. С. 51–52, 68, 135.
127. Из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289.
128. Дела №№ 2158, 2264, 2615, 2630, 2737.
129. Дела №№ 176, 230, 255, 625.
130. Дело № 438.
131. Дело № 391.
132. Дела №№ 3752, 3796, 3833, 3901, 4103.

133. Дела №№ 4129, 4157.
134. Дело № 4294.
135. Из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289, д. 309, ГАТО, ф. 312, оп. 6, д. 951.
136. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 886, 889.
137. Из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289.
138. *Пыляев М.И.* Старая Москва. Издательство «Московский рабочий», 1996 год, по изданию СПб., 1891. С. 357
139. *Сиверцев П.А.* Крещенская ярмарка: сборник «Весьегонск». М., 2006. С. 289.
140. Дело № 4547.
141. Там же.
142. Дело № 4585.
143. Дело № 4547.
144. *Смирнов А.* Указанная книга. С. 91.
145. Из личного архива автора. ГАТО, фонд № Р – 289.
146. Там же.
147. Дело № 4620, а также Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области, том I. Тверь, 2000.
148. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области, том I. Тверь, 2000.
149. *Хомутов А.* Курсовая работа «Калининская епархия 1943–1953 годы». Работы студентов Сретенской духовной семинарии. 2008.
150. Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области, том I. Тверь, 2000.
151. Труды научной конференции, посвященной 750-летию Тверского княжества и 725 летию Тверской епархии. Тверь, 1998. С. 5.

Книга вторая

Владельцы мызы Подобино

Введение

Обучаясь в 1964–1968 годах в Бежецком машиностроительном техникуме, я каждую субботу после обеда ехал 12 километров поездом из Бежецка до станции Подобино, потом шел домой пешком еще 12 километров от станции Подобино Виндаво-Рыбинской железной дороги до родной деревни Петряйцево. Мой путь проходил через село Головское, русские деревни Красный Октябрь, Гостиницы, село Карело-Кошево и карельские деревни Шейно и Душково. Домой приходил около шести часов вечера, а на другой день, в воскресенье, с 11 часов дня вел обратный отсчет этого пути, чтобы успеть на дневной поезд Сонково-Бологое.

Проходил мимо Казанской церкви села Головское, в которой размещался молокозавод, куда свозили колхозное молоко со всей округи, в том числе из наших карельских деревень. Видел остатки заброшенного кладбища и не имел тогда никакого понятия, что на этом кладбище покоятся выдающиеся люди из дворянских родов Герасимовых, Неведомских, Нееловых, Карякиных, Хилковых. Их помещичьи имения и усадьбы располагались в 1–5 километрах от наших карельских деревень.

От матери я тогда уже знал, что деревня Красный Октябрь (Коммуна) до революции называлась мызой Подобино. Там была большая барская усадьба, фамилию хозяев она не знала, местные жители го-

ворили, что после создания здесь колхозов в 1931 году, помещичий многооконный двухэтажный дом разобрали. Часть бревен и материала от этого дома пошло на строительство двухэтажного здания, где расположился сельсовет и правление колхоза «Красный воин», другая часть пошла на дрова. Большой парк тоже вырубили на дрова. Тогда я не задумывался даже, кто же были прежние хозяева этого дома.

В этой деревне я проходил мимо двухэтажного дома, в котором располагалось правление колхоза «Красный воин» и Краснооктябрьский сельсовет. Обращал внимание, что в деревне было всего-навсего 2 или 3 старых деревенских дома и большой пустырь на горе, поросший мелколесьем и кустарником. К концу 1968 года на этом пустыре, где ранее стоял барский дом, построили здание Краснооктябрьской средней школы.

По имени мызы Подобино была названа ближайшая железнодорожная станция Виндаво-Рыбинской железной дороги между городами Рыбинск на Волге и Виндава в Латвии (сейчас город Вентспилс. **– А.Г.**). Участок этой дороги Бологое-Сонково (Савелино) – Рыбинск протяженностью в 298 километров был открыт в 1872 году.

Мы тогда много читали и слышали о нужде и тяжелой жизни помещичьих крестьян при царизме. Но, ни разу не слышали о том, что были и ***удельные крестьяне,*** принадлежавшие к императорскому двору, и что наши карелы относились именно к удельным крестьянам. Мы читали о крестьянской реформе 1861 года, но никто не знал и не слышал о реформе 1863 года в отношении удельных крестьян.

Директор Бежецкого машиностроительного техникума Павел Михайлович Новосадов приглашал к нам на встречи местного краеведа Антонина Герасимовича Кирсанова, который давал первоначальные сведения по истории города Бежецка. Из них я запомнил, что ранее поселение Бежичи было в 12 километрах от нынешнего Бежецка на озере Ямное. Что Бежичи сжег тверской князь, жители перешли в поселение Городецко на месте нынешнего Бежецка. Что город Бежецк на 10 лет старше Москвы, а московские ученые никак не хотят это признать.

Уже в конце 1990-х годов, изучая в архивах историю тверских карел, к которым относились жители наших деревень, я узнал, что мыза Подобино до революции 1917 года принадлежала дворянам Неведомским. Они сыграли значительную роль в реализации реформ Александра II и формировании системы местного самоуправления в Бежецком уезде Тверской губернии.

Мировой посредник Александр Николаевич Неведомский стоял у самых истоков реализации крестьянской реформы. Его брат Константин Николаевич проводил на практике крестьянскую и земскую реформы, будучи председателем Бежецкой земской управы, а сестры его жены – Надежда Петровна и Любовь Петровна Ушаковы, а также двоюродная племянница Пелагея Петровна Неведомская проводили в жизнь реформу образования, обучая грамоте русских и карельских детей.

Мызу Подобино переименовали при советской власти, чтобы не сохранялась память о прежних владельцах, а оставалась память о первых коммунарах и председателе коммуны Петре Ракитине, сын которого долгое время здесь работал председателем сельсовета. Хотя официально деревню именуют Красный Октябрь, русские и карелы из окружающих деревень с начала ее переименования и до сих пор называют Коммуной.

При советской власти в 2 километрах юго-западнее от станции Подобино была построена деревня с таким же названием, что часто вносит путаницу в работы исследователей о месте нахождения имения Неведомских.

* * *

Разве мог я, проходя мимо бывшей усадьбы Неведомских в Подобине в 1964–1968 годах, думать и предполагать, что через 30 лет буду принимать самое активное и непосредственное участие в обсуждении законов о местном самоуправлении во время депутатских слушаний в Государственной Думе. Что буду участвовать в разработке областных законов, в том числе и по местному самоуправлению. Что буду стоять у истоков создания мировой юстиции в Тверской области в постсоветский период.

Реформы местного самоуправления в постсоветской России начали активно обсуждать в 1990-е годы, возникали споры и разногласия, судьба предоставила мне возможность стать участником многих совещаний и обсуждений.

В Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, сказано, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение

населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Оно осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

В Конституции заявлено, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения.

На основании новой Конституции, 28 августа 1995 года был принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Территорией местного самоуправления в этом законе определены города, поселки, станицы, районы, сельские округа.

Многие участники дискуссий в Государственной Думе и Совете Федерации говорили, что человек живет не в районе, он живет в городе, поселке или селе на территории района. Это однозначно. Там, где он живет, там и местное самоуправление. Весь мир говорит, что в основном существует две разновидности местного самоуправления – городское и сельское. Поэтому надо говорить, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских и иных поселениях.

В своих выступлениях на слушаниях в Государственной Думе и Совете Федерации я неоднократно предлагал *включить районы и областные центры в систему государственной власти, а не местного самоуправления.* При тогдашней ситуации органы местного самоуправления не имели финансовой и материальной базы, чтобы надлежащим образом содержать школы, больницы, детские сады, дома сестринского ухода. Многие из них закрывались, так как плохо наполняемые областные бюджеты, куда централизовали большинство денежных средств, расходовали на другие цели, а на местах денег не было. Но в этих спорах победил территориально-районный, а не поселенческий принцип определения местного самоуправления.

Был такой прецедент, когда Государственный Совет Удмуртии своим законом от 17 марта 1996 года включил в систему государственной власти районы и города. Конституционный Суд РФ своим постановлением от 24 января 1997 года отменил этот закон, как противоречащий Конституции. После этого «удмуртского дела» уже никто не сомне-

вался в том, чтобы все районы и областные города надо включать в систему местного самоуправления.

Основой для создания работоспособного самоуправления мог стать опыт российского земства, получившего мировое признание и доказавшего свою эффективность. Этот опыт, принципы организации и деятельности земских учреждений должны быть изучены и критически осмыслены заново с позиции решения проблем сегодняшнего дня. Следует при этом отметить, что земский опыт представляет интерес не только для возрождения традиций местного самоуправления, но и для определения наиболее эффективных методов развития современной отечественной демократии.

Сожалею, что в 1990-е годы, участвуя в дебатах, я не изучал и не знал дореформенного опыта работы местного самоуправления в удельных деревнях, а также – земств и органов сельского самоуправления второй половины XIX века. Сейчас открылись архивы, и появилась возможность узнать, а какое было местное самоуправление в городах и сельской местности при царизме? Как же управлялись крестьяне при царе, какие налоги и подати они платили, за счет чего жило местное самоуправление, какие права и полномочия имели его органы?

Ответы на поставленные перед собой вопросы заставили меня изучать архивы, прежде всего, касающиеся Бокаревской волости Бежецкого уезда, куда относились наши карельские деревни. Эти фонды сохранились с незначительным числом дел, но и они позволили что-то узнать о жизни и деятельности обитателей мызы Подобино, которая до сих пор носит название Красный Октябрь.

Большинство архивных материалов и дореволюционных книг стали доступными с 1990-х годов. По ним можно было узнать, отличалась ли жизнь карельских удельных крестьян от русских помещичьих крестьян. Те и другие пахали землю, создавали семьи, растили детей, стараясь прокормить их, строили дома. Да и по внешнему виду вряд ли отличишь карела от русского. Но местные русские крестьяне работали на помещиков, а карелы Карело-Кошевского прихода – на себя и императорскую фамилию, выплачивая оброк удельному ведомству и направляя туда хлеб с общественной запашки.

Меня всегда интересовал период правления императора Александра II, который приступил к серьезным преобразованиям в России. По его указанию были подготовлены материалы, и началась реализа-

ция *крестьянской, судебной, образовательной, земской, финансовой* и других реформ. Реформы императора Александра II вызвали ломку деревенского крестьянского уклада, внесли изменения в их экономическую, социальную и духовную жизнь. Я упорно искал материалы, по которым можно было узнать, как проходили эти реформы в Бежецком уезде Тверской губернии, в частности – Бокаревской волости, куда входили наши карельские деревни.

В этой книге я даю краткую информацию о ходе реализации некоторых царских реформ, не ставя задачу рассказать о них подробно. Подробный анализ подготовки и реализации реформ императора Александра II, – это огромный пласт материалов, требующих тщательного исследования и большого труда.

Благодаря дореволюционным книгам, имеющимся в коллекциях Тверской областной библиотеки им. А.М. Горького, архивным материалам, хранящимся в Государственном архиве Тверской области, появилась эта книга.

Я пролистал все подшивки газеты «Колокол», которую в 1857–1867 годах в Лондоне издавали русские революционеры Александр Иванович Герцен и Николай Платонович Огарев. Среди критики царизма, министров и других чиновников, восхваления революционной и повстанческой деятельности, в газете публиковались письма и документы, которые вызывают интерес, без каких-либо сомнений в их подлинности, я их привожу в этой книге.

Пусть хотя бы на некоторое время в памяти читателей сохранятся события второй половины XIX века, проведение в жизнь крестьянской, земской, судебной и образовательной реформ, названия и некоторые сведения об исчезнувших русских и карельских деревнях Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии.

Есть надежда, что опыт работы земств и органов сельского местного самоуправления Российской империи второй половины XIX века будет в какой-то степени реализован в постсоветской России.

В этой книге к каждому параграфу привожу русские и карельские народные поговорки и пословицы.

Глава I. Реформы императора Александра II

Не тот хозяин земли, кто по ней бродит,
а тот, кто по ней за сохой ходит.

Подготовка к проведению крестьянской реформы

Крепостное право в России, которое было официально подтверждено Соборным уложением от 1649 года при царе Алексее Михайловиче Романове, продержалось более 250 лет, и было отменено в 1861 году императором *Александром II,* путь к отмене крепостного права был долгим.

20 февраля 1803 года император Александр I издал указ «О вольных землепашцах», которым разрешил помещикам, если они этого пожелают, отпускать на волю крепостных крестьян с наделением их землей за выкуп. Он запретил продавать крестьян без земли, ограничил наказание крестьян 15-ю палочными ударами.

Дальнейшую инициативу по освобождению крестьян проявлял в начале XIX века видный деятель того времени Михаил Михайлович Сперанский, написав записки об этом императору Александру I в 1808–1809 годах, за что был отправлен в ссылку. Император Николай I освободил М.М. Сперанского из ссылки и назначил сначала пензенским губернатором, потом генерал-губернатором Сибири. Понимая, что Сперанский стал политической жертвой его старшего брата, Николай I приблизил его к себе и прислушивался к его мнению и советам.

М.М. Сперанский в 1826 году написал императору новую записку об освобождении крестьян от крепостного права, после чего тот образовал секретный комитет по рассмотрению этого вопроса. В своей записке, в числе других предложений, Сперанский в отношении ***дворовых людей*** предлагал:

- записывать их не при помещике, а при деревнях, но отдельно от других крестьян. Подушную подать с дворовых людей платить отдельно от подати помещичьих крестьян. И не с деревни и крестьян, а с помещиков, которым они служат;
- запретить брать в дворовые люди помещичьих крестьян из деревень, а если их брать, то, не разлучая семейства, принимая мужа, принимать и жену с малолетними их детьми до 10 лет.

В отношении ***помещичьих крестьян*** Сперанский предлагал:

– определять все крестьянские работы и повинности по договору крестьянина с помещиком;
– запретить продавать, закладывать и дарить в приданое крепостных крестьян без земли;
– разрешить переселение крепостных крестьян с одних земель на другие в пределах владений одного помещика. Запретить продавать крестьян от одного помещика другому.

Нужно отметить, что к началу XIX века помещики свободно продавали крепостных крестьян, помещая объявления в газеты о «продажных людях». По публикациям в газете «Санкт-Петербургские ведомости» известно, что, восхваляя свой товар, о девках они писали: «Изрядная собой, с лица весьма приятна, собой дородная». Рабочая девка тогда стоила 100–150 рублей, горничная, искусная в рукоделии до 250 рублей, портной вместе с женой-кружевницей – 500 рублей, кучер вместе с женой-кухаркой – 1000 рублей. Подобные объявления давались в другой петербургской газете «Северная пчела», которая выходила с 1825 по 1864 годы.

В Саратове рабочая здоровая девка стоила до 100 рублей, цена за сильного и здорового мужика доходила до 300 рублей. Помещик, узнав, что кто-то продает дворовых или крепостных крестьян, отправлял туда сводчика договариваться о цене. Если цена была подходящей, сводчик давал продавцу задаток и привозил помещику расписку. Эти сводчики рыскали по деревням и селениям в поиске людей, которых можно было выгодно купить.

Продавая и покупая людей, помещики в этом ничего предосудительного и дурного не находили. Говорили о купле-продаже крепостных и дворовых крестьян открыто и все делали тоже открыто. Не гнушались покупать детей-сирот и детей из больших семей, цена за ребенка была в 4–5 раз меньше, чем за взрослого работника. При перевозке купленных крестьян из имения в имение нередко у взрослых мужиков и баб заковывали в кандалы руки и ноги.

Некоторые помещики-игроки ставили своих крепостных на карту, известен, например, случай о нескольких деревнях Медынского уезда Калужской губернии, заселенных карелами, проигранных местным помещиком в карты. Все они были перевезены в Зубцовский уезд Тверской губернии и расселились в нескольких деревнях с центром Ивановское, и стали называться «Держинские карелы» по названию реки Держа.

С 1801 года было запрещено объявлять в газетах о продаже крепостных людей, а также продавать их на ярмарках. В Петербурге и других городах появились предприимчивые люди, которые стали устраивать торги в своих «двориках», о которых знали многие помещики. Некоторые крестьяне, работая в городах на отхожих промыслах, пытались заработать денег себе на выкуп.

К 1830 году выкупная цена при записи крестьянина в мещанство составляла 600 рублей серебром, при записи его в купечество – 1500 рублей серебром.

На основании ревизских сказок 8-й ревизии, проведенной в 1833–1834 годах, в России насчитали 59,1 млн ревизских душ (мужчин старше 15 лет и женщин, ведущих отдельное домохозяйство. **– А.Г.**), большинство в сельской местности. Из них 25 млн ревизских душ были крепостными крестьянами и 17 млн ревизских душ были государственными, заводскими, фабричными и удельными крестьянами, которые находились в ведении императорского двора.

Государственные крестьяне были оформлены указами Петра I из числа незакрепощенных в то время крестьян, в том числе *черносошных крестьян, однодворцев и нерусских народностей Поволжья и Приуралья.* Все они стали нести тягло в пользу государства. Черносошные крестьяне проживали в основном в Поморье, с центром в Архангельске, и Сибири. Земли составляли собственность черносошного крестьянина, он мог не только пользоваться участком земли, но и отдавать его в залог или продавать с условием, что покупатель сразу же, выплачивал все общинные пошлины. Однодворцы – это служивые казаки на границе с Дикой Степью. Все эти три сословия были упразднены законом от ***24 ноября 1866 года «О поземельном устройстве государственных крестьян».***

По данным последней 10-й ревизии, проведенной в 1857–1859 годах, в империи насчитали 74,6 млн ревизских душ, из них 23,1 млн ревизских душ или 31,2% от всей численности были крепостными крестьянами.

При императоре Николае I были предприняты некоторые шаги по улучшению положения крепостных крестьян. В 1827 году он запретил отдавать крепостных крестьян в аренду, в следующем 1828 году было ограничено право помещиков, ссылать крепостных крестьян в Сибирь. В 1833 году было запрещено продавать крестьян с публичных торгов, дарить их, платить ими частные долги.

В 1841 году дворянам запретили покупать крестьян без участка земли. Указом императора 1847 года крепостным крестьянам предоставили право выкупа на волю при продаже помещичьего имения с аукциона.

Однако, напуганные революциями в Европе 1848–1849 годов, власти России отменили все предпринятые ранее реформы в отношении крестьян. Преследовался всякий намек на освобождение крестьянства от крепостной зависимости. Этот период с 1849 по 1855 годы позднее историки назвали «мрачное семилетие».

После смерти Николая I в 1855 году, об отмене крепостного права стали говорить вступившему на престол императору Александру II его родственники – тетка Елена Павловна и младший брат Константин Николаевич. Елена Павловна, жена младшего сына Павла I Михаила Павловича, сразу же после вступления Александра II на престол, стала говорить ему о проведении крестьянской реформы. Участие в освобождении крестьян от крепостного права является важной заслугой великой княгини Елены Павловны, которая на личном примере показала возможность проведения реформы.

Министр государственных имуществ Павел Дмитриевич Киселев делился с ней своими мыслями о практической возможности освобождения крестьян от крепостничества. К тому времени племянник министра Киселева, сын сестры, Николай Алексеевич Милютин обследовал несколько губерний России, собирая статистические сведения о положении помещичьих крестьян. Когда же министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской доложил императору Александру II, что дворянство такого почина об освобождении крестьян от крепостного права на себя не принимает, Елена Павловна решила показать пример на своем имении Карловка Полтавской губернии.

П.Д. Киселев познакомил ее со своим племянником, чиновником министерства внутренних дел Н.А. Милютиным, который помог ей составить план освобождения крестьян от крепостной зависимости. Этот план Елена Павловна показала младшему брату императора Константину Николаевичу, ее соратнику в этом деле, и императору Александру II, который в марте 1856 года одобрил план освобождения крестьян.

Тогда же, в марте 1856 года император Александр II заявил московскому генерал-губернатору о том, что существующий порядок владения душами не может дальше оставаться неизменным. Он заявил, что

лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет уничтожаться снизу.

Согласно составленному Н.А. Милютиным плану, весной 1856 года были отпущены на волю крестьяне 12 деревень имения Карловка Полтавской губернии, принадлежащего великой княгине Елене Павловне, с населением 7392 мужчины и 7625 женщин, и землей более 9 тысяч десятин. Крестьянам было предоставлено право, выкупать участки земли, которые находились в их пользовании. Также им передали в аренду 1/6 часть помещичьей земли с платой по 2 рубля в год за десятину и правом выкупа участка этой земли с рассрочкой, из расчета 25 рублей за десятину.

Елена Павловна вместе со своим управляющим Энгельгардтом разделила все селения на четыре сельских общества, с собственным управлением и судом в каждом обществе. На примере имения Карловка княгиня Елена Павловна, великий князь Константин Николаевич и Н.А. Милютин стали активно доказывать практическую возможность освобождения крестьян от крепостного права. Можно сказать, что этот план стал моделью крестьянской реформы 1861 года.

Громадные расходы на Крымскую войну, связанные с нею рекрутские наборы и наборы в Государственное ополчение серьезно подорвали экономику страны. У царя не было средств, сил и желания выступать против крестьян, ратующих за отмену крепостного права.

По 10-й ревизии, проведенной в 1857–1859 годах, насчитали 103 тысячи дворянских семей или 652 тысячи дворян, из них:

- владевших до 20 крестьянских душ – 43 тысячи дворянских семей,
- владевших от 21 до 100 душ – 36 тысяч дворянских семей,
- имевших свыше одной тысячи душ – 14 тысяч дворян. Все 43 тысячи мелкопоместных дворян владели общей сложностью 340 тысячами крестьян, а 14 тысяч крупных землевладельцев владели 8 млн душ крестьян мужского пола.

В Тверской губернии проживали около 5,7 тысяч потомственных дворян и 3,8 тысяч личных дворян обоего пола. Из них около 30% были мелкопоместными дворянами, владевшими до 20 ревизских душ и до 100 десятин земельных угодий.

Ко времени крестьянской реформы в Тверской губернии средний надел помещичьего крестьянина составлял 4,1 десятины, государственного крестьянина – 4,5 десятины, удельного крестьянина – 5,3 десятин на одну ревизскую душу.

В январе 1857 года император Александр II образовал секретный Комитет по крестьянским делам, в задачу которого входила подготовка проекта освобождения крестьян от крепостного права. Председателем комитета он назначил своего младшего брата великого князя Константина Николаевича. Первоначально Комитет предполагал лишь некоторые уступки крестьянам без проведения радикальной реформы, поэтому он направил во все губернии письма с 14 вопросами и с просьбой ответить на них:

1. Можно ли дозволить, крепостным людям вступать в браки без согласия помещика?
2. Можно ли дать помещичьим крестьянам права приобретать собственность без согласия помещика?
3. Можно ли ограничить права помещиков относительно разбора споров и жалоб между их крестьянами?
4. В какой мере можно ограничить права помещиков относительно наказания крестьян?
5. Должно ли лишить помещиков права переселять крестьян в Сибирь?
6. Следует ли ограничить права помещиков относительно отдачи крестьян в рекруты?
7. Должно ли лишить помещиков права вмешиваться в отправление крестьянских повинностей и податей?

Подобным образом были составлены еще 7 вопросов с целью сохранения интересов помещиков.

20 ноября 1857 года император Александр II направил письмо Виленскому губернатору с просьбой об образовании из дворян губернского комитета по крестьянским делам, под председательством губернского предводителя дворянства. Такое же письмо было направлено 6 декабря Петербургскому генерал-губернатору. Копии этих писем 8 декабря были отправлены во все губернии, а 17 декабря 1857 года они опубликованы в печати.

В тех письмах было сказано, что за помещиками сохраняется право собственности на всю их землю. За крестьянами остаются лишь усадьбы, которые они в течение определенного времени приобретут в собственность посредством выкупа. В состав крестьянской усадьбы входила земля под жилыми и хозяйственными постройками, огородом, садом, конопляником, гумном, хмельником, пчельником и промежутками между крестьянскими строениями. Кроме того, крестьянам

будут предоставляться в пользование земельные участки, за которые они должны платить оброк или отбывать повинность в пользу помещика. В этих письмах слова ***«освобождение от крепостного права»*** заменили словами ***«улучшение быта крестьян».***

Против отмены крепостного права были активно настроены многие дворяне, поэтому император Александр II просил губернаторов уговаривать дворян помогать ему. Многие дворяне и поддерживающие их губернаторы считали, что русский мужик – лентяй и пьяница. Если ему дадут волю, то он перестанет работать, не будет засевать поле и просто умрет с голоду. Первыми в поддержку императора об отмене крепостного права выступили рязанские дворяне, затем последовали другие губернии, в том числе Тверская губерния. Московская губерния оставалась в числе последних губерний, ставших на сторону императора.

В губерниях стали создаваться комитеты по разработке проектов положения об улучшении быта крестьян. Они состояли, в основном из помещиков и назывались «Комитеты об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». В своих материалах комитеты обращали внимание на особенности быта и отношений крестьян с помещиками в своих губерниях. Многие из них брали за основу проекта положения указ императора Николая I от 2 апреля 1842 года «О заключении соглашений между помещиками и крестьянами по выходу их на свободу».

Нужно отметить, что указ императора Николая I от 2 апреля 1842 года определял условия освобождения крестьян от крепостной зависимости на основании договорных соглашений между помещиками и крестьянами. Крепостные крестьяне заключали с помещиками соглашения, по которым они получали личные права и личную свободу.

Но земля, которой они пользовались, оставалась собственностью помещика, за каждый земельный надел и личную свободу крестьяне были обязаны платить помещику оброк или отрабатывать барщину на его полях. Все условия и обязательства указывались в соглашении, таких крестьян стали называть ***«обязанными крестьянами».*** В период с 1842 года и до реформы 1861 года в обязанные крестьяне перешло всего 24,7 тысячи душ мужского пола или 0,1% от всех крепостных ревизских душ мужского пола [1].

* * *

Тверской предводитель дворянства А.М. Унковский в 1857 году подал императору Александру II записку, в которой предлагал освободить крестьян от крепостного права вместе с землей и без переходного периода. При этом помещикам нужно выплачивать вознаграждение как за землю, представляемую в надел крестьянам, так и за самих освобождаемых крестьян. При этом Унковский предлагал, что за выкуп надельной земли платят сами крестьяне, а выкуп личности крестьянина, его прав и свобод возложить как на крестьян, так и на помещиков.

16 февраля 1858 года в Твери собрались уездные предводители дворянства и депутаты от дворян для рассмотрения предложений об улучшении быта крестьян. На этом собрании предлагались разные варианты дальнейшей судьбы помещичьих крестьян. Бежецкий уездный предводитель дворянства *Модест Евграфович Воробьев* сказал, что бежецкие дворяне изъявили желание обеспечить крестьян в пользование достаточным количеством земли с предоставлением им права выкупа, как личности, так и усадебной оседлости в их собственность.

Новоторжский уездный предводитель дворянства П.Д. Кишенский заявил, что вместе с личностью, усадебной оседлостью крестьянам надо дать право выкупать у помещиков и участки земли, которые могли бы обеспечить их благосостояние. А помещиков вознаградить за счет общественного кредита. Его поддержали представители Тверского и Старицкого уездов.

Дворяне Весьегонского и Осташковского уездов считали возможным освободить крестьян из крепостной зависимости с предоставлением им только лишь в пользование, а не в собственность, как усадебной, так и полевой земли в достаточном количестве для обеспечения их благосостояния.

При обсуждении вопроса о переводе крестьян с барщины на оброк бежецкий уездный предводитель дворянства М.Е. Воробьев доказывал необходимость обязательного труда крестьян на помещиков. В подтверждение своих слов он привел следующий пример. В Бежецком уезде у мелкопоместного помещика в среднем обрабатывается 20 десятин пашни и 40–60 десятин сенокосов.

Для этих работ помещику необходимо иметь 6 работников и 7 работниц, одну из них на постоянной работе и 6 – на летний период.

Годовой работник стоит 75 рублей, работница 40 рублей в год и 30 рублей на лето. В течение года им нужно выплатить 670 рублей.

Необходимо иметь 9 лошадей, на содержание и кормление которых сеном и овсом требуется еще 261 рубль. С учетом жалованья управляющему и вознаграждения самому помещику общие расходы составляли 1176 рублей. А годовой приход с урожая хлеба и сена, по подсчетам Воробьева, составлял 1115 рублей.

Но предложение Воробьева о необходимости оставить на какое-то время обязательный труд крестьян не нашел поддержки большинства губернского собрания. Собрание поддержало Новоторжского уездного предводителя дворянства П.Д. Кишенского, который на своих примерах доказал, что не только для крестьян, но и для помещиков и, в целом для государства, упразднение крепостного права принесет выгоды.

Собрание ходатайствовало перед императором об открытии губернского Комитета для составления проекта Положения об устройстве крестьян. Разрешение на открытие в Твери Комитета под председательством губернского предводителя дворянства было получено 16 марта 1858 года.

На основании предложений, поступивших от дворян разных уездов, предводитель Тверского дворянства ***Алексей Михайлович Унковский*** (1828–1893 гг.) подготовил свой проект, в котором предлагал полностью освободить крестьян от крепостной зависимости с обязательным наделением их усадебной и полевой землей. При этом необходимо выплатить помещикам вознаграждение, как за землю, отходящую из их владения, так и за самих освобождаемых крестьян. Причем за землю крестьяне должны бы платить сами, а за их личную свободу помещикам должно заплатить государство.

Ему в подготовке проекта активно помогал бежецкий дворянин Александр Иванович Европеус (1827–1885 гг.), который в 1857 вышел в отставку в чине прапорщика и проживал в имении матери селе Княжево Бежецкого уезда.

Тверской губернский комитет большинством голосов поддержал этот проект, так как там нашли отражение интересы дворянства нечерноземной полосы, где земля не представляла большой ценности. Помещики хотели, чтобы крестьяне выкупили у них как можно больше земли. Рабочие руки стоили дорого, поэтому помещики стремились получить как можно больше денег за потерю рабочей силы.

Предложения тверского дворянства были более прогрессивными в сравнении с предложениями образованного императором Александром II комитета. Основными предложениями тверских дворян были:

– разделить финансовое бремя выкупа помещичьих крестьян из крепостной зависимости между государством, помещиками и крестьянами. При этом государство должно нести все расходы помещикам по предоставлению воли крестьянам. Крестьяне должны выкупать у помещиков не волю, а земельные наделы за свои деньги;
– исключить понятие «временно-обязанные крестьяне», которыми они должны оставаться вплоть до полного погашения выкупных сумм. Им нужно сразу же присваивать статус «крестьян-собственников» домов, хозяйственных построек, усадеб и земельных наделов, с постепенным выкупом земли у помещиков;
– помещики сами должны нести расходы, связанные с уменьшением их земельных участков и наймом на работу крестьян за деньги.

В декабре 1859 года, несмотря на запрет обсуждения крестьянской реформы на дворянских собраниях, с разрешением обсуждать ее только на губернских комитетах, Тверское губернское собрание обсудило этот вопрос и вынесло постановление. Тверское дворянское собрание просило государя о дозволении иметь суждение, о своих нуждах и пользах, не стесняясь возможного соприкосновения с крестьянским вопросом.

19 декабря того же года А.М. Унковский получил уведомление об удалении от должности предводителя тверского дворянства, за обсуждение вопросов о крестьянской реформе на дворянском собрании и подписании его постановления. В феврале 1860 года он был сослан в Вятку, а активно поддерживающий его идеи Александр Иванович Европеус – в Пермь. Ссылку им отменили в сентябре того же года [2].

* * *

После длительных обсуждений и споров в губернских Комитетах, были составлены общие проекты Манифеста и Положения, которые 10 октября 1860 года поступили из редакционной комиссии в Главный

комитет, а 14 января 1861 года – на рассмотрение Государственного совета.

Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» в № 93 от 1 марта 1861 года сообщала о совместном заседании совета министров и членов Главного крестьянского комитета, проведенного 26 января 1861 года. На этом заседании император Александр II благодарил членов комитета за проект Положения, составленный редакционными комиссиями. Обращаясь к министрам, государь сказал, что до сих пор они между собой враждовали по крестьянскому вопросу, но теперь, когда его воля будет окончательно выражена, он требует от них полного между собой согласия и добросовестного исполнения утвержденного им Положения.

По окончании крестьянского дела сословие крестьян не должно более оставаться разделенным на разные ведомства (помещичьи, государственные, заводские, дворцовые и удельные. **– А.Г.**), должно образоваться из них одно целое, подчиненное одним законам. Поэтому он, Александр II, решил Главный комитет закрыть, а на место его учредить Особый комитет по делам всего сельского населения России, которому немедленно приступить к составлению плана соединения крестьян всех наименований в одно сословие. На совместном заседании совета министров и Главного крестьянского комитета за Положение проголосовали 37 участников, против – 8 голосов.

Материалы комитетов рассматривала и обобщала редакционная комиссия. За основу Положения были взяты основные предложения *петербургского, московского и тверского губернских комитетов*. К осени 1859 года созданная по инициативе императора редакционная комиссия обработала проекты из 21 губернии. Комиссия заседала весь 1860 год, проводя согласования спорных вопросов. Государственный Совет 17 февраля одобрил проекты Манифеста и Общего Положения, 19 февраля 1861 года император Александр II подписал ***Манифест*** об освобождении крестьян от крепостного права.

Крестьянская реформа в России 1861 года

Солнце для всех одинаково светит (кар.).

В Манифесте от 19 февраля 1861 года утверждалось: «Права помещиков были доныне обширны и не определены с точностью законом, место которого заступали предания, обычаи и добрая воля помещиков. В лучших случаях, из сего происходили добрые, патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика, и добродушного повиновения крестьян. Но, при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственные выгоды, добрые отношения ослабевали, и открывался путь к произволу…

Таким образом, мы убеждены были признать, что дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завещание предшественников наших и жребий. Мы начали сие дело актом нашего доверия к Российскому Дворянству к изведанной великими опытами преданности его Престолу и готовности его к пожертвованиям на пользу Отечества. Самому Дворянству, предоставили мы, по собственному вызову его, составить предложения о новом устройстве быта крестьян, при чем Дворянство предложило ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования, не без уменьшения своих выгод, и доверие наше оправдалось…

В сему новых положений, крепостные люди получат в свое время права свободных сельских обывателей. Помещики, сохраняя право собственника на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадебную их оседлость, и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их перед Правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

Пользуясь сем земельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков, определенные в положениях повинности. В сем состоянии, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными. Вместе с тем им дается право выкупать усадебную их оседлость и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьяне освободятся от

обязанностей к помещикам по выкупленной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников.

Особым положением о дворовых людях определяется для них переходное состояние. По истечении двухлетнего срока от дня издания сего положения, они получат полное освобождение и срочные льготы…

Для правильного достижения сего мы призвали за благо повелеть:

1. Открыть в каждой губернии Губернское по крестьянским делам Присутствие.
2. Назначить в уездах мировых посредников, и образовать из них Уездные Мировые Съезды.
3. Затем образовать в помещичьих имениях мирские управления.
4. Составить, поверить и утвердить по каждому сельскому обществу или имению уставную грамоту…

…Дан в Санкт-Петербурге, в 19-й день февраля, в лето от Рождества Христова 1861-го, царствования же нашего в 7-е. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано: Александр» [3].

* * *

Во всех приходах местные священники с алтаря или паперти церкви оглашали манифест крестьянам. Издатели газеты «Колокол» в Лондоне русские революционеры А.И. Герцен и Н.П. Огарев в № 95 от 1 апреля 1861 года приветствовали Манифест и Положение о крестьянской реформе, заявив, что император Александр II сделал много, очень много. Его имя стоит выше всех его предшественников. Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудет. Его выбор великого князя Константина Николаевича удачен, он необыкновенно вырос, явившись опорой своего брата в деле освобождения крестьян. Когда Александр II его публично обнял на заседании Главного комитета и совета министров, его обняла вся Россия.

До реформы 1861 года власть помещиков над владельческими крестьянами была безграничной, начиная от труда и заканчивая их личной жизнью. И все-таки нелегко было ломать вековые традиции, устоявшиеся в крестьянстве, и поддерживаемые церковью. Многие помещики полагали, что до реформы хозяйствовали они правильно,

взыскивали то, что можно было, а крестьяне считали начальником одного своего помещика.

Крестьяне искренне верили в свою судьбу, что если родились крепостными, должны таковыми оставаться сами и их дети. И если барин сказал крестьянину, что он должен отдать столько-то денег, хлеба, холста и другого в такие-то сроки, он обязан это сделать. Иначе барин может не только бить и истязать его, но и полностью разорить его семью.

Помещики, которые не жили в городах, а сами управляли имением, не хотели иметь у себя нищих крестьян. Они сажали крестьян на землю, давали в долг хлеб и скотину, а потом брали с них, кроме податей, многое другое, исходя из возможностей крестьянина. Завел пасеку – отдавай помещику часть меда, твердо поставил на ноги свое хозяйство – отдавай часть хлеба, заимел достаточно много овец или другого скота – отдавай мясом или ягнятами.

В тех имениях помещиков, которые постоянно жили в городах, управляли приказчики, бурмистры, нередко из таких же крестьян, или старосты деревень. От их власти и поведения зависела подчас судьба крестьянина. И этот уклад жизни, который существовал в Россию более двух с половиной веков, решили изменить.

Таким образом, манифестом от 19 февраля 1861 года предусматривалось, открыть в каждой губернии Губернское по крестьянским делам присутствие, которому вверялось высшее заведывание делами крестьянских обществ, водворенных на помещичьих землях.

Для рассмотрения на местах недоразумений и споров, могущих возникнуть при исполнении новых положений, назначались в уездах мировые посредники, образовывались из них уездные мировые съезды.

Поручалось образовать в помещичьих имениях мирские управления, для чего, оставляя сельские общества в нынешнем их составе, открыть в значительных селениях волостные управления, а мелкие сельские общества соединить под одно волостное управление.

Составить, поверить и утвердить по каждому сельскому обществу или имению уставную грамоту, в которой будет исчислено, на основании местного положения, количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер повинностей, причитающихся с них в пользу помещика, как за землю, так и за другие от него выгоды. Эти уставные грамоты приводить в исполнение по

мере утверждения их для каждого имения, а окончательно по всем имениям ввести в действие в течение двух лет, со дня издания настоящего Манифеста.

До истечения этого срока, крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам, и беспрекословно исполнять прежние их обязанности. Помещикам сохранить наблюдение за порядком в их имениях, с правом суда и расправы, впредь до образования волостей и открытия волостных судов [4].

Как уже было сказано, надежными единомышленниками императора Александра II в подготовке крестьянской реформы были его родной брат великий князь Константин Николаевич и жена дяди, Михаила Павловича – Елена Павловна. При подписании Манифеста в Зимнем дворце вместе с императором находились: его супруга Мария Александровна, племянник Николай Александрович и брат императора Константин Николаевич. Подписав Манифест и все Положения, император подарил перо, которым он подписывал документы, на память племяннику Николаю.

* * *

Кроме Манифеста 19 февраля 1861 года были утверждены: «*Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости*» и «*Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости о содействии правительства к приобретению этими крестьянами в собственность полевых угодий*».

В ***Общем Положении*** о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, указывалось, что крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда. На основании этого Положения и общих законов, крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялись права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу. В пользование этими правами они вступали тем порядком и в те сроки, какие указаны в Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах и в особом Положении о дворовых людях.

Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют, за установленные повинности, в постоянное

пользование крестьян, усадебную их оседлость, а для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, то количество полевой земли и других угодий, которое определяется на основаниях, указанных в местных положениях. Крестьяне, за отведенный надел, обязаны отбывать, в пользу помещиков повинности работою или деньгами.

Наделение крестьян землею и другими угодьями, а равно следующие за это повинности в пользу помещика, определяются преимущественно по добровольному между помещиками и крестьянами соглашению, с соблюдением лишь следующих условий:

1) чтобы надел, предоставляемый крестьянам в постоянное пользование, для обеспечения их быта и исправного отправления ими государственных повинностей, не был менее того размера, который определен, с этою целью, в местных положениях;
2) чтобы те повинности крестьян в пользу помещика, которые отправляются работою, определялись не иначе, как временными договорами, на сроки не более трех лет (причем, не воспрещается, однако же, возобновлять такие договоры в случае желания обеих сторон, но также временно, не более, как на трехлетний срок);
3) чтобы вообще заключаемые между помещиками и крестьянами сделки не были противны общим гражданским законам и не ограничивали прав личных, имущественных и по состоянию, предоставляемых крестьянам в настоящем Положении.

На этих основаниях составлялись ***уставные грамоты***, в которых должны быть определены постоянные поземельные отношения между каждым помещиком и водворенными на его земле крестьянами в лице сельского общества. Составление таковых уставных грамот предоставлялись самим помещикам или мировым посредникам. Как на их составление, так на рассмотрение и введение их в действие, назначалось два года со дня утверждения Положения.

На основании уставных грамот проводилось разверстание земли между помещиком и крестьянскими сельскими общинами. После чего общины выделяли пахотные наделы каждой крестьянской семье по числу ревизских душ, то есть мужчин старше 15 лет, а также одиноким женщинам.

Помещики, наделив крестьян в постоянное пользование землею, за установленные повинности, не обязаны были впредь, ни в каком

случае, наделять их каким бы то ни было, сверх того, количеством земли. По введении в действие Общего Положения, слагались с помещиков:

1) обязанности по продовольствию и призрению крестьян;
2) ответственность по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей;
3) обязанность ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным;
4) ответственность за них во всех казенных взысканиях – штрафах, пошлинах и других.

На самих крестьян возлагалось попечение по общественному продовольствию и призрению, и ответственность за исправное отбывание следующих с них казенных и земских, натуральных и денежных повинностей.

Крестьянам предоставлялось право выкупать в собственность усадебную их оседлость, посредством взноса определенной выкупной суммы. С согласия помещиков крестьяне могли, сверх усадебной оседлости, приобретать в собственность, на основании общих законов, полевые земли и другие угодья, отведенные тем крестьянам в постоянное пользование. С таковым приобретением крестьянами в собственность их надела, прекращались все обязательные поземельные отношения между помещиками и означенными крестьянами. Обязательные поземельные отношения между помещиками и крестьянами, кроме того, прекращались следующими двумя способами:

1) если крестьяне добровольно отказывались от пользования предоставленным им наделом;
2) если крестьяне переходили, с соблюдением всех установленных для этого правил, в другие сословия.

Чтобы облегчить крестьянам приобретение в собственность отведенных им в постоянное пользование земель, в случае добровольного на то соглашения между помещиком и крестьянами, или в случае требования самого помещика, правительство оказывало пособие.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, но состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам, именовались «***временно-обязанными крестьянами***». Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и приобретшие в собственность поземельные угодья на основаниях, изложенных в Положениях, именовались «***крестьянами-собственниками***».

Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялось право, наравне с другими свободными сельскими обывателями и с соблюдением, установленных в общих законах и в Положении, правил:

1) производить свободную торговлю, предоставленную крестьянам, без взятия торговых свидетельств и без платежа пошлин;
2) открывать и содержать, на законном основании, фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения;
3) записываться в цехи; производить ремесла в своих селениях, и продавать свои изделия, как в селениях, так и в городах;
4) вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие им подряды.

Крестьяне не могли быть в дальнейшем подвергаемы никакому наказанию иначе, как по судебному приговору, или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей. Крестьяне, в тяжбах и спорах между собою, могли разбираться судебным порядком. Независимо от этого, они могли обращаться для разбирательства к помещику, на земле которого они водворены, если сам помещик и обе стороны на это были согласны. В таком случае на решение помещика жалобы не допускались, и решение это приводится в исполнение.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, как свободные сельские обыватели, получали также права по состоянию:

1) на основании правил, указанных в Общем Положении, участвовать на сходах в составлении мирских приговоров и в общественных выборах; равно отправлять по выборам общественные должности, установленные законом;
2) переходить в другие сословия и общества, по правилам, указанным в этом Положении, а равно, по собственному желанию, поступать в военную службу и наниматься в рекруты, на общем для сельских обывателей основании;
3) отлучаться от места жительства, с соблюдением правил, установленных общими законами и Общим Положением;
4) отдавать детей своих в общие учебные заведения;
5) поступать на службу по учебной, ученой и межевой части, на основании установленных правил.

Крестьяне не могли быть лишены прав состояния, или ограничены в этих правах иначе, как по суду или по приговору общества, утвержденному порядком, установленным в Общем Положении.

После обнародования Общего Положения крестьянам оставлялась их усадебная оседлость, впредь до приобретения ими ее в собственность, на правилах, определенных в «*Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий*». Все движимое имущество крестьян – домашний и рабочий скот, земледельческие орудия и другое, на основании существующих постановлений, принадлежали вполне крестьянам. Мирские денежные капиталы и мирские же хлебные запасы составляли собственность крестьянского общества.

Земли, дома и вообще недвижимое имущество, приобретенное крестьянами в прежнее время, на имя их помещиков, закреплялись за крестьянами или их наследниками окончательно, после утверждения за ними этого имущества самими помещиками, или решением мирового учреждения.

Каждый крестьянин мог приобретать в собственность недвижимое и движимое имущество, а также отчуждать его, отдавать в залог и вообще распоряжаться им, с соблюдением общих узаконений, установленных для свободных сельских обывателей.

Сельское общество могло также, на основании общих законов, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество могло распоряжаться по своему усмотрению, разделять их между домохозяевами, и предоставлять каждому участок в частную собственность, или оставлять эти земли в общем владении всех домохозяев.

Право на участие в общем владении собственностью, приобретенной обществом, каждый крестьянин, отдельно, мог уступить постороннему лицу не иначе, как с согласия сельского общества.

Каждый член сельского общества мог требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долею его участия в приобретении этой земли. Если такой выдел оказывался неудобным или невозможным, то обществу предоставлялось право удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению, или по оценке.

Приобретенными в собственность землями крестьянского надела и выкупленными усадьбами, крестьяне могли пользоваться и распоряжаться, как своим достоянием, с тем ограничением, что в продолжение

первых девяти лет, со времени утверждения Общего Положения, означенные земли не могли быть отчуждаемы, или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к обществу. Но переуступка и отдача в залог таких земель членам того же сельского общества не воспрещались.

Имущество, оставшееся после крестьян, умерших без наследников (выморочное), поступало в пользу того сельского общества, в пределах которого имущество это находилось [5].

* * *

Таким образом, в ходе реализации крестьянской реформы предполагалось решить следующие основные задачи:

- дать бывшим помещичьим крестьянам волю, то есть свободу от помещиков;
- закрепить за бывшими помещичьими крестьянами их усадебную оседлость, то есть постоянное проживание в собственном доме с хозяйственными постройками, находящемся в конкретной деревне, с усадебным участком в 40–50 соток;
- провести добровольную передачу от помещиков сельским общинам, на основании уставных грамот, части бывшей помещичьей земли для разделения ее на полевые наделы и передачи их в пользование крестьян;
- создать в сельской местности систему местного самоуправления крестьян.

Крестьяне за отведенный надел обязаны были отбывать в пользу помещиков повинности работою и деньгами. По Положению, повинности крестьян в пользу помещика, определяемые работой, являлись временными, на срок не более 3 лет. В каждом крестьянском обществе или имении должна была быть составлена ***уставная грамота,*** в которой устанавливали количество земли, представляемой крестьянам в лице сельского общества в постоянное пользование, и размер повинностей, которые они должны были нести в пользу помещика. Составление таких уставных грамот должно быть закончено в течение двух лет после издания манифеста и положений.

После введения в действие Положения с помещика слагались обязанности по продовольствию и призрению крестьян, по взносу крес-

тьянами государственных податей и отправления ими денежных и натуральных повинностей, а также обязанность ходатайствовать за крестьян по гражданским и уголовным делам.

Крестьянам предоставлялось право выкупать в собственность усадьбу путем взноса определенной выкупной суммы. С согласия помещиков крестьяне могли сверх усадьбы выкупать в собственность полевые земли и другие угодья. Поэтому помещики не спешили добровольно передавать земельные участки сельским общинам на основании уставных грамот. Они надеялись продать некоторые земельные наделы непосредственно крестьянам, имевшим деньги. ***При этом они резко поднимали стоимость одной десятины земли с 12 рублей до 30–37 рублей.*** С приобретением крестьянами наделов, все поземельные отношения их с помещиками прекращались. Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне составляли сельские общества и объединялись в волости для их управления.

Со дня обнародования Положения, крестьяне получили право не испрашивать предварительного согласия помещика и:

- вступать в брак и пользоваться всеми семейными правами на основании общих правил;
- приобретать движимое и недвижимое имущество, отчуждать его, отдавать в залог и полностью распоряжаться им;
- входить во всякие, законом дозволенные, договоры и обязательства с казною и частными лицами на общих основаниях;
- производить торговлю в пределах, представленных законом, свободным сельским обывателям;
- открывать и содержать фабричные, торговые, промышленные и ремесленные заведения;
- обращаться с исками и тяжбами в суд по гражданским делам, подавать жалобы по уголовным делам.

Попечение малолетних сирот возлагалось на обязанность сельских обществ. При назначении опекунов и попечителей крестьяне должны были руководствоваться своими местными обычаями. Крестьяне не могли быть подвергнуты никакому наказанию иначе, как по судебному приговору. Они получили право отдавать своих детей в учебные заведения.

Все движимое имущество – домашний и рабочий скот, земледельческие орудия переходили в принадлежность крестьян. Земля, дома и другое недвижимое имущество, приобретенное крестьянами на имя

помещиков, закреплялось за крестьянами и их наследниками окончательно. Каждый крестьянин получал право приобретать в собственность недвижимое и движимое имущество, а также отчуждать его, отдавать в залог и распоряжаться им.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, были обязаны нести казенные, земские и мирские повинности: подушевую подать, сбор на обеспечение продовольствия, государственные, губернские и частные земские сборы. Государственные и общие губернские земские сборы начислялись по количеству земли, отведенной в постоянное пользование крестьян или принадлежащей им в собственности.

«Тверское дело»

Жизнь пестра, как птица.

Через год после принятия Манифеста и Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости, отношение к ним со стороны дворянства во многом поменялось. В феврале 1862 года министр внутренних дел в своей газете «Северная Почта» напечатал разъяснение в связи с проведением губернских дворянских собраний и выборов дворянских предводителей. Собрания обсуждали вопросы значения дворянства после издания Положения от 19 февраля 1861 года. Развивалась мысль, что дворянство утратило свое значение в ряду государственных сословий и само должно заявить об этой утрате. Но русское дворянство, заявлял министр, призвано не к самоуничтожению, а к дальнейшему участию при введении в действие тех законоположений, которыми крепостное право навсегда отменено.

Недовольство Манифестом от 19 февраля 1861 года породило так называемое «Тверское дело». На губернском дворянском собрании 1–2 февраля 1862 года тверские дворяне высказались за немедленный обязательный выкуп крестьянских наделов при содействии государства, на прекращения временнообязанных отношений, а также ликвидацию сословных привилегий дворянства, введение независимого суда и гласности в управлении и проведение финансовой реформы.

Они подписали, и направили императору адрес, в котором заявили, что Манифест от 19 февраля 1861 года не удовлетворил народные

потребности. В газете А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 126 от 22 марта 1862 года «Адрес тверского дворянства» был опубликован полностью.

Тверские дворяне писали государю: «Мы сами не понимаем Положение от 19 февраля 1861 года. Просим предоставление земли в собственность крестьян провести общими силами государства, не полагая всей тяжести ее на одних крестьян, которые менее других виновны в существовании этого права.

Тверское дворянство считает кровным грехом жить и пользоваться благами общественного порядка за счет других сословий. Неправеден тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый не платит ни копейки. Это могло быть терпимо при крепостном праве, но теперь ставит дворян в положение тунеядцев совершенно бесполезных своей родине.

Тверские дворяне не желают пользоваться таким позорным преимуществом, и дальнейшее существование его не принимают на свою ответственность. Мы просим государя разрешить нам принять на себя часть государственных податей и повинностей, соответственно состоянию каждого. Кроме имущественных привилегий дворяне пользуются исключительным правом поставлять людей для управления народом. Мы считаем беззаконием исключительность этого права, и просим распространить его на все сословия.

Тверские дворяне считают своим священным долгом высказать откровенно, что между нами и правительством существуют страшные недоразумения. Вместо действительного осуществления обещанной воли, сановники изобрели временно-обязанное положение, невыносимое, как для крестьян, так и для помещиков.

Вместо одновременного обязательного обращения крестьян в свободных поземельных собственников, они избрали систему добровольных соглашений, которая грозит довести до крайнего разорения и крестьян, и помещиков. Ныне сановники находят необходимым сохранение дворянских привилегий, тогда, как сами дворяне, более всех заинтересованные в этом деле, желают их отменения» [6].

За направление этого письма императору Александру II проголосовали 126 членов губернского дворянского собрания, против решения были 24 дворянина. На уездных дворянских собраниях в Тверской губернии просили, чтобы народ сам мог выбирать мировых посредников. В газете «Колокол» от 15 февраля 1862 года сообщалось, что

тверской дворянин Унковский по выбору крестьян пошел в сельские старшины. Еще один дворянин, фамилия не указана, просил зачислить его в число временно-обязанных крестьян к другому дворянину.

Член губернского по крестьянским делам присутствия Николай Александрович Бакунин заявил губернатору П.Т. Баранову, что в связи с определением губернского собрания о несостоятельности Манифеста и Положений от 19 февраля 1861 года, он не считает себя вправе занимать то место, которое обязывает его действовать во вред обществу. Вслед за ним подобное заявление написали еще 12 дворян, в том числе:

- уездные предводители дворянства: Новоторжского уезда Алексей Александрович Бакунин и Корчевского уезда – Сергей Михайлович Балкашин;
- мировые посредники П.А. Глазенап, А.Ф. Кишенский, В.Н. Кудрявцев, М.А. Лазарев, Л.Ф. Лихачев, А.Н. Неведомский, Н.Н. Полторацкий и Н.П. Харламов;
- кандидаты в мировые посредники А.П. Демьянов и Л.А. Широбоков.

Правительство было особенно раздражено на тверских мировых посредников за то, что на волостных сходах они зачитывали этот адрес дворянства государю со своими пояснениями.

Император Александр II принял это письмо, как личное оскорбление и велел заключить инициаторов в Петропавловскую крепость. Для разбирательства этого дела из Санкт-Петербурга в Тверь император Александр II направил генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова, обер-прокурора Н.П. Семенова, обер-секретаря А.Н. Салькова и секретаря Шишкина. Перед отъездом обер-прокурора Семенова инструктировал министр юстиции граф В.Н. Панин.

Перед проверяющими чиновниками была поставлена задача, остановить важный беспорядок и противодействие правительству некоторых тверских мировых посредников. Панин говорил Семенову, что здесь нужна быстрота действий, чтобы виновные не успели принять каких-нибудь своих дел. Он требовал установить подстрекателей по «тверскому делу», не замешаны ли в нем видные дворяне *Салтыков-Щедрин, Унковский и Европеус.* Они, говорил Панин, сейчас в стороне, но за ними наблюдают, сказал Панин. Все это надо делать с большой тайной, негласно и неофициально. По его мнению, каково уж есть Положение о крестьянах, тут величайшая воля императора, ее надо в точности исполнять без рассуждений.

Проверяющие прибыли из Санкт-Петербурга 13 февраля 1862 года, со следующего дня начались аресты, арестовали 13 человек, всех, кто написал заявления о сложении полномочий в связи с несогласием с Манифестом и Положением от 19 февраля 1861 года.

Редактор газеты министерства внутренних дел «Северная Почта» А.В. Никитенко сделал следующие записи о «Тверском деле» в своих дневниках:

«*16 февраля 1862 года.* В Твери, говорят, произошло какое-то волнение среди дворянства. Туда послали для исследования и для водворения порядка Анненкова, несколько жандармских офицеров, обер-прокурора Сената. Тверь город либеральный. Он со времени крестьянского дела (1858 года. **– А.Г.**), не раз уже выражал требования довольно смелые.

20 февраля 1862 года. Прислал министр внутренних дел для напечатания в газете объявления о «Тверском деле». Дело нехорошее. Тринадцать человек дворян вздумали выразить протест против Положения. Их привезли и посадили в крепость, и предали суду Сената».

Газета «Северная Почта» за 20 февраля 1862 года писала: «Тринадцать лиц, принадлежащих к составу мировых учреждений Тверской губернии (член Губернского по крестьянским делам Присутствия Бакунин, председатели мировых съездов, предводители дворянства Бакунин и Балкашин, мировые посредники Кудрявцев, Полторацкий, Глазенап, Харламов, Лазарев, Кислинский, Неведомский и Лихачев, кандидаты мировых посредников Широбоков и Демьянов) позволили себе письменно заявить местному Губернскому по крестьянским делам Присутствию, что они впредь намерены руководствоваться в своих действиях воззрениями и убеждениями, не согласными с Положением от 19 февраля 1861 года, и что всякий другой образ действий они признают враждебным обществу.

Тверское губернское по крестьянским делам присутствие, рассмотрев вышеупомянутое заявление, постановило представить его Министру внутренних дел, присовокупляя, что, по мнению Присутствия, лишь тот образ действий должен быть, признан враждебным обществу, который основан не на соблюдении действующего закона, для всех обязательного, а на произволе одного или нескольких лиц.

Вследствие чего сделано распоряжение об аресте означенных лиц и предании их суду 1-го отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената, которому подведомственна Тверская губерния» [7].

Тверским губернским предводителем дворянства в то время был отставной ротмистр Василий Дмитриевич Бровцын, который подал в отставку через три месяца после «тверского дела», в мае 1862 года.

Тверской гражданский губернатор генерал-майор свиты императора, граф *Павел Трофимович Баранов* был снят с должности в октябре 1862 года, тверским губернатором с 14 октября того года стал Петр Романович Багратион.

Вице-губернатор *Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин* еще в январе 1862 года подал императору прошение об отставке, которое было удовлетворено 2 февраля 1862 года, он переехал жить в Санкт-Петербург.

Бывший предводитель тверского дворянства *Алексей Михайлович Унковский,* снятый с должности в декабре 1859 года, после ареста и ссылки в 1860 году, вернувшись из Вятской губернии, остался проживать в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте, 30. После «тверского дела» ему запретили заниматься крестьянскими делами, он писал статьи по крестьянским вопросам и судебной реформе в разные журналы. Дружил с М.Е. Салтыковым-Щедриным, их дочери учились вместе в женской гимназии на Бассейновой улице. В 1865 году А.М. Унковского назначили управляющим Нижегородской контрольной палатой.

Бежецкий дворянин *Александр Иванович Европеус* (26.03.1827–23.12.1885 гг.), сын инспектора военной школы, в 1847 году окончил Александровский лицей. С того времени стал посещать собрания у Петрашевского, которые с осени 1845 года проходили каждую неделю по пятницам. На них «петрашевцы» обсуждали идеи переустройства самодержавной и крепостнической России.

23 апреля 1849 года были арестованы 123 участника кружка в доме Петрашевского, из них 21 человека, в том числе и А.Н. Европеуса, приговорили к расстрелу. После обряда приготовления к расстрелу 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге, зачитали решение императора Николая I о помиловании. Все, ранее приговоренные к расстрелу, были сосланы на разные сроки, на каторжные работы, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска.

А.Н. Европеус был направлен рядовым на Кавказ без лишения дворянства. В апреле 1851 года ему разрешили жениться на англичанке Эмилии Печь, приехавшей к нему в ссылку на Кавказ. В апреле 1856 года А.И. Европеуса произвели в прапорщики, в феврале

1857 года он вышел в отставку и приехал вместе с женой в имении матери село Княжево Бежецкого уезда. Его мать до замужества Полосухова, второй раз вышла замуж за генерал-майора Антонова. В числе первых, в апреле 1861 года, А.И. Европеус был назначен мировым посредником Бежецкого уезда, служил на этой должности до 1866 года.

После покушения на императора Александра II дворянином Каракозовым 16 апреля 1866 года, А.И. Европеус вместе с женой был арестован. В приговоре суда от 24 сентября 1866 года сказано, что они заражены социалистическими идеями и распространяли революционные лондонские издания.

Через год их освободили, А.И. Европеус вместе с женой в 1867 году вернулся жить в Санкт-Петербург, на лето приезжал в имение матери село Княжево Бежецкого уезда Тверской губернии, где активно занимался раскопками развалин и курганов погоста Бежицы, что в 15 верстах от Княжева. На том месте до 1272 года было славянское поселение новгородцев, которое разорил и полностью сжег тверской князь Святослав Ярославич Тверской. А.И. Европеус пытался выяснить, кто же проживал в этом поселении до прихода сюда славян.

По утверждению историка из Санкт-Петербурга Владимира Степановича Борзаковского, современника А.И. Европеуса, в курганах погоста Бежицы тот обнаружил бронзовые бубенчики, которые носились на груди, бронзовые пряжки, цепочки и сережки, глиняные горшки. В тех же курганах А.И. Европеус нашел также четыре наконечника стрел, два из них железных и два кремниевых, несколько медных вещей с изображением на них украшений из драконов, медвежьих голов и разных узоров.

По материалам раскопок А.И. Европеус писал статьи, которые направлял для публикации в разные журналы. Первая его работа «К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян» была опубликована в журнале Министерства народного просвещения за август 1868 года. В № 12 этого же журнала за 1872 год опубликовали статью А.И. Европеуса «О курганских раскопках около погоста Бежицы в Бежецком уезде Тверской губернии».

На основании найденных материалов Европеус сделал вывод, что до прихода славян на реке Мологе с ее притоками проживало племя ***весь.*** Он также разделил ранее проживавшие на Европейской части России племена на финскую ветвь и угорскую ветвь. Умер Александр Иванович Европеус 23 декабря 1885 года в Петербурге, там же и похоронен.

* * *

Для усмирения крестьянских бунтов, возникавших в разных губерниях России, помещики вызывали солдат, которых размещали в крестьянских домах. Хозяев, имевших полный земельный надел, обязывали кормить своими харчами по 2 солдата и 2 лошади. Хозяева, не имевшие полного надела земли, были обязаны кормить 2 солдат без лошадей все дни до прекращения бунта и установления порядка.

Революционно настроенные поляки воспользовались Манифестом от 19 февраля 1861 года, как поводом для восстановления Польши в прежних границах. В ночь с 10 на 11 января 1863 года по всей территории Польского царства, кроме Варшавы, были совершены внезапные нападения поляков на русские войска, стоящие на квартирах. Возле местечка Седлеца атакованные русские солдаты оборонялись отчаянно в одном доме, который мятежники подожгли, не видя средств им овладеть. Русские войска по всей Польше потеряли 30 человек убитыми и до 400 человек ранеными.

Поляки захватывали русских солдат не в бою, а ночью, спящих и безоружных. Ошибка власти была в том, что она разбросала войска на большом пространстве Польши небольшими отрядами. Польские партизаны скрывались в лесах, вертепах (пещерах. – **А.Г.**) и земных пропастях. Это было хуже войны, где соблюдались известные правила, а здесь слепая месть руководила мятежниками.

В этих гнусных событиях была работа революционной партии Польши, которая рассчитывала на русских изменников, и они нашлись. Один из них, русский анархист из села Прямухино Новоторжского уезда Тверской губернии М.А. Бакунин 2 февраля 1863 года, находясь в Лондоне, направил польским повстанцам послание с навязыванием им своего услужения. После этого Бакунин 21 февраля 1863 года выехал из Лондона в Швецию, чтобы убедить шведов поднять оружие против России и вернуть себе Финляндию. Там он встречался с министрами правительства и братом шведского короля Карла XV принцем Оскаром. Надеясь на помощь Швеции, Бакунин хотел перебраться в Польшу и Литву, там встать во главе крестьянского восстания.

Не добившись результата, Бакунин из Стокгольма отправился в южный город Швеции Мальмё, что в 19 километрах от Копенгагена.

Оттуда он хотел ехать дальше в Литву и готовить там поголовное восстание против России. Но в Мальмё Бакунин был задержан и просидел там до окончания Польского восстания [8].

Нужно отметить, что отец анархиста Бакунина, Александр Михайлович Бакунин, был тверским губернским предводителем дворянства в 1807–1808 годах. Троюродный брат анархиста, тайный советник Михаил Александрович Бакунин служил Тверским губернатором с 16 декабря 1842 года по 18 октября 1857 года. Братья анархиста Алексей и Николай Бакунины в феврале 1862 года были арестованы по «тверскому делу» мировых посредников.

В своей книге «Былое и думы» А.И. Герцен писал о Михаиле Бакунине, что, будучи офицером артиллерии, он не исполнял службы, и дни целые лежал в тулупе на своей постели. Его начальник напоминал, что надо служить или идти в отставку. Бакунин подал в отставку, его отец, сердясь на сына, отказался помогать ему деньгами. В 1840 году Бакунин выехал из России, в 1849 году его арестовали в Австрии за участие в Дрезденском восстании, и передали России. После 9 лет заключения в крепости Бакунина отправили в Сибирь на вольное поселение, откуда он бежл сначала в Америку, потом прибыл в Лондон.

Бакунин поддерживал отношения с Карлом Марксом. А.И. Герцен осуждал поведение Бакунина, заявляя ему, что руководство подпольной работой возможно лишь внутри страны, что участие русских революционных организаций на стороне польских повстанцев является авантюрной программой Бакунина.

Одно дело добиваться улучшения положения крестьян внутри империи и другое – просить иностранные государства идти войной на свою страну ради разных идей, порою амбициозных и бредовых. Позднее многих из этих бездельников и развратников, разоривших многие помещичьи имения, отошедшие им по наследству от отцов, советская власть сделала идеалами для нескольких поколений. В первой половине XXI века их имена носили улицы городов, музеи, библиотеки и другие очаги культуры.

Выкупные операции в отношении крестьян

Своя земля и в горсти мила.

Одновременно с Манифестом и «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 19 февраля 1861 года вышло ***«Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий».***

В Положении излагались правила:

– о ***выкупе*** в собственность вышедшими из крепостной зависимости временно-обязанными крестьянами их усадебной оседлости, а также выкупе ими полевых угодий;
– о ***содействии*** правительства к приобретению теми же крестьянами в собственность, вместе с усадебною оседлостью, всего или части полевого надела, предоставленного им от помещиков в постоянное пользование за определенные повинности.

Нужно отметить, что еще 20 февраля 1803 года император Александр I подписал Указ «О вольных хлебопашцах», по которому помещики получили право освобождать крепостных крестьян поодиночке или целыми селениями с выдачей им земельного участка. За свою волю, крестьяне были обязаны выплачивать помещику выкуп или исполнять в его пользу установленные повинности. Отношения между помещиком и крестьянином определялись договором, по которому помещик имел право отпускать его на волю и безвозмездно.

Указ «О вольных хлебопашцах» утвердил возможность освобождения крестьян с землей от крепостной зависимости ***за выкуп,*** если он был определен договором. Это положение 1803 года позднее было подтверждено указом императора от 2 апреля 1842 года «Об обязанных крестьянах», они легли в основу крестьянской реформы 1861 года.

По Положению от 19 февраля 1861 года крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялось право выкупать в собственность ***усадебную их оседлость.*** Усадебная оседлость крестьянина включала в себя проживание в определенном сельском поселении с наличием у него усадьбы. Под крестьянскими усадьбами подразумевались: все крестьянское жилье, хозяйственные и общественные строения, а также усадебная земля, состоящая под строениями, огородами,

гуменниками и конопляниками крестьян. В усадьбу не входили земли, находящиеся под строениями крестьян в полях и пустошах [9].

Усадебная оседлость определяла самостоятельность крестьянского двора и его хозяина. Приобретение в собственность крестьянами, вместе с усадебною оседлостью, полевых земель и угодий, отведенных им в постоянное пользование, допускалось не иначе как с согласия помещика.

Крестьянские общества и каждый крестьянин-домохозяин порознь, пока находился в составе сельского общества, сохраняли право выкупать предоставленную им в постоянное пользование усадебную оседлость. Если на крестьянах состояла казенная или помещичья недоимка, то они могли приступить к выкупу усадебной оседлости не ранее, как после уплаты недоимки.

Усадебная оседлость в каждом селении могла быть выкупаема или в полном ее составе одновременно целым сельским обществом, имеющим одну общую оседлость или отдельно каждым домохозяином. В некоторых случаях помещик имел право требовать переселения усадеб крестьянских хозяйств, а иногда и целой деревни на новые места, чтобы иметь свои земли вблизи имения.

Определение размера выкупа за усадебную оседлость на основании добровольного соглашения, засвидетельствованного мировым посредником в присутствии посторонних добросовестных в числе от 3 до 6, зависело от договаривающихся сторон. От этого соглашения зависели также все условия порядка и рассрочки платежей. Если же добровольных соглашений не происходило, то выкуп мог производиться по требованию помещиков.

Для исчисления выкупной суммы за усадебную оседлость с одним полевым наделом, причитающаяся с нее по уставной грамоте часть оброка, умножался на шестнадцать и две трети; таким образом, за каждый рубль ежегодного оброка, падающего на усадьбы, полагалась выкупная сумма в 16 руб. 67 копеек. ***Общая сумма выкупа по Тверской губернии составляла 150 рублей за один надел.*** Это означало, что при условии выплаты выкупной суммы в установленный срок, а не досрочно, за один надел крестьянин платил каждый год по 3 рубля 06 копеек.

Когда все домохозяева селения вместе желали выкупить свою усадебную оседлость, в таком случае они должны были внести сполна выкупную сумму, определенную за все усадьбы. Иногда сумму выкупа за усадебную оседлость вносило за себя каждое крестьянское хозяйство (как тогда писали «каждый крестьянский дым». **– А.Г.**).

Крестьяне, желавшие выкупить свою усадебную оседлость, обращались с просьбою о том к своему помещику, но предварительно они обязаны были внести выкупную сумму в Уездное казначейство для хранения и выдачи впоследствии денег за выкуп помещику. Мировой посредник в течение месяца со дня предъявления крестьянами квитанции о внесении ими в казначейство выкупной ссуды, сообщал помещику или управляющему имением о желании крестьян выкупить их усадьбы. Мировым посредникам было значительно проще работать с сельским обществом, чем с каждым крестьянским хозяйством.

Если в течение трех месяцев со дня подачи сообщения мирового посредника помещик не предъявлял законных возражений против намерения крестьян выкупить усадьбы, то губернское по крестьянским делам присутствие сообщало одному из местных нотариусов или мировому посреднику о совершении и выдаче ***данной*** на выкупаемые крестьянами усадьбы.

Если помещик вместо продажи крестьянам одних усадеб брал на себя обязательство предоставить им возможность приобрести в собственность, совокупно с усадьбами, полевые земли и угодья, то он выдавал им об этом ***письменное заявление.*** Помещику предоставлялось право, не ожидая предложений со стороны крестьян, сделать такое заявление в уставной грамоте при составлении ее через мирового посредника.

Уездный суд, при получении сообщения мирового съезда, выдавал крестьянам ***данную*** на выкупленные усадьбы, и сообщал в уездное казначейство о немедленной выдаче помещику выкупной суммы, внесенной крестьянами. Уездный суд обязан был выдать ***данную*** не позже, как в ***три*** дня после получения сообщения от мирового съезда.

Крестьяне со дня выдачи им ***данной*** освобождались от платежа помещику той доли оброка, которая падала на выкупленные усадьбы, и получали эти усадьбы в полную свою собственность. При этом вводилось ограничение, что в продолжение первых ***девяти лет*** со времени утверждения Положения о выкупных операциях усадьбы не могли быть передаваемы или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к сельскому обществу.

Через девять лет после получения ***данной*** крестьяне могли располагать выкупленными усадьбами как своею собственностью, на основании общих законов. Домохозяин, выкупивший свою усадебную оседлость, сохранял право участия в пользовании общественными

участками земли и другими частями оседлости, состоящими в распоряжении всего сельского общества.

При приобретении крестьянами в собственность, вместе с усадебною оседлостью, ***полевого надела*** оказывалось содействие от правительства посредством выкупной операции (выкупа). Содействие заключалось в том, что правительство выдавало под приобретаемые на этом основании земли определенную сумму денег, с рассрочкою крестьянам ее уплаты на продолжительный срок. Означенная сумма денег выдавалась помещику процентными кредитными бумагами, по которым правительство принимало на себя уплату процентов и капитала.

Крестьяне получали право также приобретать земли без содействия правительства, как у помещиков, так и у других лиц на основании общих законов.

Сумма, выдаваемая помещику под приобретаемые крестьянами в собственность мирские земли и угодья обеспеченными (гарантированными) правительством кредитными бумагами, именовалась ***выкупною ссудою.*** Содействие правительства к приобретению крестьянами в собственность их надела распространялась только на крестьян, состоящих на оброке, а не на барщине.

Приобретению в собственность мог подлежать весь усадебный и полевой надел, отведенный крестьянам в постоянное пользование, или часть этого надела.

Приобретение в собственность ***крестьянского надела*** производилось по ***взаимному*** между помещиком и крестьянами ***соглашению,*** которым определялся и размер вознаграждения помещику за приобретаемые земли, независимо от выдаваемой правительством выкупной ссуды. Соглашения о приобретении земельного надела могли последовать как при составлении уставных грамот, так и впоследствии.

Выкупной ***договор*** о приобретении в собственность крестьянского надела мог быть заключен:

- между помещиком и целым сельским обществом;
- между помещиком и одним или несколькими домохозяевами в тех имениях, где существовало участковое или подворное пользование землями.

На практике чаще всего подобное соглашение составлялось при оформлении уставных грамот между помещиком и целым сельским обществом, а иногда составлялась одна грамота на две деревни.

После утверждения правительством выкупной сделки, на основании которой помещик продавал, а крестьяне приобретали в собственность отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел или определенную часть его, все обязательные поземельные отношения между помещиком и крестьянами прекращались.

Выкупная операция могла простираться только на земли и угодья, отведенные или следующие к отводу в постоянное пользование крестьян, на основании местных положений о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях. Уменьшение земельного надела допускалось только по добровольному между помещиком и крестьянами соглашению. На практике уменьшение передаваемого крестьянину полевого надела допускалось сплошь и рядом.

Помещик и крестьяне, согласившиеся между собою насчет выкупа, составляли об этом особый ***договор,*** который предъявлялся ими мировому посреднику. К договору прикладывались:

- при приобретении земли целым сельским обществом – ***мирской*** о том ***приговор,*** а при приобретении земли ***товариществом*** домохозяев – ***обязательство о взаимном поручительстве;***
- копия с уставной грамоты.

Договор подписывали обе договаривающиеся стороны или их уполномоченные лица, его засвидетельствовал мировой посредник в присутствии от 3 до 6 *добросовестных представителей* из крестьян соседних имений в том, что крестьяне, приступающие к выкупу, делают это вполне добровольно.

Мирской приговор о приобретении крестьянами угодий обязательно рассматривался на сельском сходе, по крайней мере, двумя третями крестьян, имеющих право участвовать в сходе. При этом за безграмотных крестьян могли подписать приговор те, кому они доверяли. Подписи крестьян в договоре, мирском приговоре и обязательстве товарищей свидетельствовали в волостном правлении. Подпись помещика или его уполномоченного удостоверялись полицией.

По получении выкупного ***договора*** с приложенными к нему документами мировой посредник рассматривал, соблюдены ли при составлении их изложенные в Положении правила. Если договор или документы оказывались неполными, неясными или написанными с отступлением от установленных правил, то мировой посредник возвращал их для исправления.

Когда земля приобреталась крестьянами не по договору, а ***по требованию помещика,*** то мировой посредник предъявлял это требование сельскому обществу, о чем составляется мирской приговор. Приговор крестьян о размере приобретаемой ими части надела, и, утвержденный мировым съездом, проект отвода части надела представлялись мировым посредником губернскому присутствию вместе с документами, полученными от помещика.

Получив от мирового посредника представление о выкупе, губернское присутствие обращалось в местную Гражданскую палату о доставлении сведений, не имеется ли по имению, в котором находятся приобретаемые земли, каких-либо споров, исков, казенных взысканий, указного ареста или запрещения, и если имеются, то какие именно.

По получении всех требованных отзывов губернское присутствие подробно рассматривало выкупную сделку и давало по ней свое заключение. Если губернское присутствие признавало выкупную сделку правильной, то направляла копию в Главное выкупное учреждение с приложением в подлиннике полученных выкупного договора (или объявления) и других документов.

Получив окончательное разрешение Главного выкупного учреждения на выкупную ссуду, губернское присутствие немедленно объявляло об этом волостному управлению, которое было обязано уведомить как помещика, так и крестьян, приобретающих землю. Также разрешение о выкупе публиковалось в сенатских и губернских ведомостях для извещения кредиторов помещика и вообще всех, до кого это дело относилось.

Не позже ***девяти месяцев*** со дня выдачи им ***данной,*** крестьяне вводились местной полицией во владение приобретенною ими землею. Окончательное отделение приобретенных крестьянами угодий от помещичьей земли, если такого отделения не было сделано до совершения выкупной сделки, производилось на основании общих правил для полюбовного размежевания дач частных владельцев или по распоряжению правительства.

Крестьяне, приобретшие в собственность землю при посредстве выкупной операции, были обязаны вносить в казну ежегодно, взамен следовавшего помещику оброка, по ***шесть*** копеек на рубль с назначенной правительством выкупной ссуды впредь до ее погашения. Эти платежи именовались ***выкупными.***

Выкупная ссуда погашалась взносом выкупных платежей в продолжение ***сорока девяти*** лет со дня выдачи ссуды. Выкупные платежи

не могли быть, ни в каком случае, увеличены, но крестьянам предоставлялось право по собственному усмотрению делать особые взносы сверх годичного выкупного платежа.

Сбор выкупного платежа производился старостой или особым сборщиком податей (где он был назначен) на том же основании, как сбор казенных денежных повинностей. Собранные деньги староста или сборщик вносил в местное уездное казначейство. Каждому домохозяину, приобретшему землю отдельно от других, не воспрещалось вносить выкупной платеж за себя прямо в казначейство.

Крестьяне, приобретшие в собственность при посредстве выкупной операции, отведенный им в постоянное пользование усадебный и полевой надел или часть такового надела, поступали в разряд ***крестьян-собственников.*** Вместе с тем прекращались все обязательные поземельные отношения их к помещику.

Каждое сельское общество, приобретшее землю у помещика, оставалось в составе той же волости и управлялось тем же порядком и под наблюдением того же волостного и сельского начальств, как и до выкупа. Равным образом один или несколько крестьянских дворов, приобретших землю в личную собственность, оставались в составе своего прежнего общества и подчинялись прежним сельским и волостным начальствам.

Крестьяне-собственники отправляли казенные и мирские повинности, как денежные, так и натуральные (в том числе и повинность рекрутскую), наравне с другими крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости.

Когда земля была выкуплена целым сельским обществом, то она признавалась собственностью всего общества, которое пользовалось правом разверстки ее между своими членами. Как первоначальная разверстка земли, так и всякие последующие переделы ее между крестьянами допускались не иначе, как по приговору, утвержденному, по крайней мере, двумя третями общего числа всех крестьян, имеющих право голоса на сходе.

В течение первых девяти лет со времени утверждения Положения общество не могло отчуждать приобретенных им в собственность земель. По истечении девяти лет, но до уплаты выкупной ссуды, общество могло отчуждать приобретенные им земли, под которые выдана правительственная ссуда, не иначе как с разрешения губернского присутствия, и с взносом вырученных за проданные земли денег в счет остающегося по выкупной ссуде долга.

По согласию не менее чем двух третей голосов на сходе, общество могло разделить приобретенные земли на подворные участки, но если выкупная ссуда еще не была уплачена, то приговор сельского общества о разделе должен был засвидетельствовать мировой посредник.

Участки, приобретенные не всем обществом, а отдельными домохозяевами, составляли личную собственность каждого, и переходили по наследству согласно существующим местным обычаям. До погашения выкупной ссуды подворные участки, приобретенные домохозяевами, не могли быть раздробляемы при переходе по наследству, отчуждении или другим каким бы то ни было образом.

В случае неимения у умершего крестьянина-собственника наследников, принадлежавший ему участок, как имение выморочное, обращалось в собственность того сельского общества, в пределах которого этот участок находился.

Участки, приобретенные отдельными крестьянами в личную собственность, могли быть отчуждаемы с соблюдением следующих условий:

- в течение первых девяти лет со времени утверждения Положения каждый таковой участок мог быть продан только одному из членов того же сельского общества, с тем, чтобы с покупкой участка приобретатель принимал на себя все обязательства по уплате выкупной ссуды;
- по истечении первых девяти лет приобретенный участок мог быть продан и постороннему лицу, если только тот соглашался уплатить весь числящийся на участке долг по выкупной ссуде.

До погашения выкупной ссуды приобретенная сельским обществом или отдельным крестьянским двором земля не могла быть представлена в залог ни для получения ссуды из кредитного установления, ни по обязательствам с казною или частными лицами [10].

Крестьяне еще более 20 лет оставались *временно-обязанными,* выплачивая помещику оброк, или несли обработку помещичьих полей – барщину. Через 22 года после издания Манифеста от 19 февраля 1861 года, к началу 1883 года 15% бывших помещичьих крестьян были временно-обязанными. В тот год все они переводились на обязательный выкуп, с этой целью тогда начал действовать Крестьянский поземельный банк, который выдавал ссуды, как отдельным домохозяевам, так и сельским обществам на выкуп земельных наделов.

* * *

Накануне проведения крестьянской реформы в Тверской губернии насчитывалось 9594 крестьянских селения и 1518 помещичьих усадеб, которые большей частью также находились в селениях. Всего в сельской местности тогда было 145,8 тысяч дворов, в 724 селах имелись православные храмы. Размер оброка зависел от площади земли в пользовании крестьянина, он составлял от 6 руб. 60 копеек до 30 рублей.

После объявления крестьянской реформы от 19 февраля 1861 года, выкуп усадебной оседлости и земельных наделов в ***Тверской губернии*** продолжался 30 лет до 1891 года, хотя 67,7% крестьянских хозяйств вышли на выкуп усадебной оседлости к 1872 году. К тому времени 8,5% крестьян вышли на выкуп в добровольном порядке, 78% сделок были совершены по требованиям помещиков, 5,7% – по требованиям кредитных учреждений.

Крестьянин, пожелавший перейти с барщины на оброк, мог сделать это не ранее, чем через два года после издания Положения, предупредив помещика не позже, чем за год до перехода.

Оброчные повинности исчислялись в размере от 8 до 12 рублей в год за один душевой надел, в зависимости от местности. Оброк уплачивался через сельского старосту или особого сборщика. В случае несвоевременной выплаты оброка земская полиция имела право произвести опись крестьянского имущества и распорядиться его продажей.

Крестьяне, не перешедшие на оброк, за каждый надел были обязаны отработать барщину – 40 дней в году мужчины и 30 дней женщины. Отрабатывали барщину мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины – от 17 до 50 лет.

Положением помещикам предоставлялось право заключать с крестьянами соглашения о размере поземельного налога и повинностей. После заключения уставных грамот крестьяне начинали проводить выкуп усадебной оседлости с земельными наделами. Как было уже сказано, сумма выкупа усадебной оседлости с одним полевым наделом по Тверской губернии составляла 150 рублей, она исчислялась величиной годового оброка в 9 рублей, умноженной на 16,6 годовых оброков.

При добровольной сделке крестьяне вносили в казначейство 20% суммы выкупа в рассрочку. Остальную сумму крестьяне получали от государства в качестве ссуды через своего помещика. Эту ссуду крес-

тьяне были обязаны погасить в течение 49 лет по 6 копеек с каждого рубля или 2,04% ссуды ежегодно.

Стоимость одной десятины земли в Тверской губернии до реформы 1861 года составляла *12 руб. 84 коп. за десятину.* К 1863 году цена одной десятины земли в губернии поднялась до 14 руб. 25 копеек. Помещики резко подняли цены на выкупаемые участки земли, по выкупной операции одна десятина земли стоила в разных уездах Тверской губернии *от 30 до 37,5 рублей.* В результате завышения цен на земельные наделы, передаваемые по выкупным операциям, некоторые крестьяне, вместо согласия на выкупную операцию, покупали землю на свои средства или арендовали ее по более низким ценам.

Таким образом, дав свободу многомиллионному российскому крестьянству, Манифест от 19 февраля 1861 года признал за благо не отрывать его от земли, наделив его этим правом посредством выкупа от помещиков при помощи правительства. До этого времени, барщина и оброк служили помещику средствами для его жизни и обогащения.

Для бывших помещичьих крестьян выкупные операции имели, хотя и дорогое, но большое значение. Обеспечив за ними навсегда в постоянное пользование усадебной и надельной землей, выкупная операция ограждала крестьян от потери оседлости, прикрепляя его к конкретной местности и конкретному участку земли.

В состав надела, причитающего крестьянину по Положению, включались только одни удобные земли. Не полагалось включать в крестьянский надел угодья, неспособные ни к пашне, ни к сенокошению: пески, болота, глинистые овраги, улицы, проезжие проулки, дороги и прогоны для скота.

К 1866 году по Тверской губернии в государственную казну было принято имущество 396 помещичьих имений, населенных 3912 душами временно-обязанных крестьян, с наделом земли площадью 16 тысяч десятин. Помещикам за выход крестьян из крепостного права выдали вознаграждение на общую сумму 552,3 тысячи рублей.

По Бежецкому уезду к тому времени были приняты в казну 32 имения с числом душ 307 человек, количеством земли 1321 десятина. Цена одной десятины земли составила 32 рубля. В течение 1865 года 18 малоземельным помещикам Бежецкого уезда в связи с выходом крестьян было выдано государственное пособие на общую сумму 974 рубля 91 копейка.

Уставные грамоты, составленные мировыми посредниками или добровольно помещиками вместе с крестьянами, проверялись съез-

дами мировых посредников и по крестьянским делам присутствиями. Некоторые уставные грамоты были подвергнуты изменениям в связи:

- найденной неверности в количестве надела вследствие проверочного измерения земли землемерами;
- с отрезкой от надела земли вследствие убыли из сельского общества 1/5 части душ;
- с ошибками в исчислении душ, подлежащих наделению землей;
- вследствие добровольных соглашений помещиков с крестьянами об увеличении, уменьшении или обмене земель, вошедших в крестьянский надел.

В течение 1865 года по Бежецкому уезду было изменено 20 уставных грамот, из них 2 по добровольным соглашениям крестьян с помещиками. За 1866 год по уезду было изменено 6 уставных грамот, из них по добровольным соглашениям ни одной.

За весь 1865 год на рассмотрение Тверского губернского по крестьянским делам присутствия из всех уездов поступило 518 выкупных сделок, из них 43 сделки по добровольным соглашениям крестьян с помещиками и 274 сделки – по объявлениям помещиков об обязательном выкупе земли. Всего с февраля 1861 года по 1 января 1867 года в губернское по крестьянским делам присутствие поступило 1954 сделки. По этим сделкам крестьянам в количестве 119,7 тысяч душ из 2,7 тысяч селений было предложено выкупить на основании уставных грамот и добровольных соглашений 575,2 тысячи десятин земли, в среднем по 4,8 десятины на одну ревизскую душу. На эти цели правительство предоставило пособие в сумме 14 млн рублей с последующим возмещением его крестьянами.

Что касалось исполнения крестьянами повинностей перед помещиками, то оклад их оброчной повинности к 1866 году составлял 2 млн рублей, из них недоимка на 1 января 1866 года составляла 105,2 тысячи рублей. По Бежецкому уезду сумма недоимки была 4,3 тысячи рублей, за весь 1865 год по уезду мировым посредникам поступило 73 жалобы от помещиков на несвоевременную уплату крестьянских оброков, за 1866 год – 40 таких жалоб. В связи с жалобами помещиков в течение 1865 года по Бежецкому уезду было составлено 60 описей крестьянского имущества за недоимку, из них совершили 10 продаж. За 1866 год по уезду составили 54 описи имущества крестьян за недоимку, совершили 12 продаж их имущества.

К 1868 году в Тверской губернии насчитывалось 1,3 млн крестьян, из них вышли из крепостной зависимости более 700 тысяч крестьян. Полностью выплатили к тому времени выкупные платежи и стали крестьянами-собственниками 124 тысячи душ мужского пола. Из них имели, к тому же, собственные земли 37,7 тысяч крестьян-домохозяев, общая площадь выкупленных ими земель составляла 272 тысячи десятин или в среднем по 7,2 десятины на одно домовладение. Кроме того, 33,4 тысячи крестьян-домохозяев имели в аренде землю общей площадью 142 тысячи десятин [11].

* * *

Таким образом, посредством выкупных операций бывшие крепостные крестьяне выкупали себе ***волю,*** то есть свободу от помещика, а также ***усдебную оседлость,*** то есть постоянное место проживания в конкретной деревне, вместе с домом, хозяйственными постройками и усадьбой в 40–50 соток.

Одновременно, в результате составления ***уставных грамот,*** сельские общины получали в свое распоряжение полевые наделы – пахотную землю и сенокосы, которые они распределяли между домовладельцами. Крестьяне могли лишь пользоваться этими наделами, не имея права на владение и распоряжение. Владение переданными сельским общинам полевыми земельными наделами до определенного времени оставалось за помещиками, а распоряжались ими сельские общины.

В газете А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 122–123 от 15 февраля 1862 года опубликован «Циркуляр министра внутренних дел начальникам губерний от 2 декабря 1861 года». В нем сообщалось, что из доходящих до министерства внутренних дел сведений о Положении крестьянского дела видно, что дальнейшему успешному ходу его, особенно в составлении уставных грамот, во многих местах препятствуют распространившиеся между крестьянами превратные толки и укоренившиеся в них ложные надежды.

Крестьяне ожидают новой воли, с объявлением которой по истечении двух лет они получат, будто бы, какие-то новые льготы, не указанные в Положении. От этих льгот, будто бы, будут устранены крестьяне, заключившие добровольные сделки с помещиками и подписавшие уставные грамоты.

Для прекращения таких ложных ожиданий министр внутренних дел просил начальников губерний сообщить всем мировым посредникам, чтобы они объявили о таковых отзывах волостным правлениям и разъясняли крестьянам о ложных слухах. Циркуляр опубликовать в «Губернских ведомостях» [12].

Не исключено, что эти слухи распространялись в связи с подготовкой реформы в отношении *государственных, дворцовых и удельных* крестьян, по которой они миновали период временно-обязанных крестьян, и через два года становились сразу же крестьянами-собственниками. В связи с проведением крестьянской реформы во всех помещичьих имениях не стало хватать рабочих рук. Многие мелкопоместные дворяне, имевшие до того по 200–300 десятин земли и по 50–60 крестьянских душ, стали разоряться, а их хозяйства пошли на нет.

Система сельского самоуправления

У всякой пташки свои замашки.

Система сельского самоуправления была определена во втором разделе ***«Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»,*** которым были образованы волости для бывших помещичьих, удельных и государственных крестьян, дано определение «сельского общества», а также основ сельского самоуправления.

Сельское общество составлялось из крестьян, водворенных на земле одного помещика. Оно могло состоять из целого селения, села или деревни, либо из одной части селения, относящегося к разным помещикам. Оно могло состоять из нескольких мелких, по возможности смежных, и, во всяком случае, ближайших между собою деревень, выселков, починков, хуторов, застенков, или отдельных дворов. Сельское общество пользовалось всеми угодьями, или некоторыми из них сообща, или же имело другие общие хозяйственные выгоды.

На мой взгляд, понятие «сельское общество» не всегда совпадало с понятием «сельская (деревенская) община». Например, Корельско-Кошевское сельское общество Бежецкого уезда Тверской губернии состояло из 13 карельских деревень. Но все важные дела жизни конкретной деревни решались на деревенских сходах жителями этой конкретной

деревни, не подключая жителей всего сельского общества. Сельская община одной деревни сама распределяла пастбища, сенокосы, неудобья, выделяла участки при семейных разделах. Деревенский староста сам собирал налоги и сборы, передавая их старосте сельского общества. Возможно, что это было исключение из общих правил, но они существовали во всех сельских обществах, образованных из нескольких деревень.

Сельский сход собирался из крестьян-домохозяев, принадлежавших к составу сельского общества, и, кроме того, из всех назначенных по выбору сельских должностных лиц. Не воспрещалось домохозяину, в случае отлучки, болезни и вообще невозможности лично явиться на сход, присылать вместо себя кого-либо из членов своего семейства. Сельский сход созывался, смотря по надобности, старостою, преимущественно в дни воскресные или праздничные. Мировой посредник, когда возникала необходимость, приказывал старосте собрать сельский сход. Право это предоставлялось и помещику, если он признавал нужным собрать сход.

Ведению сельского схода подлежали рассмотрение вопросов:

1) выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход;
2) приговоры об удалении из общества вредных и порочных членов его; временное устранение крестьян от участия в сходах не долее как на три года;
3) увольнение из общества членов его и прием новых;
4) назначение опекунов и попечителей, проверка их действий;
5) разрешение семейных разделов;
6) дела, относящиеся до общинного пользования мирскою землею, как-то передел земель, накладка и скидка тягол, окончательный раздел общинных земель на постоянные участки;
7) при участковом или подворном (наследственном) пользовании землею, распоряжение участками мирской земли;
8) совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте;
9) принесение, куда следует, жалоб и просьб, по делам общества, через особых выборных;
10) назначение сборов на мирские расходы;
11) раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских

натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным податям и сборам;

12) учет должностных лиц, сельским обществом избранных, и назначение им жалованья или иного за службу вознаграждения;
13) дела по отбыванию рекрутской повинности, в той степени, по какой они касаются сельского общества;
14) раскладка оброка и рабочей повинности по тяглам, по душам, или иным принятым способом, там, где повинности, в пользу помещика, отбываются за круговою порукою целого общества;
15) принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок;
16) назначение ссуд из запасных сельских магазинов и всякого рода другой помощи.

Решения сельских сходов признавались законными тогда только, когда на сходах были: сельский староста, или заступающий его место, и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах, и когда они относились к предметам ведения сельского схода. Все дела на сельском сходе решались или с общего согласия, или большинством голосов. За каждым крестьянином, который участвовал в сходе, считался один голос.

Дела решались на сходах по приговору тех крестьян, на стороне которых, по счету, оказывалось хотя бы одним голосом более половины всех участвовавших в сходе; если же сход разделялся на две половины, равные по числу голосов, то большинство считалось на той стороне, с которою соглашался староста.

По общественным делам ***сельский староста*** исполнял, в пределах ведомства сельского общественного управления, следующие обязанности:

1) созывал и распускал сельский сход и охранял на нем должный порядок;
2) предлагал на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз сельского общества;
3) приводил в исполнение приговоры сельского схода, распоряжения волостного управления и мировых учреждений;
4) наблюдал за целостью меж и межевых знаков, на землях, в пользовании крестьян находящихся, или принадлежавших им в собственность;
5) наблюдал за исправным содержанием дорог, мостов, гатей, перевозов на землях, отведенных сельскому обществу в надел или приобретенных крестьянами в собственность;

6) наблюдал за исправным отбыванием крестьянами податей и всякого рода повинностей как казенных, земских и мирских, так оброка или трудовой повинности в пользу помещика, и собирал подати и оброки в тех обществах, где не было особых сборщиков;
7) понуждал к исполнению условий и договоров крестьян между собою, а равно заключенных с помещиками и посторонними лицами, когда такие договоры не оспаривались самими крестьянами;
8) надзирал за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, если они были учреждены сельским обществом за свой собственный счет;
9) наблюдал за своевременным составлением ревизских сказок и подавал их, куда следует;
10) по просьбам крестьян о выдаче им установленных билетов и паспортов на отлучку, или об увольнении вовсе из общества, давал волостному старшине надлежащее удостоверение в том, что к увольнению означенных крестьян препятствия нет;
11) заведовал, в порядке, установленном обществом, мирским хозяйством и мирскими суммами; надзирал за целостностью запасного общественного хлеба и за правильным распоряжением им.

Сельский староста беспрекословно исполнял все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей, по предметам их ведомства. Ему предоставлялось право, за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными, подвергать виновных назначению на общественные работы до двух дней, или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту, не более двух дней. Кто считал себя неправильно подвергнутым взысканию, мог принести жалобу, в семидневный срок, мировому посреднику.

Волости, как низшие административно-территориальные единицы, образовывались из состоящих в одном уезде и, по возможности, смежных, сельских обществ. При соединении в волости сельские общества не раздроблялись. Для волости полагалось наименьшее число жителей – около *трехсот ревизских мужеского пола душ,* а наибольшее – *около двух тысяч.* Наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления волостью полагается около *двенадцати верст.*

При образовании волостей, принималось во внимание существовавшее разделение на приходы, то есть из каждого прихода образовывалась волость, если только приход соответствовал условиям положения. При малочисленности прихода, соединялись в одну волость два или несколько приходов, но при этом приходы не раздроблялись.

Сельское общественное управление составляли сельский сход и сельский староста. Кроме того, общества, которые находили необходимым, могли иметь: особых сборщиков податей; смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц; лесных и полевых сторожей; сельских писарей. Сельские общества являлись коллективными владельцами земель общего пользования – улиц, проездов и прогонов, выгонов, общественных лесов, сенокосов, пастбищ и неудобий.

Волостное управление составляли волостной сход, волостной старшина с волостным правлением, волостной крестьянский суд. Местом сбора волостного схода и пребывания волостного правления и суда назначалось:

- когда волость состояла из одного прихода, – преимущественно, то селение, в котором находится приходская церковь;
- в других же случаях – селение, находящееся в средине волости, либо отличающееся своею многолюдностью, или особым торговым и промышленным значением.

Волостной сход собирался из сельских и волостных должностных лиц, замещаемых по выбору, и из крестьян, избираемых от каждого селения или поселка, к волости принадлежащего, *по одному от каждых десяти дворов,* как пользующихся землею за повинности, так и приобретших участки в собственность. От поселка, выселка, хутора, починка, застенка, и прочих селений, где менее десяти дворов, посылали на волостной сход по одному выборному.

Ведению волостного схода подлежали:

1) выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда;
2) постановление обо всех вопросах, относившихся к хозяйственным и общественным делам целой волости;
3) меры общественного призрения; учреждение волостных училищ; распоряжения по волостным запасным магазинам, где они были;
4) принесение, куда следует, жалоб и просьб, по делам волости, через особых выборных;
5) назначение и раскладка мирских сборов и повинностей, относившихся к целой волости;

6) проверка действий и учет должностных лиц, волостью избираемых;
7) поверка рекрутских списков и раскладка рекрутской повинности;
8) дача доверенностей на хождение по делам волости.

Решения волостного схода признавались действительными, когда на сходе были: волостной старшина, или заступающий его место, и не менее двух третей крестьян, имеющих право голоса на сходе. Все дела на волостном сходе решались по общему согласию или по большинству голосов. Законными приговоры схода признавались только тогда, когда они относились исключительно к предметам ведомства волостного схода. Приговоры записывались в книгу по делам особой важности и тогда, когда приговор должен действовать на долгое время, а также в том случае, когда этого требовал сход.

Волостной старшина отвечал за сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости. В этом отношении ему подчинялись сельские старосты. Ведомству волостного старшины подлежали сельские общества, относящиеся к волости, и лица, состоящие в ведении сельского управления тех обществ, а равно приписанные к волости дворовые люди.

Волостной старшина по делам общественным, был обязан в пределах ведомства волостного управления:

1) созывать и распускать волостной сход, и охранять должный на нем порядок;
2) предлагать на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и пользы волостного общества;
3) приводить в исполнение приговоры волостного схода, постановленные на основании законов и установленных правил;
4) наблюдать за исправным содержанием в волости дорог, мостов, гатей, перевозов;
5) наблюдать, как за сельскими старостами, так и за другими должностными лицами, чтобы каждый из них исполнял в точности свои обязанности;
6) наблюдать за исправным отправлением обществами всякого рода казенных и земских повинностей, как денежных, так и натуральных, а равно и рекрутской повинностью;
7) заведовать волостными мирскими суммами и волостными мирскими имуществами, являясь ответственным за их целостность и правильное употребление;

8) крестьянам и дворовым людям, приписанным к волости, выдавать, с соблюдением установленного порядка, свидетельства, как для получения теми крестьянами и дворовыми паспортов и билетов на отлучки, так и для перехода их в другие общества и сословия;
9) надзирать за порядком в училищах, больницах, богадельнях и всякого рода общественных заведениях, если они были учреждены волостным обществом на свой собственный счет;
10) вести списки дворовым людям, приписанным к волости, и получать с них установленный сбор, для внесения куда следует.

Волостной старшина был обязан исполнять беспрекословно все законные требования мирового посредника, судебного следователя, земской полиции и всех установленных властей, по предметам их ведомства.

Волостное правление состояло из старшины, всех сельских старост или помощников старшины, и из сборщиков податей, там, где были особые сборщики. Волостное правление собиралось, по возможности и удобству, в воскресные дни, а в случае предписания начальства, или дел, не терпящих отлагательства, и в другие дни.

Решению правления, единогласному или по большинству голосов наличных членов, подлежали следующие дела:

1) производство, из волостных сумм, всякого рода денежных расходов, утвержденных уже волостным сходом;
2) продажа частного крестьянского имущества, по взысканиям казны, помещика, или частного лица, кроме тех случаев, которые по закону возлагались на общую полицию;
3) определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму. Старшина, по всем другим делам его ведомства, только советовался с правлением, но распоряжался по своему усмотрению, под личною своею ответственностью.

Для составления ***волостного суда*** ежегодно избирались волостным сходом (или сельским, если волость состояла из одного сельского общества) *от четырех до двенадцати очередных судей.* Определение числа выборных и установление между ними очереди предоставлялось сходу на следующих основаниях:

1) присутствие суда должно состоять не менее, как из трех судей;
2) судьи могли быть избраны, или для бессменного, в течение целого года, отправления своей должности, или для отправления ее по очереди, заранее определенной;

3) в последнем случае, из избранных в числе от 4 до 12 судей, должны выбывать, в назначенные сроки (как например: через два, четыре, или шесть месяцев), не более половины, и затем выбывшие замещались другими избранными судьями, по очереди.

Волостной суд собирался через каждые две недели, по возможности и удобству, по воскресеньям; в случае же нужды созывался волостным старшиною в другие дни и чаще.

В должности волостного старшины, помощников его и сельских старост избиралось по два лица, с тем, что одно из них назначалось для отправления должности, а другое для временного замещения его места, в случае отсутствия, смерти, тяжкой болезни, устранения от должности и других случаях.

Избранный обществом на какую-либо должность не имел права от нее отказаться, за исключением только следующих случаев:

1) если ему более шестидесяти лет;
2) если он уже прослужил, по выбору, полный срок;
3) если он одержим сильными телесными недугами.

Волостной старшина утверждался в должности мировым посредником и приводился им к присяге на верность службы. Об утверждении его мировой посредник сообщал становому приставу.

Волостные старшины, сельские старосты и помощники старшины, в случае неисправного отправления ими должностей, или замеченных с их стороны злоупотреблений, окончательно удалялись от должности, не иначе, как по постановлению уездного мирового съезда. Постановления съезда об окончательном отрешении от должности волостных старшин представлялись на утверждение начальника губернии.

По причинам, особенно уважительным, мировой посредник мог, впредь до получения разрешения мирового съезда, временно удалять этих лиц от должности. Он мог также, своею властью, сменить старосту и назначить нового, если помещик требовал этого [13].

Волостной писарь также назначался мировым посредником, а позднее – земским участковым начальником, срок его полномочий был неограничен. Должность волостного писаря в сельской местности была доходной, туда стремились попасть грамотные дети духовенства, крестьян и даже малоземельных дворян. В обязанности волостного писаря входило ведение всего делопроизводства волостного управления и волостного суда. Он вел протоколы волостных сходов, давал

ответы на прошения и жалобы, составлял письма, готовил отчеты и справки об урожае, скоте, численности населения, о взыскании податей и платежей, о положении хлебозапасных магазинов.

Порою, крестьяне ставили волостного писаря в положение наравне с волостным старшиной, так как он помогал им составлять прошения, жалобы, письма, купчие, закладные и другие документы. Были случаи, что в волостном правлении единственным грамотным служащим был писарь. Нередко волостному писарю давали помощника, которого называли *писец.*

В 1880-х годах годовое жалованье должностных лиц сельского самоуправления было следующим:

- волостной старшина – 500–600 рублей;
- помощник волостного старшины – 150–200 рублей;
- волостной судья – 60 рублей;
- волостной писарь – 400 рублей и дополнительно до 100 рублей за помощь в составлении документов крестьянам;
- помощник писаря (писец) – 100 рублей;
- гласный уездного земства – 50 рублей.

Жалованье всем этим лицам выплачивалось за счет мирских сборов с крестьян конкретной волости, у которых тогда в нашей местности одна десятина земли давала доход 5 рублей, а с надела в 10 десятин они получали доход в 50 рублей. Дополнительные деньги получали за счет продажи скота и отходничества.

* * *

В 1886 году был принят закон о семейных разделах, до того времени законов о семейных разделах не было, считая их вредными для сельского общества и государства. Семейные разделы ухудшали положение крепкого большого хозяйства с несколькими работниками и лошадьми. Правительство считало семейные разделы вредными и пыталось препятствовать им, полагая, что многорабочая семья всегда более благополучна. Здесь один работник заменял другого, одна лошадь заменяла другую, дело никогда не останавливалось. Одно дело, когда в семье три брата и три лошади, и другое дело, когда они разделились. У каждого брата оставалось по одной лошади – заболеет он сам или лошадь, и помощи ждать неоткуда.

В то же время многие земские начальники писали в докладных записках, что если к нему пришли делиться отец с сыном или два брата, надо полагать, что они уже разделились, и хлеб едят порознь, каждый свой. Ни уговорами, ни административными мерами их не заставить объединиться в одну семью.

По Положению 1861 года решение вопросов о семейных разделах могли решать сельские сходы. Полагали, что сельские сходы не очень-то пойдут на семейные разделы, так как именно сельскому обществу приходилось отвечать за долги захудалых хозяйств. К 1886 году только 12,8% семейных разделов было разрешено сходами, остальные семьи делились самостоятельно без решения схода.

Согласно закону о семейных разделах, принятому 18 марта 1886 года:

1. Семейство, желающее разделиться на самостоятельные хозяйства, было обязано заявить об этом сельскому сходу.
2. При рассмотрении заявления сход проверял, получил ли крестьянин согласие родителей или старшего члена семьи, при отсутствии которого заявление не рассматривалось.
3. При рассмотрении заявления сход обсуждал:
   - повод к разделению семьи;
   - способность отделяющихся членов семьи к самостоятельному ведению хозяйства;
   - позволяла ли площадь усадьбы произвести раздел для устройства новой усадьбы. Если не позволяла, то была ли возможность выделить участок под усадьбу отделяющихся членов семьи из мирской усадебной или полевой земли;
   - будет ли исправное поступление числящихся на семье недоимок, текущих окладов по податям и сборам.
4. Сход решал вопросы о разделе только земельных наделов, он не касался купленных домохозяевами усадебных, полевых и других участков земли, а также имущества крестьян.

Закон от 8 июня 1893 года «О земельных переделах» ограничил проведение общих переделов земли не чаще, чем через 12 лет.

Другой закон от 14 декабря 1893 года «О выкупе, отчуждении и обременении кредитом крестьянской земли» запретил крестьянам закладывать надельные земли при получении кредитов и в других случаях. По этому закону продажа надельной земли целыми сельскими обществами допускалась не иначе, как на основании мирского приговора, постановленного с согласия не менее 2/3 всех крестьян,

имеющих голос на сходе, и утвержденного Губернским по крестьянским делам Присутствием. Если стоимость отчуждаемого участка превышала 500 рублей, то для продажи его требовалось, кроме всего, разрешение министра внутренних дел.

Участки надельной земли, приобретенными крестьянами, могли быть отчуждены посредством дарения или проданы, как добровольно, так и с торгов за недоимки в выкупных платежах, только лицам, приписанным к сельскому обществу. Сдавать наделенную землю в аренду, по этому закону, можно было только членам своей сельской общины.

После смерти императора Александра III и вступления на престол в 1894 году Николая II начались бурные дебаты по этому закону, были запрошены мнения губернаторов.

По мнению крестьян, и я полагаю, что это мнение было юридически обоснованным, после выплаты выкупных платежей, как усадьбы, так и полевые наделы становились их личной собственностью, так как выкуп крестьянин платил за усадебную оседлость вкупе с одним полевым наделом.

Однако некоторые губернаторы и члены правительства стали считать, что крестьянам после выплаты ими выкупных платежей в собственности принадлежит только усадебная оседлость вместе с усадебным участком земли. Все полевые наделы, луга, выгоны, участки леса и неудобья принадлежат государству и переданы в пользование сельским обществам.

Учитывая, что в 1861–1865 годах уставные грамоты были составлены, в основном, с сельскими общинами, другие губернаторы и члены правительства считали, что перечисленные участки земли являются собственностью сельских обществ после выплаты всех выкупных платежей.

Многие губернаторы поддерживали положения закона от 14 декабря 1893 года, дозволяющего выкуп общинной собственности отдельным членам общины для обращения его в личную собственность.

Другие губернаторы считали иначе, так тверской губернатор П.Д. Ахлестышев в своей записке по поводу совещания по этому вопросу писал, что его «глубокое убеждение в том, *чтобы полностью отменить право крестьян выкупать надельную землю,* так как это ведет к индивидуализации собственности. Это право парализует общинное

начало, так как выкупленный участок уже не составляет предмета общественного распоряжения. Выкупленный участок легко может перейти в посторонние руки не членов сельской общины.

Если совещание считает общинную форму землевладения единственною, которая может спасти наше крестьянское население от пролетариата, то непоследовательно оставлять условие, которое может вести к разрушению общины. Если рассматривать этот вопрос с точки зрения государственных задач, то личной собственности крестьян на надельную землю быть не может. Хотя вначале государство и стало по отношению к крестьянам в положение заимодавца, у которого крестьяне выкупали, будто бы, свою собственность, но эти отношения уже давно видоизменились. *В настоящее время выкупные платежи составляют не более и не менее, как поземельные налоги.*

Таким образом, надельная земля крестьян могла бы считаться собственностью государства, предоставляющего лишь общине право вечного пользования землею. На этом основании, в последнее время правительство в целом ряде мероприятий указало на то, что государство не отказывается от своего права собственности, и решило его сохранить за собою в интересах последующих поколений земледельческого сословия» [14].

Эти высказывания противоречили духу и букве Манифеста от 19 февраля 1861 года в отношении помещичьих крестьян, и Положения от 26 июня 1863 года в отношении государственных, удельных и дворцовых крестьян, вели к их явному обману.

Государственный контроль над ходом крестьянской реформы

Не пеки на всех калачей, каждому не угодить.

С целью государственного контроля для регулирования отношений между помещиками и сельскими обществами сначала были назначены ***мировые посредники.*** Они избирались в уездах из дворянства, и в совокупности составляли уездные мировые съезды. По Положению на должность мирового посредника избирались местные потомственные дворяне, имевшие не менее 500 десятин земли, или не

менее 150 десятин, если они окончили курс наук в учебных заведениях с правом на чин, не ниже 12-го класса.

Из 49 установленных в Тверской губернии участков первыми мировыми посредниками в апреле-мае 1861 года были назначены:

- А.И. Европеус, А.Н. Неведомский и М.И. Хилков в Бежецком уезде;
- П.А. Глазенап в Вышневолоцком уезде;
- Б.В. Костылев и М.А. Измайлов в Старицком уезде;
- М.А. Милорадович и Н.А. Юрьев в Калязинском уезде.

Мировые посредники составляли уставные грамоты, определяли наделы и повинности крестьян, отводили сенокосные угодья и разрешали споры между помещиками и крестьянами, в том числе:

1. Споры, жалобы и недоразумения между помещиками и временно-обязанными крестьянами или дворовыми людьми, возникающие из обязательных их отношений.
2. Жалобы крестьян и крестьянских обществ на волостные сходы, на сельские и волостные должностные лица.
3. Засвидетельствовали акты, совершаемые помещиками с временно-обязанными крестьянами и дворовыми людьми, в том числе: удостоверение в правильности составления добровольных условий, заключаемых между помещиками и временно-обязанными крестьянами. Об отпуске крестьянам топлива и определении платы за него и другие заключаемые соглашения.
4. Проведение распорядительных действий по крестьянским делам, особо поименованных в «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Право выбора мировых посредников предоставлялось начальнику губернии по спискам, составленным уездным предводителем дворянства из всех помещиков, отвечающих требованиям, указанным в «Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» и представленных предварительно на рассмотрение уездному дворянскому собранию. Утверждать же в должности мирового посредника мог только Сенат, равно, как и в дальнейшем, снимать его с должности.

Таким образом, мировой посредник был фигурой, некоторым образом независимой от губернской администрации, что давало ему возможность принимать решения и распоряжаться в своем мировом участке по своему усмотрению.

Особое внимание мировые посредники уделяли составление уставных грамот между помещиками и сельскими обществами, между помещиками и отдельными временнообязанными крестьянами.

Уставная грамота являлась главным документом, заключенным между помещиками и сельскими обществами или отдельными крестьянами, и определявшим их новые отношения. Уставная грамота включала подробные сведения о земельных угодьях и повинностях крестьян по последней ревизии, о величине наделов, их расположении после прекращения крепостных отношений, о пользовании крестьянами пастбищами, выгонами, водопоями, сенокосами, лесами, принадлежавшими ранее помещикам.

Уставная грамота определяла условия выкупа земли и порядок выполнения временно-обязанными крестьянами повинностей (барщины или оброка) до полного завершения выкупной операции. Уставные грамоты обсуждались на мирском сходе и подписывались уполномоченными крестьянской общины и помещика при участии мирового посредника. К уставным грамотам прилагались акты, планы земель и угодий, приговоры и протоколы сельских сходов, и другие документы.

Подписание уставных грамот завершилось к середине 1863 года, а в отношениях удельных крестьян – к середине 1865 года. Крепостнические отношения были на этом этапе прекращены. Но бывшие помещичьи крестьяне оставались еще *временно-обязанными* и должны были отбывать определенные законом повинности (барщину или оброк) до полного завершения операции по выкупу земли.

При составлении уставных грамот мировые посредники оказались в довольно сложной ситуации, пытаясь применять на практике положения 1861 года. И крестьяне, и помещики нередко выражали свое недовольство действиями мировых посредников. Обе стороны считали, что ущемляются именно их права. Помещики упрекали мировых посредников в «неправильных действиях» при составлении, утверждении и введении уставных грамот, посылая жалобы губернские инстанции.

Не нужно путать мировых посредников с мировыми судьями, которые являлись частью судебной реформы 1864 года, а не крестьянской реформы 1861 года.

В декабре 1866 года Тверское губернское земство на своем собрании активно и серьезно обсуждало вопрос об упразднении должности мировых посредников с возложением их обязанностей на уездных

предводителей дворянства. Для изучения этого вопроса создали временную комиссию во главе с гласным из Бежецкого уезда Н.А. Чаплиным. Заслушав доклад комиссии, решили оставить должности мировых посредников с предоставлением права уездным земским собраниям самим определять число участков, исходя из надобности.

Деятельность мировых посредников в центральных губерниях России прекратилась в 1874 году, их заменили ***уездные по крестьянским делам присутствия.*** Они были образованы на основании положения *от 27 июня 1874 года* в составе *уездного предводителя дворянства, члена присутствия, уездного исправника, председателя уездной земской управы и одного из почетных мировых судей.* На смену единоличной власти мировых посредников пришли коллегиальные учреждения – уездные по крестьянским делам присутствия. Уездный предводитель дворянства выступал в качестве председателя по крестьянским делам присутствия.

Новое положение в значительной степени разрешало прямое вмешательство администрации в дела крестьянского самоуправления путем составления так называемых «инструкций для руководства» волостным и сельским обществам. Несмотря на то, что эти инструкции носили рекомендательный характер, на практике они приобретали силу закона, так как общественное самоуправление крестьян было в зависимости от присутствий по крестьянским делам, обладавших правом наложения дисциплинарных взысканий на крестьянских должностных лиц, вплоть до предания суду и удаления от должности [15].

Эти, на первый взгляд более демократические органы местного самоуправления, оказались бюрократическими, требовалась их замена. Формализм и бюрократизм уездных по крестьянским делам присутствий можно подтвердить следующими примерами.

* * *

Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие рассмотрело прошение крестьянина деревни Рыльково Алексея Спиридонова, который 6 мая 1875 года указал, что он совершенно слепой. В 1867 году у него сгорела изба с надворными строениями, в том же году волки съели лошадь, сам он долго болел. Поэтому он был вынужден добровольно передать участок земли на полдуши в Холмовское сельское общество Бокаревской волости. По причине слепоты, он пришел в крайнюю бед-

ность, и не в состоянии прокормить трех своих малолетних детей без помощи земельного надела. Он просил вернуть ему земельный надел, но приговором Холмского сельского общества в возврате земли ему отказано, поэтому он вторично обратился с прошением.

Непременный член присутствия А.С. Паскин поручил Бокаревскому волостному старшине Григорию Румянцеву взять объяснение у крестьян Холмовского сельского общества. Те пояснили, что Алексей Спиридонов сам вернул обществу свой участок.

Изучив все материалы, непременный член присутствия Паскин, не направил их на рассмотрение Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствие, а возвратил их 28 июля 1875 года Бокаревскому волостному старшине Григорию Румянцеву без принятия какого-либо решения [16].

8 июня 1878 года сельское общество крестьян деревни Поцеп Бокаревской волости обратилось с прошением в Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие. В прошении крестьяне деревни Поцеп указали, что они имеют одну уставную грамоту с крестьянами деревни Шейно и один план на поземельный надел, которые составлены во время измерения и размежевания всех надельных участков по их удельному ведомству в 1865 году. Поэтому граница от деревни Шейно не была размежевана.

В деревне Поцеп много меньше земли, чем в деревне Шейно, кроме того, под удельное ведомство у них отрезали больше земли, чем у крестьян деревни Шейно. Это заставило их просить землемера проверить все участки крестьян, и разложить их по ревизским душам согласно уставной грамоте, но шейновские крестьяне на это не согласились. Прибывший удельный землемер определил, что в Поцепе 40 ревизских душ, в Шейне 20 ревизских душ, а всей собственной земли на две деревни 331 десятина 2010 саженей. Из нее крестьяне деревни Шейно владеют почти половиной, а следовать им должна всего 1/3 часть земли.

Выкупных платежей и поземельного сбора крестьяне деревни Поцеп платят 2/3, а деревни Шейно – 1/3 от общей суммы. Крестьяне деревни Поцеп излишне выкупают и платят за 36 десятин 2250 саженей земли, которой владеют даром крестьяне Шейно уже 13 лет. Ежегодно снимают там хлеб и покосы, в 1878 году одна половина этого участка засеяна яровым ячменем, а другая половина под выгоном скота.

Крестьяне деревни Поцеп просили Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие получить в Бокаревском волостном правлении

копии уставной грамоты, план поземельного надела и утвердить новую границу между деревнями Поцеп и Шейно по прилагаемому к прошению чертежу, составленному удельным землемером. За всех неграмотных крестьян деревни Поцеп расписался Арсений Гаврилов [17].

Непременный член Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия А.С. Паскин запросил мнение крестьян деревни Шейно. Так как они не желали проводить сход по этому вопросу, 22 августа 1878 года вопрос о разделе земли между крестьянами деревень Шейно и Поцеп рассматривали на сельском сходе Корельско-Кошевского сельского общества, состоявшего из 13 карельских деревень. Приняли единогласное решение: сделать уравнение земли в обоих имениях по числу дворов, на что обе стороны селений Поцеп и Шейно изъявили полное согласие [18].

Через день, 24 августа, крестьяне деревни Шейно по общему согласию с крестьянами деревни Поцеп составили приговор о том, чтобы уравнять земли обеих деревень, так как по плану и уставной грамоте не было обозначено количество земли на каждую деревню. Этот приговор Бокаревский волостной старшина представит непременному члену Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия, чтобы уравнять земли и чтобы было без обиды, как для деревни Шейно, так и крестьян деревни Поцеп.

Этот приговор вместе с другими документами 18 января 1879 года рассмотрело Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие в составе председателя Н.А. Чаплина, членов за уездного исправника помощника А.П. Бельского и непременного члена А.С. Паскина. Решения принято не было, они направили документы в волость для составления повторного приговора, так как не были указаны конкретные участки земли в количестве 39 десятин, которые надо передать крестьянам деревни Поцеп.

Через два месяца, 18 марта, присутствие в том же составе второй раз рассмотрело дело о разделе земли между крестьянами деревень Шейно и Поцеп. В своем заключении А.С. Паскин предложил уравнять земельные наделы, но весь вопрос, по его мнению, состоял в том, как уравнять, если участками, то какими именно. По мнению Паскина, приговоры сельского общества по этому вопросу надо признать не имеющими значения по неопределенности решения. Уездное присутствие согласилось с заключением А.С. Паскина, что приговор сельского схода составлен неправильно.

Корельско-Кошевское сельское общество составило новый приговор 10 ноября 1879 года, с указанием конкретных участков земли, которые

необходимо передать от крестьян деревни Шейно крестьянам деревни Поцеп. Сельский сход деревни Шейно не согласился с передачей этих конкретных участков земли, нанял доверенное лицо для ведения дела грамотного крестьянина из деревни Калиниха Кузьму Семенова [19].

Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие в том же составе третий раз рассмотрело это дело, и своим решением от 18 марта 1880 года утвердило приговор крестьян деревни Поцеп о разделе земли с крестьянами деревни Шейно. В решение было указано, что оно может быть обжаловано в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие в 30-дневный срок.

Доверенное лицо крестьян деревни Шейно Кузьма Семенов обжаловал это решение, жалоба была рассмотрена в Твери 11 июня 1880 года, губернское присутствие запросило дополнительные объяснения по делу. Повторно Тверское губернское присутствие рассмотрело дело 17 июля 1880 года и оставило жалобу доверенного лица от крестьян деревни Шейно Кузьмы Семенова без последствий. Переписка Кузьмы Семенова с Тверским губернским по крестьянским делам присутствием длилась вплоть до 21 января 1883 года [20].

Нужно отметить, что крестьяне этой деревни имели мало земли, так как Поцеп с трех сторон окружали барские усадьбы и поля. С востока в 300 метрах начинались поля старшины Новской волости Василия Иванова, с юга вплотную к деревне подходили поля помещика деревни Слепнево Львова, с запада – владения помещицы деревни Ханино Шатуновой.

Можно было расширять поля лишь на север в сторону деревни Петряйцево, отвоевывая участки земли у кустарника и мелколесья, которые еще оставались, но в 1863 году удельным крестьянам это было запрещено. Поэтому участок земли между этими деревнями шириной около 300 метров и длиной более полукилометра так и не был отвоеван у мелколесья и кустарников.

Это дело о разделе земли между крестьянами деревень – показатель бездушия, умелого словоблудия, волокиты дворянского чиновничества, его высокомерного пренебрежительного отношения к крестьянству. Ошибка, совершенная мировым посредником С.Н. Бешенцевым в 1865 году, была исправлена лишь через 17,5 лет, из них 4,5 года дело волокитило Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие. Все эти годы крестьяне деревни Поцеп из своих скудных средств, платили излишки выкупных платежей и поземельного налога.

Эта ошибка, совершенная мировым посредником вместе с представителем удельной конторы в 1865 году, стала возможной в результате безграмотности карел и незнания им русского языка. Мировой посредник зачитывал им текст соглашения на русском языке, без переводчика, те согласно кивали головой, а потом 17,5 лет платили излишние выкупные платежи и поземельный налог.

В то время как одни дворяне готовы были защищать права крестьян, невзирая на свои отставки и аресты, то другие использовали должности для своего карьерного роста. Если дворянин мызы Подобино Александр Николаевич Неведомский отсидел некоторый срок в Петропавловской крепости за защиту прав крестьян, то другой дворянин А.С. Паскин (1846–1914 гг.), допуская волокиту дел, умея красиво говорить, сделал для себя успешную карьеру.

Владея имением Шишково-Дуброво Бежецкого уезда, он начинал с должности мирового посредника, затем – непременного члена Бежецкого уездного по крестьянским делам присутствия. В дальнейшем дослужился до председателя Тверской губернской управы и Тверского губернского предводителя дворянства. В 1907 году был избран депутатом III Государственной Думы от Тверской губернии, с 1911 по 1914 годы – Тверским губернским предводителем дворянства.

* * *

Законом *от 12 июня 1889 года* учредили ***земских участковых начальников*** вместо коллегиальных органов – уездных по крестьянским делам присутствия. Земские участковые начальники объединили в своих руках административную и судебную власть на уровне волостей. Каждый уезд разделялся на земские участки, например, Бежецкий уезд Тверской губернии был разделен на 9 участков. Уездные города в состав земских участков не входили.

Введение института земских участковых начальников, в отличие от прочих структур, коснулось только деревни, так как было обращено внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей империи. Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключалась в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти. Эта власть соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с

заботами по завершении крестьянского дела, и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях.

На должность земских участковых начальников назначались лица, прослужившие в губернии не менее 3 лет в должности предводителя дворянства, а также местные потомственные дворяне, имевшие не менее 25 лет от роду и окончившие курс обучения в одном из высших учебных заведений империи. Также на эту должность назначали дворян, прослуживших в губернии не менее 3 лет мировым посредником, мировым судьей или непременным членом присутствия по крестьянским делам. При этом каждый назначаемый кандидат должен владеть сам, жена или родители в пределах уезда на праве собственности участком земли, не менее половины того, которое было определено для непосредственного участия в избрании гласным в уездное земское собрание, или не менее 125 десятин. Или владеть другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земских сборов не ниже 7,5 тысяч рублей.

На земских участковых начальников возлагалось исполнение всех обязанностей, которые ранее исполняли мировые посредники, с некоторыми дополнениями. Они осуществляли надзор за всеми решениями крестьянского общественного управления. Во время отсутствия уездного исправника или станового пристава земский участковый начальник надзирал за действиями волостных старшин и сельских старост по охране безопасности и общественного порядка.

Земские участковые начальники по-прежнему контролировали деятельность органов местного самоуправления, следили за поступлением оброчных и выкупных платежей. Земский участковый начальник должен был жить в пределах одной из волостей, входивших в его участок, и принимать все просьбы, как устные, так и письменные в любое время. Он был обязан принимать крестьян на местах, чаще всего, в помещениях волостных правлений. Земский участковый начальник имел право:

1. Рассматривать все приговоры, составленные крестьянскими сельскими обществами его участка, а также приговоры волостных судов.
2. Оставлять эти приговоры в силе или приостанавливать их исполнение до рассмотрения дела уездным съездом, если найдет, что приговор противоречит закону или не выгоден для сельского общества.

3. Ему подчинялись все должностные лица крестьянского самоуправления от волостного старшины до ночного сторожа.
4. Он имел право налагать взыскания на нарушителей.
5. Ему принадлежал надзор за мирскими капиталами, опекою, хозяйственным благоустройством поселений и нравственностью крестьянства.

Земскому участковому начальнику подчинялись все крестьянские сходы, волостной суд, волостное правление, опека, мирские капиталы, хлебо-запасные магазины. Земские участковые начальники имели не только административные, но и судебные полномочия.

Земский участковый начальник разбирал гражданские дела между дворянами, духовенством, почетными гражданами, а также дела о спорах между этими лицами и лицами, подсудными волостному суду. Например, если украл вещь один мужик и другого – дело рассматривал волостной суд, а если вещь мужик украл у дворянина, его уже судил земский участковый начальник.

Земский участковый начальник имел право рассматривать гражданские дела по искам по найму земельных угодий на сумму, не свыше 500 рублей, а также дела по искам, возникавшим на основании договорных обязательств на сумму не свыше 300 рублей. Он также рассматривал уголовные дела по всем преступлениям и проступкам, по которым закон предусматривал наказание в виде штрафа, не более 300 рублей, или тюремного заключения на срок не более одного года. Его решения могли обжаловать в уездный съезд [21].

Должности земских участковых начальников были ликвидированы в 1917 году.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях

У кого деньги, у того и власть.

Ко времени проведения крестьянской реформы все население России официально делилось на 5 сословий: дворянство, духовенство, крестьянство, городские обыватели и казачество. Самым большим сословием по численности было крестьянство, оно составляло 87,4%

всего населения, казачество – 6%, городские обыватели – 4,6%, дворянство – 1,1% и духовенство – 0,9%.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было утверждено указом императораАлександра II от 1 января 1864 года. В нем говорилось, что для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда, образуются губернские и уездные земские учреждения, состав и порядок действия которых определялись настоящим положением.

Земские учреждения в губернии или уезде по своей принадлежности вели следующие дела:

1. Контроль над сбором губернских и земских податей, заведывание имуществами, капиталами и денежными сборами земства.
2. Устройство и содержание принадлежащих земству зданий, других сооружений и путей сообщения, содержимых на счет земства.
3. Меры обеспечения народного продовольствия, контроль над сельскими хлебозапасными магазинами.
4. Заведывание земскими благотворительными и прочими мерами призрения, содержание подкидышей, сирот, неизлечимых больных и умалишенных.
5. Управление делами взаимного земского страхования имущества.
6. Попечение о развитии местной торговли и промышленности.
7. Участие, преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах, законом определенных, в попечении о народном образовании, о народном здравоохранении и о тюрьмах. Содержание за счет земств начальных народных училищ, земских больниц и фельдшерско-акушерских пунктов.
8. Содействие к предупреждению падежей скота, а также по охране хлебных посевов и других растений от истребления саранчой, сусликами и другими вредными насекомыми и животными.
9. Исполнение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управлений, и участие в делах о почтовой повинности.
10. Раскладка тех государственных денежных сборов, разверстку которых по губернии и уездам, возлагалась на земские учреждения, на основании изданных о том законов или особых распоряжений.

11. Назначение, раскладку, взимание и расходование, на основании устава о земских повинностях, местных сборов, для удовлетворения земских потребностей губернии или уезда.
12. Представление, через губернское начальство, высшему правительству сведений и заключений по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд губернии или уезда, и ходатайство по тем предметам, также через губернское начальство. Доставление, по требованиям высших правительственных учреждений и начальников губерний, сведений, до земского хозяйства относящихся.
13. Проведение выборов в члены и другие должности по земским учреждениям, и назначение сумм на содержание этих учреждений.
14. Дела, которые были вверены земским учреждениям, на основании особых уставов, положений или постановлений.

Земские учреждения имели право именем земства, на основании общих гражданских законов, приобретать и отчуждать недвижимое и движимое имущество, заключать договоры, принимать обязательства, предъявлять гражданские иски и ответствовать в гражданских судах по имущественным делам земства.

Уездными земскими учреждениями являлись ***уездное земское собрание и уездная земская управа.*** Уездное земское собрание являлось своего рода законодательным органом, а уездная земская управа – исполнительным органом.

Уездное земское собрание состояло из земских гласных, избираемых:

а) уездными землевладельцами;
б) городскими обществами;
в) сельскими обществами.

Выборы уездных гласных в уездное земское собрание производилось на съезде уездных землевладельцев, на съезде городских избирателей и на съезде выборных от сельских обществ. По Положению 1864 года земства предусматривались быть всесословными. Население разделили на три курии: собственники недвижимого имущества в уезде; собственники недвижимого имущества в уездном городе; крестьяне, которые составляли абсолютное большинство населения страны.

В первую курию входили все землевладельцы – собственники не менее 200 десятин земли, владельцы недвижимого имущества, промышленных и хозяйственных заведений стоимостью не менее 15 тыс. руб.,

а также лица, получавшие годовой производственный доход не менее 6 тыс. рублей. Большинство избирателей первой курии составляли дворяне и торгово-промышленная буржуазия.

Вторая – городская курия состояла из купечества, городских владельцев торгово-промышленных заведений с годовым доходом не менее 6 тыс. руб. и владельцев городской недвижимости стоимостью от 500 руб. в малых городских поселениях (менее 1000 жителей) до 3 тыс. руб. в крупных городах (свыше 10 тыс. жителей). Во второй курии доминировала городская буржуазия, независимо от сословной принадлежности.

В третьей – крестьянской курии, которая в отличие от первых двух являлась сословной, имущественный ценз отсутствовал, но выборы были многостепенными. Волостной сход, состоящий из представителей сельских обществ, избирал выборщиков на уездный съезд. Выборщиками могли быть не более трети участников волостного схода, при этом, как минимум, одним выборщиком было представлено каждое сельское общество. Крестьянские выборщики имели право избирать гласных, как из своей среды, так и лиц из числа местных дворян и сельских священников, которые не располагали имущественным цензом для участия в выборах от какой-либо курии уездных землевладельцев.

Нередко случалось так, что неграмотные крестьяне избирали в земские гласные грамотных помещиков. В 1883 году уездными гласными были избраны 42,45 дворян и чиновников, 38,5% крестьян, 16,9% разночинцев и 2,2% духовенства.

Положением определялись нормы представительства в уездных земских собраниях от каждой курии. Устанавливалось равное представительство курий уездных землевладельцев и сельских обществ – один гласный от владельцев 3 тысяч усредненных душевых наделов. Эта норма обеспечивала преобладание в земстве помещиков, поэтому число гласных от землевладельцев почти везде превышало квоту сельских обществ и составляло более половины всех мест в уездных собраниях.

Не могли участвовать в избирательных съездах:

а) лица моложе 25 лет;
б) лица, находящиеся под уголовным следствием или судом;
в) лица, опороченные по суду или общественному приговору;
г) иностранцы, не присягнувшие на подданство России.

Съезды для избрания уездных гласных от сельских обществ образовывались из выборщиков, назначаемых волостными сходами из своей

среды. Этих выборщиков полагалось не свыше трети общего числа лиц, имевших право по закону участвовать в волостном сходе, с тем, чтобы от каждого сельского общества находилось в среде выборщиков не менее одного представителя.

В каждом уезде назначались, по распоряжению губернского правления, несколько избирательных съездов от сельских обществ. Эти съезды разделялись по мировым участкам. Каждый из этих съездов, составленный из выборщиков от волостных сходов, избирал сообща, без различия ведомств, всех гласных, причитавшихся на участок.

Избирательный сельский съезд открывался мировым посредником, а позднее – мировым судьей, который предлагал выборщикам назначить из своей среды председателя съезда; утверждал это назначение, и затем разрешал все возникающие при выборе гласных недоразумения.

В уездном земском собрании председательствовал уездный предводитель дворянства. Уездная земская управа ***состояла из председателя и двух членов,*** избираемых на три года уездным земским собранием из числа участвующих в нем лиц. Собрания могли, если находили нужным, увеличивать число избираемых членов управы до шести.

Уездные и губернские земские собрания собирались ежегодно по одному разу: уездные – не позже сентября, а губернские – не позже декабря. Для заседаний уездных собраний полагался десятидневный срок, а для губернских собраний – двадцатидневный срок. Распоряжения о своевременном созыве и открытии земских собраний возлагались на земские управы, с разрешения начальника губернии.

Земские собрания открывались и закрывались: губернское собрание – начальником губернии лично, уездные – уездными предводителями дворянства.

Земские управы заседали в продолжение всего года. Распоряжения о собрании сведений, приготовлении дел к докладу и тому подобные исполнительные действия предоставлялись председателю.

Утверждению начальником губернии подлежали следующие постановления земских собраний:

- о приведении в действие земских смет и раскладок;
- о разделении земских путей сообщения на губернские и уездные;
- об отнесении уездных земских дорог в разряд проселочных;
- об изменении направления земских дорог;
- об учреждении выставок местных произведений;
- о временном устранении от должностей членов земских управ.

Земские управы, независимо от отчетов по денежным суммам, составляли, по окончании каждого года, отчеты:

1) о производившихся в течение года, на суммы земства, хозяйственных операциях;
2) о состоянии имуществ земства;
3) о состоянии находящихся в ведомстве их заведений;
4) о размере и распределении отправленных в течение года натуральных повинностей;
5) обо всех своих распоряжениях, не вошедших в упомянутые выше отчеты.

Отчеты земских управ подлежали рассмотрению и окончательному утверждению земскими собраниями. Рассмотрение действий земских управ, вследствие жалоб, обвинений, требований правительственных установлений и по ревизии отчетности, и передача этих действий на рассмотрение судебных мест, принадлежало губернскому собранию.

Губернское земское собрание, сверх проверки действий земских управ по бумагам и документам, могло требовать личных объяснений от членов управ и производить местные дознания, когда признавало это нужным. Члены земских управ окончательно отстранялись от должности не иначе, как по определению Правительствующего Сената, но могли быть временно устранены от должности по постановлению губернского земского собрания, утвержденному начальником губернии.

Жалобы правительственных и общественных учреждений на постановления земских собраний:

1) о предметах, неподлежащих их ведомству и превышающих пределы их власти;
2) заключающие в себе такие нарушение общих законов, которые подлежало уголовному суду, – рассматривались в Правительствующем Сенате.

Подведомственные земским управам служащие лица, за преступления по должности, влекущие за собою уголовные наказания, подвергались ответственности одинаково с лицами, состоящими на государственной службе, не иначе, как по уголовному следствию и суду.

* * *

Первое Тверское губернское земское собрание было открыто 17 февраля 1866 года в 11 часов, его открыл Тверской губернатор князь Петр Романович Багратион. На всех собраниях Тверского губернского земства в 1866–1882 годах председательствовал предводитель дворянства князь Борис Васильевич Мещерский, он же все эти годы избирался председателем губернской земской управы. Тверское губернское земство проводило одно собрание в год в ноябре-декабре. Чрезвычайные собрания созывались несколько раз: в марте 1867 года для составления смет и раскладки их на год, в мае 1871 года для рассмотрения проекта о замене подушной подати подворной и поземельной податью, и еще три раза.

Учитывая, что крестьян записывали лишь по имени и фамилии, произведенной от отца, можно определить, что гласными Тверского губернского собрания в период с 1866 по 1882 год были всего семеро крестьян из 73 гласных:

- Яков Григорьев – Зубцовский уезд;
- Василий Ефимов и Григорий Захаров – Бежецкий уезд;
- Иван Никитин – Старицкий уезд;
- Алексей Семенов и Василий Филиппов – Ржевский уезд;
- Кондратий Яковлев – Калязинский уезд.

Все эти годы гласными от Бежецкого уезда постоянно избирались:

- Андреев Михаил Романович;
- Бырдин Александр Семенович;
- Бычков Алексей Алексеевич;
- Беловцев Капитон Лукич;
- Дорошкевич Михаил Лаврентьевич;
- Ефимов Василий;
- Змиев Николай Федорович;
- Зызыкин Валериан Михайлович;
- Иванов Иван Иванович;
- Игнатьев Александр Ардамгонович;
- Коровкин Николай Николаевич;
- Корсаков Иван Ассигкритович;
- Ушаков Леонид Алексеевич;
- Чаплин Николай Алексеевич;
- Чебышев Пафнутий Львович.

Некоторые земские гласные в разные 3-летние сроки избирались от других уездов, хотя первый раз они были избраны от Бежецкого уезда: А.П. Апостолов, А.П. Аристов, А.А. Афанасьев, А.Н. Загряжский и еще семеро гласных. Членом Тверской губернской земской управы в разные годы избирался гласный Ушаков Леонид Алексеевич. Со временем земства из всесословных органов, превратились в сословные, где более половины состава составляли дворяне и чиновники, которым земства были полностью подчинены [22].

* * *

Земства были лишены каких-либо политических прав, их деятельность ограничивалась лишь хозяйственными вопросами: устройства и содержания школ, больниц, строительства дорог, попечение о развитии местной торговли и промышленности. На их содержании находились земские врачи, учителя, ветеринары, агрономы и другие служащие. На первый план деятельности земств выдвинулись заботы о народном образовании и организации медицинской помощи.

Земства выступали с идеей введения в стране всеобщего начального образования, за организацию культурно-просветительской работы среди населения. С этой целью земства выделяли средства на открытие земских народных училищ и школ, создание библиотек, выпуск книг, организацию народных домов, книжных лавок, музеев. Благодаря земству появились первые библиотеки в сельских земских народных училищах и школах, а также волостные библиотеки. Земства организовывали проведение лекций и бесед не только в уездных городах, но и в деревнях. Чаще всего их проводили школьные учителя и студенты.

Земства развивало в деревнях медицину, направляя туда фельдшеров и земских врачей. Земский врач в деревне не только лечил болезни, он принимал меры к их предупреждению, делая прививки, одновременно был аптекарем. Работать в деревенскую глушь вызывались немногие подвижники, врачей в селах и деревнях катастрофически не хватало. Основным медицинским работником в деревне был фельдшер, который оказывал значительный объем медицинской помощи крестьянам. Постепенно закрепились понятия *«участковый фельдшер» и «участковый врач»*, за ними закреплялись определенные участки обслуживания населения.

Земские агрономы заботились о повышении плодородия почв, предпринимали попытки ввести в практику различные технические новшества. Формировалась система мелкого сельскохозяйственного кредита, развивалось страховое дело. При поддержке земств на местах ширилось строительство грунтовых и шоссейных дорог. Всемирное признание получила земская статистика, всесторонне исследовавшая народное хозяйство.

Жизнеспособность и дееспособность земств обеспечивалась, прежде всего, их самоуправлением. Несмотря на достаточно жесткий контроль со стороны государственной администрации, стремившейся всячески ограничить их компетенцию, несмотря на бесконечные ограничения и придирки, земства сами выбирали руководящие органы, сами определяли направление своей деятельности, подбирали и обучали кадры.

Работники органов земства не принадлежали к профессиональному чиновничеству, так как исполняли свои обязанности не по назначению правительства, а по выбору местного населения.

Однако в работе земств и сельских органов местного самоуправления возникали противоречия. Многие земские повинности лежали только на крестьянах, но органы крестьянского самоуправления в качестве представителей администрации оказывали услуги лицам всех сословий. Лица же других сословий, не неся таких повинностей и расходов, высказывали недовольства из-за лишения их всякого участия в делах мелких территориальных единиц. Существовавшие земские учреждения не могли входить во все подробности местной жизни, их деятельность была слишком разбросана. Земства были лишены возможности надлежащим образом исполнять свои непосредственные задачи при отсутствии на территории волостей и крупных поселений земских органов.

Многие годы вырабатывались разные проекты, чтобы отрегулировать пробелы в отношениях между правительственными, земскими и крестьянскими учреждениями. Сначала правительство благосклонно относилось к созданию и развитию земств, но уже через два года оно стало создавать им некоторые препятствия.

Законом от 21 ноября 1866 года земствам было запрещено облагать налогами и сборами торговые и промышленные предприятия, чем были ограничены средства земств, которые продолжали жить, в основном, за счет крестьянских налогов и сборов. В 1867 году прави-

тельство ограничило гласность земских собраний, так как печатание их протоколов подчинили губернаторским цензорам. Одновременно была усилена власть председателей земских собраний, которые одновременно состояли предводителя соответственно уездного или губернского собрания.

Отношения между земствами и правительством особенно обострились после принятия в 1889 году «Положения о земских участковых начальниках», которые назначались губернаторами из местных дворян и сосредотачивали в своих руках широкие полномочия.

Новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 года сократило в земствах число крестьян и разночинцев за счет изменения процедуры голосования и снижения земельного ценза для дворян. По этому Положению гласные от крестьян уже не избирались, а назначались губернаторами из числа кандидатов, выдвинутых волостными сходами. Одновременно председатели и члены земских управ становились не представителями органов местного самоуправления, а государственными служащими.

Судебная власть в системе местного самоуправления

Чья власть, того и закон.

Одной из самых радикальных реформ 60-х годов стала ***судебная.*** Указом императора Александра II 20 ноября 1864 года были утверждены судебные уставы: уголовного судопроизводства, гражданского судопроизводства и о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Основной предпосылкой судебных преобразований явилось освобождение крестьян от крепостной зависимости. Принятие уставов от 20 ноября 1864 года создали в России новую судебную власть, выделив суды из общего управления в особые учреждения. Судебная власть отделялась от исполнительной и законодательной властей.

Принцип разделения властей определил императора, как носителя высшей законодательной власти в России. Он устанавливал правовые начала государственной и общественной жизни, основные направления внутренней и внешней политики. Определял правовую организацию и формы деятельности исполнительной и судебной властей.

Исполнительная власть в лице правительства и губернаторов занималась непосредственной реализацией указов, принятых императором, и законов, им утвержденных. Ее деятельность основывалась на законе и осуществлялась в рамках закона. Судебная власть была призвана охранять правовые устои государственной и общественной жизни от любых нарушений.

Чтобы она стала независимой, были определены принципы несменяемости судей. Судья не мог быть удален от занимаемой должности, перемещен на низшую или равную должность, оставлен за штатом по усмотрению власти, а лишь при его личном согласии или судебном приговоре.

Судебная реформа вводила общие судебные правила для лиц всех сословий, с общим порядком судопроизводства. Вводились новые принципы – суд присяжных, гласность и состязательность судопроизводства, равная ответственность всех перед судом, независимость суда от администрации.

Суд становился единым для всех сословий, кроме волостного суда, который оставался лишь для рассмотрения дел в отношении крестьян. Стороны по гражданским делам, а также подсудимые по уголовным делам получали право на защиту, как избранными сельским обществом грамотными представителями, так и адвокатами. Пересмотр дел вышестоящим судом допускался лишь по жалобе сторон или протесту прокурора, пересмотр дел в виде ревизии вышестоящими судами упразднялся.

Вводились два типа судов – мировые и общие. Мировые суды в лице мирового судьи рассматривали уголовные и гражданские дела, ущерб по которым не превышал 500 руб. Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, утверждались Сенатом и могли быть уволены только по собственному желанию или по суду.

Общий суд состоял из трех инстанций: окружной суд, судебная палата, Сенат. Окружные суды рассматривали серьезные гражданские и уголовные (с участием присяжных заседателей) дела. Сенат был высшей судебной инстанцией.

Составители судебных уставов попытались исходить из того, что мировые судьи должны быть приближены к населению и быстро рассматривать судебные дела. С этой целью разбирательство дел у мирового судьи проводилось устно, никакой письменной подготовки дел не полагалось. Даже исковые просьбы, приносимые мировому судье, могли быть письменными и устными [23].

Судебная реформа, утвержденная императором Александром II в 1964 году, проводилась с 1866 по 1895 годы. *На уровне местного самоуправления действовали суды: мировой судья, мировой съезд и волостной суд.* За решение дел ни один суд не брал в свою пользу никаких денег, но по некоторым делам нужно было платить государственную пошлину.

Волостной суд в каждой волости избирался из не профессиональных судей, а из жителей волости. Волостной суд разбирал имущественные дела между крестьянами, мещанами, ремесленниками и временными купцами. В законе было сказано, что волостной суд должен иметь характер домашнего суда по маловажным проступкам, влекущим за собой легкие исправительные наказания. Предоставление ему более широкой власти было бы несовместимо ни с характером, ни с личным составом волостного суда.

Суд состоял из четырех судей, кандидаты в судьи избирались сельскими обществами на своих сходах по одному от общества, грамотных и имеющих собственность. Земский участковый начальник отбирал из всех избранных кандидатов четыре судьи, одного из них назначал председателем суда. Остальные кандидаты оставались в резерве и заменяли судью, который по какой-то причине не мог далее выполнять свои обязанности.

Трудно было найти грамотных судей среди сплошь неграмотного крестьянского населения. Например, в Бокаревском волостном суде Бежецкого уезда многие решения за неграмотных судей подписывали другие грамотные судьи, в том числе Арсений Семенов из карельской деревни Душково.

Волостной суд избирался каждый раз сроком на три года из крестьян не моложе 35 лет, не состоявших под следствием и судом, не подвергавшихся ранее телесным наказаниям, не содержавших питейные заведения. Суд собирался обычно 2 раза в месяц, во время заседаний протоколов не вели, рассматривали как письменные, так и устные жалобы. Решения принимали, чаще всего, не придерживаясь норм закона, действуя по местным обычаям. Решения суда оформлялись письменно. Суд мог рассматривать дела только в отношении крестьян своей волости, на дворянство и другие сословия его юрисдикция не распространялась.

Волостной суд рассматривал следующие гражданские дела:

– Споры и тяжбы между крестьянами об имуществе, входящем в состав крестьянского надела.

– Любые имущественные споры между лицами, подведомственными суду (крестьянами волости и мещанами, приписанными к волости), ценой до 300 рублей; за исключением исков о праве собственности, основанных на крепостных актах (то есть нотариально заверенных).
– Имущественные иски к крестьянам волости до 300 рублей от посторонних лиц, если эти лица сами избрали для процесса волостной суд.
– Дела по наследованию имущества крестьян (по наследованию надельного имущества – без ограничения стоимости, по наследованию прочего имущества – в пределах 500 рублей).

Волостной суд рассматривал 50 составов административных правонарушений и мелких уголовных дел, в том числе:
– против порядка управления 9 составов правонарушений;
– против спокойствия и порядка в селениях – 8 составов;
– против общественного благоустройства – 14 составов;
– против чужой собственности – 13 составов;
– против личности – 6 составов правонарушений.

Волостной суд нередко руководствовался нормами общинного права, поощряя примирение пострадавшего с обидчиком, а также искреннее публичное раскаяние виновного. При вынесении решения волостной суд имел право объявить выговор, приговорить к штрафу на сумму до 30 рублей или аресту сроком до 15 дней. Все жалобы на решения волостного суда подавались первоначально в мировой съезд мировых посредников, позднее – земскому участковому начальнику, который мог утвердить любое решение или отменить его [24].

Волостной суд – единственный из судов мог применять такую жестокую и унизительную меру, как телесное наказание. Телесное наказание крестьян шло из глубины веков, до 1845 года их за любые провинности били кнутом. Уложением 1845 года кнут заменили трехвосткой плеткой и розгами. Крепостные крестьяне подвергались телесным наказаниям по произволу помещиков. В каких размерах, и в каких случаях помещики применяли розги в отношении своих крестьян, не поддавалось никакому учету и никакому определению. Однако нет никаких сомнений, что телесные наказания в отношении крепостных крестьян, налагавшиеся помещиком, или его управляющим, были чрезвычайно распространенными.

При подготовке проекта крестьянской реформы 1861 года в правительственной комиссии при голосовании о телесных наказаниях крестьян, они были оставлены при перевесе в один голос – 11 членов комиссии были против, 12 членов комиссии проголосовали за оставление розог в виде наказания.

Согласно уложению 1886 года, телесные наказания крестьян были возможны за уголовные преступления, и подсудны волостным судам – розги до 20 ударов. От телесных наказаний были освобождены женщины. Но уже по закону от 12 июля 1889 года было увеличено число проступков, за которые волостной суд мог назначить телесное наказание до 20 ударов розгами. К ним отнесли:

а) повторный в течение года проступок, за который виновный подвергался аресту;
б) за совершение виновным нескольких проступков, за каждый из которых назначался арест;
в) за другие общественно опасные проступки по составам административных правонарушений и мелких уголовных дел.

По закону от 12 июля 1889 года телесным наказаниям не могли подвергаться: все женщины без различия сословий; все дворяне, духовенство, купечество, мещане, кроме крестьян мужского пола. Из крестьян мужского пола не могли быть подвергнуты телесному наказанию:

а) имеющие знаки отличия;
б) запасные солдаты и все, носившие, хотя и недолго, военный мундир;
в) находящиеся или ранее находившиеся в выборных общественных должностях крестьяне;
г) старше 60 лет и моложе 10 лет;
д) страдающие каким-либо заболеванием, из их числа, перечисленных в уложении;
е) лесные сторожа из числа крестьян, а всего 11 групп крестьян.

В законе от 12 июля 1889 года была оговорка, что приговор волостного суда о применении розог, должен быть утвержден земским участковым начальником. Тот мог оставить приговор в силе или заменить телесное наказание розгами денежным взысканием до 30 рублей, независимо от ареста, и арестом до 15 дней. Раз, подвергнутый телесному наказанию розгами крестьянин, навсегда лишался права быть избираемым в какие-либо общественные должности, быть свидетелем

по любому делу. Его не допускали на сельские сходы, он не мог быть опекуном над сиротами.

Число крестьян, подвергнутых телесным наказаниям волостными судами за 1892 год по Тверской губернии, составило 879 человек. Из них 609 приговоров волостных судов, или 69,4%, были утверждены земскими участковыми начальниками. По 270 приговорам земские начальники заменили розги другими наказаниями. По Бежецкому уезду в том году волостные суды приговорили к телесным наказаниям 162 крестьянина, из них земские участковые начальники утвердили 79 приговоров, а по 83 приговорам розги заменили другими видами наказания.

После 1892 года телесные наказания по Тверской губернии пошли на убыль: 1892 год – 879 приговоров, 1893 – 717, 1894 – 566, 1895 – 390, 1896 год – 283 приговора. В сравнении с 1881 годом по Тверской губернии число приговоренных к телесным наказаниям сократилось с 2720 человек до 283 человек в 1896 году, или в 9,6 раза [25].

Волостные суды находились под наблюдением земских участковых начальников, которым подавались все жалобы на решения суда. Земский участковый начальник мог утвердить или отменить решение волостного суда, если наказание не превышало 3 дней ареста или 5 рублей штрафа. Если наказание, вынесенное волостным судом, превышало 3 дня ареста или 5 рублей штрафа, то земский участковый начальник передавал дело в уездный съезд мировых судей, который являлся апелляционной инстанцией по этим делам.

* * *

Институт мировых судей был создан 20 ноября 1864 года, он включен в «Учреждение судебных установлений», в котором было сказано, что власть судебная принадлежала: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам Правительствующего Сената – в качестве верховного кассационного суда.

Судебная власть распространялась на лица всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные. Мировой судья являлся единоличной судебной властью, в то время, как съезды мировых судей, окружные суды, судебные палаты и Сенат были коллегиальными судебными органами.

Ведомство мировых судей, их съездов, окружных судов и судебных палат ограничивалось особыми участками и округами. Мировые судьи, их съезды, окружные суды и судебные палаты рассматривали административные, уголовные и гражданские дела по существу.

В результате проводимой реформы вместо нескольких судебных инстанций сословного суда пришел мировой суд с одним судьей. Второй инстанцией для апелляции по всем делам, рассмотренным в мировых судах, был съезд мировых судей. Мировой суд создавался во всех уездах и городах. Территория, подсудная мировому суду, составляла мировой участок из нескольких волостей. В каждом мировом участке находился участковый мировой судья.

Мировые судьи были участковыми и почетными, почетные мировые судьи имели те же права, что и участковые, но в пределах всего мирового округа и судили они лишь по просьбе подсудимого или в отсутствии участкового судьи, не получая вознаграждения.

Мировые судьи избирались всеми сословиями в совокупности и утверждались правительством. Они состояли по уездам и по городам, уезд с находящимися в нем городами составлял мировой округ. Мировой округ разделялся на мировые участки, число которых определяется особым расписанием.

Собрание как почетных, так и участковых мировых судей каждого мирового округа составляли высшую мировую инстанцию, именуемую съездом мировых судей. В этом съезде председательствовал один из мировых судей по собственному их избранию.

Должности мирового судьи присваивались особый знак его звания и особая печать. В мировые судьи могли быть избраны те представители из местных жителей, которые:

- *во-первых,* имели не менее двадцати пяти лет от роду;
- *во-вторых,* получили образование в высших или средних учебных заведениях, или выдержали соответствующее испытание, или же прослужили не менее трех лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел;
- *в-третьих,* если они сами, или их родители, или жены владели, хотя бы и в разных местах:
  - площадью земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или 125 десятин;

- или другим недвижимым имуществом ценою не ниже пятнадцати тысяч рублей;
- в городах – недвижимою собственностью, оцененною для взимания налога, а именно: в столицах не менее шести тысяч, в прочих же городах не менее трех тысяч рублей.

Право быть избранным в мировые судьи по недвижимому имуществу родителей предоставлялось неотделенным сыновьям их только тогда, когда на долю каждого из них могла причитаться часть имущества в необходимом размере.

Мировые судьи, как почетные, так и участковые, избирались на три года. Выборы мировых судей производятся на уездных земских собраниях. Избранными в должность мирового судьи считались те только, которые получили больше избирательных голосов, нежели неизбирательных голосов.

Списки избранных в мировые судьи представлялись председателем земского собрания на утверждение первого департамента Правительствующего сената. Если кто-либо избран мировым судьей в противность замечаниям губернатора, то возражения к тому должно быть также представлено на усмотрение Сената.

Участковый мировой судья избирал себе, с согласия съезда мировых судей, постоянное место пребывания в своем участке для разбирательства подведомственных ему дел. Но просьбы граждан он должен был принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях и разбирать дела на местах, где они возникли.

Должность участкового мирового судьи как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке не могла быть соединяема с другою должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях.

В случае устранения, отсутствия, болезни или смерти участкового мирового судьи обязанности его исполнялись одним из почетных или одним из соседних участковых мировых судей по заранее установленной ими между собою очереди.

Участковый мировой судья получал из земского сбора, а в столицах из городских доходов, сумму на его содержание, разъезды, наем письмоводителя и рассыльного и на канцелярские расходы. Участковый мировой судья, отказавшийся от следующего ему по этой должности содержания, получал название почетного участкового

мирового судьи, сохраняя его во все время безвозмездного заведования участком.

Непосредственный надзор за мировыми судьями принадлежал мировому съезду их округа. Высший надзор за всеми вообще мировыми судьями, так же как и за их съездами, сосредоточивался в кассационных департаментах Сената и в лице министра юстиции.

Власть участковых мировых судей ограничивалась пространством назначенного для каждого из них мирового участка. Почетные мировые судьи и съезды мировых судей действовали на пространстве всего мирового округа.

Дисциплинарная ответственность мировых судей за упущения по службе определяется на основании установленных правил. Порядок предания их уголовному суду за преступления и проступки по службе и самого производства суда были определены в Уставе уголовного судопроизводства.

Мировые судьи начали свою работу в 1866 году. В соответствии с «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», мировые судьи, за проступки, указанные в Уставе, определяли следующие наказания:

1. Выговоры, замечания и внушения.
2. Денежные взыскания не свыше 300 рублей.
3. Арест сроком не свыше 3 месяцев.
4. Заключение в тюрьму не свыше одного года.

Мировые судьи рассматривали административные и уголовные дела по 152 статьям, разбитых на 12 разделов.

О проступках против порядка управления

За неисполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных и полицейских властей, а равно земских и общественных учреждений виновные подвергались денежному взысканию не свыше 15 рублей.

По этой категории мировые судьи также рассматривали дела за ослушание полицейским и другим стражам, их оскорблении, за порчу или снос межевых и других знаков, где наказание было уже в виде ареста не свыше 3 месяцев или денежного взыскания не свыше 300 рублей.

О проступках против благочиния, порядка и спокойствия

За нарушение благовения в церкви, часовне или ином молитвенном доме непристойным криком и шумом виновные подвергались

аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше 100 рублей.

К этой категории дел относились: распространение ложных слухов, ссоры, драки, кулачные бои в публичных местах, нарушение порядка во время публичных мероприятий, а также за открытие трактиров, харчевен, питейных заведений в недозволенное время, появление в публичных местах пьяным до беспамятства и другие подобные проступки.

О проступках против общественного благоустройства

За засаривание рек, каналов, источников и колодцев бросанием в них камней, песку и других веществ, от которых не могло последовать порчи воды, виновные подвергаются денежному взысканию до 10 рублей.

В эту категорию входили дела о проведении труб в реки и каналы из помойных ям, своз мусора, нечистот или павшего скота не в назначенное место, за охоту и рыбную ловлю в запрещенное время или недозволенных местах и другие подобные проступки.

О проступках против чужой собственности

В этом разделе имелось 37 статей устава, разделенных на несколько категорий дел:

а) о самовольном пользовании чужим имуществом и его повреждении;
б) о похищении и повреждении чужого леса;
в) о краже;
г) о мошенничестве, обманах и присвоении чужого имущества [26].

Основной задачей мировых судей в первые годы их деятельности было примирение сторон, примирением заканчивалась значительное число гражданских и уголовных дел. Но уже к 1880-м годам число уголовных дел, прекращенных в связи с примирением сторон, сократилось в 2,5 раза, гражданских дел – в 3,2 раза.

Судебная система второй половины XIX века содействовала созданию более прогрессивной системы судопроизводства и повышению правовой культуры населения. Эти аспекты серьезно повлияли на экономическое развитие страны. Волостные суды оставались вплоть до революции 1917 года. Официальной датой окончания судебной реформы считается 12 июня 1889 года в связи с принятием указа о введение института земских участковых начальников, но институт мировых судей был полностью ликвидирован в 1895 году.

Обсуждение финансовой реформы в Тверском земстве

Жизнь прожить – мозоль нажить,
либо на руку, либо на язык.

Для разработки финансовой реформы в 1859 году указом императора Александра II были созданы две комиссии: одна при министерстве финансов, другая – при ведомстве государственного контроля. В то время каждое ведомство имело свой отдельный бюджет по расходам и доходам. Государственная роспись не являлась обязательной для исполнения, каждое ведомство пользовалось своими правами на запрос дополнительных ассигнований. Контроль над ведением государственной отчетности отсутствовал.

Основными задачами финансовой реформы были: стабилизация денежной системы государства, создание единого государственного бюджета, не разделенного на ведомства. Создание единого казначейского исполнения, независимого от текущих распоряжений министров и чиновников. Замена подушной подати на поземельный налог и налог с имущества.

Финансовая реформа в России была объявлена в 1863 году, но реализация ее шла очень медленно. Она должна была модернизировать финансовую систему Российской империи после отмены крепостного права. Некоторые меры по финансовой реформе были приняты уже в 1863 году. Продажу питейных откупов заменили питейным акцизом, заменили подушную подать с мещан налогом на недвижимое имущество в городах.

Для проведения выкупных операций при министерстве финансов создали Главное выкупное учреждение. В финансы ввели принцип гласности и публикации на общее обозрение государственного бюджета. В 1865 году образовали контрольные палаты – органы финансового управления в системе местного самоуправления.

Ведомство государственного контроля работало до гибели императора Александра II в 1881 году, но реализация финансовой реформы шла очень тяжело. Трудно было найти базу для замены подушной подати с крестьян на поземельный или другой налог. Многие понимали, что нужно отменять подушные подати, соляной налог и разные откупы. Нужно облагать налогом не только крестьян и мещан, но дворянство и духовенство, которые издавна считались неподатными.

Основной проблемой оставалась замена подушной подати на другие виды налогов и податей, прежде всего, на поземельную подать. Подушная подать взималась в одинаковом размере с каждой ревизской души. Предлагалось, что поземельная подать будет зависеть от размера, имеющего у крестьянина земельного участка, куда включались: надельные участки; участки земли, приобретенные крестьянином за свой счет; арендуемые им участки земли; а также усадьбы.

* * *

26 мая 1871 года тверской губернатор Афанасий Николаевич Сомов открыл экстренное заседание Тверского губернского земского собрания. Оно было созвано для рассмотрения правительственного проекта о замене ***подушной подати,*** действовавшей с 1722 года, ***надворным налогом и поземельной податью.*** В работе собрания приняли участие сначала 32, а позднее – 36 земских гласных, в том числе председатель Бежецкой земской управы гласный Николай Алексеевич Чаплин. В своем выступлении он обратил внимание на следующие положения:

а) возможно ли рассматривать проект, как замену подушной подати другими налогами без распространения их на все единицы налогообложения;

б) как согласовать подворный налог на упоминаемый доход с оценкой имущества, хотя она не должна иметь никакого значения при подоходном налоге;

в) возможно ли при подоходном налоге достигнуть облегчения паспортной системы, которое имелось в виду в проектах подворного и поземельного налога;

г) найдутся ли средства обеспечить поступление налога с лиц, не имеющих никакой недвижимой собственности, при отсутствии круговой поруки.

Собрание единогласно признало необходимость реформы бессословной, то есть распределение подушных податей и сборов между всеми единицами обложения. Собрание признало, что имущественный налог не может быть принят в основание системы обложения. В Тверской губернии, как и в других северных губерниях, есть много земли и построек, которые дохода не приносят.

Вечером 26 мая 1871 года на собрании повторно выступил председатель Бежецкой земской управы, гласный Н.А. Чаплин, который заявил о невозможности поземельного и вообще имущественного налога. На это собрание постановило: записать в протоколе, что собрание не видит возможности замены подушных сборов имущественным налогом.

Собрание приступило к обсуждению статей о подоходном налоге. Гласный Н.А. Чаплин предложил все статьи правительственного проекта, в которых говорилось о порядке распределения и взимания подоходного налога, как не имеющие особой важности, оставить без обсуждения и из проекта исключить. При голосовании это предложение Чаплина не прошло, за него проголосовали 10 земских гласных, против – 26 гласных.

Гласные обсудили каждую статью проекта, по итогам обсуждения Тверское губернское земское собрание приняло свое заключение по поводу правительственного проекта о замене подушной подати. Приняли пространное решение: «Собрание находит следующее: действительно, существующая подушная система податей оказывается в настоящее время вполне несостоятельною.

Система эта могла иметь свое значение в то время, когда в России существовало крепостное право, при котором крестьянские души, то есть крепостной крестьянский труд, составлял действительное и доходное имущество. В настоящее время с уничтожением крепостного права, с развитием промышленности и торговли, реформа в системе податей сделалась вполне необходимой.

Не соглашаясь с необходимостью замены подушной подати, собрание не может признать, чтобы меры, предлагаемые правительственным проектом, представляли бы собою какое-либо существенное улучшение.

Подушная подать была введена Петром I с 1722 года, когда было велено с крестьян и других тяглых мужского пола взамен поземельного, подворного и другого сбора, взыскивать по 8 гривен (80 копеек. **– А.Г.**) с ревизской души. Таким образом, правительственный проект считает целесообразным возвратиться к порядку, который существовал 150 лет назад».

Далее губернское земское собрание проводило обоснование, и сообщала о своих замечаниях по каждой статье проекта, с указанием мнения представителей всех уездных управ. Например, «Бежецкая управа находит, что более правильный и уравнительный налог, возмож-

ный в настоящее время, есть налог подоходный со всего недвижимого имущества и дохода, получаемого личным трудом» [27].

В 1879 г. была образована комиссия для обсуждения отмены подушной подати и для взыскания других источников доходов для ее замены. Комиссия, состоявшая из чиновников разных ведомств и приглашенных экспертов, составила проект о трех видах замены подушной подати: подоходным налогом с доходов от торговых и промышленных капиталов, промыслов и личного труда; личным налогом с лиц рабочего возраста; усадебным налогом с усадеб всех без различия сословий.

В 1880 году был отменен налог на соль – один из самых тягостных налогов для крестьян и мещан.

В мае 1882 года последовал указ Александра III, которым было велено отменить: подушный сбор в пользу казны с мещан; подушную подать с приписных к волостям безземельных крестьян и дворовых людей; подушную подать с крестьян, получивших от помещика надел.

Было велено выработать соображения о постепенной, в течение 8 лет, начиная с 1 января 1883 года, отмене подушной подати с остальных разрядов населения. Манифестом от 15 мая 1883 г. были прощены все недоимки по подушной подати. В том же месяце от подушной подати были освобождены безземельные, фабричные и заводские крестьяне. Для бывших помещичьих крестьян (в некоторых местностях и для других плательщиков) подушная подать была снижена наполовину.

28 мая 1885 года императором было утверждено мнение Государственного Совета о прекращении взимания подушной подати с 1 января 1886 года:

- со всех крестьян, на которых распространялось действие положений 19 февраля 1861 г. и 21 июня 1863 г.;
- с прибалтийских крестьян, за исключением поселенных на казенной земле;
- с малороссийских казаков и других разрядов населения, состоящих как на особых, так и на общих окладах, за исключением платящих оброчную подать. С 1 января l887 года велено было отменить взимание подушной подати со всех разрядов населения империи, кроме Сибири.

В итоге преобразований основным крестьянским налогом в государственный бюджет стал ***государственный оброчный сбор.*** При этом основным критерием определения оклада налога выступала стоимость или доходность земли [28].

Тверское губернское земское собрание еще до принятия общих законов пошло на постепенную замену ***подушной подати поземельной податью.*** В Тверской губернии поземельный налог был введен с 1875 года. Обложению подлежали все земли, подпадающие под обложение земельными сборами.

Подушная подать в 1867 году составляла 2 рубля 61 коп с каждой ревизской души. К 1878 году в Тверской губернии вместо подушной подати была введена поземельная подать, на каждую десятину земли по губернии приходилось платить государственных, волостных и мирских сборов в среднем по 2 рубля 56 копеек. Причем, крестьяне несли повинности по 3 руб. 47 коп. за десятину, а остальные сословия – по 1 руб. 34 коп. за десятину.

В результате замены подушной подати на поземельную подать и уменьшение выкупных платежей, сборы и налоги с крестьян к 1886 году уменьшились на 25% в сравнении с 1880 годом. Однако после 1886 года с целью поддержки фабрик и заводов резко возросли цены на промышленные товары, в том числе и необходимые крестьянам сельскохозяйственные орудия. К 1890 году переплата за них составила по 5 руб. 77 коп. на каждую душу населения в сравнении с 1886 годом. На эту дороговизну крестьянин мог ответить лишь сокращением и так скудного питания своей семьи [29].

Глава II. Реформы в отношении удельных крестьян

Дворцовые крестьяне

Даже солнышко не для всех одинаково светит.

Категория «*дворцовые крестьяне*» для *тверских карел* просуществовала 135 лет, с 1662 года, когда был образован Приказ тайных дел, объединившего личное хозяйство русского царя, до апреля 1797 года. Основной обязанностью дворцовых крестьян было снабжение царского двора продовольствием и другими припасами.

Во время проведения ревизий населения, со 2-й в 1745 году по 4-ю в 1781 году, отдельных списков дворцовых крестьян, скорее всего, не

составлялось, в архивных материалах по Тверской губернии я таковых не обнаружил. По тем ревизиям имеются ревизские сказки по помещичьим, экономическим, монастырским и казенным крестьянам.

После переселения с Карельского перешейка и Приладожья, тверские карелы проживали как в *помещичьих, так и дворцовых деревнях,* получивших в 1797 году статус *удельных деревень.* В дворцовых деревнях Тверской губернии к 1797 году было 8690 дворов, из них – 6534 двора карельских.

Большинство тверских карел до 1797 года относились к дворцовым крестьянам. До перевода их в удельное ведомство с дворцовых крестьян взыскивались всевозможные поборы натурой вместо денежного оброка. К ним относились столовые поборы: рожь, овес, вино, брусника и клюква, мед, хмель, шиповник, свиное мясо, бараны, гуси, утки, куры, поросята, коровье масло, сыры, сметана, яйца, орехи и рыба.

Кроме того, с них брали дворцовые припасы: сено, верба, дубовые бочки, дрова, сани, гужи, оброти (уздечки), вожжи, лопаты, веники и метлы. Сбор всех этих продуктов и припасов для царского двора распределяли по волостям и вотчинам, исходя из местных условий и занятий дворцовых крестьян. Так рыбу поставляли рыбные слободы, мед – деревни, где жители занимались бортничеством. Другие припасы распределялись между различными дворцовыми волостями.

В 1730-х годах натуральные повинности дворцовых крестьян постепенно стали заменять подушной податью. Наши предки, проживавшие на территории Бежецкого Верха и отрогов Валдая, стали платить по 36 копеек в год с ревизской души, и одновременно продолжали поставлять царскому двору рожь, овес, сено и дрова [30].

В 1731 году Главная дворцовая канцелярия предложила отменить разные оклады с дворцовых крестьян, которые собирались в разных губерниях, и обложить всех одинаковым оброком по 40 копеек с ревизской души. Императрица Анна Иоанновна согласилась на эту замену, начиная с 1732 года. При этом если дворцовые крестьяне какой-то местности поставляли царскому двору натурою – деготь, скипидар, канаты, пеньку и другое, то их оценивали деньгами и засчитывали в уплату оброка. Например, обработка одной десятины земли для высева хлеба царскому двору оценивалась в 40 копеек, поставка одной четверти пшеницы (210 литров. **– А.Г.**) – 20 копеек, одна сажень дров – 2 рубля. Поставка одного косца на все время сенокоса оценивалась в 3 рубля.

Со временем сбор по 40 копеек с ревизской души оказался мал для покрытия расходов царского двора. В 1750 году он был увеличен до 53 копеек с одной ревизской души, в том числе и для дворцовых тверских карел, в 1753 году они платили по 80 копеек в год с ревизской души. С 1754 года с многих дворцовых крестьян, в том числе и тверских карел, брали уже по *одному рублю* годового оброка, при этом некоторые натуральные повинности отменены не были. Дворцовые крестьяне были обязаны пахать определенное количество десятин для сбора урожая царскому двору, косить для него сено в счет уплаты оброка. С 1762 года в большинстве дворцовых волостей оброк был повышен до 1 рубля 25 копеек с каждой ревизской души [31].

При императрице Екатерине II оброк с дворцовых крестьян в 1783 году был повышен до 3 рублей, но они были избавлены от обязательных работ для царского двора. Одновременно ею было велено, при выдаче дворцовых девушек и вдов за помещичьих крестьян, брать выводные деньги по 5 рублей за каждую не поровну, а смотря по зажиточности крестьян. Если дворцовые крестьяне брали невест из помещичьих семей, то размер выводных денег устанавливался в каждом конкретном случае по взаимному соглашению, эти правила продолжали действовать и в начале XIX века. За каждую свадьбу дворцовых крестьян между собой, Дворцовое управление взыскивало по 20 копеек «куничных денег».

Рекрутскую повинность дворцовые крестьяне исполняли наравне со всеми. Среди них было немало зажиточных крестьян, которые откупались от рекрутчины. Это было легко сделать, так как в дворцовых волостях всегда находились бедняки, готовые наняться в рекруты. С 1766 года дворцовым крестьянам разрешили покупать от помещиков небольшие деревни с землями, с платою не более 30 рублей за душу. Из этих покупных деревень дворцовые крестьяне также могли сдавать за себя в рекруты. Эти деревни покупались не только за счет самих дворцовых крестьян, но также за счет Дворцового ведомства.

Дворцовые крестьяне, пользуясь этой возможностью, нередко покупали по одной, по две души с небольшим участком земли. Эти покупки еще раз подтверждали замену своих сыновей на покупные души при отдаче в рекруты. Когда об этих фактах стало известно Сенату, тот в своем указе отметил: «Дворцовым крестьянам ранее разрешили покупать небольшие смежные деревни с землями, а не по одной семье в больших селениях. Приобретая, таким образом, по одной, по две

души, дворцовые крестьяне нарушают указ 1770 года, которым было запрещено принимать в рекруты вместо дворцовых крестьян вольных людей. Сенат приказывает Дворцовому ведомству смотреть за тем, чтобы дворцовые крестьяне покупали смежные с ними деревни, а никак не отдельных крестьян с небольшими участками земли или даже вовсе безземельных» [32].

Дворцовые крестьяне, в том числе и тверские карелы, проживавшие в лесной местности, могли вырубить на строительство дома и хозяйственных построек необходимо количество леса. Поэтому каких-либо жалоб на нужду в лесе от дворцовых крестьян не поступало. Из описания Тверской губернии за 1783–1784 годы известно, что у тверских карел было достаточно много земли, изобилие в пашне, в лесах и других угодьях. Значительное количество леса, находившееся в их владении, давало им возможность расчищать себе новые места под пашню и сенокос, потому здесь они были гораздо зажиточнее не только помещичьих, но и экономических крестьян.

По данным генерального межевания в Тверской губернии у дворцовых карел в 1776–1781 годах пахотной земли было в среднем по 5,8 десятин, сенокоса по 1,8 десятины, а всего 7,6 десятин земли на ревизскую душу мужского пола. Кроме того, в дворцовых волостях, где проживали тверские карелы, на ревизскую душу приходилось по 11,3 десятин леса, а всего земли с лесом, выгонами и неудобьями – по 21,3 десятин на одну ревизскую душу. Конечно, нельзя было считать всю эту землю земельным наделом дворцовых крестьян Тверской губернии, но это является показателем степени обеспеченности крестьян землей, в том числе и лесом.

В дворцовых волостях Бежецкого уезда по причине изобилия лесов, ежегодно расчищались под пашню и сенокос немалое количество земли, на которой в первый год тверские карелы сеяли репу, на другой год – ячмень, на третий – рожь, получая богатые урожаи. По снятию этих урожаев пашни запускались, и расчистки делали в новых местах.

Кроме Бежецкого уезда, много земель дворцовые карелы расчищали под пашни в Весьегонском, Вышневолоцком, Краснохолмском и Новоторжском уездах.

Карелы, составлявшие тогда по большей части дворцовые волости, сохраняли к тому времени прежний образ жизни и язык. Платье употребляли покроем несколько от обыкновенного крестьянского, отменное. Карельские женщины по будням носили белые холщовые

сарафаны, а по праздникам – синие, крашеные сарафаны с кружевами и пуговицами. Кроме них карельские женщины носили суконные сарафаны зеленого, синего или красного цвета, они их называли «сукманами», обшитые около проем красным кумачом, а на груди с кистями из красной бумаги. Рукава у рубашек вышивались шелком, на руках карелки носили по три или по четыре перстня.

Карельские женщины на голове носили сороки, вышитые гарусом или шелком, а девки носили ленты. Ленты на голову они вышивали шелком с блестками, что у карел считалось за большое щегольство. Кроме лент, девки вплетали в косы на шнурках медные трубочки с привешенными возле них колечками с бумажными красными кистями. Кроме ношения лент девки повязывали голову платками, узлом наперед.

Мужчины вместо кушаков подпоясывались «татаурами» – ремнями с медными бляшками. Обувь карелы носили кожаную – сапоги, опоки или коты, а лаптей никогда не употребляли. Зимой все карелы поголовно ходили в нагольных или крашеных синей краской шубах.

Говорили они по-карельски, по-русски изъяснялись очень дурно. В дворцовых карельских деревнях улицы прямые, многие дворы строились особенно, наглухо, внутри над всем двором под крышей имелись помосты и наезды, куда на зиму убирали сено и солому, а иногда – телеги и летнюю упряжь. Под крышей на дворе находились лошади, коровы, быки, а маленькие телята, овцы и ягнята содержались в теплых хлевах. Этим дворцовые карелы отличались от помещичьих крестьян, у которых на дворе под крышей содержалась только мелкая скотина, а лошади и коровы всю зиму ходили по снежному двору, и от стужи много претерпевали.

В домах жили чисто, скот в избах никогда не держали. Избы почти у всех карел покрыты дранью, дворы для скота просторные. Печи были без труб, дым шел в волоковое окно, а красные окна тогда были во многих избах.

Касательно до нравственных свойств, все карелы очень откровенны, праводушны, гостеприимны и чужды всякой клеветы и несправедливости. Но запрометчивы и дерзки, к употреблению крепких напитков склонны. От лихорадки и горячки лечились баней, в которой, вспотев, натирали тело редькой или диким перцем, настоянными на вине.

Дворцовые тверские карелы более всего прилежали к хлебопашеству, жили в своих деревнях, никуда не отлучаясь. Их можно было

считать богатыми по причине изобилия в пашне, в лесе и других угодьях. Они получали от продажи хлеба, скота, холстов и ремесленных изделий до 30 рублей и более дохода в год.

В 1783 году по Тверской губернии насчитывалось дворцовых тверских карел:

- Бежецкий уезд – 5554 мужского пола и 5676 человек женского пола;
- Весьегонский уезд – 6363 мужского пола и 6310 женского пола;
- Вышневолоцкий уезд – 6676 мужского пола и 6982 женского пола;
- Краснохолмский уезд – 1671 мужского пола и 1752 женского пола;
- Калязинский уезд – 118 мужского пола и 110 женского пола;
- Новоторжский уезд – 4383 мужского пола и 4618 женского пола.

Всего в 1783 году по Тверской губернии насчитывалось 50 213 дворцовых карел, в том числе 24 765 мужского пола и 25 448 женского пола [33].

С 1774 года дворцовые крестьяне управлялись старостами деревень и селений, которые подчинялись волостным управительским конторам, а те – губернским дворцовым конторам.

Нужно отметить, что с 1776 по 1796 годы наши карельские деревни Корельско-Кошевской дворцовой волости, о которых пойдет речь ниже, относились к Краснохолмскому уезду. С 1797 года они территориально находились в Бежецком уезде, но относились к Весьегонскому уезду по месту нахождения центра сельского приказа села Чамерово.

Дворцовые крестьяне Тверской губернии сеяли те же зерновые культуры, что и помещичьи: рожь, овес и ячмень, а также лен и коноплю. Они сажали те же овощи, что и помещичьи крестьяне: капусту, репу, брюкву, свеклу, морковь и много луку. В 1783 году картофель (земляные яблоки) дворцовые крестьяне ели в Весьегонском, Вышневолоцком и Краснохолмском уездах, в других уездах Тверской губернии его ели только помещики.

Хотя с 1765 года крестьянам стали активно насаждать меры по посадке картофеля, который в те времена назывался «земляное яблоко», и питания им. Тверские карелы с тех пор и по сей день называют картофель «muajuablokka» (земляное яблоко).

В наставлении 1765 года говорилось, что первоначально картофель в России разводился в дворцовых и помещичьих садах Ингерман-

ландской губернии около Петербурга. К числу обязанностей сельских должностных лиц относилось приучение дворцовых крестьян к размножению в огородах земляных яблок и к привычке питания ими, а также стараться, чтобы и поля ими засевали. Отмечалось, что в тех странах, где питаются картофелем, нет такой его дороговизны, как в России.

Как отмечается в разных первоисточниках, в том числе описных книгах, составленных при приеме дворцовых имений в удельное ведомство после 1797 года, тверские карелы, кроме земледелия и скотоводства, занимались также пчеловодством. Пасек было немного, на каждой пасеке лишь до 5 ульев, в основном мед добывали в лесу. Карелы в лесу заводили бортные угодья, где каждое дерево давало для продажи до 0,5 пуда или 8 кг меда при цене 3 рубля 50 копеек ассигнаций за пуд [34].

Благодаря многократным переписям тверских карел, мы знаем их число и карельские деревни, как помещичьи, так и дворцовые, впоследствии – удельные.

Удельные крестьяне

В приказ ворота широки, да из него узки.

Категория «удельные крестьяне» просуществовала 68 лет, с апреля 1797 года по июнь 1865 года, когда они получили статус «крестьян-собственников».

В день своего коронования 5 апреля 1797 года император Павел I утвердил «Учреждение об императорской фамилии», которым перевел дворцовых крестьян в статус удельных. Были созданы ***сельские приказы,*** как выборные органы их самоуправления на местах. Каждому сельскому приказу подчинялись несколько десятков удельных деревень и сел. Центр сельского приказа находился в одном из административных сел бывшей дворцовой волости. В селе, где размещалась администрация сельского приказа, находились ***приказной голова, приказной старшина и писарь.***

После ликвидации Краснохолмского уезда в 1796 году деревни Корельско-Кошевского дворцовой волости снова отнесли к Бежецкому

уезду. В результате реформы 1797 года Корельско-Кошевскую удельную волость вместе с удельными карельскими деревнями Алафеевской и Юркинской волостей включили в состав Столбовского отделения Чамеровского сельского приказа. С этого времени все сведения о деревнях этих волостей с 6-й по 10-ю ревизии хранятся в материалах удельных крестьян Весьегонского уезда, по месту нахождения центра сельского приказа, а не Бежецкого уезда, по месту нахождения самих деревень.

По 5-й ревизии (1794–1795 гг.) число крестьянских душ, перешедших в 1797 году в удельные крестьяне, по России составляло 464 тысячи. В Тверской губернии насчитывалось 12,3 тысячи ревизских душ удельных крестьян, они имели наделы в пределах 3–4 десятин на одну душу. Это были переселившиеся сюда с Карельского перешейка и Приладожья карелы, которых сначала свезли в дворцовые волости и приходы, а позднее перевели в удельных крестьян.

В «Учреждении об императорской фамилии» предполагалось все удельные земли привести в такое состояние, чтобы каждому работнику досталось на тягло, кроме усадьбы и покосов по 9 десятин пашни в трех полях, озимом, яровом и паровом, или по 4–5 десятин на каждую ревизскую душу. Также предусматривалось, чтобы с учетом покосов, выгонов, лесов и других земель общего пользования, на удельную деревню или селение полагалось земли из расчета по 15 десятин на одну ревизскую душу.

За основу одного «тягла» обычно бралась семейная пара, так как в полное ***тягло*** включали мужчин в возрасте от 17 до 55 лет и женатых мужчин до 17 лет. В полутягло включали мужчин с 15 до 17 лет и с 55 до 60 лет.

При этом требовали, чтобы вся определенная для селения земля была крестьянами разобрана, но, *сколько каждый из них возьмет – должно быть зависеть от собственной воли крестьянина.* Распределение земли для каждой удельной волости, вотчины, деревни или селение было делом Департамента Уделов. А кем именно и сколько будет взято земли, это уже не дело удельных экспедиций, а дело самих крестьян, экспедиции должны были лишь наблюдать, чтобы никому из крестьян не было притеснения [35].

В «Учреждении императорской фамилии» 1797 года также предусматривался перевод с подушевой подати на поземельный сбор. Указывалось, что крестьянский оброк должен составлять половину дохода крестьян от пахотной земли, состоявшей под посевом. Огороды и луга

сразу же предоставлялись в бесплатное пользование удельных крестьян. Но эту коренную меру *по переходу на поземельный налог* вновь подняли в 1820-х годах, когда создали комиссию во главе с вице-президентом Департамента Уделов Л.А. Перовский, и смогли реализовать лишь в 1830-х годах.

С 1797 года удельные крестьяне стали иметь некоторые права, которых не было у помещичьих крестьян. Они получили право на сельское самоуправление, пользование мирской землей, право частной собственности на свои участки земли, дом и хозяйственные постройки. У них было право на наследование, заключение договоров и занятие ремеслами.

Одновременно 5 апреля 1797 года Павел I подписал Манифест в отношении крестьян ***о трехдневной барщине.*** Этим Манифестом впервые за время появления крепостного права в России ограничивалось использование крестьянского труда, как в пользу помещиков, так и в пользу императорского двора. С того времени помещичьи крестьяне отрабатывали барщину на помещиков, а удельные крестьяне проводили общественную запашку для императорского двора три дня в неделю. Воскресенье было выходным днем, оставшиеся три дня в неделю крестьяне использовали в собственных интересах.

Удельные крестьяне, с момента предоставления им статуса удельных крестьян в 1797 году получили право:

- свободного перехода в городское сословие или духовенство;
- свободное заключение брака;
- на частную собственность на земельные полевые наделы, усадьбу, дом, хозяйственные постройки и иные объекты недвижимости. Нужно отметить, что с момента переселения тверские карелы стали пользоваться полевыми наделами и усадьбами на праве личной собственности, не имея никаких на это документов. На практике переделы этих участков по инициативе сельской общины в удельных деревнях не проводились никогда, кроме совершения семейных разделов;
- на право наследования, заключения любых договоров по личным участкам земли, движимого и недвижимого имущества. У удельных крестьян правом наследования пользовались только сыновья, а дочери, при заключении ею брака, выдавали приданое, которое оставалось в ее личной собственности. Дочь удельного крестьянина становилась полноправной наследни-

цей дома и имущества, когда муж входил в ее семью «примаком». В любом случае земельные участки не были объектами наследования;
- на выбор рода занятий и предпринимательскую деятельность;
- на местное самоуправление сельской общины с правом владения и пользования мирской землей. Сельские общины имели в коллективной собственности полевые угодья, сенокосы, неудобья, лесные массивы, выгоны. Эти общинные земли запрещалось продавать, менять, закладывать, сдавать посторонним лицам в аренду;
- на обжалование действий удельной администрации, выборных должностных лиц местного самоуправления, на личное участие в суде при рассмотрении жалоб.

Сельские приказы рассматривали дела о выдаче крестьянам ссуд из сельского банка, о размежевании земельных участков, о продаже их крестьянам в собственность, составляли ревизские сказки, указывая число ревизских душ в каждой карельской деревне. Занимались рекрутскими наборами, семейными разделами земельных участков, не касаясь имущества, сбором недоимок. Они разрешали споры между крестьянами, организовывали работу на общественных запашках, составляли сведения о посевах зерновых культур в удельных деревнях, списки приказных служащих, решали другие вопросы. Члены сельских приказов избирались на деревенских сходах.

Запрещенными для удельных крестьян являлись такие занятия, как бурлачество, речной сплав, продажа алкогольных напитков, а для женщин – кормилицами воспитательных домов.

В то же время у тверских карел, как и у других удельных крестьян, не было права на выбор другого места жительства за некоторыми исключениями. Утвержденный в 1797 году «Порядок сельского внутреннего правления» закрепил в удельных деревнях принцип коллективной ответственности крестьянской общины за:
- раскладку между домовладениями, а позднее – между тяглами, основу которых составляла семья, и исправное внесение податей;
- исполнение почтовой и рекрутской обязанностей;
- ремонт дорог, мостов, содержание выгонов, колодцев, прудов, родников, рек;
- растрату сельским удельным приказом собранных денежных средств [36].

Сохранились дела ревизских сказок по удельным крестьянам по 6-й ревизии, проведенной в 1811 году. Но дело № 233 по этой ревизии удельных крестьян Весьегонского уезда, куда к Чамеровскому приказу было отнесено Столбовское отделение с нашими деревнями Корельско-Кошевской волости, не выдается исследователям из-за его ветхости.

В удельных деревнях издавна, еще со второй половины XVII века, большинством земель владели сельские общины, земли были размежеваны между деревнями, а в деревнях – между хозяйствами. На практике в карельских деревнях полевые наделы никогда не перераспределялись, кроме семейных разделов, ежегодно распределяли лишь покосы и неудобья.

С 1827 года частью земель ***общественной запашки*** стало владеть Удельное ведомство, в тот год по России насчитывалось 570 тысяч ревизских душ удельных крестьян. С земель общественной запашки пополнялись запасные хлебные магазины, которые выдавали в долг семена весной или хлеб в случае неурожая или его недостатка в семье. Десятипроцентный сбор от дохода общественной запашки направлялся в Удельное ведомство.

19 июля 1829 года министр Императорского Двора Петр Михайлович Волконский в своем докладе императору Николаю I вновь предложил перейти в удельных деревнях и селениях с подушевой подати на поземельный налог. Он считал, что взимание оброка по числу душ не может считаться рациональной системой обложения. Количество и качество земли, используемой удельными крестьянами, вернейший, а в некоторых губерниях – единственный источник их доходов. Для малоземельного крестьянина и небольшой оброк, по мнению министра, являлся отяготительным и убыточным для правительства, так как значительная часть доходов оставалась в недоимке.

В то же время многоземельные удельные крестьяне платили налог, далеко ниже своих имущественных средств. При подушной системе обложения утверждалось вредное и ложное понятие, будто бы удельная, казенная или помещичья земля составляют крестьянскую собственность.

Доклад министра Императорского Двора был передан императором на рассмотрение Государственного Совета. 16 января 1830 года император утвердил своим указом мнение Совета по этому вопросу, где было сказано: «Государственный Совет не может не одобрить

мнение министра Императорского двора о введении полезной для государства и благодетельной для удельных крестьян меры обложения их податями не по числу душ, а по количеству и доброте земли. Меры, в древние времена в России существовавшей, бывшей впоследствии предметом постоянных попечений правительства и предписанной Удельному Департаменту учреждением об Императорской Фамилии».

Указ о переводе удельных крестьян с подушевой подати на поземельный налог был утвержден Николаем I 24 января 1830 года: «Усматривая важную государственную пользу в установлении поземельного сбора, я повелеваю Департаменту Уделов неотлагательно приступить к введению оного в удельных имениях. Сей способ взимания податей не по числу душ, а по количеству земель, качеству угодий, и выгодам местного положения, должен отныне заменить в удельных селениях оброк по душам, падающий на крестьян не уравнительно» [37].

Из расчета поземельного сбора исключались леса, неудобья, участки земли, купленные крестьянами на собственные средства, а также поля общественной (мирской) запашки. Кроме поземельного сбора с удельных крестьян по-прежнему собирали подушевой оброк для содержания царской фамилии и удельного ведомства. Раскладка подушевой подати на домовладения не зависела от размера земельного участка, доходов, наличия скота и имущества в хозяйстве.

* * *

По 8-й ревизии (1833–1834 гг.) в Тверской губернии насчитывалось 22,9 тысячи ревизских душ удельных крестьян – тверских карел. К тому времени были переведены с подушевого оброка на поземельный налог 20,3 тысяч ревизских душ удельных крестьян.

По 10-й ревизии (1857 года) по Тверской губернии насчитывалось 27,5 тысяч ревизских душ тверских карел, которые относились к удельным крестьянам. Если в 1800 году тверские удельные крестьяне имели в среднем по 3,4 десятины пахотной земли, то в 1837 году – по 4,7 десятины, а в 1859 году – по 5,2 десятины на одну ревизскую душу [38].

Удельные крестьяне были обязаны, кроме выплаты оброка, снабжать дворцы, дачи и дома членов императорской фамилии и удельного ведомства хлебом с общественной запашки, дровами, древесным углем, дегтем, скипидаром, канатами и другими ремесленными изделиями.

Для лучшего управления удельными крестьянами указом императора Александра I от 15 мая 1808 года в России было образовано 19 удельных контор, в том числе Тверская удельная контора. С того, 1808 года, удельные крестьяне перешли в заведование удельных контор с оброком в 3 рубля ассигнациями с ревизской души. Оброки удельных крестьян были ниже оброков казенных крестьян на сумму от 50 копеек до 1,5 рубля с души. Каждый удельный крестьянин, который являлся ревизской душой, по закону имел права на земельный участок, приобретенный на собственные средства, наравне с правами помещика на свое имение.

Удельные крестьяне не состояли на барщине, за ними не было *постоянного* надзора со стороны администрации, контроль осуществляли органы местного самоуправления. Сельские приказы вмешивались в жизнь крестьянина лишь в случае самовольного семейного раздела, самовольного переселения из одной местности в другую, прошение милостыни и притворство в нищенстве, и другие нарушения общественного порядка.

Голова сельского приказа с согласия сельской общины имел право наказать крестьянина штрафом, назначением на общественные работы, поместить в смирительный дом или предать его суду. Согласно Инструкции управляющим удельным конторам от 31 августа 1808 года, удельных крестьян с того времени могли наказывать и за «дурное поведение».

Сначала сельский приказной голова лично давал советы и наставления крестьянину, который не уплачивал подати, отлынивал от работ, пьянствовал, воровал, распутствовал или вел другой подобный образ жизни. Если это не помогало, крестьянина вразумляли на сельском сходе, а при продолжении подобного поведения определяли наказание. Кроме штрафа и общественных работ, сельский сход мог применять такие меры наказания, как порка розгами, направление в рекруты, направление до 1809 года на каторгу, а после 1809 года – в Сибирь. Об исполнении наказания в отношении крестьянина за его «дурное поведение» сообщалось в удельную контору.

Тверская удельная контора объединяла следующие сельские приказы в местах компактного проживания карел:

- Алешинский и Толмачевский Бежецкого уезда;
- Арханский и Чамеровский Весьегонского уезда;
- Заборовский и Осеченский Вышневолоцкого уезда;

– Дорский Новоторжского уезда;
– Давыдовский Осташковского уезда;
– Елецкое отделение Ржевского уезда [39].

Все должностные лица приказного управления избирались сроком на 3 года, но с 1808 года полномочия приказного головы стали бессрочными. Приказной голова подчинялся удельной экспедиции, его перевыборы без согласования с удельной экспедицией были запрещены. Старшина приказа был обязан ежегодно на сходах отчитываться по расходу мирских сборов, об исполнении сборов и податей за прошедший год и раскладке их на следующий год.

В «Учреждении об императорской фамилии» 1797 года были закреплены принципы коллективной ответственности крестьянской общины за раскладку между домохозяевами и исправное внесение податей, исполнение рекрутской, почтовой, ремонтной (ремонт дорог и мостов. **– А.Г.**) повинностей.

На сходах сельского приказа принимали участие по два домохозяина от каждых 100 ревизских душ. Решением схода являлся мирской приговор, который становился обязательным для исполнения всеми крестьянами конкретного сельского приказа. Решения стихийных общих сходов жителей сел и деревень сельского приказа, не объявленных приказным головой, считались недействительными и к исполнению не принимались.

С 1827 года запрещалось принимать участие в сходах всех должников по уплате податей. Одновременно стали записывать в мирской приговор всех крестьян, не явившихся на сход, а также имевших особое мнение, крестьян за неявку на сход наказывали штрафом.

В удельных селах и деревнях сроком на один год избирали деревенских старост, находившихся в подчинении сельского приказа. Деревенский староста на каждые 10 дворов назначал *десятского* сроком на один месяц. С 1808 года в удельных деревнях была введена должность ***добросовестного крестьянина*** для разбора возникавших между жителями деревни мелких споров с целью их примирения. Эти добросовестные крестьяне избирались по двое на деревню сроком на один год, до 1827 года работали на общественных началах, с 1827 года им было установлено жалованье в пределах 6–10 рублей в год за счет мирских сборов.

За непослушание приказному голове, старшине приказа и деревенским старостам или оскорбление их словом, виновные наказывались

штрафом в сумме 1,5 рубля. За рукоприкладство и другое оскорбление их действием виновные наказывались штрафом в размере 4,5 рубля, тюремным заключением или общественными работами на срок до 3 месяцев.

В то же время, за «нетрезвую жизнь» или дурное поведение приказной старшина и заседатели приказа смещались с должности управляющим удельной конторой, а приказной голова – Департаментом уделов. Растрата ими денежных средств или взятка каралась отдачей в рекруты, ссылкой в крепостные команды или на поселение с возмещением ущерба из имущества виновного. Управляющий удельной конторой имел право наказывать сельских выборных лиц штрафом в размере месячного оклада или годового сбора с одной ревизской души, это обычно 3–5 рублей.

В 1808 году за удельными крестьянами признали право на приобретение дополнительных наделов за счет казенных земель. На практике эти наделы получили удельные карелы Тверской губернии, а также удельные крестьяне северных губерний за счет расчистки лесов. На этих территориях по-прежнему действовал обычай наследственного пользования земельными участками, как это было до обращения дворцовых крестьян в удельные.

Кроме собственных усадеб и участков пахотной земли удельных крестьян, другими полевыми угодьями, как и сенокосами, неудобьями, выгонами и некоторыми лесами владели сельские общины. Они имели право ежегодно перераспределять земельные участки между домохозяевами деревни, но чаще всего перераспределяли сенокосы и неудобья, не затрагивая полевых угодий. Большинство лесов, а также участки земель общественной запашки, принадлежали удельному ведомству, собранный хлеб с которых ему передавали натурою.

До 1863 года для удельных крестьян действовал *принцип распределения земли – столько, сколько каждый возьмет.* Поэтому ежегодно сельские общины и многие домовладельцы расширяли свои поля за счет корчевки кустарника, мелколесья и даже леса. Прежде всего, это были ольшаники и кустарники, реже – хвойные леса, в которых крестьянам выделили участки для заготовки бревен на строительство домов и хозяйственных построек. Обычно эти участки находились по краям хвойного леса, крестьяне вывозили бревна, корчевали пни и вывозили их в риги. Оставшиеся сучья и вершины сжигали на месте лесозаготовок, потом на этом участке сеяли лен или рожь.

Удельные крестьяне Бежецкого уезда ко времени реформы 1863 года имели в среднем на одно хозяйство по 6,5 десятин пашни, 5,4 десятин сенокосов, по 33 сотки усадьбы, по 31 сотке выгонов, по 34 сотке леса и 28 соток неудобий и кустарников.

Распределение земельных участков у удельных крестьян лежало не на администрации, их распределяли сами сельские общества. Удельные крестьяне имели право покупать новые земельные участки и продавать свои вместе со строениями. Удельные крестьяне мужского пола могли переходить в сословие мещан или купцов при уплате выходных денег за всех членов своей семьи. Женщины имели право переходить в другие сословия при замужестве, когда за нее выплачивали выходные деньги. Удельные крестьяне могли получать займы в удельной конторе, гражданские дела в отношении них помогали вести удельные стряпчие.

После перевода в 1797 году дворцовых крестьян в удельные, ими до 1852 года ведал Департамент уделов, как присутственное место Министерства императорского двора и уделов. Департамент уделов ведал собственностью императорской фамилии – удельными крестьянами, земельными владениями, лесами, дачами, имениями, рудниками, фабриками и другой собственностью.

В 1852 году Департамент уделов вместе с Кабинетом императорского двора был преобразован в Министерство уделов, а через четыре года перешел в подчинение Министерства императорского двора и уделов. В 1892 году Департамент уделов был преобразован в Главное управление уделов.

* * *

В 1897 года отмечалось столетие создания удельного ведомства, был составлен статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию за 1797–1897 годы. За эти сто лет удельное ведомство отпустило членам императорской фамилии денег на общую сумму 236 млн 308 тыс. 791 рубль серебром. Из них на личное содержание членов императорской фамилии израсходовали 139 млн рублей серебром.

Значительные затраты шли на строительство и обустройство царских дворцов. Больше всего денег потратили в период с 1816-го по 1841 год на строительство Аничкова дворца – 6 млн 723 тыс.

229 рублей. На строительство Красносельских дворцов потратили 4 млн 619 тыс. 236 рублей, Ливадийского дворца в Крыму за 1862–1867 годы – 4 млн 124 тыс. 137 рублей. Кроме того, на деньги удельных крестьян были построены Николаевский и Ораниенбаумский дворцы, а также дворцы на Южном берегу Крыма в Ореанде – 1842–1852 годы, и Ливадии – 1862–1866 годы.

На заграничные вояжи членов царской семьи за 100 указанных лет потратили 7,5 млн рублей серебром и еще 6 млн рублей на единовременные расходы в связи с бракосочетаниями и другими семейными обстоятельствами царской фамилии. Отпуск денег из удельного ведомства на заграничные вояжи с 1797 по 1858 годы проводился без соблюдения каких-либо норм. Эти нормы были определены указом императора Александра II от 3 октября 1858 года.

Нужно отметить, что при императоре Павле I удельными деньгами пользовались всего 4 члена императорской семьи, они потратили за 10 лет его правления 2 млн 10 тыс. 957 рублей серебром. При императоре Александре III 46 членов императорской семьи потратили за 10 лет с 1887 по 1896 годы 52 млн 598 тыс. 915 рублей. За это время оброк с каждой ревизской души удельных крестьян вырос с 3 до 6 рублей серебром [40].

По данным 5-й ревизии, проведенной в 1795 году, в России насчитывалось 467 тысяч ревизских душ мужского пола, относящихся к удельным крестьянам. С каждой ревизской души брали оброк по 3 рубля, за один год собирали 1 млн 401 тысячу рублей оброка, за 10 лет – свыше 14 млн рублей. Таким образом, императорская семья Павла I тратила около 14% всех денег удельного ведомства.

По данным 10-й ревизии, проведенной в 1856 году, в России насчитывалось 838 тысяч ревизских душ мужского пола (старше 15 лет. – **А.Г.**), относящихся к удельным крестьянам, а к концу XIX века – около 1 млн ревизских душ. С каждой ревизской души тогда собирали оброк по 6 рублей, за один год – около 6 млн рублей, а за 10 лет – 60 млн рублей. Таким образом, императорская семья Александра III тратила около 87,7% всех денег, собранных удельным ведомством с удельных крестьян [41].

Местное самоуправление удельными крестьянами в период с 1797-го по 1861 год стало, своего рода, образцом для волостного самоуправления во время реализации крестьянской реформы второй половины XIX века.

Дела Чамеровского сельского приказа

Хорошее дело надо делать,
плохое само выходит.

По архивным материалам Чамеровского сельского приказа Тверской удельной конторы, куда в составе Столбовского отделения относились и наши деревни Корельско-Кошевской волости, можно иметь некоторое представление о жизни удельных крестьян до их реформы 1863 года. В Столбовское отделение Чамеровского сельского приказа входили также удельные карельские деревни Алафеевской и Юркинской волостей Бежецкого уезда. Кроме них в Чамеровский сельский приказ входили Бухаловская, Кесемская и Чамеровская волости Весьегонского уезда, а всего 6 волостей.

Нужно отметить, что после перевода в 1797 году всех дворцовых крестьян в удельные, *в местах их проживания по-прежнему сохранялись волости,* в каждом сельском приказе было по 5–6 волостей. По примеру дворцовых волостей, а затем волостей сельских приказов, после 1861 года волости были образованы повсеместно.

Одной из основных задач удельного ведомства являлся сбор информации обо всех ревизских душах, с которых можно было получать государственную подать и общественные сборы. Эти переписи крестьян получили названия ***ревизских сказок.*** Первая ревизия была проведена на основании указа императора Петра I от 26 ноября 1718 года. В период с 1 августа 1833 года по 1 мая 1834 года проходила перепись ревизских душ по 8-й ревизии. Как она проходила, можно судить по примеру Чамеровского сельского приказа.

Тверская удельная контора, в подчинении которой находились все сельские приказы, 21 июля 1833 года дала всем им подробное предписание о проведении 8-й ревизии на основании указа Правительствующего Сената от 27 июня того же года. Всем сельским приказам поручалось немедленно приступить к производству народной переписи и составлению ревизских сказок без малейшего отступления от правил и, не пропуская срока, назначенного для подачи сказок.

Действие переписи начиналось со дня получения на местах высочайшего Манифеста императора от 16 июня того года, и заканчивалось 1 мая 1834 года. После этого устанавливался дополнительный срок до 1 августа для проверки всех списков.

В перепись вносились все души мужского и женского пола, туда не вносились все, принадлежащие военному ведомству, в том числе:

1. Дети, рожденные от солдат во время их службы.
2. Дети инвалидов.
3. Дети отставных солдат, отцы которых после службы не получили обратно свои участки для хлебопашества или не водворились на казенных землях.
4. Дети тех кантонистов, которые по исключению из военного ведомства, оставлены на основании указа от 6 декабря 1828 года для пособия отцам, получившим на войне увечье. Кантонистами тогда называли малолетних и несовершеннолетних сыновей нижних воинских чинов, обязанных служить в военном ведомстве в силу своего происхождения.
5. Дети, матери которых были беременны при отдаче мужей их на военную службу.
6. Дети, незаконно рожденные солдатскими женами, равно вдовами и дочерьми их.
7. Те лица, которых обязали избрать определенный род жизни на основании комитета удельного министерства от 4 октября 1832 года, и поступили в служебные должности при казенных местах и к моменту переписи находились на действительной службе.

Ревизские сказки поручено было составить в отношении удельных и сохранившихся к тому времени дворцовых крестьян, их сельским начальством под собственным надзором их местного управления. В период основного срока проведения переписи, с первого дня ее начала запрещалось переселение удельных крестьян из одной губернии, уезда, волости или селения в другие, а также удаление их в Сибирь по мирским приговорам. Каждый удельный крестьянин должен был оставаться в том звании, в каком ревизия его застигнет.

Тверская удельная контора предписывала всем сельским приказам порядок проведения переписи. «На первой мирской сходке прочитать эти правила крестьянам и об этом слушании составить приговор. После этой сходки собрать всех грамотных крестьян, знающих в данном обществе всех крестьянских детей. Может, найдутся крестьяне, которые умеют писать и могут составить именные списки. Эти списки, как можно быстрее, передать в удельную контору с подписями для видимости, кто как пишет. Затем по тем спискам назначить нужное число писцов по волостям для составления ревизских сказок.

Писари сельских приказов должны присоветовать переписчикам, писать в одинаковой форме. Когда волостной писарь поймет, кто может быть переписчиком, то определяет, какие селения ему переписать, и дает ему бумаги с печатями и заверенные подписью головы сельского приказа и писаря с обозначением имен сельских старост.

После проведения переписи в селении, староста должен дать знать письменно сельскому приказу, что такое селение таким то писарем описано, и никто не пропущен и дважды не записан. Сельский приказ должен в течение 2 недель собрать от старост эти донесения и представить удельной конторе ведомости с указанием, какие селения описаны. Ревизские сказки писать по той же форме, которая устанавливалась по 7-й ревизии. При составлении списков нужно было запросить от приходских священников выписки из метрических книг со сведениями об умерших и рожденных жителях прихода после 7-й ревизии».

Тверская удельная контора предписывала, что во время переписи, ни под каким видом не отвлекать крестьян от полевых работ, особенно тех, кто находятся в отдаленности для работ и промыслов. «Записи проводить в рабочее время тех, кто занимается дома, спрашивать обо всех его обитателях, проверять по паспортам и билетам тех, кто в отлучке, и проверять всех по данным 7-й ревизии.

Нельзя полагать, чтобы не было самовольно разделившихся семей или переселившихся из селения в селение до указа от 4 декабря 1826 года и после него. Все ревизские списки писать сначала начерно, после проверки составить второй черновой список, а затем только по установленной форме. Вторые черновые списки представить в удельную контору в первых числах ноября 1833 года. Объявить писцам, что за усердие они получат от удельной конторы благодарности и денежное награждение по мере их успехов».

Ревизские сказки подписывались их составителями и теми общественными начальствами, через которые сказки представлялись в ревизские комиссии. Перед тем, как отправить ревизские сказки в ревизские комиссии, они троекратно прочитывались на сельских сходах для удостоверения самих селян, что никто в переписи не пропущен. Удостоверение о таких прочтениях делалось на самой сказке. После этого ревизские сказки подавались составителями в ближайшее над ним начальство, а от них – в ревизские комиссии.

После основного срока подачи ревизских сказок к 1 мая 1834 года, начинался дополнительный срок до 1 августа 1834 года для проверки.

В случае выявления людьми правительства неучтенных ревизских душ, виновные подвергались платежу государственных податей в двойном размере и штрафу 250 рублей за каждую пропущенную душу мужского пола, а также личному наказанию по суду.

К письму Тверской удельной конторы была приложена установленная форма составления списков для писцов: название уезда, приказа, волости, села, деревни. В каждом селе или деревне: число дворов, наличие числа душ, отдельно мужчин и отдельно женщин. На основании этих списков сельский приказ представлял сведения по каждому селу и деревни: число мужчин и женщин по 7-й ревизии, сколько прибыло мужчин и женщин, сколько убыло мужчин и женщин, налицо мужчин и женщин по 8-й ревизии [42].

Например, по Чамеровскому сельскому приказу, без учета деревень трех волостей Столбовского отделения, по 8-й ревизии насчитали: в Чамеровской волости 34 селения, 1570 мужчин и 1850 женщин; в Бухаловской волости 21 селение, 995 мужчин и 1112 женщин; в Кесемской волости 27 селения, 1130 мужчин и 1186 женщин [43].

Исходя из данных 8-й ревизии по Корельско-Кошевской удельной волости Столбовского отделения Чамеровского сельского приказа, в разные годы набор в рекруты тверских карел был от 1 до 8 человек по волости, где проживало 807 душ мужского пола. Например, в 1818, 1824, 1830, 1832 годах брали по одному рекруту с 800 душ мужского пола. С 1821 по 1823 годы и в 1825–1826 годах вообще рекрутов в волости не брали. В 1819 году брали одного рекрута с 200 душ мужского пола, в 1828 году – со 135 душ, в 1831 году – со 100 душ мужского пола или 8 рекрутов по волости.

Тверская удельная контора 19 августа 1833 года направила предписание всем сельским приказам о наборе с каждой 1000 ревизских душ по 4 рекрута, набор провести в период с 1 ноября 1833 года по 1 января 1834 года. «При получении предписания собрать мирскую сходку сельского приказа, куда вызвать домохозяев из каждого селения и зачитать им предписание. Тут же велеть им разделиться на кучки по селениям, чтобы они на каждую тысячу душ рекрутского участка избрали рекрутского старосту, а также отдатчика. Они должны назначить людей в рекруты, руководствуясь очередным спискам, из которых составить именной список. Этот список, составленный рекрутским старостой, рассмотреть на мирском сходе рекрутского участка.

По исправлению списка на мирском сходе хранить его в полной готовности до прибытия помощника управляющего удельной конторой для рассмотрения и проверки семейств. После проверки велеть составить мирской приговор, в котором указать назначаемые к поставке в рекруты семейства и еще по два подставных семейства. В каждом этом семействе в рекруты брать по одному человеку».

Назначали сбор сумм с крестьян на отдачу рекрутов, поддержание отдатчика и полевое обмундирование рекрута, всего по 33 рубля на каждого рекрута. Кроме того, дополнительно собирали еще по 3 рубля на одного рекрута на провиант и издержки при его доставлении на службы. В рекруты записывали мужчин не моложе 20 лет и не старше 35 лет, ростом в 2 аршина 3 вершка, или не ниже 156 см, так как один аршин равнялся 71,12 см, один вершок – 4,44 см.

По Чамеровскому сельскому приказу в 1833 году были включены в списки для отдачи в рекруты 13 крестьянских семей из разных селений [44].

Удельное ведомство не допускало самовольное переселение крестьян и их самовольные семейные разделы. 15 ноября 1835 года Тверская удельная контора обратилась с предписанием ко всем сельским приказам: «Для удержания удельных крестьян от самовольных разделов на разные семейства, а также переселений, столь вредных по своим последствиям, в разные годы были изданы постановления о взыскании штрафов и об особых наказаниях, как самих виновных крестьян, так равно приказных старшин, допускающих подобные своевольства. Несмотря на все таковые меры, самовольные переселения и разделы нередко встречаются и ныне. Департамент уделов находит, что беспорядки преимущественно происходят от послаблений, а иногда злоупотреблений сельских начальников и приказных старшин, которые в результате довольно умеренного взыскания, налагаемого на них существующими правилами, допускают подобные случаи и, быть может, извлекают из них собственную выгоду.

По этим причинам Департамент уделов признал необходимым усилить меры взыскания с означенных лиц. Они будут отдаваться в рекруты, а неспособные – ссылаться на поселение, как люди неблагонадежные и вредные».

К письму Тверской удельной конторы были приложены *новые правила о взысканиях за самовольное переселение и раздел семейства удельных крестьян.* «В случае самовольного переселения крестьян,

возвращая их непременно на прежние места жительства, с взысканием за каждую душу мужского пола самовольно переселившегося семейства по 10 рублей. Отдавать виновных хозяев семейств в рабочий дом или наряжать на общественные работы на срок от одного до двух месяцев.

Если беспорядок допущен местным сельским начальством по недостатку надзора, без всякого злоупотребления, то с приказных старшин взыскивать по 10 рублей, с сельских начальников взыскивать по 25 рублей за каждую душу мужского пола переселившегося семейства. Сельских начальников, отрешая от должности, наряжать на общественную работу. Если будет с их стороны какое-либо умышленное злоупотребление, то виновных отдавать в рекруты, а неспособных к тому ссылать на поселение, как людей неблагонадежных и вредных.

Крестьян, самовольно разделившихся, соединяя по-прежнему в одно семейство и, наряжая на общественную работу, подвергать и денежному наказанию по 10 рублей за каждую душу мужского пола».

Правила были утверждены 22 сентября 1835 года министром императорского двора и должны быть исполняемы во всей полноте.

Столоначальник Чамеровского сельского приказа Токарев на письмо Тверской удельной конторы сообщал, что в период с 1807 по 1831 годы в селениях приказа самовольно разделились 9 семейств, число душ мужского пола в них 22 человека [45].

Нужно отметить, что получение разрешения ведомством на переселение удельные крестьяне добивались в длительный период времени. Как пример, переселение карельских семей из Калязинского уезда в Кашинский уезд.

* * *

2 декабря 1839 года Тверская удельная контора направила предписание в Чамеровский сельский приказ. В нем говорилось, что крестьяне деревень Столбовского отделения Чамеровского приказа Якимовская, Сенино и Серково Калязинского уезда просят Департамент уделов о переселении их из этих деревень на пустошь Вахромеиху с пустошами Жернохово, Милбуево, Горка, Печенниково и Жимихово. Все эти пустоши находились в Кашинском уезде, с 1838 года были во владении крестьян весьегонского помещика Дюкина.

Тверская удельная контора предписывала Чамеровскому приказу объявить старосте помещика Дюкина крестьянину деревни Григорково Евдокиму Данилову, согласен ли он будет за отобрание у них означенных пустошей. На это предписание приказной старшина Чамеровского приказа ответил в Тверскую удельную контору, что староста Евдоким Данилов должен согласовать эти пустоши со своим управляющим имениями помещика Дюкина майором Сомовым.

Вотчинная контора сельца Кобылино 9 февраля 1840 года ответила в Тверскую удельную контору, что эти пустоши были распределены между 20 селениями. Большая часть этой земли засеяна, на остальные участки вывезено удобрение, о чем вотчинная контора сельца Кобылино уведомила Чамеровский сельский приказ и управляющего майора Сомова.

Через некоторое время, в сентябре 1840 года, вотчинный староста весьегонского помещика Бориса Николаевича Дюкина Евдоким Данилов сообщил в Тверскую удельную контору, что желает полюбовно размежевать землю, находящуюся во владении Дюкина. Вместо указанных пустошей площадью 193 десятины 1597 саженей он предложил удельному ведомству другие пустоши – Житово и Скоково, площадью 77 десятин. Остальные недостающие десятины предлагал обменять у ярославского помещика графа Мусина-Пушкина, а именно пустоши Едрово и Устимовское, в которых значилось 144 десятины.

Сообщая об этом 31 октября 1840 года Чамеровскому приказному старшине, Тверская удельная контора поручала ему учесть, что Департамент уделов определил жителей деревень Якимовская, Сенино и Серково малоземельными, но предписал Тверской удельной конторе оставить их на прежних местах жительства впредь до введения у них поземельного сбора.

«Если при введении этого сбора означенные деревни окажутся малоземельными, то войти в Департамент уделов с представлением о переселении просителей. Объявить старосте помещика Дюкина Евдокиму Данилову, что до введения поземельного сбора по Столбовскому отделению никаких распоряжений, относящегося до полюбовного раздела земли, он производить не может».

В 1843 году на пустошь Вахромеиха Кашинского уезда вблизи от приказного села Столбово переселились 9 семей из карельской деревни Якимовская, 4 семьи из деревни Сенино и 5 семей из деревни Серково Калязинского уезда. Переселившись на эту пустошь, удельные

крестьяне назвали свою деревню Ильинской с населением 51 душа мужского пола [46].

Нужно отметить, что по переписи 1859 года в карельских удельных деревнях Калязинского уезда Тверской губернии оставались проживать:

1. Деревня Авсерьево, в 7 верстах от Калязина, 56 дворов, 164 жителя мужского пола и 221 женского пола.
2. Деревня Сенино, в 12 верстах от Калязина, 5 дворов, 21 житель мужского пола и 27 женского пола.
3. Деревня Серково, в 9 верстах от Калязина, 9 дворов, 39 жителей мужского пола и 48 женского пола.
4. Деревня Федорцово, в 15 верстах от Калязина, 5 дворов, 13 жителей мужского пола и 16 женского пола.
5. Деревня Якимовская, что по Московскому тракту, в 10 верстах от Калязина, 30 дворов, 110 жителей мужского пола и 117 женского пола.

Во вновь образованной на пустоши Вахромеиха карельской деревне Ильинская Кашинского уезда, что в 32 верстах от Кашина и полутора верстах от центра сельского приказа села Столбово, в 1859 году было 34 двора, 97 жителей мужского пола и 132 женского пола [47].

* * *

Общим циркуляром по Удельному ведомству от 14 октября 1860 года установлено, что из незначительных сумм, получаемых крестьянами случайно, и принадлежащих мирскому обществу, были составлены новые мирские капиталы. В случае их накопления более 100 рублей, вносить их в сельские банки для приращения процентов, потом расходовать их по мирским приговорам на мирские нужды.

Циркуляром было поручено удельным конторам, чтобы удельные крестьяне вносили мирские сборы в сельские банки, начиная с 5 рублей, а не со 100 рублей, как было до этого [48].

Сразу же после объявления Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, 23 апреля 1861 года император Александр II наградил орденами, подарками и денежными премиями достаточно много чиновников Удельного ведомства, в том числе и удельных контор. По Тверской губернии никто из чиновников и органов местного самоуправления орденами награжден не был. Единовре-

менной денежной премией в числе других был награжден секретарь столоначальника Тверской удельной конторы *Ливановский,* который впоследствии был утвержден столоначальником этой конторы.

Серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте, были награждены казенный заседатель Заборовского сельского приказа *Аверьянов* и сельский мещанин *Пивоваров* Тверской удельной конторы.

Нарядными кафтанами наградили голову Чамеровского сельского приказа *Токарева,* фельдшера этого приказа *Кузнецова,* смотрителя общественной запашки Заборовского сельского приказа *Лапина,* приказного заседателя Давыдовского приказа *Дмитриева,* лесного старшину Осеченского приказа *Мельникова.*

Денежными премиями были награждены сельские мерщики Тверского удельного имения *Никита Шишмарев и Тимофей Турбин* [49].

В этот период времени уже готовились материалы по проведении реформы в отношении ***удельных крестьян,*** которая была утверждена указом императора Александра II от 26 июня 1863 года.

Реформа 1863 года в отношении удельных крестьян

Когда власть делили, нас позвать забыли.

Заботы о переустройстве быта удельных крестьян начались почти одновременно с разработкой мероприятий по освобождению помещичьих крестьян от крепостного права.

В 1858 году был учрежден Комитет для устройства поземельных отношений и положения крестьян государственных, удельных, государевых, дворцовых и заводских. Комитет выжидал результаты работы губернских редакционных комиссий по общей крестьянской реформе для согласования с ними своей деятельности. Этим он объяснял обстоятельство, что Положение о поземельном устройстве бывших удельных крестьян вышло на два с лишним года позднее Положения о помещичьих крестьянах, а именно, 26 ноября 1863 года.

Указом императора от 20 июня 1858 года были внесены изменения в гражданском и юридическом быте всех удельных крестьян. Отменены постановления, приравнявшие их к крепостным людям, дарованы

некоторые личные и имущественные права наравне с другими свободными сельскими сословиями.

В указе императора говорилось: «Предоставить впредь удельным крестьянам право по своему усмотрению приобретать в собственность, без разрешения Департамента уделов и его имени, всеми законными способами, от лица своего и других состояний ненаселенные земли, равно, как и отчуждать, кому пожелают, собственные земли свои. Совершать своим именем, установленные для сего акты, и вообще располагать приобретенными таким образом землями и всем находящимся на поверхности и внутри оных на правах полной собственности.

При сем вменить удельным крестьянам только в обязанность о приобретении и отчуждении земли предварительно объявлять каждый раз местному удельному приказу, где таковой есть. По совершенным до сего времени, именем Департамента уделов, актам на собственные земли удельных крестьян сделать надлежащие на имена владельцев передачи» [50].

Также было разрешено удельным крестьянам переходить в городские и другие свободные сельские сословия, при этом прежний сбор с переходящего семейства при причислении в купечество по 1500 рублей, а в мещанство – по 600 рублей, *был отменен.* Вдовам и дочерям удельных крестьян дозволили выходить замуж за людей других сословий без внесения какой-либо платы.

Удельным крестьянам по указу от 20 июня 1858 года было разрешено в тяжбах, исках и вообще в гражданских делах с лицами других ведомств ходатайствовать, чтобы с их стороны участвовали грамотные люди, назначенные сельским обществом с разрешения его начальства. Удельные крестьяне также могли просить участвовать в судах на их стороне судебных стряпчих [51].

Указом императора Александра II от 5 марта 1861 года было повелено:

1. Обязательные работы на общественных запашках отменить после уборки урожая хлебов в 1861 году.
2. Прекратить взимание оброка с удельных крестьян, живущих на собственных или наемных землях, и не пользующихся наделами от удельного ведомства. Оставить, однако, на обязанности крестьян, по принадлежности, на месте жительства и приписки, исполнение прочих государственных податей, повинностей и общественных сборов [52].

18 марта 1861 года Департамент уделов направил по конторам удельного ведомства циркуляр в отношении крестьян государевых, дворцовых и удельных имений. В нем говорилось, что указами Министра императорского двора и уделов от 20 июня 1858 года и 26 августа 1859 года этим крестьянам были дарованы все личные по имуществу права. После издания Манифеста о выходе помещичьих крестьян от крепостной зависимости Департамент уделов признал справедливым позаботиться также о государевых, дворцовых и удельных крестьянах. Поэтому им этим циркуляром предоставляются те из прав и преимуществ, дарованных крестьянам, водворенным на помещичьих землях, которыми крестьяне удельного ведомства еще не пользуются.

Всем удельным конторам было поручено подвергнуть тщательному пересмотру существовавших постановлений о крестьянах удельного ведомства и *составить проект правил о наделе землею, повинностях и управления крестьян государевых, дворцовых и удельных имений,* приняв в основание следующие главные начала:

1. Предоставить крестьянам упомянутых имений, если они пожелают, сохранить за собой все состоящие в их пользовании угодья за нынешние повинности, в продолжение пяти лет со дня обнародования настоящего указа. Между тем, в каждом имении должно быть отведено в постоянное пользование крестьянам определенное количество угодий на основании правил, установленных в местном положении о крестьянах, водворенных на помещичьих землях.
2. Оброки и поземельные сборы за угодья, отводимые в постоянный надел крестьян, не должны превышать ни окладов, которыми они ныне обложены, ни оброков, определенных с крестьян, водворенных на помещичьих землях.
3. Установленные на этом основании повинности должны оставаться неизменными в течение 20 лет.
4. Предоставить право крестьянам, как в составе целого селения, так и отдельным домохозяевам, выкупать их усадебную оседлость по оценке не свыше той, какая установлена для выкупа усадеб крестьянами, водворенными на помещичьих землях.
5. Предоставить право крестьянам приобретать в собственность вместе с усадьбами и полевые угодья по добровольному соглашению с удельным ведомством. Для чего установить, применяя

к существующему ныне порядку, правила об оценке выкупаемых угодий и об облегчении крестьянами приобретения земель в собственность, посредством рассрочки уплаты выкупной суммы.

6. Устроить мирское управление и крестьянские суды, и определить отношение удельных контор к этому управлению, применяясь к тем началам, которые приняты для крестьян государственных и водворенных на помещичьих землях.

Департамент уделов поручал удельным конторам, составив проекты правил об устройстве крестьян государевых, дворцовых и удельных имений, внести их на рассмотрение в учрежденный Главный комитет об устройстве сельского состояния. Во исполнение Указа императора от 5 марта 1861 года, для предоставления некоторого облегчения крестьянам государевых, дворцовых и удельных имений, Департамент уделов повелевал:

1. Обязательные работы на общественных запашках отменить после уборки урожая 1861 года, установив тем самым меры обеспечения продовольствия крестьян на общем для сельских свободных сословий основании.
2. Прекратить взимание оброка с крестьян, живущих на собственных или наемных землях, и не пользующихся наделом удельного ведомства. Однако оставить на обязанности этих крестьян по принадлежности их места жительства или прописки, исполнение прочих государственных податей и повинностей, а также общественных сборов.

Циркуляр подписал председатель Департамента уделов, генерал от инфантерии Муравьев. Министром императорского двора и уделов, куда входил этот департамент, в то время служил генерал от инфантерии, генерал-адъютант граф Адлерберг [53].

27 ноября 1862 года министр императорского двора В.Ф. Адлерберг представил императору Александру II проект «Положения об устройстве крестьян в имениях государевых, дворцовых и удельных». В своем докладе он обращал внимание на оставление поземельного сбора с удельных крестьян, введенного в 1830-е годы и сохранении крестьянских наделов без уменьшения, в случае уменьшения должен соответственно понизиться и поземельный сбор.

Он писал, что крестьяне соседних помещичьих деревень не будут протестовать, узнав о лучшем обеспечении землей удельных крестьян.

Их больше заботит сохранение своего надела, а не сравнение с наделами соседних удельных деревень.

Император Александр II принял доклад министра Адлерберга и повелевал внести проект Положения в Главный комитет по устройству сельского состояния. В мае 1863 года Департамент уделов собрал в секретном порядке от управляющих удельными конторами сведения о мнении и настроениях крестьян в связи с подготовкой реформы в отношении удельных крестьян. Выясняли мнение бывших помещичьих крестьян, которые получили наделы меньше, чем удельные крестьяне.

Выяснилось, например, что по одному из сельских приказов Тверской удельной конторы крестьяне пользовались землей по площади больше, чем платили поземельный сбор, так как ее не измеряли, а оценили приблизительно. Было решено проводить отрезку земель у удельных крестьян по минимуму, чтобы не было волнений.

Император Александр II своим указом от 26 июня 1863 года утвердил «***Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых и удельных имений***».

* * *

Тверская удельная контора 31 июля направила во все сельские приказы постановление Тверского губернского по крестьянским делам присутствия о распределении приказов и селений Тверского имения между существующими мировыми участками. Головам сельских приказов было велено исполнять все требования мировых посредников после приема ими в свое заведование сельских приказов.

На основании Положения от 26 июня 1863 года удельные крестьяне были переданы из Удельного ведомства в ведение губернских и уездных управлений. Они были обязаны приступить к выкупу отведенных им по уставным грамотам наделов через два года со дня утверждения Положения.

Уплату ссуды и процентов по ней бывшие удельные крестьяне проводили по тем же правилам, что и бывшие помещичьи крестьяне, в течение 49 лет. Отличие было лишь в том, что они, через два года после объявления Положения, приступая к оплате, сразу же становились *крестьянами-собственниками,* минуя статус «*временно-обязанных*»

крестьян каковыми становились бывшие помещичьи крестьяне. В состав крестьянского надела бывших удельных крестьян включались одни удобные земли, леса в надел не включались [54].

В первые годы, после объявления реформы 1863 года бывшие удельные крестьяне не замечали, что у них провели отрезку надельной земли. Они по-прежнему полностью засевали свои наделы, полностью выкашивали луга, довольно свободно пользовались удельными лесами. Постепенно, когда удельное ведомство и лесное хозяйство ужесточили контроль над землей и лесами, у крестьян начали сказываться последствия уменьшения наделов и лишения права пользования лесами.

От тверских карел каких-либо жалоб по этому поводу не поступало, в отличие от бывших удельных крестьян Архангельской и Вологодской губерний. Хотя по правилам Положения от 26 июня 1863 года леса в состав крестьянских наделов не включались, а бывшие удельные крестьяне могли иметь лес для постройки домов и хозяйственных построек, ближайшие лесные угодья передавались за незначительную плату в аренду сельским обществам сроком на 48 лет. Ежегодная плата за аренду устанавливалась единожды при заключении соглашения, и более не поднималась. Сельские общества должны были оберегать переданные в аренду лесные участки от самовольных порубок и пожаров [55].

Департамент уделов с началом реформ провел ревизию всех удельных лесов, в 1883 году принял новую «Инструкцию для устройства удельных лесных дач». На каждый год стали определять количество возможных вырубок в удельных лесах и продажи древесины. Со временем была организована охрана лесов от порубок и потрав.

До крестьянской реформы 1863 года охрана удельных лесов лежала на самих удельных крестьянах. После реформы охрану удельных лесов поделили между крестьянами и вольнонаемной лесной стражей. Крестьянам в нашей местности перешли ельники и леса для заготовки дров, лесная стража охраняла все остальные удельные леса. Лесные сторожа нанимались с жалованием от 60 до 120 рублей в год. Для надзора за ними и объездами назначались лесные смотрители с жалованием от 240 до 300 рублей в год.

Начиная с 1883 года лесникам стали передавать бесплатный надел в 1,5 десятины усадебной земли, они также могли приобрести за деньги наделы от 8 до 10 десятин угодий. Лесники получили право пасти до

10 голов личного скота в удельном лесу. Леса были поделены на две категории, в зависимости от прав жителей на вхождение в лес для сбора грибов, ягод и мха. В леса первой категории не допускали никого. В леса второй категории допускались жители деревень, имеющих общее предварительное разрешение от местного удельного управления. Выпас скота и сенокошение разрешались жителям бывших удельных деревень в обеих категориях лесов [56].

Удельные крестьяне легче воспринимали реформы, чем помещичьи крестьяне, так как они испокон веков занимались своей землей, постоянно расширяя свои участки за счет лесов и кустарников, а также имели некоторые свободы и права на имущество и личную жизнь.

Если помещичьи крестьяне освобождались от крепостного права после *девяти лет,* то *удельные крестьяне* освобождались от зависимости удельного ведомства, а дворовые люди – от крепостной зависимости, по истечении *двух лет* после опубликования Манифеста и Положения. Составление уставных грамот с бывшими удельными крестьянами было закончено ко второй половине 1865 года, с того времени все они стали *крестьянами-собственниками.* Эта категория для бывших удельных крестьян просуществовала 66 лет, с 1865 года до Октябрьской революции 1917 года.

Таким образом, в ходе реализации реформы в отношении удельных крестьян от 26 июня 1863 года:

1. Удельные крестьяне перешли из Удельного ведомства в ведение создаваемых волостей и уездного управления.
2. Для них был полностью отменен принцип приобретения земельных участков «столько, сколько каждый возьмет».
3. Земельные участки удельных крестьян были ограничены полевыми наделами в дореформенных размерах.
4. Удельное ведомство запретило им бесплатно и бесконтрольно пользоваться ведомственными лесами. Оно заключало договоры на аренду участков леса с сельскими обществами за определенную плату на 48 лет.
5. Бывшие удельные крестьяне через 2 года после объявления о реформе получали статус «крестьян-собственников». Выкупные платежи для них были на тех же условиях, что у бывших помещичьих крестьян.
6. Они, получив в 1865 году статус «крестьян-собственников», считали используемые полевые наделы своей собственностью,

наравне с усадьбами. Сельская община распоряжалась лишь сенокосами, выгонами, арендованными участками леса и неудобьями (берега рек, овраги, лесные поляны и другими).

7. Бывшие удельные крестьяне сохранили за собой право перехода в городское сословие, духовенство и купечество, но уже без выплаты какого-либо денежного сбора.
8. Они сохранили право свободного заключения брака, при этом вдовы и дочери бывших удельных крестьян могли выходить замуж за людей других сословий без внесения какой-либо платы, как было ранее.
9. Они сохранили за собой право на частную собственность на земельные полевые наделы, усадьбу, дом, хозяйственные постройки и иные объекты недвижимости.
10. Сохранили право наследования, заключения любых договоров на личные участки земли, движимое и недвижимое имущество.

Но семейные разделы они должны были производить лишь с разрешения волостного и уездного управления, что на практике было редко. Чаще всего сын отходил от отца или два брата делились между собой самостоятельно, без какого-либо разрешения.

* * *

Нужно отметить, что современники, которых полностью затмил тогда польский вопрос, ни словом не обмолвились о важном для России событии – указе императора Александра II от 26 июня 1863 года, которым он утвердил «*Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых и удельных имений*». Ничего не писали об этой реформе ни издатели газеты «Колокол» в Лондоне русские революционеры А.И. Герцен и Н.П. Огарев, ни историк, автор серьезных исследований, позднее опубликованных в 22 томах, Михаил Петрович Погодин, ни другие современники того времени.

Удельные тверские карелы в период реформы

Нет родней своих полей, нет лесов своих милей.

Тверская губерния в этнографическом отношении представляла особый интерес тем, что в центре России в XVIII–XIX веках сохранялось значительное число карел, вкрапленных в основную русскую массу. Притом, в Тверской губернии тогда в разные годы насчитывалось в 1,3–1,5 раза карел больше, чем в материковой Карелии.

В постановлении Тверского губернского по крестьянским делам присутствия от 31 июля 1863 года говорилось, что император Александр II ***26 июня 1863 года*** утвердил «***Положение о крестьянах, водворенных на землях государевых, дворцовых и удельных имений».*** В тот же день император издал указ Правительствующему Сенату, которым было поручено распределение селений означенных крестьян между существующими мировыми участками, которое должно быть составлено по соглашению управляющего удельной конторой с Губернским по крестьянским делам присутствием.

В связи с этим по Тверской губернии произведено распределение сельских приказов по мировым участкам:

1. Заборовский, 34 селения, 1713 ревизских душ, к 1 участку Вышневолоцкого уезда.
2. Осеченский, 70 селений, 2946 душ, ко 2 участку Вышневолоцкого уезда.
3. Алешинское отделение, 37 селений, 2086 душ, ко 2 участку Бежецкого уезда.
4. Столбовское отделение Чамеровского приказа, 37 селений, 2174 души, к 1 участку Кашинского уезда.
5. Чамеровский, 82 селения, 3775 душ, к 1 участку Весьегонского уезда.
6. Арханский, 63 селения, 3129 душ, к 3 участку Весьегонского уезда.
7. Давыдовский, 72 селения, 1689 душ, к 4 участку Осташковского уезда.
8. Елецкое отделение, 12 селений, 1013 душ, к 4 участку Ржевского уезда.
9. Дорский, 90 селений, 4197 душ, ко 2 участку Новоторжского уезда.

Что касается Толмачевского сельского приказа, то по местности его следует приписать к 1 участку Бежецкого уезда. Но, принимая во внимание, что заведование удельными крестьянами Толмачевского приказа было бы весьма затруднительным для местного мирового посредника, то присутствие признало необходимым поручить заведование крестьянами этого участка кому-либо из кандидатов мировых посредников Бежецкого уезда [57].

До тех пор, пока удельные крестьяне находились в распоряжении удельного ведомства, по всей стране их было около 1 млн ревизских душ. Удельные крестьяне испытывали те же проблемы, что и помещичьи крепостные, с той лишь разницей, что их владелец непосредственно с ними не соприкасался, и управление ими было более упорядочено.

26 июня 1863 года удельным крестьянам было объявлено об обязательном выкупе их земельных наделов. Условия были следующие: крестьяне сразу становились собственниками земли, а их прежние повинности превращались в выкупные платежи сроком на 49 лет. По сравнению с помещичьими крепостными удельные крестьяне получали некоторые преимущества: переходный период в виде временнообязанных отношений был всего на протяжении 2 лет, устанавливался понятный порядок исчисления выкупной суммы.

По закону им полностью оставлялся существующий надел земли. Ранее в удельных имениях не было точного межевания земель, и крестьяне пользовались не только табельными землями, но и любыми свободными участками, которые давно считали своими. В среднем удельные карелы Тверской губернии имели по 5,9 десятины на ревизскую душу, что больше, чем в помещичьей деревне. Для сравнения, у помещичьих крестьян было по 5,21 десятины земли, у государственных крестьян – по 4,33 десятины земли.

До реформы основным доходом императорского двора от удельных крестьян был оброк, с началом проведения реформы второе место по доходности заняли удельные леса.

До 1863 года леса не составляли отдельной статьи доходов императорского двора, они служили, главным образом, для удовлетворения нужд самих удельных крестьян на строительство домов, построек и заготовки дров. К 1863 году каждая десятина удельных лесов приносила прибыль императорскому двору в 2,5 копейки. К 1870 году чистый доход царской семье с каждой десятины составлял уже 10 копеек, а

к 1880 году – 18 копеек. В том году императорский двор получил от лесов около 1 млн рублей дохода.

* * *

Летом 1863 года начался переход удельных крестьян от сельских приказов к волостному правлению. Как это происходило, можно показать на примере Чамеровского сельского приказа Тверской удельной конторы.

1 августа 1863 года Тверская удельная контора направила поручение головам всех сельских приказов, что для сдачи в мировые учреждения крестьян приказа необходимо подготовить документы:

1. Опись нерешенных дел.
2. Привести в порядок описи дел, сданных в архив.
3. Ведомость имеющихся налицо в приказе сумм по каждому капиталу отдельно.
4. Ведомость по каждому участку о хлебных запасах налицо, с приложением списков о выдаче хлеба крестьянам и отдельно списка должников.
5. Список приказных строений, общественного имущества, хлебных магазинов, пожарных сараев и инструментов в них.
6. Данные о фельдшерах, ветеринарах, повивальных бабках.

Выполняя это поручение, голова Чамеровского сельского приказа Токарев подготовил все необходимые документы и передал по ним казенному заседателю П.Е. Буравцову все строения, имущество, хлебозапасные магазины и 724 рубля 52 копейки денег.

5 сентября 1863 года голова Чамеровского волостного приказа Токарев созвал мирской сход по поручению мирового посредника. На сходе был мировой посредник Маслов, а также удельный депутат Климашевский. На сходе крестьянам объявили, что мировой посредник Маслов принимает в свое заведование всех крестьян бывшего Чамеровского сельского приказа. Сельский приказ переименован в Чамеровское волостное правление.

На сходе избрали волостного старшину крестьянина деревни Игнатково Гаврилу Иванова, казначеем избрали крестьянина деревни Дудино Петра Ефимовича Буравцова, членами правления – Егора Андреева из деревни Огнишино и Александра Лапенкова из дерев-

ни Еремейцево. На сходе также были избраны сельские старосты по 5 участкам, на которые поделили селения Чамеровской волости.

В тот же день, 5 сентября, Токарев сообщил управляющему Тверской удельной конторой Ливановскому, что мировой посредник Маслов принял от него в свое заведование 3775 душ крестьян. С этого времени Чамеровский сельский приказ переименован в Чамеровское волостное правление [58].

Подобным образом происходила реорганизация других сельских приказов в волостные правления, которая была завершена к концу 1863 года. По каждому селению, а иногда на 2 селения составлялась одна уставная грамота. К концу 1863 года в Тверской губернии было утверждено 497 уставных грамот в отношении 564 удельных селений с числом ревизских душ 27,5 тысяч человек. На одну ревизскую душу удельных карел назначено земли по 5,7 десятины в один надел. Удельные крестьяне должны были выплачивать за один надел по 3 рубля 60,5 копеек в год при средней стоимости одной десятины 10 рублей 60 копеек [59].

Число удельных деревень и численность их населения в Тверской губернии постоянно увеличивались. В 1844 году по Тверской губернии насчитывалось 19 удельных сел с общим числом дворов 679, и 429 удельных деревень с числом дворов – 6966. Тогда в губернии насчитывалось удельных крестьян: мужского пола – 23 621, женского пола – 26 078, всего 49 699 человек.

В 1849 году число удельных сел увеличилось до 23, дворов в них было 755, число удельных деревень увеличилось до 508 с 8659 дворами. В том году было удельных крестьян: 25 653 мужского пола и 27 905 – женского пола, всего – 53 558 удельных крестьян-карел.

В 1865 году Тверская удельная контора была ликвидирована, все ее приказы перешли в Московскую удельную контору. Удельные тверские карелы Тверской губернии перешли в ведение образованных волостей по уездам [60].

Русский статистик Дмитрий Иванович Рихтер (1848–1919 гг.) в период с 1876 по 1889 годы служил в статистическом отделении Тверского губернского земства. В 1900–1903 годах он состоял секретарем Вольного экономического общества, где напечатал много трудов по статистике. На основании переписи деревень и жителей Тверской губернии 1873 года в 1903 году он написал большую статью о карелах Тверской губернии.

Эту статью Д.И. Рихтер передал для опубликования в отчетной годовой книге Финно-угорского общества за 1903 год. К статье прилагалась таблица, которая показывала, в каких деревнях жили карелы, сколько их было в каждой деревне, и кто был владельцем этих земель – император или помещик. Эти списки были опубликованы в Хельсинки на финском языке в 1904 году.

В 2000 году финский ученый Вейо Салохеймо передал мне списки, составленные Д.И. Рихтером. На основании этих данных я выписал сведения по удельным и помещичьим карельским деревням Бежецкого уезда Тверской губернии. В имеющемся у меня оригинале, напечатанном на финском языке, применены обозначения: к – удельные деревни, а – помещичьи [61].

Число удельных и помещичьих карельских деревень Тверской губернии (по данным за 1873 год)

Осташковский уезд:

– Иванодворская волость – 4 помещичьих деревни.

Вышневолоцкий уезд:

– удельных карельских деревень – 120 или 60,6%;
– помещичьих карельских деревень – 78.

Новоторжский уезд:

– удельных карельских деревень – 90 или 72%;
– помещичьих карельских деревень – 35.

Бежецкий уезд:

– удельных карельских деревень – 153 или 62,4%;
– помещичьих карельских деревень – 92.

Весьегонский уезд;

– удельных карельских деревень – 162 или 79%;
– помещичьих карельских деревень – 43.

Кашинский уезд:

– 9 удельных карельских деревень.

Зубцовский уезд:

– Ивановская волость 9 помещичьих деревень.

Всего по губернии – 534 удельных и 261 помещичья карельская деревня.

Кроме того, в списках Д.И. Рихтера не были учтены 5 карельских удельных деревень Калязинского уезда и 6 карельских удельных селений Кашинского уезда: деревни Калязинского уезда: Авсерьево, Сенино, Серково, Федорцово и Якимовская.

Деревни Кашинского уезда: Большие Сменки, Малые Сменки и Щепни Литвиновского прихода; Ильинская, Федосьино и село Столбово, Столбовского прихода, всего 6 селений.

Многие из них сохранились до настоящего времени, но оказались затерянными среди массива русских деревень, поэтому жители их давно обрусели.

Вместе с ними общее число удельных карельских деревень Тверской губернии составляло 545 селений.

Современники того времени отмечали, что у карел все строения в деревнях покрыты дранью, дворы для скота просторные, особенно для доения коров. В карельских деревнях, расположенных сплошною массою по западным и юго-западным окраинам Бежецкого уезда, в Микшинской, Толмачевской, Трестенской, Кострецкой, Рыбинской волостях дворы обширные. Это признак большого изобилия скота у карел. От избы шел высокий бревенчатый помост, на котором, под соломенной или тесовой крышей, помещалось сено. В помосте сделано несколько отверстий, через которые сено можно сбрасывать во внутрь двора.

Денег у карел мало, но они своим хлебом могли прожить целый год. Они продавали значительную часть овса на уплату податей, покупку соли и керосина. Все остальное карелы исполняли сами. Один карел способен быть плотником, столяром, кузнецом. Печником, портным, скорняком и выполнять другие работы. У этих мастеров хорошо устроены дома, просторная рига с хорошей печью, вымощенное гумно, теплый двор для коров, теплый хлев для телят и овец, хорошо налаженные сохи и бороны – все признаки исправного хозяйства и здоровой сельской жизни [62].

Большинство карел Бежецкого уезда – бывшие удельные крестьяне. Они издревле пользовались большим в сравнении с помещичьими крестьянами количеством земли, несли меньше повинностей и податей. Там, где после реформы 26 июня 1863 года удельным карелам пришлось получать меньший надел, где они лишились промыслов, сенокосных и лесных усадеб, положение их значительно ухудшилось. Примером может служить Заручьевская волость Бежецкого уезда,

обеднение которой началось с тех пор, как местным карелам запретили хозяйничать в местных лесах – рубить лес, гнать смолу и деготь, жечь лядины под дополнительные участки земли. Крестьянина, пойманного в лесу с серой, подвергали штрафу в сумме 10 рублей, с лыком и берестой – 3 рубля, ведром березового сока – 60 коп, с возом сучьев и хвороста – 15 копеек штрафа. О дореформенном времени лесные карелы вспоминали, как о счастливом времени [63].

У удельных карел Бежецкого и Весьегонского уездов Тверской губернии, в 1863 году было повинностей разного рода на 6 рублей серебром с каждой ревизской души, прежде всего, оброк (vedo) в государственную казну. При этом заработок одного карельского хозяйства составлял без отходничества 18–20 рублей, в том числе: до 4 рублей от продажи холстов, 4–5 рублей от продажи зерна и 9–10 рублей от продажи скота.

По подсчетам окружного начальника после продажи хлеба и скота и уплаты повинностей у крестьянина оставалось примерно 12 рублей серебром на одежду, праздники и щегольство. Тогда на рынке в Бежецке цены были примерно такими: шаровары суконные 4 рубля, из бумажной черной материи 2 рубля. Башмаки стоили 2 рубля пара, туфли – 2 руб. 20 коп за 4 пары, шапка 5 рублей. Правда, почти всю одежду карелы шили для себя и своих детей сами. В период отходничества за зиму один карел дополнительно зарабатывал до 15–20 рублей.

Во время переселения карел в XVII веке на Бежецкий Верх и отроги Валдайской возвышенности кто, сколько мог отвоевать земли у леса, тот столько ее и обрабатывал, увеличивая свою площадь каждый год. Сначала она доходила до 30–40 десятин на хозяйство, потом приходилось выделять участки сыновьям, к началу крестьянской реформы 1863 года в отношении удельных крестьян, у них было по 10–12 десятин на хозяйство или в среднем 5,9 десятины на одну ревизскую душу.

Дворовые же люди, привыкшие жить на всем готовом, после объявления о реформе в 1863 году с большим трудом становились мужиками-пахарями. Отношение помещичьих крепостных крестьян к дворовым людям было, как дармоедам, пристроившимся к своим хозяевам.

Глава III. Русские и карелы рядом

Проведение крестьянской реформы в Бежецком уезде

На одно солнце глядим, да не одно едим.

Помещики, обязанные по закону нести *военную или гражданскую службу,* постепенно отходили от своего поместья, от земли, от крестьян. Наиболее почетной, уважаемой, престижной среди дворянства была военная служба. Большинство служивших дворян старалось отдать долг государству, послужив в армии, и лишь позже переходили в штатскую службу либо выходили в отставку и возвращались жить в свое имение.

На особом счету были гвардейские части, по внешнему виду и по льготам по службе они выделялись в армии. Но и среди них была самые элита – лейб-гвардейские полки, то есть придворные, несущие службу при государе, в столице. Самые роскошные мундиры, самое быстрое продвижение по службе и близость к высшим кругам страны. Да и сами лейб-гвардейцы выбирались и по внешним данным – высокие, стройные, с привлекательной внешностью.

Гвардейские офицеры имели преимущество в один-два чина перед армейскими офицерами, можно было из гвардии перейти в обычный армейский полк, получив внеочередное звание. Более престижными в армии были кавалерийские войска – гусары, уланы, драгуны, кирасиры. На особом положении были военные моряки, морские офицеры были в массе своей более образованными, особенно в точных науках, более интеллектуальными. Даже в рядовые матросы отбирали самых грамотных рекрутов – сложная техника флота требовала этого.

Дворянские дети считали, что их жалованье мизерное в сравнении с запросами молодых людей. Например, дворянин в чине подпоручика получал жалованье 48 рублей в месяц, в чине штабс-ротмистра – 86 рублей в месяц, что для столичной жизни ему было явно недостаточно. Богатыми офицерами считали тех, кто к своему жалованью имел возможность получать из своего имения от родителей по 150–200 рублей каждый месяц. Большинство таких дворянских детей получали из деревни от родителей по несколько тысяч рублей в год. Дворянские сынки, имея доход из деревни, играли на деньги в карты, хорошо одевались, содержали любовниц и развлекались по ресторанам.

Другие офицеры, не получавшие денег из деревни, перебивались от получки до получки, нередко имея долги за квартиру, за питание, шитье мундира и другие кредиты. Такие бедные офицеры, не добившись карьеры, уходили в отставку после 3–5 лет военной службы после окончания училища. Но обычно дворяне подавали в отставку из военной службы к 30 годам.

Второй вид службы для дворянских детей, самый многочисленный и распространенный во все сферы общественной жизни – гражданская или статская. Чиновники составляли основу всей российской государственной машины, очень сложной, громоздкой, невероятно бюрократизированной. В гражданской службе были свои «специальности», возглавляли их девять министерств. Наиболее престижной считалась служба по министерству иностранных дел, дипломаты в общественном мнении приравнивались к военным. Дворянин выбирал – пойти служить в министерство юстиции или финансов, народного просвещения или в министерство внутренних дел. Надо отметить, что во все времена порядочные дворяне ниже своего достоинства считали службу в полиции и жандармерии.

И самая малочисленная, но самая парадная, карьерная, высокопоставленная – придворная служба дворян. Задача этой службы – обслуживание двора императора, участие в процедурах дворцовых приемов, балов, выездов, в повседневной жизни императорской фамилии. Понятно, что в эту службу всячески стремились люди, озабоченные карьерой, стремлением быть у власти, поблизости к царственным особам.

Согласно заведенному обычаю тех времен, молодого барина, отданного в учебное заведение, сопровождал крепостной человек, и оставался при нем служить. Жалованье этого слуги не превышало 5 рублей в год, которые выдавали ему на Пасху, основной расход помещика на него состоял в пропитании.

Дети дворян приближались к чиновникам и офицерству, чаще всего, служили в Санкт-Петербурге, Москве и других городах. Из города в деревню они нередко вместо высоких нравственных устоев привозили низменные человеческие инстинкты: разврат и венерические заболевания, пьянство, курение вместо нюхания табака, карты, уход от ответственности за свою усадьбу, за содержание детей и семьи. Эти инстинкты постепенно заменяли те нравственные начала, которые так трепетно охраняли церковь и деревенский уклад жизни.

К 1861 году в Бежецком уезде насчитывалось 156 крупных дворянских имений и 133 мелких дворянских имения. Крупные дворянские имения имели до нескольких тысяч душ крепостных крестьян и до сотни дворовых людей. Среди них были управляющие, бурмистры, повара, комнатные, кучера, конюхи и скотники, псари и загонщики, разнорабочие.

В наиболее богатых имениях содержали садовников, музыкантов, песенников, шутов. Лошадей в карету запрягали шесть цугом, то есть в три пары лошадей гуськом, а не тройкой или парой, как мелкопоместные дворяне. Они имели по два кучера, выездной кучер умел править запряженными цугом и шестеркой лошадьми, ямской кучер ездил в город или к соседям с особыми поручениями. Основной заботой дворян о сыновьях – дать им образование и вывести в люди, о дочерях – удачно выдать замуж за богатого человека, при этом самому не опозориться перед людьми с приданым.

У помещика была одна забота, чтобы ему своевременно и в полном объеме крестьяне платили оброк. Община выбирала старосту, который и собирал оброк и повинности, отчитываясь перед помещиком и перед миром на деревенских сходах. Общинное устройство не стесняло образа жизни крестьян, весной и летом они работали в своей деревне на полях, отрабатывали барщину на помещика, а зимой уходили в отходничество.

Отличие помещичьего хлеба от крестьянского состояло в том, что помещики продавали сухое зерно, которое сушили в ригах. Крестьяне продавали зерно сырым, так как у них не было средств на постройку риги. К помещикам нередко приезжали купцы, закупали зерно партиями для продажи в другие губернии и за границу. Крестьяне продавали зерно сами на рынке в городе Бежецке, во время ярмарок или на винокуренный завод. В остальном не было разницы в выращивании хлеба, так как и крестьяне, и помещики пахали землю сохой с двумя сошниками, боронили деревянной бороной, сеяли зерно вручную из лукошка. Лишь у немногих помещиков Бежецкого уезда к 1861 году были металлические плуги.

Некоторую картину крестьянской дореформенной деревни дает описание имения помещика Модеста Евграфовича Воробьева, первого предводителя Бежецкого дворянства в начале проведения реформы, в сельце Кобылино Бежецкого уезда в 1858 году. Сельцо находилось в 4 верстах от приходской церкви села Замытье, 53 верстах от Твери

и 73 верстах от уездного города Бежецк. Кроме сельца помещику Воробьеву принадлежали две деревни, в которых проживали крестьяне 64 тягол, и одна пустошь.

Помещик Воробьев имел 903 десятины удобной земли и 6 десятин неудобий. Господская запашка при четырехпольном севообороте обрабатывалась 14 тяглами, а с 50 тягол брался оброк по 17 руб. 15 коп. с каждого тягла, всего 875 рублей в год. Оброчные крестьяне также отрабатывали на помещика по 2 дня в год.

Собственной земли крестьяне не имели, в крестьянских подворьях насчитывалось 82 лошади, 111 голов крупного рогатого скота и 135 овец на все 64 двора. Все дома и строения у крестьян деревянные. Крестьяне получали доход от покосов на своей усадьбе до 30 рублей, если было два покоса, от каждой коровы – 5 рублей, от каждой овцы по одному рублю.

Большая часть помещичьих крестьян весной и осенью уходили работать в коновалы. Коновалы – это лекари-самоучки, занимавшиеся лечением домашней скотины, которой в деревнях было достаточно много. Они ходили по деревням вокруг постоянного места своего жительства и предлагали свои услуги. Основным занятием коновала была кастрация быков, баранов, жеребцов и хряков. Само слово «коновал» произошло от проведения кастрации коня-жеребца, так как его нужно было повалить на землю. Выполнение этой операции связано с тем, что охолощенные самцы становились более спокойными, лошади лучше работали, а остальные быстрее набирали вес.

Летом крестьяне также шли в работники и пастухи, зимой очень немногие уходили работать в Санкт-Петербург. Из мастеровых людей в двух деревнях помещика Воробьева проживали: 2 красильщика, 2 бондаря, 2 портных и 4 пильщика. Бондари изготавливали бочки и шайки, которые были у крестьян в большой необходимости. В них хранили рожь, овес и ячмень, солили мясо, рыбу, огурцы и грибы. Шайки использовали для хранения воды, их применяли в бане.

Пильщики тоже были в почете, так как они пилили бревна на тес и байдак продольной пилой. Тесом тогда покрывали крыши, обшивали фронтоны домов, а байдак использовали для полов в избах. Пильщики также пилили бревна на две половины, которые использовали для потолков в избах и обустройства засеков в житницах.

Портные зарабатывали до 18 рублей в год, скотники 7–10 рублей в год. Местные цены за работу были 50 рублей в год работнику

и 20 рублей – работнице, за летний период – 40 рублей работнику и 15 рублей – работнице.

Одновременно одна четверть ржи (210 литров. **– А.Г.**) стоила тогда 4 рубля, ячменя (жита) 4 рубля, овса – 2 рубля. Средний урожай на полях помещика Воробьева от одного зерна был: рожь – 4, овес – 3, греча – 5, ячмень – 6, лен – 2,5 зерна.

Сам помещик Воробьев имел 22 лошади и 60 голов крупного рогатого скота. На него работали 12 дворовых людей, 8 мужского пола и 4 – женского пола. В их числе были повар, кучер, маслобойщик, шорник, портной, сапожник, кухарка, прачка, два скотника и две скотницы. Шорник изготавливал конскую упряжь: хомуты, седелки, чересседельники, шоры – боковые наглазники для лошадей [64].

* * *

В первые годы проведения крестьянской реформы, многие помещичьи крестьяне не очень-то хотели уходить от помещиков, особенно дворовые. При помещике они жили без забот о хозяйстве, о доме, о питании. Став вольными, приходилось обо всем этом заботиться самим, и не только работать, но и думать, как обустроить свое хозяйство. А думать многие разучились и не хотели, а другие – не умели. Земля для них была большой обузой, ее надо было обрабатывать, собирать урожай, часть его продавать, часть – перерабатывать. Тяжело давалась реформа и помещикам, особенно малоземельным. Сами они на земле работать не умели, нанимать поденщиков или сезонных работников было для них накладно.

Отношение крестьян к Манифесту об освобождении крестьян от крепостной зависимости было неоднозначным. Крестьяне не отказывались от податей в казну, а платить за усадьбу и за угодья многие не хотели, потому что все считали своим. В ряде имений уезда происходили крестьянские волнения, так как они отказывались выполнять любые повинности в отношении к помещикам. Помещики на это сильно раздражались и опасались столкновений при наделе землей.

После объявления крестьянам об освобождении их от крепостного права в Бежецком уезде в 1861 году остались незасеянными многие поля, не вывезен навоз со скотных дворов, не доились коровы, в результате чего много дойного скота было испорчено.

Помещики винили в этом мировых посредников А.И. Европеуса, М.И. Хилкова и А.Н. Неведомского, что они потворствовали крестьянам. В протоколе уездного собрания от 1 июня 1861 года дворяне записали: «Причина упадка дворянских хозяйств и возможного совершенного их расстройства – не в льготах, дарованных крестьянам Положением, а в односторонней деятельности мировых посредников Европеуса, Хилкова и особенно Неведомского, в их потворстве крестьянам поведением к лености и упорству в работах. Это вызвало жалобы в мировой съезд. Жалоб было много, но, ни по одной из них не только не было взыскания с виновных, но некоторые и ответа на них не получили.

Возможность отбывать барщину по произволу поведет к тому, что крестьяне не согласятся перейти на оброк. И есть основания опасаться за надежду на добровольное соглашение по составлению уставных грамот. Означенные посредники, не пользуясь доверием помещиков, доказали своими действиями недоброжелательство к дворянам. Дерзость дворовых и крестьян может дойти до крайних пределов».

Этот протокол был представлен Министру внутренних дел с ходатайством об увольнении названных мировых посредников. Бежецкое уездное дворянство, между прочим, напоминало министру, что посредник прапорщик Европеус в 1849 году за участие в преступных действиях Буташевича-Петрашевского лишен был чинов с разжалованием в рядовые. Имение матери Александра Ивановича Европеуса находилось в селе Княжево Бежецкого уезда. Он был мировым посредником в 1861–1862 годах, после чего уехал жить в Петербург.

Но ходатайство это не было уважено, Тверской губернский дворянский комитет рекомендовал Бежецкому уездному дворянству переводить крестьян на чистый оброк. Недоразумения возникали преимущественно в тех имениях, где была смешанная повинность барщины и оброка, причем крестьяне, платившие оброк, считали себя вправе отказаться от барщинных работ.

Бежецкий уездный предводитель дворянства на это ответил Тверскому губернатору: «В недавнее время здешние крестьяне считали за милость, если помещик переводил их с барщины на оброк. Оброк, указанный в Положении, скорее легок, чем обременителен. Оброчные имения пользуются большим благосостоянием, и очень значительным количеством крестьян, отправляющихся на сторонние выработки.

Но есть основание опасаться, что крестьяне сами не пожелают перейти с барщины на оброк, видя из опыта нынешнего года, возможность отдыхать на барщине от тяжелых работ на своих полях, и уверяясь, что по усмотрению своему можно иногда и вовсе не ходить на помещичьи работы».

Бежецкое уездное дворянство возбудило ходатайство о предоставлении ему права принудительного перевода крестьян с барщины на оброк при предстоявшем составлении уставных грамот. Благодаря энергии и такту мировых посредников, которых обвиняли бежецкие дворяне, соглашения крестьян с помещиками было достигнуто сравнительно скоро и мирно, уставные грамоты были подписаны.

Бежецкий уездный съезд мировых посредников утвердил уставные грамоты, большинство из них, без поступления жалоб от крестьян или помещиков. Поступавшие жалобы съездом были рассмотрены и, как правило, уставные грамоты оставлены без изменений [65].

Показательна жалоба владельческих крестьян деревни Марково помещика Василия Шевякова и его пояснения от 3 сентября 1862 года. Крестьяне этой деревни не соглашались с уставной грамотой, составленной мировым посредником 3 участка Бежецкого уезда 19 августа 1862 года. В своей жалобе крестьяне писали, что им от помещика передали в пустоши Старой пашни вместе с лесом менее 10 десятин, а в уставной грамоте записано 25 десятин 12,5 саженей. В пустошах Низкой и Куверишки они землю получать не желают из-за дальности расстояния от деревни. Они требовали передать им пустошь Суровчиха, где они уже 5 лет пользовались покосами.

На это помещик Шевяков пояснял, что он передал землю в пустошах Низкой и Куверишки потому, что крестьяне ими уже пользовались до составления уставной грамоты. Покосом Суровчиха крестьяне пользовались обманом, заявив ему, что этот покос весьма дурной.

Крестьяне требовали, что они желают принять пустоши Болдино, Старая и Починок лишь после того, как помещик срубит там лес. На это помещик Шевяков в пояснении писал: «Требовать, чтобы владелец безвременно и безрасчетно срубил лес, который вырастает веками, и отдал бы им из-под него землю, есть дикая наглость. Лес в пустошах Старой и Починок строевой, но не дровяной. Поэтому ни рубить леса, ни отдавать им из-под него землю, я в удовлетворении беззаконного требования крестьян и во вред себе не согласен. Это их требование считаю, оскорблением прав владельца».

Бежецкий уездный съезд мировых посредников утвердил уставную грамоту по разделу земли между помещиком Шевяковым и крестьянами деревни Марково, оставив их жалобу без удовлетворения.

4 декабря 1862 года Бежецкий съезд мировых посредников рассмотрел жалобу крестьян деревни Слепнево Новской волости о запрете их переселения. Съезд постановил: переселение крестьян деревни Слепнево утвердить, и чтобы помещиком были выполнены все условия, касающиеся переселения.

В 1861 году Бежецкий уезд был поделен на 4 мировых участка, по 7 волостей на каждом участке. В 1-й участок мирового посредника Николая Николаевича Обольянинова, 13 июня 1828 года рождения, отнесли волости: Вырецкую, Залазинскую, Замытскую, Никольскую, Трестенскую и Стояновскую.

Во 2-й участок мирового посредника Михаила Ивановича Хилкова входили волости: Диевская, Заклинская, Ивановская, Селищенская, Попцовская, Пореченская и Прудовская. После Михаила Ивановича Хилкова мировыми посредниками 2-го участка сначала был Дмитрий Петрович Эдвин, после него – Алексей Петрович Демьянов.

В 3-й участок мирового посредника Александра Николаевича Неведомского входили волости: Алешковская, Бокаревская, Дельковская, Крупицкая, Ременниковская (Могочская), Сулежская и Яковлевская. После его ареста в феврале 1862 года мировым посредником 3-го участка был назначен Сергей Николаевич Бешенцев, владелец имения Высокуша в приходе Лобнево.

Сергей Николаевич Бешенцев родился 25 июня 1816 года, его отец коллежский секретарь Николай Александрович, мать – Вера Николаевна. У Сергея Николаевича был старший брат Александр, 25 декабря 1809 года рождения и сестры: Варвара, Мария, Любовь, Надежда, Софья, Елизавета и Екатерина. Известно, что Елизавета Николаевна вышла замуж за Николая Федоровича Апыхтина, дворянина имения Замыцкая Гора, что в 22 километрах от имения Высокуша [66].

В 4-й участок мирового посредника Александра Ивановича Европеуса входили волости: Алешковская, Иванищевская, Княжевская, Константиновская, Крупицкая, Михайловская и Прудовская.

По Положению Бежецкий уезд Тверской губернии входил в пятую местность, в которой высший надел на каждую крестьянскую ревизскую душу был установлен не более 4 десятин 1200 квадратных саже-

ней, низший надел – не менее 1 десятины 1200 квадратных саженей на каждую крестьянскую ревизскую душу.

На 1 января 1870 года большинство выкупных операций в Тверской губернии были совершены по требованию помещиков. Всего к этому времени было совершено 3203 выкупных операций, из них 2650 – по требованию помещиков, и лишь 553 – по соглашению с крестьянами.

Средняя крестьянская семья Бежецкого уезда, обрабатывающая землю, в 1873 году состояла из 6 человек обоего пола: трое взрослых работников, один подросток или старик и двое детей. Скота в одной семье в среднем было: 1–2 лошади, 3 коровы и 3 овцы. Семья пользовалась 2,5 наделами земли, в них 10 десятин земли, в том числе: 0,5 десятины усадебной, 4,5 десятины пахотной, 3 десятины сенокосной земли. Остальные 2 десятины заняты неудобьями, выгоном, пустырем или кустарником.

В ходе проведения крестьянской реформы по состоянию на 1 января 1879 года бывшие помещичьи крестьяне Бежецкого уезда имели наделы по 3,96 десятин на одну ревизскую душу (мужчину в возрасте старше 15 лет. **– А.Г.**). Бывшие государственные крестьяне имели по 4,45 десятин на каждую ревизскую душу. Бывшие удельные карелы имели наделы по 5,42 десятины на каждую ревизскую душу.

В сравнении с дореформенным периодом наделы у бывших помещичьих крестьян уменьшились в среднем на 0,14 десятины, у бывших удельных крестьян увеличились на 0,12 десятины за счет передачи им земель общественной запашки.

Кроме выкупа усадебного участка или усадебной оседлости, а также выкупа надела в поле, крестьяне стали активно покупать у частных лиц земельные участки, которые были дешевле, или арендовать их. Продажная цена одной десятины земли по Бежецкому уезду в то время составляла 17 руб. 72 коп., а при проведении выкупной операции надела она поднималась до 30–37,5 рублей.

С момента создания нотариальных контор, за 11 лет с 1867 года и до конца 1878 года включительно в уезде было продано 49,2 тысяч десятин земли.

Арендная плата одной десятины земли составляла 2 руб. 16 коп. за год, при этом доходность одной десятины пашни составляла 3 рубля, одной десятины сенокосов – 2 руб. 70 коп. За 1878 год по Бежецкому уезду крестьяне арендовали 41,1 тысяч десятин земли.

В 1878 году в Бежецком уезде насчитывались 204 помещичьи усадьбы, в которых находилось 679 жилых построек и 1735 нежилых построек.

У жителей всех сословий уезда к тому времени были покрыты железом всего 2 жилых дома, покрыты деревом – 18,3 тысячи жилых построек и 21,3 тысячи нежилых построек. Соломой в 1878 году по уезду были покрыты 30,4 тысячи жилых построек и 162,1 тысячи нежилых построек. У крестьян преобладали жилые и нежилые строения, покрытые соломой.

В то время в городе Бежецке 500 мастериц занимались шитьем мешков, они шили за год до 2,5 млн мешков. Мешочный холст, редину, покупали у крестьян Бежецкого, Весьегонского и Кашинского уездов. За шитье 100 мешков зимой платили 35 коп, летом – 40 копеек. Работая по 15 часов в день, лучшие швеи шили по 50 мешков. По всему уезду насчитывалось 70 маслобоен, которые били льняное масло [67].

Помещики делали все возможное, чтобы нужда заставила крестьян работать на их полях. Только тогда можно было заставить крестьянина идти жать помещичью рожь, когда на его поле она осыпается. Разорение мелких помещичьих имений стало следствием конкуренции их с крестьянскими хозяйствами, так как крестьяне везли на рынок ту же продукцию, что и с помещичьих полей. При этом крестьянин мог продать продукцию дешевле, так как он не учитывал стоимость своего труда. А в цену помещичьих продуктов входила стоимость наемного труда.

Во время сенокоса помещику приходилось уступать крестьянам за работу часть лугов и часть семян трав. Иначе ему трудно стало заставлять крестьян работать на себя. Во время уборки урожая крестьяне пытались не упустить отведенное короткое время и полностью убрать хлеб на своих участках в сжатые сроки. Несмотря на то, что помещики предлагали выгодные цены при уборке своего урожая, крестьяне на это не соглашались. Им был более выгоден свой хлеб, чтобы прокормить семью, чем предлагаемые деньги. Поэтому нередко у помещиков часть урожая осыпалась на землю из-за несвоевременной жатвы.

Чтобы вовремя косить луга и жать хлеба, помещики были вынуждены закупать машины. Они заменяли крестьянский труд косилками, жатками, молотилками, конными граблями. Но ручной труд полностью оставался при теребленнии и обработке льна, при копке картофеля. Постепенно дворянские владения стали уменьшаться в результате изменения отношений между помещиками и крестьянами [68].

* * *

Император Александр III, вступивший на престол после убийства его отца Александра II в 1881 году, свое внимание сосредоточил на решение финансовых и экономических проблем. Он понизил выкупные платежи крестьян, полностью отменил сохранявшуюся в какой-то части подушную подать. Отменил налог на наследство, учредил для получения кредита крестьянами Крестьянский поземельный банк. Также был открыт государственный Дворянский земельный банк, открывавший долгосрочные кредиты на льготных условиях для дворян-землевладельцев.

28 декабря 1881 года вышел закон об обязательном выкупе земельных наделов крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости. С 1 января 1883 года все помещичьи крестьяне, которые до этого не пошли на добровольный выкуп, были переведены на обязательный выкуп. Суть этого закона была в том, что все помещичьи крестьяне с того времени прекратили свои обязательные отношения с помещиками, и начали платить деньги за выкуп надела уже не помещику, а государству. Государство же само расплачивалось с помещиками за те земли, которые отошли от него под крестьянские наделы [69].

Выкупные платежи при этом были снижены, в зависимости от благосостояния крестьянского хозяйства и величины недоимки, на 10–40%. После принятия этого закона перешли на выкуп оставшиеся 7,8% крестьян Тверской губернии.

Население самого крупного по его численности в Тверской губернии Бежецкого уезда в 1883 году составляло 222,1 тысячи жителей, в том числе жителей мужского пола 108,4 тыс. человек, женского пола – 113,7 тыс. человек. В 1883 году в деревнях и селах Бежецкого уезда насчитывалось 43 237 крестьянских, бобыльских и солдатских дворов, в которых проживали 105,3 тысячи душ мужского пола и 113,3 тысячи душ женского пола. Стоимость работ крестьянина во время весенней вспашки и сева за один день была:

- пахаря на своей лошади и со своим обедом – 1 руб. 25 коп.;
- работника без лошади – 60 коп.;
- работницы без лошади – 40 копеек.

Стоимость работ во время сенокоса и жатвы за один день:

- работника с лошадью – 1 руб. 50 коп.;
- работника-косца – 80 коп.;

– работницы на уборке сена – 40 коп.;
– жницы – 50 копеек в день.

Работник, нанятый на все лето, с 23 апреля по 14 ноября зарабатывал 40 руб. 60 коп., работница за это время – 22 руб. 30 копеек. Работник, нанятый на всю зиму, с 14 ноября по 23 апреля зарабатывал 20 руб. 25 коп., работница за это время – 8 руб. 12 копеек.

На одну душу в крестьянской семье за год съедали до 2 четвертей или до 26 пудов хлеба, в перерасчете – более одного килограмма хлеба за день. Стоимость одной четверти (около 210 литров. **– А.Г.**) ржи в 1883 году по Бежецкому уезду колебалась от 7 руб. 20 коп. осенью до 8 руб. 40 коп. зимой. Одна четверть овса осенью стоила 3 руб. 20 коп., к следующему лету цена доходила до 4 рублей за четверть. Один пуд (16 кг) сена тогда стоил 25 коп. летом, к весне его цена доходила до 34 коп за пуд.

Недоимка оброчных платежей в пользу помещиков бывших помещичьих крестьян составляла тогда по уезду 25 тыс. 502 рубля. Это сравнительно незначительная недоимка по отношению, например, к крестьянам Ржевского уезда – 345 тыс. 728 рублей или Осташковского уезда – 56 тыс. 681 рубль, учитывая, что его население было в 2 раза меньше, чем в Бежецком уезде.

К 1883 году в Бежецком уезде насчитывалось 738 хлебных магазинов, которые выдавали крестьянам семена зерновых весной на яровой сев и осенью на озимовой сев в ссуду. В том году в ссудах и недоимках состояли около 29 тысяч крестьянских дворов уезда, получивших озимовой хлеб, и около 10 тысяч дворов, получивших яровой хлеб. К 1 января 1884 года число должников по озимовому хлебу (зерну) уменьшилось на 2990 дворов, получивших ссуду в виде ярового зерна (хлеба), уменьшилось на 731 человека.

Ведали всеми хлебными магазинами уездные земские управы, которые при всем их желании, не могли контролировать деятельность нескольких сотен магазинов в уезде. Земские управы предлагали обратить все натуральные хлебные запасы в деньги, собрать все недоимки деньгами по рыночной стоимости наступающего года. Во всех магазинах часть хлеба иметь натурой, а часть – в деньгах. Все операции хранения и взаимообразной выдачи как хлебных, так и денежных продовольственных ссуд сосредоточить в руках земств [70].

После освобождения крестьян от крепостной зависимости дворянские земельные владения в Бежецком уезде довольно быстро пошли на

убыль. Из 239 имений уезда, которые были обследованы в 1887 году, самостоятельным сельским хозяйством занимались в 108 имениях. Помещики больше всего сеяли ржи и овса, а крестьяне – в 2,6 раза больше сеяли льна, чем помещики, и в 1,8 раза больше кормовых трав, чем сеяли помещики.

Реформа 1861 года привела к расслоению крестьянского общества, до Манифеста около 10% крестьян Бежецкого уезда считались зажиточными, 6% – безлошадными батраками. Остальные держали по 2–3 лошади, 2–4 коровы, овец, свиней, птицу, и считались середняками. В 1880 году к зажиточным крестьянам относили 4% крестьян уезда, к безлошадным крестьянам – 16%. Многие крестьяне были вынуждены сдавать свои наделы в аренду, а самим наниматься на работу к помещикам или богатым крестьянам.

К 1882 году по Бежецкому уезду увеличилась общая сумма оброчного сбора, исходя из площади и ценности земли:

	1868 год	1882 год
Частные владельцы		
Десятин земли	176 тысяч	208,8 тысяч
Сумма сбора в рублях	15,74 тысячи	25 тысяч
Сельские общества		
Десятин земли	304 тысячи	349,8 тысячи
Сумма сбора в рублях	33,77 тысячи	66,5 тысячи
Всего земли по уезду	601 тысячи десятин	667 тысяч десятин
Сумма сбора по уезду	53,2 тысячи рублей	98,37 тысячи руб.

В общую площадь земли и общую сумму оброчного сбора по Бежецкому уезду, кроме частных владельцев и сельских обществ, включены земли и сборы с бывших удельных и казенных крестьян, а также с церковных, монастырских и городских земель.

К 1890 году в Бежецком уезде насчитывалось 1328 сельских обществ, имелись сведения о 925 из них. Из этих 925 сельских обществ за время реформы не проводили переделов земли в 580, общий передел проводился в 285 сельских обществах. Частичные переделы за период с 1861 по 1890 годы проводились в 60 сельских обществах Бежецкого уезда.

К тому времени надельные земли в крестьянских хозяйствах уезда составляли 68,3%, купленные – 16,1%, арендованные – 15,6%. Значительную часть купленных земель состояли из лесных угодий, покупателями которых была значительная доля зажиточных крестьян. Надельные земли составляли две трети всей площади.

Главной культурой в уезде постепенно становился лен, который бежецкие купцы активно продавали в другие губернии и за границу. Резко увеличивалось производство картофеля. Одновременно в послереформенный период резко сокращались землевладения дворян, в 1890 году в сравнении с 1861 годом – в 3 раза. Дворяне сокращали посевы озимых культур и картофеля, вместо них больше сеяли клевера и сеяных трав. Другой отраслью помещичьих хозяйств оставалось животноводство [71].

Во время проведения реформы многие помещики были вынуждены продавать часть своей земли, участки леса, боры, рощи и сенокосы. Уменьшалось поголовье скота из-за отмены барщины и сокращения земельных участков. Число прислуги резко сокращалось, прекращались званые обеды с приглашением гостей из соседних имений.

15 апреля 1888 года член Тверской ученой Архивной комиссии Н.Н. Овсянников сделал сообщение о переписи князя Григория Волконского «Переписная книга Бежецкого уезда 1709 года». В своем докладе Овсянников заявил, что раньше были насиженные «дворянские гнезда» с фруктовыми садами, цветниками и густыми аллеями, с гостеприимными длинными столами, где на почетном месте хозяйка в храмовые праздники потчевала гостей. Эти оазисы гражданственности, эти дома с красными крышами, где раздавались на клавикордах звуки Гайдна и Моцарта.

«Мы видим теперь, как рубятся аллеи на дрова, дома превращаются в конторы, клавикорды относятся в сарай, звуки Гайдна и Моцарта сменяются стуком косточек на счетах. Нет, не историк, а поэт пусть овладеет этим прошлым, пока не улеглись еще страсти. Пусть на крыльях мечты он воскресит этот прошлый, родной нам быт, эту прошлую родную нам жизнь» [72].

14 декабря 1893 года был принят закон, в котором о продаже надельной земли сельскими обществами и крестьянами было сказано следующее:

«1. Продажа надельной земли целыми сельскими обществами допускается не иначе, как на основании особого о том приговора обще-

ства, постановленного с согласия не менее 2/3 всех крестьян, имеющих голос на сходе, и утвержденного губернским присутствием.

Если стоимость отчуждаемого участка превышает 500 рублей, то для продажи его требуется, сверх того, разрешение министра внутренних дел по соглашению с министром финансов.

2. Участки надельной земли, приобретенные отдельными крестьянами или состоящие в подворно-наследственном их пользовании, могут быть отчуждаемы посредством дарения или продажи, как добровольной, так и с торгов, за недоимки в выкупных платежах, только лицам, приписанным к сельским обществам» [73].

Доходность земли в Бежецком уезде была низкой, поэтому постепенно росли недоимки крестьян по выкупным платежам. Чтобы скопить деньги на выкуп, бывшие помещичьи крестьяне экономили на еде и одежде, не тратя деньги на какие-то другие цели. Они отрывали кусок от семьи, стараясь как можно больше продать хлеба и холста. Много работали с утра до вечера круглый год, уходя по зимам на промыслы. Чтобы ликвидировать недоимки крестьян по выкупным платежам, с 1 января 1906 года стоимость выкупных платежей сократили на 50%, а с 1 января 1907 года их полностью отменили.

Земская реформа в Бежецком уезде

Крестьянскими мозолями и баре сыто живут.

Земская реформа 1864 года состояла в том, чтобы вопросы ведения местного хозяйства, взыскания налогов, утверждение бюджета, начального образования, медицинского и ветеринарного обслуживания поручались выборным органам – уездным и губернским земствам.

В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях», утвержденным 1 января 1864 года, земская реформа предусматривала создание системы местного самоуправления в городах и сельской местности. Основу этой системы составляли губернские и уездные земства, а также волостные правления, как выборные органы. Сельские общества получили право избирать из своей среды на три года представителей в уездные земские собрания. Так как был определен денежный ценз при избрании представителей (гласных),

туда попадали в основном дворяне. Уездные земские собрания под председательством предводителя дворянства проходили один раз в год несколько дней.

В целях выполнения Положения о земской реформе 1864 года в Твери 15 января 1865 года был открыт Временный губернский комитет под началом губернатора Петра Романовича Багратиона. Стали создаваться уездные комиссии под председательством уездных предводителей дворянства по проведению выборов земских гласных, в Бежецке комиссия была создана 15 февраля 1865 года.

Уездные комиссии составили списки избирателей, все избиратели были разделены на три группы: уездные землевладельцы, городские избиратели и выборные от сельских округов. Для участия в съезде землевладельцев по Тверской губернии был установлен ***ценз – не менее 250 десятин земли*** или наличие недвижимости ***не ниже 15 тысяч рублей*** стоимости. Крестьяне и другие мелкие землевладельцы имели ценз в 12,5 десятин земли.

В период с 12 августа по 12 сентября 1865 года провели первые выборы уездных гласных. 10 декабря 1865 года в Бежецке состоялось первое уездное собрание. В выборах земских гласных по Бежецкому уезду тогда приняли участие лишь 37 дворян из 156, имевших право голосовать. Из 133 мелких землевладельцев голосовали всего 23 избирателя, из 892 представителей сельских обществ – 692 избирателя.

В Бежецкое уездное собрание в 1865 году избрали 62-х земских гласных. Землевладельцы избрали 19 дворян, 3 разночинцев, 5 духовных лиц и 4 крестьянина. От сельских обществ земскими гласными избрали 1 дворянина, 3 духовных лиц и 24 крестьянина. Остальных трех земских гласных избрали городские избиратели. Ни в одном уезде Тверской губернии не было избрано в земские гласные столько крестьян, как в Бежецком – 28 человек. В следующем за ним по числу избранных крестьян в земские гласные Старицкого уезда – 18. В остальных уездах значительно меньше, например, в Вышневолоцком уезде – 13 крестьян.

В состав Тверского губернского земского собрания от Бежецкого уезда были избраны 7 дворян, один разночинец и 2 крестьянина из 7 всех избранных крестьян по губернии.

Заседания уездных земских собраний обычно проходили один раз в год, в течение не более 10 дней, не позднее сентября, после уборки урожая. Заседания Тверского губернского земского собрания проходили

в течение не более 20 дней в конце ноября – начале декабря каждого года. Председательствовал на уездных земских собраниях уездный предводитель дворянства. В качестве земского исполнительного органа были созданы земские управы.

Были установлены правила проведения собраний, как губернского собрания, так и уездных. Во время чтения доклада или выступления никто не имел права перебивать читающего или говорящего. Только председатель собрания имел право остановить его, если замечал, что говорящий или читающий отклонился от обсуждаемого предмета.

Возражения против изложенного мнения мог делать каждый из гласных земцев по предварительной записи их очереди председателем. Когда прения заканчивались, и создавалось два или более несогласных между собой мнения, председатель собрания предлагал решить вопрос по каждому мнению большинством голосов. При равенстве перевес принадлежал той стороне, за которую голосовал председатель собрания.

На другой день заседания гласным зачитывали протокол предыдущего заседания, который подписывали все присутствующие накануне гласные. За неграмотных гласных протокол подписывали их доверенные лица. Отработав неделю, гласные разъезжались по своим домам и имениям.

После Н.Е. Баумгартена предводителем Бежецкого уездного дворянства с 1860 по 1863, а также с 1866 по 12 марта 1871 годы служил ***Модест Евграфович Воробьев,*** он же с 1866 года избирался председателем Бежецкой уездной земской управы. На время его болезни и отлучек, обязанности уездного предводителя дворянства исполнял заместитель Абрам Егорович Нефедьев. Уездным исправником служил Александр Васильевич Назимов, городским головой – Николай Сергеевич Сергеев. Их деятельность совпала со временем подготовки крестьянской реформы и первых лет ее реализации.

М.Е. Воробьев имел имения в Бежецком, Кашинском и Корчевском уездах с 295 наделами. Из них в деревнях села Замытье Бежецкого уезда владел 903 десятинами удобной земли и 6 десятинами неудобий.

В молодости служил юнкером в Симбирском уланском полку, в 1834 году был произведен в корнеты, уволен с военной службы 19 ноября 1836 года в звании поручика. Во время Крымской войны служил в ополчении с дружиной № 19 города Бежецка, которая с 26 августа 1855 года по 12 июня 1856 года находилась в окрестностях города Риги.

В июне 1860 года был избран Бежецким уездным предводителем дворянства, находился на службе до 1863 года. Одно трехлетие с 1863 по 1866 года его замещал дворянин Н.Ф. Апыхтин, о котором в этой книге есть отдельный параграф. М.Е. Воробьев вновь был избран предводителем Бежецкого дворянства в 1866 года, находился на должности до своей смерти, последовавшей 13 марта 1871 года [74].

С 20 мая 1871 года предводителем Бежецкого уездного дворянства и председателем Бежецкой земской управы был избран дворянин ***Николай Алексеевич Чаплин*** (1835–1887 гг.), который находился в этой должности до конца 1886 года.

* * *

В начале проведения крестьянской и земской реформ город Бежецк и Бежецкий уезд имел следующую характеристику. В 1873 году в Бежецке было 747 деревянных и 28 каменных жилых домов, 3 каменных и 1 деревянное казенное здание. Вместе с жилыми домами, церквами и церковными зданиями, заводами и кузницами, лавками и магазинами в городе насчитывалось 222 каменных здания и 846 деревянных здания.

В тот год в городе проживали 18 потомственных дворян обоего пола и 214 личных дворян обоего пола; духовенства – 259 жителей обоего пола. Жителей городского сословия – 3041 человек обоего пола; сельского сословия – 820 обоего пола; военных – 1639 обоего пола. Всего в Бежецке в 1872 году проживало 3313 жителей мужского пола и 2678 жителей женского пола.

По свидетельству очевидцев, Бежецк характеризовался грязным городом, где не привыкли принимать меры по улучшению своей обстановки. Торговые площади плохо очищались от навоза, стоков дождевой воды с улиц не было, от чего в дождь всюду вода и грязь, а в сухую погоду на улицах густые облака пыли. Улицы мели только накануне приезда в город какого-нибудь особо важного лица. В городе тогда действовали две общественные бани, одна устроена вблизи церкви Воздвижения, воду брали из пруда, расположенного возле самой бани. В том же пруде стирали белье, и туда же стекала из бани негодная вода. Другая баня устроена вблизи Остречины, и воду брали из этой реки.

В то время в Бежецке работали 5 врачей, из них 2 полковых доктора, специалисты по хирургии, один городской врач и два земс-

ких врача. Кроме того был один уездный акушер, четыре акушерки и несколько фельдшеров. Имелась в городе одна земская больница, в которой постоянно находились до 30 больных.

Вместе с проведением крестьянской реформы начиналось постепенное развитие ***промышленности,*** хотя к 1873 году она в Бежецке была еще неразвита, в нее входили:

- 3 льнотрепальных завода, с числом рабочих 200 человек;
- 3 винокуренных завода, один в городе и два в Яковлевской волости с 60 работниками, производили до 40 тысяч ведер вина на 40 тысяч рублей;
- крахмальный завод с 16 работниками, готовил до одной тысячи пудов крахмала;
- в уезде было 79 водяных и 321 ветряная мукомольная мельница;
- 166 круподерен, 8 солодовен и 70 маслобоен;
- в уезде 450 дегтярных и смолокуренных заводов с числом рабочих до одной тысячи человек, они вырабатывали до 80 тысяч пудов смолы, дегтя, скипидара и других продуктов сухой перегонки дерева на 60 тысяч рублей;
- в Бежецке одна сигаро-папиросная фабрика с 40 рабочими, а также 3 кожевенных завода. В уезде было еще 7 кожевенных заводов;
- 3 сально-свечных заводов в городе и 2 в уезде, рабочих в них 20 человек. 3 восковых свечных завода, которые вырабатывали до 2,5 тысяч пудов свечей на 70 тысяч рублей;
- в Бежецке 8 кузниц с 30 рабочими, в уезде – 350 кузниц с 1140 рабочими. Все кузницы ковали до 20 тысяч пудов железа на 50 тысяч рублей;
- один стекольный завод в уезде с 29 рабочими. Кроме того, по уезду занимались гончарным производством около 500 человек и около 700 человек выделывали деревянные изделия.

После ввода в эксплуатацию в 1872 году участка Савелино-Бологое Виндаво-Рыбинской железной дороги, стала более успешно развиваться ***торговля*** продукцией, выработанной крестьянами Бежецкого уезда и мещанами города Бежецка. На трех железнодорожных станциях в Бежецке, Максатихе и Савелино (теперь поселок Сонково. **– А.Г.**) эту продукцию грузили в вагоны и направляли в порты Рыбинск и Санкт-Петербург. Из Рыбинска баржами и пароходами продукция отправлялась в другие губернии империи по Волге, Каме и Оке. Из Санкт-

Петербурга ее отправляли за границу в Англию, Германию, Голландию и Францию, часть оставляли на нужды города.

За 1872 год из Бежецкого уезда было вывезено продукции:

- льна и кудели отгрузили со станции Бежецк 132,9 тыс. пудов, со станции Савелино – 15,7 тыс. пудов, со станции Максатиха – 3,2 тыс. пудов, а всего за год 151,8 тыс. пудов или 2,4 тыс. тонн льна и кудели;
- со станции Бежецк отгрузили холста и полотна 7,14 тыс. пудов на 70 тыс. рублей, мешков холщевых и брезентовых 40,6 тыс. пудов на 160 тыс. рублей, тряпья – 16 тыс. пудов на 20 тыс. рублей;
- семени льняного со станции Бежецк 18,9 тыс. пудов на 20 тыс. рублей, со станции Савелино – 10,6 тыс. пудов на 12 тыс. рублей;
- масла льняного со станции Бежецк 10,2 тыс. пудов на 42 тыс. рублей, со станции Савелино 585 пудов на 2,4 тыс. рублей;
- сливочное масло, творог и другие молочные продукты со станции Бежецк 36,8 тыс. пудов на 250 тыс. рублей;
- мясопродукты со станции Бежецк 77 тыс. пудов, со станции Савелино 14,2 тыс. пудов, со станции Максатиха 775 пудов, всего на общую сумму 160 тыс. рублей;
- кожи со станции Бежецк 16 тыс. пудов на сумму 120 тыс. рублей;
- овес со станции Бежецк 60 тыс. пудов, со станции Максатиха 67 тыс. пудов, со станции Савелино 2 тыс. пудов. Из них 40 тыс. пудов овса шло от карел Микшинской, Толмачевской и других волостей. В другие годы крестьяне Бежецкого уезда продавали до 226 тыс. пудов овса на 114 тыс. рублей;
- картофель со станции Бежецк 54 тыс. пудов на 18 тыс. рублей, яиц 70 тыс. пудов или 5 млн штук на сумму 45 тыс. рублей;
- смола, деготь, скипидар и другие продукты сухой перегонки дерева со станции Бежецк 1,5 тыс. пудов, со станции Максатиха 42 тысячи пудов в год;
- железные изделия, производимые в кузницах, 5 тыс. пудов на 25 тыс. рублей;
- сало и сальные свечи 4 тыс. пудов на 14 тыс. рублей;
- рыба 2 тыс. пудов на 4 тыс. рублей;
- мед и патока 500 пудов на 3 тысячи рублей [75].

* * *

Предводитель Бежецкого уездного дворянства и председатель Бежецкой земской управы дворянин *Николай Алексеевич Чаплин* умер 17 января 1887 года. В связи с его смертью был составлен формулярный список о службе Бежецкого уездного предводителя дворянства, действительного статского советника Н.А. Чаплина. В нем сказано, что Н.А. Чаплин, 51 год от роду, за службу награжден орденом Владимира 3-й степени, святой Анны 2 степени, святого Станислава 2-й и 3-й степеней, медалью в память войны 1853–1856 годов, двумя знаками за успешное введение в действие Положения от 19 февраля 1861 года.

В 1871 году он имел в Бежецком уезде 40 душ крестьян и 412 десятин земли, в Кадниковском уезде Вологодской губернии имел 20 душ крестьян и 286 десятин земли. К 1887 году имел 501 десятину земли в Бежецком уезде, в других уездах земли не имел.

Н.А. Чаплин окончил курс 1-го Московского кадетского корпуса, получил звание прапорщика, 13 августа 1853 года был направлен в лейб-гвардейский Драгунский полк. Участвовал в походах против англичан и французов во время Крымской войны, в первую компанию с 15 июля по 7 октября 1854 года, во вторую компанию с 15 апреля по 15 ноября 1855 года.

В 1857 году Николай Алексеевич был произведен в поручики, исполнял должность полкового адъютанта. В 1860 году произведен в штабс-капитаны, 30 августа 1861 года – в капитаны. В марте 1862 года определением Правительствующего Сената был утвержден мировым посредником Бежецкого уезда.

15 июня 1866 года Н.А. Чаплин был уволен с военной службы в чине полковника, с мундиром, и избран мировым судьей 4-го участка Бежецкого уезда, а 10 декабря того же года избран председателем мирового съезда Бежецкого уезда. В 1869 году он вновь был избран мировым судьей на второе трехлетие, но с 20 мая 1871 года покинул эту должность в связи с избранием Бежецким предводителем дворянства.

На должность уездного предводителя дворянства и председателя Бежецкой уездной управы Н.А. Чаплин переизбирался на трехлетие в 1874, 1877, 1881, 1884 годах. 17 декабря 1886 года по окончании выборного срока от выборов на эти должности он отказался. Не был женат, оставался холостым [76].

На выборах 17 декабря 1886 года Бежецким уездным предводителем дворянства и председателем земской управы был избран ***Алексей Никитич Татищев*** (1845–1896 гг.), чье имение находилось в селе Беляницы.

Семья Алексея Никитича Татищева была широко известна в России и за ее пределами, его предок прапрадед Василий Никитич Татищев (29.04.1666–26.07.1750 гг.), владелец имения Беляницы Бежецкого Верха, написал фундаментальный труд по истории России. Первые три части этого труда под названием «История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым» в четырех томах были изданы после смерти автора в 1768–1784 годах. Четвертую часть «Истории» В.Н. Татищева обнаружил историк, редактор журнала «Москвитянин» Михаил Петрович Погодин в 1843 году, она была издана пятым томом в 1848 году.

Кроме дочери Евпраксии Васильевны у историка Василия Никитича был сын Евграф Васильевич (1717–1781 гг.), в числе 10 детей которого родился Алексей Евграфович Татищев (1760–1832 гг.) – дед нашего Алексея Никитича. Его родителями были подполковник Никита Алексеевич Татищев (1796–1851 гг.) и Екатерина Степановна Ушакова (1807–1877 гг.), тетка Варвары Петровны Неведомской (Ушаковой).

А.Н. Татищев женился на дочери тверского предводителя дворянства Бориса Васильевича Мещерского (1818–1884 гг.) Екатерине Борисовне (1846–1930 гг.), у них родились сыновья Борис, Никита, Алексей, дочери Екатерина и Софья. А.Н. Татищев был крупным помещиком, в Бежецком уезде ему принадлежало 3500 десятин земли.

Должности Бежецкого уездного предводителя дворянства, председателя Бежецкой уездной управы и председателя уездного училищного совета А.Н. Татищев занимал до 29 сентября 1889 года, покинул их в связи с назначением на должность вице-губернатора Екатеринославской губернии.

6 февраля 1892 года он был назначен губернатором Полтавской губернии, служил на этой должности до своей смерти 21 февраля 1896 года в возрасте 50 лет [77].

Из членов Бежецкой земской управы 21 год служил дворянин Павел Николаевич Мальковский с 1889 по 1909 годы. Он являлся владельцем села Рыбинское, и был членом Бежецкой земской управы вплоть до своей смерти 22 июня 1909 года в возрасте 48 лет.

* * *

Одной из основных проблем, которые поднимали на своих заседаниях гласные Бежецкого земства, было обустройство дорог. Для этого была определена дорожная повинность со всех крестьян, которая рассчитывалась, исходя из окладной единицы. Ею был доход в 9 рублей, по Тверской губернии дорожная повинность в 1867 году составляла по 32,25 копейки на каждые 9 рублей дохода.

К 1870 году Бежецк, Весьегонск и Красный Холм не имели прямого почтового сообщения с Тверью из-за плохой грунтовой дороги и отсутствия мостов. Торговые отношения этих городов по губернии были лишь с Кашиным, Красным Холмом и Вышним Волочком. Из Бежецка шли только два почтовых тракта, один вгород Кашин, другой – в Красный Холм, других трактов не было. Основными грунтовыми дорогами являлись: Бежецк-Замытье, 68 верст, Бежецк-Максатиха, 48 верст, далее эта дорога шла до Вышнего Волочка и Бежецк-Талашманы, 24 версты, далее дорога вела в село Кой Кашинского уезда.

В тот год Тверское губернское дворянство выделило 3 тысячи рублей Тверскому уездному земству для обустройства Бежецко-Тверского тракта по территории Тверского уезда. Но уездная управа деньги возвратила, не находя выгодным устраивать этот тракт.

В том же году Бежецкое уездное земство не нашло нужным и возможным принимать в свое ведение проселочные дороги. Оно нашло правильным оказывать пособие на их содержание владельцам имений и дач, через которые дороги проходят. В декабре 1870 года Тверская губернская управа поддержала это мнение, заявив, что по значительности протяжения проселочных дорог и многочисленности предметов земского хозяйства, не приведенного в желательное состояние, земские учреждения не должны принимать на себя заведования проселочными дорогами.

Уездные земские учреждения должны принять на себя составление и утверждение сети необходимых для удобного сообщения проселочных дорог. Определить те из них, по которым производится более длительное сообщение между важными для уезда промышленными и торговыми пунктами. Все проселочные дороги, вошедшие в учрежденную сеть, должны быть признаны общеволостными. Содержание общеволостных дорог в пределах волости относится к натуральной повинности, к которой привлекаются землевладельцы всех наименований, как в составе сельских обществ, так и частные собственники.

Спор о том, кто должен ведать межуездными трактами – губернское земство или уездные земства, приводил к плохому состоянию дорог и трагедиям. На собрании Тверского губернского земства 19 декабря 1880 года рассматривался случай, происшедший на Вышневолоцком тракте. В сентябре 1879 года крестьянин Алексеев ехал на лошади с возом по Вышневолоцкому тракту в пределах Бежецкого уезда. Воз опрокинулся в образовавшуюся вдоль дороги рытвину, Алексеев был задавлен насмерть. Было возбуждено судебное дело в отношении члена Бежецкой уездной управы Новикова, которому поручалось исправление этого участка тракта.

Председатель Бежецкой уездной управы Н.А. Чаплин на губернском собрании пояснил, что хотя Новиков и признал судебному следователю себя виновным в происшедшем, но сделал это без ведома его. В действительности, наблюдение за исправностью Вышневолоцкого тракта было отнесено, по соглашению между членами управы, к его, Чаплина, обязанностям. Новиков осматривал тракт по его поручению и не может считаться ответственным лицом. Новиков проводил объезд дороги перед случившимся происшествием, рытвины образовались именно в тех местах, где следует быть водосточной канаве.

Лето 1879 года было дождливое, работы по починке дороги проводились все лето, о ее неисправности от полицейского управления никаких заявлений не поступало. Тверское губернское собрание пришло к убеждению, что Новиков не может подлежать уголовной ответственности, так как этой дорогой заведовал не он.

Положением 1864 года земские учреждения были определены, как самостоятельные. По состоянию на 1881 год в штате Бежецкой земской управы, кроме председателя, получавшего жалованье в 300 рублей в год, имелись следующие должности:

1. Секретарь, один, штатное содержание 300 рублей в год.
2. Бухгалтер, один, штатное содержание 300 рублей в год
3. Столоначальники, три, штатное содержание по 300 рублей каждому;
4. Писцы, четыре, штатное содержание по 200 рублей каждому.
5. Фельдшера, 19, штатное содержание по 200 рублей каждому.
6. Смотритель земских больниц, один, штатное содержание 200 рублей.
7. Учителя и учительницы, 65 человек, штатное содержание по 200 рублей каждому.

Губернатор надзирал лишь за тем, чтобы земства не предпринимали ничего противного законам и общим государственным интересам. Положение о земстве 1890 года резко изменило взаимоотношения правительственных структур и земства. Оно установило надзор губернатора не только за законностью решений, но и за правильностью действий всех земских учреждений, ввело систему утверждения в должностях лиц, избираемых в состав земских управ, предоставило право губернатору проводить ревизии в земских управах.

Если в период с 1865 по 1890 годы по Бежецкому уезду губернатором не было внесено ни одного протеста, то за 1890–1909 годы – 8 протестов. Бежецкое земское собрание дважды жаловалось на губернатора, первый раз в 1899 году за неправильное применение губернатором положения о допущении на земскую службу приглашаемых со стороны лиц. Вторая жалоба на губернатора была направлена в 1903 году в связи с тем, что тот не разрешил Бежецкому земству открыть сессию в день, который они просили.

Одновременно Положение о земстве 1890 года рассматривало службу в земских управах, как государственную, и установлению для лиц, имеющих на то право, производство в классные чины [78].

Нужно отметить, что земские собрания (губернские и уездные) являлись распорядительными органами местного самоуправления. Они утверждали земский бюджет, принимали решения о строительстве местных школ, больниц, дорог, благотворительных учреждений, о предоставлении поземельных кредитов, о приобретении недвижимости, контролировали работу земских управ. Земские собрания могли ходатайствовать перед центральной властью о «местных пользах и нуждах». Уездные земские собрания под руководством уездного предводителя дворянства либо особо назначенного местной администрацией председателя избирали из своей среды губернских гласных, входивших в состав губернских земских собраний под председательством губернского предводителя дворянства.

Земские управы (губернские и уездные) были исполнительными органами местного самоуправления. Избирались земскими собраниями из числа гласных, как правило, в составе председателя и 2–6 членов. Земские управы готовили отчеты и заключения для земских собраний, осуществляли надзор за состоянием земских доходов и расходов, представляли в суде интересы земства по имущественным делам.

В центре внимания земства находились народное образование, здравоохранение, ветеринария, статистика. Открывались частично либо полностью финансируемые ими земские школы – начальные учебные заведения. Благодаря земству увеличивалось число врачей и вспомогательного медперсонала, больниц, аптек, улучшилось снабжение лекарствами, создавались фельдшерские и медицинские курсы.

При проведении крестьянской реформы в результате дробления землевладений и ликвидации дворянских имений, росло число мелких земельных цензов. И уже во время выборов земских гласных в 1883 году по Бежецкому уезду получили право голосовать 792 мелких землевладельца вместо 133 в 1865 году, из них приняли участие в выборах всего 193 избирателя. Из 160 крупных землевладельцев голосовали всего 29 избирателей. От 971 сельского общества в выборах приняли участие представители 716 обществ.

По положению от 1890 года значительно уменьшилось число избираемых земских гласных в сравнении с выборами 1865 года. По Тверской губернии оно снизилось с 524 до 370 земских гласных, по Бежецкому уезду – с 62 до 36 человек. Также изменился земельный ценз для избирателей, как в целом по губернии, так и по уездам. В Бежецком уезде для крупных землевладельцев его сократили с 250 до 225 десятин. А для мелких землевладельцев, наоборот, увеличили с 12,5 десятин в 1864 году до 22,5 десятин в 1890 году. Ценз для городских избирателей увеличили с 3 тысяч до 15 тысяч рублей наличности.

Положение 1890 года лишило права участвовать в выборах земских гласных от частных владельцев тех крестьян, которые, будучи приписанными к уезду, приобрели в нем землю на правах частной собственности. В связи с изменениями резко сократился состав избирателей, по Бежецкому уезду в 1890 году могли голосовать: от крупных землевладельцев – 100 человек, от мелких землевладельцев – 45 человек. Эти избиратели избирали из своего состава 36 земских гласных по Бежецкому уезду. Руководящая роль в земстве Бежецкого уезда, как и по всей Тверской губернии и по империи в целом, принадлежала дворянству с самого начала проведения земской реформы с 1864 года [79].

Бокаревская волость Бежецкого уезда

Всякому мила своя сторона.

Общие сведения

Во исполнение «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в Бежецком уезде, как и по всей империи, вместо приходов после 1861 года стали создаваться волости. В Бокаревскую волость со смешанным русско-карельским населением вошли приходы: Глазовский, Головский, Сабуровский, Синево-Дубровский, Хонеевский и бывшая удельная Корельско-Кошевская волость. Центром Бокаревской волости определили село Глазово.

В Бокаревскую волость Бежецкого уезда после 1863 года вошли 36 русских поселений, а также 13 деревень с селом Кошево Корельское, населенных карелами. До 1797 года существовала Корельско-Кошевская дворцовая волость, после 1797 года ее, как удельную волость, отнесли к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа.

Бокаревская волость располагалась на северо-востоке Бежецкого уезда, граничила с Беляницкой и Новской волостями, а также с Кашинским и Весьегонским уездами.

С 1871 года Тверское губернское земство приступило к проведению серьезных статистических исследований, заведующим этими работами был приглашен Василий Иванович Покровский (1838–1915 гг.). Земство сначала издавало отдельные сборники материалов для статистики Тверской губернии. С 1883 по 1889 годы под руководством В.И. Покровского группа статистиков и их помощников провела сплошное описание Тверской губернии, в том числе: местности, населения и его грамотности, экономики, землевладения, промыслов. При этом они применяли экспедиционный способ исследования, обращая внимание на подворное описание деревень, волостей и городов.

Статистик Дмитрий Иванович Рихтер служил в Тверском губернском земстве с 1876 по 1889 годы. В 1887 году он под общим руководством В.И. Покровского провел исследования Бежецкого уезда, в том числе и Бокаревской волости.

По площади волость занимала 16-е место из 30 волостей уезда, имея 21 тысячу десятин или 201 квадратную версту. На территории волости, кроме большинства русских деревень, располагались 13 ка-

рельских деревень. Все русские и карельские деревни располагались на холмах или возвышенностях, так как местность здесь холмистая. Возле деревень Богородское и Савелиха холмы возвышаются на 800 футов (240 метров. – **А.Г.**) над уровнем моря, от них расходятся овраги в сторону села Глазово, сельца Подобино и погоста Корельское Кошево.

Возле карельских деревень Горбовец и Калиниха начинают свой путь речки Уйвешь и Каменка, а возле Сабурова – река Сить. В реку Уйвешь до впадения ее в Осень втекали речки: Каменка, Тереховка, Медведка, Гончарка, Сулешка и другие. Болот на территории Бокаревской волости не было.

От погоста Сабурово проходит гряда холмов, которая прерывается истоками речек Пьянка у Холма, Каменка у Калинихи, Уйвешь между деревнями Холм и Горбовец. На другом каскаде холмов расположены деревни Горбовец, Гостиницы, Акиниха, Душково, погост Карело-Кошево на высоте 700 футов (210 метров. – **А.Г.**) над уровнем моря. Возле карельской деревни Горбовец находится самая высокая точка Бежецкой гряды под названием Дехтица [80].

* * *

В 1873 году, когда в Тверской губернии еще собирали подушную подать по ревизским душам, в Бокаревской волости Бежецкого уезда насчитывалось следующее число ревизских крестьянских душ мужского пола:

- государственные крестьяне, их было всего 112 человек обоего пола, платили в год податей по 3 руб. 23 коп. с ревизской души;
- бывшие удельные крестьяне, 656 ревизских душ, платили в год податей на общую сумму 4240 руб. 85 коп. или по 6 руб. 46 коп. с каждой ревизской души;
- бывшие помещичьи крестьяне, 2134 ревизских души, платили в год податей на общую сумму 16 939 руб. 05 коп. или по 7 руб. 94 коп. с каждой ревизской души.

В результате неурожаев на протяжении трех лет подряд 1868–1870 годов, к 1878 году по Бежецкому уезду накопилась определенная сумма продовольственной недоимки, хотя по Бокаревской волости она не значилась. Значительная недоимка на общую сумму 5822 руб. 76 коп. указана по 7 волостям, среди недоимщиков оказались карельские волости Толмачевская, Трестенская и Микшинская.

Сумма расходов на одну крестьянскую семью тогда составляла примерно 340 рублей в год. За счет земледелия, скота и ремесел семья была способна заработать в пределах 230 рублей, ей на питание и одежду недоставало около 110 рублей. Этот дефицит пополнялся за счет заработков на отхожих промыслах, заработков на месте, а также за счет сокращения в потреблении хлеба, в расходах на одежду и обувь, на содержание скота.

Из домашних промыслов первое место занимало ткачество, которым занимались все деревенские женщины. Город Бежецк являлся главнейшим пунктом в губернии сбыта холста. На втором месте находилась трепка льна вручную. Лен продавался в Бежецке, а оттуда шел по другим городам империи, а также за границу.

На территории Бокаревской волости было тогда 28 торговых заведений, из них 10 питейных заведений. Школ в 1878 году не было, по всей волости насчитывали грамотных 644 мужчины и 60 женщин [81].

К концу XIX века по численности населения волость находилась на 10-м месте из 30, с числом жителей обоего пола – 8829 человек или 43,9 человека на одну квадратную версту. На территории волости находилось 4 села, 2 погоста, 38 деревень, 4 выселки и приселка, 2 сельца, 2 отдельно расположенных усадьбы и один хутор. Имелась одна железнодорожная станция Бокарево, 7 казарм и железнодорожных будок.

До 100 жителей было 7 селений с 71 двором, где проживали 1036 человек, от 101 до 250 жителей – 24 селения с 707 дворами, в которых жили 4035 человек. От 251 до 500 человек было 9 селений с 523 дворами, в которых насчитывалось 3041 житель. В 1887 году население Карело-Кошевского прихода составляло 1980 человек, Головского прихода – 697 человек, Синево-Дубровского – 538 человек, Сабуровского – 1700 человек.

Земледелие

По состоянию на 1878 год земельные наделы по Бокаревской волости Бежецкого уезда составляли в среднем по 4,79 десятины на мужскую ревизскую душу. При этом бывшие помещичьи крестьяне получили наделы по 3,96 десятины на душу, бывшие удельные крестьяне – по 5,42 десятины на одну ревизскую душу, бывшие государственные крестьяне – по 4,45 десятины.

В том году в волости насчитывалось 42 селения, 1361 крестьянский двор, на выкупе состояли 2018 ревизских душ бывших помещичьих крестьян. Также на территории волости насчитывалось 646 ревизских душ (мужчин старше 15 лет. – **А.Г.**) бывших удельных крестьян, 41 душа безземельных и 17 душ бывших государственных крестьян.

При купле-продаже земли средняя цена по уезду составляла 17 руб. 72 копейки за одну десятину. Однако губернское земство считало, что это ниже действительной ценности земли. Оно полагало, что по Бежецкому уезду, по их подсчетам, ценность земли составляла в среднем 22 руб. 22 коп. за десятину.

По ценности земли Бокаревская волость была отнесена ко 2-й группе, где стоимость пахотной земли была 42 руб. 85 коп. за десятину, сенокосной – 28 руб. 57 коп., лесной – 21 руб. 42 коп., выгонов – 14 руб. 28 копеек за десятину.

К 1887 году в Бокаревской волости проживали 6875 помещичьих крестьян, 112 государственных и 1638 удельных крестьян-карел обоего пола.

Надельная земля в волости к 1887 году составляла более 15 тысяч десятин или 73,6% к общей площади. На одну душу населения приходилось по 1,7 десятины надельной земли, к тому времени бывшие помещичьи крестьяне получили в среднем по 9,9 десятин на одно хозяйство.

Они на своих участках сеяли рожь, овес, ячмень, лен, коноплю, сажали картофель, репу, брюкву и другие овощи. У крестьян и помещиков Бокаревской волости в 1887 году имелось: 1458 лошадей, 2785 коров и быков, 1202 теленка до одного года, 1835 овец.

Средняя продажная цена одной десятины земли (0,96 га. – **А.Г.**), в целом по Бежецкому уезду, в 1880 году сократилась в сравнении с 1866 годом с 22 руб. 42 коп. до 17 руб. 89 копеек. В 1881 года она подорожала вновь до 22 руб. 50 копеек. Но при этом, если в Бокаревской волости ее продавали в среднем по 34 рубля за десятину, то в Трестенской волости по 5,1 рубля за десятину.

Самой ценной в Бокаревской волости, как и по всему уезду, была усадебная земля – 204 рубля за один надел в 4,79 десятины или по 42 рубля 59 копеек за десятину. Один надел покоса с сараями стоил 150 рублей, покоса с лесом – 117 рублей, пашни – 61 рубль, покоса на пустоши – 32 рубля.

С самого начала реформ и до 1887 года в Бокаревской волости было 106 случаев аренды земельных участков, общей площадью 1,2 тысячи десятин. Средняя цена аренды одной десятины земли составляла 3 руб. 70 коп. в год. Из общего числа сделок аренда пашни – 92 случая по 6 рублей за десятину, в том числе пашня под лен – 34 случая по цене 10 руб. 50 копеек за десятину.

Что касается ***аренды надельной земли,*** то в Бокаревской волости к 1887 году в аренде находилось 14% от всей ее площади. Ее арендовали 1111 домохозяев, или 72% от общего числа домохозяев, общей площадью арендуемой земли 2193 десятины. Из этой площади арендовали 800 десятин пашни, 782 десятины выгонов, 483 десятины смешанных угодий и 176 десятин покосов.

Если сравнивать бывших помещичьих и бывших удельных крестьян, то бывшие помещичьи крестьяне арендовали 56% покосов, 22% смешанных угодий, 16% выгонов и лишь 5% пашни. Бывшие удельные крестьяне арендовали 35,5% покосов, 31,9% выгонов, 11,6% смешанных угодий и 21,7% пашни. Удельные крестьяне арендовали самый большой процент пашни по отношению к помещичьим и государственным крестьянам.

Землю арендовали как подворно, так и всем миром, по Бокаревской волости всем миром арендовали землю 6 общин с числом хозяйств 771. Эти общины арендовали 1584 десятины земли или 70,7% от всей арендуемой площади. Подворно арендовали землю 700 домохозяев площадью 657,5 десятины или 29,3% от всей арендуемой земли.

Если бывшие помещичьи крестьяне арендовали всем миром 61% от общей площади арендуемой земли, и 39% – подворно, то удельные крестьяне – 83% арендовали миром и 17% от площади арендуемой земли – подворно. Кроме аренды сельской общиной, все 591 хозяйство в карельских деревнях Бокаревской волости дополнительно арендовали в среднем по 3,1% надельной земли индивидуально. Карелы Бокаревской волости платили за аренду земли больше работой, чем деньгами или долей урожая, хотя при работе за десятину брали, исходя из 5 рублей, а не 3 рублей 94 коп., когда крестьяне платили деньгами или хлебом.

Работы в имениях, как по обработке полей, так и при уборке хлебов и сена, проводились батраками и наемными работниками.

Постепенно батрачный труд на помещичьих землях заменялся наемным трудом. Из 108 имений Бежецкого уезда к 1887 году наемный

труд вместе с батрачным трудом использовали в 60, в 10 имениях землю обрабатывали и собирали урожай только наемным трудом. Чисто батрачный труд без наемного труда сохранялся лишь в 3 имениях.

В Бокаревской волости при работе по найму за круглый год платили мужчине 59 рублей, женщине – 45 рублей. При найме на летнее время мужчина получал плату 47 рублей, женщина – 29 рублей, на зимнее время – мужчина получал 16 рублей, женщина – 13 рублей.

Летние работы продолжались с 24 апреля по 14 ноября, зимние работы – с 14 ноября по 24 апреля.

Плата за один рабочий день по найму одного мужчины по Бокаревской волости составляла: весной 45 коп, летом – 51 коп., осенью – 41 коп., зимой – 25 копеек. Плата за один рабочий день по найму одной женщины составляла: весной 27 коп., летом – 34 коп., осенью – 37 коп. и зимой – 15 копеек [82].

Таким образом, в начале крестьянской реформы ***в 1865 году*** по Бокаревской волости Бежецкого уезда крестьяне имели участки земли:

- бывшие помещичьи крестьяне – по 3,96 десятин надела;
- бывшие удельные крестьяне – по 5,42 десятины надела;
- бывшие государственные крестьяне по 4,45 десятины надельной земли.

К государственным крестьянам, которых к 1887 году в Бокаревской волости было всего 112 человек, к ним относились бывшие приписные и экономические крестьяне. *Приписные* крестьяне вместо уплаты подушной подати работали на казенных или частных заводах и фабриках, в Бокаревской волости они работали на железной дороге.

Бывшие *экономические* крестьяне стали таковыми после проведения в 1764 году императрицей Екатериной II секуляризации (конфискации. **– А.Г.**) монастырских и церковных земель. Это бывшие монастырские и церковные крестьяне, которые со временем слились с государственными крестьянами.

К 1887 году бывшие помещичьи крестьяне Бокаревской волости имели уже в среднем по 9,9 десятин на одно домохозяйство, бывшие удельные крестьяне – по 10,5 десятин, бывшие государственные крестьяне – по 12,5 десятин на одно домохозяйство.

В отличие от поволжских и южных губерний, которые страдали малоземельем, земельные наделы в Бежецком уезде Тверской губернии

постепенно увеличивались. В связи с этим численность населения постепенно росла, в деревнях не было изб с заколоченными окнами и брошенными участками земли. Наоборот, деревни Бокаревской волости увеличивались числом дворов и жителей.

Промыслы

К началу XX века промышленность в волости не была развита, кроме имеющихся мельниц, крупорушек, сыроварен, маслоделок. По волости насчитывалось 16 сыроварен и маслоделок, молоко и сметану для масла и сыра маслодельные заведения скупали у крестьян ближайших деревень. Сыр и масло продавали на рынке в Бежецке или возили в Ярославскую губернию.

Среди крупных предприятий на территории волости была фабрика валеной обуви «Торгового дома Крылова и компании» в деревне Талашманы. Годовая валовая прибыль составляла 19 тысяч рублей, на фабрике трудились 18 рабочих, в год производили от 8 тысяч пар валенок и более [83].

По количеству паспортов, полученных на 100 работающих крестьян за год, можно судить о степени их отходничества на промыслы. В Бокаревской волости на каждые 100 работающих мужчин брали паспорта 43 человека при среднем показателе по Бежецкому уезду – 22 человека. Мужчины Бокаревской волости брали годовых паспортов – 13, полугодовых – 9, краткосрочных – 78 на каждые полученные 100 паспортов.

На 100 работающих женщин по волости брали паспорта 3 человека. На каждые полученные 100 паспортов у женщин 48 были годовыми, 17 полугодовыми и 35 краткосрочными. По волости отхожими промыслами занимались 643 мужчины или 29,5% всех мужчин волости, владеющих землей. Местными промыслами занимались 353 мужчины или 16,2% мужчин, владеющих землей.

По Бежецкому уезду крестьяне занимались следующими отхожими промыслами в порядке их убывания по уезду:

1. На первом месте были ***пастухи,*** далее шли:
2. Разнорабочие (по Бокаревской волости 39 человек в год);
3. Пильщики и дровосеки;
4. Мельники;

5. Плотники, сапожники, печники, портные;
6. Торговцы, разносчики, возчики дров;
7. Дворники (по Бокаревской волости 70 человек в год);
8. Извозчики, сторожа;
9. Крючники (грузчики на речных пристанях. – **А.Г.**), по Бокаревской волости насчитывалось 166 человек в год;
10. Мостовщики (по Бокаревской волости 7 человек в год).

Если анализировать отхожие промыслы, куда шли работать крестьяне Бокаревской волости, то больше всего было *крючников.* Крестьяне уходили за 100 верст от своих деревень в город Рыбинск на период с 20 апреля по 1 июля. Они занимались погрузкой хлеба на пристанях, получали за этот период времени от 25 до 35 рублей каждый. Больше всего уходило работать крючниками из русских деревень волости: Анисимова, Богородского, Сараева и Струбищ.

За крючниками по числу отходников по волости занимали *бондари,* ими в основном были крестьяне Синево-Дубровского прихода. Каждый бондарь зарабатывал до 12 рублей в месяц, а если уходил на год, то получал до 90 рублей. Бондари уходили работать в Ярославскую губернию, в Кимры и Тверской уезд.

Третье место по отхожим промыслам в волости занимали *полотеры,* уходившие работать в Санкт-Петербург на весь год, зарабатывая за это время до 80 рублей. Этот промысел возник еще до реформы 1863 года и держался в 13 удельных деревнях Корельско-Кошевской волости. Полы в богатых домах Санкт-Петербурга были паркетными и натирались мастикой. В некоторых из них перед праздниками и пышными приемами паркетные полы натирали не мастикой, а воском, чтобы они лучше блестели. Кошевские карелы были хорошими специалистами в этом деле.

Как рассказывали мне старожилы нашей деревни, окропив пол узорами мастики, полотер заходил с края, ставил босую ногу на щетку и, раскачиваясь, начинал скользить по паркету. Он одинаково легко продвигался вперед и назад, вбок и наискосок. Каждое движение его было рассчитано, они были то размашистые, то короткие. Полотер мог на ходу легко перекинуть щетку с одной ноги на другую. После щетки он обязательно проходился по натертому паркету суконкой, чтобы придать больше блеска.

Далее шли *чернорабочие,* уходившие на промысел в Санкт-Петербург и Ярославскую губернию, а также *дворники.*

Из местных промыслов преобладали плотники и шерстобиты, оба промысла возникли после реформы 1863 года и держались в 13 деревнях Карело-Кошевского прихода. Карелы уходили плотничать и бить шерсть в свободное от сельских работ время недели на две-три, а за год – на 3 месяца. Плотники за это время зарабатывали от 27 до 50 рублей, шерстобиты – от 25 до 30 рублей. Из других отходников из Бокаревской волости можно отметить пастухов, которые уходили в Ярославскую губернию, и служащих на железной дороге [84].

Основной причиной отходничества на промыслы был недостаточный доход крестьянина от земельного надела, чтобы прокормить свою семью. В то же время отходничество приводило к расслоению крестьян, порождению крестьянской местной торговли, хотя в очень малом числе. По Бокаревской волости известны торговые дома крестьян Василия Михайлова из карельской деревни Бережки, Ивана Матвеева из Терехова, купца Крылова из Талашман.

Карельские деревни Бокаревской волости

Где родился, там и пригодился.

На территории Бокаревской волости находилось 13 карельских деревень и село Кошево Карельское. Ударение в названиях деревень, произносящихся по-карельски, падает всегда на первый слов, как и во всех словах карельского языка:

Акиниха – Okiniha
Байки – Baikova
Бережки – Beresko
Горбовец – Gorbova
Гремячиха – Gremakka
Душково – Duskova
Калиниха – Kalliha
Климантино – Klimentina
Муравьево – Muraiva
Петряйцево – Petraitsova
Поцеп – Potsoppa
Терехово – Terohova
Шейно – Seina

Крестьяне этих деревень ранее до 1797 года были дворцовыми, относились к Корельско-Кошевской дворцовой волости. В результате перевода в 1797 году дворцовых крестьян в удельные, деревни Корельско-Кошевской волости отнесли к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа.

В Столбовское отделение Чамеровского сельского приказа на момент его реорганизации в 1863 году, кроме 13 деревень Корельско-Кошевской волости, входили деревни Алафеевской и Юркинской удельных волостей Бежецкого уезда.

Центр Столбовского отедления Чамеровского приказа находился в удельном селе Столбово Кашинского уезда в 30 верстах (одна верста равнялась 1,07 км. – **А.Г.**) от Кашина по Бежецкому почтовому тракту. В 1859 году в селе Столбово было 37 дворов, проживали 130 человек мужского пола и 151 житель женского пола, была православная церковь и реальное училище. От деревень Корельско-Кошевского прихода до центра отделения было 40 верст. Сейчас село Столбово находится в Кесовогорском районе Тверской области в 8 километрах от Кесовой Горы [85].

В Государственном архиве Тверской области по тверским удельным карелам сохранились дела двух сельских приказов Весьегонского уезда: Арханского за 1841–1857 годы и Чамеровского за 1814–1863 годы.

В делах Тверской удельной конторы сохранились составленные в марте 1859 года планы карельских деревень Корельско-Кошевской волости Бежецкого уезда, которые относились к Столбовскому отделению Чамеровского сельского приказа: Акинихи, Байков, Горбовца, Гремячихи, Калинихи, Муравьева, Поцепа, Терехова и Шейно. Планы деревень составил землемерный ученик Лихачев, их засвидетельствовал Тверской удельный землемер. 18 марта 1859 года все планы были рассмотрены и согласованы в чертежной мастерской Тверской удельной конторы, а 27 марта утверждены Департаментом уделов.

Приведу свои описания некоторых карельских деревень на основании планов, составленных Лихачевым.

Деревня Поцеп состояла из 12 крестьянских дворов, была расположена одной улицей с двумя посадами с северо-востока на юго-запад вдоль речки Каменки, до которой от деревни около 200 метров. Земли на противоположном высоком берегу речки Каменки принадлежали, как записано в плане, господину Слепневу, (на самом деле эти земли относились к деревне Барская Ворониха и принадлежали помещикам

деревни Слепнево. – **А.Г.**). До деревни Слепнево от Поцепа было расстояние в 1 километр, до Барской Воронихи – 300 метров. Со стороны деревни Петряйцево находился пожарный сарай с инструментами вблизи ручья, впадающего в Каменку. В сторону деревни Слепнево имелось четыре запасных места под строительство дворов в случае семейных разделов. Между ними и домами оставлены прогоны на обоих посадах. Здесь проходила дорога вброд через речку Каменку в село Кошево Карельское.

Деревня Горбовец состояла из 18 крестьянских дворов, располагалась в виде буквы **Т** с двумя улицами. Основная улица из 10 дворов шла одним посадом с севера на юг, окнами домов на запад. Напротив него в центре улицы находился пожарный сарай с инструментами. Другая улица с двумя посадами шла в сторону мызы Подобино, до которой от деревни было 2 километра. На северном посаде улицы было 5 домов, на южном – 3 дома. В центре основной улиц имелся прогон или проулок, который был продолжением второй улицы, дорога через него вела в деревню Калиниха.

На плане указаны два запасных места под строительство дворов в случае семейных разделов по краям основной улицы. Одно место находилось в сторону деревни Гремячиха, второе – в сторону поля. Не случайно, когда на этом запасном месте Рудовы, при семейном разделе построили свой дом, их стали называть не по фамилии, а Полевихины.

Деревня Гремячиха состояла из 12 крестьянских дворов, располагалась одной улицей с северо-востока на юго-запад двумя посадами по 6 домов на каждом посаде. Деревню окаймляли с запада и северо-запада – Сухопутный ручей, который берет начало между Горбовцом и Гремячихой, с востока – речка Каменка в ее истоке, которая берет начало возле деревни Калиниха. В южной стороне деревни располагался пожарный сарай с инструментами. Имелось 4 запасных места на северо-восточной окраине деревни, в сторону деревни Бережки для постройки новых дворов при семейных разделах.

Деревня Муравьево состояла из 21 крестьянского двора, располагалась одной улицей двумя посадами с запада на восток. На южном посаде деревни находилось 10 дворов, на северном – 11 дворов. В самом центре улицу деревни пересекал прогон или проулок шириной в 4 сажени или 8 метров, по нему шла дорога в деревню Байки. Было 3 свободных места под строительство дворов при семейных разделах,

все они располагались в сторону леса, противоположную от деревни Душково.

Во всех деревнях ширина улицы равнялась 14 саженям или 28 метрам, ширина дороги на ней 7 саженей или 14 метров. На расстоянии 3 саженей или 6 метров от домов вдоль улиц проходили сточные канавы шириной 0,5 сажени или 1 метр. Между домами и сточными канавами были насажены деревья, чаще всего березы [86].

В связи с упразднением в 1863 году сельских приказов карельские деревни бывшей Корельско-Кошевской волости отнесли сначала к мировому посреднику 1-го участка Кашинского уезда, а в 1864 году – к мировому посреднику 3-го участка Бежецкого уезда.

В 1859 году в Бокаревской волости Бежецкого уезда проживал 1509 карел, они составляли 10% населения волости, а в 1897 году проживали 1910 карел или 21,6% от общего населения волости.

Карелы Корельско-Кошевской волости относились к ***удельным*** крестьянам до конца 1863 года, с того времени они стали относиться уже не к Удельному ведомству, а к крестьянам Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии. Привожу сведения о деревнях этого прихода по переписи 1859 года, когда эти деревни еще были удельными [87].

Деревня	Число дворов	Муж. пола	Жен. пола	Всего жит.
Акиниха	12	34	45	79
Байки	29	97	110	207
Бережки	22	76	73	149
Гремячиха	11	32	35	67
Горбовец	18	52	61	113
Душково	21	62	72	134
Климантино	20	53	63	116
Калиниха	22	57	67	124
Муравьево	23	60	78	138
Петряйцево	20	67	82	149
Поцеп	12	37	38	75
Терехово	16	38	57	95
Шейно	8	26	37	63
Погост Кошево Карельское	7	9	25	34

Таким образом, до проведения крестьянской реформы 1863 года, в карельских деревнях Корельско-Кошевской удельной волости, общее число дворов составляло 241, жителей мужского пола 700 человек, женского пола – 843 человека, а всего 1509 карел и 34 русских жителя.

Карелы, проживавшие на территории волости, всегда были исполнены чувства собственного достоинства, гордости, даже самоуверенности, они чувствительны на всякие обиды. Они не гнули спину перед начальством и не давали ему взяток. Они требовали от чиновника то, что он должен исполнять, зная, что за эту службу чиновник получает жалованье. В карельских деревнях были случаи, когда урядник или становой пристав, приехав в деревню, пытался ударить карела. В ответ он получал от карела сдачи или привлекался им к суду. В Тверской губернии не знают ни одного случая, чтобы по приговору волостного суда карела наказывали розгами. Он не вытерпел бы такого позора и решился бы на любые средства, чтобы избежать этого.

Карелы Корельско-Кошевского прихода Бокаревской волости Бежецкого уезда Тверской губернии сами судились очень редко. Они считали тех, кто судится, кляузниками, потерявшими уважение населения. Карелы не хотели тратить время, особенно во время сенокоса и уборки урожая, на поездки в суд, ожидание судебного заседания, поездки к земскому начальнику. Возможно поэтому, не теряя времени на судебные тяжбы и другие волокитные дела, карелы вели свои хозяйства в полном порядке. Являясь точными и справедливыми, они могли осуждать члена своего сельского общества на сходе или среди его родственников.

Многим карелам Корельско-Кошевского прихода памятен случай, когда житель деревни Калиниха Иван Степанов обратился с жалобой на односельчанина Кузьму Семенова, который взял у него взаймы 5 рублей денег под залог суконной чуйки сроком до 21 ноября 1873 года. До дня рассмотрения дела Бокаревским волостным судом Бежецкого уезда 27 октября 1874 года Семенов деньги Степанову не отдал. В суде Кузьма Семенов показал, что взял у Степанова не 5, а 2 рубля. Волостной суд постановил: взыскать с Кузьмы Семенова в пользу Степанова 5 рублей денег до 15 ноября 1874 года. Из-за недостатка ясных доказательств Иван Степанов получил право продажи отданную ему Семеновым суконную чуйку (длинный кафтан или шуба без воротника. – **А.Г.**).

Решение вынесли волостные судьи Иван Ларионов из деревни Шалагино, Василий Анисимов, Степан Вокулов из деревни Сосновка,

по просьбе которых, как неграмотных, решение подписал волостной судья Арсений Семенов из карельской деревни Душково.

Этот случай карелы деревень Поцеп, Петряйцево и других, запомнили потому, что именно Кузьма Семенов, не совсем чистый на руку, будучи грамотным, в 1879–1883 годах являлся доверенным лицом жителей деревни Шейно в их споре с поцеповским карелами при разделе спорной земли, о чем я писал ранее.

18 ноября 1874 года Кузьма Семенов обжаловал решение Бокаревского волостного суда в Бежецкий мировой съезд мировых посредников. Заключение подготовил мировой посредник 3-го участка Сергей Николаевич Бешенцев, где указал, что волостной суд, вынося решение, руководствовался местными обычаями, что не противоречит законоположению. Бежецкий мировой съезд мировых посредников оставил решение Бокаревского волостного суда без изменения [88].

Усадьба мирового посредника 3 участка Бежецкого уезда Сергея Николаевича Бешенцева находилась в селе Высокуша, ныне Краснохолмского района. Известно, что еще в 1710 году сельцом Высокужье (Высокуша. **– А.Г.**), которое относилось к погосту Лобнево, владела вдова Ульяна Андреевна Бешенцева. Есть сведения, что С.Н. Бешенцев в 1853 году некоторое время служил церковным старостой в селе Лобнево, но не поладил с местным священником.

Нужно отметить, что до назначения С.Н. Бешенцева, мировым посредником 3 участка Бежецкого уезда был дворянин из мызы Подобино Александр Николаевич Неведомский, вплоть до своего ареста в феврале 1862 года. Одновременно с ним мировым посредником 2-го участка был утвержден князь Михаил Иванович Хилков из села Синево-Дуброво.

После проведения крестьянской реформы 1863 года в отношении удельных крестьян, в Бокаревской волости к 1887 году, на территории Корельско-Кошевского прихода, оставалось всего 582 десятины земли, принадлежащей Удельному ведомству. Из них 73% составляли лесные участки, 14% – выгоны, 6% пустоши и 3,5% – пашни бывшей общественной запашки.

Число карел прихода увеличилось за это время с 1638 до 1980 или на 362 человека. В 1883–1887 годы у них в январе совершалось 48,3% от всех заключенных браков, в феврале – 24,7%, вообще не заключались браки в марте, августе, сентябре и декабре.

К тому времени крестьяне Бокаревской волости имели наделы площадью по 1,7 десятины на одну душу населения. Это было значительно меньше, чем в чисто карельских волостях – Алешинской по 2,3 десятины, Заручьевской по 2,3 десятины, Микшинской по 2,2 десятины, Толмачевской по 2 десятины на душу населения обоего пола.

В среднем по Бежецкому уезду в 1887 году на один крестьянский двор приходилось надельной земли:

– у бывших помещичьих крестьян – 9,7 десятины;
– у государственных крестьян – 10,5 десятины;
– у бывших удельных крестьян – 12,9 десятины.

При этом средний размер надельной земли по Бокаревской волости составлял 9,9 десятины на одно хозяйство. Удельные крестьяне волости имели в среднем на одно хозяйство по 6,5 десятин пашни, 5,4 десятин сенокосов, по 33 сотки усадьбы, по 31 сотке выгонов, по 34 сотке леса и 28 соток неудобий и кустарников, а всего – по 13,16 десятин.

Из удельных карел Бокаревской волости в 1887 году 125 хозяйств владели 2 наделами, 101 хозяйство – 3 наделами, 24 хозяйства – 4 и более наделами и лишь 27 хозяйств владели 1 наделом. На один душевой надел у карел Бокаревской волости приходилось по 5,7 десятин земли, на одно хозяйство в среднем по 13,4 десятин земли, на душу населения по 2,2 десятины, на одного работника по 9,9 десятин земли.

Нужно отметить, что при проведении крестьянской реформы произошло резкое сокращение площади надельной земли. По Бокаревской волости в 1863 году приходилось по 16,6 десятин на одно хозяйство или по 2,3 десятины на одну душу населения обоего пола, а в 1887 году – 9,9 десятин на одно хозяйство или по 1,7 десятины на одну душу обоего пола.

Что касается выкупленной земли, то к 1887 году только 9 карельских хозяйств Бокаревской волости выкупили свои 20 наделов общей площадью 114 десятин или 2,3% от всех наделов, которые необходимо было выкупить. Всего частные владения по Бокаревской волости к тому времени составляли 3,4 тысячи десятин или 16,5% к общей площади. Из них дворяне имели 76,17% всей частной земли, а крестьяне всего 3,8% частной земли.

По Бежецкому уезду крестьянские надельные земли в 1887 году составляли 53,5%, крестьянские купленные земли 12%, помещичьи земли – 13,2%, государственные казенные земли – 10,4%, удельному ведомству принадлежало 4,8% земли [89].

До средины XIX века большинство домов и хозяйственных построек у карел были покрыты соломой, изба под соломенной крышей стояла 20–25 лет, потом ее приходилось перестраивать. Преобладающим типом была курная изба с печью без трубы, дым выходил в отверстие, сделанное в потолке и волоковое окно.

Но уже к началу XX века свои дома карелы крыли дранкой, лишь самые бедные из них крыли дома соломой. Изба под дранкой или тесовой крышей стояла 80–100 лет без перестройки и ремонта. Печки были уже с трубами, и дым избу не заволакивал.

Жители многих карельских деревень нашей местности строили мосты через речки, чтобы выехать в церковь, на кладбище, на рынок в Бежецк. Мосты представляли собой деревянные настилы из еловых плах, установленные на сваях. Нередко во время половодья их сносило течением или сдвигало с места, приходилось ремонтировать мост или строить новый. Неподалеку от каждого моста между омутами жители спускали берега, делая их отлогими для брода. Бродами пользовались все лето, оберегая мосты и давая возможность лошади напиться чистой, проточной речной воды. Эти мосты соединяли карельские деревни с соседними русскими деревнями и имениями.

Соседние русские имения и деревни

Худое дело обидеть соседа.

С севера и востока карельские деревни окружали леса, с юга и запада – русские деревни и барские имения. На расстоянии от 1 до 5 километров от карельских деревень, раскинулись помещичьи имения:

- Голицыных (Сулега), в 4 километрах от карельских деревень Поцеп и Петряйцево;
- Кузьминых-Караваевых (Борисково), в 5 километрах от Поцепа и Петряйцева;
- Львовых-Гумилевых (Слепнево), в 1 километре от Поцепа, 3 километрах от карельских деревень Акиниха, Петряйцево, Терехово и Шейно;

- Ворониных, а позднее В. Иванова (Барская Вороиха), в полукилометре от Поцепа, 1 километре от Терехова и 2 километрах от Петряйцева и Шейна;
- Неведомских (Подобино), в 2 километрах от карельской деревни Горбовец и 4 километрах от Акинихи и Терехова.
- Апыхтиных (Замыцкая Гора), в 5 километрах от Акинихи;
- Хилковых и Архиповых (Синево-Дуброво), в 8 километрах от Горбовца и Калинихи;
- Нееловых, после них А.А. Герасимовой (Гостиницы), в 2 километрах от Бережков, Горбовца, Гремячихи и Терехова;
- Лодыгиных, а после них П.А. Серова (Панцино), в 5 километрах от Горбовца и Калинихи;
- Таракановых (Сабурово), в 5 километрах от Горбовца и Калинихи.

Помещичью усадьбу ставили вблизи от деревни или села, принадлежащих владельцу, но в нескольких сотнях метров от крестьянских изб. В нашей местности помещичьи дома были деревянными, двухэтажными или одноэтажными с мезонином.

Дом Кузьминых-Караваевых в Борискове двухэтажный, по фасаду на первом этаже 8 окон, в центре – входная дверь. На втором этаже по фасаду 9 окон, дом деревянный, крытый гонтом.

Дом А.И. Гумилевой в Слепневе был деревянным, одноэтажным с большим мезонином, выходящим окнами на все четыре стороны. Дом стоял на высоком кирпичном фундаменте, сначала был крыт тесом, позднее – гонтом. По фасаду имел 8 окон и посредине высокое крыльцо, крыша которого покоилась на шести круглых колоннах. Лестницу на крыльце обрамляли точеные балясины. Мезонин по фасаду имел 2 окна и выход на балкон, на остальные три стороны было по три окна, окна комнаты А.А. Ахматовой выходили на северную сторону. Неподалеку от дома находилась людская деревянная изба, крытая тесом.

Дом Неведомских деревянный двухэтажный фасадом на юг в сторону дороги Бежецк-Рыбинск, вход с восточной стороны. Более подробное описание этого дома в книге приводится.

Дом князя Михаила Ивановича Хилкова в имении «Дубровка», находившемся в селе Синево-Дуброво был двухэтажный дом с пятью комнатами на первом этаже и девятью на втором, мебель и библиотека. Кроме этого дома – каретный сарай, флигель с двумя комнатами и кухней, сарай, три скатных двора, амбар, водогрейка, рига, людская изба и много, много сельхозинвентаря.

На всех помещичьих усадьбах в стороне от господского дома находились избы и флигели для дворни, и хозяйственные постройки – сенные сараи, каретные дворы, фермы, конюшни. Еще дальше от дома располагались риги, маслобойка, а в некоторых усадьбах – ветряная мельница и лесопилка.

По утверждению очевидцев внутреннее устройство помещичьих домов было совершенно одинаково. После передней на первом этаже был длинный зал, составляющий один из углов дома с частыми окнами в двух стенах. В глухой капитальной стене зала было двое дверей, одна, всегда низкая, вела в темный коридор, в конце которого находилась девичья комната и черный выход во двор. Вторая дверь зала большого размера и высотой в уровень с верхом окон, вела в гостиную. Дверь таких же размеров вела из гостиной в кабинет хозяина или в хозяйскую спальню, составляющую другой угол дома. В двухэтажных домах или доме с мезонином к глухой стене центральной гостиной примыкала деревянная лестница с точеными балясинами. Она вела из темного коридора, отделявшего парадные комнаты от жилых комнат, на второй этаж или мезонин [90].

Комната хозяйки и хозяина, которые нередко служили им спальнями. На втором этаже располагались жилые комнаты, они были небольшими, теплыми и удобными для проживания. Во флигелях жили дети с гувернантками и дворня, другая часть которой жила в людской избе. Каждый помещик имел повара, кухарку, садовника, скотников, конюхов, кучеров. Многие из них были из ближайших деревень, чтобы на ночь могли уходить домой. Непременными атрибутами помещичьих усадеб были парки, фруктовые сады и пруды.

В каждом доме было множество небольших комнат с печками, топки печек выходили в коридоры или сени. В комнатах стояли деревянные массивные стулья с высокими точеными спинками, не покрытые ни лаком, ни краской. В других комнатах имелись входившие в моду легкие венские стулья. В комнатах на стенах висели картины и гравюры, ценилась фарфоровая посуда. Каждая усадьба имела богатую библиотеку. На чердаках хранились старые книги, архивы, старая мебель.

Женщины занимались вязанием, вышиванием, шитьем, чтением книг и долгими разговорами. Единственными развлечениями мужчин были визиты друг к другу, долгие беседы и охота.

Помещикам принадлежали крестьяне многих окружающих имения русских деревень. Выгоны были общими, а лес принадлежал помещи-

ку или правительству. Пользование лесом дозволялось крестьянам помещиком или удельной администрацией на определенных условиях.

Некоторые владельцы помещичьих имений были очень знаменитыми, приезжая в свои имения наездами или, выйдя в отставку, другие проживали в своих поместьях. Помещичья усадьба отличалась от имения тем, что помещик там проживал постоянно, а в имение он изредка наведывался, находясь на постоянной военной или гражданской службе.

Помещичьи крестьяне Ивана Александровича Хилкова не имели возможности видеть знаменитого сына своего хозяина, который был очень занятым государственным деятелем, вплоть до его отставка в 1905 году. Он постоянно пропадал, то в Америке, то в Санкт-Петербурге, то на строительстве железных дорог. В имении с 1888 года находился его старший брат Александр Иванович, вернувшийся с семьей на родину из Санкт-Петербурга.

Крестьяне Подобина, Гостиниц, Рылькова, Сосновки, Холма могли видеть своего помещика Николая Васильевича Неведомского, который постоянно жил в своем имении Подобино. До его смерти в 1853 году, и последующего переезда в Москву, они видели помещицу Анну Андреевну Неведомскую (Герасимову), а после ее смерти – Варвару Петровну Неведомскую. После смерти Варвары Петровны в 1896 году встречали помещика К.Н. Неведомского, до своей смерти в январе 1899 года проживавшего в имении Подобино.

Жители Слепнева имели возможность ежедневного общения со своим хозяином Иваном Ивановичем Львовым вплоть до его смерти в 1875 году. От него имение перешло к сыну Льву Ивановичу Львову, а с 1910 года – трем его сестрам: Варваре Ивановне Львовой-Лампе, Александре Ивановне Львовой-Покровской и Анне Ивановне Львовой-Гумилевой.

Но и в знатных и незнатных поместьях, не было немцев-управляющих, ими были кто-то из местных хозяйственных мужиков, а всеми делами в деревнях ведали старосты, избранные их жителями.

К началу проведения крестьянской реформы на территории Бокаревской волости находились 36 русских селений и 14 карельских, а всего 50 селений. В 36 русских селениях насчитывалось 707 дворов, в которых проживали 2304 жителя мужского пола и 2760 – женского пола, а всего 5064 человека. Вместе с населением Корельско-Кошевского прихода на территории Бокаревской волости проживали тогда 6607 жителей [91].

Позднее деревню Петрищево, что в 2 километрах от мызы Подобино, отнесли к Новской волости, к которой относилось имение ее владельца Н.Ф. Апыхтина Замыцкая (Ульянова) Гора.

До реформы 1861 года государство передавало часть своих обязанностей помещикам, которые являлись ответственными за правильные платежи крестьян государству, за исполнение трудовых повинностей. Одновременно закон определил обязанности помещиков заботиться о продовольствии крепостных во время неурожаев, голода и помогать им при несчастных случаях. В законе было сказано, что владелец в случае неурожая, не сбивая крестьян с пашни, а дворовых со двора, обязан доставлять им способы пропитания, воздерживая от нищенства. За каждого, пойманного в нищенстве, с владельца взыскивали по 1 руб. 50 копеек.

Помещики видели, что положение их крестьян в голодные годы ужасное. Они ели все, что можно и нельзя: желуди, древесную кору, болотную траву, солому. От такой еды некоторые крестьяне травились насмерть, у женщин пропадало молоко в груди, грудные младенцы умирали в большом количестве. Однако современники писали, что во время голода помещики, хотя и брали на прокормление крестьян деньги из казенного капитала на народное продовольствие, но одни из них эти деньги проигрывали в карты. Другие помещики ими платили долги или употребляли на свои нужды. Уплата же этих денег в продовольственный капитал производилась крестьянами вместе с податями [92].

Помещики имели достаточно много прав в отношении крепостных крестьян, в том числе переводить их во двор, а дворовых людей садить на пашню. В виду упорных слухов об освобождении крестьян от крепостной зависимости, число дворовых людей в 1858 году за два года увеличилось в 1,4 раза, хотя многие из них имели свои избы, огороды и скот.

Перед крестьянской реформой 1861 года численность крепостных крестьян в Тверской губернии составляла 50,63% от общего числа населения. В то же время в Олонецкой губернии с преобладанием карельского населения численность крепостных крестьян составляла всего 3,99%, остальные крестьяне там относились к Удельному ведомству. Накануне реформы по Тверской губернии на оброке находились 41% крестьянских ревизских душ, на барщине – 59%.

На одну ревизскую душу по Тверской губернии приходилось всего 2,31 десятин пахотной земли. При таких размерах пашни крестьянской семье не хватало хлеба до нового урожая, им приходилось по-

купать привозной хлеб. Поэтому молочные продукты, мясо и яйца в большинстве своем им приходилось по необходимости продавать на базаре, чтобы на эти деньги закупать хлеб.

Современники писали, что простонародье в нашей местности кормилось почти одним черным ржаным хлебом да серыми щами. Питались еще горохом, толокном да пареной репой. Калач считался лакомством, пряники – богатым подарком.

Перед реформой 1861 года денежный оброк помещичьих крестьян в Тверской губернии составлял 17 рублей 53 копейки с тягла. Помимо денежного оброка каждая хозяйка дома должна была выпрясть и соткать для помещика 10 аршин холста из своего льна. Нередко один из сыновей крестьянина на все время уходил в города, чтобы там заработать деньги на оброк и хлеб. После уборки урожая на заработки в города нередко уходили и главы крестьянских хозяйств вместе с сыновьями [93].

До крестьянской реформы 1861 года в помещичьих деревнях, в отличие от удельных, при перераспределении участков нередко меняли их. Хорошо удобренные участки доставались ленивым, нерадивым хозяевам, а их запущенные участки – крепким хозяевам. Крестьяне требовали и добивались, чтобы участки для выращивания хлеба передавались им раз и навсегда.

В общем владении лугами каждый крестьянский двор имел свой пай. Избу, скот, полевые орудия каждый двор имел за свой счет. Крестьянские строения в деревнях состояли из: теплой и холодной избы с подпольем, сенного сарая, двора для скота, амбара для зерна, овина и огорода. Огород давал крестьянскому хозяйству 35–40 рублей дохода в год. Но уже тогда жители Бежецкого уезда довольствовались своим хлебом, часть ржи и овса продавали.

Каждую осень сельское общество часть своего собранного урожая, в пределах 1/7 доли, ссыпало в общественные магазины (магазеи). Деревенские магазеи строились наподобие рубленой житницы с двухскатной крышей или башни с маленьким оконцем и островерхой крышей. Стояли они обычно на окраине деревни, в некоторой отдаленности от крайних домов.

Зерно в магазеи засыпали в конце сентября – начале октября. После засыпки, избранные миром крестьяне шестом с делениями проверяли глубину засыпки в каждом отсеке и еще раз подсчитывали, сколько четвертей (одна четверть – 210 литров. **– А.Г.**) зерна находится в магазее. После этого староста запирал замок и ключ оставлял себе, чтобы

по решению сельского общества выдавать зерно весной на семена или в долг бесхлебным крестьянам.

Крестьяне привозили на ярмарки в Бежецк и другие места хлеб, скот, шкуры животных, холсты, масло и другие товары. Крестьянский двор из Бокаревской волости продавал холстов на 3–4 рубля, имел доходы от звериного промысла. Волчью шкуру продавали за 2–3 рубля, лисью за 1–2 рубля, десяток беличьих шкурок за 30–40 коп., рысью – за 10–15 рублей. Удельные карелы были богаче по причине изобилия в пашне, лесе и других угодьях, с которых получали они продажею хлеба, скота и прочего товара до 30 рублей и более. Нужно учитывать, что оброк они не платили и барщину не отрабатывали.

Помещичьи крестьяне посредственного состояния, получали от продажи продуктов до 10 рублей деньгами. Средний крестьянин содержал обычно двух лошадей, двух коров, подтелка или теленка, овец, свиней и кур. Огород давал крестьянскому хозяйству 35–40 рублей дохода в год. В Бежецком уезде труд крестьян по найму оценивался следующим образом: конный день мужчина – 60 коп., пеший день мужчины – 40 коп., пеший день женщины – 30 копеек. Оброк составлял в пределах 20–30 рублей в год [94].

Основными продуктами питания крестьян нашей местности были хлеб, картофель и молочные продукты. В среднем на одного едока приходилось в год: по 20–22 пуда (320–352 кг. **– А.Г.**) вместе хлеба и картофеля, из них 12–13 пудов хлеба,

- 3–4 пуда овощей и фруктов;
- 6–7 литров растительного масла;
- 6–7 кг сахара;
- 1–1,5 пуда мясных продуктов;
- 6–7 кг рыбы;
- 10–11 пудов молочных продуктов. В сравнении, например, с французскими крестьянами наши употребляли в год хлеба в 2,6 раза больше, в то же время овощей и фруктов в 2,7 раза меньше, мясных продуктов в 7,4 раза меньше, чем французские крестьяне [95].

Что касается дворян, то их сыновья жили с надеждой на военную карьеру, на хорошую гражданскую должность чиновника в Санкт-Петербурге или Москве, но особые надежды лелеяли на наследство родителей, а дочери – удачно выйти замуж за богатого дворянина. Но в ходе проведения крестьянской реформы многие дворяне стали малоземельными, некоторые банкротились.

При императоре Александре III был принят закон от 3 мая 1883 года, по которому выморочные имущества, оставшиеся после потомственных дворян, передавалось в собственность дворянского общества, к которому относился умерший дворянин.

К концу XIX века на территории Бокаревской волости Бежецкого уезда находилось 6 приходов: Глазовский, Головский, Карело-Кошевский, Сабуровский, Синево-Дубровский и Хонеевский.

Погост Кошево Корельское, Сретенская церковь, построена в 1816 году, каменная, с 3 престолами: Сретенья Господня, Святых Благоверных князей Бориса и Глеба, Введения в храм Пресвятой Богородицы. Здания: дом для священника, церковно-приходская школа и сторожка. В приходе 13 карельских деревень и одна русская деревня Новской волости – Ворониха.

Село Глазово, Спасская церковь, построена в 1810 году, каменная с 3 престолами: Спаса Нерукотворного, Архистратига Михаила и Святителя Николая. В приходе село и 4 деревни.

Погост Головское, Казанская церковь, построена в 1814 году, каменная с 3 престолами: Казанской Божьей матери, Святителя Николая и святого Пророка Ильи. На погосте два деревянных дома для священников, церковно-приходская школа, сторожка и амбар. В приходе один погост и 8 деревень.

Село Сабурово, Благовещенская церковь, построена в 1829 году, каменная, с 3 престолами: Благовещения Пресвятой Богородицы, Казанской Божьей Матери и Святителя Николая. Здания – дом для священника, дом для учителя, сторожка и амбар. В приходе приселок Сабурово (Тараканово), 8 деревень Бокаревской волости, в том числе деревня Сабурово, и 2 деревни Литвиновской волости Кашинского уезда.

Село Синево-Дуброво, Тихвинская церковь, построена в 1784 году, каменная, с 3 престолами: Тихвинской Божьей Матери, Святителя Николая и Святителя Димитрия Ростовского. Вторая Смоленская церковь, построена в 1777 году, деревянная. Здания: дом с двором для священника, дом для церковно-приходской школы и сторожка. В приходе одно село и 6 деревень.

Село Хонеево, Спасская церковь, каменная, построена в 1809 году с 3 престолами: Нерукотворного Спаса, Казанской Божьей матери и преподобного Сергия Радонежского. В приходе одно село и две деревни.

Таким образом, к концу XIX века на территории Бокаревской волости находилось: 3 села – Глазово, Синево-Дуброво и Хонеево, три

погоста – Головское, Карело-Кошево и Сабурово (Тараканово), сельцо Подобино и 41 деревня. Во всех селениях волости было 1447 дворов, из них 2 дворянских двора, 7 дворов священнослужителей, 98 дворов военных и 1340 крестьянских дворов. В них проживали 4086 человек мужского пола и 4496 человек женского пола, а всего крестьян разного возраста с детьми – 8582 человека [96].

В сравнении с 1859 годом число крестьянских дворов на территории Бокаревской волости к 1901 году увеличилось с 948 до 1340 или на 392 двора. Число крестьян обоего пола увеличилось с 6607 до 8582 или на 1975 человек.

Народное образование в Бокаревской волости

Почитай учителя, как родителя.

В ходе проведения крестьянской и земской реформ активно реформировалось народное образование. Наряду с действовавшими церковно-приходскими школами открывались земские народные начальные училища на основании ***«Положения о начальных народных земских училищах»***, утвержденного 14 июля 1864 года. Училища были на попечении земств, финансировались за счет сельских обществ и волостей.

Они были как *трехгодичными* однокомплектными, где все три класса обучал один учитель, так и *четырехгодичными* двухкомплектными с двумя учителями. Земства брали на себя снабжение училищ учебными пособиями, аренду помещений для них, организацию школьных библиотек. Предметами учебного курса начальных народных училищ были – закон божий, чтение, письмо и первые четыре действия в арифметике.

Кроме народных начальных земских училищ действовали церковно-приходские школы и одногодичные школы грамотности. Церковно-приходские школы получили своего рода второе дыхание после издания в 1884 году «Правил о церковно-приходской школе». Они вновь стали открываться в приходах, как однокомплектные с 2-годичным сроком обучения, так и двухкомплектные с 4-летним сроком обучения. В них изучали те же предметы, что и в начальных народных училищах.

Церковно-приходские школы открывало православное духовенство, обучение в них проводили местные священники, иногда учителя

или учительницы под наблюдением священника. Они открывались и действовали на местные средства жителей прихода.

В учебном плане земские начальные народные училища находились в ведении министерства народного образования, церковно-приходскими ведал синод. В одногодичной школе грамотности преподавали закон божий, русский язык, чтение, арифметику и церковное пение.

В однокомплектной школе с одним учителем обычно обучалось до 50 учеников в одной классной комнате, курс обучения был трехгодичный. Двухкомплектная школа с четырехгодичным курсом обучения имела две классные комнаты и двух учителей. Крестьянские дети были вынуждены с малых лет помогать родителям по хозяйству, поэтому, чаще всего, они оканчивали два года обучения из трех или четырех, овладев письмом и счетом.

Основной задачей земского народного училища было начальное обучение крестьянских детей, привитие им любви к чтению. Училища были лучше организованы, чем церковно-приходские школы, лучше снабжены учебными пособиями. Учительский состав был лучше подготовлен к преподаванию предметов. Полученные здесь знания несравнимы с результатами церковно-приходских школ, основными задачами которых были поддержка веры в Бога и борьба с революционным движением. Учительский состав в них набирался из священников, их детей, которые по бедности не могли продолжать свое образование.

Бокаревский волостной старшина Иван Алексеев 21 июня 1889 года представил в Бежецкую уездную земскую управу сведения о церковно-приходских школах и школах грамотности, сведений о земских народных училищах от него не требовали.

В тот год на территории волости действовала одна церковно-приходская школа и три школы грамотности. В церковно-приходской школе села Синево-Дуброво обучалось 24 мальчика и 4 девочки, учителем был дьякон Александр Васильевич Воскресенский, который преподавал безвозмездно. Сведений о других церковно-приходских школах Бокаревский волостной старшина не представил, не исключено, что тогда там детей не обучали.

В школе грамотности деревни *Анисимово* обучалось 9 мальчиков и 3 девочки, учитель – запасной солдат из деревни Никола Литвиновской волости Иван Ефимов. Его годовое жалованье составляло по 1 рублю с ученика, всего 12 рублей. В школе грамотности деревни *Сорокино* обучалось 13 мальчиков, учитель – крестьянин той же деревни Иван Се-

менович Чикунов. Его годовое жалованье по 1 руб. 50 коп. за ученика, всего 19 рублей. В школе грамотности деревни Богородское обучалось 10 мальчиков, учитель – солдат Петр Степанович Капитонов, годовое жалованье по 1 руб. 25 коп. за ученика, всего 12 рублей 50 копеек [97].

По грамотности Бокаревская волость находилась на 3-м месте из 30 волостей Бежецкого уезда. Общее число грамотных по волости было 1266 человек или 31,1% от общего числа населения, из них 1205 человек по возрасту были старше 14 лет.

На территории волости к 1899 году имелись ***2 земских народных начальных училища, 6 церковно-приходских школ и 3 школы грамотности*** с общим числом учеников 363 человека.

* * *

Корельско-Кошевское земское народное начальное училище было ***основано в 1885 году,*** на 2129 жителей этого прихода имелось 112 мальчиков и 107 девочек школьного возраста. В 1885–1886 учебном году обучалось 56 мальчиков и 6 девочек, первой учительницей стала работать Надежда Петровна Ушакова, окончившая курсы в школе Максимовича, годовое жалованье 175 рублей. Законоучителем работал священник Константин Меглицкий, годовое жалованье 60 рублей. Школа находилась в церковном здании села Кошево Корельское, имела 3 классные комнаты. Книг сами учащиеся не имели, для внеклассного чтения в школе было 15 книг, имелось 350 учебников.

Учительница Надежда Петровна Ушакова была родом из Романово-Борисоглебского (с 1918 года Тутаевского. **– А.Г.**) уезда Ярославской губернии. К средине XIX века бывшие бежецкие дворяне Тверской губернии Ушаковы разделились на несколько отдельных родов. Отец Надежды Петровны подполковник Петр Степанович Ушаков был помещиком сельца Окулово и деревни Становой в том же уезде, 10 июля 1841 года венчался с Александрой Остолоповой – дочерью помещика Лавра Владимировича Остолопова.

В числе других детей у них родились дочери Варвара Петровна (22.04. 1850–30.05.1896 гг.), Надежда Петровна и Любовь Петровна. Старшая дочь Варвара Петровна вышла замуж за помещика *Константина Николаевича Неведомского* и проживала в сельце Подобино Бежецкого уезда, что в 5 верстах от Корельского Кошева. Их тетка,

сестра отца, Екатерина Степановна Ушакова была замужем за подполковником *Никитой Алексеевичем Татищевым,* чье имение находилось в селе Беляницы Бежецкого уезда.

Надежда Петровна Ушакова окончила в 1882 году в Твери школу П.П. Максимовича, которая давала бесплатное обучение девушкам 13–17 лет всех сословий, в том числе, помещичьим и крестьянским детям. Там сначала курсы обучения были 3 года, позднее увеличены до 5 лет.

В своем заявлении от 22 декабря 1885 года в Бежецкий земский училищный совет учительница Надежда Ушакова писала: «Имея школу, разделенную на три отделения, и состоящую из 62 учеников, я успеваю в старшем отделении ежедневно давать по 2 урока, в среднем и младшем отделении только по одному уроку в день, чего, по моему мнению, слишком недостаточно. Поэтому покорнейше прошу Бежецкий земский училищный совет назначить мне помощницу. Мне со своей стороны желательно было бы иметь у себя помощницей мою сестру Любовь Ушакову, которая состоит помощницей Новского училища, (по документам Градницкого, а не Новского, село Новое находится в одном километре от Градниц. **– А.Г.**) поэтому, если возможно, покорнейше прошу назначить ее».

Председатель Бежецкого уездного училищного совета, одновременно председатель земской управы Николай Алексеевич Чаплин наложил на заявлении резолюцию: «За недавним открытием училища и утвержденной суммой ассигнований, в назначении помощницы отказать» [98].

Нужно отметить, с 1 октября 1882 года по 1 октября 1885 года Надежда Петровна Ушакова работала второй учительницей в Градницах. Там с 1882 года учительницей работала ее свойственница Пелагея Петровна Неведомская, окончившая в 1882 году курсы в школе Максимовича, помощницей у нее с 1885 года стала сестра Надежды – Любовь Петровна Ушакова. П.П. Неведомская работала в Градницах до 7 декабря 1888 года, затем была переведена в Штабское училище города Бежецка, о чем 12 декабря она сообщила в Бежецкую земскую управу. Но в 1893–1894 учебном году она вновь работала учительницей Градницкого народного училища, где тогда обучалось 79 мальчиков и 7 девочек [99].

Пелагея Петровна Неведомская была дочерью Петра Васильевича Неведомского, 1836 года рождения. Его старшему брату, Николаю Васильевичу, 1831 года рождения, от его матери Анны Петровны Не-

ведомской (Постельниковой) по наследству перешли село Глазово и деревня Квасово. Петр Васильевич, как и Николай Васильевич, был двоюродным братом Константина Николаевича Неведомского, его братьев и сестер, а Пелагея Петровна – их двоюродной племянницей.

Число учеников в Корельско-Кошевском народном начальном училище было: 1886 год – 46 мальчиков и 4 девочки, 1887–1888 учебный год – 50 мальчиков и 6 девочек, учительница Надежда Ушакова, вторая учительница Капитолина Портнова из деревни Муравьево, окончила курсы в Краснохолмском женском приходском училище, ее годовое жалованье 120 рублей.

В 1887 году мальчики ходили в училище из всех карельских деревень, кроме Климантина, а также 3 мальчика из русской деревни Иван Милостивый (Барская Вороиха). Две девочки учились из деревни Акиниха, что за 3 километра от школы. По одной девочке – из погоста Карело-Кошево, Бережков. Душкова и Терехова.

В своем имении Барская Вороиха Новской волости, к которой относилась и деревня Слепнево, проживал волостной старшина Василий Иванов. Деревня находилась в 6 километрах от волостного центра Село Новое. Имение волостного старшины находилось между карельскими деревнями Поцеп и Терехово, на высоком левом берегу реки Каменка, но относилось оно не к Бокаревской волости, как все окружающие карельские деревни, а к Новской волости.

Законоучителем был священник Константин Меглицкий, который в начале 1888 года написал заявление в Бежецкий уездный училищный совет: «Я со времени открытия Кошево-Корельского народного училища по назначению совета состоял законоучителем до настоящего времени. Но постигшая меня болезнь от ревматизма в ногах лишила меня возможности исполнять должным образом возложенные на меня обязанности. Вследствие чего я подвергся невинно различным нареканиям. В настоящее время при помощи медицинских пособий, я получил не только облегчение от ревматизма, но и почти совершенное выздоровление, что дает возможное продолжение преподавания Закона Божьего в училище. Поэтому прошу удовлетворить мое желание» [100].

В 1888 году председателем Бежецкого уездного училищного совета и председателем земской управы был предводитель уездного дворянства *Алексей Никитич Татищев.* Учительница Надежда Ушакова 29 августа 1888 года написала заявление на его имя с просьбой

повысить ей годовое жалованье, она работала уже 6 лет, жалованье оставалось 175 рублей в год. Ей позднее увеличили годовое жалованье до 200 рублей, так же, как и учительнице Градницкой школы П.П. Неведомской [101].

Учительница Корельско-Кошевского народного училища Надежда Петровна Ушакова была двоюродной сестрой председателю Бежецкой земской управы А.Н. Татищеву, а учительница Градницкого училища Пелагея Петровна Неведомская приходились ему свойственницей через жену своего двоюродного дяди К.Н. Неведомского Варвару Петровну Неведомскую-Ушакову. Нужно отметить, что от села Кошево Карельское до Градниц всего 10 километров.

В 1888 году в Корельско-Кошевском народном начальном училище обучалось 52 мальчика и 6 девочек, 1889 год – 55 мальчиков и 6 девочек. Преподаватели: И.Н. Тамаров, окончил Тверскую духовную семинарию, в 1889 году работал первый год, жалованье 150 рублей; Н.П. Ушакова окончила Тверскую учительскую школу П.П. Максимовича, в школе работала с 1885 года, стаж работы к 1889 году 7 лет, жалованье 175 рублей. С момента открытия училище располагалось в одном из церковных домов села Кошево Корельское, рядом со Сретенской церковью.

Летом 1888 года произошли какие-то недоразумения между сельским обществом и притчем, скорее всего, из-за занимаемого народным училищем помещения рядом с церковью, в связи с желанием церкви открыть в этом помещении церковно-приходскую школу. Помещение, ранее принадлежавшее сельскому обществу, пришло в полную негодность, но ко времени открытия земского народного училища в 1885 году оно было капитально отремонтировано за счет средств сельского общества.

Корельско-Кошевское сельское общество, включающее в себя 645 ревизских душ и 275 домохозяев, имеющих право голоса, 2 августа 1888 года по требованию сельского старосты Алексея Сабурова из деревни Климантино собрались на сход. Заслушали предложение попечителя Корельско-Кошевского народного училища церковного старосты крестьянина деревни Гремячиха Михаила Алексеева о продолжении работы училища на будущее время.

«Сход вынес единогласный приговор: просить Бежецкую земскую управу продолжить в нашем обществе на будущее время народное училище под владением земства. Помещение училища имеется в

церковном общественном доме, который возобновили на свои общественные средства. А теперь обязуемся отапливать и освещать училище на свои средства через избранного попечителя Алексеева.

Просить земскую управу оставить учительницей в нашем училище Надежду Петровну Ушакову, так как занятиями ее и поведением мы вполне довольны и учащиеся к ней расположены любовно и с уважением.

В приговоре указано более 200 фамилий участников схода, от имени которых приговор подписали грамотные крестьяне: Иван Яковлев из Климантина, Иван Федоров из Калинихи, Петр Моисеев из Горбовца, Яков Манилов и Кузьма Иванов из Муравьева, Иван Матвеев из Терехова, Филипп Яковлев из Поцепа, Иван Прохоров из Гремячихи, а также сельский староста Алексей Сабуров» [102].

Попечитель Корельско-Кошевского народного училища крестьянин деревни Гремячиха Михаил Алексеев 16 августа 1888 года обратился с прошением в Бежецкую уездную земскую управу, в котором писал: «Услышав молву, будто бы наше Корельско-Кошевское училище, зависящее от земской управы, переводят в другое сельское общество, я посоветовал обществу крестьян, чтобы они помогли мне просить, кого следует, о продолжении у нас училища на будущее время. Вследствие чего общество на сельском сходе 2 августа составило приговор, которым изъявляют свое единодушное желание, чтобы училище существовало.

Приговор при этом прилагаю и покорнейше прошу земскую управу училище в нашем Корельско-Кошевском обществе оставить на будущее время по распоряжению управы.

Я со своей стороны обязуюсь искать для учащихся удобное помещение с отоплением, так как при нашей приходской церкви имеется два никем не занимаемых свободных дома. Находясь в должности церковного старосты, я могу поместить училище в любом доме. В случае же каких-либо могущих встретиться неприятностей со стороны притча, могу найти удобное помещение для училища в ближайшем к церкви и среди всего прихода селении.

Мое лично, и всего прихода, желание, дабы дети не оставались необученными грамоте. Поэтому имею надежду, что земская управа не оставит без внимания мою просьбу. Августа, 16-го дня, 1888 года, попечитель Корельско-Кошевского училища крестьянин Михаил Алексеев» [103].

Для обучения карельских детей русскому языку являлось очень важным и положительным то обстоятельство, что вторая учительница Капитолина Портнова из Муравьева была карелкой, хорошо знающей карельский язык и выучившая русский язык, на котором могла преподавать, а также помогать русской учительнице Надежде Петровне Ушаковой. Они умели помогать карельским детям, преодолевать трудности при изучении ими русского языка и правописания при путанице родов, которых в карельском языке нет, и других языковых проблем.

В 1893–1894 учебном году в Корельско-Кошевском народном училище обучалось 62 мальчика и 18 девочек, второй учительницей работала А. Воинова. Кроме 13 карельских деревень, в училище обучались дети из русских деревень: Рыльково Бокаревской волости, Вороних и Слепнево Новской волости [104].

В 1897 году в связи с открытием церковно-приходской школы, земское училище перевели из церковного дома села Кошево Корельское в деревню Бережки, что в полукилометре от села, училище стало называться Бережковским. Оно размещалось в двухэтажном доме крестьянина Василия Михайлова.

28 сентября 1900 года Бежецкая уездная земская управа направила письмо земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. Сообщалось, что крестьяне деревни Бережки Бокаревской волости в своем приговоре от 31 августа заявили о положении Бережковской школы и ходатайствовали о воспрещении в их селении открытия винной торговли. Земский начальник Хилков пригласил в свою канцелярию на 3 октября жителей деревни Бережки: Василия Михайлова, Михаила Иванова, 2–3 крестьян, подписавших приговор от 31 августа, и старосту Сабурова.

После беседы с крестьянами земский начальник князь А.И. Хилков написал письмо акцизному управляющему Тверской губернии, в которой заявлял, что в деревне Бережки предписывается с 1 июня 1901 года открыть казенную винную лавку в доме Василия Михайлова. В настоящее время, писал Хилков, в том доме находится земское начальное училище. Предлагается перенести школу в дом Михаила Иванова, который находится рядом с домом Василия Михайлова. Таким образом, школа окажется рядом с винной лавкой, что является невозможным.

Предлагается перенести винную лавку в деревню Терехово, что в 1,5 верстах от Бережков. В Терехове для винной лавки имеется совер-

шенно отдельное помещение крестьянина Ивана Матвеева, который согласен отдать его под казенную винную лавку.

В ответе на это письмо управляющий акцизными сборами Тверской губернии сообщал князю Хилкову, что помещение Михайлова в деревне Бережки нанято для казенной винной лавки. Михайлов категорически не желает отдавать свой дом для сельской школы, а в этой деревне невозможно найти иное помещение для винной лавки. Предложение о переносе винной лавки в деревню Терехово не может быть выполнено, потому что крестьянин Иван Матвеев ставит условие быть непременным сидельцем в этой лавке. Кроме того, акцизное управление вынуждено считаться с заключенными и утвержденными договорами.

14 февраля 1901 года земский начальник 7-го участка князь Александр Иванович Хилков предписал Бокаревскому волостному старшине Никите Сладкову объявить обществу деревни Бережки, что их ходатайство акцизным управлением отклонено. Поэтому он вошел в Бежецкую земскую управу с прошением о незакрытии в текущем году земского начального училища в деревне Бережки и об оставлении училища с 1 июня 1901 года в доме крестьянина Ивана Михайлова [105].

Первая учительница карельских детей Надежда Петровна Ушакова была и последней учительницей земского начального народного училища, где она отработала до революции 1917 года, проживая в селе Карело-Кошево. После революции продолжала работать учительницей начальных классов Карело-Кошевской семилетней школы. Перед уходом из школы пригласила работать на свое место племянницу Софью Николаевну Ушакову, которая жила вместе с ней.

Бокаревское земское народное начальное училище было основано в 1879 году, располагалось в собственном помещении земства. В 1885–1886 учебном году обучалось 34 мальчика и 12 девочек, учителем работал Павел Никотин, окончивший курсы Тверской духовной семинарии, годовой оклад 180 рублей.

В 1887–1888 учебном году в школе обучалось 42 мальчика и 8 девочек, учительницей работала Александра Рукина, окончившая курсы в Новоторжской монастырской школе, годовое жалованье 170 рублей.

В 1889 году на 1352 жителя приходилось 70 мальчиков и 97 девочек школьного возраста, в училище обучались 47 мальчиков и 3 девочки. Учителем работал Н.А. Сретенский, студент Тверской духов-

ной семинарии, стаж 2 года, в школе работал с 1889 года, жалованье 170 рублей, законоучителем – Симеон Рязанцев, годовое жалованье 60 рублей [106].

В 1893–1894 учебном году в Бокаревском народном училище обучалось 46 мальчиков и 13 девочек, учитель Иван Воронов. Больше всего учеников было из близлежащих от училища деревень: Бокарево – 20, Квасово – 7, Глазово – 5 учеников. Расстояние до училища из дальних деревень Талашманы и Сараево – 5 километров, Анисимово и Савелиха – 6 километров. При училище ночлега не было, 11 учеников квартировали у крестьян деревни Бокарево [107].

Синево-Дубровская церковно-приходская школа была основана в 1888 году, располагалась в собственном помещении. Учителем с 1889 года состоял дьякон Александр Малахович Покровский, законоучителем – священник Григорий Иоаннович Лебедев. На 1054 человека населения обучалось 24 мальчика и 4 девочки школьного возраста [108].

Глазовская церковно-приходская школа открыта в 1889 году, учителем состоял священник Симеон Михайлович Рязанцев, он также был законоучителем Бокаревского земского училища.

Головская церковно-приходская школа была открыта в 1868 году, в 1874 году там обучались 32 мальчика и 2 девочки. Учителем с 1892 года был священник Николай Яковлевич Поклонский [109].

Корельско-Кошевская церковно-приходская школа была открыта в 1897 году, учителем состоял дьякон Алексей Васильевич Троицкий, законоучителем – священник Алексей Корнилович Феопемптов.

Сабуровская церковно-приходская школа открыта в 1899 году, учителем состоял псаломщик Константин Петрович Шестов, законоучителем – священник Дмитрий Ильич Благовещенский [110].

Хонеевская церковно-приходская школа была открыта в 1868 году, в 1874 году там обучались 44 мальчика, преподавателями были священник и ученик духовного училища. Законоучителем с 1898 года состоял священник Николай Александрович Никольский [111].

Для того чтобы обучение в училищах и школах было успешным, Бежецкая земская управа активно решала вопросы создания волостных народных библиотек. Земский начальник 7-го участка А.И. Хилков 16 мая 1896 года сообщал в уездную земскую управу, что в Бокаревской волости старшина Никита Одинцов назначил ответственным за

волостную библиотеку волостного писаря Ивана Васильева. Народные чтения можно организовать при Корельско-Кошевском народном училище, Дубровской и Сабуровской церковно-приходских школах.

Бокаревский волостной старшина Никита Одинцов 2 сентября 1897 года обратился с заявлением в Бежецкую уездную земскую управу, что он принимал на себя ответственность за волостную библиотеку. Тогда же подобное заявление написал и волостной писарь Иван Васильев, дополнив, что он «с удовольствием принимает на себя труд заведования волостной библиотекой, открытой при Бокаревском волостном правлении» [112].

Бежецкая уездная земская управа запланировала на 1897–1898 учебный год:

1. Установить по три различных комплекта книг для волостных библиотек, отдельно на каждую основную библиотеку выделить часть суммы для приобретения книг русских классиков.
2. Увеличить ассигнования для волостных народных библиотек на 450 рублей, ранее предусмотренных на учительские библиотеки, чтобы организовать рассылку книг для сельских учителей. Спросили желание учителей по этому вопросу, на это, в числе других, дали согласие учительницы Бокаревского и Корельско-Кошевского училищ, а также священники церквей: Григорий Лебедев – Синево-Дубровской, Алексей Феопемптов – Карело-Кошевской и Семен Рязанцев из села Глазово.
3. По Бокаревской волости основными земскими библиотеками, на которые было увеличено ассигнования, являлись народная библиотека волостного правления и земская библиотека Бережковского народного училища, переведенного в 1897 году из церковного дома села Кошево Корельское.

В том же 1897 году Бежецкая уездная земская управа составила каталог книг для народных библиотек при волостных правлениях:

I. *Учебный отдел.*
   1. Книги духовного содержания – 17 наименований.
   2. Книги исторического содержания – 33 наименования.
   3. Книги географического содержания – 13 наименований.
   4. Естественно-исторические книги – 10 наименований.
   5. Книги практического характера – 14 наименований, в том числе «Об огороде» Аверкиева, «Как водить пчел» Бутлерова, «Лошадь в крестьянском хозяйстве» Гурина.

II. *Литературный отдел.*
   1. Книги по литературе – 79 наименований.
   2. Книги по богословию – 16 наименований.
   3. Книги для чтения по истории – 27 наименований, в том числе книги Н.М. Карамзина, Бестужева-Рюмина, Майкова и других.
   4. Книги по географии – 18 наименований.
   5. Книги по словесности – 73 наименования авторов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Крылова, Кольцова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других известных авторов.

Также были закуплены книги по практическим сведениям и медицине, богословию и другим направлениям. Книги для народных библиотек закупались на книжном складе А.М. Калмыковой в Санкт-Петербурге, книжном складе К.И. Тихомирова и книжном магазине П.В. Луковникова в Москве. Закупив книги, кроме народных библиотек при волостных правлениях, стали создаваться школьные библиотеки. Например, в 1900 году для продолжения пополнения книгами школьных библиотек были выделены деньги из расчета по 5 рублей на каждого ученика [113].

Бокаревский волостной старшина Никита Сладков 17 ноября 1898 года сообщал в Бежецкую уездную земскую управу, что вследствие смерти волостного старшины Никиты Одинцова, он, как новый волостной старшина, берет на себя полную ответственность по заведованию народной библиотеки при волостном правлении. Он принял все книги, кроме 9 наименований, которых в библиотеке нет.

9 апреля 1899 года он писал в уездную управу, что направленные от нее с крестьянином деревни Гремячиха Михаилом Алексеевым 7 наименований книг он получил, кроме 12 томов Достоевского и 12 томов Купера. Он просил уездную управу сообщить, будут ли они высланы в библиотеку или нет [114].

В Бокаревской народной библиотеке, открытой 28 января 1898 года, имелось 650 книг на сумму 150 рублей, с ноября 1899 года заведующим библиотекой стал волостной старшина Михаил Алексеев из деревни Гремячиха. Книги в библиотеке выдавались с 8 часов утра до 4 часов дня, в помещении библиотеки они не читались, их брали на дом. Читателей 27 человек, в том числе 25 мужчин и 2 мальчика, за год им выдано 163 книги. Жалованье библиотекарю в сумме 20 рублей в год выплачивало земство.

Нужно отметить, что занятия в начальных народных училищах и церковно-приходских школах начинались не 1 сентября учебного года, а после завершения уборочных полевых работ. Например, в 1889 году учеба в Корельско-Кошевском училище началась 28 сентября, а в Бокаревском училище с 10 октября [115].

Казенные, земские и мирские повинности крестьян

С одного барана двух шкур не дерут.

«Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года были установлены казенные, земские и мирские повинности для крестьян.

Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, были обязаны нести *казенные и земские денежные повинности:*

1) подушную подать;
2) сбор на обеспечение продовольствия;
3) земские сборы, как государственные, так общие губернские и частные;
4) сбор на изготовление окладных листов по податям и сборам.

Земские сборы, государственные и общие губернские, исчисляемые по количеству земли, вносились:

– за оставшейся в непосредственном распоряжении помещиков землей, самими помещиками;
– за земли, отведенные в постоянное пользование крестьян, или принадлежащие им в собственности, крестьянами.

Разверстка в сельском обществе казенных и земских повинностей, денежных и натуральных, между крестьянами, распределялась миром. Сбор казенных и земских денежных повинностей с крестьян производился старостою или особым сборщиком податей, где тот назначен. Порядок сбора податей, их подсчета и хранения собранных сумм определяло само общество.

Сельский староста или сборщик податей, после приема от крестьян платежей, за вычетом из них части, следующей в мирские сборы, вносил затем всю сумму в Уездное Казначейство и получал квитанцию, которую предъявлял в волостное правление.

К мирским повинностям относились те, которые отправлялись каждым обществом, сельским или волостным, особо, для удовлетворения внутренних его потребностей. Крестьянские общества могли, смотря по надобности и по своим средствам, устанавливать мирские сборы на устройство и под держание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей, и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян.

На крестьянские общества возлагалось обязательное отправление следующих мирских повинностей:

1) содержание общественного управления;
2) расходы по прививанию оспы, и принятие мер, предписываемых врачебным уставом, в случае появления заразительных болезней и падежей скота;
3) устройство и поддержание сельских запасных магазинов;
4) содержание в исправности проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и канав на землях, принадлежащих в собственности мирским обществам или состоящих в их постоянном пользовании;
5) содержание караулов в деревнях;
6) призрение престарелых, дряхлых и увечных членов общества, не могущих трудом приобретать пропитание, у которых нет родственников, или же у которых родственники не в состоянии содержать их; призрение круглых сирот;
7) принятие мер в случае пожаров (в том числе и лесных), наводнений, а также для истребления саранчи, хищных зверей, сусликов и при других тому подобных общественных бедствиях.

Мирские повинности, смотря по свойству их и усмотрению общества, могли быть отправляемы посредством денежных сборов, или натурою.

Денежные натуральные повинности назначались и раскладывались между сельскими обществами, а в сельских обществах, между отдельными крестьянами, волостными или сельскими сходами. Жалобы сельских обществ на волостные правления, относительно раскладки мирских повинностей, приносились мировому посреднику, для передачи на решение уездного мирового съезда.

Каждое сельское общество отвечало круговой порукой, за каждого из своих членов, в исправном отбывании казенных, земских и мирских повинностей.

В отношении неисправных плательщиков казенных и мирских повинностей, сельское общество могло принимать меры взыскания:

1) обратить на возмещение недоимки доход с принадлежащего недоимщику в собственность недвижимого имущества, отобрав у него часть урожая хлеба, льна или приплод с целью погашения недоимки;
2) отдать самого недоимщика, или кого-либо из членов его семейства, на посторонние заработки в том же или соседнем уезде с условием, что заработанные деньги обратить в мирскую кассу.
3) определить к недоимщику опекуна, без разрешения которого не дозволялось неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его доходов до пополнения недоимки;
4) отбирать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или даже весь его полевой надел, или сдать его во временное пользование другому лицу;
5) ставить караул для препровождения, возвращающегося с промыслов неплательщика к старосте, для отобрания у него части заработка в счет погашения недоимки.

При безуспешности мер понуждения, недоимка пополнялась полицией путем продажи крестьянского движимого имущества [116].

Таким образом, основным прямым налогом в XIX веке являлась ***подушная подать.*** Она была введена после проведения Петром I в 1718–1724 подушной переписи мужского населения. С этого времени последующие переписи населения получили название ревизий. Единица налогообложения была мужская душа старше 15 лет.

Ко времени проведения крестьянской реформы в Тверской губернии оброчные крестьяне составляли лишь 1/3 часть от числа крепостных крестьян. Остальные 2/3 крестьян состояли на барщине. *Средний оброк по Бежецкому уезду тогда составлял 2 руб. 25 коп. на одну десятину земли, или 9 рублей на одну ревизскую душу, или 20 рублей на одно тягло.*

С 1863 года подушную подать перестали платить мещане, вместо нее был введен налог на недвижимость в городах, посадах и местечках. После того, как от уплаты подушной подати были постепенно освобождены все сословия, кроме крестьян, эта подать превратилась исключительно в ***крестьянский налог.*** За поступление подушной подати отвечало все крестьянское общество. Распределение подушной

подати между отдельными плательщиками производилось самими крестьянскими обществами с учетом размера наделов, числа душ в семье и других условий.

Сельские общества могли ходатайствовать о направлении своих членов в Сибирь на поселение за «дурное поведение». До крестьянской реформы такое право на своих крепостных крестьян имели помещики. Кроме краж, отлынивания от работы и других дурных поступков, с 1862 года «дурным поведением» считали также двухгодичную задолженность крестьян по платежам податей и выполнения повинностей [117].

Для этого сельский староста собирал сход старших домохозяев сельского общества и предлагал принять какие-то меры к члену своего общества, который занимается кражами или праздно шатается и трудом не занимается, или имеет долг по податям. Начиналось обсуждение, при поступлении предложения о передачи его в распоряжение правительства для направления его в ссылку в Сибирь, проходило голосование. Если домохозяева на сходе решали, что они не надеются на его исправление и голосовали за ссылку его в Сибирь, составляли письменный приговор. Его подписывали все домохозяева, голосовавшие на сходе. При этом сельское общество принимало на себя все его издержки, для чего надлежащую сумму вносили в уездное казначейство.

По сведениям писателя Г.И. Успенского в период с 1867 по 1876 годы с европейской части России было сослано в Сибирь 151,6 тысяч человек. Из них в Западную Сибирь по суду сослано 73,1 тысяч человек, по приговорам сельских обществ – 78,5 тысяч человек. В период с 1880 по 1886 годы высланов Сибирь 120,1 тысяч человек, из них по приговорам сельских обществ – 64,5 тысяч человек, по суду – 55,6 тысяч человек. Бывали случаи, когда при ссылке в Сибирь многодетных отцов разлучали со своими семьями, в том числе и с женами. Среди направляемых в Сибирь крестьян было мнго бесплодных супружеских пар, стариков и старух, больных и других, ненужных для помещиков и сельских обществ людей, неспособных платить подати. При этом возмутительным фактом, по мнению Успенского, являлось то, что крестьян в Сибирь направляли сами же крестьяне с приговорами сельских сходов.

Крестьянские *волостные и мирские сборы* шли на следующие статьи расходов:

- жалованье волостным старшинам, писарям и их помощникам;
- канцелярские расходы, отопление и освещение волостных правлений, наем сторожей и рассыльных;

– наем помещений под школы и другие цели;
– содержание стоечных лошадей при волостном правлении;
– жалованье волостным судьям;
– жалованье сельским старостам, сельским писарям и сборщикам податей;
– караул селений и общественных хлебных магазинов, жалованье смотрителям хлебных магазинов;
– починка мостов и дорог;
– покупка и содержание пожарных инструментов [118].

Десятские и сотские избирались населением для выполнения некоторых полицейских обязанностей в деревне. Десятские избирались от 10 дворов, сотские – от 100 дворов. Десятские и сотские наблюдали за чистотой в самой деревне, за чистотой колодцев, рек и прудов, за соблюдение противопожарных мер. Они сообщали в полицию о подкинутых детях, найденных трупах, о появлении в деревне воров или разбойников. Все эти обязанности избранные десятскими и сотскими крестьяне выполняли на общественных началах.

Крестьянин, добровольно выходящий из сельского общества, должен был получить увольнительное свидетельство от волостного старшины. Тот выдавал его при соблюдении условий, установленных Положением:

1. Чтобы крестьянин навсегда отказался от земельного надела, и если он не мог быть направлен в рекруты.
2. Чтобы на семействе увольняемого не было никаких казенных, земских и мирских недоимок, а подати были уплачены до 1 января следующего года.
3. Чтобы увольняемый крестьянин не состоял под судом и следствием, на нем не было взысканий и обязательств, предъявляемых им волостному управлению.
4. Чтобы родители увольняемого крестьянина были согласны на его увольнение.
5. Чтобы остающиеся в сельском обществе, в семье увольняемого крестьянина малолетние и другие члены семьи, неспособные к работе, были обеспечены в своем содержании.

Незамужние крестьянки и вдовы, не имеющие части надела, могли выходить из сельского общества по увольнительному свидетельству волостного старшины, не спрашивая согласия общества, лишь получив согласие от родителей [119].

* * *

К июню 1864 года по Бокаревской волости Бежецкого уезда имели недоимки по выкупным платежам за землю 70 крестьянских дворов в 8 деревнях, в том числе:

- деревня Бокарево, 8 крестьянских дворов, недоимки в сумме от 5 до 17 рублей;
- Анисимово, 11 дворов, недоимки от 1 до 14 рублей;
- Холм, 10 дворов – Титов, Петровы, Яковлев, Ивановы, Меркурьев, Осипов, Захаров и другие имели недоимки от 7 до 18 рублей;
- Сосновка, 7 дворов имели недоимки от 3 до 14 рублей;
- Рыльково, 17 дворов, в том числе Спиридоновы, Лаврентьев, Николаев, Семенов, Артемьев и другие имели недоимки от 5 до 18 рублей;
- Сараево, 15 дворов имели недоимки от 3 до 14 рублей;
- Постерегишино, один Филипп Ефимов имел недоимку 4 рубля;
- Безумово, одна Прасковья Федорова имела недоимку 3 рубля [120].

Чтобы погасить эти недоимки, крестьяне шли на крайние меры, в том числе и кражи. Житель деревни Рыльково Степан Сафронов 19 октября 1864 года дал показания, что он запродал в сельцо Кобылино Сергею Лукьянову господского жита 20 четвертей, или более, по цене 4 рубля серебром за четверть, и 40 четвертей или более овса по цене 3 рубля за четверть (одна четверть сыпучих тел равнялась 210 литрам. **– А.Г.**). Получил от него задаток 50 рублей серебром [121].

В Тверской губернии подушевая подать была заменена поземельным налогом в 1875 году. Уже к 1888 году по Бокаревской волости недоимок по платежам у крестьян не было, об этом свидетельствуют приговоры сельских сходов. Так в деревне *Савелиха* было 109 ревизских душ, 45 домохозяев, староста Алексей Григорьев. За период с 1 января по 1 июля 1888 года он полностью собрал и уплатил все сборы и платежи, недоимок не осталось, в том числе:

- выкупных платежей – 286 рублей 10 коп.,
- казенных сборов – 8 руб. 82 коп.,
- земских сборов – 51 руб. 64 коп.,
- мирских сборов – 15 руб. 26 коп.

Итого: 361 руб. 82 коп.

Таким образом, общая сумма сборов и платежей на одну ревизскую душу составляла в 1888 году 3 руб. 32 коп. за полугодие или 6 руб. 64 коп. за год.

Деревня *Поросятники,* 204 ревизских души, 85 домохозяев, староста Петр Семенов полностью и уплатил платежи и сборы за первое полугодие 1888 года, в том числе:

– выкупные платежи – 508 руб. 53 коп.,
– казенные сборы – 24 руб. 5 коп.,
– земские сборы – 79 руб. 43 коп.,
– мирские сборы – 28 руб. 56 коп.
Итого: 640 руб. 57 коп.

За первое полугодие 1888 года полностью собрали и уплатили все платежи и сборы в деревнях: Бокарево, староста Павел Андреев, Постерегишино, староста Яков Леонтьев, Безумово, староста Степан Лаврентьев. Не допустили недоимок по платежам и сборам в деревнях: Горка, староста Арсений Никифоров, Хонеево, староста Дмитрий Егоров, Панцино и Колесники, староста Иван Иванов, Гостиницы, староста Климентий Арсеньев и в других русских деревнях.

Корельское Кошевское сельское общество в 1888 году включало в себя 13 карельских деревень: Акиниху. Терехово, Байки, Бережки, Горбовец, Гремячиху, Душково, Калиниху, Климантино, Муравьево, Петряйцево, Поцеп и Шейно. Старостой общества был житель деревни Климантино Алексей Алексеевич Сабуров. За первое полугодие он собрал и полностью уплатил следующие платежи и сборы:

– выкупные платежи – 1016 руб. 74 коп.;
– земельный налог – 94 руб. 21 коп.;
– земский сбор – 315 руб. 62 коп.;
– мирские сборы – 179 руб. 78 коп.
Итого: 1970 руб. 91 коп.

На сельском сходе 27 декабря 1888 года староста Алексей Сабуров отчитался, что все платежи и сборы за второе полугодие собраны и уплачены полностью, недоимок нет. Они составили 1606 рублей, 35 копеек, все те же налоги и сборы, что и за первое полугодие за минусом страховых платежей.

Приговоры сельских сходов от 23 июня и 27 декабря 1888 года подписали от имени его участников грамотные жители деревень:

– Байки – Степан Васильев, Егор Иванов и Иван Васильев;
– Бережки – Егор Борисов и Михаил Григорьев;

– Горбовец – Петр Моисеев и Григорий Иванов;
– Душково – Арсений Семенов и Михаил Афанасьев;
– Калиниха – Иван Федоров и Степан Михайлов;
– Муравьево – Степан Матвеев и Егор Алексеев;
– Петряйцево – Лаврентий Григорьев;
– Поцеп – Филипп Яковлев и Григорий Зайцев.

В 13 деревнях Корельского Кошевского сельского общества находилось 319 хозяйских дворов, поэтому за 1-е полугодие 1888 года на каждого домохозяина пришлось в среднем по 6 руб. 18 коп. сборов и платежей. За второе полугодие 1888 года – по 5 руб. 04 коп., а всего за тот год – по 11 рублей 22 копейки платежей и сборов с одного хозяйства.

Учитывая, что тогда в карельских деревнях насчитывалось 646 ревизских душ, то годовые сборы и платежи составили по 5 рублей 54 копейки с каждой ревизской души.

Таким образом, можно проследить разницу сбора оброков и подушной подати между удельными и помещичьими крестьянами Бокаревской волости:

	1808 год	1873 год	1888 год
Удельные крестьяне	3 рубля	6,46 руб.	5,54 руб.
Помещичьи крестьяне	На барщине	7,94 руб.	6,64 руб.

К 1888 году сложились следующие цены: одна овца стоила 2 рубля,
– поросенок – 3 рубля, телка – 10 рублей,
– лошадь – 20 рублей, корова – 30 рублей,
– колода пчел – 5 рублей.

* * *

Нужно отметить, что до конца XIX века во всех мирских приговорах сельских обществ, официальных письмах и других документах, почти все фамилии, как карел, так и русских, были записаны по отцу вместо отчества: Иван Васильев или Михаил Алексеев. Фамилии их сыновей уже менялись, и записывались соответственно по отцу: Петр Иванов или Гаврила Михайлов.

Например, согласно данным 8-й ревизии, проведенной в 1834 году, в деревне Почеп (Поцеп) Столбищенского (Столбовского) отделения Чамеровского сельского приказа было 16 дворов и 69 жителей, в том числе: 36 мужского пола и 33 – женского пола. Основными фамилиями жителей деревни были: Бойковы, Кругловы, Крюковы, Куликовы, Фешковы, Харчиковы и Чесноковы. Фамилии по именам отцов имели жители 5 дворов из 16.

В деревне Петряйцево тогда было 22 двора и 138 жителей, в том числе: 58 мужского пола и 80 – женского пола. Основными фамилиями жителей деревни были: Белоусовы, Ефремовы, Мавровы, Скоробогатовы, Сусловы, Тарасовы и Трусовы. Трусовых было 5 дворов, позднее все они стали Нетрусовыми. Фамилии по именам отцов имели жители 6 дворов [122].

Таким образом, когда речь шла о крестьянах, то очень редко в документах писали полные данные о человеке – имя, отчество и фамилию, чаще писали лишь имя и фамилию. Фамилии крестьян происходили от их прозвищ, рода занятий или от имени отца. Иногда записывали двойную фамилию, одну – вместо отчества, а настоящую фамилию писали в скобках: Мария Михайлова (Дудкина), Алексей Васильев (Сумерин), Дмитрий Савельев (Латышев).

Дела Бокаревского волостного суда в 1893 году

На чужой лошади далеко не уедешь.

Император Александр III вместе с «Положением о земских участковых начальниках» 12 июля 1889 года утвердил «Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное положение», а также «Временные правила о волостных судах в тех же местностях». Эти правила внесли существенные изменения в организацию и деятельность волостных судов.

Согласно временным правилам, волостной суд должен был состоять из 4 судей, один из которых по решению уездного съезда судей назначался председателем. До этого времени каждое сельское общество избирало своего кандидата на волостного судью, из которых на волостном сходе отбиралось 8–12 волостных судей, которые рассматривали дела поочередно. После введения временных правил канди-

датов в судьи отбирал уже не волостной сход, а земский участковый начальник, и не на один год, а на три года.

Таким образом, волостные судьи становились постоянными на три года, а не сменяемыми, как было ранее. Крестьяне видели в постоянном суде отрицательные стороны, заявляя, что раньше они не знали, чей черед быть судьей, а теперь все судьи известны, и их можно подкупить. По временным правилам годовой оклад содержания не должен был превышать для председателя волостного суда 100 рублей, для волостного судьи – 60 рублей.

Волостными судьями избирались крестьяне-домохозяева, достигшие 35 лет, по возможности грамотные, а не 25 лет, как было до временных правил. Они все приводились к присяге, при отправлении своих обязанностей должны были носить специальный знак судьи. Председатель имел печать волостного суда, все это было введено для поднятия авторитета волостного суда.

При рассмотрении дел должны были участвовать не менее 3 судей, считая и председателя. Временные правила о волостном суде предусматривали следующие вид наказаний, которые он мог применить:

- выговор в присутствии суда;
- денежное взыскание от 25 копеек до 30 рублей;
- арест до 15 дней, простой или строгий с содержанием на хлебе и воде;
- наказание розгами до 20 ударов.

С момента введения временных правил волостной суд рассматривал дела не только у себя в волостном правлении, но и проводил выездные заседания. Делопроизводство волостного суда по-прежнему вел волостной писарь, за редким исключением – один из грамотных волостных судей.

В 1893 году председателем Бокаревского волостного суда был Иван Матвеев, судьями Михаил Алексеевич Алексеев из деревни Гремячиха и Иван Степанович Мыльников из деревни Поросятники. За 4–6 дней до начала заседания суда волостной старшина Никита Одинцов направлял список дел земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. Основными составами правонарушений, которые рассматривал волостной суд, были:

- о нанесение оскорблений действиями;
- о разделе или возврате владельцу усадьбы или полевого надела на одну или две души;

– о возвращении долга или взыскании денег по частным распискам, за проведение разных работ, за косьбу лугов или запашку паровых полей без разрешения сельского общества;
– о потраве скотом сенокосов или хлебов;
– иски к братьям и другим родственникам за уклонение от раздела усадьбы, полевого надела, захват чужой земли и другие дела.

Чтобы было, хотя какое-то представление о работе волостного суда, приведу списки назначенных к рассмотрению дел на определенные числа, о чем свидетельствуют списки дел, направляемые волостным старшиной земскому начальнику 7-го участка князю А.И. Хилкову. На 3 января 1893 года было назначено 5 дел по искам крестьян, в том числе:

– по иску крестьянина деревни Квасово Михаила Матвеева к бывшему старосте Петру Иванову о взыскании с него 81 копейки;
– Степана Яковлева из деревни Рылово к крестьянину деревни Бокарево Ивану Григорьеву о взыскании 5 рублей за сапоги;
– крестьянина деревни Байки Кузьмина Егорова к крестьянину деревни Муравьево Матвею Петрову, укравшему из его кармана 1 рубль 50 копеек;
– Анисима Степанова из деревни Сараево к родному брату Кузьме Степанову о взыскании с него 7 рублей денег, поросенка и 4 рядов бревен.

В списке из 6 дел, назначенных судом на 15 января 1893 года, в числе других были дела по искам крестьян:

– крестьянина деревни Горка Могочской волости Ивана Власова к крестьянам деревни Байки Бокаревской волости Ивану Иванову и Ивану Суслову о хищении у него из кармана 2 рублей;
– крестьянина деревни Поросятники Ивана Степановича Мыльникова к крестьянину деревни Постерегишино Ивану Силанову о взыскании с него 10 рублей за плотницкие работы;
– Марии Федоровой из села Хонеево к крестьянину деревни Поросятники Алексею Александрову о взыскании с него 5 рублей 50 копеек за бондарную работу ее сына;
– крестьянина деревни Талашманы Петра Гаврилова к односельчанину Евлантию Андрееву о передаче ему одной десятины собственной земли;

– Тимофея Зиновьева из деревни Левинское к крестьянину деревни Талашманы Семену Прокланову за кражу им мельничного вала.

На 29 января 1893 года в числе 8 дел, назначенных судом, были дела по искам крестьян:

– крестьянки деревни Поросятники Прасковьи Кузьминой к односельчанке Анне Игнатьевой о передаче ей усадебной земли на одну душу;
– крестьянки деревни Поросятники Прасковьи Афанасьевой к односельчанам Егору Алексееву и Марье Петровой о взыскании с них 10 рублей долга;
– сельского старосты деревни Струбищи Петра Андрианова к односельчанину Семену Васильеву по взысканию с него арендуемых денег в сумме 1 рубль 58 копеек;
– доверенных лиц от крестьян деревни Струбищи Ивана Андронова и Василия Иванова к односельчанам Матвею Иванову, Якову Григорьеву и Илье Гаврилову о взыскании с них 5 рублей за скошенный ими участок общественной травы;
– Анны Савельевой из деревни Струбищи к своей свекрови Фекле Матвеевой о взыскании двух четвертей овса (420 кг. **– А.Г.**);
– крестьянина деревни Душково Михаила Афанасьева к односельчанам Алексею Яковлеву и Павлу Михайлову за неправильное пользование ими наделом земли;
– Ивана Филатова и Андрея Никифорова из деревни Анисимово к односельчанину Давыду Пантелееву о восстановлении пользования излишней землею, отведенной им в общественной даче Пирягино;
– отставного рядового села Глазово Ивана Михайлова к крестьянам деревни Савелиха Ивану и Федору Кудрявцевым, а также к Ивану Лялякину из деревни Беклемишево Константиновской волости Кашинского уезда, по купленному им лесу в даче Пляскино.

На 9 февраля 1893 года, в числе других, были назначены дела по искам крестьян:

– сельского старосты села Хонеево Федора Никитина и доверенного крестьянина того же села Дмитрия Егорова к крестьянину деревни Петрищево Новской волости Гаврилу Трофимову о взыскании 90 рублей за пользование им одного душевого надела земли в течение трех лет;

- Андрея Гаврилова из деревни Холм к бывшему старосте деревни Терехово Ивану Алексееву о взыскании 3 рублей 57 копеек по частной расписке;
- Акулины Кузьминой из деревни Левинское к родному брату из той же деревни Никифору Кузьмину по краже им 15 бревен елового леса;
- крестьянина деревни Небарово Константиновской волости Кашинского уезда Гаврилы Егорова к крестьянину деревни Сорокино Никите Курицыну о взыскании с него 30 рублей 95 копеек судебных издержек по квитанциям;
- Егора Федорова из деревни Бережки к крестьянину деревни Душково Абраму Иванову о взыскании с него 3 руб. 50 копеек за летние работы его дочери;
- крестьянина деревни Бережки Петра Кучева к крестьянину деревни Муравьево Ивану Васильеву о нанесении ему оскорблений действием.

В числе других, на 21 февраля 1893 года были назначены дела по искам крестьян:

- крестьянина деревни Поросятники Дениса Филиппова к бывшему волостному старшине из деревни Терехово Ивану Алексееву о взыскании с него 6 рублей по частной расписке;
- Михаила Павлова из деревни Левинское к родным братьям Матвею и Ивану Павловым о выделе ему равной части усадебной и полевой земли;
- Марьи Кирилловой из деревни Горбовец к своему свекру Михаилу Андрееву и деверю Григорию Михайлову о выделении ей усадебной земли на одну душу. По ее же иску к свекру, деверю и свекрови Матрене Семеновой в нанесении ей оскорбления действием;
- крестьянина деревни Рыльково Ильи Андреева к Корельско-Кошевскому обществу из 13 селений о взыскании с него 37 рублей по приговору общества;
- доверенные крестьяне от сельского общества деревни Горбовец Дмитрий Арсеньев и Михаил Степанов к односельчанину Михаилу Иванову о взыскании с него 10 рублей 60 копеек израсходованных общественных денег;
- Ивана Васильева из деревни Новоселка к родному сыну Василию Иванову о продаже им без спросу коровы.

На 7 марта были назначены дела по искам о передаче усадебной земли братом, односельчанином, а также по взысканию денег по разным основаниям. Определенный интерес вызывает иск крестьян деревни Лаврово Константиновской волости Кашинского уезда (ныне Кесовогорского района. – **А.Г.**) Ивана Васильева и Петра Федорова к крестьянам деревни Безумово о порубке ими сучьев в еловом лесу.

В дальнейшем были иски подобного характера, поэтому остановлюсь на делах Бокаревского волостного суда, которые представляют определенный интерес. В числе других 11 дел на 22 марта были назначенные дела по искам крестьян:

- Прасковьи Прокофьевой из деревни Струбищи к запасному старшему писарю односельчанину Ивану Гавриловичу Морозову в неисправной постройке ее дома и неуплате денег за проданную ему землю;
- Осипа Ефимова из деревни Бокарево к крестьянину сельца Стрижово Василию Арсеньевичу Белянину о взыскании 10 рублей за проданный участок леса. Интерес здесь вызывает тот факт, что кроме усадьбы, полевого надела, обычный крестьянин в 1893 году имел участок леса, который он мог свободно продать [123].

На 18 июля в числе других, было назначено дело по иску Аграфены Евграфовой из деревни Горбовец к крестьянам деревни Бережки Василию Иванову, Ивану Федорову, Василию Дмитриеву и Петру Петрову о снятии изгороди с ее усадьбы.

Запасной канонир из деревни Холм Владимир Гаврилов обратился с жалобой в суд на родного отца Гаврилу Антонова, что тот не давал ему навоза на поле. Навоз тогда ценился, помещики на разных условиях, обычно за 3–5 рублей, вывозили навоз с частных дворов крестьян на свои поля, оставляя крестьянские поля скудными на урожай.

Крестьянин сельца Сущево (Тараканово. – **А.Г.**) Никита Михайлович Сладков обратился с иском к обществу крестьян деревни Сабурово о взыскании денег за время стояния хлебного магазина на его земле [124].

В 1900 году Никита Михайлович Сладков был избран волостным старшиной вместо умершего Никиты Одинцова из деревни Савелиха. В том же году Сладкова избрали в земские гласные Бежецкого уезда. Он представил земскому начальнику список из 26 лиц, которые могли быть присяжными заседателями Бокаревского волостного суда в 1901 году. В список были включены четверо грамотных карел, имеющих собственность: Федор Кузьмич Кузьмин, 46 лет, из Акинихи, Сте-

пан Васильевич Васильев, 47 лет из Байков, Михаил Николаевич Николаев, 46 лет, из Гремячихи и Василий Федорович Федоров, 59 лет, из Муравьева. Как видим, все фамилии были записаны по отчеству [125].

Земский участковый начальник осуществлял надзор за работой волостного суда, проводя его ревизию не реже двух раз в год. Необжалованные решения волостного суда по распоряжению волостного старшины немедленно приводились в исполнение. Для лиц, осужденных к аресту, исполнение могло быть отсрочено до шести месяцев, чтобы в летнее время не было никакого непоправимого ущерба хозяйству. Наказание в виде ареста отбывали зимой, что сохраняло хозяйство от убытков. При осуждении к телесным наказаниям земский участковый начальник мог заменить его арестом или штрафом.

Глава IV. Владельцы мызы Подобино

Усадьба Неведомских в Подобино

Дерево держится корнями, а человек – семьей.

Деревня Подобино, что на дороге Городецко (Бежецк) – Рыбинск, была опустошена и разгромлена поляками в 1609 году. Ее восстановили через 100 лет, к 1710 году на месте пустоши Подобино Ивановского стана Бежецкого Верха находилось восстановленное сельцо – поместье Андрея Федоровича Карякина, 52-х лет. С ним проживала жена, Екатерина Михайловна, 40 лет, сыновья: Петр – 7 лет, Григорий – 6 лет, Данила – 4 года и дочь Авдотья – 3 года. Кроме Андрея Федоровича сельцом Подобино тогда также владел Петр Алексеевич Карякин, 25 лет от роду, в доме жила его мать вдова Татьяна Ивановна, жена Алексея Карякина, от роду ей было в 1710 году 65 лет [126].

В 1710 году представители дворян Карякиных, кроме Ивановского стана, имели владения в Городецком и Мещерском станах Бежецкого Верха. В Городецком стане Юрий Иванович Карякин имел во владении полсельца Бонькино, а Василий Матвеевич – сельцо Бор. В Мещерском стане Автамон Алексеевич Карякин владел сельцом Чальцово, его сын Семен Автамонович имел три дома в сельце Новинок, третью сельца Новинок владел Юрий Яковлевич Карякин. Во владении Филиппа

Григорьевича Карякина было новопоставленное сельцо Рылово, что в 4 километрах от Синево-Дуброва [127].

Известно, что в 1728 году сельцом Подобино по-прежнему владел А.Ф. Карякин, который спорил с попом села Кошево Корельское Иосифом Ивановым из-за карел, бежавших в карельский приход от Карякина, и по другим вопросам [128].

Анна Андреевна Герасимова, 1809 года рождения, в 17-летнем возрасте вышла замуж за отставного ротмистра Н.В. Неведомского. Дворянский род Герасимовых известен с 1636 года, он включен в список дворянских родов, внесенных в общий Гербовник Российской империи. Ее отец Андрей Иванович Герасимов храбро сражался во время Отечественной войны 1812 года. В числе других деревень, ему принадлежала деревня Гостиницы, что в 3 верстах от Подобина.

Император Александр I своей грамотой от 24 января 1818 года пожаловал майору 19-го Егерского полка Андрею Герасимову орден Святой Анны четвертой степени за ревностную службу и отличие в сражении против французских войск 26 августа 1812 года при Бородине. В грамоте сказано, что во время сражения Герасимов проявил особенную храбрость, равным образом и во время других сражений. Орден ему был вручен в Санкт-Петербурге 31 августа 1818 года

Муж Анны Андреевны Герасимовой ротмистр Николай Васильевич Неведомский родился 14 марта 1796 года в селе Зобнино Кашинского уезда Тверской области. Его судьба интересна и загадочна тем, что отцом был представитель очень знатного рода Василий Николаевич Зубов (27.12.1747–27.01.1824 гг.), который в престарелом возрасте, в 1793 году, бросил свою первую семью с детьми. Выкупил у помещицы М.В. Сумароковой молодую красивую дворовую девку Марию Емельянову, сделав ее наложницей, которая родила ему двоих сыновей – Николая 14 марта 1796 года и Василия в июле 1799 года.

Сыновья Николай и Василий получили фамилию Неведомские, так как были рождены вне брака от дворовой девки. В 1803 году В.Н. Зубов дал своей наложнице Марии Емельяновой вольную и выдал замуж за майора инвалидной команды Попова, который проживал в его доме. В скором времени инвалид Попов умер, мать Николая и Василия Неведомских Мария Емельянова оказалась дворянской вдовой.

В 1808 году В.Н. Зубов узаконил свои отношения с вдовой Марией Емельяновой. Их сын Василий Николаевич Неведомский служил на гражданской службе в Москве, после выхода в отставку приехал в име-

ние матери Зобнино и служил исправником уездного суда Кашинского уезда Тверской губернии.

Второй их сын Николай Васильевич Неведомский в 16 лет, с началом Отечественной войны 1812 года, вступил корнетом в волонтерский полк. Волонтерские полки формировались в ряде губерний в августе-сентябре 1812 года.

Позднее Н.В. Неведомский оказался в партизанском отряде для действий в тылу французов. Вблизи города Дессау на берегу реки Эльбы партизанский отряд был разгромлен, Н.В. Неведомский в числе других попал в плен.

После освобождения из плена в 1815 году, Неведомский продолжил военную службу сначала в гусарском полку, затем в кирасирском полку. В 1821 году, в возрасте 25 лет, вышел в отставку в чине штабс-ротмистра и поселился сначала в имении матери селе Зобнино Кашинского уезда. Там стал писать стихи, басни и поэмы, восхваляя подвиги партизан Отечественной войны 1812 года.

В Подобине Николай Васильевич Неведомский продолжал писать стихи и прозу, воспевая подвиги партизан Отечественной войны 1812 года. Печатался в журналах, несколько его произведений вышли отдельными изданиями. Современники считали Николая Васильевича Неведомского плодовитым баснописцем и писателем, хотя и не отличающегося талантом. Известна эпиграмма поэта Петра Колошина, написанная в 1819 году, на его поэзию: «*Неведомский – поэт, неведомый никем, печатает стихи, неведомо зачем*». Позднее эту эпиграмму стали приписывать А.С. Пушкину.

Стихи и прозу Н.В. Неведомского публиковали известные в то время журналы «Телескоп», «Молва», «Современник», «Москвитянин», редактором которого был М.П. Погодин, а также отдельными изданиями, были опубликованы его произведения.

Уроженец села Теблеши Бежецкого уезда Петр Александрович Плетнев, издававший после гибели Пушкина журнал «Современник», напечатал в нем «Отрывок из истории испанско-американских партизанов», в 1838 году, «Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова», «Поэзию партизанской войны» Н.В. Неведомского в 1839 году. В то же время басни Неведомского были опубликованы в 1845 году в «Пантеоне русских баснописцев».

Николай Васильевич Неведомский после окончания Отечественной войны 1812 года продолжил службу в кавалерийском полку, выйдя

в отставку в 1821 году. Сначала жил в имении матери селе Зобнино Кашинского уезда, затем на аукционе приобрел имение Подобино в Бежецком уезде. Их отец Василий Николаевич Зубов в 1820 году написал завещание, по которому все движимое имущество перешло сыновьям Николаю и Василию Неведомским [129].

Николай Васильевич Неведомский в 1826 году женился на Анне Андреевне Герасимовой, в 1830 году они всей семьей переехали жить в купленное имение Подобино Бежецкого уезда Тверской губернии.

23 июня 1830 года Николай Васильевич Неведомский купил на аукционе в Москве имение Подобино с деревнями, проданное за долги владельца поручика П.А. Карякина. В купленное на аукционе имение Подобино отставной ротмистр Николай Васильевич Неведомский вместе с женой Анной Андреевной (Герасимовой) (06.02.1809–10.07.1870 гг.) переехал жить из Москвы в 1830 году. С ними были маленький сын Василий, 10 октября 1827 года рождения и дочь Прасковья 11 января 1829 года рождения. Осенью, 20 сентября 1830 году в Подобине у Неведомских родился второй сын Александр.

В 1841 году Н.В. Неведомский обратился с прошением в Московский опекунский совет о выдаче ему ссуды. Туда же в октябре 1841 года обратился бывший владелец имения Подобино Петр Александрович Карякин. В своем прошении он указывал на то, что имение Подобино перешло ему по наследству от покойного отца поручика Александра Петровича Карякина. Он же проиграл это имение и заложил его для продажи на аукционе. Его вместе с деревнями Рыльково, Холм, Колесники, Сосновка, Гостиницы и Илазверково, в которых по 7-й ревизии имелось 211 душ мужского пола, и принадлежащими к этим селениям земельными угодьями купил отставной ротмистр Н.В. Неведомский.

В представленной Московскому опекунскому совету описи Неведомский, кроме названных селений, указал присвоенные им пустоши: Кривцово, Песошня, Колесиха, Листвянка, Горицы, Рамешка (между карельскими деревнями Байки и Муравьево. – **А.Г.**), Подкидышево и Кувакино. Неведомский присвоил себе эти пустоши под тем предлогом, что они были заложены Карякиным вместе с сельцом Подобино и деревнями.

По его, Карякина, прошениям было произведено дело, по которому Бежецким уездным судом от 20 декабря 1832 года было решено, а Палатой гражданского суда от 10 сентября 1835 года, и наконец, 2-м департаментом Правительствующего Сената в 1837 году подтверждено, что Неведомский неправильно упоминает в своей собственности указанные пустоши.

Он, Карякин, не закладывал эти пустоши, они оставались свободными, они были распроданы им для погашения его частных долгов. Поэтому он просил Московский опекунский совет при рассмотрении прошения Неведомского о выдаче ему ссуды, исключить из описи его собственности названные пустоши. Бывший владелец имения Подобино П.А. Карякин в октябре 1841 года проживал в сельце Колосово Юрьевецкого уезда Костромской губернии [130].

Со времени переезда Неведомских в Подобино, оно стало называться уже не сельцом, а ***мызой.*** Обычно в этой местности поместное поселение без церкви называли «*сельцо владельческое*». Но сельцо Подобино сами Неведомские, крестьяне соседних русских и карельских деревень, а также во многих официальных документах, почему-то называли «мызой», хотя так называли помещичьи усадьбы в Прибалтике и Ингерманландской губернии. Соседние карелы нередко называли помещиков «мызниками».

Понятие «мыза» произошло как от латышского слова «muiza», так и от финского слова «moisio». От этих слов было унаследовано еще при Петре I название усадьбы с хозяйством. Наиболее известными мызами в бывшей Ингерманландской губернии назывались Гатчинская, Никольская, Саарская (ныне город Пушкин) и другие мызы.

Возможно, так называли усадьбу в Подобино переселившиеся сюда с Карельского перешейка местные карелы, которые проживали в двух километрах от нее в карельских деревнях. У себя на прежней родине, они называли мызами обособленные помещичьи усадьбы с хозяйственными постройками. А возможно, Н.В. Неведомский решил назвать свою усадьбу по-питерски, где он когда-то служил. Во всяком случае, в списке населенных мест Тверской губернии по сведениям 1859 года Подобино названо «*мызой*», а не сельцом.

Николаю Васильевичу Неведомскому кроме мызы Подобино, принадлежали деревни *Гостиницы, Колесники, Рыльково, Сосновка и Холм,* которые он завещал после своей смерти жене Анне Андреевне Неведомской (Герасимовой). Деревней Колесники его жена владела до 1857 года, пока не передала ее дочери Прасковье Николаевне Дмитриевой-Мамоновой.

В списках населенных мест Тверской области за 1859 год о деревнях, которыми владел Н.В. Неведомский, сказано следующее:

– *Подобино* – мыза владельческая при речке Уйвешь, в 12 верстах от Бежецка, 4 двора, 31 душа мужского пола и 46 душ женского пола. Река

Уйвешь, спустившись с возвышенности вблизи Рыбинского тракта у деревни Холм, небольшой рекою пробирается в ровных берегах, покрытых лугами слева от этого тракта, если ехать от Бежецка. В Уйвешь справа впадают речки Сулешка и Каменка [131].

Речка Сулешка начинает свой путь в лесу возле села Сулега, речка Каменка берет начало между деревнями Гремячиха и Калиниха. В нее возле Поцепа впадает речка Теплинка, протекающая с запада от Петряйцева. Возле Душкова в Теплинку впадает речка Оносиха, которая охватывает Петряйцево с юго-востока. Неправы те составители современных карт, которые полагают, что река Уйвешь берет начало у села Сулега, во всех документах XIX века указано именно так, как и в исследованиях В.И. Покровского.

Рыбинская почтовая дорога проходила от Бежецка мимо мызы Подобино, через деревни Рыльково, Сабурово, далее – Пищалкино, Родионово и село Некоуз Ярославской губернии. Из дома Неведомских, что в 200 метрах от дороги, днем и ночью, хотя и нечасто, были слышны валдайские колокольчики почтовых троек, да редкие бубенцы дворянских экипажей. Это была нешумная дорога небольшого значения, с поворотами на проселочные дороги к Замыцкой Горе, Синеву-Дуброву, Кошеву Корельскому и Бокареву, а дальше уже начинался Кашинский уезд. Летом пыль облаками вилась над дилижансами, тарантасами и телегами, оседая густым слоем на экипажи, дорожные накидки, чемоданы и саквояжи. Зимой мороз забирался за воротники тулупов, а метель переметала тракт и засыпала путников снегом.

– *Головское* – погост при колодцах, 12 верст от Бежецка, 3 двора, 10 душ мужского пола и 12 душ женского пола, церковь православная.

– *Гостиницы* – владельческая деревня при колодцах, 13 верст от Бежецка, 18 дворов, 56 душ мужского пола и 66 душ женского пола. В 1710 году деревня Гостиницы принадлежали Федору Якимовичу, Якову Алексеевичу и Петру Алексеевичу Нееловым.

– *Колесники* – владельческая деревня при колодцах по правую сторону Рыбинского тракта в 17 верстах от Бежецка, посредине между селом Хонеево и деревней Бокарево, 12 дворов, 34 жителя мужского пола и 44 – женского пола.

– *Рыльково* – владельческая деревня, в 14 верстах от Бежецка, 20 дворов, жителей мужского пола 50, женского пола 65.

– *Холм* – владельческая деревня при ручье Пьянка, от Бежецка 15 верст, дворов 12, жителей мужского пола 39, женского пола 32.

– *Сосновка* – владельческая деревня при роднике, в 15 верстах от Бежецка, 7 дворов, 29 жителей мужского пола и 29 жителей женского пола. На погосте в Головском были похоронены представители нескольких поколений Неведомских [132].

В Подобине у Неведомских, кроме Александра, родились еще девять детей: Дмитрий – 25 октября 1832 года рождения,

- Софья – 15 мая 1836 года рождения,
- Анна – 2 августа 1839 года рождения,
- Владимир – 11 июля 1844 года рождения,
- Наталья – 19 марта 1842 года рождения,
- Ольга – 23 декабря 1845 года рождения,
- Александра – 22 апреля 1847 года рождения,
- Константин – 29 сентября 1848 года рождения и Авдотья – 26 февраля 1851 года. Всего у Неведомских было 12 детей, пять сыновей и семь дочерей.

Селения Квасово и Глазово принадлежали титулярному советнику Василию Васильевичу Неведомскому (1800–1844 гг.), младшему брату Николая Васильевича. Он был женат на Анне Петровне Постельниковой (1805–1857 гг.), у них в семье родились сыновья: Николай, 19 марта 1831 года рождения;

- Петр, 6 мая 1836 года рождения;
- Владимир, 28 апреля 1837 года рождения;
- Василий, 1 июля 1840 года рождения и Леонид, 4 февраля 1843 года рождения.

В 1710 году сельцо Квасово принадлежало помещику Григорию Степановичу Суворову. Позднее оно перешло к Настасье Никитичне Жеребцовой (Нефедьевой), которая приходилась теткой графу Аракчееву. Ее поместье состояло из 820 десятин земли и 400 душ крестьян мужского пола. В 1837 году Жеребцова фиктивно продала землю с господским домом, всеми строениями и инвентарем бежецкому купцу Рогову, который, по преданию, был ее внебрачным сыном. В 1837–1838 годах Рогов продал это имение, вместе с 820 десятинами земли и 400 душами крестьян, Василию Васильевичу Неведомскому [133].

В 1710 году селом Глазово владели Иван Павлович и Федор Павлович Суворовы, в селе тогда находилась деревянная церковь Архистратига Михаила. В селе двор помещиков, в нем сама помещица Мария Ивановна, жена Павла Суворова, от роду ей 40 лет [134].

В списках населенных мест Тверской области за 1859 год о деревнях, которыми владели Неведомские, сказано следующее:

– *Квасово* – сельцо владельческое при колодцах, 20 верст от Бежецка, 16 дворов, 67 жителей мужского пола и 73 жителя женского пола.
– *Глазово* – сельцо владельческое при колодцах, 20 верст от Бежецка, 12 дворов, 46 жителей мужского пола и 50 жителей женского пола, церковь православная.

20 июня 1847 года владелец мызы Подобино Н.В. Неведомский вновь обратился с прошением в Московский опекунский совет на получение ссуды. Он направил туда опись своего имения, где указаны его владельческие деревни: Подобино, 24 души мужского пола; Рыльково, 52 души; Холм, 42 души; Колесники, 24 души; Сосновка – 17 душ, Гостиницы – 22 души и Илазверково – 46 душ мужского пола, а всего 227 душ.

Земли пахотной 474,8 десятины, из них под огородами 128 десятин; сенокосной – 563,2 десятины; неудобий 53 десятины; дровяного леса 140 десятин, строевого леса 10 десятин. Намолачивает хлеба ржаного 60 четвертей, ярового – 360 четвертей [135].

3 октября 1853 года отставной ротмистр Н.В. Неведомский составил духовное завещание, по которому завещал все движимое и недвижимое имущество, землю и крестьян, ему принадлежавшие, своей супруге Анне Андреевне Неведомской с правом закладывать и перезакладывать недвижимое имущество, продавать его с землею и без земли. Крестьян она может отпускать на волю при достижении ими 25 лет. Выделять своим детям долю при вступлении их в брак из его имущество по усмотрению супруги [136].

Умер Н.В. Неведомский 8 октября 1853 года, был похоронен в селе Головском Бежецкого уезда. После его смерти вдова А.А. Неведомская *11 июля 1864 года* продала перешедшее ей по наследству от мужа оставшуюся после распределения наделов крестьянам землю размером в 1168 десятин при селе Комарово Тарусского уезда Калужской губернии, а также 34 десятины земли там же в пустоши Сырково.

Эта земля состояла в общем владении с наследником Василием Васильевичем Неведомским – братом ее мужа. Она была ею продана за 18 тысяч рублей серебром московскому купцу Семену Федоровичу Неокладному. Из них 10 тысяч рублей покупатель оплатил при совершении купчей, на остальные 8 тысяч купец Неокладной выдал два

векселя по 4 тысячи серебром каждый. Один из них с уплатой через год, а второй – через два года со дня совершения купчей.

Свидетелями при совершении сделки были зятевья А.А. Неведомской, князья Михаил Иванович и Николай Иванович Хилковы, проживавшие в то время в Москве, и ее сын отставной поручик Александр Николаевич Неведомский. Он помогал матери на основании доверенности, данной ему Бежецким уездным судом 1 февраля 1861 года. А.Н. Неведомский в купчей засвидетельствовал, что вместе с землей были проданы все постройки и движимое имущество: скот, земледельческие орудия и сбруя, за исключением хлеба в закромах и хлеба на корню.

В купчей указано, что Анна Андреевна Неведомская вместе с сыном Александром Николаевичем проживала в Москве, Арбатская часть, 2 квартал, дом Плечико № 17 [137].

Дети Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Для матери дети милы не потому, что красивы, а потому, что свои.

Всего три поколения Неведомских успели пожить в своем имении Подобино до Октябрьской революции 1917 года: Николай Васильевич с женой Анной Андреевной, их дети и внуки.

Николай Васильевич Неведомский скончался 8 (20) октября 1853 года, он похоронен при Казанской церкви в селе Головское Бежецкого уезда в двух километрах от имения Подобино (ныне деревня Красный Октябрь Сонковского района. – **А.Г.**).

В 1856 году Анна Андреевна Неведомская подала прошение в Тверское дворянское собрание о причислении к роду Неведомских семерых ее детей. Тверское дворянское депутатское собрание 9 марта 1856 года заслушало ее прошение о причислении к роду Неведомских: Владимира 11.07.1844 года рождения, Константина 29.09.1848 года рождения, Ольги 23.12.1845 года рождения, Александры 22.04.1847 года рождения, Евдокии 26.02.1851 года рождения, Натальи 19.03.1842 года рождения.

Собрание отметило, что кроме них у Неведомских были сыновья Василий, Дмитрий, Александр, а также дочери – Прасковья, Софья и Анна. Они уже были отнесены к роду Неведомских решениями Тверского дворянского собрания от 12 января 1830 года и 29 мая 1841 года. Собрание приняло решение о причислении указанных в прошении детей Николая Васильевича Неведомского к его роду, удостоверить их дворянское происхождение и выдать надлежащие документы.

10 сентября 1891 года, уже после смерти матери в 1870 году, председатель Бежецкой уездной земской управы К.Н. Неведомский на свой запрос получил письмо из канцелярии Тверского губернатора: «Препровождая при сем к Вашему Высокоблагородию возвращенную из Министерства копию с определением Тверского дворянского собрания за № 586 по предмету утверждения Вашего рода в дворянстве, покорнейше прошу о получении этого документа меня уведомить. Губернатор П.Д. Ахлестышев». К письму было приложено решение Тверского дворянского депутатского собрания от 9 марта 1856 года [138].

Дочери Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Прасковья Николаевна (11.01.1829–08.04.1860 гг.) – старшая дочь Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских.

Прасковья Николаевна вышла замуж за дворянина коллежского советника Ипполита Александровича Дмитриева-Мамонова (1827–1875 гг.). Ее муж был чиновником низкого положения с небольшим окладом. В 1857 году ее мать Анна Андреевна Неведомская (Герасимова) передала Прасковье Николаевне деревню Колесники. В 1859 году во владельческой деревне Колесники при колодцах, что в 17 верстах от Подобина, было 12 дворов, в которых проживали 34 души мужского пола и 44 души женского пола.

Родная сестра Ипполита Александровича Софья Александровна Дмитриева-Мамонова вышла замуж за старшего окружного врача Бежецкого и Весьегонского уездов француза по происхождению Б.П. Делоне. Она являлась бабушкой Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой – героини французского сопротивления матери Марии в годы Второй мировой войны.

У Прасковьи Николаевны и Ипполита Александровича родились четверо детей, в том числе сын Александр Ипполитович и дочь Софья, вышедшая замуж за фон Рутцен. Прасковья Николаевна умерла в 1860 году в возрасте 31 год, похоронена на родовом кладбище в селе Головское, на ее надмогильной плите была надпись: «Прасковья Николаевна Дмитриева-Мамонова, урожденная Неведомская, родилась 11 января 1829 года, скончалась 8 апреля 1860 года».

15 июня 1865 года Тверское губернское правление направило уведомление Тверскому губернскому предводителю дворянства о продаже имения Колесники Бежецкого уезда, принадлежавшее владелице коллежской регистраторше Прасковье Николаевне Дмитриевой-Мамоновой.

После смерти жены Ипполит Александрович женился второй раз на Елизавете Петровне Энгельгардт (Олениной) (1832–1922). Та родила мужу 5 детей, в том числе дочерей Прасковью и Дарью.

Софья Николаевна, родилась 28 мая 1836 года, скорее всего, замуж не выходила. Всю жизнь прожила в родительском имении, по воспоминаниям В.А. Неведомской (Корольковой), в 1912 году она была жива. Других сведений о ней пока не имею.

Анна Николаевна (15.08.1839–27.01.1892 гг.), в 1863 году вышла замуж за князя Михаила Ивановича Хилкова в село Синево-Дуброво, что в 7 километрах от Подобина. По сведениям за 1859 год Синево-Дуброво было владельческим селом при речке Величке, в 15 верстах от Бежецка, в 22 двора, в которых было 126 жителей мужского пола и 161 житель женского пола, в селе находились две православные церкви.

В 1710 году селом Синево-Дуброво владел сотник Василий Васильевич Заборовский. В селе находилась деревянная церковь во имя Богородицы Смоленской. Есть сведения о некоторых жителях села: Иван Кузьмич Хлебник, 29 лет, холост, Иван Герасимович Хлебник, 15 лет, холост, двор Леонтия Худякова пуст, он умер давно с ним жил племянник Иван Филиппов, за скудостью взят во двор помещика. За сотником Василием Васильевичем Заборовским находились деревни Постерегишино и Стрижово, а также пустошь Поросятники [139].

Согласно окладной книге за 1773 год село Синево-Дуброво принадлежало помещикам Савелову и Луниной – бабушке М.И. Хилкова, его братьев и сестер, которая имела около 500 душ мужского пола.

Михаил Иванович Хилков (05.12.1834–08.03.1909 гг.) родился в своем родовом имении 5 декабря 1834 года. В 1848 году юный Михаил

Хилков, окончив Бежецкую гимназию, приехал из Синево-Дуброва в Санкт-Петербург и поступил учиться в одно из привилегированных в то время учебных заведений для дворянства – Пажеский корпус, идя по стопам отца. Среди выпускников 1852 года М.И. Хилков особыми успехами не выделялся, карьеру свою начал в Егерском лейб-гвардейском полку, *в 1857 году в звании* штабс-капитана оставил военную службу. В 1861–1864 годах был мировым посредником в Бежецком уезде, в 1863 году женился на Анне Николаевне Неведомской, некоторое время они жили в Москве. В 1864 году вместе с женой и только что родившейся дочерью Ольгой уехал в Америку. Работал в Пельсильвании слесарем, кочегаром, помощником машиниста, машинистом паровоза. Жили с женой и дочерью на его жалованье два доллара в день.

В 1868 году вернулись в Россию, где Михаил Иванович, сначала служил мировым посредником 3-го участка Бежецкого уезда, затем прошел путь от машиниста паровоза до министра путей сообщения. Жили сначала в имении Синево-Дуброво, затем в Санкт-Петербурге, кроме дочери Ольги у них родились: дочь Анна, сыновья Степан и Михаил.4 января 1895 года М.И. Хилкова назначили управляющим Министерством путей сообщения, а в апреле того же года – министром путей сообщения. На эту должность М.И. Хилкова рекомендовал его предшественник Сергей Юльевич Витте, ставший премьер-министром Российского правительства. Не последнюю роль сыграла дружба Михаила Ивановича с матерью царя Николая II Марией Федоровной, к которой он нередко приходил, проводил вечера, они вместе пили чай.

Умерла Анна Николаевна Хилкова (Неведомская) 27 января 1892 года, похоронена на кладбище села Синево-Дуброво Бежецкого уезда [140].

Наталья Николаевна, родилась 19 марта 1842 года, других сведений о ней пока не нашел.

Ольга Николаевна (23.12.1845–03.02.1901 гг.), в 1864 году вышла замуж за Николая Ивановича Хилкова, младшего брата Александра и Михаила Хилковых. В имении мужа Синево-Дуброво они жили непродолжительное время, в 1865 году переехали в Бежецк, где у них 26 апреля 1866 года родился сын Степан. В 1867 году они переехали в Винницкую губернию, там 1 июня 1869 года родилась дочь Прасковья. Оттуда семья перебралась в Санкт-Петербург, где Николай Иванович Хилков закончил свой жизненный путь после 1884 года, а Ольга Николаевна Хилкова (Неведомская) – 3 февраля 1901 года, похоронена в Санкт-Петербурге.

Александра Николаевна (22.04.1847–28.11.1904), вторая жена князя Михаила Ивановича Хилкова. У них 3 августа 1882 года, еще при жизни его жены Анны Николаевны, родилась внебрачная дочь Евдокия, Хилков женился на Александре после смерти первой жены Анны. Похоронена она вместе с мужем М.И. Хилковым в селе Головское Бежецкого уезда.

Авдотья (Евдокия) Николаевна, родилась 26 февраля 1851 года, вышла замуж за Красова, умерла 22 ноября 1907 года, похоронена на кладбище села Головское, другими сведениями о ней пока не располагаю.

Сыновья Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Василий Николаевич (10.10.1827–12.11.1899), получив образование, служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе. Затем был на службе обер-секретарем в Сенате, в департаменте государственных имуществ. С 1872 года являлся сотрудником «Русских ведомостей, с 1878 года полностью перешел к занятиям по переводам на русский язык английских и немецких историков.

Был женат на Надежде Алексеевне Семеновой, проживали в Москве, в Санкт-Петербурге, сведениями об их детях не располагаю. Жена Василия Николаевича Надежда Алексеевна (1832–26.01.1905) была певицей – сопрано из Санкт-Петербурга, взяла себе сценический псевдоним Динар. Проходила обучение в Париже, Лондоне и Милане, после учебы вернулась в Санкт-Петербург. Выступала в концертах, организованных А. Рубинштейном, гастролировала с концертами в Лейпциге, Турине, Генуе, Милане, Флоренции, Лондоне и Париже.

С 1873 года вместе с женой проживал в Москве.

Александр Николаевич, родился 03 октября 1830 года, отставной поручик, дворянин села Подобино, был в свое время корреспондентом газеты «Колокол», который создали и редактировали А.И. Герцен и Огарев. В 1861–1862 годах он служил мировым посредником Бокаревской волости Бежецкого уезда, где находилось имение его родителей. После освобождения из-под ареста с 1863 года проживал в Москве. Ему в этой книге посвящаю отдельный параграф.

Дмитрий Николаевич, родился 25 октября 1832 года, другими сведениями о нем не располагаю.

Владимир Николаевич, родился 11 июля 1844 года, другими сведениями о нем не располагаю.

Константин Николаевич, родился 29 сентября 1848 года, был женат на Варваре Петровне Ушаковой (22.04.1850–30.05.1896). У них родились дочери: Анна – 1878 года рождения, Варвара – 1882 года рождения, Елена – 1883 года рождения; сыновья: Владимир – 1886 года рождения и Николай – 1888 года рождения.

Константин Николаевич Неведомский умер 4 января 1899 года в возрасте 50 лет, в этой книге ему посвящаю отдельный параграф.

Внуки Николая Васильевича и Анны Андреевны Неведомских

Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа.

В дворянских семьях девочек и мальчиков с 5 лет обучали и воспитывали раздельно. С детьми занимались старшие члены дворянской семьи, няньки, гувернеры и учителя. Няни приставлялись к малышам сразу после рождения, они следили за правильным и своевременным питанием детей, их чистотой, чистотой белья и посуды. С мальчиками няни занимались до 5 лет, после чего к нему приставляли дядьку, который занимался обучением мальчика, его времяпрепровождением, катал его, играл с ним.

Няньки и дядьки назначались из числа крепостных душ, нередко были неграмотными. Они водили малолетних детей к родителям здороваться по утрам, прощаться по вечерам, благодарить за обед. Дети должны были держаться с родителями почтительно, называя отца и мать на «Вы». Родители стремились сделать так, чтобы их дети обладали широкими практическими знаниями, необходимыми им при последующей службе, нахождении в обществе и дома.

После реформы 1861 года для обучения и воспитания дворянских детей нанимали гувернеров и учителей из числа дальних родственников, обученных людей, нередко – иностранцев. Пригодными к обучению считался ребенок с 7 лет, обучение и воспитание мальчика было направлено на служение Отечеству, умению как приказывать, так и повиноваться.

Девушки должны были овладеть хорошими манерами, изучать французский язык, учиться музыке и бальным танцам. Им внушали и практиковали соблюдение нравственных устоев, которым их приучала мать, учителя и гувернантки. Они должны были верить в Бога, молиться, почитать отца и мать, быть преданными монарху, прилично вести себя в обществе. Девушки могли выходить на улицу лишь в сопровождении гувернантки, матери, старших родственников или лакея. На улице барышне нельзя было громко говорить и смеяться, вступать в разговор с незнакомым человеком. Недопустимо было дерзить родителям, вступать с ними в спор и беспокоить их по пустякам.

Но удел дворянской девушки – это замужество, материнство и домоводство. Ее положение в обществе во многом зависело от положения и богатства отца, а также от положения и богатства мужа.

Дети Прасковьи Николаевны Неведомской (Дмитриевой-Мамоновой)

Известна судьба сына и дочери Прасковьи Николаевны Неведомской и Ипполита Александровича Дмитриева-Мамонова.

Сын *Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов (1847–1917 гг.)* был политическим деятелем, ученым, писателем, получил титул графа. Прасковья Николаевна родила его в 18 лет. С 1877 по 1881 годы Александр Ипполитович находился на службе вице-губернатором Томской губернии, одновременно являясь там председателем губернского правления. С 1881 по 1885 годы – председатель губернского правления и вице-губернатор Тобольской губернии, а с 1885 по 1998 годы – Акмолинской губернии.

Избирался председателем Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. Позднее служил чиновником Министерства путей сообщения при министре М.И. Хилкове, его свойственнике.

Был женат на Елизавете Алексеевне Семеновой, 1847 года рождения, пианистке. У них родились сыновья Василий (1874 г.), Александр (1876 г.), Николай (1880–1905 гг.) и дочь Елизавета (1878–1910 гг.).

Так как после смерти в 1863 году генерал-майора Матвея Александровича, сына фаворита императрицы Екатерины II, графа с 1788 года Александра Матвеевича Дмитрия-Мамонова пресекся графский род Дмитриевых-Мамоновых, учитывая заслуги, в 1913 году Александру

Ипполитовичу дозволили пользоваться графским титулом с правом передачи его старшему в роду.

Александр Ипполитович составил описание Великого Сибирского пути, написал книги и брошюры по истории Сибири, в том числе: «Декабристы в Западной Сибири» (1895 год), «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири» (1905 год).

Дочь *Софья Ипполитовна (1858–1929 гг.)* вышла замуж за инженера Александра Николаевича фон Рутцен (1858–1933 гг.). Ее муж был депутатом Государственной Думы I созыва, после революции преподавал в Воронежском сельскохозяйственном институте. Их сын Николай погиб в Первую мировую войну 8 августа 1914 года. Другой сын Александр (1892–1938 гг.), после революции был руководителем плановой комиссии Центрально-Черноземной области, обвинен в шпионаже и расстрелян 16 сентября 1938 года.

Дети Анны Николаевны Неведомской (Хилковой)

У Анны Николаевны Неведомской и Михаила Ивановича Хилкова родились дочери Ольга и Анна, сыновья Степан и Михаил.

Ольга Михайловна Хилкова (30.07.1864–1911 гг.), вышла замуж за графа Константина Павловича Кутайсова (16.11.1876–22.03.1918 гг.). Она была старше мужа на 12 лет, сведений об их детях я не нашел. Константин Павлович Кутайсов окончил Пажеский корпус, дослужился до полковника и флигель-адъютанта свиты императора Николая II. В 1916 году после убийства Григория Распутина сопровождал великого князя Дмитрия Павловича в ссылку – действующую армию на Персидском фронте. Был убит большевиками 22 марта 1918 года в своем имении Шебекино Курской области.

Анна Михайловна Хилкова (12.10.1866–1905 гг.) вышла замуж за лейтенанта флота Владимира Дмитриевича Ермолова, другими сведениями о ней и их детях не располагаю.

Степан Михайлович Хилков (1869–1890 гг.), умер молодым в 21 год, каких-либо сведений о нем я не нашел.

Михаил Михайлович Хилков (1873 – после 1919 гг.) оставался жить в имении родителей до 1919 года, дальнейшая его судьба пока неизвестна [141].

Дочь Александры Николаевны Неведомской (Хилковой)

Дочь Александры Николаевны Неведомской (Хилковой) и Михаила Ивановича Хилкова – *Евдокия Михайловна* Хилкова (03.08.1882–1966) вышла замуж за Владимира Карловича Чуберского.

Она была внебрачной дочерью князя Михаила Ивановича Хилкова от сестры жены Александры Николаевны Неведомской. Жена М.И. Хилкова Анна Николаевна умерла в 1892 году, тогда внебрачной дочери Евдокии было уже 9 лет. После смерти жены М.И. Хилков вторично женился на ее сестре Александре Николаевне Неведомской. Высочайшим указом Правительствующего Сенат от 4 апреля 1896 года малолетняя внебрачная дочь князя М.И. Хилкова Евдокия вступала во все права, законным детям принадлежащие.

Поэтесса, жительница города Гатчины Ольга Александровна Ваксель, 1903 года рождения, оставила воспоминания, рукопись которых хранится в музее А.А. Ахматовой в Санкт-Петербурге. В них она писала, что одной из приятельниц ее матери была Евдокия Чуберская, рожденная княгиня Хилкова. Была она очень некрасива, но обаятельна, в детстве ее не уберегли от черной оспы, и все ее лицо, несмотря на многочисленные попытки это исправить, было изрыто рябинами. Она была несчастна в браке с Чуберским, жила с ним на разных половинах, мало занималась детьми. Ее дочь Паша Чуберская была одних лет с Ольгой Ваксель (1903 г.р.) и ее подругой. Ее брат Андрей только что родился (в 1907 году. **– А.Г.**).

Ее муж, Владимир Карлович Чуберский (1860–03.09.1932) окончил институт путей сообщения, работал инженером на железной дороге. Первым браком был женат на Елене Михайловне Васильевой, с Евдокией Михайловной Хилковой – его второй брак. В 1915 году Чуберский был назначен управляющим Московско-Виндавской железной дороги. В 1916–1917 годах работал начальником управления железных дорог Министерства путей сообщения. После Октябрьской революции 1917 года служил в белой армии на юге России, в 1920 году эмигрировал из Крыма в город Любляну. Умер 3 сентября 1932 года в Загребе, Хорватия, погребен в Любляне, Словения.

Имеются сведения о том, что Е.М. Чуберская-Хилкова в ночь на 9 февраля 1912 года, поссорившись с мужем, ранила себя из пистолета

в левую часть груди. После развода с Чуберским вышла второй раз замуж за Кульчицкого, они жили в Брюсселе, где Евдокия Михайловна умерла в 1966 году и там же похоронена.

Дети Ольги Николаевны Неведомской (Хилковой)

Сын Степан Николаевич Хилков родился 26 апреля 1866 года в Бежецке, окончил институт инженеров железнодорожного транспорта. Женился на Марии Яковлевне Галлер, в 1898 году у них родилась дочь Прасковья Степановна, которая вышла замуж за подпоручика Дмитрия Владимировича Ермолова. Умерла Прасковья Степановна в 1920 году в возрасте 22 года.

Степан Николаевич после окончания института инженеров железнодорожного транспорта строил Китайско-восточную железную дорогу, где с 1906 по 1911 годы был первым заместителем управляющего. Он умер 26 октября 1916 года в Петербурге, там же и похоронен. Его жена Мария Яковлевна Галлер покончила с собой в возрасте 50 лет 25 сентября 1923 года.

Дочь Прасковья Николаевна Хилкова родилась в Подольском уезде Винницкой губернии 1 июня 1869 года, вышла замуж за односельчанина из села Синево-Дуброво Федора Архипова. У них родились дети Мария (1892–1941 гг.), Степан, Ольга, Максим и Татьяна.

Сын Степан Федорович Архипов (1.11.1893–17.10.1937 гг.), был арестован в Киеве 11 августа 1937 года за антисоветскую деятельность, 16 октября приговорен к высшей мере наказания, расстрелян на второй день. Полностью реабилитирован 11 марта 1958 года.

Сын Максим Федорович Архипов (1899–1921 гг.), расстрелян в 1921 году в Керчи, после освобождения Крыма красными войсками от белогвардейцев.

Дочь Ольга Федоровна Архипова (1895–1918 гг.), вышла замуж за Сергея Александровича Линденберга (1885–1941 гг.), у них родились дети Александр и Елена.

Татьяна Федоровна Архипова (1901–1970 гг.) первый раз вышла замуж за драматурга Андриана Ивановича Пиотровского, второй раз – за Калашникова и стала носить его фамилию.

Прасковья Николаевна Архипова (Хилкова) умерла в 1936 году в Нижнем Новгороде, там же и похоронена.

Дети Константина Николаевича Неведомского

Старшая дочь *Анна Константиновна* (04.03.1878–10.04.1909 гг.) вышла замуж за дворянина, инженера путей сообщения Дмитрия Николаевича Иванова (1872–1928 гг.). У них родились пятеро детей, в том числе сыновья – Николай Дмитриевич, Константин Дмитриевич, Павел Дмитриевич, дочь Варвара Дмитриевна.

Варвара Константиновна родилась в 1882 году, вышла замуж за дворянина Бентковского, другими сведениями о ней не располагаю.

Елена Константиновна родилась в 1883 году, другими сведениями о ней не располагаю.

Сын *Владимир Константинович* (04.05.1886–10.12.1920), окончил Николаевский кадетский корпус, находился на военной службе, проживал в Санкт-Петербурге на Сенной площади, в доме Апари, снимал квартиру Меликовой. В 1906 году обучался в Санкт-Петербургском технологическом институте. Уволился с военной службы в 1911 году, уехал в свое поместье Подобино, где управлял им до 1915 года. Его молодая жена Вера Алексеевна Неведомская (Королькова) мечтала о художественной славе и изучала живопись.

В 1915 году во время Первой мировой войны был произведен в офицеры из вольноопределяющихся, имел звание штабс-капитана конной артиллерии, служил в Финляндии. В мае 1919 года из Финляндии прибыл в северный корпус, получил звание подполковника. Служил в белой русской армии до эвакуации ее из Крыма в ноябре 1920 года. Жена Вера Алексеевна эвакуировалась за границу на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Владимир Константинович не смог эвакуироваться, остался в Крыму, был расстрелян большевиками в Феодосии 10 декабря 1920 года.

Феодосийский порт оказался самым неудачным в сравнении с другими портами, по организации эвакуации. На суда не смогли погрузиться 1-я Кубанская казачья дивизия и Терско-Астраханская бригада Кубанского казачьего корпуса. В городе вынужденно оставались тысячи белогвардейцев и казаков, желавших эвакуироваться. Передовые части Красной Армии вошли в Феодосию вечером 14 ноября 1920 года, в ночь на 17 ноября на железнодорожном вокзале ими были расстреляны первые 100 раненых офицеров и солдат Виленского полка. Тех, кто служил в белой армии, расстреливали немедленно. Тем, кто служил и белым, и красным в годы Граждан-

ской войны, предлагали вступать в Красную Армию, в случае отказа также расстреливали.

Сын *Николай Константинович* (1889–1935 гг.) женился на Любови Федоровне Будищевой (1889–1949 гг.). У них родились дети – Константин (1910 г.), Елена (1912–1998 гг.), Евдокия (1913–1914 гг.), Ирина (1915–1989 гг.).

После смерти в 1935 году Николая Константиновича Неведомского, его жена Любовь Федоровна вышла замуж второй раз за Мыльникова, скорее всего, одного из потомков мирового посредника Бежецкого уезда.

Елена Николаевна Мишнева (Неведомская) переживала блокаду вместе с маленькими детьми до февраля 1943 года. Ее муж работал на заводе, одновременно состоял в рабочем батальоне. В феврале 1943 года Елену Николаевну с детьми эвакуировали в село Коробейниково Алтайского края. После войны она окончила Калининский пединститут, работала учителем математики и физики в школе города Кимры Калининской области.

Мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский

Труднее нажить добрую славу, чем дурную.

Александр Николаевич Неведомский осенью 1861 года был утвержден в должности мирового посредника 3-го участка Бежецкого уезда. К 3-му участку относились Алешковская, Бокаревская, Дельковская, Крупицкая, Ременниковская (Могочская. – **А.Г.**), Сулежская и Яковлевская волости.

Основным направлением деятельности А.Н. Неведомского, как мирового посредника, являлось проверка, утверждение, а то и составление ***уставных грамот*** между крестьянами и помещиками. В уставной грамоте записывали основные условия договора между сельской общиной и помещиком, в том числе:

1. Уезд, волость, сельское общество, селение, какому помещику оно принадлежит.
2. Число душ мужского пола по 10-й ревизии, проживающих в этом селении. Сколько из них подлежат наделу, сколько не

подлежат, так как значатся в селении, а проживают в другой местности, или отказались от наделов по разным причинам.

3. Отдельно, сколько было земли в пользовании крестьян и в пользовании помещика до принятия Положения 1861 года.
4. Какой высший надел, установленный для данной местности, можно предоставить одной ревизской душе, сколько дополнительно земли надо предоставить каждой ревизской душе, чтобы довести до высшего предела.
5. Какие именно участки земли надо изъять у помещика и передать их крестьянам селения.
6. Записать в уставной грамоте оставление за крестьянами их усадебной оседлости, а также передачу сельской общине ответственность за водопои, выгоны, дороги и мосты.
7. Определить порядок перехода крестьян от барщины к оброку, сумму подушевого оброка и порядок его внесения через помещика.

Мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский умело вел переговоры по соглашениям между помещиками и крестьянами. Так, доверенное лицо помещицы села Новое Котово Алешковской волости Воропаевой губернский секретарь Благовещенский обратился с просьбой к Неведомскому приехать в село и составить уставную грамоту. Ранее крестьяне не соглашались с предложением помещицы Воропаевой касательно полевых наделов. После беседы с ними мирового посредника Неведомского 26 и 27 ноября 1861 года, крестьяне миролюбиво согласились на его предложения [142].

В качестве примера можно привести мирской приговор крестьян сельца Карельский Городок Алешковской волости от 27 ноября 1861 года. В тот день мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский встречался с жителями этого селения. Доверенный помещика генерал-адъютанта Владимира Максимовича Шварца Иван Иванович Шаров предложил крестьянам села на мирском сходе оставаться на издельной повинности в будущем 1862 году или перейти на оброк соответственно наделу земли, который будет отведен по грамоте весной 1862 года. Мирской суд единогласно объявил, что они согласны с будущего, 1862 года, перейти на установленный оброк с тем, чтобы первую половину оброка уплатить к 1 июня 1862 года, вторую половину – к 1 января 1863 года. А до 1862 года отбыть издельную повинность, как отбывали ранее. Подписал мирской приговор староста Ефим Карпов,

его подпись засвидетельствовал Алешковский волостной старшина Антип Андреев [143].

Нужно отметить, что генерал-адъютант В.М. Шварц, в то время начальник артиллерии в Царстве Польском, известный, как активный участник подавления польского восстания 1863–1864 годов, владел также селом Юрьевым Чистинской волости Весьегонского уезда Тверской губернии с деревнями: Березье, Веригино, Запрудье, Тавнежи, Устровка и другими. Все они находились в 30–35 верстах от Карельского Городка, сейчас на территории Сандовского района Тверской области.

На имя мирового посредника Неведомского поступало достаточно много писем и обращений от помещиков с просьбой помочь получить от крестьян неуплаченный оброк и другим вопросам.

На предписание А.Н. Неведомского от 21 ноября 1861 года направить собранные деньги в качестве недоимки по оброку помещице Шатуновой, Сулежский волостной старшина Иван Иванов 1 декабря доносил мировому посреднику, что он собрал недоимки оброка с крестьян деревни Ханино, принадлежавших этой помещице. Но до сих пор не послал ей деньги потому, что один крестьянин деревни не вернулся с заработков и не уплатил недоимку. Всего в деревне Ханино 29 ревизских душ, тягол 14,5, пахотной и сенокосной земли у помещицы 86 десятин. С 1859 года крестьяне деревни Ханино платят оброк по 25 рублей серебром с каждого тягла. До 1859 года крестьяне были на смешанной повинности – платили оброк по 50 рублей ассигнациями и отправляли издельную повинность [144].

Тягло в данном случае – число хозяйств или семей, каждое из которых обрабатывает барскую землю отдельной группой. При этом каждого женатого крестьянина считали целым тягловым работником, а холостого крестьянина мужского пола с 15 до 17 лет, а также с 55 до 60 лет – половинно-тягловым.

Рубль серебром называли монету из серебра достоинством в 1 рубль, он был в обращении до 1897 года. Бумажные ассигнации были дешевле, один рубль серебром равнялся обычно 4 рублям ассигнациями.

Мировой посредник получал поручения от Тверского губернского по крестьянским делам присутствия. Так 20 ноября 1861 года председатель присутствия просил Неведомского узнать, каким образом село Юрятино Крупицкой волости стало принадлежать помещику Петрову. Чтобы выполнить это поручение, мировой посредник поручил Крупицкого волостного старшину опросить крестьян деревни

Юрятино, знают ли они, каким способом и от кого именно деревня досталась помещику Петрову. Самого помещика в уезде не было, где он находился – неизвестно.

Крестьяне сказали волостному старшине Трифону Макаровичу Нечаеву, что помещик Петров живет в селе Щеберино Боровицкого уезда. Деревня Юрятино досталась ему по купчей крепости около 1855 года от помещицы Веры Дмитриевны Николаевой [145].

Нередко к Неведомскому обращались за защитой крестьяне разных деревень. Например, вдова крестьянина Герасима Васильевича Абрамова из деревни Воронья Нога попросила его защитить от волостного старшины, который приказал описать ее дом и все имущество. На поручение мирового посредника Крупицкий волостной старшина Трифон Нечаев сообщил, что после смерти двух родных братьев Василия и Макара Абрамовых имущество все осталось у вдовы Герасима Василисы Абрамовой. Крупицкий волостной суд присудил в пользу второй вдовы Дарьи Яковлевны, по общему их согласию, имущество после мужа Макара Абрамова – 65 рублей денег, начальный тулуп и одну четверть ржи. У Василисы Абрамовой оставалось 65 рублей денег и одна четверть ржи, также в пользу ее детей Елизаветы, 15 лет, и Прасковьи, 12 лет, поступило 212 рублей денег серебром, 10 четвертей ржи, 3 четверти овса, синий крытый тулуп и полушубок. Он, как волостной старшина, исполняет решение волостного суда [146].

Крестьяне деревни Марково, что была на земле помещика Шевякова, пожаловались А.Н. Неведомскому, что помещик не разрешает рубить лес на дрова. Помещик Шевяков дал объяснение мировому посреднику, что он дозволил крестьянам рубить лес на дрова в трех пустошах вБежецком уезде. Также в его лесах на территории Весьегонского уезда в одной пустоши он дозволил обрубать сучья на дрова снизу дерева вверх, как могут, стоя на земле, достать топором. Также дозволил на другой пустоши собирать сучья и вершины от срубленных деревьев на разрешенные крестьянские постройки.

Но если они желают отвода им на дрова леса с корня в других пустошах, то этого никогда им не позволялось, и он позволить не может. Если бы позволялось, то за 15 лет его владения, весь лес был бы истреблен. Он сообщал, что крестьяне деревни Марково имеют значительный запас дров.

Тот же помещик Шевяков на запрос мирового посредника Неведомского отвечал, что его дворовая девка Дарья Галактионова не за-

платила ему оброк с весны 1860 года до весны 1861 года – 18 рублей серебром, а с марта 1861 по март 1862 года – еще 10 рублей серебром. Если мировой посредник Неведомский примет на себя обеспечение платежа недоимки по оброку, то в выдаче ей паспорта у него, помещика Шевякова, препятствий нет [147].

Не только помещик Шевяков, но и другие хозяйственные помещики берегли лес, разрешали брать на дрова лишь валежник и буреломный лес, но стоячий, даже сухостой, рубить на дрова не разрешали.

23 ноября 1861 года Тверское губернское по крестьянским делам присутствие направило письмо кандидату в мировые посредники 3-го участка Жолобову в отношении выкупа крестьянами деревень Холм, Сосновка, Гостиницы и Рыльково земель помещицы Анны Андреевны Неведомской на основании уставных грамот. А.Н. Неведомский не мог принимать решения по этому письму, так как речь шла о его матери.

В письме поручалось внести некоторые поправки и коррективы в уставные грамоты. Во-первых, в деревню Сосновка поступил рядовой Михаил Филиппов, получивший в этом селении земельный надел с согласия крестьян и помещицы. За этот надел по выкупному договору и мирскому приговору сельского общества деревни Сосновка испрашивалась из казны ссуда. Во-вторых, по всем четырем заявлениям помещицы не обозначено, какого достоинства пятипроцентные билеты желает она получить в счет выкупной ссуды [148].

* * *

А.Н. Неведомский служил мировым посредником 3-го участка Бежецкого уезда всего несколько месяцев, покинув эту должность по следующим причинам.

Александр Николаевич Неведомский был арестован 16 февраля 1862 года и заключен вместе с другими 12 посредниками и дворянами в Петропавловскую крепость по «делу тверских посредников». Судом Сената 21 июня 1862 года Александр Николаевич Неведомский был приговорен к 2 годам и 2 месяцам лишения свободы в смирительном доме, 13 июля переведен из Петропавловской крепости в исправительное заведение.

Через 9 дней, 22 июля, в день именин императрицы, заключенным объявлено было высочайшее помилование и все они освобождены,

проведя под арестом около 5 месяцев. А после прошения, поданного на имя императора, тверским дворянам милостиво разрешили вернуться к общественной службе. А.Н. Неведомского разжаловали со звания отставной поручик в рядовые, с направлением на определенный срок в линейные войска.

После покушения на императора Александра II дворянином Каракозовым 4 апреля 1866 года, Александр Николаевич Неведомский был вновь арестован. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» в № 228 от 1 октября 1866 года перепечатала сообщение из газеты «Московские новости».

В ней говорилось о заседании уголовного департамента судебной палаты по делу о рядовом Неведомском, ранее судимом за произнесение дерзких, оскорбительных слов против императора. По окончании допроса Неведомского публику выгнали из зала заседаний и двери судебного присутствия затворили. Когда было сделано все для осуждения подсудимого, публика была вновь допущена. Председатель зачитал приговор, которым Неведомский признан виновным в произнесении дерзких, оскорбительных слов против государя, а также в поддержку тех, кто покушался на императора 4 апреля 1866 года. На основании ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1866 года, он был приговорен к 6,5 годам каторжных работ на заводах [149].

Я лично уверен в том, что речь шла именно об Александре Николаевиче Неведомском, который в то время проживал в Москве, Арбатская часть, 2-й квартал, д. Плечико, 17. Он был корреспондентом газеты «Колокол», не случайно, сообщение о деле Неведомского издатели вынесли в оглавление газеты, как наиболее важную новость.

На каторжные работы направлялись за самые тяжкие государственные преступления, этот вид наказания по своей тяжести стоял после смертной казни. В то время каторжные работы подразделялись на рудниковые, крепостные и заводские. Направляя каторжан на заводские работы, государство тем самым снабжало заводы даровыми рабочими.

А.Н. Неведомского судили в одно время с группой террориста Каракозова из 32 человек, те из них, кто был приговорен к каторжным работам, отбывали наказание на Петровском железоделательном и Усольском солеваренном заводах Иркутской губернии. Не исключено, что А.Н. Неведомский был направлен туда же, и окончил свой жиз-

ненный путь на каторжных работах, поэтому сведений о его смерти нигде не обнаружено. Тяжелые работы в невыносимых сырых условиях, большое скопление каторжан в промерзших грязных бараках, жестокое обращение с ними начальства приводили к массовым болезням и смертям.

Нужно отметить, что по закону от 18 апреля 1869 года каторжане из европейской части России, из-за отсутствия работ на сибирских заводах, в Сибирь не отсылались, а помещались в каторжные тюрьмы-централы. В европейской части России насчитывалось 7 таких тюрем-централов, за Уралом еще 3 централа. Отбывшие в них срок заключения, равный сроку назначенных каторжных работ, каторжане отсылались в Сибирь на поселение.

Возможно, следы А.Н. Неведомского затерялись на одном из сибирских заводов, если его успели доставить туда до закона от 18 апреля 1869 года, или в одной из тюрем-централов европейской части России, или где-то на поселении в Сибири. Последствиями осуждения к каторжным работам была полная потеря прежнего правового статуса с прекращением семейных и имущественных отношений.

После ареста сына Александра в 1866 году его мать Анна Андреевна переехала жить из Москвы в имение Подобино. Александру Николаевичу Неведомскому не суждено было хоронить свою мать, которая умерла в своем имении 10 июля 1870 года. После смерти матери в ее оставшуюся квартиру в Москве переехал жить старший сын Василий Николаевич вместе с женой Надеждой Алексеевной Семеновой.

После событий февраля 1862 года Тверское губернское по крестьянским делам присутствие, под председательством губернатора П.Т. Баранова, приняло общий порядок действий для мировых посредников и должностных лиц сельского управления. В числе других общих положений было включено понятие ***«благонадежность»,*** которого в Общем Положении об освобождении крестьян от крепостного права нет.

«При разверстании земли между домохозяевами сельское общество может назначить каждому участок, соразмерный с силами и *благонадежностью* домохозяина. В случае неблагонадежности домохозяина сельское общество может назначить на его место другого из семейства. Сельское общество имеет право не дозволять разделов в семействах» [150].

Оппонент мирового посредника А.Н. Неведомского

День хвали вечером, а жизнь – в старости.

Одним из оппонентов мирового посредника А.Н. Неведомского выступал помещик имения Замыцкая Гора (Ульянова Гора) Новской волости Бежецкого уезда штабс-ротмистр Николай Федорович Апыхтин (1821–1875 гг.). Сельцо ***Замыцкая Гора (Ульянова Гора)*** располагалось в 7 километрах от Бежецка по левую сторону Рыбинского тракта, в 1859 году в нем было 5 дворов, 26 жителей мужского пола и 28 жителей женского пола. Рядом с сельцом находился погост Ульянова Гора с 6 домами, 7 жителями мужского пола и 10 жителями женского пола. Кроме Замыцкой Горы Апыхтины владели сельцом Павшино Яковлевской волости Бежецкого уезда, которое находилось в 25 верстах от Бежецка по левую сторону Весьегонского тракта, в нем 3 дома, 16 жителей мужского пола и 30 жителей женского пола.

Усадьба Н.Ф. Апыхтина Замыцкая Гора располагалась в 5 километрах от Подобина, а одна из его владельческих деревень Петрищево – в 3 километрах от Подобина. По данным за 1859 год во владельческой деревне Петрищево было 7 дворов, 24 жителя мужского пола и 28 жителей женского пола. Эту деревню после 1861 года сначала отнесли к Бокаревской волости, а позднее – к Новской волости [151].

Николай Федорович Апыхтин родился в 1821 году, обучался в Московском кадетском корпусе, по окончании которого 19 марта 1835 года в возрасте 14 лет поступил на службу в Малороссийский гренадерский генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского полк прапорщиком. Через два года был переведен в Ямбургский уланский полк. 7 июня 1839 года произведен в поручики, служил еще 10 лет, уволен со службы 7 марта 1849 года в звании штабс-ротмистра.

15 января 1851 года вступил в должность дворянского заседателя Бежецкого уездного суда, находился на службе до вступления в народное ополчение 20 ноября 1855 года. Был в ополчении до 15 марта 1856 года, с 25 октября того же года вновь вступил в должность дворянского заседателя Бежецкого уездного суда.

У Николая Федоровича Апыхтина был брат Михаил, 15 мая 1819 года рождения, он женился на дворянке Наталье Евгеньевне Суворовой. Также был брат Иван, 23 мая 1824 г.р.; сестра Елизавета, она вышла замуж за дворянина Рыкачева, сестра Мария и сестра Анна.

Анна Федоровна Апыхтина вышла замуж за Ивана Федоровича Львова, у них родились дети: сыновья Федор, 28 февраля 1836 г.р.; Алексей, 4 августа 1837 г.р.; Александр, 21 января 1839 г.р.; дочери Юлия 11 мая 1840 г.р. и Людмила – 26 августа 1846 года рождения.

Это была не слепневская, а другая ветвь многочисленного рода Львовых. Владельцы деревни Слепнево Лев, Варвара и Анна родились в браке их отца Ивана Львовича и матери Юлии Яковлевны Львовых.

Николай Федорович Апыхтин женился на дочери умершего штабс-ротмистра Николая Александровича Бешенцева – Елизавете Николаевне, сестре Сергея Николаевича Бешенцева. У них родились дети: сын Александр 25 мая 1854 года, дочь Ольга 14 августа 1856 года, сын Николай 29 августа 1859 года и дочь Анна 16 июня 1860 года [152].

21 марта 1861 года Тверской губернатор П.Т. Баранов направил Н.Ф. Апыхтину письмо: «По случаю обнародования Высочайшего Императорского Величества Манифеста о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и на основании, утвержденного на этот предмет Положения, открываются ныне должности мировых посредников.

Принимая во внимание особую важность и значение этих должностей, и имея в виду, что от выбора лиц в Мировые Посредники будет зависеть успех всего этого дела, я имею честь покорнейше просить Вас почтить меня уведомлением, не изъявите ли Вы согласие на принятие означенной должности в том участке Бежецкого уезда, в котором находится Ваше имение.

Уверенный, что Вы принимаете самое живое участие в деле освобождения крестьян из крепостной зависимости и, не сомневаясь во всегдашней готовности Вашей принести посильные труды на пользу общества, я надеюсь, что в настоящем случае Вы не откажетесь принять на себя звание Мирового Посредника или, по крайней мере, позволите иметь Вас в виду кандидатом на эту должность, и в таком случае прошу Вас доставить мне ныне же документ о Вашей службе. Подпись: губернатор П.Т. Баранов» [153].

Через неделю, 28 марта 1861 года Н.Ф. Апыхтин направил Тверскому губернатору П.Т. Баранову формулярный список о своей службе с сопроводительным письмом: «Милостивейший государь Павел Трофимович. Имел удовольствие получить от Вас столь лестное для меня письмо от 21 марта сего года, в котором Вы желаете узнать мое согласие на принятие должности Мирового Посредника или, по крайней мере,

кандидата. Вполне постигаю, что значение этой должности сопряжено с немалым трудом и деятельностью принимающего эту обязанность, и состоит совершенно в благородном стремлении исполнить предприятие Государя Императора, даровавшего России новую жизнь в будущем. На этом убеждении я священною обязанностью ставлю себе, принять посильный труд свой в пользу общества, и вполне уверен, что как приглашение Ваше, а равно и доверие дворян, предлагавших мне, будет мною, сколько от меня только зависит, по возможности оправдано.

Формулярный список о службе моей имею честь Вам при сем предоставить. Подпись: Н.Ф. Апыхтин» [154].

Однако желание дворянина Николая Федоровича Апыхтина стать мировым посредником по своему участку не осуществилось. Мировым посредником 3-го участка Бежецкого уезда был назначен его сосед по имению А.Н. Неведомский из Подобина. 13 июля 1861 года Тверской губернатор П.Т. Баранов возвратил Апыхтину его документы с сопроводительным письмом: «За утверждением Правительствующим Сенатом мировых посредников по Бежецкому уезду и за назначением к ним кандидатов, считаю долгом возвратить доставленный мне документ о службе Вашей, впредь до могущей надобности, и прошу принять уверение моего к Вам почтения и преданности. Подпись: губернатор П.Т. Баранов» [155].

С этого времени во время своих выступлений на собраниях дворян в Бежецке, Теблешах, Рамешках и других селениях Апыхтин стал обвинять своего оппонента А.Н. Неведомского в излишней защите им крестьян. Об этом он также писал письма в разные инстанции, в том числе в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие. Он писал: «Господин Неведомский проводит произвольные действия, вынося все дела исключительно в пользу крестьян. Этим самым он желает заслужить от народа неограниченное доверие к званию Мировых Посредников. Защита крестьян, по мнению Неведомского, необходима, так как дворяне имеют больше прав и средств для своей защиты, и могут сами себя защитить. Но у дворянства в продолжении этого года права по своей защите были отняты. Дворяне жаловались мировому съезду, а он состоит из тех же лиц, и решения оставались в пользу крестьян. Жалобы дворян оставались без последствий, либо возвращались мировым посредникам для пересмотра. Дворянство усматривает, что мировым учреждениям нельзя лишать себя справедливой законной защиты» [156].

Н.Ф. Апыхтин искал возможность обвинить Неведомского даже в том, чего он не совершал. В 1864 или 1865 году он направил статью в газету «Московские Ведомости» о пожаре в его имении Замыцкая Гора: «Поджигатель, желавший поживиться во время пожара, был свой человек из дворовых людей, которых взрослых и еще живущих в усадьбе, и отказавшихся получить увольнительные акты до срока, оставалось до 10 человек. Мое подозрение пало на дворовую девку, поведения чрезвычайно нехорошего и воровку, никогда ни в чем не сознающуюся. Года за 4 до отмены крепостного права она была застигнута в преступлении, но я от суда над ней отказался.

В этот раз загорелась кухня, мы заливали ее водой и старались спасти от пожара 29 деревенских домов, покрытых соломой. Усадьба находится в 8 верстах от города, но исправник и становой долго не приезжали разбирать дело о поджоге. Они заявили, что пожар произошел от перегрева печной трубы, поджога не было и виновницу к ответственности они не привлекли. Оба они вступили в должность по ходатайству бывшего мирового посредника Неведомского из числа его агентов» [157].

Имеются сведения о работе кузницы, принадлежащей Н.Ф. Апыхтину в сельце Замыцкая Гора, за 1863 год. Одним из основных видов работ была подковка лошадей, стоимость одной подковы вместе с работой составляла 10 копеек. За январь 1863 года было подковано 18 лошадей, из них 10 – на все четыре подковы, остальные – на две подковы. За февраль подковано 8 лошадей, за март – 4 лошади, апрель – 2 лошади.

Кроме подковки лошадей в кузнице помещика Апыхтина проводились работы по наварке сошников, наварке топоров, изготовлению гвоздей и петель, оковка дубовых колес на кареты, одры и телеги, другие кузнечные работы. Всего за 1863 год в этой кузнице произвели работ на сумму 34 рубля 36 копеек [158].

Исправляющий должность Бежецкого уездного предводителя дворянства Абрам Егорович Нефедьев 25 июня 1862 года направил Н.Ф. Апыхтину письмо: «Начальник Тверской губернии просит Вас направить документы о службе для утверждения в должность кандидата Бежецкого уездного предводителя дворянства». Через два дня Н.Ф. Апыхтин доставил в Бежецк документы о своей службе вместе с сопроводительным письмом [159].

3 марта 1863 года Николай Федорович Апыхтин был определен судьей Бежецкого уездного суда. С 13 мая 1863 года по 1866 год исполнял обязанности предводителя Бежецкого уездного дворянства [160].

В марте 1871 года Тверской губернатор Афанасий Николаевич Сомов сообщил Н.Ф. Апыхтину, что указом Правительствующего Сената от 8 марта того года он утвержден кандидатом в Мировые Посредники Бежецкого уезда [161].

Умер Н.Ф. Апыхтин в 1875 году, 28 ноября того же года помещица вдова Елизавета Николаевна Апыхтина передала безземельному крестьянину Горскому в аренду всю без остатка пахотную и сенокосную землю в сельце Павшино Яковлевской волости Бежецкого уезда сроком на 10 лет. Вместе с землей она передала в аренду все усадебные строения, рабочий рогатый скот, хозяйственные принадлежности. По договору крестьянин Горский был обязан выплачивать Апыхтиной в первые 4 года по 300 рублей серебром в год, в последующие 6 лет – по 400 рублей серебром в год за аренду земли и всех переданных ему строений [162].

Председатель земской управы К.Н. Неведомский

Не суди о человеке по одежке, о книге – по обложке.

К.Н. Неведомский был председателем Бежецкой уездной управы с 29 сентября 1889 года до своей смерти 4 января 1899 года, не взяв за все годы работы ни одного отпуска.

К.Н. Неведомский родился 29 сентября 1848 года, воспитывался в Московской классической гимназии и вышел из 6 класса.

В 1876 году он женился на Варваре Петровне Ушаковой, дочери подполковника Петра Степановича Ушакова – помещика сельца Окулово Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Она была двоюродной сестрой по отцу владельцу имения в селе Беляницы Алексею Никитичу Татищеву.

Незадолго до свадьбы, 17 марта 1876 года нотариус города Ярославля совершил акт раздела и был заключен договор о разделе недвижимого имущества, оставшегося от подполковника Петра Степановича Ушакова. В числе наследников были: девица Варвара Петровна Ушакова, поручик 1-го Сумского гусарского полка Александр Петрович Ушаков и жена отставного штабс-капитана Екатерина Петровна Гальденберг, урожденная Ушакова, все наследники проживали в городе Бежецке Тверской губернии.

Варваре Петровне Ушаковой по акту раздела было передано недвижимое имущество:

- деревня Путятино Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии с 9 крестьянами и их душевыми наделами, с оставшейся после наделов землей в 14 десятин;
- деревня Григорово того же уезда с 26 крестьянами и их земельными наделами;
- деревни Иксаново и Кожевниково Пошехонского уезда Ярославской губернии с 33 крестьянами и их земельными наделами, также пустошь Трупики там же;
- деревня Паленово Мологского уезда с 17 крестьянами и их наделами.

Всего ей было передано 5 деревень с 147 крестьянскими наделами и 189 десятин свободной земли на сумму 19 992 рубля [163].

После женитьбы Константина Николаевича Неведомского на Варваре Петровне Ушаковой, она, как богатая наследница, стала владелицей движимого и недвижимого имущества дворянской усадьбы Подобино до своей смерти 30 мая 1896 года. Нужно отметить, что, несмотря на богатство, жены помещиков умели многое: шить, вязать, вышивать, выбивать узоры на ткани, варить варенье и самостоятельно управлять хозяйством.

Бежецким уездным земским собранием 29 сентября 1887 года К.Н. Неведомский был избран членом земской управы, а 29 сентября 1889 года избран председателем Бежецкой земской управы. С 1890 года находился в должности депутата Тверского губернского собрания дворянства. Получал жалованье 300 рублей в год. Происходил из потомственных дворян Тверской губернии. Родового имения не имел, имел благоприобретенное имение 90 десятин земли, а также усадьбу в сельце Подобино и при ней 290 десятин земли.

Лесов, как таковых, на землях дворян Неведомских и его деревень, не было, кроме мелколесья и кустарников. Был небольшой участок леса возле деревни Гостиницы под названием «Семенцево», из-за которого когда-то ранее были споры помещиков Карякиных и Герасимовых с карелами деревни Бережки Карело-Кошевского прихода.

Дворянин сельца Подобино Константин Николаевич Неведомский по праздникам вместе со своей женой и детьми ездил в село Синево-Дуброво, что в 7 километрах, в гости к Хилковым, женатым на его сестрах, когда те приезжали в свое имение. Бывали они в селе Беляницы, что в 16 километрах от Подобина, проезжая через Горку, Хонеево,

Синево-Дуброво, Поросятники и Рылово, навещая семью Татищева, женатого на тетке жены Неведомского. Дружил К.Н. Неведомский и с дворянином села Рыбинское Заручье П.Н. Мальковским, который служил вместе с ним в Бежецкой земской управе, а после смерти Неведомского стал опекуном его детей.

Одновременно К.Н. Неведомский был предводителем Бежецкого уездного дворянства. Предводители дворянства, выполняя общегосударственные обязанности, работали бесплатно, на общественных началах, поэтому одновременно были председателями земских управ, получая жалованье 300 рублей в год. Кроме проведения дворянских собраний, предводитель дворянства:

1. Председательствовал в ежегодном уездном земском собрании, которое открывалось ежегодно в сентябре и заседало не более 10 дней. Также участвовал в работе ежегодного губернского земского собрания, которое открывалось в конце ноября и продолжалось не более 20 дней.
2. Председательствовал в уездном съезде, который с 1893 года контролировал деятельность земских участковых начальников и городских судей.
3. Председательствовал в уездном училищном совете, который координировал работу всех, находящихся на территории уезда земских начальных народных училищ, церковно-приходских школ и школ министерства народного просвещения.
4. Проверял приговоры волостных и сельских сходов о высылке в Сибирь порочных членов сельского общества, после утверждения их земским участковым начальником.

Уездная управа была обязана надлежащим образом исполнять все решения ежегодного уездного земского собрания и училищного совета. По Положению 1864 года уездные земства избирали председателя управы и до 6 ее членов, законом 1890 года число членов сократили до 4. Бежецкое земство в 1877–1879 годах имело четыре члена, в 1880–1885 годах – три члена, с 1886 по 1896 годы – два члена управы. Один член управы был из дворян, второй – из крестьян. Обязанности членов управы распределялись по отдельным отраслям хозяйства.

По Положению от 1 января 1864 года земские управы являлись органами уездных местных собраний, в обязанности земских управ входило:

1. Составление смет расходов земства.

2. Подготовка всех нужных для проведения земских собраний сведений и заключений.
3. Надзор за поступлением земских доходов и их расходование.
4. Ведение, под наблюдением земских собраний, исков по имущественным делам земства.
5. Рассмотрение жалоб на волостные правления и нижестоящие земские управы.

В связи со смертью 4 января 1899 года председателя Бежецкой земской управы Константина Николаевича Неведомского 19 января был составлен формулярный список о его службе. Сказано, что К.Н. Неведомский, 50 лет, православный, за службу награжден орденом святой Анны 3 степени, серебряной медалью в память коронования императора Николая II, темно-бронзовой медалью за всеобщую перепись 1897 года. Вдов, имел дочерей Анну, 21 год; Варвару 17 лет; Елену, 16 лет; сыновей Владимира, 12 лет и Николая, 9 лет [164].

За годы работы К.Н. Неведомского председателем Бежецкой земской управы земство достаточно много сделало для развития образования, медицины, помощи помещикам и крестьянам уезда. В период его работы на этой должности в 1895–1897 годах была проведена денежная реформа. До этого времени в России действовали серебряный рубль и бумажный рубль, который со временем обесценился из-за значительного выпуска. К 1895 году стоимость одного серебряного рубля равнялась полутора бумажных рублей.

Председатель правительства С.Ю. Витте предложил перейти на «золотой рубль». Всем отделениям Государственного банка было разрешено покупать золото, некоторые из них получили право производить платежи золотой монетой. Был установлен курс «золотого рубля», а именно: за пятирублевую монету – 7 рублей 40 копеек в бумажной валюте. Едиными золотыми монетами были признаны 5-рублевая и 10-рублевая монеты новой чеканки. Укрепление рубля привело к оживлению экономики, золотые рубли находились в обороте страны до 1914 года.

Во второй половине XIX века Бежецкий уезд был самым большим по численности населения – 311,1 тысяч человек. Следующий за ним Вышневолоцкий уезд по численности отставал в 1,43 раза. В общей сложности 72,6% земли в уезде принадлежало крестьянам, как в общинной собственности, наделов, так и личной собственности, а 8,9% – дворянам. В сравнении с 1877 годом средний размер дворянского землевладения в уезде сократился с 698,5 десятин до 258,3 десятин или в 2,7 раза.

Основной доход, а именно 82,6% Бежецкое земство получало от сбора с земельных владений, 5,1% – от сбора с фабрик, заводов и торгово-промышленных заведений, 3,5% – с городского недвижимого имущества и 8,8% – с торговых документов.

Все земли Бежецкое земство разбило на три группы: хозяйственные земли – пашни и сенокосы, земли, сдаваемые в аренду, и земли, занятые лесами и зарослями. Одна десятина хозяйственной земли оценивалась в пределах 17,7–18,9 рублей, а продажная ее цена составляла 66,5 рублей.

Деятельность земства изменило состояние образования, медицины, сельского хозяйства и статистики в уезде. Большое внимание земство уделяло статистике. Чтобы эффективно управлять уездом, надо располагать достоверными данными о нем. Бежецкие земцы проделали огромную работу для подготовки точных сведений в «Сборники материалов для статистики Тверской губернии», в «Материалы для истории Тверского губернского земства» и другие труды.

При К.Н. Неведомском резко изменилась структура распределения расходов по отраслям, направляя основные средства на медицину, народное образование и общественное призрение.

Расходы Бежецкого земства	1868 год	1890 год
На правительственные учреждения	53,6%	24,6%
Содержание земской управы	9,9%	8,2%
Устройство мест заключения	13,2%	0,9%
Обустройство дорог и мостов	4,9%	5,5%
Народное образование	4,1%	20,5%
Общественное призрение	0,8%	7,2%
Медицинская часть	7,4%	27,5%
Разные расходы	6,1%	4,2%

Была введена дополнительная статья расходов «Отчисление на образование запасных сумм» – 1,4%, такой строки в 1868 году не было.

К 1870 году во всем Бежецком уезде работали 2 врача и 10 фельдшеров, из них 6 фельдшеров – на фельдшерских пунктах, остальные – дома. За год каждый врач принимал по 2200 человек. К 1890 году стали работать 6 врачей, которые принимали в год по 4500 человек, и 13 фельдшеров. Работала одна Бежецкая городская больница и 12 ме-

дицинских пунктов: Беляницкий, Горкинский, Жолобовский, Замытский, Зареченский, Заручьевский, Киверичский, Княжевский, Мелиховский, Надеждинский, Толмачевский и Трестенский. По каждому медицинскому пункту расходы составляли от 990 до 1300 рублей в год на жалованье фельдшерам, питание больных, отопление, освещение, ремонт помещений и другие расходы [165].

Развитие образования в уезде

Важнейшим направлением земства являлось народное образование, содержание школ составляло самую большую статью в его бюджете. За 9 дней до назначения К.Н. Неведомского председателем Бежецкой уездной управы, 20 сентября 1889 года его предшественник, бежецкий уездный предводитель дворянства, председатель училищного совета и председатель земской управы Алексей Никитич Татищев подготовил доклад о состоянии народного образования. Нужно отметить, что этот доклад А.Н. Татищев написал собственноручно, внеся туда многочисленные поправки.

К тому времени в Бежецком уезде насчитывалось 47 начальных народных училищ и 28 церковно-приходских школы. Число школ грамотности в тот год точно не было установлено, так как они, то открывались, то закрывались. Если, например, в 1883 году насчитывалось 398 школ грамотности, то в 1887 году – всего 150. Уменьшение их числа, прежде всего, было связано с открытием церковно-приходских школ, в 1888–1889 учебном году было дополнительно открыто 3 школы.

В начальных народных училищах работали 47 законоучителей, 19 учителей, 31 учительница, 4 помощника и 31 помощница. Высший оклад учителей составлял 275 рублей, учительниц 250 рублей, помощников 120 рублей, помощниц – 150 рублей. К 1 января 1889 года в городе Бежецке обучалось 159 мальчиков и 185 девочек, в уезде обучалось 2736 мальчиков и 436 девочек.

Члены училищного совета наблюдали за работой народных училищ и предоставили отчеты: Н.Ф. Змиев по 6 училищам, Л.И. Львов по 5 училищам, К.Н. Неведомский по 5 училищам, председатель училищного совета А.Н. Татищев по 10 училищам. Кроме того, добровольно наблюдал за работой 3 училищ и 3 церковно-приходских школ дворянин А.С. Паскин [166].

Через четыре с небольшим года работы председателем земской управы К.Н. Неведомского, на 1 января 1894 года в Бежецком уезде работали 237 школ. Из них: 53 земских народных начальных училища, как трехлетние, так и четырехлетние, 47 церковно-приходских школ и 133 школы начальной грамоты. Во всех этих начальных школах уезда обучались 8811 учеников, из них 6954 мальчика и 1857 девочек. Число учащихся мальчиков в 1894 году составляло 6,49% ко всему населению мужского пола, число учащихся девочек составляло 1,43% ко всему населению женского пола уезда.

По итогам Всеобщей переписи населения 1897 года в Бежецком уезде число грамотных мужчин составляло 35,72%, грамотных женщин – 6,89%. По грамотности населения Бежецкий уезд находился на 8-м месте из 12 уездов Тверской губернии, хуже положение с грамотностью обстояли лишь в Зубцовском, Вышневолоцком, Ржевском и Осташковском уездах. Но если грамотность дворян и чиновников в среднем по Тверской губернии составляла тогда 81,51% у мужчин и 79,85% у женщин, то у сельского населения – 35,93% у мужчин и 8,69% у женщин [167].

Во время руководства К.Н. Неведомским Бежецкой земской управой, начиная с 1894 года, в городе Бежецке стали открываться книжные магазины и книжные лавки. К 1908 году в Бежецке насчитывалось 11 книжных магазинов и лавок. На Большой улице работали 5 магазинов и лавок: Бабунова с сыновьями, Георгия Осташевского, Петра Рудакова, купца Григория Волкова и Варвары Репиной. На Торговой площади действовали 4 книжных лавки: Александра Горева, Ивана Горева, Ивана Русина и Василия Гагина. На Постоялой улице находился книжный магазин Павла Шестова и книжная лавка Александра Козлова [168].

Будучи председателем земской управы, К.Н. Неведомский добился открытия в 1895 году собственной земской типографии. Кроме Бежецка свою типографию имело только Корчевское земство, остальные земства печатали свои материалы в типографии Тверского губернского земства или в частных типографиях. Открытие типографии дало возможность Бежецкому земству сэкономить значительные суммы денег при печатании материалов для своих потребностей, и получать сверх того порядочную прибыль.

Помощь земства помещикам и крестьянам

В числе других задач на земство законом была возложена обязанность способствования местному земледелию. Для снабжения населения орудиями для обработки земли, семенами, удобрениями и машинами, Бежецкое земство в 1890 году устроило сельскохозяйственный склад. Этот сельскохозяйственный склад был устроен земством не для получения больших барышей, а для доставки крестьянам самого необходимого. Поэтому процент прибыли на товары склада лишь покрывали расходы на перевозку, страховку, хранение и порчу товаров. Если в земство поступала какая-то прибыль, то она шла на развитие склада, на устройство сельскохозяйственной школы и другие нужные цели.

Все фабрики и заводы делали Бежецкому земству большие уступки, поэтому товары на складе земства были дешевле, чем на рынке или в общей торговле. Например, плуг «Московский» стоил на фабрике 7 руб. 50 коп., а на складе в Бежецке – 6 рублей, рязанские плуги стоили на складе по 5 руб. 75 копеек. Чем больше земство выписывало товаров, тем больше скидки делали фабрики. В торговле продавались более дешевые плуги «Погорельские» и «Рижские» по 4 руб. 50 коп., но склад их не покупал, так как они требовали ежегодной смены частей. Плуги «Московский» и «Воткинский» работали от 5 до 7 лет без замены лемехов.

Семена клевера на сельскохозяйственном складе Бежецкого земства были дороже на 1 руб. 50 коп. за пуд (16 кг), чем в торговле. Это объяснялось тем, что привозные семена германского или американского клевера были хороши на вид, стоили менее 8 рублей за пуд, но являлись недоброкачественными. Они очень засорены, в них много примесей сорных трав, а чистые семена плохо всходили.

При исследовании семян этого клевера было обнаружено от 30 до 50 чистых семян из 100. В семенах клевера, что продавались на складе земства, чистых семян оказывалось 85–95 из 100. Получалось, что при таких условиях за торговый клевер надо платить не 7–8 рублей за пуд, а 4–5 рублей за пуд. Крестьяне покупали семена клевера на складе земства, так как убедились, что от торговых семян клевер был низкорослым, редким, засоренным пикулей и конским клевером. Клевер из семян склада выходил на посевах чистым, густым и высоким. Клеверосеяние в конце XIX века было делом новым, семена дорогие, поэтому крестьяне делали правильный выбор, покупая их на складе земства.

Нужно отметить, что мужики, привыкшие получать сено с естественных сенокосов, долго противились посевам клевера на полях по ржи, пшенице или овсу. Объяснение знающих людей, что клевер нужен не только для рациона коровам, но и повышает плодородие почвы, мужиками не сразу принимались в расчет.

В 1899 году Бежецкое земское собрание утвердило правила на отпуск машин и орудий со склада земства на льготных условиях.

1. Плуги отпускались в долг до 1 ноября того года, в который год плуг выдан со склада.
2. Зерноочистительные машины отпускались в долг с рассрочкой платежа на 2 года: 1 декабря того года, в который взята машина, уплачивается одна треть ее стоимости, к 1 декабря следующего года – остальные две трети.
3. Молотилки отпускались в долг с рассрочкой платежа до 5 лет.
4. Обеспечением служила выданная в долг машина, которую управа имела право отобрать в случае несвоевременной уплаты. Кроме того, взыскать за подержание машины часть ее стоимости, если не произошло в ней повреждений.
5. Плуги отпускались отдельным крестьянам по удостоверениям их личности волостным правлением.

Для улучшения посевного зерна, кроме продажи семян и зерноочистительных машин всякому желающему разрешалось очищать свое зерно на сортировках в самом складе за небольшую плату. Как видно из правил отпуска машин и орудий, малосостоятельным лицам земство со склада отпускало плуги, сортировки, семена, удобрения в ссуду на разные сроки. На льготных условиях отпускались также травяные семена селениям, которые начинали проводить травосеяние всей общиной.

Для улучшения породы скота Бежецкое земство раздавало в некоторые селения бесплатно бычков. Для улучшения породы лошадей устраивало в Бежецке и некоторых местах уезда случные пункты с породистыми жеребцами, случки с которыми были бесплатными.

Для обучения крестьянских детей сельскому хозяйству, Бежецкое земство устроило сельскохозяйственную школу. Она размещалась в казенном имении Зыкова, что в деревне Далёки (ныне Кесовогорский район Тверской области. **– А.Г.**). Бежецкое земство для этой школы купило в 1883 году за 500 рублей двухэтажный дом на каменном фундаменте у дьякона Образцова, проживавшего в Дьяконовом хуторе.

На перевозку дома и установку его в деревне Далёки было израсходовано еще 1060 рублей. Учащиеся школы жили на втором этаже, обучались на первом этаже двухэтажного особняка. Носили форму – гимнастерки, фуражки и шинели. Сельскохозяйственная школа готовила агрономов, зоотехников и землемеров.

Исследование и обустройство дорог

Одной из задач уездного земства было обустройство и содержание дорог и мостов. Они проводили исследование дорог и составляли списки дорог, подлежащих улучшению за счет специального дорожного капитала, предусмотренного законом от 1 июня 1895 года. В Бежецком уезде насчитывалось 16 наиболее важных трактов общей протяженностью 540 верст, из них 7 трактов междууездного назначения протяженностью 232 версты, в том числе: Тверской, Максатихинский, Краснохолмский, Кашинский. Второстепенными считались Рыбинский, Угличский и Корчевской тракты. От них отходили 12 побочных ветвей грунтовых дорог протяженностью в 267 верст.

Рыбинский тракт был, хотя и коротким в 28 верст до границы с Кашинским уездом, но одним из самых заселенных, где на одну версту приходилось 14 дворов. Больше всего дворов на версту приходилось на тракт Максатиха-Трестна – 16 дворов, Лихославль-Толмачи – 15 дворов на одну версту. В то же время, на Краснохолмском тракте приходился 1 двор на одну версту, на Тверском тракте – 9 дворов на версту.

Грунтовые дороги связывали между собой деревни и погосты, выводили их жителей в города и села на торговые ярмарки. Земские управы были обязаны содержать в надлежащем состоянии, как сами дороги и тракты, так и почтовые станции, дорожные сооружения и мосты. Законом от 1 июня 1895 года земства были освобождены от некоторых обязательных расходов, с переводом их на казну, с тем, чтобы освободившиеся в земском бюджете суммы направлялись на создание специальных дорожных капиталов.

Многие бежецкие земцы неоднократно высказывались за передачу дорожного обустройства централизованно губернскому земству. Об этом, например, говорили на уездном земском собрании в городе Бежецке 4 октября 1895 года гласные Л.А. Ушаков, А.Д. Способин,

А.И. Хилков и А.С. Паскин. Они заявляли, что при передаче дорожного обустройства губернскому земству дороги в губернии станут значительно лучше. В то же время бежецкие дворяне-земцы Н.А. Трубников и Л.А. Ушаков выделили собственные деньги на ремонт мостов на тракте Бежецк-Тверь через реку Молога в Бежецке, речки Сырцевка, Каменка, Шуя и Осиновец.

На практике закон от 1 июня 1895 года о дорожных капиталах работал плохо, 24 декабря 1896 года министр внутренних дел писал министру финансов, что дорожные деньги тратятся земствами на другие цели. Некоторые земства покрывали этими суммами общие недоборы по земским сметам. Разъяснение через губернаторов земским учреждениям о несоответствии их образа действий оказывались бесполезными.

Основу грузового движения по грунтовым дорогам составляли крестьянские грузы. С одной стороны крестьяне везли продукты своего хозяйства на рынки. По Бежецкому уезду на первом месте по продаже крестьянами на ярмарках было сено, в среднем по 21,5 пуду с одного двора, далее была рожь по 11 пудов, льноволокно по 8,8 пудов, картофель по 4,8 пуда, льносемена – 3,3 пуда с одного крестьянского двора.

С другой стороны, на рынках закупали товары массового потребления и домашнего обихода. В Бежецком уезде больше всего на рынках покупали соли в среднем по 4,8 пуда на один крестьянский двор, керосина по 1,3 пуда, сахару по 1,1 пуда, масла постного по 0,6 пуда, мыла – 0,4 пуда с одного двора.

По грузам, доставляемым крестьянами на рынок, можно было даже определить состоятельность населения. С каждого крестьянского двора груз в 190 пудов в год вывозили на рынок в Ржевском и Зубцовском уездах за счет льнопродукции. Меньше всего, в среднем по 100 пудов в год вывозили на рынок с крестьянских дворов Осташковского и Весьегонского уездов. По Бежецкому уезду этот показатель составлял по 140 пудов грузов с каждого крестьянского двора [169].

Нужно отметить, что к концу XIX века крестьяне Бежецкого уезда на своих надельных полях в основном сеяли озимую рожь, а весной – овес, ячмень и лен, посевы которого составляли 1/3 от площади посевов озимой ржи. Ни крестьяне, ни помещики в уезде тогда не сеяли яровую пшеницу и рожь, незначительные площади занимали посевы озимой пшеницы и озимого ячменя, а также гречихи, гороха и коноп-

ли. С крестьянских надельных полей убирали в 20 раз больше льноволокна, в 12,5 раз больше льносемян, в 10 раз больше семян и волокна конопли, чем с помещичьих полей, почти при равной урожайности. Один пуд (16 килограмм. **– А.Г.**) ржи в уезде стоил от 0,95 до 1,05 рубля в зависимости от сезона, дороже с января по август.

* * *

После смерти в январе 1899 года Константина Николаевича Неведомского предводителем уездного дворянства и председателем Бежецкой земской управы был избран Никанор Арсеньевич Трубников, владелец имения Михнево, что в 7 верстах от Застолбья. Членами управы по-прежнему оставались дворяне П.Н. Мальковский, Л.И. Ревякин и Ф.И. Андреев, бухгалтером оставался Зотов. Усадьба Федора Ивановича Андреева находилась в деревне Аникуша Княжевской волости.

Согласно отчету о работе Бежецкой земской управы за 1900 год расходы на уплату губернских повинностей по Бежецкому земству составляли 37 048 рублей и дополнительно пени в сумме 1700 рублей, отчисления на дорожный капитал – 14 118 рублей. В разные расходы на 1900 год, в числе прочих, Бежецкая земская управа включила 110 рублей на изготовление портрета К.Н. Неведомского и пособие на образование его детей Николая и Варвары в сумме 800 рублей в год.

В 1904 году председателем Бежецкой уездной земской управы был избран Павел Николаевич Мальковский, членами управы являлись Ф.И. Андреев и Ф.А. Гущин, который одновременно являлся заведующим земской типографией.

Через три года председателем управы был избран Леонид Елпидифорович Сысоев, при нем П.Н. Мальковский оставался членом управы до своей смерти в 1909 году. Кроме него, членами управы в 1907 году были И. Тимофеев и А. Бычков, а с 1909 года – Александр Иванович Сидорский и А.Ф. Лосев.

В 1915 году обязанности председателя Бежецкой земской управы исполнял дворянин А.Ф. Лосев, членами управы тогда были П.М. Смирнов и П.П. Соловьев.

В городе Бежецке уездная земская управа работала с 1866 года до 20 января 1918 года, в тот день власть в городе захватили большевики.

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков

Виски поседеют и человек поумнеет.

С момента введения должности земского начальника в 1889 году Бежецкий уезд был разделен на 9 участков земских начальников. Земским начальником 7-го участка Бежецкого уезда, к которому относилась Бокаревская волость, с первых дней введения должности служил князь ***Александр Иванович Хилков.***

Александр Иванович Хилков родился 20 ноября 1833 года в семье князя Ивана Александровича (1803–1874 гг.) и дочери помещиков села Синево-Дуброво Бежецкого уезда Луниных, Евдокии Михайловны (1804–1874 гг.). Нужно отметить, что во второй половине XVIII века село Синево-Дуброво было вотчиной Савеловых, имевших более 500 душ крепостных крестьян. В первой четверти XIX века Савеловы продали село вместе с землей и крепостными крестьянами помещице Луниной.

Будучи старшим сыном княжеского рода, Александр Иванович Хилков, носил титул «князь», как его отец и младшие братья, Михаил Иванович и Николай Иванович Хилковы. Александр Иванович, находясь на службе до средины 1880-х годов, проживал в Санкт-Петербурге. Был женат на Евдокии Петровне Родзянко, дочери Петра Петровича и Марии Васильевны Родзянко. Известно, что у Александра Ивановича и Евдокии Петровны была дочь Ольга, 1877 года рождения.

Семья его отца Ивана Александровича Хилкова в начале своего становления после свадьбы переезжала жить с места на место, так как в имении оставались проживать его братья, сестры и многочисленные родственники. Сначала они в 1827 году уехали в Санкт-Петербург, в 1829 году вернулись в свое имение, где прожили около двух лет. В 1831 году уехали жить в Москву, жили там сначала в доме отставного поручика Дмитрия Львовича Бычкова, затем, с 1836 года – в доме Григория Петровича Высоцкого, с 1839 года – в доме княжны Анны Ивановны Засекиной. В семье Ивана Александровича и Евдокии Михайловны Хилковых было 10 детей, до первенца Александра Ивановича рождались одни дочери:

– Александра Ивановна (18.11.1828–10.07.1854 гг.), вышедшая замуж за графа Железнова, умерла в возрасте 25 лет, похоронена в селе Головское;

- Елизавета Ивановна (13.10.1829–23.11.1888 гг.), была дважды замужем, сначала за Кукол-Яснопольским, от которого родила троих детей, затем вышла замуж за П.И. Оранского. Умерла в возрасте 59 лет, похоронена в Курской губернии;
- София Ивановна (1831–1918 гг.), проживала в селе Синево-Дуброво, умерла в возрасте 87 лет, похоронена в селе Головское;
- Ольга Ивановна (23.06.1832–02.02.1856 гг.), умерла в возрасте 23 года, похоронена в селе Головское.

В 1840-х годах Иван Александрович с семьей переехал жить в свое имение Синево-Дуброво Бежецкого уезда Тверской губернии, став его владельцем. Он прожил 87 лет, умер 26 ноября 1890 года.

Его старший сын Александр Иванович вместе с женой Евдокией Петровной (Родзянко) вернулся в имение из Санкт-Петербурга во второй половине 1880-х годов.

О втором сыне Ивана Александровича и Евдокии Михайловны Михаиле Ивановиче, который дослужился до Министра путей сообщения, написано достаточно много.

Их младший брат Николай Иванович Хилков (01.06.1843–1884 гг.) до 1864 года жил в Москве. В 1864 году он приехал в имение отца, женился на Ольге Николаевне Неведомской (23.12.1845–03.02.1901 гг.). Принял от управляющего имением 5 лошадей, хомуты рабочие, коренные и городские, дуги простые и городские, седелки простые и городские. А также – тарантас, одноколку, сани троечные и маленькие [170].

Как было сказано выше, в имении мужа Синево-Дуброво они жили непродолжительное время, в 1865 году переехали в Бежецк, где у них 26 апреля 1866 года родился сын Степан. В 1867 году они переехали в Винницкую губернию, оттуда семья перебралась в Санкт-Петербург, где Николай Иванович Хилков закончил свой жизненный путь после 1884 года.

* * *

Канцелярия земского начальника 7-го участка Александра Ивановича Хилкова располагалась в своем имении Синево-Дуброво. Бокаревское волостное правление находилась в селе Глазово, в 4 километрах от Синево-Дуброва. В 7-й участок земского начальника А.И. Хилкова были включены *Бокаревская, Княжевская и Новская волости.*

Самой важной проблемой государственные структуры считали обеспечение населения хлебом. Земскому начальнику 7-го участка, как и всем другим, 5 августа 1893 года из канцелярии Тверского губернатора Павла Дмитриевича Ахлестышева было направлено письмо, где сказано: «Из полученных сведений выясняется, что урожай хлебов в текущем году в Тверской губернии можно признать удовлетворительным. Это дает возможность увеличить продовольственные натуральные запасы и привести хлебозапасные магазины в достойный порядок путем настоятельных требований земства о засыпке в магазины хлеба. О ходе засыпки хлеба в магазины вверенного Вам участка и положении последних предлагаю Вам предоставлять мне сведения через каждые две недели. Губернатор, П.Д. Ахлестышев» [171].

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков дал поручение волостным старшинам, в том числе Бокаревскому волостному старшине Никите Одинцову передавать ему сведения о засыпке хлеба в хлебозапасные магазины. Волостной старшина Никита Одинцов периодически передавал сведения Хилкову, сообщая, что на 1 января 1893 года по волости было 38 хлебозапасных магазина, из них 13 – в карельских деревнях. К 1 ноября 1893 года в 13 карельских деревнях Корельского Кошевского прихода, в которых насчитывалось 646 ревизских душ, было засыпано по 666 четвертей как озимого, так и ярового хлеба.

В переводе на тонны в карельских деревнях в хлебозапасные магазины было засыпано на 1 ноября 1893 года в каждой деревне по одной четверти озимого хлеба и одной четверти ярового хлеба на каждую ревизскую душу. Это составило 140 тонн озимого хлеба и 140 тонн ярового хлеба, всего 280 тонн, по 420 килограммов на одну ревизскую душу или по 140 килограмм на одного едока. Недоимок в карельских деревнях по озимому и яровому хлебу не было, кроме 8 четвертей (1680 килограмм. **– А.Г.**) озимого хлеба в деревне Калиниха. Тогда же у крестьян Карело-Кошевского сельского общества не было недоимок и по возврату взятых во время весеннего сева семян [172].

Земский начальник 7-го участка князь Хилков 18 января 1893 года поручил волостному старшине Никите Одинцову провести дознание по факту бунта, происшедшего в церкви села Синево-Дуброво. После проведения дознания волостной старшина доложил князю Хилкову, что в тот день, 18 января в церкви села Синево-Дуброво венчался Иван Иванов с дочерью сельского старосты Осипа Николаева Дарьей Осиповой. В это время письмоводитель земского начальника

7-го участка Хилкова Иван Васильев был в церкви вместе с учителем церковно-приходской школы Александром Петровичем Вытчиковым.

К ним подошла пьяная Дарья Егорушкова и стала оскорблять письмоводителя Васильева, тот ударил ее. Это увидал Иван Премин, подошел к Васильеву, стал оскорблять его, потом ударил кулаком по губам. Васильев ушел из церкви и сообщил о случившемся земскому начальнику Хилкову. Бокаревский волостной суд 9 февраля 1893 года рассмотрел уголовное дело по заявлению письмоводителя земского начальника 7-го участка Ивана Васильева за оскорбление его действием со стороны Ивана Ивановича Премина. Премин в суд не явился, свидетельницу Дарью Егорушкову не вызывали, вызвали лишь учителя А.П. Вытчикова.

Волостной суд постановил: за оскорбление действием письмоводителя Васильева крестьянина И.И. Премина подвергнуть простому аресту на пять суток при волостном правлении, о чем ему объявить через сельского старосту [173].

Все земские начальники провели большую подготовительную работу к первой всеобщей переписи. Тверской губернатор Ахлестышев 20 марта 1896 года дал поручение всем земским начальникам губернии в связи с утверждением 5 июня 1895 года Положения о первой всеобщей переписи населения Российской империи.

Положением заведование переписными участками возлагалось, в основном, на земских начальников. Они были обязаны заблаговременно передать счетчикам по два списка населенных мест, находящихся в назначенном каждому счетчику участке, с точным обозначением границ этого участка. Первый список с поселениями участка на землях сельских обществ, второй – на владельческих усадьбах, казенных, церковных и других землях. Передать также поименные списки всех домохозяев по каждому селению отдельно, списки всех владельцев домов и дворов, не входящих в состав сельских обществ.

Списки населенных мест обязаны были составить уездные исправники и представить их в Тверской губернский статистический комитет к 1 мая 1896 года. Уездные исправники должны были оказывать содействие земским начальникам в получении извлечений из списков населенных мест по участкам [174].

В ответ на запрос многих земских начальников об оплате счетчикам за работу, Тверской губернатор Ахлестышев в письме от 13 сентября 1896 года сообщал, что согласно утвержденной смете расходов, счетчик за работу в городе получит 7 рублей, за работу в уезде – 12 рублей.

Бежецкая уездная переписная комиссия 30 октября 1896 года сообщила князю А.И. Хилкову, что на него возложена обязанность заведования 7-м переписным участком, куда входили Бокаревская, Княжевская и Новская волости. Съезд заведующих участковыми комиссиями был назначен на 21 ноября с 11 часов дня. Начало всеобщей переписи определено с 27 января 1897 года [175].

В инструкции земского отдела Министерства внутренних дел было определено, что всеобщей переписи подлежат все жители империи обоего пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени, как русские поданные, так и иностранные. В перепись о каждом лице заносились сведения:

- имя, отчество и фамилия или прозвище;
- семейное положение – холост, женат, вдов или разведен;
- отношение к хозяину дома – родственник, свойственник, приемыш, жилец или работник (свойственник – это родственник одного супруга для другого супруга. **– А.Г.**);
- пол, возраст, вероисповедание, место рождения;
- место постоянного жительства или место прописки, а для иностранцев, сверх того, и подданство, место постоянного пребывания;
- родной язык, грамотность, занятие, ремесло, промысел;
- важнейшие физические недостатки – слепота, немота, глухонемота, душевная болезнь [176].

Волостной старшина Никита Одинцов представил земскому начальнику 7-го участка князю Хилкову именные списки крестьян деревень Бокаревской волости. Также ему были представлены именные списки крестьян по Княжевской и Новской волостям. Были представлены списки по барским усадьбам, среди них:

- Слепнево – усадьба в Новской волости, хозяин Лев Иванович Львов, семья 5 человек;
- Подобино – усадьба Константина Николаевича Неведомского, в семье 7 человек, он с женой и пятеро детей;
- Панцино – усадьба Ивана Ниловича Серова, в ней проживают 15 человек;
- Талашманы – усадьба купца Ивана Федоровича Крылова, в ней проживают 22 человека [177].

Земскому начальнику 7-го участка А.И. Хилкову приходилось рассматривать жалобы крестьян и приговоры волостного суда по многим

вопросам. Одна из многочисленных категорий жалоб – попытки вернуть на родину из Санкт-Петербурга мужей, сыновей или заставить их высылать деньги семьям.

6 октября 1899 года крестьянка деревни Сорокино Анна Алексеевна Михайлова обратилась с заявлением в Бокаревское волостное правление. Она просила помочь вернуть из Санкт-Петербурга ее мужа Василия Михайлова, который отлучился туда четыре года назад. Денег на поддержание хозяйства, уплаты податей и содержание двух малолетних детей не высылал. Она писала, что их крестьянское хозяйство приходит в крайнюю бедность. Василий Михайлов жил в Санкт-Петербурге без паспорта, старый паспорт он выслал ее для обмена на новый.

Анна Михайлова просила волостное правление не выдавать мужу новый паспорт, а его через высшее начальство вернуть на родину, она указала его адрес проживания. За неграмотную крестьянку заявление писал волостной писарь Иван Чикунов.

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков направил всю переписку вместе с заявлением Михайловой приставу 2-го участка Нарвской части Санкт-Петербурга. В ответ он получил отписку пристава от 31 октября 1899 года, что выполнить просьбу жены Михайлова не может, для этого нужно постановление земского начальника о его высылке, которое он, пристав, исполнит немедленно.

2 июня 1900 года волостной старшина Никита Сладков сообщил князю Хилкову, что паспорта Василию Михайлову не возобновлено, где он находится, никто в деревне Сорокино не знает. Его жена Анна Михайлова по-прежнему ходатайствует о высылке мужа на родину. В декабре 1900 года земский начальник 7-го участка князь Хилков возвратил всю переписку вместе с заявлением Бокаревскому волостному старшине, предписав ему объявить крестьянке Михайловой, что, не имея закона, дающего право жене требовать в высылке на родину отсутствующего мужа, ее ходатайство удовлетворено быть не может [178].

Оставались без удовлетворения многие другие жалобы и заявления, в том числе крестьянки деревни Шалагино Марии Михайловны Дудкиной о взыскании денег с ее сына, проживавшего в Санкт-Петербурге. В заявлении она писала, что сын Василий Степанов Дудкин, проживая в Санкт-Петербурге, в последнее время не высылал ей денег на уплату казенных и мирских сборов. Все хозяйство пришло в край-

нюю бедность, из всего имущества имеется лишь одна жилая ветхая изба с двором, больше ничего нет. Усадьба и полевой надел, данные на две души, не обрабатываются, в аренду их никто не берет по случаю истощения земли.

М.М. Дудкина просила помочь взыскать с сына 15 рублей на уплату накопившихся недоимок по податям и сборам, а также обязать сына высылать по 5 рублей в месяц на уплату податей и ее содержание. На это заявление пристав 2-го участка Александро-Невской части Санкт-Петербурга сообщил земскому начальнику 7-го участка князю Хилкову, что, за неимением закона он без решения суда не может произвести взыскание с Дудкина в пользу матери [179].

5 декабря 1900 года крестьянин деревни Постерегишино Алексей Васильевич Сумерин обратился с заявлением к земскому начальнику князю Хилкову, указав, что его вместе с законною женой и детьми выгнал из дома отец. Заявление было направлено на рассмотрение сельского схода деревни Постерегишино, сход отказал в разделе земли между отцом и сыном, но письменного приговора не постановил. В связи с этим князь Хилков постановил заявление Сумерина оставить без удовлетворения [180].

В то же время жители этой деревни производили семейные разделы в подобных случаях. На своем сходе 15 апреля 1901 года они составили приговор на семейный раздел Латышевых. В деревне тогда числилось 88 душ и 35 домохозяев, староста деревни Степан Иванов. Согласно приговору сельского схода от отца Дмитрия Савельева (Латышева) отделялся его сын Андрей Дмитриев. До раздела семейство состояло из рабочих 3 душ мужского пола, 3 душ женского пола и 4 нерабочих душ мужского пола.

После раздела в семействе Андрея Дмитриевича Латышева стало рабочих 1 душа мужского пола, 1 душа женского пола и 2 нерабочих души мужского пола. В семействе отца Дмитрия Савельевича Латышева осталось рабочих 2 души мужского пола, 2 души женского пола и 2 нерабочих души мужского пола.

В приговоре сказано, что поводом к разделу послужило увеличение семейства и неуживчивость делящихся родственников. Сын Андрей Дмитриевич получил от отца полевой надел за усадебную землю. После смерти отца к дому ему не подступаться. В приговоре записаны крестьяне деревни, участвовавшие в сходе, приговор подписал волостной старшина Никита Сладков [181].

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков, в силу данных ему полномочий, не только рассматривал бытовые жалобы и заявления, но и на решения волостного суда.

18 июня 1900 года Бокаревский волостной суд в составе председателя Ивана Арсеньева, членов Михаила Алексеева, Федора Вихорева, Дмитрия Иванова рассмотрел дело крестьянина деревни Горбовец Василия Кузьмина о взыскании с общества крестьян деревни Гостиницы 15 рублей за потраву посевов ржи на земле, арендуемой им у господ Неведомских. Свидетели Леонтий Петров и Наталья Федорова заявили, что видели и выгоняли с поля ржи около 50 коров в мае того года.

Суд взыскал с общества крестьян деревни Гостиницы в пользу Василия Кузьмина 15 рублей. Земский начальник князь Хилков оставил жалобу виновных без удовлетворения. Нужно отметить, что согласно списку лиц, могущих быть присяжными заседателями Бокаревского волостного суда, в 1902 году включены грамотные карелы, имеющие собственность: Федор и Василий Кузьмины из деревни Акиниха, Михаил Николаев и церковный староста Михаил Алексеев из Гремячихи, Василий Федоров из Муравьева, который прослужил полный срок волостным судьей [182].

По поручению земского начальника волостному старшине Никите Сладкову приходилось составлять много актов о несостоятельности крестьян, на которых был наложен штраф в сумме 1–2 рублей за неявку в суд в качестве свидетеля.

Например, во исполнение постановления земского начальника 7-го участка князя Хилкова старшина Никита Сладков с понятыми прибыл 10 января 1900 года в деревню Сараево для взыскания с крестьянина Кузьмы Никитина 1 рубля за неявку по вызову в суд в качестве свидетеля. Был составлен акт, в котором указали, что Никитин Кузьма имеет одну избу, надельную полевую и усадебную землю, лошадь, корову, носильное платье и больше ничего не имеет. В связи с тем, что Никитин Кузьма к уплате 1 рубля оказался несостоятельным, и был составлен акт, который направили земскому начальнику 7-го участка. Князь Хилков 14 января 1900 года рассмотрел этот акт и принял решение об аресте Никитина Кузьмы на одни сутки, препроводив его в каталажку при Бокаревском волостном правлении [183].

После смерти Александра Ивановича Хилкова 24 мая 1907 года, и Михаила Ивановича 8 марта 1909 года, хозяином усадьбы в селе Синево-Дуброво стал старший сын Михаила Ивановича – Михаил Михайлович Хилков.

* * *

Многие представители рода ***Хилковых,*** кроме среднего сына Михаила Ивановича с его второй женой Александрой Николаевной Неведомской, похоронены на своем родовом кладбище села ***Синево-Дуброво.***

Иван Александрович Хилков (9.06.1803–26.11.1890 гг.) вместе с женой Евдокией Михайловной Хилковой (Луниной) (08.03.1804–11.04.1874 гг.).

Его младшая сестра Надежда Александровна Хилкова (11.06.1810–10.09.1879 гг.).

Их сыновья: старший сын Александр Иванович Хилков (20.11.1833–24.05.1907 гг.) вместе с женой Евдокией Михайловной Хилковой (Родзянко) (1839–1909 гг.).

Их дочери: Александра Ивановна Хилкова (Железнова) (08.11.1828–10.07.1854 гг.); Ольга Ивановна Хилкова (1832–02.02.1856 гг.); Евдокия Ивановна Хилкова (04.10.1840–06.04.1856 гг.).

Дочь Александра Ивановича Хилкова Ольга Александровна (1877–1907 гг.).

Первая жена М.И. Хилкова Анна Николаевна Неведомская (Хилкова) (02.08.1839–27.01.1892 гг.).

Ее сын Степан Михайлович Хилков (01.09.1869–27.07.1890 гг.).

На кладбище села ***Головское*** были похоронены: средний сын Михаил Иванович Хилков (05.12.1834–08.03.1909 гг.) вместе со второй женой Александрой Николаевной Хилковой (Неведомской) (23.04.1847–28.11.1904 гг.). Могилы других представителей рода Хилковых разбросаны по многим местам России и за ее границей.

Дальнейшая судьба мызы Подобино

От трудов праведных не наживешь палат каменных.

Владелица имения Подобино Анна Андреевна Неведомская при своей жизни 25 августа 1866 года взяла в долг у жительницы города Смоленска Ольги Николаевны Ивановой 4450 рублей денег серебром под залог своего имения Подобино с усадьбами в 163 десятины земли

и пустоши Дельки в размере 40 десятин 760 саженей. По договору, выплата долга с процентами должна быть проведена через 9 лет до 25 августа 1875 года. А.А. Неведомская умерла в 1870 году, не выплатив этот долг.

4 сентября 1875 года нотариус города Смоленска Тимошинин у себя в кабинете оформил два документа. Первым документом была доверенность на имя Константина Николаевича Неведомского от жителя Смоленска Федора Федоровича Иванова, который, в свою очередь, имел доверенность своей матери. В доверенности были указаны обстоятельства дела, а также просьба Иванова, чтобы К.Н. Неведомский получил от своей матери занятые ею по закладной деньги в сумме 4450 рублей с процентами, и вернул его матери Ивановой Ольге Николаевне.

При невозможности выплатить платеж наличными, взыскать их с имения. Для этого Иванов по конкретному делу уполномочивал Неведомского: подавать прошения, предъявлять иски, давать объяснения, выступать его представителем в судах, приносить частные и кассационные жалобы. Что Неведомский по доверенности выполнит, Иванов спорить с ним не будет, было сказано в документе [184].

В тот же день, 4 сентября 1875 года Смоленский нотариус Тимошинин у себя в нотариате оформил расписку, данную Ф.Ф. Ивановым. В ней указано, что он получил от К.Н. Неведомского все деньги сполна, в чем и расписался [185].

После смерти в 1870 году владелицы Анны Андреевны Неведомской (Герасимовой) мызу Подобино все чаще и чаще стали называть *сельцом,* как и другие помещичьи усадьбы, в которых не было церкви. В 1896 году умерла владелица имения Варвара Петровна Неведомская, жена Константина Николаевича.

22 июня 1896 года К.Н. Неведомский обратился с прошением в Бежецкую дворянскую опеку, в котором указал, что после смерти жены В.П. Неведомской осталось имение при сельце Подобино и малолетние дети: Варвара 16 лет, Елена 13 лет, Владимир 10 лет и Николай 7 лет. Он просил учредить опекунское управление над имением и детьми, опекуном назначить его. В тот же день он был назначен опекуном над имением и детьми.

По требованию Бежецкой дворянской опеки, туда была представлена опись имения. Бокаревский волостной старшина Никита Одинцов вместе с понятыми крестьянами Иваном Румянцевым и Василием

Михайловым из деревни Рыльково, а также сельским старостой деревни Холм Иваном Николаевым, составил опись имущества, принадлежавшего Варваре Петровне Неведомской, и передал это имущество новому хозяину – Константину Николаевичу Неведомскому. Описание имущества и его передача происходила с 10 июня по 26 августа 1896 года.

В имущество имения Подобино входило:

1. Двухэтажный господский дом на каменном фундаменте с пристройкой с одной стороны. Снаружи обит тесом, внутри оштукатуренный, покрыт гонтом (дранкой. **– А.Г.**). В доме 8 изразцовых печей, комнат на верхнем этаже 7, на нижнем этаже – 11, из них 3 комнаты с паркетными полами. Дверей столярной работы 30, окон в обоих этажах – 44.
2. Людская летняя изба и людская зимняя изба, обе крытые гонтом.
3. Конюшня, скотный двор и птичий хлев, все три помещения покрыты гонтом (дранкой. **– А.Г.**).
4. Каретный сарай, два сенных сарая и амбар, крытые гонтом.
5. Три погреба и подвал для хранения картофеля, все покрыты гонтом.
6. Две риги с навесом, крытые соломой.

В имении содержались домашние животные, в том числе: 9 лошадей, 24 дойных коровы, 7 быков, 10 телят, 3 овцы и 6 ягнят. Из инвентаря и сельхозорудий при описи насчитали: 6 выездных и 12 рабочих хомутов, шарабан, коляска, долгуша, тележка для выездов и 3 рабочих телеги, 5 плугов, 4 сохи и 5 борон.

Земли по купчей от 15 октября 1879 года в пустошах Дельки. Высокуша и Подгорье – 84 десятины 2052 сажени. Земли по другой купчей от 11 декабря 1879 года – 212 десятин 410 саженей [186].

Во время первой переписи в январе 1897 года в поместье Подобино проживали 7 человек, в том числе: хозяин поместья Константин Николаевич Неведомский, его сестра Софья Николаевна и пятеро детей хозяина имения – Анна, 18 лет; Варвара, 16 лет; Елена, 13 лет; Владимир, 10 лет и Николай, 8 лет. 11 февраля 1898 года Варвара Константиновна Неведомская обратилась с прошением в Бежецкую дворянскую опеку о прекращении опеки над ней, так как она родилась 18 сентября 1879 года и достигла совершеннолетия.

Константин Николаевич Неведомский умер 4 января 1899 года в возрасте 50 лет. Бежецкая дворянская опека назначила опекунами

над имением и несовершеннолетними детьми старшую дочь Константина Николаевича Неведомского Анну Константиновну Иванову, дворянина князя Михаила Ивановича Хилкова и дворянина Павла Николаевича Мальковского.

Уже после смерти отца Тверская губернская дворянская опека на прошение Варвары Неведомской сообщала ей, что может прекратить опеку над ней после погашения опекунами долга Волжско-Камскому коммерческому банку в сумме 2880 рублей и Государственному дворянскому земельному банку 10 тысяч рублей.

Государственный дворянский земельный банк, открытый в 1885 году, выдавал ссуды для поддержания землевладения потомственных дворян. Ссуды выдавались помещикам под залог их земельных владений на срок сначала свыше 48 лет, позднее до 66,5 лет, под проценты, которые с 1897 года составляли 3,5%. Ссуды выдавались помещикам под залог их земельных владений в размере до 75% от стоимости земли.

На это сообщение 14 августа 1899 года Варвара Неведомская сообщала в Бежецкую дворянскую опеку, что она согласна вместе с другими опекунами на продажу всех акций пассажирского пароходного общества «Самолет» и на оплату долга Волжско-Камскому коммерческому банку и Государственному дворянскому земельному банку [185].

Устав пассажирского пароходного общества на Волге «Самолет», чьи 20 акций приобрела В.П. Неведомская за счет кредита Волжско-Камского коммерческого банка, был утвержден в конце 1853 года. Первые регулярные пассажирские перевозки это общество начало осуществлять в сезон 1854 года пароходами «Рыбинск», «Тверь», «Ярославль». Позднее на деньги акционеров общества и государственной помощи были построены принадлежавшие обществу «Самолет» пароходы: «Князь Владимир святой», «Гончаров» и «Геннадий Ратков Рожнов».

21 июня 1899 года управляющий Рыбинским отделением Волжско-Камского коммерческого банка обратился с письмом к опекуну П.Н. Мальковскому. Он писал, что для продажи заложенных бумаг – 2 билетов 1-го займа и 20 акций пассажирского пароходного общества «Самолет», принадлежащих наследникам дворянки В.П. Неведомской, должно быть получено разрешение от Бежецкого предводителя дворянства. Тогда билеты и акции будут проданы на Санкт-Петербургской бирже по курсу дня, вырученными деньгами будет погашен долг, а оставшаяся сумма будет направлена в Бежецкую дворянскую опеку.

Нужно отметить, что только по истечении полутора лет, 23 января 1901 года, Волжско-Камский коммерческий банк направил оставшиеся после погашения долга билеты и акции в Бежецкую дворянскую опеку. После этого долг по имению Подобино, согласно отчету по опекунству за 1900 год, оставался в сумме 10 100 рублей Государственному дворянскому земельному банку.

Кроме того, 14 сентября 1901 года пристав 3-го участка Бежецкого уезда сообщал в уездную дворянскую опеку, что за умершей дворянкой В.П. Неведомской числятся недоимки земского сбора за 2 года в сумме 262 руб. 86 коп., а также пени на 1 января 1901 года 15 руб. 48 коп., и после 1 января – по 2 руб.63 коп. за каждый месяц. Также имеется недоимка по государственному поземельному налогу в сумме 497 руб. 23 коп. [188].

25 февраля 1903 года опекуны над имением и несовершеннолетними детьми Неведомских М.И. Хилков, А.К. Иванова-Неведомская и П.Н. Мальковский обратились в Бежецкую дворянскую опеку с рапортом. В нем они указали, что по сообщению жены инженера Анны Дормидонтовны Максимович, ее муж Сергей Павлович Максимович при своей жизни передал Константину Николаевичу Неведомскому безвозмездно временное свидетельство на 100 акций общества Санкт-Петербургских портовых складов на сумму 21 тысяча рублей.

К.Н. Неведомский вернул эти акции Максимовичу, который взамен взял на себя обязательство выплачивать на воспитание детей Неведомского по 2400 рублей в год до достижения младшим из них совершеннолетия. Жена умершего Максимовича просила опекунов взять обратно у нее эти акции, освободив ее от уплаты детям Неведомского по 2400 рублей в год.

Таким образом, сообщали опекуны, у наследников Неведомских имеются 100 акций на номинальную сумму 25 тысяч рублей. Опекуны после смерти К.Н. Неведомского потратили на разные нужды личные средства в сумме 2020 руб. 84 коп., которые наследники обязаны им вернуть. Кроме того, наследники имеют долг 4800 рублей перед А.Д. Максимович, которая выдавала им по 200 рублей в месяц, а всего долга – 6820 руб. 84 копейки. Принадлежащие наследникам 100 акций Санкт-Петербургских портовых складов подлежат распределению между наследниками, из которых трое уже совершеннолетние.

9 октября 1903 года Анна Дормидонтовна Чижова, по первому мужу Максимович дала расписку опекуну Неведомских князю М.И. Хилкову, что получила от него акции Санкт-Петербургских портовых скла-

дов на сумму 4750 рублей и 50 рублей наличными вместо выданных ею денег 4800 рублей на воспитание детей К.Н. Неведомского.

Нужно отметить, что Сергей Павлович Максимович был сыном Павла Павловича Максимовича – основателя женской учительской школы в городе Твери, где сейчас находится основное здание Тверского государственного университета. Сергей Павлович работал инженером путей сообщения, принимал активное участие в строительстве Морского канала в Петербурге, занимался благотворительностью.

Был в добрых отношениях с К.Н. Неведомским, коль после смерти его жены Варвары Петровны в 1896 году, безвозмездно передал ему акции общества Санкт-Петербургских портовых складов на 21 тысячу рублей, а при возврате акций до своей смерти выплачивал детям Неведомского по 2400 рублей в год. Я не исключаю, что Сергей Павлович был хорошо знаком с инженером путей сообщения Дмитрием Николаевичем Ивановым, ставшим мужем старшей дочери К.Н. Неведомского – Анны, которая после смерти отца была опекуншей над младшими братьями и сестрами.

6 июля 1906 года Николай Константинович Неведомский обратился с прошением в Бежецкую дворянскую опеку, в котором просил прекратить над ним опекунское управление и до совершеннолетия назначить опекуном Павла Николаевича Мальковского.

К тому времени Елена Константиновна Неведомская вышла замуж за Бентковского, она была слушательницей Санкт-Петербургских высших женских курсов. Ее брат Владимир учился в Санкт-Петербургском технологическом институте. Все 5 наследников 7 августа 1906 года просили Бежецкую дворянскую опеку выдать принадлежащие им акции товарищества «Самолет» на сумму 5 тысяч рублей [189].

Последним владельцем имения Подобино до революции 1917 года был Владимир Константинович Неведомский, расстрелянный большевиками в Феодосии 10 декабря 1920 года.

* * *

На кладбище села ***Головское*** похоронены многие из рода ***Неведомских.***

Николай Васильевич Неведомский (14.03.1796–20.10.1853 гг.) вместе с женой Анной Андреевной Неведомской (Герасимовой) (06.02.1809–10.07.1870 гг.).

Их сыновья: Дмитрий Николаевич (25.10.1832 г. – ?) и Константин Николаевич (29.09.1848–04.01.1899 гг.).

Их дочери: девица Мария Николаевна Неведомская (05.10.1826–09.10.1875 гг.); Прасковья Николаевна Неведомская (Дмитриева-Мамонова) (11.01.1829–08.04.1860 гг.); Софья Николаевна Неведомская (15.05.1836–после 1912 года); Авдотья Николаевна Неведомская (Красова) (26.02.1851–22.11.1907 гг.).

Дочь Константина Николаевича Неведомского Анна Константиновна Неведомская (Иванова) (04.03.1878–10.04.1909 гг.).

Могилы других представителей рода Неведомских разбросаны по многим местам России и за ее границей.

Остались лишь воспоминания

Что было, видели деды, что будет, увидят внуки.

Последний владелец имения Подобино Владимир Константинович Неведомский родился в 1886 году, его брат Николай Константинович Неведомский родился в 1889 году, они рано остались полными сиротами. Владимир Константинович являлся наследником имения. В 1911–1914 годах они с женой подружились с Н.С. Гумилевым и Д.В. Кузьминым-Караваевым.

Жена Владимира Константиновича Вера Алексеевна Неведомская-Королькова позднее написала воспоминания об этих встречах.

Встретились первый раз с Гумилевым и Ахматовой они летом 1911 года. В.А. Неведомская-Королькова писала, что Слепнево, скорее всего, было не барское имение, а дача. После чая молодежь пошла на конюшню, смотреть лошадей, верховых лошадей не было, были рабочие лошади. Потом пошли к старому пруду, заросшему тиной. Гумилев и Ахматова читали свои стихи. Перед отъездом договорились, что Гумилев и Ахматова приедут к ним в Подобино на второй же день.

У Ахматовой строгое лицо послушницы из староверческого скита. Все черты слишком острые, чтобы назвать лицо красивым. Серые глаза без улыбки. Ей могло быть тогда 21–22 года. За столом она молчала, и сразу почувствовалось, что в семье мужа она чужая. В этой патриар-

хальной семье и сам Николай Степанович, и его жена были, как белые вороны. Мать огорчилась тем, что сын не хотел служить ни в гвардии, ни по дипломатической части, а стал поэтом, пропадает в Африке и жену привел какую-то чудную: тоже пишет стихи, все молчит, ходит то в темном ситцевом платье вроде сарафана, то в экстравагантных парижских туалетах (тогда носили узкие юбки с разрезом). Конечно, успех «Жемчугов» и «Четок» произвел в семье впечатление, однако отчужденность все же так и оставалась.

Подобино было совсем не похоже на Слепнево, Подобино – подлинное «дворянское гнездо», старый барский дом с ампирными колоннами, громадный запущенный парк, верховые лошади и свобода. Владимир Неведомский в 24 года распоряжался имением самостоятельно.

Тетушки, приезжавшие на лето, сидели по своим комнатам и не вмешивались в жизнь молодежи. Между многочисленными тетушками, приезжавшими на лето в нашу усадьбу, была очаровательная тетя Пофинька. Ей было тогда 86 лет. В молодости у нее был какой-то бурный роман, в результате которого она не вышла замуж и законсервировалась, как маленькая, сухенькая мумия. На плечах всегда кружевная мантилька, на руках митенки, на голове кружевная косынка и поверх ее – даже в комнате – шляпа, чтобы свет не слепил глаза.

Нам было известно, что тетя Пофинька в течение 50 лет вела дневник на французском языке. Мы все – члены семьи и наши гости – фигурировали в этом дневнике, и Гумилёву страшно хотелось узнать, как мы все отражаемся в мозгу тети Пофиньки. Он повел регулярную осаду на старушку, гулял с нею по аллеям, держал шерсть, которую она сматывала в клубок, наводил ее на воспоминания молодости. Не прошло и недели, как он стал ее фаворитом и приглашался в комнату тети Пофиньки слушать выдержки из заветного дневника. Кончился этот флирт весьма забавно: в одной беседе тетя Пофинька ополчилась на гигантские шаги, (ходьба на ходулях. – **А.Г.**) которыми мы тогда увлекались, но которые по ее мнению были «неприличными». Для убедительности она рассказала ряд случаев – поломанные ноги, расшибленные головы – все, якобы, на гигантских шагах. Николай Степанович слушал очень внимательно и, наконец, серьезно и задумчиво произнес: «Теперь я понимаю, почему в Тверской губернии так мало помещиков: оказывается, 50 процентов их

погибло на гигантских шагах!» Этой иронии тетя Пофинька никогда не простила Николаю Степановичу, и дневник ее закрылся для него навсегда.

Была и другая тетушка – тетя Соня Неведомская, для своих 76 лет очень еще живая и восприимчивая. Сначала она возмущалась современной поэзией. Потом – нет, нет, да вдруг и попросит: «Пожалуйста, душка, прочти мне… как это: «Как будто не все пересчитаны звезды, как будто весь мир не открыт до конца…» Под конец нашей жизни в Подобине, то есть накануне мировой войны, тетя Соня уже знала наизусть многие стихи Гумилёва и полюбила их.

Гумилёв мог развернуться, дать волю своей фантазии. Его стихи и личное обаяние совсем околдовали нас – писала Вера Алексеевна, и ему удалось внести элемент сказочности в нашу жизнь. Он постоянно выдумывал какую-нибудь затею, игру, в которой мы все становились действующими лицами. И, в конце концов, мы стали видеться почти ежедневно. Началось с игры в «цирк». В Слепневе с верховыми лошадьми дело обстояло плохо: выездных лошадей не было, и Николай Степанович должен был вести длинные дипломатические переговоры с приказчиком, чтобы получить под верх пару полурабочих лошадей. У нас же в Подобине, кроме наших с мужем двух верховых лошадей, всегда имелось еще несколько молодых лошадей, которые предоставлялись гостям. Лошади, правда, были еще мало объезженные, но никто этим не смущался. Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствие страха. Он садился на любую лошадь, становился на седло и проделывал самые головоломные упражнения. Высота барьера его никогда не останавливала, и он не раз падал вместе с лошадью.

В цирковую программу входили также танцы на канате, хождение колесом. Ахматова выступала как «женщина-змея»; гибкость у нее была удивительная – она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы. Сам Гумилёв, как директор цирка, выступал в прадедушкином фраке и цилиндре, извлеченном из сундука на чердаке. Помню – вспоминала В.А. Неведомская-Королькова, раз мы заехали кавалькадой человек десять в соседний уезд, где нас не знали. Дело было в Петровки, в сенокос. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать – кто мы такие? Гумилёв, не задумываясь, ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку, в соседний уездный город давать представление.

Крестьяне попросили нас показать наше искусство, и мы проделали перед ними всю нашу «программу». Публика пришла в восторг, и кто-то начал собирать медяки в нашу пользу. Тут мы смутились и поспешно исчезли.

Скорее всего, они побывали тогда у крестьян деревень Васюнино, Завидово и Холмцы Весьегонского уезда, что в 6 верстах от Борискова и 12 верстах от Слепнева. О ярмарке в Весьегонске были наслышаны все жители местных деревень, поэтому могли поверить путешественникам.

В конце августа 1911 года начались осенние дожди и прекратили наше кочевание по округе, вспоминала В.А. Неведомская-Королькова. Кому-то явилась мысль о домашнем театре. Мы все забрались в нашу старую библиотеку, где «последней новинкой» было одно из первых изданий Пушкина (там было тоже издание Вольтера, которое можно было читать только в лупу). Все уселись с ногами на диваны, и Николай Степанович стал сочинять пьесу.

С 1910 по 1914 год мы каждое лето проводили в Подобине и постоянно виделись с Гумилёвым. С Н.С. у нас сложились в то время очень дружеские отношения. Ахматова – в противоположность Гумилёву – всегда была замкнутой и всюду чужой. В Слепневе, в семье мужа, ей было душно скучно и неприветливо. Но и в Подобине, среди нас, она присутствовала только внешне. Оживлялась она только тогда, когда речь заходила о стихах. Гумилёв, который вообще был неспособен к зависти, ставил стихи Ахматовой в музыкальном отношении выше своих стихов.

Зимой мы с Гумилёвыми встречались редко. Они жили у матери Николая Степановича в Царском Селе; ей принадлежала там большая дача со старым садом и оранжереей. Помню, один званый вечер у них. Собрались поэты: элегантный Александр Блок, Михаил Кузмин с подведенными глазами; Клюев – подстриженный в скобку и заметно дичившийся; граф Комаровский, незадолго перед тем вышедший из клиники душевнобольных (Гумилёв считал его очень талантливым). Кто-то читал свои стихи. Но было в настроении что-то напряженное, и сам Гумилёв казался связанным.

Несколько раз встречали мы Гумилёвых в «Бродячей Собаке», где собирались поэты, художники и все, кто тянулся к художественной богеме. Там с Гумилёвым заметно считались и прислушивались к его мнению; однако я думаю, писала В.А. Неведомская-Королькова, что

близкой дружбы у него не было ни с кем. Ближе других ему был, пожалуй, Блок. Как-то раз у нас с Николаем Степановичем зашла речь о пророческом элементе в творчестве Блока. Николай Степанович сказал: «Ну что ж, если над нами висит катастрофа, надо принять ее смело и просто. У меня лично никакого гнетущего чувства нет, я рад принять все, что мне будет послано роком».

Надо сказать, что в 1910–1912 гг. ни у кого из нас никакого ясного ощущения надвигавшихся потрясений не было. Те предвестники бури, которые ощущались Блоком, имели скорее характер каких-то мистических флюидов, носившихся в воздухе. Гумилёв говорил как-то о неминуемом столкновении белой расы с цветными. Ему представлялся в будущем упадок белой расы, тонущей в материализме и, как возмездие за это, восстание желтой и черной рас. Эти мысли были скорей порядка умственных выводов, а не предчувствий, но, помню, он сказал мне однажды:

«Я вижу иногда очень ясно картины и события вне круга нашей теперешней жизни; они относятся к каким-то, давно прошедшим эпохам, и для меня дух этих старых времен гораздо ближе того, чем живет современный европеец. В нашем современном мире я чувствую себя гостем».

Внучатая племянница хозяйки деревни Слепнево Анны Ивановны Гумилевой Екатерина Чернова писала, что ее девочкой привезли в Слепнево в 1911 году: «Я впервые в жизни видела русскую деревню, меня поражали избы и бесконечные поля, поражали воротца при въезде в деревню, которые бросились нам открывать белоголовые ребятишки. Мы давали им пакеты с пряниками и мелкие деньги. Дорога была пыльная, солнце пекло, мне показалось, что ехали мы долго. И вот Слепнево. Проезжая дорога разрезала усадебный участок и проходила очень близко от барского дома. Если ехать от Бежецка, то дом оказывается справа, а слева был фруктовый сад. Дом был большой со старинной мебелью».

Вера Неведомская, флиртовавшая с Николаем Степановичем, както спросила, уж не собирается ли в монастырь его неулыба – ходит, словно монашенка, и голову повязывает по-деревенски. Гумилев передал эти слова Анне. На следующий день, вытянув из саквояжа экстравагантную, с разрезом до бедра юбку, купленную в Париже, и еще ни разу не надеванную, Анна Ахматова откромсала лиф от привезенного Гумилевым африканского балахона и, навертев все это на себя, яви-

лась незваной на репетицию очередного циркового представления. Придумала для себя номер – женщина-змея.

Анна Андреевна Ахматова впоследствии была недовольна воспоминаниями В.А. Неведомской-Корольковой. Она писала, что мать Н.С. Гумилева никогда не говорила, что она мечтала о гвардии или дипломатической карьере своих сыновей. Анна Андреевна вовсе не собиралась шокировать приятелей и приятельниц мужа несуразными туалетами. Темный ее сарафан, сшитый на живую нитку ее киевской кузиной, был ладно скроен, как и все, что мастерила кузина. Это была единственная деревенская вещь, сарафан она забыла в Слепневе в 1911 году.

На воспоминания Веры Алексеевны Неведомской-Корольковой Анна Андреевна Ахматова писала: «В никаких цирковых программах я не участвовала. А когда все в Подобине и Дубровке валялись на сеновале, может быть, раза два демонстрировала свою гибкость. У Веры Алексеевны (Неведомской) был, по-видимому, довольно далеко зашедший флирт с Николаем Степановичем, помнится, я нашла не поддающееся двойному толкованию ее письмо к Коле, но это уже тогда было так не интересно, что об этом просто не стоит вспоминать» [190].

Тетя Соня Неведомская – без сомнения, это сестра Константина Николаевича Неведомского, его братьев и сестер, в 1912 году ей исполнилось 76 лет. Труднее определить, кто была Пофинька, которая родилась в 1826 году, так как, по воспоминаниям В.А. Неведомской-Корольковой, в 1912 году ей было 86 лет. Я не исключаю, что это могла быть младшая сестра Анны Андреевны Неведомской Пелагея Андреевна Герасимова, родившаяся в деревне Гостиницы, проживавшая в Москве и не выходившая замуж.

В настоящее время Казанская церковь в селе Головское разрушена, долгое время использовалась как молокозавод. Кладбище разорено, место захоронения Неведомских и Хилковых не сохранилось.

По свидетельству очевидцев, в 30-е годы XX века кладбище разровняли бульдозером, на его месте обустроили ледник для местного молокозавода. Сам молокозавод оборудовали в церкви, с которой сорвали кресты и верхнюю часть здания.

Неподалеку выкопали два пруда, откуда зимой рубили лед и складывали на месте бывшего кладбища. Горы льда засыпали кострой – отходами от переработки льна. Лед хранился весь сезон от зимы до зимы. Развороченные надгробные плиты местные жители деревень Горка и Дельки использовали под углы строящихся домов.

По воспоминаниям очевидцев-жителей окружающих деревень, долгое время никто не решался использовать надгробную гранитную плиту темно-коричневого цвета с могилы М.И. Хилкова. Она лежала в стороне от ледника еще в 1954 году, то есть около 20 лет после разрушения кладбища, но потом куда-то бесследно исчезла [191].

Не забывать уроков прошлого

Что имеем, не храним, потерявши плачем.

Всего трем поколениям Неведомских удалось пожить в имении Подобино Бежецкого уезда Тверской губернии, они, как и другие дворяне, стали жертвами Октябрьской революции 1917 года. Я полагаю, что многие крестьяне поддержали революцию в октябре 1917 года, считая себя обманутыми царским правительством.

В 1861 году им обещали после выкупа земли быть крестьянами-собственниками. Когда крестьяне заплатили выкуп в полном объеме, стал возникать вопрос: а что они выкупили? Бывшие крепостные крестьяне выкупили свою волю и усадебную оседлость вместе с усадьбой в 40–50 соток. Пахотные земельные наделы и сенокосы были переданы от помещиков сельским общинам по добровольным соглашениям на основании составленных мировыми посредниками уставных грамот. Каким-либо законом, указом императора или другим государственным актом собственность крестьян на полевые наделы закреплена не была.

Владельцами переданных сельским общинам полевых наделов до 1883 года оставались помещики, а с 1883 года – государство. Распоряжались ими сельские общины, а крестьяне лишь пользовались земельными наделами. Таким образом, три признака собственности – владение, распоряжение и пользование, были разделены между государством, сельскими общинами и крестьянами. Опасения тверского дворянства, высказанные им в письме на имя императора Александра II от 2 февраля 1862 года в отношении передаваемых от помещиков сельским общинам земельных наделов, оправдалось.

После вступления на престол в 1894 году императора Николая II правительство и многие губернаторы стали считать, что выкупленная в результате крестьянской реформы пахотная земля и сенокосы отно-

сятся к *собственности сельской общины,* а не конкретных крестьян, которые могут выкупать полевые наделы у своей общины. Что крестьяне имеют в собственности только усадебный участок и усадебную оседлость – право проживания на своей усадьбе и строительства на ней дома и хозяйственных построек.

Некоторые губернаторы, в том числе Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев, и члены правительства пошли дальше, считая, что выкупленная крестьянами земля является *собственностью государства,* которое передало ее сельским обществам в вечное пользование. А выкупные платежи являлись не чем иным, как уплата поземельного налога. Они предлагали вообще запретить крестьянам покупать полевые наделы у сельских обществ. В результате подобных обманов возникают стихийные протесты и совершаются революции и государственные перевороты.

Удельные крестьяне с 1865 года стали крестьянами-собственниками, сельские общины и сами крестьяне считали, что они получили в собственность, как усадебные участки вместе с оседлостью, так и полевые пахотные наделы, так как им волю выкупать было не нужно. В отношении земельных наделов, которые крестьяне покупали непосредственно у помещиков за свои деньги, никаких споров и сомнений не было – они были собственностью самих крестьян.

К 1917 году по Бежецкому уезду было всего 143 помещика, которые владели 33 тысячами десятин земли. Наиболее крупные имения сохраняли за собой князья Мещерские – 6,4 тысячи десятин, Татищевы – 3 тысячи десятин, дворянин Трубников – 1,1 тысяч десятин. Пятнадцать помещиков имели земли в пределах одного крестьянского хозяйства по 10 десятин.

После Октябрьской революции 1917 года, в период советской власти, была уничтожена элита России – дворяне, умные, образованные люди, основа офицерского корпуса русской армии, преданы забвению все их былые заслуги. Дворяне, избежавшие после революции смерти, эмиграции, лагерей, уезжали далеко от своих родных мест, чтобы не обнаружилась их принадлежность к дворянскому сословию. В родных местах его легко можно было установить с непредсказуемыми последствиями для бывшего дворянина. Все равно, многие из них позднее не избежали ГУЛАГа, отсидев в лагерях по 10, а то и по 25 лет.

Целые династии Неведомских, Хилковых, Кузьминых-Караваевых, Дмитриевых-Мамоновых, Ушаковых и других дворян после Ок-

тябрьской революции 1917 года были объявлены чуждыми для страны элементами. Стали чужими и врагами те, кто столетиями держал страну, кто управлял ею, кто составлял ее элиту. Из Бежецкого уезда были эмигрированы или расстреляны представители 74 дворянских имений, из Тверской области – 1159 дворянских имений или около 10 тысяч человек.

2 июля 1919 года Тверское губернское управление советскими хозяйствами поручило всем райсовхозам в течение 2 недель составить полный список имений, их принадлежность и площадь земли. В числе 74 имений Бежецкого уезда были включены имения, упомянутые в этой книге:

- сельцо Замыцкая Гора Новской волости, имение Н.Н. Апыхтина, земли 146 десятин;
- сельцо Борисково Сулежской волости, имение Кузьминых-Караваевых, земли 223 десятины, в деревне Борисково насчитывалось 22 дома;
- сельцо Слепнево Новской волости, имение Львовых, земли 113,39 десятин, в деревне Слепнево тогда находился дом;
- сельцо Богородская Гора Бокаревской волости, имение Н. Колобовниковой, земли 45 десятин;
- сельцо Подобино Бокаревской волости, имение Неведомских, земли 380 десятин;
- деревня Талашманы Бокаревской волости, имение И.И. Крылова, земли 1000 десятин;
- деревня Барская Ворониха Новской волости, имение старшины Новской волости Василия Иванова, земли 47 десятин, в деревне было 13 домов [192].

В селе Синево-Дуброво Бокаревской волости находилось два имения: имение Хилковых, земли 396 десятин, и имение Архиповой, земли 674 десятины 98 саженей. Последние, перед революцией 1917 года, владельцы второго имения в этом селе Архиповы, были внуками Ольги Николаевны Неведомской и Николая Ивановича Хилкова.

Имение Архиповой обследовали 19 марта 1919 года, в нем сохранились барский дом, людская изба, скотный двор, пятистенный амбар, сарай, два навеса на столбах, каретный сарай, молочная кухня, баня и два погреба. Барский дом одноэтажный, с 6 комнатами, обшит тесом и крытый железом. На время обследования выбиты все окна и двери, сломаны печи, вся мебель, посуда и книги украдены, в доме ничего не осталось. Людская изба также полностью разграблена.

Из сельхозмашин оставались: поломанная жнейка-сноповязка, молотилка-сортировка без привода, конная рядовая сеялка, деревянная сеялка. Из сельхозинвентаря сохранялись: пять плугов, из которых, два плуга поломанные, четыре железных бороны и ручная огородная сеялка. Земля обрабатывалась не вся, ее обрабатывали местные жители, огород размером 3 десятины полностью пустовал [193].

Дом Хилковых двухэтажный, на первом этаже 5 комнат, на втором этаже 9 комнат, все комнаты на день описи 19 мая 1919 года были с мебелью, посудой и книгами. Кроме дома описали постройки: людская изба, флигель с двумя комнатами и кухней, каретный сарай, два скотных двора, амбар, сарай, водогрейка и рига. Площадь земли составляла: сад и питомник 21 десятина, пашни 220 десятин, сенокоса 115 десятин и выгоны 40 десятин, всего 396 десятин.

Все имущество представителям советской власти сдал управляющий имением Кузьма Иванович Горячев. 6 июня 1919 года Бежецкий уездный земской отдел передал Бокаревской волости для распределения малоимущим две лошади и одну корову. А всего у Хилковых отобрали пять коров, пять лошадей, сыроваренный завод, много сельхозинвентаря, все строения и имущество, было описано даже парковая роща, чтобы не забыть изъять и ее. В том же 1919 году дом Хилковых в Синево-Дуброво сгорел или его сожгли. [194].

В деревне Панцино Бокаревской волости, что в одном километре от села Хонеево в сторону деревни Колесники, находилось имение церковного старосты села Хонеево Петра Ниловича Серова. Это имение представителями советской власти было описано 12 марта 1919 года. Земли 92 десятины, из них 35 десятин пахотной земли, вырубка из-под березового леса 25 десятин, вырубка из-под елового леса 32 десятины. Дом двухэтажный с 4 комнатами, из них одна на первом этаже и 3 комнаты на втором этаже, все комнаты с мебелью.

Кроме дома были описаны: два скотных двора, каретный сарай, сарай для сена, пятистенный хлебный амбар, молочная изба, рига и два погреба. Из скота описаны две лошади, 3 коровы, один бык и один теленок. Также представители советской власти описали один тарантас, два одра, двое саней, весь имеющийся сельхозинвентарь и сельхозмашины – косилку и веялку [195].

После того, как помещики покинули не по своей воле свое имение, местные крестьяне растаскивали мебель, посуду, сельхозинвентарь, оставшийся скот. Часть мебели ломали, стекла и посуду били, книги

пускали на растопку. Потом срывали двери и рамы вместе с косяками и подоконниками, разбирали хозяйственные постройки и воровали строительный материал.

Дальнейшую судьбу дворянских имений можно наглядно проследить на примере имения Апыхтиных. Имение Замыцкая Гора бывшего владельца Николая Николаевича Апыхтина находилось в 10 верстах от уездного города Бежецк на территории Новской волости. В опись имущества имения в 1919 году были включены: барский дом, два флигеля, четыре конюшни, два хлебных амбара, два каретных двора, 3 скотных двора, два погреба. Также записаны: баня, три сенных сарая, две риги с навесами, водокачка и водогрейка. Во всех комнатах еще сохранялись мебель, книги и посуда.

Скота в 1919 году в имении уже не было, земли 146 десятин, в том числе под усадьбой 9 десятин, под пашней 76,75 десятин, под лугом 26,42 десятины, под выгоном 31,43 десятины. Под лесом, который находился на территории Чижевской волости Бежецкого уезда, за помещиком числилось 368 десятин земли. До революции 1917 года барская земля находилась в аренде, после революции имение перешло сначала в ведение земельного отдела Бежецкого уездного исполкома. Обрабатывалось 20 десятин земли, остальная земля пустовала [196].

Крестьяне деревень Замыцкая Гора, Пыли, Клепиково, Дмитровка, Бор и Киселево обратились в Бежецкий земельный комитет с просьбой передать дом Апыхтина под школу 2-й ступени, а также под устройство народного дома, библиотеки и избы-читальни. Однако дом был передан отделу здравоохранения под организацию там дома отдыха. Из этой затеи ничего не получилось, и 11 января 1922 года дом Апыхтиных вновь передали из отдела здравоохранения земельному отделу Бежецкого уездного исполкома. За это время всю мебель, посуду и книги постепенно растащили.

С марта 1922 года стали распродавать и растаскивать барские постройки, этим распоряжалась коллегия земельного отдела, члены которой не забывали и о себе. Каретный сарай передали жителю села Сулега, члену коллегии Ф.Г. Лясенкову. Пожарный сарай – жителям деревни Село Новое. Одну половину скотного двора передали жителям деревни Село Новое Дикополову (позднее длительное время работавшему председателем местного колхоза им. Кирова. **– А.Г.**) и Соколовой, а вторую половину – членам Новского волисполкома Гумакову и Львову.

Хлебный амбар передали жителю деревни Глазово Княжевской волости Чистякову, а большой сенной сарай – жителям деревни Замыцкая Гора Прасковье Луговкиной и Константину Михайлову. Большую конюшню – председателю правления Бежецкого отделения лесного хозяйства Арсеньеву, а малую конюшню – жителю деревни Малышево Княжевской волости Шорину. Ригу с навесом передали жительнице деревни Павлово Авдотье Виноградовой. Дом бывшего управляющего имением с пристройками – жителю деревни Замыцкая Гора Ивану Михайлову. Куда были распределены другие постройки, в документах не указано [197].

Нужно отметить, что расстояние между селом Княжево и имением Замыцкая Гора было всего 10 верст, а от деревни Малышево Княжевской волости до Замыцкой Горы – 4 версты.

Первое описание имения Слепнево бывших владельцев Варвары Ивановны Лампе и Анны Ивановны Гумилевой представители советской власти провели 12 сентября 1918 года. Сказано, что имение находится на территории Новской волости, в 16 верстах от уездного города Бежецка. Земли в имении: под садами 5 десятин, под пашней 63,29 десятины, под лугом 38,39 десятины, под выгоном одна десятина, а всего 113,39 десятины. Из них до революции 61,69 десятин были проданы гражданам разных волостей, во владении помещиков оставалось 52,33 десятины земли, она обрабатывалась наемным трудом. На день описи имение находилось в ведении земельного отдела, в нем оставалась одна лошадь и одна корова [198].

После революции в барском имении Слепнево на первом этаже была начальная школа, на втором этаже жили коммунары из ближайших русских и карельских деревень. Среди них была Анна Ивановна Круглова, позднее бывшая председателем карельского колхоза «За Новый Быт» (деревня Поцеп) в трудные довоенные и все военные годы.

28 ноября 1918 года представители советской власти провели опись имения старшины Новской волости Василия Иванова Барская Ворониха. Был описан пятистенный дом, крытый дранью, скотный двор и конюшня под одной крышей, погреб и вторая конюшня под одной крышей, сбруйный сарай, где хранилась лошадиная упряжь, хлебный сарай, три сенных сарая и рига с навесом. В то время у владельца имения содержались 2 лошади, 4 коровы, 2 жеребенка, еще была сохранена вся мебель, телеги, одры и сельскохозяйственный инвентарь [199].

К началу создания колхозов в 1931 году деревни Барская Ворониха не стало, она полностью распалась.

После грабежей дворянских имений, сохранилась незначительная часть архивных материалов о жизни местных дворян, большинство бумаг пошло на растопку печей в крестьянских домах.

12 ноября 1919 года сотрудник секции Бежецкого отдела народного образования по делам музеев и охраны памятников старины и искусства Иван Николаевич Постников в докладе «О состоянии архивов в Бежецком уезде» писал, что он лично обследовал дворянские имения. В Подобинском имении Неведомских бумаги оказались разбросанными по разным комнатам на полу. Архивы пяти волостных правлений совершенно уничтожены: частью сожжены, частью расхищены. Остальные архивы волостных правлений разбросаны по чердакам и находятся в хаотическом состоянии [200].

В 1920 году комиссия по разборке архивных фондов при Бежецком уездном отделе народного образования приступила к вывозу из усадеб бумаг и их упорядочению. Председатель комиссии И.Н. Постников в отчете за май 1920 года сообщал, что в числе других архивных материалов были перевезены в их помещения семейные архивы из помещичьих усадеб Евсюковых, Чернцова, Апыхтина, Штюрмера и Неведомских [201].

На энтузиастов, сохранявших память об истории бежецкой земли, начались гонения. 3 марта 1921 года руководитель разборочной архивной комиссии И.Н. Постников сообщал в Бежецкий отдела народного образования, что действительно в комиссии работают специалисты в деле архивоведения, служители религиозного культа Постников и Покровский. Это не противоречит п. 3 постановления Совнаркома «О порядке предоставления работ служителям религиозных культов», так как согласно редакции этого пункта на службу не допускаются служители религиозного культа лишь в отделы исполкомов. Губернское архивное управление, согласно декрету Совнаркома от 31 марта 1919 года, является самостоятельным и не зависит от губернского исполкома, а также не входит в состав отделов губисполкома.

После этого письма И.Н. Постников остался работать представителем губернского архивного управления по Бежецкому уезду [202].

После революции, примерно в 1922 году, на втором этаже дома Неведомских в бывшем имении Подобино создали коммуну «Красный Октябрь», на первом этаже открыли Краснооктябрьскую начальную

школу. В 1931 году, после создания колхоза «Красный воин», их дом разобрали. Школу перевели в село Головское, где она была до строительства новой кирпичной школы в деревне Красный Октябрь в 1968 году.

* * *

Одноэтажный дом крестьянина деревни Бережки Бокаревской волости Бежецкого уезда Михаила Иванова после революции 1917 года передали под фельдшерско-акушерский пункт. В двухэтажном соседнем доме его сына Василия Михайлова до 1917 года размещалось народное начальное земское училище, после революции – начальная школа. Ее в 1951–1952 годах разобрали и перевезли в село Карело-Кошево, где разместили старшие классы семилетней школы. Начальная школа оставалась в здании бывшей церковно-приходской школы возле Сретенской церкви. Село Корельское Кошево переименовали в Карело-Кошево после Октябрьской революции 1917 года, а с 1950-х годов стали его называть неопределенно Кор-Кошево.

Первая учительница Корельско-Кошевской школы Надежда Петровна Ушакова обучала карельских детей грамоте до средины 1920-х годов. Замуж Надежда Петровна не вышла, в 1937 году она была еще жива, проживала в селе Карело-Кошево в отдельном доме из трех комнат, фасадом в сторону церкви и дома священника. После революции к ней приехала жить и работать племянница Софья Николаевна Ушакова – дочь Николая Петровича Ушакова. Она обучила и выпустила из начальной школы в семилетнюю школу карельских детей 1925, 1929, 1933, 1937 и последующих годов рождения, подготовила несколько послевоенных выпусков. Одновременно была наставницей молодой учительницы Анны Петровны Старостиной.

В предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны, кроме Софьи Николаевны, учителями начальных классов школы работали: Александра Васильевна Тененгольц (Тихомирова), дочь бывшего местного дьякона, вышедшая замуж за поволжского немца Иосифа Марковича Тененгольца, Анна Петровна Старостина и Анастасия Григорьевна Васильева, которая снимала одну из трех комнат в доме Ушаковых.

Софья Николаевна Ушакова замуж так и не вышла, как и ее тетка, Надежда Петровна. Последний выпуск четвероклассников из началь-

ной школы Софья Николаевна Ушакова провела весной 1951 года, умерла она в 1953 году. В 1951 году к С.Ф. Ушаковой на лето приезжала ее племянница Елена, студентка Ленинградского государственного университета, мать которой проживала тогда в городе Бежецке. Похоронены обе Ушаковы на кладбище села Карело-Кошево. Последними жителями в их доме была семья учительницы Градовой Лидии Михайловны [203].

Учительницы Карело-Кошевской школы Надежда Петровна и Софья Николаевна Ушаковы наглядно демонстрировали тесную связь поколений, связь крестьянского и дворянского сословий, связь двух народов – русских и карел. Они обучали грамоте наших родителей, плохо владевших русским языком, их братьев и сестер. Наши деревенские жители с теплом отзывались о своих первых учительницах начальных классов Ушаковых, которые в тяжелые послереволюционные, предвоенные и военные голодные годы не только давали карельским детям знания, но и подкармливали учеников, выпекая дома булочки и пироги, иногда помогали деньгами их родителям.

В Карело-Кошевская школе обучали и воспитывали детей 107 лет с 1885 года до 1992 года, тогда построили новую каменную школу в Бережках, в полукилометре от старой. Но новая школа просуществовала всего 19 лет, ее закрыли в 2011 году. На месте бывшей церковно-приходской школы в селе Карело-Кошево энтузиасты установили памятный знак всем учителям Карело-Кошевской школы, в том числе и Ушаковым, работавшим с 1885 года до средины 1950-х годов.

Заключение

На всем историческом пути в России не было больнее и острее вопроса, чем крестьянский вопрос, он остается таковым до сих пор. В погоне за развитием промышленного прогресса, народными стройками, созданием городов-монстров, а ныне – за деньгами, мало кто заботился и заботится о том, что нужно бережно сохранять деревню и ее жителей. Основной задачей власти была и остается получение от деревни того, что можно: подушной подати, оброка, хлеба, рабочей силы и денег.

В XX веке власти провели две крестьянские реформы. В 1930-е годы советская власть провела насильственную коллективизацию, в результате которой в селах и деревнях Бокаревской волости были объявлены кулаками и высланы 206 семей. Высланы из своих деревень 24,2 тысячи тверских карел, а по стране раскулачили и подвергли репрессиям 2,3 млн крестьянских домохозяйств. Деревня от этого удара власти пошатнулась, но смогла выстоять.

При колхозной системе своего рода старостой деревни был колхозный бригадир, а сельским сходом – бригадное собрание. Кроме колхозных дел, на нем решали вопросы благоустройства улиц, очистки колодцев, родников и прудов, ремонта мостов через речки и общественных выгонов, другие подобные вопросы. За работы по благоустройству также начислялись трудодни, и попробуй, не подчинись бригадиру! Тогда он переставал давать наряды на другие работы, по итогам за год за невыработку минимума трудодней могли отправить за тунеядство на два года трудовых лагерей.

Вторую реформу власти провели в 1990-е годы, силою государства разрушив колхозы, просуществовавшие более 60 лет. Этого удара деревни уже не выдержали и стали постепенно умирать как на территории бывшего Бежецкого уезда Тверской губернии, так и по всей центральной части России. Об этом свидетельствуют, в том числе, данные по деревням бывшей Бокаревской волости. К началу XXI века из 50 русских и карельских селений бывшей Бокаревской волости сохранились 33, число жителей за 100 лет сократилось с 8582 человек до 988 человек или в 8,7 раза.

В 1850-х годах, накануне крестьянской реформы 1861 года, поэты И.С. Никитин, Н.А. Некрасов и другие писали о крестьянах, как страдальцах на своей земле. Прошло с тех пор 170 лет, и те, кто приезжает из города и видит ситуацию среди крестьянства центральной России, ужасается: неужели до такого разорения дошла здесь деревня!

По переписи 2010 года в Сонковском районе проживали всего 8533 человека или ровно столько, сколько было в одной Бокаревской волости Бежецкого уезда в 1873 году. А ведь территория Сонковского района, кроме Бокаревской волости, состоит из бывших Константиновской, Литвиновской, значительной части Койской волостей Кашинского уезда, а также части Беляницкой волости Бежецкого уезда.

К 2018 году не стало 24 деревень и селений бывшей Бокаревской волости, в том числе не стало карельских деревень: Акинихи, Гор-

бовца, Калинихи, Петряйцева, Поцепа, Терехова и Шейна, на грани исчезновения все остальные карельские деревни, кроме Бережков.

Не стало деревни, сельца и выселок Глазово, погоста Головское, русских деревень бывшей Бокаревской волости: Бокарева, Богородского, Гостиниц, Квасова, Колесников, Левинского, Никонова, Новоселья, Палкина, Панцина, Постерегишина, Сосновки, Стрижова, Талашман и Шалагина. Более крупными и населенными остались русские деревни: Пригорки (Безумово), Горка, Привольное (Поросятники) и Хонеево, в которых население в сравнении 1900 годом сократилось более чем в 10 раз.

До реформы 1861 года часть забот о крестьянине брал на себя помещик, после реформы – сам крестьянин и государство. При советской власти некоторые социальные проблемы помощи школам, больницам, престарелым брали на себя колхозы. С 1990-х годов крестьянин остался один со своими проблемами, порою без работы, без денег и какой-либо помощи, а земля осталась без хозяина.

Нельзя выбивать из-под ног человека его родную землю, так как страдает и человек, оставшийся без родины, и земля, оставшаяся без ухода и заботы.

После принятия 28 августа 1995 года закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» где-то формально избрали старост селений без каких-либо реальных прав и полномочий. Они стали проводить сельские сходы, на которых не могли принять какого-либо значительного для деревни решения, так как бесплатно уже никто работать не хотел.

Ничего вразумительного для улучшения жизни крестьян не могли сделать руководители сельских поселений и районов, имевшие плачевную финансовую и материальную базу. Ситуация сложилась так, что многие обязанности государство передало местному самоуправлению, а права и финансы остались у государственных структур.

В начале XXI века в местные бюджеты поступали средства от земельного налога и налога на имущество физических лиц. В консолидированном бюджете России доля от местных налогов составляла всего 2%, а в местных бюджетах она составляла в пределах 30% от необходимой потребности. Поэтому основными источниками местных образований служили и служат отчисления от федеральных и региональных налогов. В связи с этим, основной проблемой всех органов местного самоуправления до настоящего времени является финансовая зависимость от региональной и федеральной власти.

Другой проблемой развития местного самоуправления в постсоветской России является отсутствие у муниципальных образований и их руководителей, юридически закрепленных, реальных рычагов влияния на развитие социально-экономической ситуации на своей территории. К этому прибавляется низкая квалификация кадров в районах и сельских поселениях, которые выступают против внедрения современных научных методов муниципального управления.

Оптимизация государственного управления в современной России требует создания такой модели местного самоуправления, которая открывала бы возможности для развития личной инициативы и активного участия граждан в различных сферах общественной и хозяйственной жизни на местах. Принятый в 1995 году закон о местном самоуправлении не в полной мере учитывал отечественный опыт местного самоуправления, и прежде всего организация и практика российских земств и сельского самоуправления.

Но к началу XXI века ситуация сложилась так, что во многих районах центральной России уже некем стало управлять. Развалились колхозы, и сельские жители покинули деревни. В районных центрах закрылись местные предприятия, многие молодые люди остались без работы. Экономическая и финансовая база многих районов никакая. На наших глазах исчезает деревенская Русь с тысячелетним укладом жизни, своим говором, преданиями и песнями.

Нужно отметить, что опыт работы губернских земских собраний России был взят за основу конгрессами штатов США. Я в 2000 году знакомился с работой конгресса штата Мэриленд, который состоит из 44 сенаторов, руководила тогда конгрессом штата вице-губернатор, дочь Роберта Кеннеди. Она вела заседания конгресса и не имела права голосовать. Когда голоса сенаторов делились поровну, только тогда она могла голосовать, и ее голос был решающим. Конгресс штата начинает работу в январе каждого года после рождественских каникул и работает 90 дней в году. В остальное время года сенаторы работают на своих рабочих местах. Остается небольшой аппарат, который ведет всю техническую работу и готовится к заседаниям в следующем году.

В Законодательном собрании Тверской области в созыве 2011–2016 годов на постоянной основе работали 19 депутатов, в созыв 2016–2021 года их сократили до 10 человек. Возникает вопрос: чем же они занимались каждый день с утра до вечера, получая очень приличную зарплату? Мы при первом созыве Законодательного собрания

начинали работать на постоянной основе вчетвером, без помощников и секретарей, создавая с нуля законы и нормативные акты Тверской области, и справлялись.

Подобная ситуация создалась и в районах, где население уменьшилось в 8–10 раз, а число чиновников увеличилось в 2–3 раза в сравнении с земскими и волостными учреждениями.

Как показал опыт реализации реформ 1861 года, формирование эффективной системы местного самоуправления – длительный и довольно сложный процесс. В постсоветской Российской Федерации этот процесс до сих пор находится в стадии развития, и включает множество нерешенных проблем, связанных с законодательным обеспечением деятельности органов местного самоуправления, острым дефицитом квалифицированных специалистов в области муниципального управления, отсутствием надежных материально-финансовых основ его деятельности на местах, недостаточностью собственной доходной базы.

Проблемы экономического характера являются основным фактором, который сдерживает развитие местного самоуправления в нашей стране. Сохраняется экономическая зависимость органов местного самоуправления от федеральных и региональных органов государственной власти. Имеется явное несоответствие объема полномочий органов местного самоуправления с имеющимися в их распоряжении материально-финансовыми ресурсами. Экономическая и финансовая база большинства муниципальных образований недостаточна для осуществления функций местного самоуправления.

Трудоспособное население закономерно мигрирует из неблагоприятных для проживания поселений и территорий, которые вследствие этого теряют потенциал для развития и пустеют. Отсутствие рабочих мест и отток населения из районов – это очень веский показатель неэффективного местного самоуправления.

В подтверждение тезиса о необходимости совершенствования системы органов местного самоуправления, в Тверской области вместо районов и сельских поселений стали создавать городские округа. К апрелю 2018 года были образованы Кашинский, Нелидовский, Осташковский и Удомельский городские округа в границах этих районов. Они объединили управление районом, городом и сельскими поселениями на территории района.

Например, в Осташковском городском округе вместо районной, городской и 10 сельских администраций была создана одна администрис-

трация округа. Подобным образом решен вопрос в других районах, где были образованы городские округа.

Городская дума избирала главу администрации городского округа на конкурсной основе, а вместо администраций города и поселений там оставались представители администрации городского округа. Таким образом, значительно сократился управленческий аппарат, и уменьшилась сумма средств на его содержание. Вся финансовая и имущественная база сосредоточилась в одних руках.

Я по-прежнему полагаю, что в конкретной финансовой и экономической ситуации, сложившейся в начале XXI века, ***областные города и районы,*** где еще не созданы городские, сельские или районные округа, должны управляться органами государственной власти, а органы местного самоуправления действовать только в районных центрах, поселках и сельских поселениях. Местное самоуправление в России должно быть институтом общественной деятельности населения, подобным институту ***волостного правления и земства*** в России второй половины XIX века. Проблемы сельских территорий для большинства регионов России еще более остры, чем проблемы городов.

Надо перестать гордиться увеличением городов-монстров с многомиллионным населением, а равномерно распределять население по стране. С этой целью перераспределять денежные потоки так, чтобы в сельской местности и осваиваемых территориях на одного человека денег приходилось больше, чем в городах-монстрах.

И люди последуют вслед за деньгами и работой, как раньше за деньги ехали осваивать Север и Сибирь. Приходится только мечтать, чтобы сельский сход, сельский староста, глава местного поселения имели столько прав и обязанностей, как во второй половине XIX века.

Крестьяне испокон веков бились за землю, каждый ее клочок отвоевывали у леса. Но последняя земельная реформа XX века оставила землю без присмотра, не смогла она удержать у себя родившихся на ней уже не крестьян, не колхозников, и еще не фермеров. Крестьянин чувствует силу, когда живет и работает на своей земле, когда он крепко привязан к ней. Когда у нынешних горожан заканчиваются жизненные силы, приезжают они на свою малую родину, хотя бы на могилы родителей. А может быть, когда-то и останутся здесь жить…

15 ноября 2017 года мы с женой и ее двоюродным братом Вячеславом ездили на его машине из Бежецка в село Карело-Кошево, чтобы

навестить могилы наших родителей. От дороги Бежецк-Сонково до деревни Бережки и далее все бывшие поля и усадьбы поросли кустарником и молодым березняком. На обратном пути Вячеслав решил нам показать, что деревни вдоль трассы Бежецк-Сонково стали заселять таджики. Мы проехали деревню Сабурово, в которой таджики купили 7 домов, привели в порядок придомовую территорию и усадьбы, вырубив деревья и кустарник, и начали ремонт домов. В деревне Рыльково они проживали уже в 4 домах, также купили несколько домов в деревне Коммуна (Подобино), русские деревни стали постепенно оживать. Возможно, скоро переселенцы начнут восстанавливать и бывшие карельские деревни этой местности, но карельская напевная речь здесь уже звучать не будет никогда.

Город Тверь – Крым, село Колоски,
ноябрь 2017 года – июнь 2018 года, изменения – 2021 год.

Список источников

1. *Ключевский В.О.* Русская история. М., 2007. С. 893–896.
2. *Покровский В.И.* Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел I. С. 162–163, 170–171, 177.
3. *Барсуков Н.Б.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Книга 18. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1904. С. 1–4.
4. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Составитель К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. С. 10–12, 31–36.
5. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Составитель К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. С. 39–46.
6. Газета «Колокол» № 126 от 22 марта 1862 года.
7. Газета «Северная Почта» за 20 февраля 1862 года.
8. *Барсуков Н.Б.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Книга 19. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1905. С. 1–3, 12–16, 31–35.
9. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Составитель К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954.

10. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Составитель К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. С. 93–132.
11. Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 76–77. Памятная книжка Тверской губернии на 1868 год. Тверь: типография губернского правления, 1868. Раздел второй. С. 406–410, 428–429, 486–497.
12. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 122–123 от 15 февраля 1862 года.
13. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Составитель К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. С. 48–66.
14. *Тернер Ф.Г.* Государство и землевладение. Часть первая. Крестьянское землевладение. СПб., 1896. С. 232–240.
15. Купчинов И.П. Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
16. ГАТО, ф. 494, оп. 1, д. 73, л.д. 1–9.
17. ГАТО, ф. 494, оп. 1, д. 1084, л.д. 1–5.
18. Там же. С. 17–34.
19. Там же. С. 40–45.
20. Там же. С. 56.
21. *Купчинов И.П.* Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
22. *Трутовский В.* Современное земство. Петроград, 1915. С. 19–22. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства 1866–1880 годы. Том I / Составлен Л.Ф. Виноградовым под ред. П.А. Корсакова, Тверь: типография губернской земской управы, 1888. С. 5–12.
23. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Том первый. Петроград, 1914. С. 499.
24. *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1904. С. 32–33.
25. *Жбанков Д.Н., Яковенко В.И.* Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899. С. 19–22, 53–54.
26. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с дополнениями на 1 января 1879 года / Составлен профессором Н.С. Таганцевым. СПб., 1879.
27. Протоколы экстренного заседания Тверского губернского земского собрания в мае 1871 года. Тверь, 1871. С. 8, 15–18, 27.

28. *Ключарев С.В.* Крестьянская нищета и финансово-экономическая система С.Ю. Витте. Киев, 1906. С. 40–42.
29. Историко-статистическое описание Тверской губернии / Составлено В.И. Покровским. Том 1. Тверь, 1879.
30. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть I. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 20–23.
31. Там же. С. 26–28.
32. Там же. С. 35, 41.
33. Генеральное Соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 годов. Тверь: типография Губернской земской управы, 1873. С. 66–69, 86, 98, 101, 155.
34. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 246–247, 291.
35. Там же. С. 6–14.
36. Там же. С. 478–480.
37. Там же. С. 90–93.
38. Там же. С. 64–65.
39. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 107, л.д. 1–2.
40. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию за 1797–1897 годы. СПб., 1898. С. 15–20.
41. Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию за 1797–1897 годы. СПб., 1898. С. 15–20.
42. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 14, л.д. 1–8.
43. Там же, л.д. 117–121.
44. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 16, л.д. 1–3, 10–11.
45. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 22, л.д. 1–3, 8–9.
46. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 34, л.д. 1–9, 14–15.
47. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 43. Тверская губерния. С. 163–171, 199.
48. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 82, л.д. 13.
49. Там же, л.д. 4–11.
50. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 525–526.
51. Там же. С. 526–527.

52. Там же. С. 542.
53. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 82, л.д. 1–3, 14.
54. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 542–544.
55. Там же. С. 568.
56. Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования императора Александра III (1881–1894 годы). Часть 2. Главное управление уделов. СПб., 1901.
57. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 107, л.д. 1–2.
58. ГАТО, ф. 512, оп. 1, д. 107, л.д. 4–21.
59. История уделов за столетие их существования 1797–1897 годы. Том II, часть II. СПб.: типография Главного управления уделов, 1901. С. 560–561.
60. Общий вывод статистических сведений и сравнительный вывод народонаселения по Тверской губернии с 1844 по 1849 годы. Тверь, 1850.
61. Из личного архива автора.
62. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описание 1783–1784 гг. Тверь, 1873. С. 68–71.
63. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. 2. Тверь, 1874. С. 116–118.
64. ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 50, л.д. 1–14.
65. Статья И.Н. Постникова в сборнике Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921. С. 51–53.
66. ГАТО, ф. 590, оп. 1, д. 1, л.д. 63–65, 137.
67. *Покровский В.И.* Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел III. С. 6–8, 21, 27, 82.
68. *Шарапов С.* Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб.: типография Е. Евдокимова, 1895. С. 10–11.
69. *Купчинов И.П.* Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
70. Обзор Тверской губернии за 1883 год. Тверь, 1884.
71. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства 1866–1880 годы. Том I / Составлен Л.Ф. Виноградовым под

ред. П.А. Корсакова. Тверь: типография губернской земской управы, 1888. С. 488–489. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, вып. 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 148, 150.
72. Переписная книга Бежецкого уезда 1709 года. Переписи князь Григорий Волконский. Тверь, 1888.
73. Герхард фон Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб.–М.: издание магазина «Книжное дело», 1900. С. 260–262.
74. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 321, л.д. 1–11.
75. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. 2. Тверь, 1874. Отдел 1. С. 1–2, 14. Отдел 2. С. 4.
76. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 329, л.д. 1–6;
77. Там же, д. 363, л.д. 1–5.
78. Сборник материалов для истории Тверского губернского земства 1866–1880 годы. Том I / Составлен Л.Ф. Виноградовым под ред. П.А. Корсакова. Тверь: типография губернской земской управы, 1888. С. 118–119, 254, 689, 805–807. *Веселовский Б.Б.* Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914. С. 3–27, 32, 44,
79. Там же. С. 60–61, 106.
80. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. 1. Тверь, 1874. С. 6.
81. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. 2. Тверь, 1874. С. 129.
82. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, вып. 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 20–27, 125–168.
83. Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии / Под ред. К.Я. Воробьева. Тверь: Типография Губернского земства, 1911. С. 115, 117.
84. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, вып. 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 16–27, 146–168.
85. Списки населенных мест Российской империи за 1859 год. Тверская губерния. СПб., 1862 год, стр. 163–171, 199–201.
86. ГАТО, фонд 1154, оп. 1, д.д. 26, 31, 52, 56.
87. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 6. Тверская губерния, Бежецкий уезд. С. 46–47.
88. ГАТО, ф. 530, оп. 1, д. 185, л.д. 1–5, д. 163.

89. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, вып. 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 76, 90, 101–111.
90. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д.40, л.д. 1–7. Сенин С.И. Многооконный на пригорке дом // Журнал «Тверская старина». 2015. № 36. С. 92–93.
91. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 43. Тверская губерния. С. 26.
92. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М.: Типография И.Д. Сытина, 1910. С. 5, 12.
93. Там же. С. 46–47, 52, 74, 80.
94. Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Статья С.Г. Петровского. Бежецк, 1921 г., стр. 60–63.
95. *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. М., 1924. С. 25, 35–37.
96. Тверской епархиальный статистический сборник / Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 78–84.
97. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 161, л.д. 4–5.
98. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 109, л.д. 21, 26.
99. Там же, д. 109, л.д. 59, 130; д. 215, л.д. 9.
100. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 132, л.д. 2–3, 10, 36.
101. Там же, л.д. 37, 69.
102. ГАТО, ф. 790, оп. 1. д. 150, л.д. 13–24.
103. ГАТО, ф. 790, оп. 1. д. 150, л.д. 15.
104. Там же, д. 215, л.д. 20.
105. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л.д. 37, 55.
106. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 109, л.д. 25; д. 150, л.д. 2; д. 215, л.д. 4.
107. Там же, ф. 34, оп. 1, д. 5, л.д. 1.
108. Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Том 6, вып. 1, Бежецкий уезд. М., 1891. С. 3–168.
109. Тверской епархиальный статистический сборник / Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 82.
110. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 161, л.д. 4–5. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. 2. Тверь, 1874. С. 125–126.
111. Тверской епархиальный статистический сборник / Составитель И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 78, 80, 84, 93.
112. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 248, л.д. 20, 62–63.
113. Там же, л.д. 194, 234–244, 261.
114. ГАТО, ф. 790, оп. 1, д. 265, л.д.3–10, 25;

115. Там же, ф. 34, оп. 1, д. 5, л.д. 1.
116. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / Составитель К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. С. 73–77.
117. *Покровский В.И.* Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I. Отдел I. С. 200–201. Сборник «Ссылка в Сибирь» / Составитель А.П. Саломан. СПб., 1900. С. 62–63.
118. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Составлено В.И. Покровским. Т. 1. Тверь, 1879.
119. *Купчинов И.П.* Крестьянское самоуправление. Очерк законов, близких к крестьянской жизни. М., 1905.
120. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 1, л.д. 1–2.
121. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 18, л.д. 1.
122. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 2, ф. 312, оп. 6, д. 480, л.д. 599, 650.
123. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 1, л.д. 1–17, 20–36, 55–57.
124. Там же, л.д. 150, 187, 203.
125. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 15, л.д. 76, 90.
126. РГАДА, ф. 1209, д. 11449, л. д. 383–386
127. РГАДА, ф. 1209, д. 11448, л. д. 253 об, 328 об; д. 11449, л. д. 454, 455, 460, 662.
128. ГАТО, ф. 186, дела 698, 868, 876.
129. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д.7, л.д. 1. *Костыгов С.Ю.* Василий Николаевич Зубов: портрет на фоне эпохи / Краеведческий портал «Пензенские хроники».
130. ГАТО, ф. 103, оп. 1, д. 1591, л.д. 28–29.
131. Покровский В.И. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1879. Т. I, Отдел II. С. 50.
132. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 6. Тверская губерния, Бежецкий уезд. С. 53–54.
133. Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Статья И.Н. Постникова. Бежецк, 1921. С. 47.
134. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11449, л. д. 363–365.
135. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 2417, л.д. 1–2.
136. Там же, ф. 871, оп.1, д. 13, л.д.1.
137. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 17, л.д. 1–2.
138. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д.14, л.д.1, 7.

139. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11449, л. д. 349 об., 353 об. – 355 об. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 4180, л.д. 35.
140. ГАТО, ф. 590, оп.1, д.448, л.д. 1–4.
141. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д.40, л.д. 1–7.
142. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 15, л.д. 1–2; ф. 530, оп. 1, д. 8, л.д. 1.
143. ГАТО, ф. 530, оп. 1, д. 10, л.д. 3.
144. Там же, л.д. 2.
145. Там же, л.д. 7–8.
146. Там же, л.д. 9–10.
147. Там же, л.д. 24–26.
148. Там же, л.д. 21.
149. Газета А.И Герцена и Н.П. Огарева «Колокол» № 228 от 1 октября 1866 года.
150. Газета «Тверские губернские ведомости», № 27 от 19 июля 1862 года.
151. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Т. 43. Тверская губерния. С. 50, 54–55.
152. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 3905, л.д. 187–195.
153. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 9, л.д. 9.
154. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 14, л.д. 2.
155. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 9, л.д. 7.
156. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 17, л.д. 4–6.
157. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 24, л.д. 1–3.
158. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 16, л.д. 1–4.
159. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 9, л.д. 10–11.
160. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 3905, л.д. 194–195.
161. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 19, л.д. 1.
161. ГАТО, ф. 1403, оп. 1, д. 20, л.д. 1–2.
163. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 39, л.д. 1–4.
164. ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 4896, л.д. 1–3.
165. *Веселовский Б.Б.* Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 годы). Тверь, 1914. С. 153, 331–333.
166. ГАТО, ф. 640, оп. 1, д. 5, л.д. 1–8.
167. Архив – школе. Сборник. Вып. 4. Тверь, 1997. С. 50–52.
168. ГАТО, ф. 56, оп. 4, д. 398, л.д. 35–36. Обзор Тверской губернии за 1883 год. Тверь, 1884. С. 44.
169. *Копытин Н.С.* Какими мерами Бежецкое земство содействует улучшению крестьянского хозяйства в уезде. Бежецк, 1901. Ста-

тистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии / Под ред. К.Я. Воробьева. Тверь, 1911. С. 119–120, 157.
170. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 5, л.д. 1.
171. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 4, л.д. 31.
172. Там же, л.д. 114–115.
173. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 1, л.д. 76–78.
174. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 9, л.д. 1.
175. Там же, л.д. 5–6.
176. Там же, л.д. 9–10.
177. Там же, л.д. 75–77, 183. 232.
178. ГАТО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л.д. 8–12.
179. Там же, л.д. 13–16.
180. Там же, л.д. 19–21.
181. Там же, л.д. 139–140.
182. Там же, л.д. 25–26, 237.
183. Там же, л.д. 3–5.
184. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 37, л.д. 1–2.
185. ГАТО, ф. 871, оп. 1, д. 38, л.д. 1.
186. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 15, л.д. 64–66, 71.
187. ГАТО, ф. 513, оп. 1, д. 382, л.д. 1–9, 26, 47, 52–61.
188. Там же. С. 71–76.
189. Там же. С. 101–113.
190. Николай Гумилев в воспоминаниях современников: сборник / Редактор-составитель Вадим Крейд. М., 1990. С. 151–156.
191. По воспоминаниям Анны Ивановны Лучинской (Смирновой).
192. ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 122-а, л.д. 6, 26–28.
193. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 38, л.д. 1–7.
194. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д.40, л.д. 1–7.
195. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 39, л.д. 2–3.
196. ГАТО, ф. Р-452, оп. 1, д. 48, л.д. 1–3, 12–13.
197. Там же. С. 19–20, 30.
198. Там же, л.д. 11.
199. ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 40, л.д. 6.
200. ГАТО, ф. Р-539, оп. 1, д. 7, л.д. 3.
201. Там же, л.д. 54.
202. Там же, л.д. 154.
203. Из воспоминаний Анны Ивановны Лучинской (Смирновой) и Николая Ивановича Кудряшова.

Книга третья

Незавершенная реформа

Введение

К началу проведения Столыпинской аграрной реформы в 1907 году, в карельских деревнях еще были живы старики, которые хорошо помнили, что удельных крестьян с 1865 года называли «крестьяне-собственники», значит, с того времени они должны быть собственниками надельной земли. В русских деревнях старики помнили, что тех крестьян, кто через девять лет со времени объявления реформы 1861 года выплатили денежный выкуп, с 1870 года также стали называть «крестьянами-собственниками». Ведь выкуп в сумме 150 рублей они платили за волю от помещика, усадьбу и усадебную оседлость вместе с одним полевым наделом на домохозяйство.

Сначала крестьянам было заявлено, что приобретенными по реформе землями крестьянских наделов и выкупленными усадьбами, крестьяне могли владеть, пользоваться и распоряжаться, как своим достоянием. Ограничение заключалось в том, что в продолжение первых девяти лет, со времени утверждения Общего Положения, означенные земли не могли быть отчуждаемы, или закладываемы посторонним лицам, не принадлежащим к конкретному сельскому обществу.

Но, после вступления на престол в 1881 году императора Александра III и в 1894 году императора Николая II, ситуация постепенно изменялась. Правительство и многие губернаторы стали считать, что

выкупленная в результате крестьянской реформы пахотная земля и сенокосы относятся к собственности сельской общины, а не конкретных крестьян, которые могут за свои деньги выкупать полевые наделы у своей общины. Что крестьяне имеют в собственности только ***усадебный участок и усадебную оседлость*** – право проживания на своей усадьбе и строительства на ней дома и хозяйственных построек. Правительство полагало, что в результате проведения реформы 1861 года крестьяне после выплаты выкупных платежей получили лишь вольность от помещиков, а в собственность – усадьбу, дом и хозяйственные постройки.

Таким образом, после реформ 1861 и 1863 годов не была доведена до конца передача в собственность крестьян участков надельной земли, которыми они лишь пользовались. Владели и распоряжались земельными наделами и сенокосами сельские общины. То есть три признака собственности: владение, распоряжение и пользование разделили по двум субъектам: крестьянам и сельским общинам, хотя до 1907 года крестьяне в деревнях, в которых долгое время не было никаких общих переделов земли, так и считали себя собственниками земельных наделов. Согласно положениям гражданского права, собственнику принадлежат ***права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.***

8 июля 1906 года министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин был назначен председателем Совета министров России. Вступив на эту должность, П.А. Столыпин стал добиваться проведения новой аграрной реформы, во время которой передать крестьянам ***право владения и распоряжения*** не только купленной ими за свои деньги землей, но и надельными участками, полученными по реформам 1861 и 1863 годов.

Толчком для проведения крестьянской аграрной реформы послужили революционные настроения в деревне 1905 года. Одной из основных причин крестьянских волнений стало уменьшение надельной земли многих домохозяев за реформенный период с 1861 года в результате увеличения семей и семейных разделов.

Аграрной Столыпинской реформе предшествовал ряд указов и нормативных актов императора. Так, Манифест императора Николая II от 3 ноября 1905 года гласил о снижении наполовину с 1 января 1906 года оставшихся выкупных платежей, установленных реформой 1861 года, за вольность, усадьбу и надельную землю. Этим Манифес-

том предусматривалось, что с 1 января 1907 года оставшиеся выкупные платежи полностью отменяются.

Указом императора Николая II от 5 октября 1906 года были отменены телесные наказания крестьян по приговорам волостных судов. Земские начальники лишились права арестовывать и штрафовать крестьян за административные правонарушения. С того времени крестьяне получали право менять место жительства, поступать на государственную службу и в учебные заведения.

Одновременно готовился текст указа об аграрной реформе, его готовил товарищ министра внутренних дел Владимир Иосифович Гурко, Указ был издан императором 9 ноября 1906 года, с визой председателя правительства П.А. Столыпина.

Суть аграрной реформы заключалась в передаче крестьянам права не только пользования надельной землей, но владения и распоряжения ею, то есть в полную собственность. Чтобы крестьяне могли ее продавать, покупать, дарить, передавать по наследству, сдавать в аренду, совершать другие необходимые им юридические операции. При этом участок земли крестьянину предоставлялся в одном месте, чтобы ликвидировать имевшуюся чересполосицу.

Для выхода из сельской общины крестьянам бесплатно выделялся участок земли в пределах площади их бывшего надела, и дополнительно за деньги, участки неиспользуемой земли помещиками и другими домохозяевами, с переездом туда из деревни или без переезда.

Если крестьянин переезжал с семьей на свой участок, что был в одном месте, строил там дом и хозяйственные постройки, этот участок земли с домом называли ***хутор.*** В том случае, если крестьянин оставался жить в деревне, его собственный участок называли ***отрубом.*** Кроме индивидуальных домохозяев, участки ранее неиспользуемой земли продавали отдельным товариществам или обществам.

Если такой выдел оказывался неудобным или невозможным, то обществу предоставлялось право удовлетворить условия крестьянина, желавшего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению, или по оценке надельной земли.

Столыпин говорил, что ему требуется двадцать лет на то, чтобы преобразовать российскую деревню, но такого времени ему не дали. Срок активного проведения аграрной реформы был очень коротким, с 1907 по 1914 годы – всего 7 лет, из них первые 3 года правительству приходилось доказывать депутатам Государственной Думы и Госу-

дарственного Совета необходимость проведения реформы. Ее дальнейшему проведению помешало убийство П.А. Столыпина в сентябре 1911 года, начало Первой мировой войны в августе 1914 года, переросшей сначала в Февральскую, затем Октябрьскую революции 1917 года и в Гражданскую войну.

Обоснование необходимости аграрной реформы

Исходя из высказываний инициатора реформ Петра Аркадьевича Столыпина, ее задачей было обеспечение страны хлебом. Эта цель подтверждается крылатыми выражениями П.А. Столыпина, высказанными в спорах со своими идейными оппонентами в Государственной Думе II созыва: «Дайте государству 20 лет внутреннего и внешнего мира, и вы не узнаете нынешней России!». «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!».

Начиная проведение аграрной реформы, Столыпин ставил целью сделать Россию мощной, процветающей страной с изобилием хлеба и сельскохозяйственных продуктов. Эту задачу предлагалось выполнить:

- путем передачи надельной земли в полную собственность крестьян, добиваясь тем самым, повышения урожая;
- путем увеличения посевных площадей за счет передачи крестьянам неиспользуемых помещичьих земель;
- путем переселения крестьян на огромные, пустующие земельные площади за Урал и в Сибирь из густонаселенных губерний Европейской России.

П.А. Столыпин настойчиво ставил вопрос о прямой зависимости процветания России от благополучия крестьян. «Пока крестьянин беден, – говорил П.А. Столыпин, – пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы…

Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий

чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма» [1].

В апреле 1907 года соответствующий законопроект об аграрной реформе, составленный на основе Указа императора от 6 ноября 1906 года, правительством был внесен во II Государственную Думу. Однако в ходе многочисленных сессий и споров проявилось отрицательное отношение думского большинства к этому законопроекту, что стало одной из причин роспуска II Государственной Думы. В дальнейшем законопроект был внесен на рассмотрение депутатами III Государственной Думы.

Обосновывая необходимость издания Закона на основании Указа императора от 9 ноября 1906 года, отстаивая основные принципы, заложенные в Указе, в своем выступлении перед депутатами II Государственной думы 10 мая 1907 года, П.А. Столыпин заявлял: «Надо дать крестьянину возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворной там, где община уже не жизненна. Но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, то есть деньгами…

…В настоящее время государство у нас хворает. Самый больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Противникам государственности нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [2].

В своем выступлении перед депутатами III Государственной Думы 5 декабря 1908 года П.А. Столыпин говорил: «Где община, как принудительный союз ставит преграду для самостоятельности крестьянина, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью. Надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя…

Когда мы пишем закон для всей страны, надо иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, укрепивших за собой более 3,2 десятин земли. Крепкий личный собственник является преградой для развития революционного движения. На съезде социалистов-ре-

волюционеров в Лондоне в сентябре настоящего года в их положении было записано: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции»…

Все силы и законодатель и правительство должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния – земли. Необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля – это залог нашей силы в будущем, земля – это Россия» [3].

Депутаты Государственной Думы, поддерживающие позицию правительства, заявляли, что Указ от 9 ноября 1906 года, не просто закон об условиях выхода крестьян из общины, необходимого ввиду завершения выкупной операции, а законченный метод разрешения аграрного вопроса.

Докладывая членам Государственного Совета 15 марта 1910 года законопроект на основе Указа императора, П.А. Столыпин говорил: «Указ от 9 ноября 1906 года возник в смутное время, когда еще горели или догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась, как свобода насилия.

Не вводя силою закона никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия над свободной волей крестьянина. К 1 февраля 1910 года заявили желание укрепить свои участки в личную собственность более 1,7 млн домохозяев или около 17% всех общинников-домохозяев. Они укрепили участки общей площадью 8,8 млн десятин земли» [4].

26 марта 1910 года на заседании Государственного Совета обсуждался вопрос по статьям законопроекта, на каком праве крестьяне должны укреплять надельные земельные участки. Согласно законопроекту правительства, собственником земли должен стать крестьянин-домохозяин, а не вся его крестьянская семья, на чем настаивали некоторые члены Государственного Совета. Защищая свой вариант, П.А. Столыпин заявил: «Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей, а земля – это Россия» [6].

2 июня 1910 года Государственная Дума одобрила законопроект, 10 июня его поддержал Государственный Совет, император Николай II подписал Закон 14 июня 1910 года. С момента издания Указа императора Николая II о проведении аграрной реформы и принятием Закона прошло 3 года и 7 месяцев, во время которых реализация реформы на местах активно тормозилась исполнителями и земскими начальниками.

Законодательная база аграрной реформы

Законодательной базой для проведения аграрной реформы стали следующие основные нормативные акты:

1. Указ Николая II «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 года.
2. Закон от 14 июня 1910 года именовался «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о крестьянском землевладении».
3. Закон «О землеустройстве» от 29 мая 1911 года.

В Указе Николая II ***«О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»*** от 9 ноября 1906 года отмечалось, что Манифестом от 3 ноября 1905 года взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли отменялось с 1 января 1907 года. С этого времени надельные земли освобождались от лежащих на них ограничений, и крестьяне приобретали право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела.

Однако действительное осуществление этого признанного законом права в большинстве сельских общин встретило практические затруднения в невозможности определить размер и произвести выдел участков, причитающихся выходящим из общины домохозяевам.

С другой стороны, в законе не был установлен порядок совершения сделок об отчуждении состоящих в подворном владении участков на-

дельной земли, на которые у собственников их не имелось отдельных крепостных актов владения.

На основании статьи 87 Свода основных государственных законов, издания 1906 года, император повелевал:

I. В дополнение статьи 12 «Общего положения о крестьянах» и примечания к ней постановить следующие правила:

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в которых не было общих переделов в течение 24 лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все участки общинной земли, состоящие в его постоянном (не арендном) пользовании.

3. В обществах, в которых в течение 24 лет, предшествовавших заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, были общие переделы, за каждым сделавшим такое заявление домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все те участки общинной земли, которые предоставлены ему обществом в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование.

Но если в постоянном пользовании желающего перейти к личному владению домохозяина состоит земли больше, нежели причиталось бы на его долю, на основаниях последней разверстки, по числу разверсточных единиц в его семье ко времени упомянутого заявления, то за ним укрепляется в личную собственность то количество общинной земли, какое причитается ему по указанному расчету.

Поэтому, оказавшийся излишек укрепляется в личную собственность только под условием уплаты обществу его стоимости, определяемой по первоначальной средней выкупной цене за десятину предоставленных в надел данному обществу угодий, облагавшихся выкупными платежами. В противном случае весь означенный излишек поступает в распоряжение общества.

4. Домохозяева, за которыми укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящей в постоянном пользовании, сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокос-

ными, лесными и другими угодьями, которые переделяются на особых основаниях, а также право участия в пользовании, на принятых в обществах основаниях, непеределяемыми угодьями, как то: мирской усадебной землей, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и другими.

5. Постоянные доли в угодьях, переделяемых на особых основаниях, определяются в том размере, в каком домохозяева, пользуются означенными угодьями ко времени подачи такого заявления.

6. Требования об укреплении в личную собственность части из общинной земли предъявляются через сельского старосту обществу, которое по приговору, постановленному простым большинством голосов, обязано в месячный со дня подачи заявления срок указать участки, поступающие в собственность переходящего к личному владению домохозяина, а в подлежащих случаях определить также размер причитающейся с него доплаты и постоянную его долю участия в угодиях, переделяемых на особых основаниях.

Если в течение указанного срока общество такого приговора не постановит, то по ходатайству подавшего упомянутое заявление домохозяина все означенные действия исполняются на месте земским начальником, который разбирает по существу все возникающие при этом споры и объявляет свое по этому предмету постановление.

7. В упомянутых в статье 6 приговорах и постановлениях земских начальников должны быть точно указаны:

а) число укрепляемых в личную собственность домохозяина отдельных участков, а также размер и род угодий каждого из них;

б) количество и описание состоящих в наделе общества угодий, переделяемых на особых основаниях, и постоянная доля участия в этих угодиях домохозяина, переходящего к личному владению;

в) состоящие в общем пользовании всех членов общества непеределяемые угодья.

8. Стороны и заинтересованные лица могут приносить уездному съезду жалобы на общественные приговоры и постановления земского начальника в тридцатидневный срок со времени их объявления. Жалобы на общественные приговоры подаются через земского начальника и представляются им с его заключением в уездный съезд по производстве на месте предварительного расследования. Как обжало-

ванные, так и необжалованные общественные приговоры и постановления земского начальника представляются на утверждение уездного съезда.

9. Постановления уездного съезда, последовавшие по жалобам на общественные приговоры и постановления земского начальника, равно как об утверждении этих приговоров и постановлений, почитаются окончательными и приводятся в исполнение сельским старостой или волостным старшиной. На постановления уездного съезда могут быть приносимы жалобы губернскому присутствию лишь в случае превышения пределов ведомства или власти или же явного нарушения закона…

11. В тех случаях, когда домохозяева, в личную собственность которых укреплены участки надельной земли, или общество пожелают отграничить эти участки в натуре и нанести их на план, межевые работы и составление планов могут быть исполняемы как правительственными, так и частными землемерами за счет той из сторон, которая признала необходимым произвести отграничение.

12. Каждый домохозяин, за которым укреплены участки надельной земли в порядке, установленном в статьях 1–11 настоящих правил, имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему, взамен этих участков, соответственный участок, по возможности к одному месту.

13. В тех случаях, когда требование о выделе к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел же оказывается неудобным или невозможным, обществу предоставляется удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному с ним соглашению, а при недостижении согласия – по оценке, установляемой волостным судом. Со своей стороны, желающий выделиться домохозяин, если найдет определенную судом оценку для себя невыгодной, может отказаться от получения денег и продолжать владеть укрепленными в его собственность участками в прежних границах.

14. При общих переделах выдел к одним местам участков домохозяевам, заявившим желание о переходе к личному владению до вступления в законную силу приговора о переделе или ранее укрепившим за собой участки надельной земли в порядке, установленном статьями 1–11 настоящих правил, обязателен как по требованию этих домохозяев, так и общества, без права последнегоудовлетворять выделяющихся деньгами.

15. Споры, возникающие при выделе участков к одним местам, разрешаются на основаниях, установленных в примечании к статье 12 «Общего положения о крестьянах», издания 1902 года.

16. Домохозяева, перешедшие от общинного владения к личному, а также их правопреемники пользуются укрепленными в их личную собственность на основании настоящих правил участками до выдела их к одному месту, на одинаковых правах с владельцами подворных участков.

За правопреемниками сохраняется также право на участие в пользовании как переделяемыми на особых основаниях угодьями в той мере, в какой это право было предоставлено первоначальным собственникам участков, так и непеределяемыми угодьями, на принятых в обществах основаниях.

17. В порядке и на основаниях, установленных статьями 4–16 настоящих правил, производится укрепление в личную собственность выдел участков, досрочно выкупленных на основании статьи 165 «Положения о выкупе», издания 1876 года, и не выделенных к одному месту.

18. Действие настоящих правил (ст. 1–16) распространяется на крестьян всех наименований, причем укрепление в личную собственность отдельных домохозяев участков из общинной земли до освобождения ее от выкупного долга допускается при условии погашения части этого долга, падающей на укрепляемые участки.

II. В дополнение действующих узаконений о порядке отчуждения надельных земель, состоящих в подворном владении, постановить:

1. Отчуждение участков надельной земли, состоящих в подворном владении, совершается общим крепостным порядком.

2. Принадлежность участков лицам, их отчуждающим, может быть удостоверяема в нотариальных учреждениях одним из следующих документов:

а) крепостными актами;
б) владенными записями и иными землеустроительными актами, выданными крестьянскими учреждениями;
в) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение решениями судебных установлений, а равно волостных судов и уездных съездов по делам о праве собственности на недвижимое имущество, входящее в состав надела, и о наследовании в этом имуществе;

г) сделками об отчуждении, совершенными до 25 января 1883 г. в волостных правлениях;

д) утвержденными уездным съездом общественными приговорами или постановлениями земских начальников об укреплении в личную собственность отдельных домохозяев участков из надельной земли, состоящей в общинном пользовании;

е) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение приговорами сельских и селенных сходов о предоставлении участков из общинной земли в подворное владение отдельных домохозяев, равно как о замене общинного пользования землей подворным и о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки и на хутора, а также приговорами о переходе целых обществ с подворным землепользованием к владению в отрубных участках;

ж) в обществах с подворным землепользованием, а в отношении усадебных участков и в обществах с общинным землепользованием – утвержденными земским начальником или соответствующим ему должностным лицом приговорами сельских и селенных сходов о том, что отчуждаемый участок действительно принадлежит отчуждающему его лицу на праве собственности.

3. Приговоры сельских и селенных сходов, упомянутые в пункте «ж» статьи 2 настоящего отдела, постановляются по ходатайствам владельцев подворных и усадебных участков и утверждаются с соблюдением следующих правил:

а) означенные приговоры постановляются простым большинством голосов в удостоверение принадлежности отдельным домохозяевам не только полных, значащихся по землеустроительным актам, подворных участков, но и частей их, состоящих в бесспорном владении отдельных лиц;

б) в приговор обязательно включаются сведения о размере участка, числе отдельных отрубов, из которых он состоит, размере каждого отруба и реже угодий, а также подробное описание местоположений участка и его границ;

в) в тех случаях, когда точное описание границ представляется невозможным, к приговору должен быть приложен план участка, составляемый за счет владельца;

г) приговор обязательно записывается в установленную для записи приговоров сельского схода книгу, а копия с него выве-

шивается для общего сведения в волостном правлении и в том селении, где находится участок, относительно которого состоялся приговор;

д) волостной старшина обязан в недельный срок по составлении приговора проверить на месте содержание его по существу в присутствии трех понятых и немедленно представить приговор со своим заключением на утверждение земского начальника;

е) в месячный, со дня проверки волостным старшиной, срок приговор может быть обжалован заинтересованными лицами земскому начальнику;

ж) приговор не подлежит утверждению, если окажется неправильным с формальной стороны, или если при составлении его не соблюдены требования, изложенные в настоящей статье, или если будет возбужден спор о праве гражданском, подлежащий разрешению суда.

4. Выписки нотариальных актов, касающихся надельных земель и подлежащих утверждению старших нотариусов, могут быть пересылаемы нотариусами старшему нотариусу по почте.

III. В дополнение действующих узаконений, определяющих права крестьян на участки надельной земли, состоящие в подворном владении, постановить:

1. Подворные участки, как представленные в подворное владение крестьян при наделении их землей, так и укрепленные впоследствии в личную собственность отдельных крестьян из общинных земель, а также усадебные участки при общинном землепользовании составляют личную собственность домохозяев, за которыми эти участки значатся по землеустроительным актам, общественным приговорам, постановлениям крестьянских учреждений, актам об отчуждении и решениям судебных мест. Таковым же правом на упомянутые участки пользуются и правопреемники этих домохозяев.

2. В тех случаях, когда указанные в предшедшей статье участки находятся в нераздельном владении нескольких лиц, не состоящих между собой в родстве по прямой нисходящей линии, они составляют общую их собственность.

IV. В дополнение статей 62 и 66 «Общего положения о крестьянах» и статьи 15 «Положения о поземельном устройстве крестьян и поселян разных наименований, водворенных на владельческих землях» постановить:

При этом переход целых обществ, как с общинным, так и с подворным землепользованием к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановленным большинством двух трети крестьян, имеющих право голоса на сходе [5].

Нужно отметить, что статья 87 «Свода основных государственных законов» передавала законодательные функции императору между сессиями Государственной Думы. Действие принятого императором Указа прекращалось в том случае, если его не представляли на рассмотрение Думы в течение двух месяцев со времени возобновления сессии или при отклонении Указа Думой или Государственным Советом. В связи с этим, Указ императора был направлен, в соответствии с установленным порядком, на рассмотрение депутатов Государственной Думы в виде проекта Закона «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

Проект Закона был внесен в III Государственную Думу в январе 1908 года, где рассматривался в земельной комиссии, а затем на общих заседаниях Думы и в редакционной комиссии. Был одобрен Думой по докладу редакционной комиссии 8 мая 1909 года. При дальнейшем обсуждении в верхней палате российского парламента – Государственном Совете законопроект подвергся некоторым изменениям. Была образована согласительная комиссия, предложения которой получили Думы и Государственного Совета.

Закон дублировал основные положения Указа императора Николая II. Наиболее значительными изменениями Закона «Об изменениях и дополнениях некоторых постановлений о крестьянском землевладении» в сравнении с Указом от 9 ноября 1906 года являлись:

1. Признание сельских обществ и селений, в которых не было общих переделов в течение последних 24 лет с момента наделения землей, перешедшими к подворному владению надельными участками.
2. Переход целых сельских обществ и селений с подворным или участковым владением на отруба простым большинством голосов на сходе, когда как для обществ и селений с общинным владением был оставлен прежний порядок перехода по большинству в 2/3 голосов.
3. Отмена оплаты за излишки земли при выходе из общины на отруба.

Таким образом, Законом от 14 июня 1910 года было узаконено два вида землеустройства деревни: *общинное разверстание земли и индивидуальные выделы домохозяев на их отрубные и хуторские хозяйства.* По принятым в Законе от 14 июня 1910 года поправкам, домохозяева всех деревень и поселений по всей России, остававшиеся жить на месте без выдела, получили право на личную собственность надельной земли с передачей ее по наследству.

У всех деревенских домохозяев этим законом сохраняли право на пользование общественными угодьями в сохраняемых за ними долях. Сельские сходы получили право требовать составления общих на всю сельскую общину или на всю деревню актов, удостоверяющих права собственности отдельных домохозяев на земельные участки, которыми они до того времени пользовались. Эти акты составляли земские начальники и объявляли их на сельском сходе.

Закон от 14 июня 1910 года успокоил крестьян, прекратились волнения и брожение среди них.

Проект закона «О землеустройстве» был внесен еще на рассмотрение II Государственной Думой в марте 1907 года, но остался нерассмотренным. В ноябре 1907 года он был внесен на рассмотрение III Государственной Думы, одобрен ею 18 февраля 1910 года. При обсуждении законопроекта в Государственном Совете текст подвергся некоторым изменениям. После длительной процедуры согласований законопроект был поддержан Думой и Государственным Советом лишь в 1911 году, его 29 мая 1911 года подписал император Николай II, закон был введен в действие до 1 ноября того же года.

Законом «О землеустройстве» ***от 29 мая 1911 года*** были определены уездные и губернские землеустроительные комиссии, ранее работавшие на основании Указа императора от 4 марта 1906 года. Указан порядок формирования этих комиссий, их состав.

Крестьянскому поземельному банку было предоставлено право, по ходатайствам подлежащих обществ и товариществ, приступавших к разверстанию на отруба заложенных в банке земель и нуждающихся в средствах для предварительного погашения долгов по доплатам за эти земли прежним их собственникам или же на покрытие вызываемых улучшением землевладения расходов:

1) производить перезалог упомянутых земель и ранее истечения пятилетнего срока со времени заключения обществом или то-

вариществом первоначального займа, с распределением дополнительной ссуды, вместе с первоначальною, между владельцами отдельных, получившихся от разверстания участков;

2) производить расчет с прежними собственниками земель по долгам обществ и товариществ, с соответственным увеличением этих переводимых на банк долгов.

Законом от 29 мая 1911 года было утверждено «**Положение о землеустройстве»,** в котором определялся порядок выдела надельных земельных участков в одном месте, как отдельным домовладельцам, так и целым сельским обществам.

В этом Законе десять глав и 123 статьи, где даны подробные инструкции, в соответствие с Законом от 14 июня 1910 года, о проведении полного, по целым обществам, разверстания угодий на отрубные участки, о разверстании чересполосности надельных земель и земель мелкого владения в одном месте (на отрубные участки).

Отдельные главы Закона посвящены порядку составления проектов землеустройства, их рассмотрения и утверждения, разрешению споров об отграничении, а также посвящены работе землеустроительных комиссий и обжалованию их действий [6].

Чтобы уменьшить число спорных вопросов при разверстывании целых деревень и поселений, к 1914 году в 10,8 раз увеличили штат землемеров в землеустроительных комиссиях в сравнении с 1907 годом [7].

Изменение статуса надельной земли

Когда П.А. Столыпин говорил, что ему нужно двадцать лет на то, чтобы изменить деревню, он, прежде всего, считал необходимым изменение статуса надельной земли. Изменение статуса надельной земли, при реализации Столыпинской аграрной реформы, заключалось в том, что она переходила от владения и распоряжения сельской общины в полную собственность крестьянина. Он ею начинал не только пользоваться, но и владеть, и распоряжаться.

Связь крестьянина с природой, прежде всего, с землей и работа на ней является сутью деревенской культуры. Ко времени начала

проведения Столыпинской реформы надельной землей владели и распоряжались сельские общины. При этом пользовались ею сами крестьяне – члены общины.

В полной совместной собственности общины находилась мирская земля – выгоны, сенокосы, неудобья, пустоши и другие участки. Община владела и распоряжалась такой землей по своему усмотрению, эти участки не разделялись между крестьянами.

Сельское общество могло в сроки, установленные законом, произвести общий передел мирской земли – изменить размеры участков в пользовании крестьянских семей сообразно изменившемуся количеству работников и способности уплачивать подати. В бывших помещичьих деревнях переделы сначала проводили через каждые 3 года, потом не ранее 6 лет, с 1893 года переделы разрешалось проводить не чаще, чем один раз в 12 лет. Из-за переделов появлялось больше бедных семей, так как по положению, земля делилась на число мужских душ. Со временем население увеличивалось, количество земли оставалось прежним, участки уменьшались.

Многие крестьянские общества бывших удельных крестьян, к которым относилось большинство тверских карел, не проводили регулярных переделов, а некоторые общества произвели их только один раз при освобождении от удельной зависимости после 1865 года.

Кроме общих переделов, затрагивавших всю землю общины, нередко производилось увеличение надела одного хозяйства за счет уменьшения другого. Как правило, земля отрезалась от вдов, состарившихся людей, уже не способных ее обрабатывать, и прирезалась к крепким, увеличившимся семьям. Законом от 8 июня 1893 года были запрещены частные переделы общинной земли, когда в период между общими переделами одним дворам прирезали небольшие участки земли, отобрав ее у других домохозяев из-за уменьшения душ мужского пола.

Сельские общины, дополнительно к земле, полученной при наделении в ходе освобождения крестьян по реформам 1861 и 1863 годов, могли покупать землю через обычные частные сделки. По отношению к этой земле они являлись полноправными частными коллективными собственниками. Эта земля могла быть продана или заложена сельскими общинами без согласования с властями.

Первоначально правительство П.А. Столыпина стремилось ***к укреплению собственности крестьян на надельную землю путем***

единоличного выхода домохозяина из сельской общины на отруба и хутора. Однако эта практика не нашла поддержки со стороны крестьян, к 1911 году в разных губерниях лишь 3–5% крестьянских хозяйств согласились выйти на отруба и хутора, чтобы стать полным собственником выделенного участка земли. Чаще всего на хутора выделялись богатые крестьяне, денежные средства которых устраняли всякие препятствия при переносе усадьбы, дома и хозяйственных построек на отведенный им участок земли в одном месте.

Выполнение на местах аграрной реформы П.А. Столыпина шло плохо. Даже спустя год, а в некоторых карельских деревнях, и спустя два года, после опубликования Указа от 9 ноября 1906 года, о нем мало кто знал. А те, кто знали, не обращали на него внимания, им нужно было добывать хлеб, чтобы прокормить семью. Положения Указа разъяснял земский начальник на деревенских сходах.

В некоторых местностях среди бывших помещичьих крестьян распускали слух, что тем, кто выйдет из сельской общины, не будет прирезки помещичьей земли. Этот слух подкреплялся действиями крестьянского банка, который продавал участки помещичьей земли не только отдельным крестьянским хозяйствам, но и сельским общинам, так как 13 июня 1907 года Совет министров рассматривал вопрос о ликвидации огромных земельных запасов Крестьянского банка.

При выходе из общества за домохозяином укреплялось то количество земли, которое следовало ему по числу наличных мужских душ в семье на время выделения из сельской общины. Излишки к надельному участку укреплялись в собственность под условием оплаты сельскому обществу его стоимости. При этом выигрывали более состоятельные домохозяева, способные заплатить деньги за излишки земли.

Указом от 9 ноября 1906 года предполагалось выделение участка земли в одном месте, чтобы ликвидировать чересполосицу. Выход крестьян из сельской общины вызывал недовольство остававшихся проживать в деревне без выдела жителей. На сельских сходах возникали серьезные споры по разным вопросам. Качество земли вокруг любой деревни было разное, богачи с деньгами могли рассчитывать на более удобренные и качественные участки земли.

Там, где проводили частые переделы, крестьяне не были заинтересованы в улучшении плодородия земли, которую они могли поте-

рять при очередном переделе. Никто из крестьян не хотел отдавать свою хорошо обработанную землю выделяющемуся домохозяину, чтобы того наделяли участком в одном месте. В то же время и выделяющийся крестьянин не хотел оставлять свою полевую землю и выходить на один участок, порою плохо обработанный или вообще пустошь.

Как выход, крестьяне на сельских сходах предлагали выделяющемуся из общины крестьянину перейти на хуторское ведение хозяйства, на пустошь или другое свободное неразработанное место. Говорили, что там он может разделить поля вблизи дома, как ему удобно, и развивать травопольное культурное хозяйство, что невозможно в сельской общине. Но на обустройство и развитие такого хуторского хозяйства на голом месте нужны были большие материальные затраты, а денег у крестьян не было. Оставалась надежда на долгосрочный беспроцентный кредит.

В то же время крестьяне задумывались над тем, что получив участок в одном месте, можно ли его будет расширять, и за счет чего? При увеличении семьи этот один участок придется дробить все больше и больше, в конце концов, он будет опять разделен на полосы или клочки. Оставаясь же в сельской общине, крестьянин ничего не терял. У него никто не собирался отбирать пахотную землю, покосы, луга. Так зачем же выходить из общины?

Большинство малоземельных крестьян было против выхода из общины, даже не раздумывая. Каким может быть собственником малоземельный крестьянин со своим клочком земли и без денег? На разработку новых полей денег у них не было, на возврат ссуды денег им тоже не найти. «Званием собственника земли сыт не будешь» – говорили они на сходах.

После разных рассуждений на сходах, многие крестьяне, до того желавшие выделиться из сельской общины, предпочитали оставаться в ней, чтобы не порождать вражды с соседями и обществом.

На губернских совещаниях и в письмах губернаторов земским начальникам обращалось внимание на допущенные ошибки при проведении аграрной реформы по Указу императора от 9 ноября 1906 года.

1. Укрепление в личную собственность участка земли мог требовать также крестьянин, не являющийся домохозяином, но бывший

родоначальником семьи. Земским начальникам предлагалось этот момент учитывать, о чем писать в приговорах сельских сходов.

В случае укрепления земли сыном при жизни отца к делу должно быть приложено согласие последнего на укрепление за сыном.

В приговорах сельских сходов необходимо указывать число душ в выделяемой семье и число душ в этой деревне или селении.

В описательной или протокольной части актов указывать все угодья, принадлежащие селению, без пропуска, и в каждом из них определять долю или право участия выделяющегося крестьянина.

При определении неизменной доли укрепляющегося домохозяина рассчитывать ее при указании ***либо наличных душ, как в семье, так и всего селения, либо ревизских душ в семье и селении,*** чтобы не допускать неверного определения прав укрепления.

2. Если жалоб на приговор сельского схода не поступало, то проверку земским начальником этого приговора не проводить. Незаконно и недопустимо было, когда земские начальники устанавливали двухнедельный срок для проверки обмера земли и предоставление ему акта об этом, и не получив акт в этот срок, прекращали дело. Земский начальник мог прекратить дело только лишь при отказе заявителя от укрепления за ним земельного участка.

Обмер участков земли, проведенный самим заявителем, не мог считаться достоверным. Обмер должен был проводить староста деревни или сельского общества при понятых. Земские начальники должны были предложить сельским старостам раз и навсегда, чтобы по получении заявления о желании укрепиться, они не позднее двух недель производили бы обмер участков заявителей, соблюдая их очередь.

Отмечалось, что наблюдалась волокита, когда обмеры по заявлениям не проводились в течение нескольких месяцев. Земский начальник давал распоряжение об их производстве, лишь получив отказ сельского схода о выдаче приговора и жалобу заявителя.

Предлагалось немедленно проводить обмеры тем домохозяевам, которые, подав заявление, уходили на заработки, до их ухода. Кроме того, брать у таких домохозяев подписку о согласии или несогласии на проведение укрепления за ними земли в их отсутствие.

3. Предлагалось ввести в практику порядок, когда земский начальник, прибыв в деревню, составлял протокол рассмотрения дела и краткое постановление об укреплении земли за заявителем или об отказе в нем, и тут же объявлял это постановление сторонам под их расписки.

Подробное и окончательное постановление земский начальник мог составить у себя на рабочем месте.

Предлагалось, для того, чтобы установить истинную доплату за излишки земли к надельному участку, земский начальник должен заблаговременно исчислять среднюю выкупную стоимость десятины земли по всем селениям, где со времени передела земельных участков прошло менее 24 лет.

Выход на отруба и хутора крестьян вызывал несогласие большинства жителей деревни – членов сельской общины. На основании Закона от 14 июня 1910 года правительство ***пошло еще и по пути полного разверстания надельной земли на отрубные владения домохозяев всей деревни или селения, одновременно оставляя за крестьянином его право выхода на хутор.*** Сельские общества и сами домохозяева более охотно пошли на проведение разверстания земельных участков целых деревень без выхода из общины с правом наследования бывшей надельной земли.

Процесс выхода из сельской общины на хутора и выдела крестьянам отрубов затягивался на годы. Основными причинами торможения проведения аграрной реформы были:

- постоянный рост цен на землю;
- споры внутри крестьянских общин по выделению конкретных участков земли под отруба и хутора;
- частая смена землеустроителей, их неопытность и связанная с этим бюрократия;
- несение убытков крестьянами из-за землеустроительных работ, проводимых во время полевых работ. Крестьяне не знали, где им пахать поля и пасти скот;
- судебные разбирательства в отношении надельных и арендованных земель.

За правильность оформления документов на выдел из сельской общины отвечал земский начальник [8].

На основании Закона от 14 июня 1910 года были разработаны «Правила выдела надельной земли к одним местам», в которых предусматривался как добровольный выдел из общины, так и случаи выдела домохозяев ***в обязательном порядке***, в том числе:

1. При общих переделах земли по заявлениям домохозяев, поступившим до проведения передела.

2. В любое время и без переделов:
   а) по требованию 1/5 части домохозяев, до этого укрепивших свои наделы;
   б) по заявлению хотя бы одного укрепившего свой надел домохозяина, когда этот выдел не затрагивал интересов остальных домохозяев, например, выдел за полями деревни, на пустошь и других землях, не состоявших в пользовании отдельных домохозяев.
3. Обязательный выдел укрепленных наделов по приговорам, поставленным простым большинством домохозяев, оставшихся при общинном пользовании.
4. Когда выделяемый домохозяин не желал ликвидировать чересполосицу, по решению землеустроительных учреждений ему отводили участок в одном месте в обязательном порядке.

Ценность и простота выдела ***в добровольном порядке*** определялись соглашением сторон. Землеустроитель следил лишь за тем, чтобы стороны не допустили явную ошибку. Нередко индивидуальные прошения крестьян приводили к решениям сельских сходов об ускорении общего разверстания всей надельной земли в деревне.

При проведении обязательного выдела его место определял землеустроитель. Если домохозяин или сельское общество, по требованию которого, проводился выдел, настаивали на отводе другого участка, который противоречил землеустроительным требованиям, то дело о выделе направлялось в уездную землеустроительную комиссию для прекращения. Несогласные с этим действием землеустроителя стороны могли обжаловать его как в уездную, так и губернскую землеустроительную комиссию.

Редко какому двору при полном разверстании пахотная земля и сенокосы доставались в одном месте, обычно, в двух разных местах. Были случаи, когда крестьянину, подавшему ходатайство о выделении его полос надельной земли в один отруб, сельские сходы отказывали ему по причине полного разверстания общинных земель. Тем самым крестьяне всячески пытались сохранить в деревне общинные отношения. Выходя из общины, как индивидуально, так, и при полном разверстании земли, укрепившиеся домохозяева оставались полноправными участниками сельского самоуправления с правом решающего голоса на сходах. Индивидуально укрепившие землю домохозяева были обязаны, как и другие, платить местные налоги, работать при ремонте дорог и мостов, исполнять другие коллективные обязанности.

В отчетах о проведении реформы за основу взяли не изменения по производству зерна и других сельскохозяйственных продуктов, а статистику, то есть число выделенных домохозяев и площадь выделенной в одно место земли.

Участие земства в проведении аграрной реформы

Земства определили для себя условия, что их помощь в проведении аграрной реформы может быть оказана только тогда, когда происходил выдел общинной земли на отрубной участок или для ведения хуторского хозяйства. Эта помощь должна была оказываться бесплатными услугами агрономов и землемеров, а не деньгами. С этой целью земства создавали уездные и губернские землеустроительные комиссии.

Тверская губернская и все уездные землеустроительные комиссии были учреждены на основании указа Сената от 4 марта 1906 года с целью проведения землеустроительных мероприятий в дервне. Указами императора от 27 августа и 9 ноября 1906 года, а также законом от 14 июня 1910 года комиссиям было поручено оказывать содействие в образовании отрубных и хуторских участков на надельных землях.

Губернская землеустроительная комиссия выполняла функции распорядительного учреждения и принимала жалобы на решения уездных комиссий. В состав губернской комиссии, под председательством губернатора, входили:

- губернский предводитель дворянства;
- председатель губернской земской управы;
- управляющий казенной палатой;
- управляющий отделением Крестьянского поземельного банка и управляющий Государственного дворянского банка;
- член окружного суда;
- непременный член от Главного управления землеустройства и земледелия;
- управляющий удельным округом и его заместитель;

– шесть членов губернского земского собрания, в том числе три местных крестьянина, владевших надельной землей.

Уездные комиссии во главе с предводителем дворянства, состояли из председателя уездной земской управы, уездного члена окружного суда, земского начальника, непременного члена и трех членов от земского собрания.

Основными задачами уездных землеустроительных комиссий были:

1. Выяснение положения крестьянского землевладения в уезде.
2. Степень нуждаемости крестьян в земле, продаваемой Крестьяским земельным банком. Оказание помощи крестьянам в их отношениях с этим банком.
3. Содействие крестьянам в определении действительной стоимости земель при их купле-продаже.

Секретарь Тверской губернской землеустроительной комиссии А. Яценюк направил во все уездные комиссии примерные расценки земли, разработанные в Нижегородской губернии, для применения их в Тверской губернии. Было указано, что примерная стоимость одной десятины пашни 125 руб. 94 коп., одной десятины лугового сенокоса 133 руб., одной десятины леса 113 рублей 45 копеек [9].

После издания Указа от 9 ноября 1906 года, комиссии стали проводить работы по переселению домохозяев на отрубные и хуторские хозяйства. С этой целью в полевые периоды межевые чины проводили составление планов участков, определяли границы со смежными владениями и другие землеустроительные работы. Контроль над ними осуществляли старшие землемеры. До принятия Закона от 14 июня 1910 года на первом месте были выделы на отруба и хутора единоличных домохозяев. После принятия закона объем работ резко увеличился, в связи со сплошным разверстанием земли сельских общин на отруба.

После введения в действие «Положения о землеустройстве» от 29 мая 1911 года были определены основные направления работы землеустроительных комиссий. При этом учитывался опыт землеустройства, накопленный в 1907–1910 годах:

1. Выдел земель отдельным деревням и селениям сельских обществ.
2. Выдел земель выселкам и частям селений.
3. Выдел отрубных участков отдельным членам сельских обществ.

4. Полное, по целым сельским обществам, разверстание угодий между членами общества или селений на отрубные участки.
5. Уничтожение чересполосицы земли у выделяющихся на отруба домохозяев и ряд других видов работ.

В карельских деревнях Тверской губернии, в зависимости от решения сельских общин, общую разверстку надельной земли проводили, как по рабочим мужским душам в семье старше 15 лет, так и по наличным в хозяйствах душах, то есть по числу едоков в семье. Крестьяне желали получать пахотную землю в одном месте, обещая войти между собой в обоюдное для всех соглашение. Кроме усадьбы, в собственность каждого домохозяина включался участок пахотной земли, сенокосы и неудобья.

На основании приговора сельского схода определенной деревни, утвержденного земским начальником, землемер составлял план по разверстанию надельной земли на отрубные участки. В план обычно включали:

1. Осмотр местности и обход общинной межи.
2. Обработку результатов полевых измерений и составление предварительного плана по разверстанию надельной земли.
3. Выполнение плана в натуре.
4. Составление окончательного плана разверстания надельной земли на отрубные участки.

На все эти работы землемера уходило около двух месяцев [10].

По представлению уездных земельных комиссий о выдаче ссуд для переселения на хуторские хозяйства, в Тверской губернии было определено выдавать до 150 рублей на одного заявителя. Например, за 1908 год по Бежецкому уезду была выдана ссуда 23 дворам на сумму 1290 рублей или в среднем по 56 рублей на двор. Дела о получении ссуды волокитились порою не месяцами, а годами, что можно проследить на двух примерах.

Летом 1911 года были проведены землемерные работы по выделу хуторского участка жителю карельской деревни Петряйцево Бокаревской волости Бежецкого уезда Фомичеву Василию Федоровичу в размере 18 десятин в Пустоши бывшего удельного леса, недалеко от русской деревни Машино. По договоренности с сельским обществом деревни Машино Могочской волости, Фомичев произвел обмен учас-

тка с жителями деревни. (От Петряйцева до русской деревни Машино напрямик через лес 8 километров. – **А.Г.**). Они позволили Фомичеву удобрить землю, выкопать на обмененном участке колодец и пруд. В октябре того же года он перевез на свой участок ригу, но поставить ее не смог из-за отсутствия средств.

Сельское общество деревни Петряйцево согласилось за свой счет вывезти постройки домовладельца Фомичева на его хуторской участок. Земский начальник 7-го участка Бежецкого уезда велел Фомичеву перенести все его постройки к 1 марта 1912 года, иначе они перейдут обществу.

Фомичев написал ходатайство в Бежецкую уездную землеустроительную комиссию с просьбой о выдаче ему ссуды на обустройство в сумме 150 рублей. Комиссия рассмотрела этот дело 22 января 1912 года и отказала Фомичеву в выдаче ссуды. Свой отказ обосновала тем, что он является зажиточным крестьянином, и что сельское общество поможет ему вывести постройки на новое место, а остальной расход он может покрыть из личных средств.

В.Ф. Фомичев обжаловал постановление Бежецкой уездной землеустроительной комиссии в Тверскую губернскую землеустроительную комиссию. Его жалоба была рассмотрена 19 июля 1912 года, установлен состав семьи: проситель 51 год, жена 52 года, сын 14 лет, дочери 20 и 21 год. Имеет 18 десятин земли, избу, двор, омшаник, ригу, амбар, сарай и гумно, одну лошадь и одну корову. Губернская комиссия учла то, что необходимы средства на возведение построек на новом месте, и предложила Бежецкой уездной комиссии вновь рассмотреть это дело.

Повторное рассмотрение дела в Бежецке состоялось 23 сентября 1912 года. Принимая во внимание, что возведение построек будет проведено за счет личных средств просителя, комиссия отменила свое решение от 22 января и рассмотрело дело вновь. Несмотря на повторные возражения земского начальника 7-го участка, было принято решение о выдаче Фомичеву ссуды в размере 150 рублей. Тверская губернская комиссия утвердила это решение 13 декабря 1912 года, указав срок возврата ссуды по истечении 5 льготных лет в течение следующих 10 лет равными частями [11].

28 июля 1913 года Бежецкая уездная землеустроительная комиссия рассмотрела дело о переводе ссуды в сумме 150 рублей Фомичевой Татьяне Федоровне, ставшей домовладелицей земельного участка в размере 25 десятин после смерти мужа. На комиссии было определено,

что расходы на переселение семьи Фомичевой составили 334 рубля, в том числе:

– на постройку избы и других строений 110 рублей;
– дранка на крыши построек 50 рублей;
– на оборудование колодца 56 рублей;
– на устройство печей 50 рублей;
– гвозди 18 рублей, тес 15 рублей, байдак 10 рублей.

Комиссия приняла решение о выдаче Фомичевой ссуды в размере 150 рублей, оно было утверждено Тверской губернской комиссией 12 сентября 1913 года. На получение ссуды семье Фомичевых, в связи с их переселением на хутор, ушло ровно 2 года [12].

Подобная ситуация по времени получения ссуды и переноса построек была с жителем карельской деревни Байки Бокаревской волости Федором Ивановичем Сусловым в связи с переселением семьи на хутор. Землеустроительные работы были проведены летом 1911 года. Но ходатайство о получении ссуды было рассмотрено Бежецкой уездной землеустроительной комиссией 22 июня 1914 года или через 3 года после проведения землеустройства. Установлена семья заявителя: хозяин 34 года, жена 27 лет, сын 1 год. Семья имела надельной земли всего на одну душу 2,2 десятины, выделена в отрубной участок. Из построек: изба, крытая дранкой, двор без крыши, сарай, крытый дранкой, скота нет.

Ф.И. Суслов просил 100 рублей ссуды, в том числе: на покупку лошади 35 рублей, на покупку коровы 35 рублей, на установление изгороди на новом участке 15 рублей и рытье канав 15 рублей. Уездная комиссия приняла решение о выдаче ему ссуды в размере 100 рублей. Это решение было утверждено Тверской губернской комиссией 7 августа 1914 года, или спустя 3 года после проведения землеустроительных работ, с переводом суммы в распоряжение Бежецкой уездной комиссии [13].

С началом столыпинских аграрных преобразований увеличился интерес крестьян к агрономии. П.А. Столыпин предлагал земским собраниям принять на свое попечение агрономическую помощь хуторянам и отрубникам. Земства, в основном, положительно приняли предложение правительства. При проведении агрономических совещаний обсуждались вопросы:

1. Организации показательных полей и участков.

2. О мерах по улучшению скотоводства в крестьянских хозяйствах.
3. О ввозе импортных сельскохозяйственных машин и орудий.

По своему желанию крестьяне, выделившиеся из сельской общины на хутора и отруба, чтобы проводить улучшение агротехнических приемов ведения сельского хозяйства, совместно с уездными земскими управами создавали ***показательные поля.*** На них применяли самые совершенные агротехнические способы проведения полевых работ, в этом им оказывали помощь уездные земские агрономы. Уездные земские управы периодически составляли сведения о хуторских и отрубных хозяйствах, подготовленных к правильному ведению сельскохозяйственных работ в соответствии с требованиями агрономии. Таких хозяйств с показательными полями по уездам Тверской губернии к 1913 году были единицы.

Уездные земства за свой счет направляли желающих крестьян проходить сельскохозяйственную практику ведения хуторского и отрубного хозяйства за границу, в Прибалтику, другие края. Но желающих было мало, так в марте-апреле 1912 года из всей Бокаревской волости Бежецкого уезда изъявил желание ехать изучать опыт ведения хуторского хозяйства один-единственный крестьянин Серков Арсений Алексеевич из деревни Сараево.

Практиканты ехали перенимать опыт и жить там за счет земств. Но были случаи, когда земство оплачивало не только расходы по пребыванию на практике, но и часть убытков вследствие отсутствия добытчика дома [14].

До открытия полевых работ агрономы выезжали в волости и там проводили беседы с крестьянами о передовом опыте ведения сельского хозяйства в данной конкретной местности. Удивительными для крестьян были предложения агрономов о выгодном способе посадки картофеля, разрезая его поперек для экономии семенного материала. Мало кто из крестьян тогда еще знал о пользе окучивания картофеля при выходе стеблей из земли. Во многих карельских деревнях до начала аграрной реформы не было понятия окучивать картофель. Кроме трав и картофеля, агрономы предлагали сажать на полях турнепс на корм скоту.

Так как перешедшие на хутора крестьяне стали иметь больше земли и могли переходить на многопольное ведение хозяйства, земские агрономы им оказывали помощь в травосеянии, используя разные

варианты. Травосеяние проводилось как на отдельных полях, так и подсевом клеверов и тимофеевки по ржи. Некоторые домохозяева пробовали сеять на корма вико-овсяную смесь, чтобы косить ее в зеленом состоянии. Вику сеяли на паровом поле, не лишая крестьянина части его пашни. После уборки вики на корм скоту сразу можно было сеять рожь.

Но урожаи клевера и тимофеевки по ржи брали верх. После жатвы зерновых их могли косить уже в первый год вместе со стерней. Особенно хороший урожай эти травы давали на второй год, когда после первого укоса клевера крестьяне имели возможность косить второй его урожай – отаву. На низменных полях крестьяне по ржи сеяли одну тимофеевку, так как клевер на них нередко выпревал. Тимофеевка давала богатые покосы в течение 4–5 лет. Те крестьяне, которые ранее получали в уездной земской управе семена клевера, тимофеевки и вики, просили выдать их и на последующий посевной период.

Осенью, а также ранней весной, перед посевом агрономы помогали выделенным из сельской общины крестьянам в очистке семян зерновых и льна от сорняков с помощью выделенных им веялок. Вместе с домохозяевами они определяли оптимальные варианты севооборота с учетом конкретных полей. Испытывали на них лучшие способы и варианты улучшения плодородия и обработки почвы. Каждый год земские агрономы пытались увеличивать в волостях уездов число ***показательных полей*** там, где их раньше не было. Опыт сельскохозяйственных работ на показательных полях чаще всего был удачным, другие крестьяне интересовались им и перенимали его.

Агрономы советовали крестьянам вывозить навоз на поля не в июне на пары, как делали при возможности всегда, а по последнему снегу, сначала в кучи, а затем разбрасывать навоз по всему полю. Но этот метод из-за его трудоемкости у крестьян не приживался вплоть до изобретения при советской власти навозоразбрасывателя.

Благодаря помощи агрономов в применении новых агротехнических приемов при полевых работах, урожаи зерна, овощей и трав стали выше. В связи с развитием травосеяния численность скота в крестьянских хозяйствах год от года увеличивалось. В них появились железные плуги и бороны вместо сохи, некоторые хозяйства приобрели сепараторы для маслоделия. Те крестьяне, которые занимались маслоделием с помощью сепараторов, могли часть масла продавать на рынке. Но большинство крестьян били масло из сметаны мутовка-

ми вручную. Это длительный трудоемкий процесс, которым обычно занимались старики и подростки. Питание крестьян стало лучше, они вдоволь стали есть хлеба, в рацион входило больше мясных и молочных продуктов.

Уездная земская агрономическая служба помогала хуторянам и отрубникам порою бесплатно минеральными удобрениями и правильно ими удобрять землю. К 1913 году усовершенствованные сельскохозяйственные орудия могли иметь около 10% от всех хуторян и отрубников. Все сельскохозяйственные орудия и машины продавались земствами с рассрочкой платежей. Например, железный плуг продавался с первоначальным взносом 3 рубля и отсрочкой дальнейших платежей в течение 3 месяцев. Веялки, саморезки, молотилки, бороны продавались с рассрочкой до 1 года при первоначальной оплате 1/3 стоимости машины или орудия. За машины стоимостью свыше 35 рублей первоначально взималось не менее 5 рублей.

Другие крестьяне имели возможность пользоваться такими орудиями, взяв на некоторое время из прокатного пункта. В них обычно имелись: пароконные и одноконные металлические плуги и бороны, конные сенокосилки, сеялки, саморезки и другие виды сельскохозяйственных орудий. Крестьяне считали их спутниками прогресса в земледелии.

В 1913–1914 годах в уездах и губерниях рассматривали вопросы об объединении земской агрономической службы с землеустроительными организациями [15].

Проведение реформы в Бежецком уезде Тверской губернии

К началу реализации Столыпинской реформы в Тверской губернии крестьянская надельная земля составляла 50,9% всей удобной земли. На один двор в среднем приходилось по 8,7 десятин надельной земли. При этом до 5 десятин имели в пользовании 14,7% крестьянских дворов, от 5 до 10 десятин – 57% дворов, свыше 10 десятин – 28,3% дворов. Вместе с приобретенными землями в среднем один крестьянский двор по губернии имел 12,4 десятин удобной земли [16].

24 июля 1907 года губернатор Н. Бюнтинг своим письмом сообщал всем участковым земским начальникам, что выработана новая форма приговора сельских сходов об укреплении надельной земли в личную собственность. Требовал придерживаться ее на практике при оформлении конкретных приговоров [17].

На седьмой год реформы, к 1913 году, в Тверской губернии 91,3% всей посевной площади хлебов, овса, картофеля, льна и конопли составляли по-прежнему надельные крестьянские земли, и лишь 8,7% относились к частновладельческим землям – отрубам и хуторам. Но при этом урожай у частников по губернии был несколько выше, чем на надельных землях. Например, урожай семян льна у деревенских крестьян был 24,4 пуда с десятины, волокна – 25,3 пуда с десятины, то на владельческих землях он составлял соответственно 25,7 и 27,4 пуда с десятины.

Одним из важных последствий перехода от общины к частному единоличному земледелию являлось увеличение земельной площади за счет выкупа земель неисправных имений отдельных домохозяев. Большинство хуторян и отрубников по получении участков в собственность, немедленно приступали к распашке земли и осушке доставшихся им запущенных площадей. Положительным примером служило введение новыми владельцами многопольных севооборотов, прежде всего, это отмечалось у выделенных из деревни товариществ и обществ.

К 1 января 1917 года по всей Тверской губернии вышло из сельских общин на отруба и хутора 47,5 тысяч крестьянских хозяйств или 16,5% к их общему числу. Они укрепили в личную собственность 331,7 тысяч десятин надельной земли или 12,9% от ее общей площади. При этом согласие сельских сходов получили 50,2% домохозяев, вышедших из общины, остальные вышли вопреки мнению сельских сходов по постановлениям земских начальников.

Кроме того, по Закону от 14 июня 1910 года по Тверской губернии укрепили надельные земли в собственность целыми деревнями и поселения, не выходя из сельских общин, еще 26,8 тысяч домохозяев с площадью наделов в 159,4 тысячи десятин. Таким образом, за время проведения Столыпинской реформы по губернии укрепили наделы в собственность 74,3 тысяч крестьянских дворов или 24,3% от их общего числа.

Часть вышедших из деревень домохозяев перешли жить на хутора. По Тверской губернии число хуторских хозяйств за все время

реформы составило 8,7% к общему числу крестьянских хозяйств или 35,8% от всех дворов, вышедших из сельских общин. Если на отрубных участках площадь одного надела составляла в среднем 8,7 десятины, то на хуторских она увеличилась в среднем до 12,4 десятин [18].

За годы Столыпинской аграрной реформы из Тверской губернии в Сибирь переехали всего 3366 человек или 0,2% от крестьянского населения губернии.

В Бежецком уезде Тверской губернии, к 1910 году усадебная и пахотная земля составляла 31,9% от всей площади уезда, сенокосы – 28,7%, лес – 23,7%, выгоны и пастбища – 15,7%. Из всей площади облагаемой налогами земли 73,8% принадлежала крестьянам в виде общинной и частной собственности. К тому времени, начиная с 1861 года, крестьяне Бежецкого уезда приобрели в собственность за свои средства 29,8% от общей площади усадебных и пахотных земель. За период 1907–1909 годов им было передано в личную собственность от сельских общин еще 15,5% бывших надельных земель. По уезду оставалось во владении и распоряжении сельских общин 54,7% надельной земли.

Основным занятием крестьян Бежецкого уезда оставалось земледелие, главными культурами были: рожь, овес, картофель и лен. Излишки своей сельскохозяйственной продукции крестьяне продавали на рынке, среднее по зажиточности крестьянское хозяйство в 1909 году продало: по 3 пуда ржи, 10 пудов овса, 3,5 пуда льносемян, 14 пудов льноволокна и по 5 пудов картофеля.

В 1907 году крестьяне Бежецкого уезда имели в собственности [19]:

- мельниц водяных и ветряных 373
- толчей и круподерок 147
- маслобоен 170
- маслоделен и сыроварен 220
- дегтярных производств 132
- кузниц 443

Бежецкая уездная землеустроительная комиссия по единоличному и групповому землеустройству была открыта 7 июня 1907 года. В 1908 году на нее были возложены землеустроительные дела также Весьегонского и Кашинского уездов. По выделу земли под хутора за 1908 год в комиссию поступило всего 7 ходатайств от сельских обществ и 166 ходатайств от частных дворов. Землеустроительные про-

екты были составлены и приведены в исполнение лишь по одному обществу и 10 дворам [20].

В 1909 году землеустроительные работы не проводились из-за отсутствия ассигнований. В 1910 году Бежецкая уездная землеустроительная комиссия провела работы по 12 хуторам и 86 отрубам, разверстав целые селения. По частным выделам были проведены землеустроительные работы по 74 хуторам и 7 отрубам [21].

За период с 1907 по 1912 год включительно, она исполнила землеустроительные дела по единоличному землеустройству 1956 частным дворам с площадью 17 425 десятин земли, или в среднем по 9,9 десятин на один двор. За 1913 год она исполнила дела по 215 частным дворам с площадью 1660 десятин земли, или в среднем по 7,7 десятин на один двор. Всего за эти годы вышли из общины на отруба и хутора по Бежецкому уезду 2171 двор или 2,56% от общего числа дворов.

Для того чтобы перевести и поставить и поставить на хуторе избу и хозяйственные постройки, крестьянину в среднем нужно было затратить 400–500 рублей. Продав один надел пахотной земли площадью 5,6 десятин по установленной в уезде цене по 104 руб. 09 коп. за десятину, крестьянин выручал 583 рубля.

За период с 1907 по 1913 годы комиссия исполнила групповые дела в отношении 6854 двора с земельной площадью 36 331 десятина, с передачей домохозяевам отрубных участков без выхода из деревни или 8,08% от общего числа дворов. К 1 января 1914 года в Бежецком уезде было 9025 собственников земли или 10,64% от общего числа дворов 84 775 [22].

При групповом разверстании надельной земли, доля каждого двора определялась или по числу едоков, или по числу имевшихся ревизских душ, то есть мужчин старше 15 лет и одиноких женщин, ведущих домохозяйство, то есть, какая практика была до этого.

Усадебные земли, при этом, разверстанию не подлежали. В приговоре сельского схода по каждому домохозяину указывалось: из одного или двух участков состоит отруб, площадь удобной и неудобной земли, площадь усадебной и полевой надельной земли, конкретные границы нахождения участка со всех четырех сторон.

При выделе единоличного хозяйства на хутор, за ним по-прежнему сохранялось право пользоваться общественными угодьями: неудобьями, лесным наделом, улицей, проездными дорогами, выгоном для скота, водопоями, рыбной ловлей и охотой.

Если взять за основу число всех выделившихся дворов по уезду, то доля группового землеустройства, проведенного в 421 деревне, составила 74,7%. Доля единоличного землеустройства по уезду составила соответственно 25,3%. Исполнение землеустроительных дел по единоличному и групповому землеустройству в уезде по годам:

Единоличное	Групповое
1908 год – 29 дворов, 303 десятины	584 двора, 5530 дес.
1909 год – 346 дворов, 2840 дес.	233 двора, 2484 дес.
1910 год – 179 дворов, 2249 дес.	–
1911 год – 714 дворов, 6681 дес.	5770 дворов, 17 838 дес.
1912 год – 688 дворов, 5353 дес.	–
1913 год – 215 дворов, 1660 дес.	108 дворов, 554 дес.

Непременный член Бежецкой уездной землеустроительной комиссии В. Веселаго в отчете от 17 декабря 1913 года сообщал в Тверскую губернскую землеустроительную комиссию, что в книге регистрации единоличных хозяйств наблюдался сплошной хаос. Туда вносились и значились дела, не конченные производством, в то же время многие законченные дела не были внесены в книгу регистрации. Групповое землеустройство, то есть разделы селений, вообще не отмечались [23].

Единоличные владельцы земли в уезде, числом в 1956 дворов, осенью 1912 года собрали урожай льносемени, составляющий 7,4% всего урожая по уезду, урожай льноволокна составлял 4,6% всего урожая по уезду. Осенью 1912 года собственники земли засеяли рожью 4460 десятин земли из 61 540 десятин по уезду или 7,2% площади, засеянной рожью. Весной 1913 года они засеяли овсом 10,4% от всех посевов овса и 6,8% от всех посевов льна. Осенью 1913 года владельческие хозяйства числом 2171 двор собрали 6,8% от всего сбора урожая льносемени и 6,1% от сбора урожая льноволокна.

Цены на сельскохозяйственную продукцию осенью 1913 года в Бежецком уезде были значительно ниже, чем в других уездах Тверской губернии. Например, четверть ржи стоила 7 руб. 28 коп., в других уездах от 7 руб. 50 коп. до 9 руб. 50 копеек. Мера картофеля – 26 коп., в других уездах от 30 до 55 копеек. Пуд льняного семени – 1 руб. 33 коп., в других уездах от 1 руб. 40 коп. до 2 рублей [24].

Роль Крестьянского банка в проведении реформы

Крестьянский поземельный банк, наряду с землеустроительными комиссиями был одним из важнейших учреждений проведения Столыпинской аграрной реформы. Он обеспечивал расширение крестьянского частного землевладения, помимо их надельных участков. С этой целью банк получил в свое распоряжение часть казенных и удельных земель для продажи крестьянам. Среди заемщиков банка преобладали малоземельные крестьяне.

Крестьянский поземельный банк был учрежден в 1882 году для регулирования спроса и предложения на рынке земли как правительственное учреждение, подведомственное Министерству финансов. Целью его создания было оказание помощи крестьянам в покупке земли путем выдачи ссуд. Управление банком возлагалось на совет, состоящий из управляющего банком и трех членов, назначаемых министром финансов. Банку было дано право, используя собственный капитал, приобретать помещичьи имения, чаще заложенные в дворянском или акционерном земельных банках, для последующей перепродажи крестьянам с выдачей ссуд. Также ссуды предоставлялись под уже купленные крестьянами земли. Необходимо отметить, что, выкупая помещичьи имения, банк тщательно взвешивал пригодность владения для дальнейшей продажи крестьянам.

Отделения Крестьянского поземельного банка состояли под председательством управляющего, назначаемого министром финансов, и трех членов: одного – по назначению местного губернатора и двух – по избранию губернского земского собрания. Обязательства, возлагаемые на отделения, заключались в содействии продавцам и покупателям при совершении сделок, сообщении нужных сведений; выдаче разрешенных ссуд; выдаче распоряжений по взысканию просроченных ссуд.

До начала Столыпинской реформы Крестьянский поземельный банк выдавал ссуды наличными деньгами. 21 марта 1906 г. был принят закон, устанавливающий, что выдача ссуд из Крестьянского поземельного банка будет производиться не наличными деньгами, а процентными бумагами.

С целью продажи выделяющимся из сельской общины крестьянам излишней земли, часть государственных и удельных земель была пе-

редана Крестьянскому поземельному банку. Кроме того, банк скупал земли у разорившихся помещиков и неисправных домохозяев, чтобы продавать хуторянам и отрубникам в качестве излишек к надельному участку с выдачей кредитов. Помещики, напуганные революцией 1905 года, продавали Крестьянскому банку свои имения.

Правительством П.А. Столыпина были подготовлены к изданию императором Указа от сентября 1906 года о передаче Крестьянскому поземельному банку казенных и удельных земель для продажи их крестьянам на льготных условиях. Банку вменялось в обязанность скупать неиспользуемые земли у помещиков по номинальной цене, а продавать их крестьянам, вышедшим из общины, на 20% дешевле.

Скупая земли, Крестьянский поземельный банк, разбивал ее на отдельные участки и продавал крестьянам. Для покупки земли крестьянами, выходящими из сельской общины, выдавались кредиты в размере 90–95% от стоимости участка земли на срок 10, 15 и 20 лет с началом возвращения кредита через пять лет после его получения. Отрубники вносили 5% стоимости купленной земли, а хуторянам ссуда выдавалась на полную стоимость участков земли.

Для покупки и продаже земли Крестьянский банк мог привлекать к работам по найму частных землемеров. Кроме того, отделения банка в своих штатах имели межевых техников. Крестьянскому банку разрешалось выдавать ссуды крестьянам при их выделе под залог надельных участков. Чтобы приобрести землю в собственность, выделявшимся крестьянам предоставляли ссуду с возвратом денег в течение нескольких лет. Ссуды выделялись в основном на перенос из деревни на хутор и возведение там домов, новых построек и на разработку пустырей.

Рассмотрим деятельность Крестьянского поземельного банка на примере Бежецкого уезда Тверской губернии. Для реализации аграрной реформы банк приобрел в уезде за 1908 год 19 имений площадью 7,8 тысяч десятин земли. От жителей уезда поступило 153 ходатайства о выделении ссуд на общую сумму 17,9 тыс. рублей на покупку земли. За тот год банк удовлетворил из них лишь 26 заявлений, выдав домохозяевам 3,9 тыс. рублей ссуды [25].

За 1909 год Крестьянский поземельный банк приобрел в Бежецком уезде одно имение с земельной площадью 377 десятин за 56,9 тыс. рублей, или по 151 рублю за десятину. За год была выдана ссуда 506 домохозяевам в сумме 256 тысяч рублей для покупки 2180 десятин земли

по общей продажной цене 326 тыс. рублей, или по 149,5 рублей за десятину [26].

В 1910 году по уезду банком было выдано ссуд 4 отдельным домохозяевам в сумме 5430 рублей на покупку 43,2 десятин земли по продажной цене 7408 рублей, или по 171 рублю за десятину. Выдано ссуд 14 селениям с 225 домохозяевами в сумме 74 тыс. рублей на покупку 875,6 десятин земли за 98,8 тыс. рублей, или по 112,9 рублей за десятину [27].

В течение 1911 года Крестьянский поземельный банк в Бежецком уезде выдал ссуд 21 отдельному домохозяину и 5 селениям со 117 дворами на общую сумму 16,1 тыс. рублей на покупку 329 десятин земли по продажной цене 28,7 тыс. рублей или по 87 рублей за одну десятину [28].

За 1912 год банк выдал жителям уезда ссуды 39 отдельным домохозяевам и 43 селениям с числом дворов 216, на общую сумму 53,9 тыс. рублей для покупки 638,9 десятин земли по продажной стоимости 57 тысяч рублей или по 89 рублей за десятину [29].

За 1913 год по Бежецкому уезду Тверское отделение Крестьянского поземельного банка выдало ссуд 256 домохозяевам с наличием в этих домах 794 души мужского пола, на общую сумму 56,2 тыс. рублей. Было приобретено дополнительно 371,9 десятин хуторской земли, 74,3 десятины отрубной земли, а также еще 161,2 десятины приобрели групповые товарищества и общества. Всего за год по уезду за счет ссуд было приобретено 607,4 десятины земли при продажной цене 63,7 тыс. рублей в среднем по 104,9 рубля за десятину. Общая доплата домохозяевами личных средств составила 7511,5 рублей или в среднем по 29,3 рубля на одного домохозяина.

В тот год за банком по Бежецкому уезду оставались непроданными 17 неисправных имений отдельных домохозяев с площадью земли 291 десятина и общим долгом домохозяев 27,6 тыс. рублей [30].

За 1914 год по уезду банком было выдано ссуд 50 домохозяевам в сумме 40 тыс. рублей для покупки земли на отрубах и хуторах общей площадью 480,7 десятин при продажной цене 44,1 тыс. рублей или по 91,7 рублей за одну десятину. К 1 января 1915 года за банком оставались нереализованными 11 имений с площадью 155 десятин и общей суммой долга домохозяев 18,2 тыс. рублей [31].

Таким образом, банк выдал в 1908–1914 годах ссуды на покупку дополнительной к наделам земли 1460 домохозяевам Бежецкого уез-

да Тверской губернии, выделенным из сельских общин на хутора и отруба. За эти годы по уезду выделись из общины 2171 частный двор и 6854 групповых двора, всего 9025 дворов. Исходя из этого, ***ссуда была дана лишь 16,2% домохозяев Бежецкого уезда, выделившихся во время реформы на хутора и отруба.*** Сведений о работе Тверского отделения Крестьянского поземельного банка по Бежецкому уезду за 1915–1916 годы нет.

Аграрная реформа в карельской деревне

Отличие Тверской губернии от других регионов центральной России заключалось в проживании здесь значительного числа бывших удельных крестьян-карел. Отсутствие у них крепостной зависимости от помещиков, достаточные площади бесплатной надельной земли, природная независимость приводили их во время Столыпинской аграрной реформы к осознанному выбору. Они не могли себе представить жизнь вне общины, поэтому сопротивлялись попыткам выхода односельчан на хутора. Значительное большинство жителей карельских деревень при первой законодательной возможности оставались в сельских общинах.

К началу проведения аграрной реформы карелы в Бежецком уезде составляли 18,98% от всего населения уезда. На одну тысячу мужчин приходилось 1,2 тысячи женщин, грамотными были 37,2% мужчин и 6,8% карельских женщин. Бывших помещичьих крестьян-карел в уезде к началу реформы было 37,6%, удельных – 62,4% к общему числу карел в уезде.

Большинство крестьян-карел держалось за сельскую общину, которая помогала им выживать в трудные времена. Земли в общине принадлежали не конкретным хозяйствам, а всей деревни. Сельская община в карельских деревнях Бежецкого уезда зарождалась с момента переселения сюда карел. Ко времени проведения Столыпинской реформы она насчитывала в отдельных деревнях более 200 лет. Достаточно много полномочий ей было дано в последние 40 лет до Столыпинской реформы, начиная с 1865 года.

Общие переделы в карельских деревнях проводились после каждой ревизии до тех пор, пока можно было осваивать новые участки

земли и расширять запашку. Карелы могли это делать до 1863 года, с того времени принцип разделения земли – столько, сколько каждый возьмет, был запрещен.

В карельских деревнях, которые ранее были удельными, общие переделы надельной земли, полученной после реформы 1863 года, практически не проводились. И все-таки традиционно после смерти домохозяина земля и имущество делились между всеми сыновьями. Поэтому наделы земли со временем становились недостаточными для семьи. При частных переделах, в случае выделения членов семьи, распределение участков проводилось по числу лиц мужского пола старше 15 лет.

Кроме уменьшения участков надельной земли, другой проблемой, как и везде, была чересполосица, как внутринадельная, так и внешняя с другими хозяевами. Кроме частных переделов, чересполосице способствовали купчие земли, приобретенные на личные деньги самими крестьянами или общиной. Бывшие удельные крестьяне-карелы неохотно соглашались идти на подворное отрубное владение земельными участками, так как каждый крестьянский двор обособленно и постоянно пользовался одними и теми же пахотными землями, удобряя и заботясь о них. Хотя и была чересполосица, но земли домохозяев находились поблизости, не далее 1–2 километров.

Карелы задавались вопросом: нужно ли переходить к формальному подворному владению землей, когда она и так, по Указу от 9 ноября 1906 года, поступила в их полную личную собственность, так как у них не было общих переделов с незапамятных времен, более 24 лет?

При отсутствии общих переделов каждый карельский двор исстари постоянно и обособленно пользовался одними и теми же пахотными землями и сенокосами. Податные платежи распределялись среди членов сельской общины, по количеству высеваемых каждым двором мер хлеба. Фактическое подворное пользование карелами надельной землей приводило к мысли, что она является их собственностью, и только формально считается общинной. Поэтому на сельских сходах карелы заявляли о необходимости закрепления мирскими договорами за ними не только пользования, но и владения, и распоряжения надельной землей.

Но, при этом, заявляли крестьяне, продавать надельную землю, как и усадебную, может только тот домохозяин, который не имеет наследников или наследниц, чтобы не оставлять их без куска хлеба.

Также продавать землю могут те семьи, которые окончательно решили порвать связь со своей родной деревней. Но правом покупки земли должны пользоваться лишь крестьяне своей деревни. Крестьяне чужих сельских обществ, как и разночинцы, такого права на покупку земли иметь не должны.

Общие сенокосы обычно распределялись следующим образом: сено скашивалось всей деревней и делилось возами сена между домохозяевами по числу ревизских душ. Разработка сенокосов в неудобьях: по берегам рек, болот, в оврагах и кустарниках, не возбранялась. Разрешения на эти покосы не испрашивались, никаких сборов за них не взималось.

Карелы на сходах заявляли, что домохозяева, имевшие наследников или наследниц, не имели права продавать свою надельную землю, ни усадебную, ни полевую. Земля эта им досталась от предков и должна пойти потомкам. Право продажи земли можно признавать только за тем домохозяином, у которого не было потомства. Но при этом правом покупки земли должны пользоваться единственно крестьяне своей деревни. Земля из рук своей деревни, по мнению карел, выходить не должна, так как жителям конкретной деревни она и была отведена.

В карельских деревнях, где больше 24 лет не было переделов земли, в связи с ее разверстанием, на выдел участка из сельской общины соглашались те домохозяева, в которых после последнего передела сократилось число наличных душ. Чтобы сельская община им не уменьшила в связи с этим площадь надельной земли, они высказывали желание выйти на отруб, с сохранением за ними прежней площади надельного участка.

Земский начальник 7-го участка Бежецкого уезда в январе 1908 года сообщал тверскому губернатору о том, что замечается живейшее стремление крестьян перейти из общинного владения земли к ее личному владению. Крестьяне обращались к нему с просьбой, ознакомить их с порядком укрепления надельной земли в собственность. К августу 1908 года поступило к нему 23 ходатайства об этом. В сентябре личным выездом на место он разрешил все эти ходатайства, из них удовлетворил 9, а 14 были оставлены без последствий из-за отказа самих домохозяев. Другой части было отказано потому, что ходатайствующие не имели права на те участки, которые хотели укрепить за собой. К 1 января 1908 года к нему поступило 108 хода-

тайств, но приговоров по ним было всего три. Окончательно к этому времени перешли к личной собственности надельной земли всего 10 домохозяев [32].

Нужно отметить, что тогда к 7-му участку Бежецкого уезда относились три волости: Беляницкая, 38 селений; Бокаревская, 42 селения и Новская – 54 селения. В Бокаревской волости числилось 26 сельских обществ с 1859 домохозяевами. В числе них, Корельское Кошевское сельское общество из 13 деревень и 501 домохозяином [33].

За 1908 год земский начальник 7-го участка Бежецкого уезда принял к производству ходатайства 386 домохозяев, из них удовлетворены были ходатайства всего 97 домохозяев. Кроме того, до 1 января 1909 года поступило 62 приговора сельских сходов, из них 20 приговоров съездом были отменены. На разрешении у него к 1 января 1909 года оставалось 67 ходатайств [34].

Таким образом, за период с 1907 по июль 1910 года по трем волостям Бежецкого уезда, которые относились к земскому начальнику 7-го участка, поступило 920 ходатайств о передаче надельной земли от общины в личную собственность. На них было получено 147 приговоров сельских сходов, а 773 домохозяина обратились непосредственно к земскому начальнику. Своими постановлениями земский начальник 7-го участка 603 ходатайства удовлетворил, а по 126 ходатайствам отказал [35].

Начальник 7-го участка Бежецкого уезда направил губернатору сведения о селениях, где в последние 24 года не было общих переделов и которые подпадали под действие статей Закона от 14 июня 1910 года о полном разверстании земельных участков. К ним относились все 13 деревень Корельского Кошевского сельского общества [36].

После принятия Закона от 14 июня 1910 года, к 1 января 1911 года по трем волостям 7-го участка Бежецкого уезда не поступило ни одного ходатайства от сельских обществ или селений, расположенных на территории участка о полном разверстании земли. За этот период земский начальник рассмотрел 48 ходатайств отдельных домохозяев, из них удовлетворил 43 ходатайства. За весь 1911 год также не поступило ходатайств от сельских обществ и селений о полном разверстании земельных участков. Хотя большинство селений, в том числе и все карельские деревни, на территории участка, не проводили общих переделов, и им подлежало выдать удостоверительные акты в порядке Закона от 14 июня 1910 года.

Как проводилась Столыпинская аграрная реформа в карельских деревнях, можно показать на примере Корельской Кошевской сельской общины Бокаревской волости Бежецкого уезда. К началу проведения реформы в 13 деревнях этой сельской общины насчитывалось 501 домохозяйство. На один душевой надел приходилось по 5,6 десятин пахотной земли. По одному наделу имели лишь 27 хозяйств, по 2 надела – 251 хозяйство, по 3 надела – 199 хозяйств, по 4 надела – 24 хозяйства. Вместе с приобретенными землями в среднем один крестьянский двор имел по 13,4 десятин удобной обрабатываемой земли.

Проведение аграрной реформы в деревнях Корельской Кошевской сельской общины фактически началось с 16 марта 1908 года, когда состоялись первые выделы на отруба по одному домохозяину в деревнях Гремячиха и Терехово. В сведениях земского начальника 7-го участка Бежецкого уезда фамилии выделившихся домохозяев не указаны.

К 1 января 1912 года домохозяевам карельских деревень этой общины было выдано и утверждено за 1910–1911 годы всего 5 удостоверительных актов, в том числе: Акиниха и Душково по 1 акту, Поцеп – 3 акта. В других карельских деревнях до того времени удостоверительных актов на выход из общины отдельных домохозяев не выдавались.

На собраниях о выделе из общины карелы заявляли: «веками здесь живем», «так нашими предками заведено», «общину не покинем», «разорять деревню не дадим». Но после принятия Закона от 14 июня 1910 года еще несколько домохозяев деревень Корельского Кошевского сельского общества получили отруба с правом их наследства, ликвидировав чересполосицу.

До того времени были проведены сельские сходы, которые утвердили хотя бы один удостоверительный акт, в указанных карельских деревнях Бокаревской волости:

1. Акиниха, 21 ноября 1910 года.
2. Гремячиха, 16 марта 1908 года.
3. Душково, 21 ноября 1910 года.
4. Поцеп 21 ноября 1911 года.
5. Терехово, 16 марта 1908 года.

К январю 1912 года успели уже продать укрепленную за ними надельную землю:

1. Акиниха, Мария Дмитриева, 6,2 десятины надельной земли.
2. Калиниха, Николай Дмитриев, 11 десятин.
3. Горбовец, Алексей Голубев, 5,6 десятины [37].

В полной мере реализация аграрной реформы в этих карельских деревнях началась лишь после издания «Закона о землеустройстве» от 29 мая 1911 года. До этого известно лищь 5 случаев выдела надельных участков, в одном случае жительница деревни Акиниха Мария Дмитриева сразу же продала выделенный ей отрубной участок.

Наиболее активно выделялись зажиточные крестьяне и некоторые бедняки, основная часть крестьян, середняки, оставалась жить в общине. Зажиточные крестьяне стремились закрепить и расширить свой участок. Например, семья Фомичевых из деревни Петряйцево получила в 1911 году18 десятин земли, через два года она увеличила площадь до 25 десятин.

Бедняки желали поправить свое материальное положение за счет продажи земли и получения ссуды. Получив отруба в одном месте, 3 семьи из этих карельских деревень, продали свои участки земли. Крестьянин из деревни Байки Ф.И. Суслов при выходе из общины не имел ни лошади, ни коровы, никакого другого скота, а его скотный двор вообще был без крыши, надельной земли всего лишь 2,2 десятины.

Как можно понять из документов, к 1914 году карелы в нашей местности при частных переделах по-прежнему, как и до реформы 1863 года, делили пашню и сенокосы по рабочим мужским душам старше 15 лет, а не по числу едоков в семье.

Имеется выпись из приговора жителей деревни Калиниха Бокаревской волости от 23 июня 1911 года о выделе отрубного надела семье Дмитриева Дмитрия. В присутствии сельского старосты Алексея Сабурова и 20 домохозяев из 27, имевших право голоса на сходе, рассматривали проект плана о выделе участка в одном месте Дмитрию Дмитриеву. План, составленный землемером Данковым, представил земский начальник 7-го участка Бежецкого уезда.

В приговоре сельского схода сказано, что полевой землей размером в 5,6 десятин Дмитрий Дмитриев будет пользоваться в том отрубном участке, который отведет ему общество. Выгон остается общим, выделяющийся может пасти там свой скот тогда, когда пасется там общественный скот. Сенокосные угодья остаются у общества, и выделяются Дмитриеву на прежних основаниях, как и до выдела. Дмитриев обязан содержать в исправности, пролегающие по выделенной ему земле дороги, ручьи, канавы и прочее.

В связи со смертью Дмитрия Дмитриева выпись из приговора сельского схода была выдана его наследникам 19 декабря 1913 года, или че-

рез 2 с лишним года после проведения землеустроительных работ. При этом конкретный отрубной участок в одном месте за это время так и не был определен. Выписи из приговоров сельских обществ заполняли на специальных бланках, поэтому они мало чем отличались друг от друга. В некоторых выписях обозначались конкретные земельные участки, переданные в собственность выделяющемуся домохозяину, и указывали другие конкретные условия [38].

Разновидностью выдела крестьян из сельской общины было переселение нескольких отдельных семей на один хутор. Такой опыт был в карельской деревне Поцеп Бокаревской волости Бежецкого уезда по приговору сельского схода от 21 ноября 1911 года.

Факт переселения 5 семей крестьян из деревни Поцеп на хутор имел свою историю. Поселились поцеповские крестьяне на хуторе Синьково потому, что очень долго они бились и оспаривали тот участок земли, на котором позднее поселились, чтобы закрепить его за собой.

Еще в ходе проведения реформы от 26 июня 1863 года в отношении удельных крестьян, по ошибке мирового судьи в 1865 году была составлена одна уставная грамота и один план на поземельный надел на две деревни – Поцеп и Шейно. Граница земель между деревнями не было размежевана. Жители Поцепа и Карело-Кошевская сельская община многократно обращались с жалобами в Бежецкое уездное по крестьянским делам присутствие. Они писали, что во время межевания в 1865 году в деревне Поцеп было 40 ревизских душ, а Шейно – 20 ревизских душ. Шейновские крестьяне должны были иметь земли 1/3 от общей площади 331 десятина, а имели половину этой земли.

И только через 15 лет, 17 июля 1880 года Тверское губернское по крестьянским делам присутствие решило дело в пользу жителей деревни Поцеп. Им выделили земли по правому берегу Синьковской реки, но шейновские мужики по привычке еще много лет пасли там свой скот, захватывали сенокосы. Так продолжалось до 1906 года, когда жителям деревень было разрешено переселяться на хутора.

Хутор Синьково из 5 домов был построен в 1912–1913 годах, чтобы закрепить за собой поля, ранее используемые жителями деревни Шейно. Туда из деревни Поцеп Бокаревской волости перенесли свои дома семьи Баюновых, Быстровых, Кругловых, Майоровых и Чесноковых. Хутор и получил имя Синьково от названия Синьковской реки, он располагался на ее правом берегу, недалеко от впадения в Каменку. Все дома стояли в один ряд окнами на восток [39].

Всего в период с 1908 по 1913 годы из общины на отруба и хутора вышли семьи крестьян Корельского Кошевского сельского общества:

1. Акиниха, 3 семьи,
2. Байки, 3 семьи,
3. Бережки, 2 семьи,
4. Горбовец, 2 семьи,
5. Гремячиха, 1 семья,
6. Душково, 4 семьи,
7. Калиниха, 2 семьи,
8. Климантино, 1 семья,
9. Муравьево, 2 семьи,
10. Петряйцево, 1 семья,
11. Поцеп, 3 семьи,
12. Терехово, 1 семья,
13. Шейно, 1 семья.

Таким образом, по сведениям земского начальника 7-го участка, за период с 1908 по 1913 годы из 13 карельских деревень Бокаревской волости вышли на отруба и хутора 26 семей или 5,2% от общего числа домохозяев. Сведений за 1914–1916 годы не имеется [40].

Выход домохозяев на хутора и отруба из Корельской Кошевской общины по годам:

1908 год – 2
1909 год –
1910 год – 4
1911 год – 1
1912 год – 8
1913 год – 11

За время проведения Столыпинской аграрной реформы из 13 деревень Корельской Кошевской сельской общины в Сибирь и за Урал не переселилось ни одной семьи.

Заключение

В 1915 году реализация аграрной реформы в Бежецком уезде Тверской губернии практически прекратилась из-за начала Первой мировой войны. Многие землемеры и члены уездных землеустроительных комиссий были призваны в армию. К тому времени число дел, подлежавших включению в план работ, был так велик, что они не могли быть исполнены оставшимися землемерами.

Из-за призыва в действующую армию крестьян-кормильцев оставшиеся члены семьи отказывались попусту тратить время на сходы. К тому же из-за невозможности включения в план разверстания на 1915 год многих дел подрывало доверие крестьян к землеустроительным комиссиям, у которых не было средств для выездов на место. Нечего было, и рассчитывать на получение ссуд для переселения на хутора или для покупки дополнительных участков земли, деньги шли на войну. Аграрная реформа захлебнулась.

Итоги и последствия аграрной реформы 1907–1915 годов обсуждали в своих работах дореволюционные, советские, постсоветские историки, но они до сих пор остаются предметом обсуждений и неоднозначных выводов. При изучении официальных документов того времени, архивных материалов о практике проведения реформы, можно сделать вывод, что насильственного разрушения сельской общины и выхода крестьян на отруба и хутора не предусматривалось. В своих циркулярах П.А. Столыпин неоднократно подчеркивал, что выход из общины – дело сугубо добровольное, и напоминал чиновникам о необходимости ненасильственного решения земельного вопроса.

П.А. Столыпин хотел идти по пути ликвидации в России нищеты, невежества, бесправия, для чего, по его утверждению, нужно было 20 лет без войн и революций. Результаты Столыпинской аграрной реформы советские исследователи и ряд постсоветских исследователей оценивали на основе данных о создании хуторов и отрубов. Это неправильный подход, ее нужно оценивать по изменению ситуации в деревне и стране. Рассчитанная на двадцать лет, Столыпинская реформа за семь лет, с 1907 по 1914 годы, дала ощутимые результаты развития крестьянских хозяйств.

Во время проведения аграрной реформы крестьяне получили землю в собственность, произошло полное освобождение их от чьей-либо кабалы. Результаты начала реформы сказались, перед первой мировой войной годовой сбор хлеба был доведен до 4 млрд пудов, Россия могла кормить своим хлебом Европу. В 1909–1913 годах общий объем производства зерна в России на одну треть превышал продукцию США, Канады и Аргентины, вместе взятых.

Во-первых, став полным собственником и хозяином участка земли, крестьяне начинали более бережно и активно заботиться о ней. Вносили больше удобрений, лучше обрабатывали ее, вели травосеяние, при возможности переходили на многополье. Как результат, перед первой

мировой войной Россия стала занимать ведущее место в мире по производству хлеба, продаже льна, успешно развивалось животноводство.

Во-вторых, изменился статус надельной земли, которая стала в полной собственности крестьянина. Он получил право на наследование своего участка земли, продажи его, передачи земли в залог в банк, и вести другие правовые операции. Одновременно сохранялись сельские общины, хотя они потеряли право на владение и распоряжение надельной землей. Но они по-прежнему владели общественными сенокосами, пастбищами, выгонами, лесом, неудобьями, улицами, прогонами и другой общественной землей.

Общины в деревне оставались, из них могли выйти желающие домохозяева, а остальные оставались в общине и вели свое хозяйство в традиционной форме. Переход крестьян с общинной надельной земли на частную подворную наследуемую землю не поменял задач сельских общин, лишь значительно облегчил их. Теперь они решали лишь задачи совместного владения и пользования общими участками земли: выгонами, неудобьями, участками леса, дорогами, улицами, прогонами и другими. Сельские общины, в которых не проводили переделов земли, в таком виде сохранялись вплоть до создания колхозов в 1930–1931 годах.

В-третьих, Столыпинская реформа опиралась на финансовую поддержку крестьянских хозяйств государством и банком в виде ссуды и на безвозмездной основе, что до этого не было. Государственной и банковской поддержкой до того могли пользоваться дворяне и коллективно сельские общины, но не отдельное крестьянское хозяйство. Хотя эта поддержка была в небольших объемах, но начало этому реформа положила. Финансовым инструментом был Крестьянский земельный банк, который перепродавал крестьянам помещичьи и государственные земли.

Советская власть разрушила общинный строй деревни и отняла у крестьян землю. Крестьянину не на что стало опираться, кроме своей семьи и приусадебного участка.

В постсоветский период крестьянину вернули права владения, пользования и распоряжения земельными участками. Он вправе продавать его, дарить, отдавать в залог или аренду и распоряжаться им иным образом. Собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, соблюдая строительные нормы и правила, а также требования о целевом назначении земельного участка.

После 1991 года попытались вернуть и сельскую общину, приняв положения о сельских сходах, старостах и другие. Но бесправные сельские общины не заработали, так как земельные участки общего пользования принадлежат уже не им, а государственным и муниципальным органам.

Через 100 лет со времени проведения аграрной реформы имя П.А. Столыпина зазвучало, как одного из столпов российской государственности. Опыт Столыпинской реформы доказал, что из любого кризиса можно выйти без революций и войн путем экономических преобразований. Не случайно, 27 декабря 2012 года перед Домом правительства Российской Федерации в Москве был открыт памятник П.А. Столыпину, как одному из символов российской государственности.

Крым, село Колоски – Тверь,
сентябрь 2020 года – апрель 2021 года

Список источников

1. Проведение Столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 годы). Документы и материалы. Петрозаводск, 2013. С. 21.
2. Избранные выступления П.А. Столыпина в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911 годы. М., 2012. С. 57–59.
3. Там же. С. 92–94.
4. Там же. С. 108–110.
5. Проведение Столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 годы). Документы и материалы. Петрозаводск, 2013. С. 82–89.
6. Там же. С. 102–141.
7. Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917 гг. М.: изд. «Просвещение, 1990. С. 353.
8. Проведение Столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 годы). Документы и материалы. Петрозаводск, 2013.
9. ГАТО, ф. 113, оп. 1, д. 9, л.д. 3–5.

10. Проведение Столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 годы). Документы и материалы. Петрозаводск, 2013. С. 229–232.
11. ГАТО, ф. 112, оп. 1, д. 347, л.д.1–8.
12. ГАТО, ф. 112, оп. 1, д. 605, л.д. 1–3.
13. ГАТО, ф. 112, оп. 1, д. 1359, л.д. 1–4.
14. Доклады Губернскому земскому собранию в 1913 году по агрономии. Тверь, 1913. С. 4, 8.
15. Проведение Столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906–1917 годы). Документы и материалы. Петрозаводск, 2013. С. 349–357, 368, 432.
16. Обзор Тверской губернии за 1913 год. Тверь, 1914. С. 1.
17. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 77, л.д. 16.
18. Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 247.
19. Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии. Тверь, 1911. С. 112, 114, 119.
20. Обзор Тверской области за 1908 год. Тверь, 1909. С. 74.
21. Обзор Тверской области за 1910 год. Тверь, 1911. С. 54.
22. Обзор Тверской области за 1913 год. Тверь, 1914. С. 52.
23. ГАТО, ф. 112, оп. 1, д. 15, л.д. 41–42, 56–57.
24. Обзор Тверской области за 1913 год. Тверь, 1914. С. 2, 5, 7, 52.
25. Обзор Тверской области за 1908 год. Тверь, 1909. С. 74.
26. Обзор Тверской области за 1909 год. Тверь, 1910. С. 56.
27. Обзор Тверской области за 1910 год. Тверь, 1911. С. 55.
28. Обзор Тверской области за 1911 год. Тверь, 1912. С. 55.
29. Обзор Тверской области за 1912 год. Тверь, 1913. С. 55.
30. Обзор Тверской губернии за 1913 год. Тверь, 1914. С. 5, 53, 56.
31. Обзор Тверской области за 1914 год. Тверь, 1915. С. 54.
32. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д.77, л.д. 20–23.
33. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 97, л.д. 23–24.
34. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 81, л.д. 4–5.
35. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 90, л.д. 3–4.
36. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 97, л.д. 30.
37. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 97, л.д. 1, 5–7, 23–24, 27.
38. ГАТО, ф. 113, оп. 1, д. 7, л.д. 20–21.
39. Из воспоминаний моей матери, записанных 24 октября 1997 года.
40. ГАТО, ф. 226, оп. 1, д. 114, л.д. 1–61.

Оглавление

Книга первая. Помнят стены монастыря 3

Введение 3

Глава I. Антониев монастырь в Бежецком Верхе.....6

Они оставили память о монастыре.....6

Из истории Бежецкого Верха (XII–XVI века)..... 12

Основание и обустройство Антониева монастыря (1461–1564 годы)..... 17

Владения монастыря и удельных князей к 1568 году..... 22

Церковь и опричнина при Иване Грозном..... 25

«Заговор» конюшего И.П. Федорова-Челяднина..... 29

Бежецкий погром (июнь – 6 июля 1568 года)..... 35

Синодик (поминальник) монастыря 39

Ослабление вотчинной системы землевладения (XVI век) 44

Глава II. Монастырь в период Смутного времени 50

Смутное время в истории России 50

Борьба народного ополчения с поляками (1608–1609 годы)..... 54

Монастырская вотчина во время польско-литовской интервенции (1605–1612 годы) 59

Дальнейшее опустошение земель казаками (1614–1618 годы) 66

Положение вотчинных и помещичьих крестьян (XVI–XVII века) 73

Глава III. Монастырь во время первых реформ Романовых 77

Церковные реформы Алексея Михайловича (1645–1676 годы) 77

Царские грамоты о жизни монастыря (1616–1684 годы) 82

Карелы на монастырских землях (1625–1678 годы) 87

Весьегонские карельские деревни 91

Судьба вотчинных земель Федорова-Челяднина (к 1710 году) 96

Монастырская вотчина во время реформ Петра I (1700–1725 годы) 104

Трагедии крестьян 110

Монастырские дела о спорах из-за земли 116

Монастырские дела по Корельско-Кошевскому приходу 121

Монастырь от Петра I до Екатерины II (1725–1762 годы) 126

Глава IV. Монастырь от Екатерины II до Николая II 135

Церковная реформа Екатерины II (1762–1796 годы) 135

Помещичьи крестьяне во времена Екатерины II 140

Образование уездов на территории Бежецкого Верха 144

Монастырские дела о наказаниях крестьян
и священников..... 151

Полный список церквей монастыря за 1798 год..... 153

Церковные реформы в XIX веке 163

Владения монастыря в 1869 году 169

Закрытие монастыря советской властью..... 173

Немые памятники истории 175

Заключение 182

Список источников..... 185

Книга вторая. Владельцы мызы Подобино..... 191

Введение 191

Глава I. Реформы императора Александра II..... 197

Подготовка к проведению крестьянской реформы 197

Крестьянская реформа в России 1861 года 208

«Тверское дело» 218

Выкупные операции в отношении крестьян 226

Система сельского самоуправления 238

Государственный контроль над ходом крестьянской реформы ... 249

Положение о губернских и уездных земских учреждениях ... 258

Судебная власть в системе местного самоуправления ... 267

Обсуждение финансовой реформы в Тверском земстве ... 277

Глава II. Реформы в отношении удельных крестьян ... 281

Дворцовые крестьяне ... 281

Удельные крестьяне ... 287

Дела Чамеровского сельского приказа ... 298

Реформа 1863 года в отношении удельных крестьян ... 306

Удельные тверские карелы в период реформы ... 314

Глава III. Русские и карелы рядом ... 321

Проведение крестьянской реформы в Бежецком уезде ... 321

Земская реформа в Бежецком уезде ... 335

Бокаревская волость Бежецкого уезда ... 347

Карельские деревни Бокаревской волости ... 355

Соседние русские имения и деревни ... 362

Народное образование в Бокаревской волости ... 370

Казенные, земские и мирские повинности крестьян ... 382

Дела Бокаревского волостного суда в 1893 году ... 390

Глава IV. Владельцы мызы Подобино 396

Усадьба Неведомских в Подобино 396

Дети Николая Васильевича
и Анны Андреевны Неведомских 404

Внуки Николая Васильевича
и Анны Андреевны Неведомских 409

Мировой посредник 3-го участка А.Н. Неведомский 415

Оппонент мирового посредника А.Н. Неведомского 422

Председатель земской управы К.Н. Неведомский 426

Земский начальник 7-го участка князь А.И. Хилков 438

Дальнейшая судьба мызы Подобино 446

Остались лишь воспоминания 452

Не забывать уроков прошлого 458

Заключение 466

Список источников 472

Книга третья. Незавершенная реформа 481

Введение 481

Обоснование необходимости аграрной реформы 484

Законодательная база аграрной реформы 487

Изменение статуса надельной земли 496

Участие земства в проведении аграрной реформы..... 503

Проведение реформы в Бежецком уезде Тверской губернии..... 510

Роль Крестьянского банка в проведении реформы 515

Аграрная реформа в карельской деревне 518

Заключение 525

Список источников..... 528

Анатолий Головкин

Собрание сочинений

Том III

Помнят стены монастыря

Владельцы мызы Подобино

Незавершенная реформа

ООО «Издательство «Триада». ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 514, тел.: +7-915-730-10-37, +7-910-647-49-85
E-mail: triadatver@yandex.ru http://www.triada.tver.ru

Подписано к печати 14.11.24. Формат 60×90 1/16, обрезной.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,5. Тираж 50 экз. 12+.

Заказ № 210309

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, к. 5. Тел. 8 (499) 322-38-30.

В третий том собрания сочинений автора вошли книги «Помнят стены монастыря», «Владельцы мызы Подобино» и «Незавершенная реформа».

В книге «Помнят стены монастыря» автор на основании архивных документов повествует об истории Николаевского Антониева монастыря, начиная с его основания в 1461 году, о положении монастырских, помещичьих и дворцовых крестьян. На примере вотчины И.П. Федорова-Челяднина рассказывает о дальнейшей судьбе вотчинных земель, переведенных при Иване Грозном в опричнину.

Внимание автора, знакомящего читателей с историей тверских карел, обращено на период XVI–XVIII веков, когда в обезлюдевшие деревни Бежецкого Верха из Приладожья переселялись карелы.

Книга «Владельцы мызы Подобино» – это краткий исторический очерк о проведении во второй половине XIX века крестьянской, земской, судебной, финансовой и образовательной реформ, утвержденных указами императора Александра II, на примере Бежецкого уезда Тверской губернии. В их числе была проведена реформа от 26 июня 1863 года в отношении удельных крестьян, к которым относилось большинство тверских карел.

Книга «Незавершенная реформа» посвящена проведению аграрной Столыпинской реформы в Бежецком уезде Тверской губернии в период с 1907-го по 1914 год.

9 785605 276715